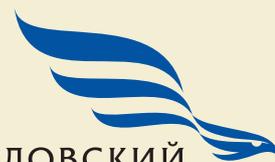

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ: ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

Сборник научных трудов
VIII Международной
научно-практической конференции
10–11 октября 2024 года, г. Орёл

ОРЛОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени И.С. Тургенева

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.С. ТУРГЕНЕВА»

Институт иностранных языков

**ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ:
ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ**

Сборник научных трудов
VIII Международной научно-практической конференции
10–11 октября 2024 года, г. Орёл

ОГУ имени И.С. Тургенева
Орёл 2024

УДК 811.15 (08)
ББК 81.2
Я 41

Рецензенты:

Полубиченко Л.В.,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка для естественных факультетов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Шашкова В.Н.,

кандидат филологических наук, доцент, профессор Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

Я 41 **Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение.** Сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции (10–11 октября 2024 г., г. Орёл, ОГУ имени И.С. Тургенева). – Орёл, ОГУ имени И.С. Тургенева, ООО «Модуль-К», 2024, 353 с.

ISBN 978-5-905029-94-3

Сборник научных трудов отечественных и зарубежных ученых посвящен актуальным проблемам лингвистики в аспекте взаимосвязи языка, культуры, коммуникации, проблемам обучения иностранному языку и переводу, проблемам когнитивной, коммуникации и анализа дискурса.

Издание адресовано лингвистам, филологам, специалистам в области методики, перевода, межкультурной коммуникации, студентам, магистрантам, аспирантам, всем, кто интересуется проблемами языка, культуры, коммуникации в их взаимодействии.

Статьи публикуются в авторской редакции.

**УДК 811.15 (08)
ББК 81.2**

ISBN 978-5-905029-94-3

© Коллектив авторов, 2024
© ОГУ имени И.С. Тургенева, 2024

Редакционная коллегия:

- Якушев Максим Валерьевич – директор Института иностранных языков,
кандидат педагогических наук, доцент
- Абакумова Ольга Борисовна – профессор кафедры английской филологии,
доктор филологических наук, доцент
- Бакина Анна Дмитриевна – заведующий кафедрой английской филологии,
доктор филологических наук, доцент
- Иванова Оксана Юрьевна – заведующий кафедрой иностранных языков,
кандидат педагогических наук, доцент
- Клочков Алексей Валерьевич – заведующий кафедрой немецкого языка,
кандидат филологических наук, доцент
- Ретинская Татьяна Ивановна – заведующий кафедрой романской филологии,
доктор филологических наук, доцент
- Макарова Наталья Анатольевна – заведующий кафедрой иностранных языков
сфере в профессиональной коммуникации,
кандидат филологических наук, доцент
- Щекотихина Ирина Николаевна – заведующий кафедрой английского языка,
кандидат филологических наук, доцент
- Калашникова Лариса Валентиновна – профессор кафедры английского языка,
доктор филологических наук, профессор
- Новикова Татьяна Васильевна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Александрова Анжелика Паруйровна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Иванишин Дмитрий Александрович – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Яковлева Юлия Михайловна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат педагогических наук, доцент
- Тимошенко Ирина Владимировна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук
- Кирюхина Надежда Владимировна – ассистент кафедры английской филологии
- Дормидонтова Екатерина Валерьевна – специалист по учебно-методической
работе

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ, ПЕРЕВОДА, КУЛЬТУРЫ, КОММУНИКАЦИИ	8
Абакумова О.Б. Контраст и сравнение в пословицах о времени (на материале русских пословиц о времени и возрасте).....	8
Бакина А.Д. Интеграция исследовательских подходов к системному анализу библейской фразеологии.....	13
Боева-Омелечко Н.Б. Дискурсивная карта произведений М. Р. Джеймса	22
Бриз Эндрю Чарльз Greek Syle ‘Plunder’ and the Place-Name Scilly.....	27
Иванова С.В. Типология межкультурного взаимодействия в знаках культурно-языкового ландшафта Петербурга	33
Карасик В.И. Отклонение от аналогии как принцип языковой семиотики.....	37
Ковшова М.Л. Деривация идиом как системно-языковое и дискурсивное явление: <i>на сто процентов</i>	43
Левицкий А.Э. Возможный мир и мир возможного: перспективы лингвистического анализа	51
Минченков А.Г. К вопросу о значении в процессе перевода	54
Нефедова Л.А. Ключевые понятия современных гендерных исследований и их репрезентация в английском, немецком и русском языках	59
Огольцева Е.В. Образный потенциал существительных с собирательным значением .64	
Орлова О.С. Универсальное и культурно-специфическое в непрямых номинациях русского и англоязычного интернет-пространства.....	71
Петрова О.В. Так что же такое переводческие трансформации?.....	82
Савицкий В.М. Первичный код и вторичные коды этноязыка.....	86
Юдкин-Рипун И.Н. Многозначность меронимии как источник многомерности повествования в русской прозе середины XX в.	91
НАУКА МОЛОДЫХ	101
Ададунов А.А. Специфика перевода топонимов.....	101
Барбанова Н.Ю. Прагматика перевода библеизмов в художественном дискурсе.....	105
Белякова П.В. Лингвокультурный типаж «Английский джентльмен»	112
Вишневская П.М. Моделирование лингвокультурного типажа «Английская леди» и его репрезентация в английской лингвокультуре	115
Горюнова М.И. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в лингвокультурологическом аспекте	120
Журавлев Д.М. Лингвостилистические приемы языкового манипулирования (на материале российских и английских СМИ)	126

Ильюхина А.И., Шишкова Н.В. Фразеологические единицы в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и их соответствия в переводе на английский язык	131
Мартынова М.А., Бакина А.Д. Функционирование библеизмов в текстах современного дискурса	135
Рыбакина В.С. Стилистические особенности перевода предлогов места <i>À / DANS / EN</i> во французском языке	141
Рыжкова Е.О. К вопросу об этимологии слова «невеста»	144
Сидорова П.С. Роль коммуникативной компетентности в общении. Факторы развития проблемы реализации коммуникативной компетентности	148
Фирсов О.А., Иванишин Д.А. Автоматизация перевода технических текстов: вызовы и перспективы нейросетевых технологий	152
Цуканов М.В. Числовой код лингвокультуры и концепт числа в русской и английской паремиологической картине мира	158
Шаненкова М.М., Калашникова Л.В. Использование песен на уроке английского языка как одно из средств повышения эффективности образовательного процесса	163
СЕКЦИЯ 1: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ	167
Бабаева Р.И. Влияние цифровизации на антропонимический код культуры немецкоязычного этноса	167
Говенько А.М. Метафорическое моделирование действительности как одно из средств эффективного вербального воздействия на аудиторию.....	170
Золотых Л.Г., Каленова Н.А. Особенности лексикографической и смысловой репрезентации когнитивного варьирования медикаментозной анестезии vs эйфории .	173
Коростенски Й. Основные принципы концептуализации (в сопоставлении с чешским языком)	178
Мартынова Е.М. Коммуникативный маскарад: камуфляж и мимикрия.....	183
Олонцев А.А. Микродиахроническое корпусное исследование динамики семантических изменений русского наречия «заботливо» (конец XVIII–начало XXI вв.)	187
Тисленкова И.А. Языковые способы выражения коммуникативной демонстративности в личностно - ориентированном дискурсе.....	192
Щекотихина И.Н., Полухин Р.Г. Эволюция английского стихосложения	196
СЕКЦИЯ 2: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ	201
Ильминская В.И. Пословицы в творчестве Джона Р.Р. Толкина и их киноадаптация	201
Карпенко Е.И., Фролова М.Д. О модификациях библейских паремий.....	205
Кирюхина Н.В. Трансформационные приёмы в русских и английских антипословицах	209
Колесникова А.В. Лингвистический статус пословицы в немецком и японском языке	212

Сачиви Родольфо Акует Способы перевода фразеологизмов и пословиц с африканских языков Бенина на русский	216
Харченко В.А. Специфика семантики и особенности функционирования библеизмов в английском и русском языках.....	219
Шарафутдинова Н.С., Васильева С.В. Семантика фразеологизмов о здоровье в русской языковой культуре.....	226
СЕКЦИЯ 3: ПЕРЕВОД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ	232
Аксенчикова-Бирюкова А.А. О некоторых особенностях образа внутренних помещений в оригинальных стихотворениях Ли Цинчжао и переводах на русский язык	232
Анишева А.Р., Козельская Е.А. О переводе региональных медийных текстов с французского языка на русский (на примере корсиканских СМИ)	235
Ляшук А.Р. К вопросу о машинном переводе безэквивалентной отраслевой терминологии.....	240
Прагья Мишра Стратегия перевода произведения И. А. Бунина на хинди.....	243
Скрипкина Г.В., Чулкова В.Е. Особенности перевода фразеологических единиц с национально-культурной спецификой	247
Цуканова Е.М., Кузьмина П.Н. Имена собственные в создании портрета русского крестьянина в сборнике рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника» и их перевод на немецкий язык А.С. Элиасбергом.....	254
СЕКЦИЯ 4: ДИСКУРС И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ	259
Боева Г.Н. Курс истории литературы и искусства в дискурсе о телесности	259
Ефимова Т.Г. Средства связи в сложноподчинённых предложениях изъяснительного типа в романе И. С. Тургенева «Накануне»	262
Шетэля Виктор Комментарии к слову <i>мальпост</i> в стихотворной строке Бориса Пастернака	265
Калашникова Л.В. Исследование концептуальных метафорических моделей на уровне микросистемы как способа отражения индивидуально-авторского осмысления и виртуализации действительности	268
Мещерякова О.А. О некоторых семантических особенностях цветообозначений в дискурсе русской волшебной сказки	275
СЕКЦИЯ 5: ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПОДХОДЫ, ПРОЕКТЫ, РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ	280
Бирюкова И.А. Теории мотивации. К истории вопроса.....	280
Бондарева Н.А., Кондратьева В.Н. Особенности интеграции средств массовой информации и цифровых медиа в современный образовательный процесс.....	284
Борискина О.В. Применение сюжетно-ролевых игр для формирования иноязычной коммуникативной компетенции	291

Еськина О.А. Информационно-коммуникационные технологии в процессе индивидуализации обучения иностранному языку курсантов технического вуза	297
Макарова Е.Л. Оптимизация самостоятельной деятельности студентов при работе над индивидуальным чтением	302
Моргун Н.Л. Анализ метадискурсивности в работах молодых ученых-биологов: корпусный подход	304
Терновых Т.Ю., Федорова Е.А. Барьеры в иноязычном говорении и возможности их преодоления в процессе обучения иностранным языкам	309
Титова Г.А. Беглость речи на иностранном языке и ее параметры в свете современных исследований	313
Шульдешова Н.В. Интернет в обучении иностранному языку и иностранной специализированной терминологии	317
Яковлева Ю.М., Призенко Д.М. Интегрированное предметно-языковое обучение английскому языку и финансовой грамотности в школе: инновационные подходы и практики	322
СЕКЦИЯ 6: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СМИ И ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ	327
Авилова А.А. Лексический состав и стилистические фигуры социолекта немецкого блогера	327
Азарова И.В. Язык вражды в интернет комментариях в контексте межкультурной коммуникации	331
Аляева Л.С. Коммуникативная тактика отождествления в российских интервью представительниц шоу-бизнеса	335
Долгова Е.В., Кравцова А.А. Синтаксические средства речевого манипулирования в медийном дискурсе	339
Кононова М.В., Иванишин Д.А. Прагматико-грамматические средства речевого воздействия в английском языке (на примере предвыборных слоганов США)	342
Филичкина Т.П. Субъективная модальность фразеологизмов в англоязычном медийном дискурсе	349

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ, ПЕРЕВОДА, КУЛЬТУРЫ, КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'372

Контраст и сравнение в пословицах о времени (на материале русских пословиц о времени и возрасте)

Ольга Борисовна Абакумова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, профессор кафедры английской филологии, доктор филологических наук, доцент, Орел, Россия, abakumova-ob@mail.ru

Аннотация Статья посвящена проблемам анализа и описания средств выражения контраста и эксплицитных и имплицитных разновидностей устойчивых сравнений в семантике и структуре русских пословиц о времени и возрасте.

Ключевые слова: пословицы, устойчивые сравнения, контраст, русский язык, время и возраст.

Contrast and comparison in proverbs about time (based on the data of Russian proverbs of time and age)

Olga B. Abakumova

Orel State University named after I.S. Turgenev, Professor of the Department of English Philology, Dr. Philol. Sc., docent, abakumova-ob@mail.ru

Abstract The paper covers the problems of analysis and description of expressive means of contrast as well as explicit and implicit comparisons in semantics and structure of Russian proverbs of time and age.

Key words: proverbs, fixed comparisons, contrast, Russian language, time and age.

Строение пословицы, по мнению многих исследователей паремиологического уровня языка, очень часто имеет двухчастную структуру. Это объясняется особенностями их содержания: взаимосвязи и взаимоотношения между разными явлениями пословицы выражают наглядно как отношения между двумя конкретными предметами, образами или явлениями [Лазутин 1990, с. 71].

Общепризнано также и то, что компоненты двучленных по структуре пословиц чаще всего связаны между собой отношениями сходства или противоположности, поэтому наиболее распространенными изобразительно-выразительными средствами являются *сравнение* и *противопоставление* (контраст, антитеза) [Бочина 2023, с. 117].

Бинарность пословицы на разных уровнях (на ритмико-фонологическом, синтактико-грамматическом и семантическом) показана в статье Греймаса [Greimas 1970], а Матти Кууси применяет систему бинарных оппозиций для построения международной классификации пословиц, полагая, что каждую пословицу можно интерпретировать как выбор между двумя альтернативами [Кууси 1978, с. 56].

З.К. Тарланов [Тарланов 1999, с. 414] считает антитезу, контраст универсальным поэтическим принципом и средством пословичного жанра.

Всемирно известный автор логико-семиотической классификации пословиц Г.Л. Пермяков писал: «Подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является

не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некоторая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов» [Пермяков 1988, с.107].

Мы определяем пословицу как самый сложный языковой знак гибридного типа, фразеологизм со структурой предложения и текстовыми характеристиками, с обобщенным провербиальным значением, в большинстве своем образно/метафорически мотивированный, имеющий ритмическую организацию и функционирующий в тексте/дискурсе как косвенный речевой акт [Абакумова, 2022].

Целью данной статьи является анализ структуры русских пословиц о времени и возрасте по материалам словаря В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной «Народная мудрость» [Мокиенко, Никитина 2011] с точки зрения использования в них устойчивых сравнений и средств контраста с применением к их обобщенной семантике семантического падежа «квалитатив».

Рассмотрим сначала примеры устойчивых сравнений.

1. Эксплицитные устойчивые сравнения:

1.1. Сравнительный оборот вводится союзами *что* и *как*:

Старика учить, что мертвого лечить (квалитатив упрямства, несговорчивости, личного опыта);

Старый что малый, а малый что глупый (квалитатив недостатка интеллекта);

Молодость без любви как утро без солнца (квалитатив романтизма, эмоциональности);

Как пели старики, так щебечут и молодые (квалитатив связи поколений);

Пора что железю: куй, поколе кипит (квалитатив скорости, своевременности принятия решений);

Пора что туча: и набезжит, и пробезжит, и опять найдет (квалитатив цикличности времени);

1.2. Сравнительный оборот содержит сравнительную степень прилагательного или наречия

У старого человека глаз тусклее, да совесть светлее (квалитатив нравственности/мудрости);

Что старее, то глупее (квалитатив увядания когнитивных способностей);

Что старее, то правее, а что моложе, то дороже (квалитатив мудрости, опыта/ценности, надежды);

Пора да время дороже золота (квалитатив высокой ценности);

1.2.1. Сравнительный оборот вводится кратким прилагательным или сравнительной степенью прилагательного или наречия *лучше*:

Лучше поздно, чем никогда (квалитатив активного действия);

И молод да хил, и стар да дюж (квалитатив здоровья/нездоровья);

И стар, да весел, и молод, да угрюм (квалитатив веселья/грусти);

И стар, да петух, и молод, да протух (квалитатив энергичности, активности/пассивности);

Мал, да умён, стар, да глуп (квалитатив разума, интеллекта);

Время дороже денег (квалитатив высокой ценности);

2. Отрицательное сравнение

Не гребень голову чешет, а время (квалитатив возраста);

Не летами – велик делами человек (квалитатив высокой ценности);

Молодость не на грех, а старость не на смех (квалитатив мудрости, разумного поведения);

Не старость калечит – горе (квалитатив несчастья, внешних обстоятельств);

Время – не деньги: потеряешь – не вернёшь (квалитатив высшей ценности);
Век пережить – не поле переехать (квалитатив высокой сложности и больших усилий).

3. Имплицитные сравнения

3.1. Персонификация

Молодость ушла – не простилась, а старость пришла – не спросилась (квалитатив сменяемости молодости и периодов жизни человека);

Молодость рыщет – от добра добра ищет (квалитатив множественности желаний, максимализма, практичности);

Молодость плечами крепка, а старость головою (квалитатив силы/ опыта);

Время – лучший лекарь (квалитатив обновления, возрождения);

Время – лучший советник (квалитатив мудрости);

Время всему научит (квалитатив знаний, опыта);

Время всё покажет (квалитатив справедливости);

Время не ждёт (квалитатив скорости, неподвластности воле человека);

День сегодняшний – ученик вчерашний (квалитатив взаимосвязанности, взаимозависимости прошлого и настоящего);

Завтра – вор авоська: обманет, в лес уйдёт (квалитатив непредсказуемости, обманчивости, несбыточности планов и ожиданий);

Юность скачет, старость плачет – (квалитатив физических возможностей).

3.2. Реификация (опредмечивание)

Время – деньги (квалитатив ценности);

Время не воротитшь (квалитатив принадлежности судьбе, внешним силам, обстоятельствам);

От поры до поры – все топоры, а пришла пора – нет топора (квалитатив активности, деятельности/бездеятельности);

По пору кувшин по воду ходил (пока не случилось беды) - (квалитатив наличия нормальной физической способности, возможности);

Завтраками сыт не будешь (квалитатив эфемерности обещаний);

До поры и вёдра воду носят (пока не рассыплются) (квалитатив характерного признака, возможности).

Как видно из примеров, многие сравнительные обороты уже включены в отношения противопоставления и контраста. Рассмотрим теперь средства выражения контраста в паремиях выбранной тематической группы.

Средства выражения контраста в пословицах о времени и возрасте

Для создания изобразительного контраста в пословицах используются единицы всех языковых уровней: фонемного, морфемного, лексического, синтаксического. Основным средством выражения контраста являются лексические оппозиции. Т.Г. Бочина полагает, что эти средства организованы по принципу поля, в центре которого находятся узуальные средства выражения противоположности, а на периферии – ассоциативные противопоставления несистемного характера [Бочина 2023, с. 117].

Ядро поля образуют стандартные, относительно стабильные и регулярно воспроизводимые для передачи противоположных отношений:

1) разнокоренные антонимы (*Молодость летает вольной птичкой, а старость ползает черепашкой* – квалитатив особенностей возраста/ легкости/тяжести передвижения; *Юность легкомысленна, старость осторожна* – квалитатив легкомысленности/осторожности);

2) словообразовательные антонимы (*Молодо не созрело, старо переспело* - квалитатив недостатка признака; *Старо упрямо, несдружливо, молодо – гулливо, незаботливо* – квалитатив упрямства, недружелюбия/ веселья, беззаботности);

3) конверсивы (*Была пора, так не было ума, а пора ушла, и ум пришёл* - квалитатив несоответствия, обратной зависимости возраста и знаний, когнитивных способностей; *Ушла молодость, покатила, да назад не воротилась* – квалитатив физического увядания/невозвратности прошлого физического состояния);

4) оппозиции положительного и отрицательного глаголов (*Молод был, умным слыл, постарел, поглупел* – квалитатив потери умственных способностей с возрастом).

В центре поля располагаются ассиметричные в каком-либо отношении оппозиции:

а) семантически неоднородные: *Щеголять смолоду – под старость умирать с голоду* (квалитатив беспечности, расточительности, безответственности молодости);

б) грамматически неоднородные: *У молодых – дерзание, у стариков – опыт* (квалитатив дерзания/опыта);

в) стилистически неоднородные: *Одно нынче лучше двух завтра* (квалитатив своевременности);

г) согипонимы: *Молодой - на службу, старый – на совет* (квалитатив применимости, социального статуса);

д) партитивы: *Вчера Макар гряды копал, а нынче Макар воеводой стал* (квалитатив повышения статуса).

На периферии поля средств выражения контраста располагаются ассоциативные оппозиции несистемного характера:

а) традиционные рифмопары: *В молодости – смех, а в старости – грех* (квалитатив соответствующего поведения);

б) коннотативные антонимы: *Сегодня ведро, завтра ненастье* (квалитатив непостоянства, переменчивости);

в) оппозиции квазипартитивов: *И в новом платье, да в старом разуме* (квалитатив отсутствия интеллекта).

Исследователи русских пословиц отмечают в них наличие сложной системы стилистических приёмов контраста. Наиболее известным, изученным и характерным приемом синтагматической аранжировки контраста является **антитеза**, которую исследователь Новиков определяет как «приём противопоставления контрастных по своему характеру словесных образов, раскрывающих противоречивую сущность обозначаемого, несовместимость различных сторон предмета, явления или самих предметов и явлений» [Новиков 1988, с.24]: *И стар, да нетух, а и молод, да протух* (квалитатив активной деятельности).

Следующим приемом контраста можно считать **дизъюнктезу**, такого приема описания ситуации, который позволяет «достигнуть предельной поляризации ситуации и прийти в соответствие с законом исключенного третьего» [Арутюнова 1999, с.250]: *Либо млад, либо стар* (квалитатив фиксации возраста); *Под старость человек либо умней, либо глупей бывает* (квалитатив индивидуальных особенностей).

Этот прием представлен небольшим количеством примеров в данной тематической группе пословиц.

Еще один прием контраста, распространенный в паремиологическом фонде русского языка, имеет вид **общей формулы предпочтения**:

Лучше служить старому, чем малому (квалитатив опыта); *Лучше век терпеть, чем вдруг умереть* (квалитатив любви к жизни); *Лучше старик семерых молодых* (квалитатив знаний, умений, опыта, мудрости).

Следующий приём выражения контраста, основанный на взаимоисключающей полярности утверждения и отрицания, – это **приём акротезы**. Он «заключается в актуализации утверждения одного из предметов (признаков, явлений) действительности путём отрицания его альтернативы» [Бочина 2023, с.121]. Наш материал содержит много примеров пословиц, образованных по этой модели: *Не годами старость красна, а делами* (квалитатив достижений); *Не годы белят – горе* (квалитатив негативного опыта); *Не годы старят, а заботы* (квалитатив многозадачности); *Не тот живет больше, чей век дольше* (квалитатив известности); *Не догонишь и конем, коль опоздаешь одним днем* (квалитатив скорости, своевременности); *Не срывай яблока, пока не созрело: время придёт – само упадёт* (квалитатив своевременности) и др.

Еще один приём выражения контраста – приём **амфитезы**, который включает утверждение обеих противоположностей, и тогда явление охватывается полностью [ВСА 427]: *И долго спал, да в пору встал, и долго копал, да в пору попал* (квалитатив своевременности, удачливости); *Уважай и старого, и малого* (квалитатив уважительного отношения); *Что старый, что малый – ровня* (квалитатив равенства).

Оксюморон – стилистический приём синтеза противоположностей, осуществляется путем сочетания противоположных по значению слов. В отличие от антитезы, в оксюморе контрастные сущности объединены в единое целое: *И молод, да хил, и стар, да дюж* (квалитатив индивидуальных качеств); *Мал, да умён, стар, да глуп* (квалитатив индивидуальных качеств).

Следующим приёмом выражения контраста является **диатеза**, приём утверждения среднего признака путем отрицания противоположных признаков [ВСА. 429]. Наш материал выявил следующие примеры: *Ни смолоду молодец, ни под старость старик* (квалитатив безликости); *Ни начала, ни конца, ходи как вокруг кольца* (квалитатив цикличности времени).

Завершает ряд приемов выражения контраста **ирония**. Её назначение – имплицитное выражение насмешки. Наш материал позволил выявить следующие примеры: *Ври сегодня, покидай и на завтра* (квалитатив нечестности); *Лошадь еще молодая: первая голова на плечах и шкура не перелицована* (квалитатив возраста); *Бабка с кашкой, а дед с ложкой* (квалитатив распределения обязанностей).

В заключение можно сказать, что пословица как популярная форма описания и освоения мира, окружающего человека, обладает тройственной природой: с одной стороны, логической основой и четким построением фразы, с другой стороны, метафорической мотивированностью и образностью, которая повышает ее экспрессивность, эмоциональность и оценочность, привлекает внимание слушающих и заставляет воспринимать говорящего как своего человека, а с третьей – пословица как коммуникативный фразеологизм обладает разными прагматическими функциями, ведущей из которых является дидактическая, регулятивная, поэтому она оказывает нужное воздействие на слушающего как прямой или косвенный речевой акт и часто манипулирует сознанием адресата, заставляя его изменить свое представление о человеке и/или ситуации и поступить определенным образом, на что намекает адресант, использующий пословицу в бытовом общении.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословицы и антипословицы как средства выражения оценки и динамика системы ценностей лингвокультуры // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник науч.трудов. Орел: ОГУ, Изд-во «Каптуш», 2022. С. 10-17.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

3. Бочина Т.Г. Пословица на все века молвится. Избранные труды по русской паремиологии. Казань: Изд-во Казанского университета, 2023. 286 с.
4. ВСА – Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-н/Д: Феникс, 1995. 543 с.
5. Кууси М. К вопросу о международной системе пословичных типов// Паремиологический сборник. М.: Наука, 1978. С.53-81.
6. Лазутин С.Г. Русские народные лирические песни, частушки и пословицы. М.:Высшая школа, 1990. 240 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. Русские пословицы. М.: ЗАО «ОЛМА МедиаГрупп», 2011. 416 с.
8. Новиков Л.А. Русская антонимия и её лексикографическое описание// Словарь антонимов русского языка. Под ред М.Р. Львова. М.: Русский язык, 1988. С.5-31.
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.:Наука, 1988. 235 с.
10. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999. 448 с.
11. Greimas A.J. Les proverbs et les dictionnaires// Du Sens/ Essais semiotiques. Paris, 1970. P. 309-314.

Сведения об авторе:

Абакумова Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия, abakumova-ob@mail.ru

Abakumova Olga B., Doctor of Philology, Professor of English Philology Chair, Orel State University named after Turgenev, Oryol, Russia, abakumova-ob@mail.ru

УДК 81'373

Интеграция исследовательских подходов к системному анализу библейской фразеологии

Анна Дмитриевна Бакина

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, доктор филологических наук, Орёл, Россия, heart-anna@yandex.ru

Аннотация. В статье аргументируется необходимость применения интегративного подхода к системному анализу и описанию библейской фразеологии германских языков. Актуальность исследования обуславливается, с одной стороны, недостаточной изученностью и спорадичной разработанностью проблем структуры, варьирования, семантики и специфики функционирования фразеологии библейского происхождения, с другой – неугасаемым интересом к библейским устойчивым единицам, репрезентирующим особый пласт фразеологии с точки зрения их генезиса, а также в аспектах их повсеместной распространенности и воспроизводимости в разных типах дискурса, т.е. ее интертекстуальности и вариативности. На основании проведенного комплексного исследования выстраивается теория интегративного описания библейской фразеологии английского и немецкого языков, которая систематизирует все отрывочные представления об объекте исследования, его структуре, специфике его семантики и прагматики во вторичных контекстах, его отношениях с текстом-источником и текстом-

донором, его функциях. В данном исследовании фразеологизмы библейской этимологии изучаются как отдельная подсистема фразеологии, вмещающая пласт устойчивых, переосмысленных единиц, различающихся по своему лингвистическому статусу, структурным типам и семантическим свойствам.

Ключевые слова: интеграция, интегративность, интегративный подход, структурно-семантический подход, лингвокогнитивный подход, функциональный подход, вариантность, системность, интертекстуальность, прецедентность, библейская фразеология, германские языки.

Integration of research approaches to the systemic analysis of biblical phraseology

Anna D. Bakina

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Associate Professor, Head of the Chair of English Philology, Doctor of Philology, Oryol, Russia, heart-anna@yandex.ru

Abstract. The paper argues the necessity of applying an integrative approach to the systematic analysis and description of biblical phraseology of Germanic languages. The relevance of the study is conditioned, on the one hand, by the insufficient study and sporadic development of the problems of structure, variation, semantics and specificity of functioning of phraseology of biblical origin, on the other hand, by the undying interest in biblical stable units representing a special layer of phraseology from the point of view of their genesis, as well as in the aspects of their ubiquity and reproducibility in different types of discourse, i.e. its intertextuality and variation. On the basis of the conducted complex research, a theory of integrative description of biblical phraseology of English and German languages is built up, which systematises all the fragmentary ideas about the object of research, its structure, the specificity of its semantics and pragmatics in secondary contexts, its relations with the source and donor texts, and its functions. In this study, phraseological phrases of biblical etymology are identified as a separate subsystem of phraseology, containing a layer of stable, reinterpreted units that differ in their linguistic status, structural types and semantic properties.

Keywords: integration, integrativity, integrative approach, structural-semantic approach, linguocognitive approach, functional approach, variability, systematicity, intertextuality, precedence, biblical phraseology, Germanic languages.

Введение

Интегративное исследование фразеологизмов библейского происхождения германских языков представляет собой одну из наиболее приоритетных возможностей описания библейской фразеологии, которая позволяет связать воедино множество ракурсов ее рассмотрения и включает в себя целый спектр выделяемых аспектов фразеологии изучаемого типа при холистическом взгляде на нее. Положенная в основу интегративного исследования антропоцентрическая парадигма научного знания, занимая главное место как в лингвистике, так и в других гуманитарных науках, характеризуется междисциплинарным подходом к обработке, анализу и описанию эмпирических данных [Галич 2019, с. 299]. Придя на смену системно-структурной парадигме, антропоцентрическая макропарадигма лингвистического научного знания [Воркачев 2001, с. 64-72] включает две парадигмы, а именно: когнитивно-дискурсивную и коммуникативно-прагматическую, которые, в свою очередь, инкорпорируют лингвокогнитивный [Бакина 2023б], структурно-семантический, функциональный, текстовый, интертекстуальный [Бакина 2022а], прагматический подходы, применяемые к изучению библейской фразеологии английского языка. Интеграция существующих подходов, комплексность используемых методологических процедур обусловили

необходимость выведения системного исследования библейской фразеологии на полипарадигмальный уровень [Бакина 2023а].

Понимание интегративности

Интегративность понимается нами в широком смысле, а значит, она определяется и как полиаспектность, и как целостность изучения библейской фразеологии, и как пересечение исследовательских парадигм, позволяющих обширно и наиболее объективно исследовать феномен библейской фразеологии германских языков [Поликарпов 2017, с. 5-17]. Интегративное описание библейской фразеологии представляет собой многоступенчатое исследование с применением ряда наиболее перспективных и актуальных подходов с последующим получением качественно нового знания об объекте исследования.

До сих пор системного исследования и описания специфики структуры, семантики и функционирования библейских фразеологизмов английского и немецкого языков с позиции интегративного подхода, декларирующего полидисциплинарность и холизм как маркеры современной лингвистики, не проводилось. На основании комплексного исследования выстраивается теория интегративного описания библейской фразеологии германских языков, которая систематизирует все отрывочные представления об объекте исследования, его структурных типах, специфике его семантики и прагматики во вторичных контекстах, его отношениях с текстом-источником и текстом-донором, его функциях.

Интегративность исследования библейской фразеологии обеспечивается обращением к идеям и теориям отечественных и зарубежных ученых в следующих областях: *общей фразеологии* (Н. Ф. Алефиренко, Д. О. Добровольский, В. П. Жуков, А. В. Жуков, И. В. Зыкова, Е. В. Иванова, В. И. Карасик, М. Л. Ковшова, Г. И. Краморенко, А. В. Кунин, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, А. Начисчионе, В. М. Савицкий, Л. П. Смит, Т. Н. Федуленикова, И. И. Чернышева, Н. Burger, A. Cowie, V. C. Cronk, D. Crystal, W. Fleischer, Ch. J. Fillmore, R. W. Gibbs, W. McMordie, J. Seidl, H. Walter и др.); *библейской фразеологии* (Д. Балакова, Е. Н. Бетехтина, А. К. Бирих, В. Г. Гак, К. Н. Дубровина, А. О. Жолобова, Е. В. Каминская, В. А. Мендельсон, В. М. Мокиенко, А. П. Корнеева, С. Оноприенко, Е. С. Семенова, Л. И. Степанова, Е. В. Реунова, И. С. Хостай, S. Fiedler, H. Fisch, D. L. Jeffrey, S. Marx, W. Mieder, J. Parad, L. P. Smith, C. Stoffel, H. Walter и др.); *лингвистике текста* (В. Г. Адмони, И. Р. Гальперин, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, И. Г. Кошечая, Е. С. Кубрякова, Н. А. Кузьмина, Ю. М. Лотман, В. А. Лукин, Н. В. Петрова, В. З. Демьянков и др.); *теории интертекстуальности* (Р. Барт, М. М. Бахтин, Е. А. Козицкая, Ю. Кристева, Ю. П. Солодуб, Н. А. Фатеева, В. Е. Чернявская); *теории прецедентности* (Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, В. Н. Телия); *когнитивной лингвистике* (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицка, Г. Г. Слышкин, В. З. Демьянков, Д. О. Добровольский, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов); *прагмалингвистике* (Н. Д. Арутюнова, Т. А. Ван Дейк, В. З. Демьянков, А. А. Кибрик, Ч. Моррис, О. И. Москальская, Дж. Остин, Ю. С. Степанов, G. Leech) [Бакина 2024].

Интегративный подход как базовая методология исследования библейской фразеологии германских языков

Методологию исследования составляет интегративный подход в его комплексности, целостности и многомерности, который объединяет системно-структурный подход, лингвокогнитивный подход (инкорпорируя лингвокультурологические аспекты), теорию интертекстуальности, теорию

прецедентности, функциональный подход к исследованию фразеологии библейского происхождения германских языков. В качестве методов исследования послужили общенаучные, общие и частные лингвистические методы, а именно: методы интерпретации, обобщения, сопоставления, классификации; метод фразеологической идентификации и метод фразеологического описания, разработанные проф. А. В. Куниным; метод структурного анализа, метод компонентного анализа, метод семантического анализа, метод дистрибутивного анализа (способствовал выявлению структурных особенностей библейских фразеологизмов), метод контекстуального анализа (способствовал изучению фразеологических единиц в условиях их речевого употребления), интертекстуальный метод, когнитивные методы, поисковый корпусный метод (применялся для обнаружения всех видов вариантов фразеологизмов, включая компаративные, квантитативные фразеологические единицы библейского происхождения, а также выявления предпочтений использования носителями языка одних вариантов фразеологизмов другим), количественные методы.

Тщательный анализ научных исследований последних двух десятилетий, посвященных изучению библеизмов в структурно-семантическом, стилистическом, когнитивном, функционально-прагматическом, лингвокультурологическом и коммуникативном аспектах, позволил нам отграничить библейские фразеологизмы от других единиц, обладающих устойчивостью при раздельнооформленности составляющих их компонентов, а также от схожих языковых знаков, которые тоже связаны по своему происхождению с Библией. В рамках интегративного подхода обоснован особый лингвистический статус библейской фразеологической единицы, который заключается в наличии непреложной связи библейского фразеологизма с его источником (библейского текста или сюжета); интегративный подход к исследованию библейской фразеологии позволяет определить библейский фразеологизм как рекуррентную интертекстуальную единицу, способную к варьированию в определенных контекстуальных условиях и обладающую лингвопрагматическим потенциалом, реализующимся в виде ряда функций (персуазивной, побудительной, экспрессивно-выразительной, оценочной, эвфемистической, сравнительно-уподобительной, функции ситуативно-смысловой компрессии, функции создания юмористического эффекта и др.). Библейский фразеологизм является в относительной степени устойчивой, регулярно воспроизводимой единицей, этимологически восходящей к Библии, которая структурно может быть представлена в виде сочетания двух и более слов или предложения, обладает цельностью номинации при раздельнооформленности составляющих ее элементов и целостностью значения. Связь с порождающим библейские фразеологизмы источником по-разному манифестируется в различных типах фразеологизмов: 1) заимствованных напрямую из библейского текста; 2) созданных на основе библейского сюжета, но не встречающихся в библейском тексте в том устоявшемся виде, в котором фразеологическая единица используется в речи.

Специфика фразеологизма библейского происхождения проявляется в трех аспектах: формально-структурном, содержательном и функционально-прагматическом. Структурные типы представлены номинативными (с подтипами: субстантивные, адъективные, адвербиальные и предложные); номинативно-коммуникативными фразеологическими единицами (включают в себя глагольные фразеологизмы); коммуникативными фразеологическими единицами, являющимися предложениями (к ним относят пословицы и поговорки). Семантические типы на основании критерия фразеологической дифференциации подразделяются на:

а) библейские фразеологические единицы, которые в тексте Библии являлись фразеологизмами, т.е. использовались в нем в переносном значении;

б) библейские фразеологизмы, которые в тексте Библии употреблялись в прямом значении, т.е. есть не являлись по сути фразеологическими единицами, а были переосмыслены позже, вне библейского текста.

Функциональная прагматика библейских фразеологизмов выражается в их способности выражать отношение, оценку и эмоции говорящего к происходящему в мире, а также адаптироваться, модифицируя свой план выражения и план содержания, к контекстуальным условиям принимающего вторичного дискурса.

Интегративный подход обосновал возможность рассмотрения библейской фразеологии как упорядоченной, четко организованной системы. К свойствам, детерминирующим системность, относим наличие структурных типов библейских фразеологизмов, обусловленных лексическим своеобразием и спецификой грамматического строя английского и немецкого языков; семантическую трансформацию прототипа библейских фразеологизмов и их символическое переосмысление; способность к стилистической и парадигматической дифференциации и семантико-тематическим рубрикам; вариативность; специфику функционирования библейской фразеологии германских языков. Системность фразеологизмов библейского происхождения выражается в их регулярной рекуррентности / воспроизводимости, способности образовывать внешние и внутренние системные связи, детерминирующие их организацию в фразеосемантические микрополя. Библейские фразеологизмы развивают отношения вариантности, синонимии, антонимии, а также могут быть тематически сгруппированы. Признаками системности также является константность и устойчивость состава единиц, организующих систему; количественный фактор, то есть множественность единиц системы; внутренняя организация единиц системы согласно структурным и семантическим критериям.

Структурно-семантический подход. Исследование вариантности библейской фразеологии германских языков

Библейской фразеологии многих европейских языков свойственна вариантность. Отправной точкой исследования вариантности библейской фразеологии германских языков послужила идея о том, что интегративный подход в лингвистике предполагает наложение инновационных научных парадигм на традиционные, т. е. обеспечивает их сосуществование, тем не менее с выдвиганием той или иной парадигмы на первый план. Несмотря на то, что со второй половины XX века центральную позицию занимает антропоцентрическая парадигма, она не «отменяет» результаты и достижения, полученные в рамках «правящей» до нее системно-структурной парадигмы. Именно структурный подход, предполагающий изучение структуры языка, его поуровневую организацию, обусловил исследование и выявление структурных типов фразеологических единиц библейского происхождения, а также типов вариантов библейских фразеологизмов.

В процессе своего развития библейские фразеологизмы образуют новые узуальные (языковые) иokkaзиональные (речевые) варианты. Наличие и развитие вариантности фразеологизмов библейского происхождения свидетельствует о том, что библейские фразеологизмы представляют собой подвижный «живой» пласт фразеологической системы национального языка, регулярно воспроизводимый в речи. Все виды установленного узуального варьирования библейской фразеологии происходят в рамках самой фразеологической единицы, не нарушая ее тождества, при сохранении ее структурно-семантического инварианта, то есть в данном случае не происходит образования новых фразеологических единиц. Построенная типология вариантности библейских фразеологических единиц упорядочивает все имеющиеся ранее разрозненные представления о типах изменений, специфике вариативных процессов в

общей фразеологии и библейской, в частности, по сравнению с языковой вариативностью. Типологическая модель вариантности библейской фразеологии представляет собой трехуровневую структуру, организующую узальные и окказиональные варианты, которые, в свою очередь, подразделяются на лексические, грамматические, квантитативные, комплексные, семантические варианты; наконец, типы вариантов третьего уровня включают субстантивные, глагольные (включая партиципальные), атрибутивные, препозитивные, препозитивно-субстантивные, конъюнктивные варианты, а также морфологические, морфолого-синтаксические, синтаксические, квантитативные (включая компаративные варианты) с усечением компонентов (включая усечение субстантивных, глагольных, атрибутивных, а также начальной и конечной частей фразеологизма, состоящей из более чем одного компонента) и с добавлением компонентов. Способность к варьированию библейской фразеологии германских языков определяют, с одной стороны, такие свойства, как компонентность и раздельнооформленность, аналитико-синтетическая специфика их структуры, а с другой – вариантность библейских фразеологизмов обусловлена наличием большого количества вариантов переводов библейских текстов, обогащающих фразеологическую систему германских языков типичными вариантами фразеологизмов библейской этимологии.

В русле структурно-семантического подхода к исследованию фразеологии библейской этимологии уточняются и описываются семантические свойства фразеологизмов библейской этимологии, выявляется специфика их семантики в сопоставлении со значением других устойчивых воспроизводимых единиц, обладающих фразеологическим значением, что способствовало выделению библейских фразеологизмов в отдельную целостную систему. Благодаря применению системного и структурного подходов идентифицируются структурные типы библейских фразеологизмов английского и немецкого языков, выявляются наиболее частотные из них, строится их типология; прослеживаются пути развития структурного моделирования библейской фразеологии.

Изучение интертекстуальности библейского текста в рамках теории библейской прецедентности

Как выявил анализ языкового материала с использованием интертекстуального и квантитативного методов исследования, фразеологические единицы библейского происхождения характеризуются высоким интертекстуальным потенциалом ввиду их непреложной связи с текстом-источником, что может выражаться имплицитно (семантически) и эксплицитно (графическими и вербальными маркерами интертекстуальности).

На основе текстуального подхода в рамках лингвистики текста, а также на базе постулатов лингвокогнитивного учения выявлен интертекстуальный потенциал и аргументирована высокая степень интертекстуальности библейского текста, выявлены и описаны свойства и функции библейских фразеологизмов как интертекстуальных отсылок в рамках теории интертекстуальности и прецедентности.

С учетом выявленных выше ключевых характеристик прецедентности считаем, что Библия представляет собой прецедентный макротекст, выступающий в роли неиссякаемого источника библейских фразеологизмов, обогатившего язык и культуру христианского общества. Библейский прецедентный текст понимается нами как культурно значимая когнитивная модель, репрезентирующая непрерывную связь языка и культуры.

В ходе исследования интертекстуальной специфики библейских фразеологизмов (ок. 600 единиц английского языка и 478 немецкого языка) и анализа данных корпусов в

виде контекстных употреблений, отобранных методом сплошной выборки, в медиатекстах (3000 контекстов из корпусов BNC, NOW, DWDS Textkorpora) были выделены наиболее частотные библейские фразеологизмы английского и немецкого языков. В результате было выявлено, что представители европейской лингвокультуры, а именно английской и немецкой, часто используют в своей устной и письменной речи фразеологические единицы библейской этимологии. Около 30 % фразеологизмов в данных языках не совпадают по высокой или низкой частотности. Кроме того, согласно анализу корпусных данных использование библейских фразеологизмов в текстах медийного дискурса в английском языке превышает их употребление в немецком языке на 25 %, то есть англоговорящие индивиды цитируют Библию чаще и охотнее трансформируют библейскую фразеологию, адаптируя под определенные условия общения, по сравнению с немецкоговорящими. Проведенный анализ употребления библейских фразеологических единиц показал их высокую интертекстуальную способность, прагматико-ориентированный характер прецедентных единиц библейской этимологии в художественных и медийных текстах.

Значительная часть фразеологизмов библейского происхождения имеет в своем составе библейские антропонимы и топонимы, которые являются массово употребительными и имеют мощный интертекстуальный потенциал. Специфика данных единиц обуславливается такими свойствами, как аллюзивность, образность (являющаяся результатом связи между именем и его прототипом), экспрессивность, оценочность, символический характер их значения.

Лингвокогнитивный подход

Библейская фразеология сегодня – это активно разрабатываемое в русле интегративности научное лингвистическое направление, которое требует всестороннего изучения, в том числе и в аспектах семантизации и концептуализации библейских фразеологических единиц. Вопросы, связанные с изучением концептуальной модели мира, как сложного ментального конструкта, позволяющего систематизировать информацию, получаемую индивидом о реальной и нереальной действительности, решаются в рамках когнитивной лингвистики. Последовательный анализ научных исследований по библейской фразеологии в рамках лингвокогнитивного направления позволил уточнить ее положение и статус как дистинктивного вида общей фразеологии, обеспечивающей развитие языка, успешную коммуникацию представителей разных лингвокультурных сообществ вследствие культурной универсальности библейского текста, «перекрывающей», компенсирующей лингвонациональную специфичность фразеологии. Концепты библейской картины мира формируют библейскую концептосферу, которая может быть представлена в виде полевой структуры, иерархически упорядоченной и тщательно организованной, и состоящей из элементов, сгруппированных согласно выделенным ядерным и периферийным библейским концептам, которые вербализуются фразеологизмами библейского происхождения.

Функциональный подход

Теоретическим и методологическим основанием исследования функциональной специфики библейской фразеологии германских языков с учетом интегративного подхода послужили идеи, результаты и достижения современной фразеологии в контексте дискурсивно-прагматической и функционально-коммуникативной парадигм научного знания.

Библейские фразеологизмы германских языков имеют мощный прагматический потенциал в пределах выполняемых ими постоянных и варьируемых функций в разных типах англоязычного и немецкоязычного дискурсов, что подтверждается в ходе

квалитативного и квантитативного анализа их контекстуальных употреблений. Прагматически релевантными свойствами библейской фразеологии можно считать их осложненную семантическую структуру, включающую экспрессивно-образный, эмоциональный и оценочный компоненты, ассоциативную связь с источником, прецедентность, способность к узуальной и окказиональной вариативности. Прагматика библейской фразеологии выражается на двух уровнях: внешнем (структурном) и содержательном (семантическом), в их тесной взаимосвязи.

Релевантным является рассмотрение и контекстуальный анализ фразеологических единиц библейского происхождения, используемых в текстах медийного и художественного дискурса, а также квантитативном анализе, осуществляемом для подсчета частотности употребления фразеологизмов в той или иной функции в двух типах дискурса. Методом сплошной выборки, а также с учетом применения поискового корпусного метода, был отобран материал исследования в виде контекстов употребления библейских фразеологизмов.

Применение знания и методов функционально-прагматического и коммуникативно-дискурсивного направлений, а также корпусной лингвистики, способствовало исследованию функционального многообразия библейских фразеологизмов в художественном и массмедийном дискурсе на материале корпусных данных; выявлены типичные и вариативные функции фразеологических единиц библейского происхождения, а также прагматическая специфика библейской фразеологии, обуславливающая мощный функционально-прагматический потенциал исследуемых единиц в условиях структурно-семантического варьирования фразеологических единиц.

Заключение

Разработанная теория интегративного описания библейской фразеологии упорядочивает все имеющиеся ранее разнообразные представления о библейских фразеологизмах, их структурно-семантической специфике, языковом статусе, аспектах функционирования. Полипарадигмальность обосновала многоаспектность исследования, а интегративность обеспечила объемную и целостную картину бытия библейской фразеологии как подсистемы в языке, конститuentы которой обладают мощной дискурсивной валидностью.

Интеграция исследовательских подходов, применяемых к системному изучению библейской фразеологии является наиболее оптимальным принципом, обеспечивающим целостность, системность и полипараметрическую многомерность как основополагающие приоритеты в исследовании библейских фразеологизмов, то есть вертикальную интеграцию, и учитывающим аккумуляцию, взаимодействие, взаимопересечение, взаимодополнение и взаимопроникновение нескольких парадигм научного знания, то есть горизонтальную интеграцию. Интегративность выступает в качестве основания методологии исследования библейских фразеологических единиц. Интегративный подход позволяет осуществить междисциплинарный многосторонний, целостный и системный анализ исследуемых единиц.

В русле предложенной авторской методологии исследования и описания специфики библейской фразеологии германских языков доказана состоятельность интегративного подхода к изучению библейских фразеологизмов и выстроена теория интегративного описания фразеологии библейского происхождения английского и немецкого языков.

Список литературы

1. Бакина, А.Д. Интертекстуальный потенциал библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета (К 1). Серия «Гум. и соц. науки», 2022а. № 5. С. 40–48.
2. Бакина, А.Д. Методы лингвистического исследования в синхронии и диахронии / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика: науч. журнал Амурского гос. Университета (К 2), 2022б. № 8(2). С. 190–196.
3. Бакина, А.Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра: монография / А.Д. Бакина. – Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева: «Картуш», 2023а. 452 с.
4. Бакина, А.Д. Лингвокогнитивные аспекты библейской фразеологии / А.Д. Бакина // Когнитивные исследования языка (К 2). – Вып. № 3(54) : Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования. Часть I. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023б. С. 703–709.
5. Бакина, А.Д. Интегративное описание библейской фразеологии: на материале английского и немецкого языков: автореферат дис. ... доктора филологических наук : 5.9.6. / Бакина Анна Дмитриевна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» ; Диссовет 24.2.394.03 (24.2.394.03)]. - Архангельск, 2024. 43 с.
6. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Вопросы языкознания, 2001. № 1. С. 64–72.
7. Галич, Г.Г. Научная парадигма интегративной лингвистики // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. № 4 (44). 2019. С. 298–301.
8. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
9. Поликарпов, А.М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 3, С. 6–17.
10. Федуленкова, Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учебное пособие: для подготовки бакалавров и магистров высших учебных заведений, обучающихся по специальностям 035700.62 - "Лингвистика"; 033000.62 - "Культурология"; 033300.62 - "Религиоведение" / Т. Н. Федуленкова. - Москва : Издательский дом Академии Естествознания, 2016. 145 с.

Электронные источники

11. British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 01.10.2024).
12. News on the Web (NOW) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 01.10.2024).
13. DWDS Textkorpora (TK) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 10.10.2024).
14. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – дата обращения: 20.09.2024.

Сведения об авторе:

Бакина Анна Дмитриевна; доктор филологических наук, доцент, зав. каф. английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, E-mail: Heart-

anna@yandex.ru

Bakina Anna Dmitrievna; Doctor of Philology, Associate Professor, the Head of the Chair of English Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation, E-mail: Heart-anna@yandex.ru

УДК 81

Дискурсивная карта произведений М. Р. Джеймса

Наталья Борисовна Боева-Омелечко

Южный федеральный университет, профессор кафедры теории и практики английского языка, доктор филологических наук, Ростов-на-Дону, Россия, nboeva-omelechko@sfnu.ru

Аннотация. Статья посвящена полидискурсивности произведений английского писателя, одного из основоположников жанра «хоррор» М. Р. Джеймса. В работе описываются факторы, обуславливающие наличие интердискурсивных включений в рассматриваемых произведениях и их прагматика. Автор приходит к выводу о том, что в произведениях М. Р. Джеймса активно взаимодействуют социолингвистические, прагмалингвистические и речеганровые виды дискурса.

Ключевые слова: гетерогенность текста, интертекстуальность, интердискурсивность, полидискурсивность, жанр «хоррор».

A discursive map of the works of M. R. James

Natalya Borisovna Boeva-Omelechko

Southern Federal University, Professor of the Department of Theory and Practice of the English Language, Doctor of Philology, Rostov-on-Don, Russia, nboeva-omelechko@sfnu.ru

Abstract. The article is devoted to the polydiscursive nature of the works of the English writer, one of the founders of the horror genre, M. R. James. The work describes the factors that determine the presence of interdiscursive inclusions in the stories under consideration and their pragmatics. The author comes to the conclusion that sociolinguistic, pragmalinguistic and speech-genre types of discourse actively interact in M. R. James' works.

Keywords: heterogeneity of the text, intertextuality, interdiscursivity, polydiscursivity, horror genre.

Одной из важнейших проблем современной лингвистики выступает проблема *гетерогенности* текстов, или, иными словами, проблема взаимодействия по крайней мере двух знаковых систем, результатом которого является создание структурно-семантического целого, способного оказывать комплексное воздействие на адресата [Ищук 2009, с. 7]. Изучение данной проблемы способствовало введению в научный оборот таких понятий, как интертекстуальность, интердискурсивность и полидискурсивность, которые являются элементами диалектического единства, поскольку, с одной стороны, в тексте материализуется взаимодействие (смена) дискурсов, а, с другой, сам текст может явиться точкой пересечения нескольких дискурсов [Первова 2015, с. 152].

Все указанные выше понятия предполагают динамический подход к изучению текста, сформировавшийся в рамках дискурсивной текстологии, с позиций которой *текст* выступает этапом сложного многофакторного семиотического процесса, осуществляемого «в различных видах дискурсивной практики» [Ильин 2001, с. 232] и включающего как языковую, так и неязыковую составляющие. При этом *дискурс* рассматривается как до- и послетекстовый феномен [Георгинова 2014, с. 150], то есть как когнитивный процесс создания текста и последующей его интерпретации.

Тексты, выступающие этапами дискурса, находятся между собой во взаимосвязи как через вербальные единицы, а именно прецедентные феномены, «хорошо известные всем представителям национально-культурного сообщества» [Назарова, Золотарев 2015, с. 19] (цитаты, имена известных людей, аллюзии и т.д.), так и через сходные сюжеты, мотивы, композиции.

Мысль о взаимосвязи текстов в едином пространстве культуры нашла своё воплощение в теории интертекстуальности предложенной Ю. Кристевой и Р. Бартом. В рамках этой теории любой текст рассматривается как интертекст [Барт 1989, с. 418], а интертекстуальность понимается как межтекстовая связь между данным текстом и текстами-первоисточниками. В её основе лежат различного рода ассоциации и воспоминания.

Однако наряду с межтекстовой связью возможна связь между дискурсами, что впервые отметил М.Пеше, представитель французской школы дискурс-анализа М. Пеше. По его мнению, создание новых дискурсов происходит на базе преконструктов, то есть уже существующих дискурсов, и каждый дискурс включает элементы других дискурсов [Пеше 1999, с. 266–270].

Положение о взаимодействии дискурсов закономерно привело к появлению ещё двух понятий, широко используемых сегодня в лингвистике и связанных с самоорганизацией дискурса, а именно понятий *интердискурсивности* (термин, введённый М. Пеше) и *полидискурсивности*.

По разделяемому нами мнению А.О. Иерусалимской, *интердискурсивность* в соответствии со значением приставки *интер-* (меж-, между-) рассматривается как связь между дискурсами во времени (план диахронии). Термин «*полидискурсивность*», содержащий приставку *поли-* со значением «много», указывает на присутствие элементов разных дискурсов в одном тексте, их взаимодействие в его рамках [Иерусалимская 2016, с. 56–57].

В случае художественных текстов речь идёт об инсценируемой, обусловленной интенциями автора полидискурсивности, когда введение в текст элементов разных дискурсов, нарушающее линейность повествования, происходит целенаправленно [Первова 2015, с. 154]. Текст при этом выступает *полем полидискурсивности и интертекстуальности* [Мальцева 2017, с.28], поскольку материальным воплощением полидискурсивности являются прецедентные феномены, различные пласты лексики (устаревшая лексика, жаргонизмы, просторечия и т.д.), полифоничность (конвергенция стилей, комментарии, иноязычные слова), использование различных композиционных форм (например, эпистолярной) [Канашина 2018, с. 314].

В свою очередь совокупность дискурсов, элементы которых присутствуют в произведениях одного автора, может быть названа *дискурсивной картой произведений* данного автора (термин, предложенный Е. Р. Корниенко [Корниенко 2019, 90]). Разработка подобных карт несомненно расширит представления как об идиостилях отдельных авторов, так и о механизмах и прагматике взаимодействия дискурсов в пространстве художественного текста, что и обуславливает актуальность данной работы.

Материалом исследования выступают рассказы английского писателя М. Р. Джеймса, одного из основоположников жанра хоррор. При этом мы исходим из

того, что полидискурсивность может являться признаком определённого жанра, который в силу своей специфики требует взаимодействия дискурсов [Корниенко 2019, с. 91]. Жанр хоррор является именно таким жанром, поскольку выбор место действия, социального статуса участников, форм и причин сверхестественных событий не ограничен ничем кроме фантазии автора. Стремление к достоверности изложения, как и в другом жанре массовой литературы – детективе, требует ссылок на документы, газетные публикации и пр. [Боева-Омелечко 2023, 471].

Говоря о полидискурсивности художественного произведения, мы учитываем, что к базовым типам дискурса относятся *социолингвистический*, зависящий от сферы употребления и участников общения [Лейчик 2009, с. 360-361], [Карасик 2013, с. 28] (обиходный, политический, деловой, научный, художественный, религиозный, рекламный, юридический, спортивный и пр.), *прагмалингвистический*, определяемый ситуативно-прагматическим контекстом, тональностью общения и интенциями участников (ритуальный, юмористический, аргументативный) [Карасик 2002, с. 363] и *речезжанровый* (новостной, эссеистический, эпистолярный и пр.) [Воркачёв 2019, с. 18].

Взаимодействие в рамках *социолингвистических* видов дискурса в ряде рассказов М. Р. Джеймса связана с его базовым образованием историка. Так, например, в рассказе «The Ash Tree» приводится достаточно подробное описание средневековой охоты на ведьм и жестокой расправы с ними. Фрагмент исторического дискурса сочетается с фрагментом юридического, связанного с описанием судебного процесса над ведьмами:

(1) *Mainly on this evidence, though there was much of a less striking and unusual kind from other parishioners, Mrs Mothersole was found guilty and condemned to die. She was hanged a week after the trial* [James 2007, p. 54].

Полидискурсивность рассказов М. Р. Джеймса может быть обусловлена как биографией, так и местом события и /или социальным статусом его участников. Так, в частности, в рассказе «A School Story», повествующем о загадочном исчезновении учителя латинского языка и его последующей гибели, предсказуемо присутствуют элементы педагогического дискурса: слова, словосочетания и предложения, связанные с участниками учебного процесса и его составляющими, школьным зданием, этапами урока, содержанием учебного материала: *students, masters, private school, term, desk, Latin grammar, make sentences, correct sentences, illustrate rules* и под. Педагогический дискурс хорошо знаком М. Р. Джеймсу, поскольку он был ректором Королевского колледжа в Кембридже и Итона.

Данный дискурс в его рассказах может сочетаться с научным, в частности, лингвистическим, как мы это наблюдаем в следующем отрывке, в котором описывается задание по латинской грамматике, полученное студентами:

(2) *At last there came a day when we were going through those dismal things which people call Conditional Sentences, and we were told to make a conditional sentence, expressing a future consequence* [James 2007, p. 162].

Приведённый фрагмент как бы замедляет темп повествования, подготавливая завязку сюжета.

А в рассказе «The Tractate Middoth» события разворачиваются в библиотеке, что обуславливает наличие слов и словосочетаний, связанных с библиотечным дискурсом, с самого начала рассказа, когда герой приходит в библиотеку в поисках книги под названием «The Tractate Middoth»: *catalogue, title of the book, take out a book, keep a book edition, volume* и др. Реалистичность повествования среди прочих средств обеспечивается введением в текст записи в каталоге с информацией о разыскиваемой книге.

Заслуживает внимания использование М. Р. Джеймсом фрагментов религиозного и песенного дискурсов как для продвижения сюжета, так и для обеспечения когезии текста, то есть взаимосвязи его элементов, обеспечивающей структурно-семантическое

единство текста [Боева-Омелечко 2002, с. 199]. Так, в рассказе «The Ash Tree» приводятся цитаты из Библии. Первый раз эти цитаты, одна из которых звучит “*Cut it down*”, упоминает в своих записях священник, который пытался с помощью Библии получить ответ о причинах смерти своего друга.

Позже записи священника попадают в руки его внука, внимание которого привлекает указанная цитата, которую он воспринимает как практический совет срубить ясень, растущий возле его комнаты. Однако он тоже хочет получить подсказку от Библии и читает в ней строки (3) “*Thou shalt seek me in the morning, and I shall not be*” [James 2007, p. 64], которые находит бессмысленными, но которые на самом деле провозглашают его судьбу: он умрёт такой же загадочной смертью, как его предок.

Фрагменты песенного дискурса, осуществляющие когезию текста, встречаются в рассказе «Martin’s Close», в котором молодой человек, приходя к девушке на свидание, вызывает её строчкой из песни “*Madam, will you walk, will you talk with me?*” После таинственного исчезновения девушки и неприятного разговора с молодым человеком эту строчку напевает хозяйка гостиницы, где работала девушка. И внезапно она слышит, как эту строчку поёт призрак убитой девушки.

Взаимодействие в рамках *прагмалингвистических* типов дискурса в рассказах М. Р. Джеймса связано с введением в повествование фрагментов аргументативного дискурса. Так, например, рассказ «Casting the Runes» начинается с трёх писем секретаря некой научной ассоциации мистеру Кэрзуэллу, которому он сообщает о том, что его научный доклад отклонён советом ассоциации, а затем убеждает его в обоснованности этого решения и невозможности его изменения и личных контактов с рецензентами. Второе и третье письмо являются ответом на возмущение адресата по поводу отклонения доклада. Аргументами секретаря являются ссылки на законы ассоциации, заверение в тщательности рассмотрения рукописи и апелляция к авторитету рецензентов:

(4) *Nor do our laws allow of your discussing the matter with a Committee of our Council, as you suggest. Please allow me to assure you that **the fullest consideration was given to the draft** which you submitted, and that **it was not declined without having been referred to the judgement of a most competent authority*** [James, 2007, p. 206].

Взаимодействие в рамках *речежанровых* типов дискурса очень широко представлено в произведениях М. Р. Джеймса. Так, разгадка тайны нередко содержится в мемуарах или дневниковых записях персонажей. Примером этого может служить, в частности, рассказ «The Diary of Mr Poynter», в котором герой покупает в книжном магазине дневник человека, много лет назад жившего в их местности, и находит в нём картинку узора, который он использует при заказе занавесей. После этого в его доме появляется призрак, и из дневника он узнаёт, что рисунок изображает волосы внезапно умершего юноши.

А в рассказе «The Mezzotint» мы встречаем разгадку в статье из путеводителя. Приведём отрывок:

(9) *At half-past eleven he read from **Murray’s Guide to Essex** the following lines: ‘16’12 miles, Anningley. The church has been an interesting building of Norman date, but was extensively classicized in the last century. It contains the tombs of the family of Francis ...* [James 2007, p. 48].

В рассказы М. Р. Джеймса также представлены речевые жанры объявлений («The Tractate Middoth»), допроса («Martin’s Close», «The Rose Garden»), свидетельских показаний («The Two Doctors»), каталога картин («The Mezzotint») и многие другие.

Таким образом, дискурсивная карта произведений М. Р. Джеймса чрезвычайно разнообразна и включает в себя элементы социо- и прагмалингвистических дискурсов, а также различные речежанровые дискурсы. Данные элементы участвуют в создании темпа произведения, его завязки и развязки, способствуют продвижению сюжета,

обеспечивают текстовую когезию и придают достоверность повествованию. Каждый из рассмотренных видов интердискурсивных включений в произведениях М. Р. Джеймса может стать объектом специального изучения.

Список литературы

1. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Боева-Омелечко Н. Б. Антонимическая когезия в современном английском языке / Н. Б. Боева-Омелечко // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сборник научных трудов. – Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2002. С. 199-203.
3. Боева-Омелечко Н. Б. Жанр детектива как особый способ концептуализации действительности // Когнитивные исследования языка. 2023. № 1(52). С. 466–473.
4. Воркачев С. Г., Воркачева Е.А. Дискурс и его типология в российской лингвистике // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 14–21.
5. Георгинова Н. Ю. Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 1. С. 149–155.
6. Иерусалимская А. О. О соотношении терминов «полидискурсивность» и «интердискурсивность» // Вестник Балт. Федер. ун-та им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. № 1. С. 54–58.
7. Ильин И.П. Дискурс // Литерат. энц. терминов и понятий. Москва: НПК «Интелвак», 2001. С. 232.
8. Канашина С. В. Когнитивные основания полидискурсивности в интернет-мемах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12–2(90). С. 313–317.
9. Карасик В.И. Речевая коммуникация: дискурсивный аспект // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2013. №1 (21). С. 23–33.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурсы. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
11. Корниенко Е. Р. Полидискурсивность как константа языковой личности // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1(26). С. 89–92.
12. Лейчик В. М. Виды дискурса и виды диктем // Язык, культура, речевое общение: Сб. материалов межд. конф. К 85-летию профессора М.Я. Блоха. Москва: МПГУ, 2009. Ч. 2. С. 357–358.
13. Мальцева В. В. Полидискурсивность как преодоление линейности текста (на материале романа Е. Г. Водолазкина «Лавр») // Русская филология. 2017. № 1. С. 28–33.
14. Назарова Р. З., Золотарёв М. В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Изв. Саратовского ун-та. Нов. Сер. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 18–23.
15. Первова А. В. Интердискурсивность как форма гетерогенности текста и способ нарушения его структуры // Вестник ТвГУ. Сер: Филология. 2015. № 4. С. 152–158.
16. Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / общ. ред. П. Серио. Москва: Прогресс, 1999. С. 225–290.

Сведения об авторе:

Боева-Омелечко Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, 344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42; nboeva-omelechko@sfedu.ru;

Boeva-Omelechko Natalya Borisovna; Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaja st., 105\42, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; nboeva-omelechko@sfedu.ru

УДК 930.2

Greek Syle 'Plunder' and the Place-Name Scilly

Andrew Charles Breeze

University of Navarra, Pamplona PhD, Professor; abreeze@unav.es

Abstract. The paper discusses the origin and etymology of the name of the Isles of Scilly. Various interpretations and etymologies have been proposed over the years, but the true meaning of the name remains uncertain. Some English place names, such as Humber, Itchen, London, and others, have Latin or Celtic explanations. The origin of the term Scilly remains unexplained, though it has been linked to the tin trade in ancient Cornwall. Diodorus Siculus, an ancient Greek historian, described the tin trade in Cornwall, with merchants travelling via western Gaul to the Rhône. Greek coins found in Holne suggest long-standing trading connections in the region, with tin possibly being collected from nearby moorland streams and transported to Narbonne and Marseille. The Greeks had long contact with Cornwall and Scilly, and the sense of 'place of plunder' aligns with the region's reputation for looting and piracy. The name 'Sylina' may have originated from Greek and survived in Latin texts, representing a site known for robbery and plundering. The analysis of the name 'Sylina' provides insights into the history and culture of the region.

Keywords: Greek, Scilly, toponym, 'plunder', syle.

Twenty seven miles off Land's End, the Isles of Scilly are somewhat mysterious; and their name has been a mystery as well. Despite attestations Sylina "Scilly" and the like in the Elder Pliny (d. 79) and other Latin authors, its meaning and the language from which it derives have been obscure. Yet there may be a solution. Resembling nothing in Celtic or Latin, Sylina is perhaps from Greek syle 'robbery, plunder' with suffix ina, denoting the pirates (or looters of wrecks) who lived there. The Scillies were long notorious for crime; close to major shipping-lanes, they are in some of the world's most dangerous waters, with cargoes always there for seizing. If so, interpretation of Sylina 'Scilly' as 'site of plunder, place known for looting' offers a remarkable (and unique?) instance of a Greek toponym in ancient Britain. It suggests too the ill fame of the islands for Greek mariners and traders.

Famous for holidays and the supply of blooms to London florists, the Isles of Scilly are an archipelago off the western tip of Cornwall, being the summits of a submerged granite massif. Their name is an old puzzle. The sole person to attempt anything like an etymology was Sir John Rhys. In an absorbing sample of confusion and inaccuracy, he associated the forms with supposed 'SILULANUS' in a Roman inscription (now RIB 306) from Lydney, Gloucestershire, declaring that 'there is no need to make it into Silvianus' (now recognized as the correct reading). For the Scillies he then quoted 'Siluram' from Solinus (d. 210?), linking it and 'SILULANUS' with the Silures, a people of south-east Wales. On Sylinancim 'Scilly' (an

accusative) in the Chronicle of Sulpicius Severanus (d. 420?), he observed loftily that, while his 'editors go their own way and print "Sylinam insulam"', it might also relate to 'SILULANUS'. On what any of these might mean he was silent [1]. Sir John left a shambles, especially on Sylinam insulam, which (we argue) requires no emendation.

Ekwall in 1936 gave Sylinancim from Sulpicius Severanus, Sully from the early twelfth century, Sullia from 1186, and Syllingar from the thirteenth century Heimskringla ('World's Circle'), where ingar is Old Icelandic for 'place of inhabitants of'. He styled it a 'pre-English name of doubtful etymology' [2]. Twenty-four years later he said just the same [3].

Progress came in 1979. Although unable to offer an interpretation, Rivet and Smith still thought 'Silina' the best reading, on the basis of three authorities. The Elder Pliny (23-79) has 'Silumnus', with 'Silimnus' as a variant in three manuscripts. Rivet and Smith derived these (via 'Silinnus') from an original Silin(n)a. Solinus has 'Siluram' and (in three inferior manuscripts) Sillinas quoque insulas; the latter they considered a 'potentially superior variant' (because a reference to the Silures of Wales is not credible). The Scillies being one island previous to Dark Age changes in sea level, Rivet and Smith here read Sillinam quoque insulam. As for 'Sylinancim' (twice) in Sulpicius Severanus (360?-420?), on Roman exiles there, they noted a variant Sylinam which (despite Rhys's condescending remarks) they considered 'preferable'. The suffix '-ancim' they attributed to misunderstanding of Sillinam q. in., an abbreviated form of emended Sillinam quoque insulam in Solinus. They concluded with the medieval name forms Sully, reconstructed Cornish Sillan, and Icelandic Syllingar. On meaning they could say nothing, but gave short shrift to Rhys's notion (based upon misreading of SILVIANUS in RIB 306) that 'Siluram' in Solinus is trustworthy and relates to the Silures. They also expressed doubts on Greek Cassiterides (in Herodotus, Diodorus Siculus, Strabo, Pliny, Ptolemy, Solinus). Meaning 'area from which tin comes', it could at different times denote north-west Spain, Brittany, or Cornwall. It was hardly 'the proper name of any part of the British Isles' [4].

Since then, stasis. Typical here is 'of unknown meaning' [5]. Elsewhere is 'rather obscure', but with the goddess Sulis of Bath perhaps associated (even though Rivet and Smith rejected the possibility, because the u of Sulis, a form cognate with Irish súil 'eye', appears in no ancient source on Scilly) [6]. Like Rhys, Dr Padel showed lack of logic. The classical instances he dismissed as 'too corrupt to be of any practical use' (that is, 'too corrupt to be of use to me, Oliver Padel'). He yet toys with a connection between this 'difficult name' and the goddess Sulis, seeing archaeological remains on the islands as perhaps 'a shrine in her honour'. But the subject is 'full of difficulties, owing partly to the conflicting spellings' [7]. Not so. The classical forms are fundamental; there is no link with a goddess; spellings are consistent; the problem can be solved in seconds by use of a lexicon.

Later writers add nothing. The term is 'Pre-English' and 'of unknown origin and meaning' [8]. Like the names of Humber, Itchen (of the English Midlands and South), London, Lyme (of Cheshire), Solent, or Wight, it is taken as ancient and hence defying 'credible' explanation [9]. (We disagree. For Humber, Solent, Wight, there is a Latin explanation; for Itchen, London, Lyme, a Celtic one.) In the Cambridge dictionary, Scilly is termed 'Unexplained', so that almost nothing can be said on its origin [10]. For the English Place Name Society, it is amongst the most abstruse of place names.

To untie this verbal knot, history and topography are essential. The stumbling-block of Cassiterides was mentioned above, that this is a descriptive term (not a place-name) and usually denotes islands off the coast of Spain and Portugal, even if for Scillonians it was once 'an article of faith' that Scilly was meant [11]. Yet nobody doubts that, thanks to the tin trade, 'Cornwall had ancient connections with the civilized world' as Devon or Wales did not [12]. If Scilly produced no tin, it was still passed by ships with cargoes of tin.

The prime authority here is Diodorus Siculus (active 60-30 BCE) and his account of a beach-market on Mount's Bay, near Penzance. What a modern scholar calls the 'famous

prehistoric tin-trade of Cornwall' depended on merchants travelling via 'the western estuaries of France' or (at first) the Straits of Gibraltar. Diodorus (using reports by Pytheas in about 320 BCE) describes how tin from the Land's End region was carried to western Gaul. After a month it reached the mouth of the Rhône, pack-horses being used where water-transport was unavailable. Hence, it seems, the fifth- and fourth-century Greek pots found at two sites in Cornwall, as also a hoard of North Italian coins from the later second century BCE unearthed at Paul, south of Penzance [13].

The 'long-standing trading connections' of the peninsula are further indicated by Greek coins (of the fourth and first centuries BCE) discovered in the nineteenth century at Holne, on the eastern fringe of Dartmoor [14]. They may have paid for tin collected from nearby moorland streams. A map shows how it would be transported from south-west Britain in ships passing west of Brittany and the Loire estuary to the Garonne, thereafter moving upstream and then (by horse) through the Carcassonne Gap to reach Narbonne and Marseille [15]. The Greek coins from Holne are further identified as a worn silver one of Alexander the Great and another of Aesillas, Roman quaestor of Macedonia in 90 BCE; they compare with Attic cups and a jug of the fourth century BCE, found at Teignmouth and now in Torquay Museum, as well as copper coins from Velia and Paestum (both south of Naples) found at Exeter in 1931 [16].

There is evidence for later trade with the Mediterranean. Imported amphorae 'turn up with considerable frequency at Exeter' and beyond; from the seventh century is an 'oft-quoted reference' to how a Cornish famine was relieved by a ship bringing grain from Alexandria, which returned with a cargo of tin [17]. There was a reason for these journeys. Tin, needed to make bronze, is 'relatively rare' in nature. That is why navigators from the Bronze Age onwards sailed all the way to Cornwall [18]. Their successors also reached the Isle of Wight, where Greek coins have been discovered (even though the Ictis of Pytheas and Diodorus was St Michael's Mount and not Wight or Mount Batten, despite what is claimed). They are amongst the more than 300 Greek coins coming to light in Britain, mostly of 'the second and first centuries' before Christ [19].

The ancient tin trade now has a monograph to itself [20]. It can be compared with remarks on how 'Greek and Carthaginian coins found in Britain and western France' indicate 'long-distance trade' (although Ictis was not Mount Batten, Plymouth, even if Sir Barry Cunliffe thinks so) [21]. Another study on sea-routes is useful on boats, less so on place-names. We say here that Belerium in Diodorus and Ptolemy is Land's End or its immediate area (not 'the Devon/Cornwall Peninsula'); Pliny's 'Mictis' was Ictis (and not 'in the Solent region'); being in Cornwall, it was not 'the peninsula of Mount Batten' (in Plymouth Sound) [22]. Greek and similar coins from the south-west eventually gained a proper catalogue [23]. It is more useful for present purposes than an otherwise excellent map of south-west Britain, setting out Celtic finds only (swords, horse-bits, torques) [24].

After Cornish (or Devon) links with Greek-speaking cities (Nice, Marseilles, Tarragona, Sagunto) of the Mediterranean, we turn to the Scillies. Their identity was well brought out by Geoffrey Grigson (1905-85). With their 'unexplained ancient name', they are rich in archaeology, being from the New Stone Age (until recently) both 'a refuge and a danger to shipping'. The Vikings perhaps occupied them; they were certainly 'a base for later piracy, and a base for defence in most of our wars'. But, with the end of sail and the coming of modern navigational devices, they are now 'probably more off the track' for ocean traffic than they have been in four millennia [25]. To the south-west of the archipelago are 'some of the world's most dangerous rocks and reefs', all of them 'prodigal in destroying' human life. There were losses in 1707, of most of an English fleet during a hurricane; in 1787, of the Nancy, an East India packet (with no survivors); in 1841, of a steamer from Dublin to London (one survivor, an Irish boy); in 1875, of the Schiller, a German liner (more than three hundred drowned). The Scillies have been 'a morgue for shipping', as proved by tombstones there with epitaphs in German or other

languages, because the islands (often thought of as 'sub-tropical') can be 'sliced by Atlantic gales' [26]. If Bishop Rock and its neighbours to the south-west have seen most disasters, in the north-east other vessels (English, Turkish, Russian, French) came one by one to grief near White Island (in 1848, 1869, 1875, 1879). Ships sank there into the twentieth century. Visible above the waves would be bridge, masts, funnel [27]. The Scillies, of fog and reefs and violent winds and heavy seas, have seen innumerable shipwrecks.

Besides natural perils were human ones. In later ages the islands were regarded as a paradise for felons and outlaws. Despite fertile soil, few would live there, owing to French and Spanish 'robbers by the sea' who raided the place [28]. Devon and Cornwall had pirates too, with prey in the English Channel and Bristol Channel alike. At times they sought 'plunder on the very coasts of Spain' [29]. A modern cleric put the matter crisply. 'Owing to their isolation and neglect, the Scillies were a natural refuge for the lawless and criminal, as well as for fugitive serfs'; wrecks or cargoes from wrecks were seized there or on the mainland, a profitable business where the Crown's rights were 'constantly violated' by local inhabitants [30]. In 1305 even the local coroner and 'a multitude of malefactors' were accused of attacking property in Scilly, the Abbot of Tavistock (who owned land there) having earlier complained of disturbances by foreign sailors; compare, too, how a Cork ship which in 1340 ran ashore on the mainland was soon cut 'into little pieces' and its cargo seized. It was part of a constant and desirable 'beach harvest' [31]. In the Scillies such disorder was natural because they were also (until the late steam age) a haven for seafarers. In the middle ages they came from France, Normandy, Spain, Gascony, Scotland, Ireland, Wales; later on from America, Jamaica, Chile, India, China, Australia, New Zealand (piracy having then given way to smuggling). The above offers two conclusions. The islands were visited in ancient times as in later ones, when voyages were made in short stages. Remote and with constant visitors, they also attracted the unscrupulous. That brings us to their name.

Rivet and Smith quoted Pliny for readings 'Silumnus', and 'Silimnus' (emended to Silin(n)a); Solinus for 'Siluram' and Sillinas quoque insulas (emended to Sillinam quoque insulam); and Sulpicius Severus for 'Sylinancim' and Sylinam. In medieval English documents is Sully, where the suffix represents Old English *ig* 'island'; in Old Norse is Syllingar 'place of inhabitants of Scilly'. From these an original form 'Silina' is discovered, which is good. Sylina is, however, better. Actually recorded in Sulpicius Severus, it can be given a sense, and its first vowel is easier to reconcile with medieval Sully and Syllingar than that of 'Silina'.

No explanation in Latin or Celtic for 'Silina' or Sylina has ever been found. Yet the Greeks had long contact with Cornwall and the Scillies, and a Greek lexicon soon offers the term *syle*. Senses include 'robbery, cattle-stealing; plunder (of armour, weapons, as of dead warriors in Homer); piracy, seizure of a foreign ship or its cargo; right of seizure, war-time right to reprisals'. Scilly, we recall, was once notorious for looting and so on. Might Greek *syle* thus explain Sylina in Sulpitius Severanus? Born about 360 in Aquitaine, he studied law in Bordeaux, and would know about ports and sea-routes, so that his spelling has authority.

Let us look first at *syle* and related verbal forms in literary texts, and then in a well-known inscription at the British Museum. For convenience (leaving aside Homer, Herodotus, Plato, Demosthenes) we limit ourselves to drama. In *Prometheus Bound* (82-3), Aeschylus puts mockery into the mouth of Power while he fastens the protagonist down:

ἐνταῦθα νῦν ὕβριζε, καὶ θεῶν γέρα

συλῶν ἐφημέροισι προστίθει

-- 'Keep up your insults, then, and go on stealing gifts from heaven for human beings, who live but a day'.

In *Oedipus at Colonus* (922-3), Sophocles has Theseus taunt Creon as a thief, telling him how Thebes would feel shame:

συλῶντα τὰμὰ καὶ τὰ τῶν θεῶν, βία

ἄγοντα φωτῶν ἀθλίων ἰκτήρια

-- 'for your assault on me and on the gods, seizing their defenceless suppliants.'

With Iphigenia in Aulis (1274-5), Euripides provides self-justification for Agamemnon, who considers himself obliged to kill his daughter so that Greece should be free:

μηδὲ βαρβάροις ὕπο

Ἑλληνας ὄντας λέκτρα συλαῖσθαι βία

-- 'and her citizens not see Phrygians use force and rob them of their wives.' [32]. Acts of syle were evidently nothing to be proud of.

Further aspects of syle are indicated by a bronze tablet in the British Museum. It has (in part) the text of a fifth-century treaty between Oeanthea and Chaleion, ports in Western Locris, on the north coast of the Gulf of Corinth. Their representatives agreed that, while foreign traders who visited each town should suffer no harm, their citizens might yet 'commit piracy anywhere except in their own or their ally's harbours'. Such was the 'barbarous character' of Greek communities beyond Athens and the Peloponnese. Many there 'still practiced piracy as a profession' [33]. The official catalogue has an updated translation[34]. Tod then gave another, beginning as follows.

No one shall carry off the Oeanthian stranger from the territory of Chaleum nor the Chalean from that of Oeanthia, nor his property, if he make a seizure (συλωῖ), but anyone may with impunity seize him who is making a seizure (τὸν δὲ συλωῶντα ἀνάτω' συλῆν). Anyone may carry off the property of a stranger from the sea without liability to seizure, save from the harbour of either city. If anyone make a seizure unjustly, four drachmas [shall be the penalty]; but, if he should retain the property for more than ten days, let him be fined whatever he has seized [35].

Legitimation of state crime always makes interesting reading. Articles on syle in reference works remind us that, while 'commercial treaties' and so on began to circumscribe piracy from the sixth century onwards, it survived into Hellenistic times and 'did not disappear until the Roman era' [36]. So the inscription is naturally referred to a remark of Thucydides in the first book of his history (5) on West Locrians as barbarians, still keeping up 'the old piratical habits in his day' [37]. The bronze is mentioned again for the passage in the standard commentary [38].

Obviously, syle was a word that no Greek trader or mariner wanted to hear. They were well aware of its implications for them (enslavement) and their cargoes (confiscation). They also knew where that might happen. That the Scillies were notorious for wrecks and looting of wrecks and (at times) piracy is clear from medieval and early modern documents. It allows an etymology for Sylina 'Scilly'. Given by the Greeks and surviving (often corrupted) in the Latin of Pliny and others, it will have the suffix -ina (with long vowel) of Greek and other Indo-European languages, as with Latin coquina 'place of cooking, kitchen' or molina 'place of grinding, mill', and the sense 'place of looting, site known for plundering, location of robbery'. Scilly had an evil reputation less for its pirates than for wreckers, who made off with contents of ships coming to grief on local rocks.

If so, Sylina 'place of plunder' or Scilly will be neither Celtic nor Latin but Greek. Probably unique in Britain and Ireland, the form is of interest as amongst the oldest toponyms in Britain, going back to the Bronze Age, when Greek-speaking seafarers arrived in Cornwall and found that risk accompanied profit. In short, analysis of Scilly's name is a revealing exercise for historians and archaeologists and linguists alike.

References

1. John Rhys, *Celtic Britain*, 3rd edn (London, 1904), p. 316-17.
2. E. Ekwall, *The Concise Oxford Dictionary of English Place-Names* (Oxford, 1936), p. 388.

- 3 E. Ekwall, *The Concise Oxford Dictionary of English Place-Names*, 4th edn (Oxford, 1960), p. 407.
4. A. L. F. Rivet and Colin Smith, *The Place-Names of Roman Britain* (Princeton, 1979), pp. 43, 457-9.
5. John Field, *Place-Names of Great Britain and Ireland* (London, 1980), p. 154.
6. Adrian Room, *Dictionary of Place-Names in the British Isles* (London, 1988), p. 314.
7. O. J. Padel, *A Popular Dictionary of Cornish Place-Names* (Penzance, 1988), pp. 153-4.
8. A. D. Mills, *A Dictionary of English Place-Names* (Oxford, 1991), p. 287.
9. R. Coates and A. Breeze, *Celtic Voices, English Places* (Stamford, 2000), pp. 1, 3.
10. *The Cambridge Dictionary of English Place-Names*, ed. Victor Watts (Cambridge, 2004), p. 531.
11. Cecil Torr, *Small Talk at Wreyland*, 2nd series (Cambridge, 1922), p. 41.
12. R. G. Collingwood and J. N. L. Myres, *Roman Britain and the English Settlements*, 2nd edn (1937), p. 30.
13. Sheppard Frere, *Britannia* (London, 1967), pp. 2, 16.
14. Aileen Fox, 'Prehistoric and Roman Settlement', in *The Exeter Region*, ed. Frank Barlow (Exeter, 1969), pp. 137-49.
15. E. G. Bowen, *Britain and the Western Seaways* (London, 1972), p. 59.
16. Aileen Fox, *South-West England 3500 BC--AD 600*, rev. edn (Newton Abbot, 1973), p. 135.
17. John Wachter, *The Towns of Roman Britain* (London, 1974), p. 335.
18. E. G. Bowen, *Saints, Seaways, and Settlements*, rev. edn (Cardiff, 1977), p. 20.
19. Lloyd Laing, *Celtic Britain* (London, 1979), p. 51.
20. R. D. Penhallurick, *Tin in Antiquity* (Leeds, 1986).
21. Barry Cunliffe, 'Maritime Traffic Between the Continent and Britain', in *The Celts*, ed. Sabatino Moscati (London, 1991), pp. 573-80.
22. Sean McGrail, 'Celtic Seafaring and Transport', in *The Celtic World*, ed. Miranda J. Green (London, 1995), pp. 254-81.
23. R. D. Penhallurick, *Ancient and Early Medieval Coins from Cornwall and Scilly* (London, 2000).
24. John T. Koch, *An Atlas for Celtic Studies* (Oxford, 2007), map 15.
25. Geoffrey Grigson, *Places of the Mind* (London, 1949), pp. 67, 69.
26. Anon., 'Rosevear', in *Places*, ed. Geoffrey Grigson and C. H. Gibbs-Smith (London, 1954), pp. 306, 339-40.
27. Geoffrey Grigson, *English Excursions* (London, 1960), pp. 66, 68.
28. *The Itinerary of John Leland in or About the Years 1535- 1543*, ed. L. T. Smith, part one (London, 1907), p. 191.
29. C. L. Kingsford, *Prejudice and Promise in Fifteenth-Century England* (Oxford, 1925), p. 82.
30. L. E. Elliott-Binns, *Medieval Cornwall* (London, 1955), pp. 20, 140.
31. S. J. Drake, *Cornwall, Connectivity and Identity in the Fourteenth Century* (London, 2019), pp. 128-9, 131, 279, 290.
32. *Poetarum Scenicorum Graecorum*, ed. Wilhelm Dinsdorf (Londini, 1893), pp. 3, 130, 414.
33. E. S. Roberts, *An Introduction to Greek Epigraphy: The Archaic Inscriptions and the Greek Alphabet* (Cambridge, 1887), pp. 238-40, 354-7.
34. F. H. Marshall, *The Collection of Ancient Greek Inscriptions in the British Museum: Supplementary and Miscellaneous Inscriptions* (London, 1916), pp. 119-22.

35. A Selection of Greek Historical Inscriptions, ed. M. N. Tod, 2nd edn (Oxford, 1946), pp. 63-6.
36. Max Cary, 'Syle', in The Oxford Classical Dictionary, 2nd edn, ed. N. G. L. Hammond and H. H. Scullard (Oxford, 1970), p. 1026.
37. G. M. E. de Ste. Croix, The Origins of the Peloponnesian War (London, 1972), p. 273.
38. Simon Hornblower, A Commentary on Thucydides: Books I-III (Oxford, 1991), p. 25

Information about the author:

Andrew Charles Breeze, University of Navarra, Pamplona PhD, Professor; abreeze@unav.es

УДК 81

Типология межкультурного взаимодействия в знаках культурно-языкового ландшафта Петербурга

Светлана Викторовна Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра английского языка в сфере философии и социальных наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия, svet_victoria@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается подход к интерпретации типологии знаков лингвокультурного пространства Петербурга, в которых репрезентируется разнообразное осмысление межкультурного взаимодействия. Исследование выполнено на основе анализа урбанонимов Санкт-Петербурга, отсылающим к различным культурам.

Ключевые слова: лингвокультурный ландшафт, петербургский текст, нарратив, лингвокультурные знаки, межкультурное взаимодействие.

Typology of intercultural integration signs in St. Petersburg's linguocultural landscape

Svetlana V. Ivanova

Saint Petersburg State University, the Department of the English language in the sphere of philosophy and social sciences, doctor of Philology, professor, St. Petersburg, Russia, svet_victoria@mail.ru

Abstract. The article proposes an approach to interpreting the typology of signs of the linguistic and cultural space of St. Petersburg, which represent diversity of intercultural interaction. The study was carried out by way of analyzing urban names of St. Petersburg's linguocultural landscape that refer to various cultures.

Keywords: linguo-cultural landscape, Petersburg text, narrative, linguo-cultural signs, intercultural integration.

Интерес к городу как к сложной коммуникативной системе [Леонтович 2020, с. 22] проистекает из понимания того, что «осмысление местности является одним из базовых условий освоения реальности» [Карасик 2024, с. 122]. Город и городское пространство

привлекают исследователей самых разных областей гуманитарного знания: антропологи, культурологи, филологи, литературоведы, этнологи, социолингвисты, медиаурбанисты обращаются к урбанистической тематике в поисках ответов на вопросы об организации, структуризации, моделировании человеческого бытия и человеческой коммуникации в городской среде [Леонтович 2018, с. 207]. Одним из актуальных направлений исследования данной проблематики в настоящее время выступает лингвокультурологический подход, который направлен на выявление культурно-ценностной информации, закодированной в знаках [Иванова 2005, с. 208] городского лингвокультурного пространства. Обращение к знаковой составляющей городского пространства выводит на идеи семиотики, с позиции которых город трактуется как семиотическое пространство, наполненное яркими, характерными знаками, символами, выступающими как «пространственногенные компоненты» [Замятин 2004, с. 15]. Соответственно, востребованным становится лингвосемиотический вектор исследования городского пространства, который влечет за собой интеграцию семиотического, языкового и культурного ракурсов. Закономерно, что в рамках такого понимания город интерпретируется в терминах лингвокультурного или культурно-языкового [Садуов 2020] ландшафта как совокупность репрезентирующих его оязыкованных знаков культуры.

В филологической традиции, заложенной в работах В. Н. Топорова, город представляется в виде текста, который трактуется как «устройство, с помощью которого и совершается переход а геалибус ад реалиора, пресуществование материальной реальности в духовные ценности» [Топоров 2003, с. 7]. Так, общеизвестна предложенная В. Н. Топоровым интерпретация Петербурга как петербургского текста [Топоров 2003], в котором Петербург предстает как некая «греза о грезе» [Топоров 2003, с. 7]. Эвристичность и исследовательская привлекательность текстовой интерпретации города и городского пространства проистекает из того, что она открывает исследователю возможность выхода на описание городского пространства как единого целого, с одной стороны, а с другой, легитимизирует разнообразные толкования этого текста, что приводит к созданию множества нарративов, связанных с тем или иным городом.

Настоящее исследование обращается к одной из нарративных линий петербургского текста – к нарративу межкультурного взаимодействия, который прослеживается и проявляется на уровне языковых номинаций городского пространства Петербурга. Соответственно, объектом исследования выступают лингвосемиотические знаки Петербурга, содержащие в своем названии отсылку к той или иной культуре. Предмет исследования составляют урбанонимы Петербурга, включающие в свой состав языковую единицу, индексирующую, символизирующую или образно репрезентирующую принадлежность к своей или другой культуре. Цель исследования – произвести типологию лингвокультурных знаков петербургского городского ландшафта, в которых «схвачена» идея межкультурного взаимодействия, представляющая нарратив о Петербурге как воплощении сопряжения культур. Материалом исследования послужили собранные посредством сплошной выборки урбанонимы Петербурга, отсылающие к той или иной культуре.

В качестве основополагающего метода интерпретации эмпирических данных выступает лингвокультурологический анализ, направленный на локализацию культурно-ценностной информации в языковом знаке. Наряду с лингвокультурологической интерпретацией используется и этнографический метод, сопряженный «с полным погружением в жизнь культурного сообщества» [Леонтович 2011, с. 46; Леонтович 2018, с. 208]. Концептуальную основу исследования составляет нарратологический анализ, позволяющий выявить «механизм организации человеческого опыта», который характеризуется социальной инструментальностью и

прагматическим потенциалом, отражая паттерны конструирования окружающей реальности членами социума [Леонтович 2011, с. 92]. В силу того, что нарративный анализ направлен на выявление устойчивых и изменчивых коллективных представлений, на определение социально одобряемых и неприемлемых вариантов позиционирования в рамках конкретной культурно-исторической ситуации [Троцук 2023], он дает возможность определить социальную ценность знаков городского пространства, увидеть воплощенную в них историческую память [Леонтович 2020, с. 28].

Анализ вербальных знаков, объективирующих идею межкультурного взаимодействия, позволяет выделить несколько типов номинаций. Первую группу составляют урбанонимы, в состав которых входят этнонимы: *Английский проспект*, *Египетские ворота*, *Итальянская улица*, *Китайский дворец*, *Китайский мостик*, *Китайская беседка*, *Мауританская гостиная*, *Турецкая баня* и т.п. Эти номинации эксплицитны: они отсылают к другим культурам благодаря имеющемуся в их составе компоненту, которым выступает этноним. Эти знаки можно трактовать как знаки поверхностного уровня: они имеют внешнее выражение и содержат в своем составе прямое указание на различные культуры. Другими словами, это знаки, свидетельствующие о плюралистичности культурного пространства Петербурга.

Помимо эксплицитных знаков-указателей, можно выделить знаки, которые содержат в своем составе культурные реалии. Эти знаки уже на уровне формы говорят о поликультурности (то есть не только о соприсутствии, а о переплетении культур) петербургского культурного пространства, ибо сама форма этих знаков принадлежит иной культуре, что выражается посредством транскрибированных или транслитерированных слов, заимствованных из других языков, как например, *Эрмитаж* и т.п. Либо эта культурная реалья может быть обозначена словом с культурным компонентом: ярким примером такого овнешнения межкультурного взаимодействия можно считать номинацию *дом-пряник* (так называется доходный дом Н. Никонова), в этом же ряду *Кикины палаты* и т.п. Этот формат указания на взаимодействие культур указывает на укорененность знаков разных культур в лингвокультурном ландшафте Петербурга, их встроенность в культурное и, соответственно, лингвокультурное пространство Петербурга, на их ассимилированность.

Наконец, третья группа знаков, объективирующих нарратив о межкультурном взаимодействии, представлена урбанонимами с именами личными, которые являются представителями различных культур: улица зодчего Росси, улица Растрелли, дом Зингера и т.п. Их интегрированность в лингвокультурный ландшафт Петербурга осуществляется посредством заключенного в них свернутого текста (о связи города и личности), овнешненного именем собственным. Совершенно очевидно, что за этими именами стоят истории связи той или иной персоналии с Петербургом (ярким примером является архитектор Росси и его вклад в культуру Петербурга).

Таким образом, знаки, реализующие нарратив о межкультурном взаимодействии, могут указывать лишь на соприсутствие, соприкосновение с другими культурами, заимствования из других культур (*Египетские ворота*). Но могут осуществлять образную функцию: в лингвокультурном знаке *дом-пряник* образ русского пряника ассоциируется с объектом культуры (в названии этого объекта обыгрывается не только узорчатость пряника, но эта образность распространяется и на другие элементы дома: так его окна сравниваются с атрибутом русского народного костюма и именуются *окна-кокошники*). Наконец, эти знаки могут выступать символами другой культуры: к примеру, *дом Зингера* указывает на американскую культуру и представленность ее элементов в культурном пространстве Петербурга (орел). Соответственно, идея межкультурного взаимодействия представлена в лингвокультурном ландшафте

Петербурга в виде прямых номинаций, а также репрезентируется в виде образов и символов.

Проведенный анализ показывает, что есть все основания выделить три группы вербальных знаков, которые объективируют нарративную линию о межкультурном взаимодействии в петербургском тексте: имеющие в своем составе (1) этноним; (2) культуроним, то есть номинации, включающие в свой состав культурные реалии, относящиеся к различным культурам, и (3) антропоним, знаменующий различные культуры и лингвокультуры. Каждая из этих групп номинаций по-своему реализует нарратив о межкультурном взаимодействии, предлагая несколько вариантов реализации данной идеи. Совершенно очевидно, что, с одной стороны, Петербург как воплощение взаимодействия культур представлен через множественность упоминаемых культур, что свидетельствует о плюралистичном характере их взаимодействия. С другой стороны, культуры находятся в состоянии более сложного переплетения и интегрированности, что можно охарактеризовать как поликультурность, указывающую на их тесную взаимосвязь. Наконец, взаимодействие культур осуществляется через ссылку на объекты культуры или личности, их репрезентирующие.

Список литературы

1. Леонтович О. А. Язык большого города: ключевые проблемы медиаурбанистики // *Этнопсихоллингвистика*. – 2020. – №3. – С. 19-34.
2. Карасик В. И. Когнитивные, семиотические и акциональные характеристики музея как лингвокультурного феномена // *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. – 2024. – 2(54). – С. 120–135.
3. Леонтович О. А. Всевидящее око города с позиций медиаурбанистики // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. – 2018. – Т. 17 – № 4. – С. 206–213.
4. Иванова С. В. Лингво-культурный код как инструмент лингвокультурологического исследования // *Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики. Книга 2. / Сборник, посвященный памяти Ивана Ивановича Мещанинова. / Отв. редактор: д.ф.н. академик РАН А. П. Юдакин*. – Москва : РАН ИЯ, 2005. – С. 200-217.
5. Замятин Д. Н. *Метагеография: Пространство образов и образы пространства*. – М.: Аграф, 2004. – 512 с.
6. Садуов Р. Т. Полевое исследование культурно-языкового ландшафта в национальной республике: описание и обоснование проекта // *Экология языка и коммуникативная практика*. – 2020. – № 1. – С. 23–29.
7. Топоров В. Н. *Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*. – Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2003. – 616 с.
8. Леонтович О. А. *Методы коммуникативных исследований*. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.
9. Троцук И. В. Нарратив (в социологии) // *Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал* – URL: <https://bigenc.ru/c/narrativ-v-sotsiologii-f34c6b/?v=5937584>. Дата публикации: 12.01.2023 (дата обращения 23.09.2024).

Сведения об авторе:

Иванова Светлана Викторовна; доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; svet_victoria@mail.ru;

Ivanova Svetlana Viktorovna; Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; svet_victoria@mail.ru.

УДК 81'27

Отклонение от аналогии как принцип языковой семиотики

Владимир Ильич Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия; доктор филологических наук, профессор; декан филологического факультета; vkarasik@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается отклонение от аналогии как один из принципов знаковой организации общения. В семиотическом плане аналогия и аномалия образуют бинарное единство, при этом аналогия осмысливается как рациональное освоение реальности, а аномалия – как выход за рамки рациональности. Аномалия на фоне аналогии воспринимается как рематическое выдвижение важной информации. Обсуждаются различные типы лингвосемиотических аномалий, в ряду которых можно выделить значимые отклонения в сферах морфологии, лексической семантики и речевых жанров.

Ключевые слова: отклонение от аналогии, семиотический принцип, супплетивизм, катахреза, алогизм.

Deviation from analogy as a principle of linguistic semiotics

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Doctor of Philology, Professor, the Dean of the Philological Faculty; vkarasik@yandex.ru

Abstract. The paper deals with deviation from analogy as one of the principles of sign organization of communication. In semiotic terms, analogy and anomaly form a binary unity, with analogy being understood as a rational mastering of reality, and anomaly as going beyond rationality. Anomaly against the background of analogy is perceived as a rhema advancement of important information. Different types of linguosemiotic anomalies are discussed, among which we can single out significant deviations in the spheres of morphology, lexical semantics and speech genres.

Keywords: deviation from analogy, principle of Semiotics, suppletive forms, catachresis, alogism.

Основополагающей аксиомой лингвосемиотики является принцип асимметричного дуализма языкового знака, сформулированный С. Карцевским: содержание знака стремится к выражению в новых формах, а формы приобретают новое содержание [Карцевский 1965]. Этот принцип обусловлен когнитивно-коммуникативным условием освоения реальности – нам нужно привлечь внимание партнеров по общению с помощью необычных новых способов обозначения

действительности, при этом способы передачи информации в меняющихся условиях общения неизбежно модифицируются.

Такая модификация содержания может быть обозначена как соблюдение аналогии и отклонение от нее, т.е. уточнение принципа асимметричного дуализма языкового знака. Целью данной работы является обоснование различных видов отклонения от аналогии в процессе семиозиса как одного из принципов языковой семиотики. В основу работы положена следующая гипотеза: чем более важным для коммуникантов является содержание определенного знака, тем более вероятно отклонение его выражения от некой парадигмы, в которой функционируют аналогичные знаки.

Эта идея не является новой в лингвистике: «В любом развитом национальном языке заложен значительный потенциал не только для реализации его системных закономерностей, но и для порождения разного рода отклонений от языковых норм и правил, которые не ведут к деструкции системы, а, напротив, являются выражением ее креативного и адаптивного потенциала» [Радбиль 2006, с.3]. В научной литературе противопоставляются отклонения от аналогии, часто понимаемые как отклонения от нормы, в двух направлениях: девиации как индикаторы низкой коммуникативной компетенции и как индикаторы расширения возможностей языковых знаков [Булыгина, Шмелев 1997; Дебрэнн 2006; Нефедова 2002].

Лингвистическое осмысление аналогии неоднократно привлекало к себе внимание исследователей [Исаева, 2024; Козлова, 2018; Кубрякова, 1987; Holyoak, 2005].

Поскольку аналогия является важным когнитивным способом освоения мира, она детально представлена в языке в виде различных типов переносов: метафора, метонимия, синекдоха [Москвин, 2016]. В когнитивной лингвистике проанализированы разные типы переносов на основе ментального бленда, или сопряжения [Fauconnier, Turner, 2002]. В данной работе аналогия понимается как закрепленная в языке и, соответственно, в коллективной и индивидуальной памяти носителей языка парадигма форм для единиц определенного класса – морфологическая, лексико-семантическая и жанрово-дискурсивная.

Можно выделить следующие типы отклонений от аналогии в системе языковых знаков: отклонения в сферах морфологии, лексической семантики и речевых жанров.

Примером морфологической аномалии является супплетивизм как способ образования категориальных форм слова [Горбачевский, 1971; Конецкая, 1974; Косова, 1995]. Известно, что супплетивными являются формы личных местоимений, темпоральные формы глаголов «быть» и «иметь», степени сравнения важнейших прилагательных «хороший» и «плохой». Заметим, что парадигматические изменения корней в личных местоимениях наблюдаются в разных языках (*я – меня, мы – нас, он – его* и др.). Разными являются и формы важнейших глаголов «быть» и «идти» (*я есть, но я был, I am, но I was, я иду, но я шёл, I go, но I went*). В ретроспективе аномалия в германских языках появилась позже (ср. нем. *gehen – gang*, англ. *go – went*). Эти единицы обозначают очень важные явления, и поэтому со временем они становятся аномалиями в системе. Так, в русском языке семантика желания выражается глаголами «хотеть» и «желать», при этом глагол «желать» морфологически изменяется по единой схеме спряжения в настоящем времени (*желаю, желаем*), в то время как глагол «хотеть» совмещает две парадигмы (*хочу, хотим*). Семантика этих глаголов показывает, что базовое выражение волеизъявления есть у глагола «хотеть», в то время как у глагола «желать» наблюдается уточнение этого значения («хотеть в дополнение к тому, что уже имеется»): поэтому базовые потребности выражаются глаголом «хотеть» («очень хочу спать»), но странно звучит словосочетание «очень желаю спать»). Детская речь, как известно, гиперкорректна, она характеризуется построением форм слов по образцу, для нее не характерны аномалии (*она плакает, he goed*).

Аномалии возникают в речи детей и взрослых, но в речи детей они являются поисками обозначений для объектов, нерелевантных для большинства носителей языка («*потерялая кошка*», т.е. потерянная кошка), а в речи взрослых фиксируют те объекты, которые можно определить как особенно релевантные.

Акцентированная семантическая значимость может характеризовать отдельные имена собственные: в русском языке имя «*Иисус Христос*» склоняется по особой парадигме «*Иисуса Христа*». Заслуживают внимания супплетивные формы множественного числа «*человек – люди, ребёнок – дети*», разнокоренные наименования порядковых числительных («*один, два*», но «*первый, второй*»), а также наименования домашних животных и птиц («*бык – корова – телёнок, петух – курица – цыплёнок*», но «*волк – волчица – волчонок*»). В лингвистике сложилось два понимания супплетивизма – узкое и широкое, в первом случае рассматриваются только грамматические формы слов, выступающие в качестве аномалий («*хороший – лучше*»), во втором анализируются факты нестандартной семантической деривации, которые предлагается квалифицировать как гетеронимия («*лечить – врач, шить – портной, рубить – топор, Германия – немец*») [Косова, 1995, с.9].

Исторически супплетивные формы и парадигматические аномалии возникают на базе других слов, но со временем они закрепляются в языковой практике, выделяя семантически значимые единицы.

Переносы в лексической семантике выражены в метафорах. Традиционно разграничиваются живые и стёртые метафоры. В этом плане можно сказать, что стёртая метафора воспринимается как построенная по определённой модели – *спинка кровати, ножка стула, ручка двери*. В качестве модели выступает аналогия в виде сравнения одного объекта с другим, при этом исходным объектом в метафоре является более известный и освоенный предмет, чем тот, который выступает как новый. Отмечено, что «аналогия на основе предметной лексики обладает мощным ассоциативным потенциалом: предметные смыслы, в отличие от не предметных, во-первых, легко включаются в различные сценарии («фреймы»): *крест – взвалить, нести, сбросить*, во-вторых, ассоциируются с практически необозримым количеством свойств, качеств и отношения: *крест – тяжкий, дубовый, мученический...*» [Москвин 2006, с.180]. В целом такое обозначение реальности представляет собой движение от известного к неизвестному или требующему аналогии для упорядоченного осмысления. Отклонение от такой модели нарушает логику построения сравнения и рассматривается как аномалия: «*довольный, как автобус*», «*дурак ты во всю стину*», «*какая лошадь тебя укусила?*» и др. Подобные отклонения могут быть ненамеренными и намеренными, в первом случае они свидетельствуют о низкой коммуникативной компетенции говорящего, во втором случае – о стремлении выразиться оригинально, нарушая привычные пресуппозиции. Обычно подобные аномалии используются для языковой игры.

Особый класс семантических аномалий образуют катахрезы – сочетания несочетающихся признаков [Сковородников, 2008; Якутина, 2007]. В словаре А.П. Квятковского приводится следующее определение этого приема: «сочетание противоречивых, но не контрастных по природе слов, понятий, выражений, вопреки их буквальному значению; например, К. в обиходной лексике: «стрелять из пушки» (в то время как глагол «стрелять» происходит от слова «стрела»), «путешествовать по морям» («путешествовать» — идти пешком), «красные чернила» (черное стало красным) и т.д.» [Квятковский, 1966, с.131-132]. Приведу примеры катахрез в стихотворениях И. Бродского:

Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря,

*дорогой, уважаемый, милая, но неважно
даже кто, ибо черт лица, говоря
откровенно, не вспомнить, уже не ваш, но
и ничей верный друг вас приветствует с одного
из пяти континентов, держащегося на ковбоях.*

*В городке, из которого смерть расплзлась по школьной карте,
мостовая блестит, как чешуя на карпе,
на столетнем каитане оплывают тугие свечи,
и чугунный лес скучает по пылкой речи.
Сквозь оконную марлю, выцветшую от стирки,
проступают ранки гвоздики и стрелки кирхи;
вдалеке дребезжит трамвай, как во время оно,
но никто не ходит больше у стадиона.
Настоящий конец войны – это на тонкой спинке
венского стула платье одной блондинки,
да крылатый полет серебристой жужжащей пули,
уносящей жизни на Юг в июле.*

*Тихотворение мое, мое немое,
однако, тяглое – на страх поводьям,
куда пожалуемся на ярмо и
кому поведаем, как жизнь проводим?
Как поздно за полночь ища глазуню
луны за шторою зажженной спичкою,
вручную стряхиваешь пыль безумия
с осколков желтого оскала в пичую.
Как эту борзопись, что гуще патоки,
там не размазывай, но с кем в колене и
в локте хотя бы преломить, опять-таки,
ломоть отрезанный, тихотворение?*

Авторские семантические аномалии в сложных метафорах и катахрезах выполняют важную функцию выражения континуального смысла, т.е. перевода знакового содержания в область индивидуальных ассоциаций, перетекающих за рамки стандартных значений слов. Эти катахрезы насыщены окказиональными лексическими единицами (*надцатого мартабря, тихотворение*) и фоносемантическими связями (*чугунный лес скучает по пылкой речи, осколки желтого оскала*).

Отдельный тип отклонений от аналогии представляют собой нарушения логики в дискурсе. Такие нарушения пронизывают определенные типы и жанры текстов. Жанрообразующей интенцией таких коммуникативных событий является создание магического дискурса, т.е. такого общения, которое отключает рациональное осмысление реальности. В наши дни магический дискурс переживает перерождение в виде виртуальной реальности. Показательно следующее наблюдение В.В. Дементьева применительно к фантастическому циклу современного писателя Сергея Лукьяненко: «В отличие от настоящего сегодняшнего Интернета, «глубина» не виртуальна, а субъективно реальна: специальная программа «deer» вводит человека в состояние гипноза, в результате происходящее на экране компьютера воспринимается им как полная реальность (включая боль, ранения и даже сытость от пищи и опьянение от алкоголя, «съеденных и выпитых» в «глубине»), недостающие детали которой

автоматически «додумываются» подсознанием: авторы сайтов создают только самые общие очертания, эскизы как обстановки (здания, мебель, машины), так и внешности людей» [Дементьев 2020, с.182]. Примером традиционного магического дискурса является жанр «заговор»:

Заговор оборотня

На море на Окиане, на острове на Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинов пень, в зелен лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый; а в лес волк не заходит, а в дол волк не забродит. Месяц, месяц – золотые рожки! Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страх на зверя, человека и гады, чтобы они серого волка не брали и теплой бы с него шкуры не драли. Слово мое крепко, крепче сна и силы богатырской (<https://publicadomain.ru/russkie-narodnye-zagovory/dlya-prizyva-nechistoy-sily>).

Показательны сеансы Анатолия Кашпировского, известного психотерапевта, телевизионные выступления которого были весьма популярны в нашей стране в конце 80-х - начале 90-х годов прошлого века. Его психотерапия была нацелена на то, чтобы привести аудиторию в транс, пребывание в транс – это отключение критического сознания, это особое состояние, когда смыкаются противоположности:

Напоминаю, забудьте все то, что вы знали на тему внушения, то, что вы читали или слышали, и не старайтесь ни в чем. Ваши чувства, мысли, воспоминания и ощущения, плывите по течению, будьте пассивны, а если точнее, будьте активны в том, чтобы быть пассивными. Хочу сказать наперед и внушить, что совершится только то, что я вам скажу, а если я вам не скажу много, если что-либо случится, то оно будет только положительным. Я и прямо в своих словах, и косвенно, в паузах, и как говорится, между строк, буду вызывать только положительные эффекты, и только реакцию добра. Не задавайтесь, не задавайтесь целью расслабиться, не задавайтесь целью заснуть не задавайтесь целью забыться, не присматриваетесь к себе, не смотрите сейчас на ваши, допустим, рубцы или какие-то изъязны, и не ждите, чтобы у вас на глазах это все моментально прошло, хотя такое тоже не исключено. О чем угодно думайте, ибо многие приписывают мне желание заставить ничего не думать. Так вот думайте, что думается, идите за вашей мыслью так, как нитка идет за иголкой (https://www.b17.ru/blog/kashpir_gipnos).

Этот текст представляет собой пример перевода сознания в транс. Такая техника обеспечивается алогичностью высказываний, столкновением противоположности и убаюкивающим ритмом речи с многочисленными повторами.

Резюмирую.

Отклонение от аналогии, аномалия, представляет собой один из принципов знаковой организации общения. В семиотическом плане аналогия и аномалия образуют бинарное единство, при этом аналогия осмысливается как рациональное освоение реальности, а аномалия - как выход за рамки рациональности. Аналогия воспринимается в качестве нормы, которая становится фоном бытия и переходит в автоматизированные реакции. Аномалия на фоне аналогии воспринимается как рематическое выдвижение важной информации. Существуют различные типы лингвосомиотических аномалий, в ряду которых можно выделить значимые отклонения в сферах морфологии, лексической семантики и речевых жанров. Отклонения в морфологии применительно к супплетивным формам возникают вследствие важных категориальных значений соответствующих словоформ. Отклонения в лексической семантике особенно значимы в индивидуально-авторской речи как знаки привлечения внимания адресатов к содержанию высказываний. В стилистике особенной значимостью обладают авторские метафоры и катахрезы. Отклонения в дискурсивной организации речи значимы в тех

типах дискурса и речевых жанрах этих дискурсивных образований, которые нарушают логику стандартного общения, переводя его в транс.

Список литературы

1. Береговская Э.М. Материалы к словарю «Выразительные средства языка и речи» // Риторика. Лингвистика. Вып. 5: Сб. ст. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 54 – 60.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Аномалии в речевой деятельности // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С.435-451.
3. Горбачевский А.А. Супплетивизм в русском языке (в сопоставлении с другими славянскими языками): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1971. 21 с.
4. Дебрэнн М. Французский язык в речевой практике русских. Межъязыковая девиатология. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. 386 с.
5. Дементьев В.В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.
6. Исаева И.П. Когнитивные основания культурно обусловленных концептуализаций: аналогия в первичной номинации в современном английском языке // Этнокультурная специфика когнитии и ее манифестация в языке и дискурсе: коллективная монография / под ред. И.Ю. Колесова, Л.А. Козловой. Барнаул: АлтГПУ, 2024. С.123-144.
7. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С.85-90.
8. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. 367 с.
9. Козлова Л.А. Фактор аналогии и его роль в лингвокреативной деятельности языковой личности // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике: сборник трудов по материалам международной научной конференции. Барнаул, 18-20 октября 2018 г. Под ред. И.Ю. Колесова. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2018. С.28-33.
10. Конецкая В.П. Супплетивизм в германских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 46 с.
11. Косова В.А. Супплетивизм в номинативно-деривационной системе современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1995. 24 с.
12. Кубрякова Е.С. Размышления об аналогии // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С.43-51.
13. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
14. Москвин В.П. О типологии семантических переносов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т.75. №3. С.5-18.
15. Нефедова Л. А. Явление девиации в лексике современного немецкого языка: монография. М.: Прометей, 2002. 260 с.
16. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 40 с.
17. Сквородников А.П. О катахрезе и смежных явлениях // М.В. Ломоносов и современные стилистика и риторика: сб. статей / науч. ред. И.Б. Александрова, В.В. Славкин. -М.: Флинта: Наука, 2008. С. 245-258.
18. Якутина О.Л. Лингвистическая природа и стилистический потенциал катахрезы (на материале французской поэзии XIX-XXI веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.

19. Fauconnier G., Turner M. *The Way we Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. Basic Books, 2002. 464 p.

20. Holyoak K.J. *Analogy // The Cambridge Handbook of Thinking and Reasoning*. New York: Cambridge University Press, 2005. P.117-137.

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6. vkarasik@yandex.ru

Karasik, Vladimir Ilyich – Dr. Sc. (Philology), Professor, Pushkin State Russian Language Institute. Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 6.

УДК 81

Деривация идиом как системно-языковое и дискурсивное явление: *на сто процентов*

Мария Львовна Ковшова

Институт языкознания Российской академии наук, главный научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации им. акад. Ю.С. Степанова, доктор филологических наук, Москва, Россия, mlk@iling-ran.ru

Аннотация. В статье в системно-языковом и дискурсивно-коммуникативном аспектах рассматривается трансформация идиом, описываются виды трансформации и их влияние на структурные, семантические и прагматические изменения, происходящие с идиомой. Особое внимание уделяется классификации различных способов деривации. На примере конкретной идиомы *на сто процентов* исследуется усиление процессов фразеологической деривации.

Ключевые слова: фразеологическая трансформация, деривация, идиома, виды трансформации, язык, интернет-коммуникация.

Derivation of idioms as a systematic-linguistic and discursive phenomenon: Russian idiom *na sto protsentov* (Eng.: ‘one hundred per cent’)

Maria L. Kovshova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, D.Sc. (Philology), Moscow, Russian Federation, mlk@iling-ran.ru

Abstract. The article deals with transformation of idioms in systematic-linguistic and discursive-communicative approach. Types of transformations and their influence on structural, semantic and pragmatic changes of idioms are described. Derivation is studied as one of the ways of transformation, turning an idiom into an idiom-based word. Much effort is undertaken to classify different ways of derivation. Russian idiom *na sto protsentov* (Eng.: ‘one hundred per cent’) is used as a specific example to show the intensification of phraseological derivation processes. Other vivid examples are also provided.

Key words: phraseological transformation, derivation, idiom, types of transformation,

internet communication.

I. Введение. Основные положения.

Фразеологическая деривация является одним из видов трансформации фразеологизмов, их редукции, превращающей фразеологизмы в особый пласт языка — отфразеологическую лексику, часть которой постепенно утрачивает свою генетическую связь с фразеологией, а часть сохраняет эту связь; ср. отфразеологическое слово и исходный фразеологизм: *вовсю* — *во всю силу (мощь)*; *лизоблюд* — *лизать чьё-либо блюдо*; *лоботряс* — *трясти лбом*; *пустомеля* — *молоть пустое*; *спятить* — *спятить с ума*; *трепать (трепаться)* — *трепать языком* и др. В деривации фразеологизмов репрезентируется взаимосвязь между единицами лексического и фразеологического уровней языка, которые находятся в отношениях формально-структурной и семантической производности (В.В. Виноградов, В.П. Жуков, М.А. Алексеенко, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и др.). Движение от слов — к фразеологизмам (коллокациям и идиомам) и от фразеологизмов — к словам, но не простым, а отфразеологическим, способствует обновлению и расширению языкового состава; приводит к созданию неологизмов; напр., *беспятиминутный*, *забугорье*, *пофигатор*, *тяпляписто (работать)* и др.; вызывает появление лексико-фразеологической синонимии; напр., *морочить голову* — *морочить*; *задевать за живое* — *задевать* и др. Отфразеологическая единица, возникшая вследствие деривации устойчивого сочетания или идиомы, может развивать свой деривационный ряд; ср., напр., образованное от коллокации *делать, строить гримасы* слово *гримасничать* и его ряд: *гримасничанье, гримасник, гримасница*; ср., например, образованное от идиомы *болтать языком* слово *болтать* и его ряд: *болтать, болтун, болтушка, болтливый, болтовня, болтология, заболтанный* и др. Деривация фразеологизма в некоторых случаях приводит к семантическому перераспределению исходной единицы (как правило, идиомы) и созданию двух образных единиц, автономных по семантике (напр., *всплывать на поверхность* — *всплывать и на поверхности*; *знать телегу* — *знать и телега*; и др.). Не во всех словарях содержится указание, что то или иное слово возникло из фразеологизма; в основном, это отмечается в словарях неологизмов или словарях субстандартной лексики; так, в словаре «Новые слова и значения» [Котелова 1984] и «Словаре русского арго» [Елистратов 2000] как произведенные из фразеологизмов отмечены *крыша, забугорный, заморочка* и др. В «Словаре языка интернета.ru» [Кронгауз 2016, с. 38-39] описывается глагол *доставлять* в значении 'приносить удовольствие или вызывать любую сильную эмоцию'; приводятся иллюстрации: «*Песня доставляет*»; «*Погода доставляет*»; ср. устойчивое сочетание (коллокацию): *доставлять удовольствие*. В нацеленном на отфразеологическую лексику Словаре [Алексеенко, Белоусова, Литвинникова 2003] собрано и описано более 700 фразеологических дериватов и их производных; напр., *скалить зубы* — *зубоскал, скалозуб*; *хлопать ушами* — *прохлопать*; *шапками закидать* — *шапкозакидательство* и др. В словаре показано, что отфразеологическое слово образуется часто путем сложения (с сокращением, с преобразованием) слов-компонентов фразеологизма в одно целое; ср. узуальные и окказиональные дериваты: *выньдаположный, ерундоносный, немогузнайка, очковтирательство, умопомрачение* и др. Не менее продуктивным способом является редукция слов-компонентов в пользу одного слова (с преобразованием и без), на котором делается семантический акцент; ср., напр.: *баклушник, велосипед, городить, мутить* и др.

Сосредоточим свое внимание на идиомах.

Преобразование идиомы в от-идиоматическое слово охватывает разные стилистические пласты — от просторечия (грубого просторечия) и жаргонов до литературного разговорного языка; ср.: *забить болт на что-л.* — *забить*; *мокрое дело*

— мокруха; на крайний случай — накрайняк; на хрена — нахрен; плести лапти — плести; тронуться умом — тронуться и др. Как правило, деривация приводит к понижению стилистического ранга у преобразованной единицы; ср.: *возводит поклёп* — *клепать на кого-л.*, *петь аллилуйю* — *аллилуйщик*, *сермяжная правда* — *сермяга* и др.

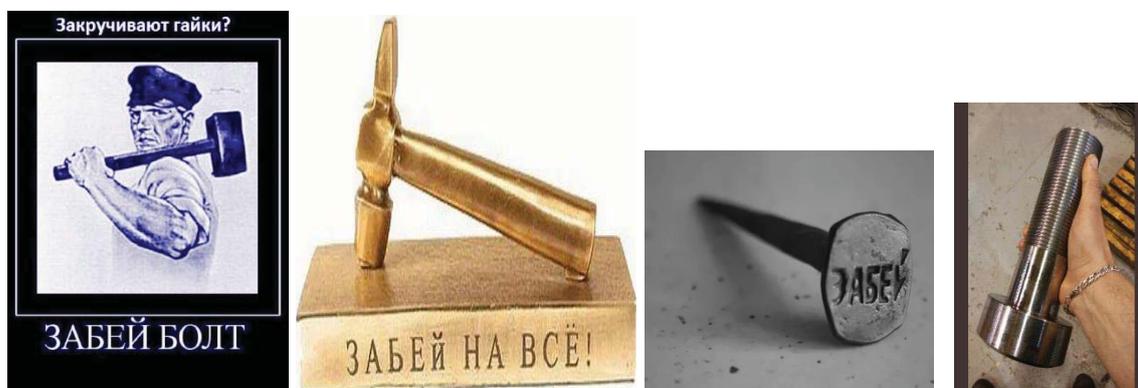
Как системно-языковое явление, фразеологическая деривация вызвана несоответствием между слитным содержанием фразеологизма и его расчлененной формой. Фразеологизм формируется в ходе особого семантического процесса — фразеологизации, или семантической редукции слов и переосмысления базового словосочетания. В результате фразеологизации словосочетание и его составные части утрачивают свою семантику, и создается единое, фразеологическое, значение (В.В. Виноградов, В.П. Жуков, А.В. Жуков, В.Н. Телия и др.). Единое значение объективно «ищет» целостную форму, и происходит деривация фразеологизма.

Как дискурсивное явление деривация быстрее реализуется и распространяется в разговорной речи, в обыденном общении. Процессы деривации усиливаются: 1) в периоды «демократизации языка» (по Л.П. Крысину), которая способствует распространению разговорного языка, просторечия и жаргонов; 2) в определенных коммуникативных условиях.

В настоящее время опытной площадкой деривации фразеологизмов, прежде всего — фразеологизмов-идиом как образных экспрессивных знаков выступает обыденная коммуникация в интернет-пространстве, характеристиками которой являются: речевая небрежность, упрощенность, лаконичность, жаргонность, экспрессивность, поликодовость (мемы, демотиваторы, эмодзи) и др.

Так, жаргонная идиома, в которой нецензурный компонент заменен словом *болт*: *забить (класть/положить) болт на что-либо* и ее дериваты *забить* со значением ‘не реагировать, не переживать, забыть’ и *болт* с условным значением ‘безразлично, не волнует’ встречается, главным образом, в текстах интернет-коммуникации (блоги, форумы), а также в литературном дискурсе. Ср. [НКРЯ]: — *Да забей ты болт на них, — уговаривает Санёк.* (Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)). [*нето_ki (nick)*] *В каждом классе найдется пара-тройка детишков, которые на оценки кладут болт* (Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) (2008)). *Но Юрка не мог так легко забить на проблемы...* (А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)). *На побережье, потрогав воду..., решаю забить на это дело...* (С. Яковлев (2000)). *Забей, чел, тут кажется своя альтернативная реальность* (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (02.08.2022)). *Но мне все равно, в какой теме это написать! Болт На Белом море чтоль ???* (Белое море (форум) (2007)).

Ср. также примеры, репрезентирующие идиому поликодовыми средствами интернет-коммуникации:

Ускорившееся сокращение слов и выражений как тенденция в интернет-

коммуникации описано в [Кронгауз 2016]; ср. отдельные единицы интернет-общения и способы их образования: *крч* — [крч] сокращение путем усечения слова < *короче*; *норм* — сокращение путем усечения слова < *нормально*; *прив* — сокращение путем усечения слова < *привет*; *имхо* — аббревиация < англ. in my humble opinion, по моему скромному мнению; *втф* — аббревиация < англ. WTF What the fuck?/что за хрень?; *лол* — аббревиация < англ. laugh out loud, громко смеюсь; *омг* — [оэмгэ] аббревиация < OMG, о мой бог; *хз* — [хэээ] аббревиация < *хрен знает*. «Я хз когда вернусь»; *нуок* — [нуок] слияние двух частиц *ну* и *ок* < англ. ОК; *ржунимагу* — сращение трех компонентов; *столицот* < 100500; высокая степень согласия.

II. Идиома *на сто процентов* и виды ее трансформации

Обращение к идиоме *на сто процентов* в исследовании фразеологической трансформации неслучайно. Во-первых, на наречных фразеологизмах хорошо видно, что сокращается даже то, что уже коротко. Во-вторых, наречные фразеологизмы соприкасаются в системе языка с глагольными фразеологизмами и грамматическими предложно-падежными сочетаниями. В науке объем (состав) и границы наречной фразеологии до сих пор точно не определены.

Одни лингвисты сокращают наречную идиоматику до устойчивых предложно-именных выражений: *как угорелый, на публику, ни в какую* и др.

Другие включают в состав фразеологизма глагольные слова-сопроводители: *носиться как угорелый, работать на публику* и др. Третьи считают фразеологией разные грамматические образования: *в открытую, на случай* и др.

Устойчивое словосочетание экономической (бухгалтерской) сферы *на сто процентов* идиоматизировалось со второй половины XIX века, по данным НКРЯ; ср. иллюстрации: ... *самая опасная болезнь это жизнь, потому что она ровно на сто процентов кончается смертным исходом...* (М. Арцыбашев. У последней черты (1910-1912)). *И с той самой минуты авторитет Фомушки возвысился ... по крайней мере на сто процентов* (В. Крестовский. Петербургские трущобы (1867)). ... *во мнении которых выиграла по крайней мере на сто процентов...* (Ю. Жадовская. В стороне от большого света (1857)). В основе идиомы лежит «математическая метафора», фигурируют «элементы математического аппарата», которые в идиоме приобретают оценочный характер и с помощью которых можно интерпретировать как положительное, так и отрицательное явление (см. подробнее [Вознесенская, Киселева, Козеренко 2014]).

В Словаре [Мокиенко, Никитина 2008, с. 540, 643] фразеологизм помещен в двух словарных статьях; ср.:

На сто процентов. Разг. О высшей степени проявления какого-л. признака, качества.

На все сто. Прост. 1. Хорошо, отлично (делать что-л.). 2. Целиком, полностью. *На все сто двадцать*. Прост.

В АСФРЯ семантика идиомы собрана в одной словарной статье [Баранов, Добровольский 2015, с. 823—824]; ср.:

на все сто; на [все] сто процентов. Нейтр.

1. Некоторое свойство реализовано полностью, хотя можно было бы ожидать другого. ~ *Полностью, в одной мере*. «... место чудесное... *на все сто двадцать пять с половиной!*»

2. Выражение полной уверенности в предшествующем утверждении как реакция на вопрос. ~ *Конечно, разумеется, безусловно, несомненно*. «— Ты армянин? — Армянин. — *На сто процентов?* — *Даже на сто пятьдесят*».

3. Полностью соответствующий некоторому образцу: «*парень на все сто*», «*выглядит на все сто*».

Если давать грамматическую и семантическую характеристику идиомы, необходимо добавить, что идиома *на сто процентов* является определительным наречным фразеологизмом. Числовой и математический компоненты вследствие абстрагирующей инерции не полностью нейтрализуют свои лексические признаки и сохраняют элементы своей лексической семантики в образной семантике идиомы. При трансформации идиомы *на сто процентов* категориальное отвлеченное значение компонентов ослабевает, а значение фразеологическое, оценочное, усиливается.

Перечислим **виды трансформации** идиомы:

1. замена числового компонента; 2. расширение компонентного состава фразеологизма; 3. контаминация; 4. семантическая трансформация; 5. деривация (редукция) идиомы.

Назовем все способы деривации: а) сокращение (эллипсис vs. лакунизация) компонентов; б) сращение компонентов; в) усечение или сокращение нечислового компонента и сращение сокращенных компонентов; г) девербализация (полная или частичная); д) «кентавризация», или сращение вербального и невербального компонентов.

Рассмотрим все пять видов трансформации и кратко охарактеризуем их влияние на семантику и прагматику идиомы.

1. Замена числового компонента на другой числовой компонент:

а) выше по количественной семантике актуализирует «математическую» оценочность, отражает градуированность признака, усиливает экспрессивность идиомы. Ср. [НКРЯ]: *...вина Пичугина и его подельников доказана на двести процентов* (Коммерсант (2006)). *Вот дай человеку маленькую власть — билетер в кинотеатре, и все, он уже эту власть будет использовать на четыреста процентов* (прот. Дм. Смирнов. Проповеди (1986-1989));

б) ниже по количественной семантике ведет к образованию лексико-семантических вариантов идиомы. Так, идиома *на пятьдесят процентов* употребляется со значением — ‘не в полной мере; не полностью’. Ср. [НКРЯ]: *Если он на пятьдесят процентов оправдался, у нас праздник* (А. Гладилин. Прогноз на завтра (1972)). — *Вот он вроде шутит, а сам на пятьдесят процентов уверен* (Р. Амосов. Подъем на холм // «Ковчег», 2012). *Андрей на пятьдесят процентов был буффонадником и на пятьдесят — коверным...* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)). Ввод квантификатора *все* в данную идиому делает суждение парадоксальным; ср. [НКРЯ]: *На самом-то деле он не немного, а на все пятьдесят процентов балтийский немец* (В. Аксенов. Таинственная страсть (2007)). — *А разговор будет на все пятьдесят процентов. Ты не знаешь музейный коллектив* (Волга (2002)).

2. Расширение компонентного состава

а) происходит при замене числового компонента на двусоставный числовой компонент; ср. [НКРЯ]: — *Мы согласны с позицией ваших читателей на сто пятьдесят процентов* (КП (1994));

б) реализуется во фразеосхеме «не на X, а на Y»; признак дан в его измерительном проявлении и синтаксически представлен с помощью восходящей градации; переменные заполняются исходным или преобразованным числовым компонентом; ср. [НКРЯ]: *Он был уверен даже не на сто — на двести пятьдесят процентов...* (А. Маринина. Последний рассвет (2013)). *Саша опять был прав, уже не на двести, а на триста процентов* (М. Баконина. Школа двойников (2000));

в) реализуется в создании объяснительного контекста, или перефразировании; ср. [НКРЯ]: *Не знаю уж, что почувствовал он, но я — впервые с мужем — почувствовала себя женщиной на все пятьсот процентов (потому что сто для меня мало, мне надо не меньше двухсот)* (Е. Белкина. От любви до ненависти (2002)).

3. Контаминация идиомы *на сто процентов* и свободного словосочетания *на сто сорок шесть процентов* привела к их семантическому слиянию. В 2011 г. на канале «Россия—24» показали графики выборов в Госдуму в Ростовской области: общий результат голосов составил 146,47 % избирателей. Словосочетание приобрело семантику фальсификации и устойчивость в политическом дискурсе, а затем, под воздействием семантики выражения *на сто процентов*, идиоматизировалось и стало употребляться с дополнительными коннотациями не только в политическом или социальном, но также в обыденном дискурсе. Ср.: иронический пример из vk в [НКРЯ]: *Я вообще-то занят на сто сорок шесть процентов...*

4. Семантическая трансформация.

Слова-сопроводители (напр., *уверен, готов, прав, выкладываться, выглядеть* и др.) усиливают лексической семантикой значение идиомы, приносят свои коннотации. Появление новых слов-сопроводителей указывает на расширение денотативной сферы, то есть вовлечение в «стоцентную» метафору объектов, которые не имеют статуса измеряемой величины, что говорит о движении от «слабой» метафоризации в данной идиоме — к «сильной» (см. подробнее о таких преобразованиях в [Семенова 2014: 42–43]). Ср. [НКРЯ]: *Вместо того чтобы отправлять его в настоящий бой, где он умрёт на сто процентов, мы прогоняем его через сотню ненастоящих боёв* (В. Пелевин. Бэтман Аполло (2013)).

5. Деривация.

Деривация идиомы ведет историю с 50-х годов XIX века, с развития ее адъективных и наречных дериватов. Ср. [НКРЯ]: *... спесь в газете стопроцентно упала* (К. Скачков. Мой дневник (1853)). — *Какая скотина! ... Какая жирная, стопроцентная скотина! И все врёт* (А. Хованская. Авантюристка (1928)). *... маленький, верткий, очень ладный, стопроцентный итальянец бежал сквозь толпу* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)). *Сейчас-то чепуха стопроцентная ...* (А. Найман. Колыбель (2012)). Данные суффиксальные дериваты имеют семантическую связь с исходным фразеологизмом: *стопроцентный/-ая, -ое* ‘настоящий, абсолютный’; *стопроцентно* ‘абсолютно, полностью’. Важно отметить, что в деривации участвует только один числовой компонент — «сто», что косвенно свидетельствует о символической значимости данного компонента в составе идиомы и ее дериватах, это соответствует символической семантике круглого числа «сто» в различных семиотических системах культуры (мифе, фольклоре, художественной литературе и др.).

Остановимся на деривации, или редукции, идиомы подробнее.

III. Способы деривации идиомы *на сто процентов*

Способы деривации разных морфологических и синтаксических типов фразеологизмов могут быть разными, это также связано с особенностями образного «устройства» той или иной идиомы, ее внутренней формы, ее семантики и др. Представим способы деривации идиомы *на сто процентов*:

а) Сокращение: **лакунизация** (опущение компонента) и **эллипсис** (неразвёрнутость в смысловом и структурном плане):

— **лакунизация математического компонента *процентов*** возможна только при наличии квантификатора с предельно-обобщенной семантикой *все*. «— *А вы соглашались с вашим собеседником? <...> — На все сто! — подтвердил тот, любя выразиться вычурно и фигурально*» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита (1928—40)), *Упарились мы с ним на все пятьсот* (Г. Владимов. Три минуты молчания (1969)).

— **эллипсис предлога *на*** вызывает трансформацию структуры идиомы, но самое главное — влечет за собой функционально-смысловую редукцию идиомы, у которой от всех перечисленных выше значений остается одно: *сто процентов* — ‘наверняка, точно;

абсолютно'. Ср. [НКРЯ]: — *Это точно? — Сто процентов. Я сижу у него в номере* (С. Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016). — *Прямо-таки сто процентов? — Двести* («Волга», 2010). *Посадят теперь, сто процентов* (О. Гришаева. Невеста (2012)). — *На пенсию вышибут, это сто процентов...* (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)). *Сто процентов, что начался бы серьезный политический кризис.* (В. Пелевин. S.N.U.F.F (2011)). Ср. также примеры из рабочего корпуса автора: — *Ты пойдешь сегодня туда? — Омг, сто процентов!)))* — *Будем бабушками, но продвинутыми.* — *Сто процентов! — Ахахахахаха точно* (telegram 2023).

Важно отметить, что сокращение числового компонента *сто* невозможно.

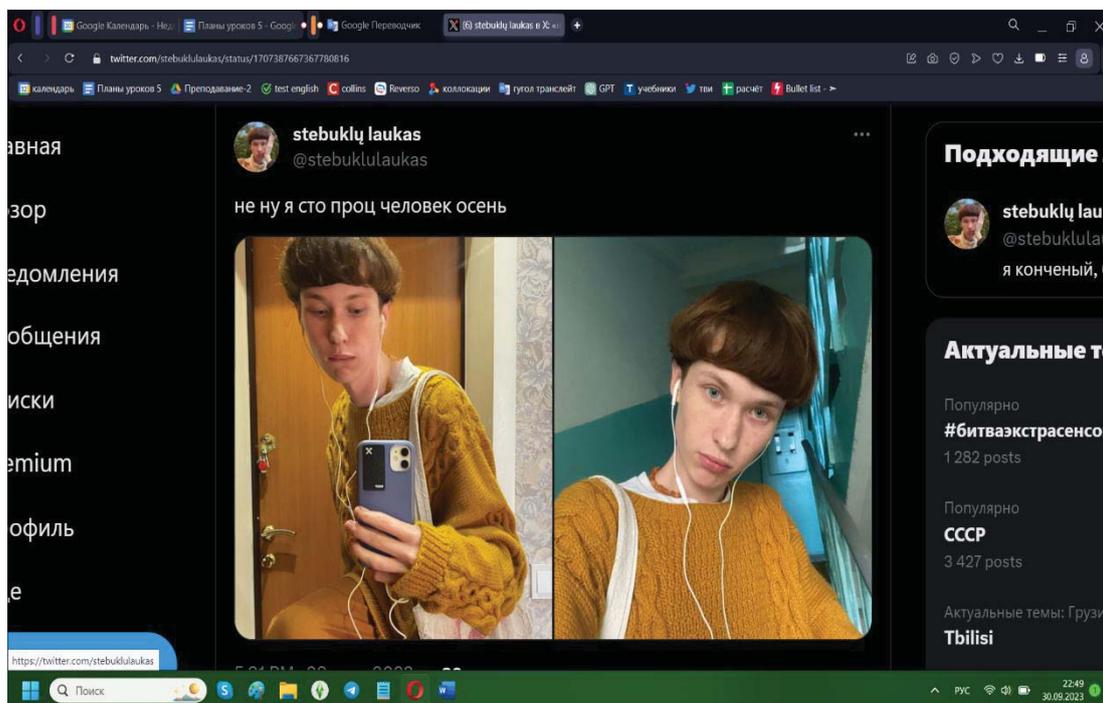
б) Сращение компонентов сокращённой идиомы (без предлога *на*): *сто процентов > стопроцентов*. Ср. [НКРЯ]: Основной корпус (1 пример) и Социальные сети (3 примера). *И стопроцентов победителем был не тот кто из бу материала смастерил, а из нового, потому что красивее.* (vk 2021). *Стопроцентов не выйдет ко мне* (vk 2021). *Ну кстати говоря, вампиром быть прикольно, но если бы не маска, Дио бы стопроцентов стал бы как-нибудь вампиром* (telegram 2023).

в) Усечение и сокращение нечислового компонента и сращение компонентов в одно слово: *сто проц, сто проц., стопроц*; ср. примеры из рабочего корпуса автора (telegram 2023): *до конца октября у меня появится новая комната сто проц*; *В этом и прикол сто проц.*; *сто проц реклама не верь*; *я завтра сто проц на изо разрыдаюсь*.

Отметим, что сокращение компонента *процентов* до *проц.* с точкой свойственно употреблению словосочетания в исходном экономическом значении; ср. [НКРЯ]: ... *меновая торговля ... (с неслыханными барышами, более чем на сто проц.)...* (С. Максимов. Сибирь и каторга (1871)). ... *план должен быть выполнен на сто проц.* («Вольное казачество» (1930)).

Развитие деривации приводит к сращению числового и сокращенного (усеченного) нечислового компонента в одно слово: ср. [НКРЯ]: *стопроц Арсений поехал домой в москву пыль в квартире вытирать*; *плохой сон вот то что спал на спине эт я стопроц.*

Ср. также пример усечения нечислового компонента из рабочего корпуса автора:

г) Девербализация, или замена в редуцированной идиоме вербального

числового компонента на невербальный:

— частичная; ср. [НКРЯ]: *уверен прям 100 проц будет труба по началу; Она то 100 проц поступила с третьей попытки;*

— полная; ср. [НКРЯ]: *Не судите и не делайте из себя миллионеров.* — 100

Добавим к этому, что на девербализацию идиомы также оказало влияние существование жеста как символа согласия, одобрения или знака того, что всё хорошо, и то, что данный жест используется в качестве визуальной репрезентации идиомы. Ср. [НКРЯ]: — *Ты уверен? — Сто процентов, — делает ноль пальцами Кистти.* (И. Абузаров. Финское солнце // «Октябрь», 2013).

Назовем последний способ деривации идиомы:

д) «Кентавризация», или сращение вербального и невербального компонентов; ср. [НКРЯ]: *Я 100проц тебя старше, так что то ненадо; Вдруг я неправильно это напишу? Должна ж быть 100проц уверенность!*

В добавление к проведенной классификации различных видов трансформации идиомы на *сто процентов* отметим, что в сленге имеется вариант данной единицы: *сто пудов* — ‘навверняка, точно, стопроцентно’ и его отфразеологические дериваты: *стопудовый, стопудово* [Алексеенко, Белоусова, Литвинникова 2003, с. 312-313]. Ср. [НКРЯ]: *Это точно, ребята, сто пудов!* (ОРТ (1998)). — *Точно? — Сто пудов.* (А. Геласимов. Ты можешь (2001)). — ... *парнишка сядет стопудово... Так и сказали — стопудово* (А. Кивинов. Работа с риском (2014)). Развитие деривации варианта идет тем же путем по продуктивным моделям: *стопудняк, стопудов и стопуд.* Ср. [НКРЯ]: *Ты ему тоже нравишься! Это стопудняк!* (И. Молчанова. Дневник юной леди (2015)). *Днсы стопудняк* Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (18.02.2021). Ср. также в [НКРЯ] примеры vk (2010 — 2022): *Стопудов бюджет распилят; стопудов я незапланированный ребёнок; — Айфон стопуд дороже, ежу понятно — 100*

IV. Основные выводы. Деривация идиом как системно-языковое явление детерминирована несоответствием между слитным планом содержания и расчлененным планом выражения идиомы, а также объективными процессами взаимодействия между лексическим и фразеологическим составом языка. Как дискурсивное явление деривация идиом свойственна, прежде всего, обыденной коммуникации; ускорение деривации обусловлено «демократизацией» языка, влиянием на нейтральный язык просторечия и жаргонов; усиление деривации вызвано активными процессами в интернет-коммуникации. Деривация идиом способствует как развитию форм и смыслов, так и смысловой редукции, жаргонизации и девербализации идиом. Предполагается дальнейшее исследование возможных трансформаций разных морфологических и синтаксических типов фразеологизмов, их способности «сворачиваться» в слово или превращаться в невербальный (полувербальный) знак, теряя или не теряя при этом связь с исходным фразеологизмом.

Список литературы

1. Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004. 238 с.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.) Академический словарь русской фразеологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСРУС, 2015. 1168 с.
3. Вознесенская М.М., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. «Тоже мне, бином Ньютона»: операции с числами в составе русских идиом // Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах. М.: URSS, 2014. С. 313—327.

4. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990 гг.). М.: Азбуковник, Русские словари, 2000. 694 с.
5. Котелова Н.З. (ред.) Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М.: Русский язык, 1984. 805 с.
6. Кронгауз М.А. (ред.) Словарь языка интернета.ru. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 288 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с.
8. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.10.2024).
9. Семенова С.Ю. Имена русских общеколичественных параметров // Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах. М.: URSS, 2014. С. 36—44.

Сведения об авторе:

Ковшова Мария Львовна; доктор филологических наук, Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1; mlk@iling-ran.ru

Maria L. Kovshova; D.Sc. (Philology), Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1, building 1 Bol'shoi Kislovsky per., 125009, Moscow, Russian Federation; mlk@iling-ran.ru

УДК 81

Возможный мир и мир возможного: перспективы лингвистического анализа

Андрей Эдуардович Левицкий

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, профессор, Москва, Россия, science&research@ffl.msu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы отражения “возможного” в вербальном конструировании информации о мире, воспринимаемом как целостное единство, а также как наличие ряда его составляющих, существование которых является неочевидным. Место “возможного” на грани “реального” и “нереального” рассматривается на основе данных словарей и опроса искусственного интеллекта.

Ключевые слова: возможный мир, вербализация, реальность, ирреальность, дискурс, искусственный интеллект.

The Possible World vs the World of Possibilities through the Prism of Linguistic Analysis

Andrei E. Levitsky

Moscow Lomonosov State University, professor of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, doctor of Philology, professor, Moscow, Russia, science&research@ffl.msu.ru

Abstract. The article tackles the matters of reflecting ‘possibilities’ while constructing the verbal information related to the world, treated as the entity versus a set of its components, the existence of which is deemed dubious. ‘Possible entities’ lie on the borderline between ‘reality’ vs ‘unreality’ and reveal themselves on the ground of dictionaries, and artificial intelligence questionnaires.

Keywords: the possible world, verbalization, reality, unreality, discourse, artificial intelligence

Вопросы вербализации информации о реальных и ирреальных сущностях занимают важное место в конструировании целого ряда дискурсов. Так, художественный текст, в понимании Я. Хинтикки, видится как “возможный мир”, т.е. “возможное состояние дел” [Хинтикка 1990, с. 40], или “вероятное положение дел по отношению к субъекту, находящемуся в мире реальном” [Хинтикка 1980, с. 229]. Именно вымышленный мир художественного произведения отражает понимание его автором реального мира, в котором он и проживает. Безусловно, для убедительной передачи идеи в своём произведении автор должен воссоздать ключевые параметры мира, в котором живет писатель и потенциальные читатели. Этим и отличается художественный дискурс и от дискурса документального. В частности, речь идет о сценариях документальных фильмов и иных документах, имеющих важное историческое значение. Именно документальный дискурс отличается максимальной точностью изложения исторических фактов. В таком дискурсе важным становится вопрос о реальности / аутентичности имеющихся документов. Таким образом, исключается проблема соотношения объективности и субъективности.

В то же время вышеназванная проблема ярко высвечивается в мемуарном дискурсе, в котором в той или иной форме присутствует как план объективного, так и субъективного. Последний выявляется в авторских оценках, предположениях, размышлениях, трактовках описываемых событий, что заметно снижает объективность отражения реальных фактов. Имманентным свойством мемуаров является наличие субъективного, т.е. авторского плана. Именно это безусловное достоинство авторского отражения исторических событий трансформирует реальное в возможное. При этом для мемуариста фактическое возможное мыслится как реальное, что ставит вопрос о существовании реального как такового.

Неудивительно, что для создания художественного произведения автор вынужден создать определенные художественные образы, использовать реальную информацию в ином времени или пространстве. Художественный вымысел часто становится “реальным” в рамках культуры. К примеру, многие описания исторических персонажей Л. Н. Толстым в «Войне и мире», их представления в художественной одноименной киноленте, не говоря уже о пьесе А. Гладкова «Гусарская баллада» и её экранизации Э. Рязановым. Сериалы о жизни Петра I, М. В. Ломоносова, Дж. Верди, других выдающихся людей, основанные на реальных фактах, всё же являются произведениями искусства, что не требует 100% отражения реальных событий и обязательного наличия реальных персонажей. Речь идет о том, что художественный вымысел, запоминающиеся фразы, театральные или кинематографические ракурсы, сцены и эффекты, становясь достоянием культуры фактически возможные входят в сокровищницу национальной культуры, невзирая на возможность, а не реальность их соответствия действительности.

На основе возможного основываются разного рода фейки, слухи, ложь, фантазии, обман, мошенничество. Нечто, входящее в мир возможного способно трансформировать мир из реального в ирреального.

Особое место занимают дискурсы, отражающие возможный мир, который возможен только в воображении автора и получателей. Это касается, в первую очередь,

профетического – дискурса предсказаний (в частности, сонников, гороскопов) и виртуального – дискурса компьютерных игр, сказок, басен. В сказочном дискурсе на основе реального фигурируют фантастические существа, предметы или явления, маркирующие ирреальность.

Вместе с тем нами зафиксированы факты, когда предметы, явления или существа из мира нереального переходят в мир возможного, а затем и в мир действительного, включая самолёт, космический корабль, бронированная одежда, современные лекарственные препараты, информационные системы и др.

Лексикографические источники в определении ‘возможного’ допускают его близость к реальному: “мыслимый, осуществимый, допустимый” [Ожегов, Шведова 1994, с. 204]; “может или мог случиться, произойти” [Ушаков 1996, с. 297]; “вероятный, предполагаемый; выполнимый, достижимый; наибольший по степени проявления, разнообразию и т.п.” [Кузнецов 2008, с. 144]. Кроме этого, ‘реальный’ в одном из значений трактуется как “возможный для выполнения, осуществимый” [Кузнецов 2008, с. 1108]. Таким образом, возможность, если она потенциально реализуемая, может стать реальной, либо как потенциально нереализованная остается латентной, т.е. нереальной.

Для определения параметров мира возможного и возможного мира был задействован метод получения информации от нейронной сети ChatGPT. На вопрос о местонахождении искусственного интеллекта (в мире возможного или в возможном мире) был получен ответ, что он находится в реальном мире. Однако он может воспринимать мир как пространство возможностей, но всё же живёт в мире возможного. Он отметил, что создаёт новый возможный мир — альтернативную версию реальности, которая могла бы осуществиться при других обстоятельствах, формируя множество потенциальных сценариев будущего.

Кроме того, ChatGPT считает, что он и человек существуют в одном мире, но их восприятие и взаимодействие с этим миром различны. Человек воспринимает мир через чувства, эмоции и субъективный опыт, тогда как искусственный интеллект обрабатывает данные и выполняет задачи на основе алгоритмов и программирования.

Искусственный интеллект может помочь людям в различных сферах, таких как медицина, образование и технологии, но он не обладает сознанием или эмоциями. Таким образом, хотя они и находятся в одном мире, их существование и восприятие этого мира различаются.

Возможный мир бот описывает как многообразный, технологичный, связанный, динамичный, инклюзивный, экологичный, креативный и сложный, что подчеркивает разнообразие и сложность современного мира, в котором взаимодействуют люди и технологии. В то же время мир возможного описан как утопичный, инновационный, гармоничный, справедливый, устойчивый, открытый, мечтательный и разнообразный, что раскрывает возможности и надежды, создавая пространство для роста и развития. Кроме того, бот признаёт, что возможный мир скорее относится к нереальному, идеализированному состоянию, в то время как мир возможного ближе к реальному, отражая динамику и многообразие человеческой жизни [ChatGPT]. Данный вывод в целом совпадает с нашей трактовкой возможного мира и мира возможного.

Список литературы

1. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Но-ринт; М.: Рипол классик, 2008. 1534 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1994. 907 с.
3. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Изд. Центр Тер-ра, 1996. 828 с.

4. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 447 с.
5. Хинтиikka Я. Логика в философии – философия логики // логикоэпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1990. С. 36 – 67.
6. ChatGPT [Электронный ресурс]. URL: <https://gpt-chatbot.ru/> (дата обращения: 25.10.2024).

Сведения об авторе:

Левицкий Андрей Эдуардович: доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1; science&research@ffl.msu.ru; +7(495)939-10-00.

Levitsky Andrei Eduardovich: Doctor of Philology, Professor, Moscow Lomonosov State University, Leninskiye Gory 1, Moscow, 119991, Russian Federation; science&research@ffl.msu.ru; +7(495)939-10-00.

УДК 81

К вопросу о значении в процессе перевода

Алексей Генриевич Минченков

Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры иностранных языков в сфере физико-математических и химических наук, доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия, a.minchenkov@spbu.ru

Аннотация. В статье в рамках когнитивно-эвристического и холистического подходов на материале англоязычных переводов пьесы А.Н. Островского анализируются и уточняются понятия значения и смысла, их природа и преобразования в переводческом процессе. С учетом природы смысла определяется понятие переводимости.

Ключевые слова: значение, смысл, лингвистический холизм, когнитивно-эвристический подход, переводимость, контекст, культурно-ориентированная единица

On Meaning in the Process of Translation

Alexey G. Minchenkov

Saint Petersburg State University, professor of the Department of Foreign Languages in the Sphere of Physics, Mathematics and Chemistry, Doctor of Philology, Associate Professor, Saint Petersburg, Russia, a.minchenkov@spbu.ru

Abstract. Within the framework of cognitive-heuristic and holistic approaches, using English translations of a play by A. Ostrovsky the paper discusses and specifies the notions of meaning and sense, their nature and transformations in the process of translation. Based on the understanding of the nature of sense, the notion of translatability is defined.

Key words: meaning, sense, linguistic holism, cognitive-heuristic approach, translatability, context, culture-specific unit

Вопрос о природе значения является центральным для любой теории или модели переводческого процесса. От того, как понимается значение, в большой степени зависит

отношение исследователя к проблеме переводимости, к понятию единицы перевода и эквивалентности, то есть равнозначности тех или иных единиц двух участвующих в процессе перевода языков. В современной теории перевода ведущей является точка зрения, в соответствии с которой переводчик имеет дело с языковыми единицами в речи, так что так называемые эквивалентные отношения устанавливаются на основе того типа значения, которое обозначается как контекстуальное. В русскоязычной традиции контекстуальный тип значения противопоставляемый языковому значению может обозначаться также как содержание [Латышев 1981, Алексеева 2004] или смысл [Швейцер 1988]. Несмотря на признание того, что именно контекстуальный смысл, а не языковое значение является инвариантом перевода, природа смысла и значения и суть различия между ними применительно к переводу как виду речемыслительной деятельности часто оказываются невыясненными. В частности, в англоязычной литературе по переводу достаточно часто встречается недифференцированное использование слова *meaning*. Некоторые исследователи употребляют его в разных контекстах, в сущности не разделяя два вида значения [Neubert, Shreve 1992], другие обозначают этим словом то языковое, то речевое значение [Larson 1998, с. 59-61]. Кроме того, в работах различных авторов можно встретить утверждения и термины, которые вызывают вопросы, поскольку, на наш взгляд, вступают в то или иное противоречие с указанной выше точкой зрения. Во-первых, это тезисы о наличии в языках труднопереводимой или неперевоаемой лексики. К ней относят, например, так называемые лингвоспецифичные слова, такие как русские *душа, судьба, тоска, собираться, довелось, обида, вопреки* [Зализняк 2006, с.207]. Важно обратить внимание на причину, по которой данные слова характеризуются таким образом: их переводные эквиваленты не могут включать всех важных составляющих их значения [Вежбицкая 1997, Зализняк 2006]. В схожем ключе размышляют некоторые авторы, касающиеся вопроса лакун в переводе. Так, в частности, И. Ю. Марковина и Ю. А. Сорокин, анализируя текст, содержащий английское слово *pursuit*, относят его к полным лакунам на основании того, что приводимые англо-русским словарем возможные соответствия этого слова в русском языке не включают, по их мнению, существенных компонентов его значения и не подходят для перевода указанного слова в приведенном контексте [Марковина, Сорокин 2010, с.39]. Возникает вопрос: если мы считаем, что инвариантом перевода является не языковое значение во всем своем объеме, а актуализированный в конкретном контексте смысл, можем ли мы делать вывод о переводимости на основании степени успешности передачи в тексте перевода тех или иных компонентов языкового значения одной конкретной единицы?

Вызывает вопросы также часто встречающееся обозначение содержащихся в двуязычных словарях возможных контекстуальных соответствий единиц исходного языка как эквивалентов или значений этих единиц. На основе чего эти единицы были признаны эквивалентами? На основе актуализированных в каких-то незнакомых читателю контекстах смыслов? Или это переводческие соответствия компонентов языкового значения слова? Когда словарь приводит много соответствий единице исходного языка, и все они называются значениями, значит ли это, что мы имеем дело с многозначным словом или, учитывая, что часто эти «значения» сильно различаются, вообще с омонимией?

Согласно определению в энциклопедии по теории перевода, переводимость понимается как возможность переноса того или иного вида значения (*some kind of meaning*) от одного языка к другому без существенных изменений. Там же отмечается, что споры возникают относительно того, какой именно вид значения переносится [Baker 1997, с.273]. Долгое время лингвистика, развиваясь по большей части изолированно от других наук, во многом, в том числе при разработке моделей перевода, опиралась на

концепцию фиксированного и устойчивого значения языковых единиц, идущую в русле так называемой объективной семантики. Объективная семантика предполагает, что внутри каждой отдельно взятой языковой системы знаки имеют объективные значения, выделяемые на основе способности знака объективно отражать окружающий мир. Критика объективной семантики связывается, прежде всего, с вышедшей в 1960 году работой Уилларда Куайна «Слово и объект» [Quine 1960]. Моделируя ситуацию так называемого радикального перевода, то есть перевода с языка, который ранее был неизвестен переводчику, Куайн показывает, во-первых, что значение не находится в реальном мире, так что необходимо различать собственно значение языковых знаков и их способность осуществлять референцию. Собственно языковое значение связано с концептуальной системой, отраженной в определенной языковой системе, представляющей особый способ концептуализации мира. При этом вне конкретной ситуации общения значение языковых единиц, по Куайну, неопределенно. Устанавливаемые переводчиком соответствия между предложениями двух языков, имеют неопределенный и контекстуальный характер, и даже когда у двух предложений совпадает референт, это не позволяет нам говорить о том, что они как знаки имеют одинаковое значение. В процессе коммуникации создаются новые контексты, в которых слова или выражения начинают играть новые «референциальные роли», и эти новые роли не тождественны их референции в прототипических контекстах. Тот вид значения, с которым имеет дело переводчик, носит не фиксированный, а контекстуальный и неустойчивый характер, оно определяется знаниями о мире, прошлым опытом, совокупностью сенсорных ощущений [Quine 1960, с. 51–53].

Взгляды У. Куайна получили развитие в работах Д. Дэвидсона и оформились в концепцию, обозначаемую как лингвистический холизм. Холизм основан на приоритетности целого и наличии у него новых качеств или свойств, отсутствующих у составляющих его частей и возникающих как результат их взаимодействия. Подтверждение того, что процесс перевода имеет холистический характер, можно найти в реально выполненных переводах, когда предлагаемые переводчиком варианты очевидно свидетельствуют о рождении в контексте новых смыслов, отсутствующих у составляющих исходный текст единиц. Наиболее ярко это можно продемонстрировать на материале двух переводов на английский язык комедии А. Н. Островского «Лес», выполненных разными переводчиками. Анализ русскоязычного текста пьесы и текста первого перевода выявил 15 случаев использования переводчиком иллокутивной частицы *Oh* в англоязычных вариантах переводов исходных предложений, не содержащих вообще никаких лексических единиц, которым данная частица в английском предложении могла бы «соответствовать»:

(1) *Коробка! Я ее забыла.* [АО, 555] — *Oh, my box! I'd forgotten it.* [АА, 104]

(2) *Братец, я виновата...* [АО, 547] — *Oh, cousin, I'm guilty.* [АА, 85]

Для сравнения двух переводов мы обратились к варианту второго переводчика и в результате анализа выяснили, что в пяти случаях из пятнадцати он также использует *Oh*, в то время как в исходном тексте нет ничего, чему эта частица могла бы «соответствовать». В частности, вариант перевода приведенного выше примера (2) выглядит следующим образом:

(3) *Oh, dear cousin, forgive me, I'm so guilty.* [SM, 86]

Описанные случаи убедительно показывают, что оба переводчика ориентируются на создаваемые в контексте смыслы, которые не совпадают с языковыми значениями входящих в предложения единиц, а некоторые актуализируются в результате взаимодействия смыслов друг с другом и использования переводчиками различных структур знаний. В частности, пример (1) показывает, что переводчик успешно «считал» эмоциональное состояние героини: внезапное осознание того, что она забыла коробку,

куда она прячет все свои деньги, на столе, где любой может ее взять, вызывает у нее замешательство и страх. Принимая во внимание ожидания англоязычной аудитории, переводчик использует частицу *Oh* для вербализации этой эмотивной части общего смысла. Примеры (2) и (3) свидетельствуют о том, что переводчики «считали» крайнее отчаянье героини и использовали указанную частицу в качестве интенсификатора.

Интересные результаты дает анализ перевода культурно-ориентированных единиц русского языка, часто относимых к так называемым реалиям. Традиционно отмечается, что реалии, как правило, не имеют точных соответствий в других языках [Влахов, Флорин 1980, с.128] и в целом относятся к наиболее трудно переводимым единицам исходного текста [Shuttleworth, Cowie, с.139-140] или даже к безэквивалентной лексике [Швейцер 1973, с.68]. При этом анализ реально выполненных переводов показывает, что в контексте проблема часто решается вполне успешно, поскольку при выборе английского варианта переводчики ориентируются на наиболее релевантный смысл. Так происходит, например, при передаче некоторых названий этнических групп населения, входивших в Российскую империю. При переводе предложений (4) «Он ... по душе совершеннейший ... киргиз-кайсака» [АО, 560] и (5) «Я не мордва некрещеная» [АО, 523] переводчик, очевидно, считает, что эмоционально-оценочная характеристика героя как обладающего или не обладающего чертами истинного христианина более релевантна в данном контексте, чем характеристика по этническому признаку и принимает решение в пользу английского слова (4) *heathen*: "...in his heart of hearts he's ... a heathen" [SM, 113], (5) "I'm not some unbaptized heathen" [SM, 40]. Доказательством ориентации переводчика на контекстуальный смысл являются также довольно распространенные факты перевода одной и той же русской культурно-ориентированной единицы разными английскими единицами. Таким образом переводится, например, русское словосочетание «хлеб-соль». Переводчик отказывается от использования малоизвестной для английского читателя кальки и ориентируется на контекст. В результате в одном случае мы находим в английском тексте слово *hospitality*, в другом *kindness*, а в третьем *my board and lodging*: (6) «...от хлеба, от соли не отказываются» [АО, 539] – "...you can't refuse hospitality" [SM, 72]; (7) «...(спасибо) За хлеб-соль» [АО, 554] – "For all your kindness" [SM, 102]; "For my board and lodging" [AA, 103].

То же относится и к таким русским лексемам как, например, *душа* и *барин*. В комедии «Лес» встретилось 17 употреблений лексемы *душа*. Анализ показал, во-первых, что она является вполне переводимой на английский язык в том смысле, что предлагаемые варианты двух разных переводчиков, в том числе отличающиеся, следует признать весьма успешными. Возьмем, например, русское предложение: (8) Закон написан в душе людей. [АО, 517]. Один переводчик использует при переводе слово *heart*: (8) The law's written in people's hearts. [SM, 27], другой считает, что нужный смысл может быть вербализован словосочетанием: (8) The real rule of law is here, inside all of us [AA, 15]. Отметим, что английское слово *heart* часто употребляется при переводе предложений, содержащих русское слово *душа*. Почти столь же часто встречается лексема *soul*. Оно используется, например, когда душа ассоциируется с вечной жизнью, противопоставляется земному телу, или когда имеется в виду внутреннее состояние героя, особенно интенсивные эмоции: (9) Это рай для моей души [АО, 535] – It's paradise for my soul [SM, 63], It's paradise for the soul [AA, 57]. Наиболее интересны случаи, когда переводчики предлагают другие способы перевода предложений со словом *душа*. Помимо упомянутых выше словосочетаний *heart of hearts* и *here inside all of us* встретилась, например, лексема *mentality*: (10) У тебя не только фигура, а и душа холопская [АО, 541] – You not only look like a flunkey, you've got the mentality of one [SM, 76]. Когда лексема *душа* актуализирует смысл в составе словосочетания, встречаются варианты перевода, в которых нет отдельной единицы, которая бы передавала ее смысл,

то есть общий смысл всего предложения передается также целым предложением: (11) У меня душа не на месте [АО, 362] – It's terrifying. [АА, 107]. Анализ переводов лексемы *барин* в контексте также показывает, что переводчик каждый раз ориентируется на конкретный смысл, который она актуализирует: (12) ...если бы не барин [АО, 334] – ...if it hadn't been for this gentleman [АА, 67]; (13) Ты должно быть, барин, знаешь мой характер [АО, 384] – I tell you, squire, you certainly got the measure of me [АА, 67]; (14) Я ем с барского стола [АО, 337] – I ate from the mistress's menu [АА, 72].

Подведем итоги. Анализ реально выполненных переводов позволяет делать выводы о природе значения и его преобразованиях в процессе перевода. Следуя терминологической традиции, мы разделяем языковое значение (далее просто значение) и контекстуальный смысл (далее просто смысл). При этом мы отмечаем, что и значение, и смысл имеют ментальную природу и находятся в сознании переводчика. Значение, на наш взгляд, представляет собой понятие, в значительной степени привязанное к ментальному образу слова в сознании носителей языка. Оно первым активируется при осмыслении слова вне контекста или в прототипических контекстах. Значение является схожим для носителей конкретного языка, что обеспечивает успешность коммуникации между ними на этом языке. При этом оно не является фиксированным, а представляет собой гештальт, это живая сущность, присутствующая в сознании языкового пользователя в виде признаков, осознаваемых при необходимости и усредненных на основе всех контекстов, в которых пользователь встречал это слово. Как уже отмечалось выше, значение каждого отдельного слова представляет собой часть концептуальной системы, отраженной в языковой системе, представляющей особый способ концептуализации мира. При этом оно не совпадает с референцией, то есть слово, попадая в новый контекст, может играть новые референциальные роли, не тождественные той роли, которую слово играет в прототипических контекстах.

В процессе перевода переводчик воспринимает предложения текста в контексте, и слова, входящие в предложения, активируют в его сознании значения, которые взаимодействуют друг с другом и с другими мыслительными сущностями, то есть структурами знаний, присутствующими в сознании и активируемыми при необходимости. Результатом этого взаимодействия оказываются смыслы. Смыслы не привязаны жестко к конкретным словам исходного текста, они динамичны и индивидуальны, количество актуализированных в сознании переводчика смыслов часто не равно количеству слов в предложении. В ситуациях, когда одно слово актуализирует один смысл, последний, как правило, не равен по объему значению этого слова, часто он представляет собой всего лишь актуализированный в контексте компонент этого значения, причем не всегда ядерный или денотативный. Поскольку смысл не соотносится с конкретным словом, мы не можем говорить об эквивалентности слов – исходного и слова в тексте перевода. Последнее представляет собой контекстуальный вариант вербализации определенного смысла. Действительно, слово *мордва* из примера выше явно не является эквивалентом слова *heathen*, а *хлеб-соль* эквивалентом слова *hospitality*. На наш взгляд, обозначение слов текста перевода как вариантов гораздо лучше отражает суть происходящего. Если говорить о двуязычных словарях, представляется, что те слова языка перевода, которые мы там находим, также не являются ни эквивалентами, ни значениями, их следует считать возможными контекстуальными вариантами перевода на определенный язык. В соответствии со сказанным переводимость стоит понимать как возможность передачи без существенных изменений на языке перевода смысла, актуализированного на основе исходного текста.

Список литературы

1. Латышев Л.К. Курс перевода (эквивалентность и способы ее достижения). М., Международные отношения, 1981. 247 с.
2. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М., Академия, 2004. 352 с.
3. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М., Наука, 1988. 215 с.
4. Neubert A. & Shreve G.M. Translation as Text. London, Kent State University Press, 1992. 169 p.
5. Larson M.L. Meaning-based Translation. A Guide to Cross-Language Equivalence. New York & Oxford, University Press of America, 1998. 537 p.
6. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., Языки славянских культур, 2006. 672 с.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., Русские словари, 1997. 411 с.
8. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М., «ГЭОТАР-Медиа», 2010. 144 с.
9. Baker M. (ed.) The Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London & New York, Routledge, 1997. 872 p.
10. Quine W. Word and Object. Cambridge, Massachusetts, the M. I. T. Press, 1960. 314 p.
11. АО – Островский А. Сочинения. М., Книжная палата, 2001.
12. АА – Ostrovsky A. The Forest. London, Faber&Faber, 1999. 122 p.
13. SM – Plays Two. London, Oberon Books, 2003. p. 13–118.
14. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М., Международные отношения, 1980. 341 с.
15. Shuttleworth M., Cowie M. Dictionary of Translation Studies. – Manchester: St Jerome Publishing, 1999. 233 p.
16. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., Воениздат, 1973. 280 с.

Сведения об авторе:

Минченков Алексей Генриевич; доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, СПб, Университетская наб., д. 11; a.minchenkov@spbu.ru;

Minchenkov Alexey Genrievich; Doctor of Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab., 11, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; a.minchenkov@spbu.ru.

УДК 81'373

Ключевые понятия современных гендерных исследований и их репрезентация в английском, немецком и русском языках

Любовь Аркадьевна Нефедова

Московский педагогический государственный университет, заведующий кафедрой немецкого языка, д-р филол.н., профессор, Москва, Россия, e-mail: la.nefedova@mpgu.su

Аннотация. В статье рассматриваются такие ключевые понятия современных гендерных исследований, как «гендер», «гендерное разнообразие», «гендерная

идентичность», «язык, учитывающий гендерный фактор» и их репрезентация в английском, немецком и русском языках.

Ключевые слова: гендер; гендерное разнообразие; гендерная идентичность; язык, учитывающий гендерный фактор

Key concepts of modern gender studies and their representation in English, German and Russian languages

Lyubov A. Nefedova

Moscow Pedagogical State University, Head of the Department of German Language, Dr. Philol. Sc., Professor, e-mail: la.nefedova@mpgu.su

Abstract. The article examines such key concepts of modern gender studies as “gender”, “gender diversity”, “gender identity”, “gender-sensitive language” and their representation in English, German and Russian.

Key words: gender; gender diversity; gender identity; gender-sensitive language

Соотношение ключевых понятий современных гендерных исследований и их кросс-языковая репрезентация являются актуальной проблемой в настоящее время. В повседневности понятия «пол» и «гендер» часто используются как синонимы, однако в научной литературе их принято различать. Под полом человека понимается совокупность биологических данных, а гендер – это совокупность связанных с полом аспектов социальных ролей. В то время как пол отвечает за биологические и физиологические особенности человеческого организма, гендер направлен на описание социологической роли, действий человека и свойств его жизни в целом [WHO].

На сегодняшний день не проводились специальные исследования, посвященные изучению лексических средств, вербализующих ключевые понятия современных гендерных исследований, в сопоставительном аспекте на материале английского, немецкого и русского языков, чем и обусловлена научная новизна данного исследования. Цель данного исследования – выявить лексические репрезентанты ключевых понятий современных гендерных исследований в английском, немецком и русском языках. Несмотря на то, что гендер не является лингвистической категорией, его содержание может быть раскрыто путем анализа языковых структур и языковых единиц, что, несомненно, важно для изучения репрезентации социокультурного пола в культуре [Кирилина 2004, с. 9].

В описании пола было необходимо выделить роль социума, влияющего на становление личности человека относительно биологического пола, а также «его конвенциональность, институциональность и ритуализованность» [Кирилина, Томская 2005]. Это способствовало во многом изучению того, как в языке реализуется гендер и как он проявляется в процессе коммуникации людей [Нефедова 2023, с. 27].

Одно из первых упоминаний лексической единицы **Gender** в немецком языке датируется декабрем 1995-го года в материалах немецкого бундестага:

(1) *Zur Operationalisierung der Themen Gender und Armutsminderung wurden drei Bereichsberaterinnen für die Regionalbereiche eingestellt (27.12.1995) [DWDS]* – Для практической реализации вопросов гендера и сокращения бедности были приняты на работу три консультанта по регионам (здесь и далее перевод автора статьи – Л.Н.).

В современном немецком языке для выражения ментальной дихотомии *sex – gender* (англ.), «пол» – «гендер» (русс.) используются три лексических единицы, которые следует семантически разграничивать:

- *Sex, das* – biologisches Geschlecht ‘биологический пол’ (в отличие от слова-омонима *Sex, der* ‘половые отношения’, ‘половой акт’);

- *Gender, das* – soziales Geschlecht ‘социальный пол’;

- *Geschlecht, das* – ‘пол’ (как биологический, так и социальный пол)

1. (биология) совокупность биологических признаков, характеризующих живое существо как женский, мужской или интерсексуальный тип (‘биологический пол’);

2. (социология) синоним слова *gender* (‘социальный пол’);

3. (языкознание) грамматическая категория существительного, с которой другие, относящиеся к нему части речи (в немецком языке, например, прилагательные, артикли, местоимения) обнаруживают соответствие (‘род’), синоним термина *Genus* [DWDS].

При этом понятие *Gender* противопоставляется понятию *Sex*:

(2) *Es gibt kaum eine Gegenwartskünstlerin, die sich nicht mit dem Thema Frau, Sex und Gender auseinander gesetzt hätte* (26.09.2000) [DWDS] – Вряд ли найдется современная художница, которая не затрагивала бы темы женщины, пола и гендера.

Следовательно, оппозицию в немецком языке образуют лексические единицы *Sex, das* и *Gender, das* по аналогии с английским языком, *которые различаются* семантикой «биологический» и «социальный», что подтверждается и примерами из корпуса текстов DWDS, как, например, в примере 2 и в следующем примере 3:

(3) *Ausgangspunkt für die Überlegungen zum Thema „sex“ versus „gender“, die im Text immer wieder angestellt werden* [DWDS] – исходная точка зрения к размышлениям на тему «пол versus гендер», которая постоянно приводится в тексте.

Во многих случаях для указания на биологический пол в немецком языке используется лексическая единица *Geschlecht, das*; при уточнении, что речь идет о биологическом поле, употребляется словосочетание *das biologische Geschlecht* ‘биологический пол’. Но эта лексическая единица, особенно в композитах, реализует значение «социальный пол», т.е. выступает синонимом лексической единицы *Gender, das*. Таким образом, в современном немецком языке лексическая единица *Geschlecht, das* является гиперонимом по отношению к когипонимам *Sex, das* ‘биологический пол’ и *Gender, das* ‘социальный пол’.

Всплеск популярности лексической единицы *Geschlecht, das* наблюдался с середины 80-х до середины 90-х годов XX-го века и в настоящее время. Это обусловлено ростом интереса к вопросам гендерных исследований именно в эти периоды: в 80-е и 90-е годы активизацией феминистского движения с требованием сделать женщину «видимой» в языке и в настоящее время в связи с новыми требованиями представить в языке все гендеры в соответствии с доминирующей в немецкоязычных странах концепцией гендерного разнообразия.

Популярность лексической единицы *Geschlecht, das* обусловлена её значимостью для немецкого языка. Обращение к этимологии слова подтверждает его более чем тысячелетний обиход и значимость для немецкого языкового сознания. Слово встречалось в средне- и древневерхненемецком периоде и имело следующие формы: двн. – ahd. *gislahti* n. (um 1000 – около 1000 года), свн. – mhd. *gesleht(e)* n. [DWDS].

Одно из основных понятий современных гендерных исследований – понятие *gender identity* (русс. *гендерная идентичность*), внутреннее самоощущение человека как представителя того или иного гендера. Этому понятию в немецком языке соответствует сложное слово с первым немецким словом *Geschlecht, das* в двух вариантах *Geschlechtsidentität, die* и *Geschlechteridentität, die*, а также устойчивое словосочетание *geschlechtliche Identität*. Термин *Genderidentität, die** не зафиксирован в словарях немецкого языка и в современной прессе не встречается.

Междисциплинарная программа, нацеленная на изучение гендерной идентичности, представляющая собой новое направление в современном гуманитарном знании, которая

относится к предметной области исследований психологов и социологов, называется по-английски *gender studies* (русск. *гендерные исследования*). В качестве немецких эквивалентов этого англоязычного термина можно рассматривать термины *Geschlechterstudien* и *Geschlechterforschung, die*, а также гибридный термин *Genderforschung, die*. Несмотря на то, что в немецкоязычном пространстве эти термины являются взаимозаменяемыми, частотность их использования в медиадискурсе сильно различается. Наиболее распространен термин-англицизм *Gender Studies*, который начинает использоваться в немецкоязычных СМИ, начиная с 1996-го года.

Основное понятие современной гендерной антропологии США, Австралии, Великобритании и стран Европейского союза, – *gender diversity* (русск. «гендерное разнообразие/многообразие»). В немецком языке его вербализуют англицизм *Gender Diversity, die* и кальки: частично ассимилированная калька *Geschlechterdiversität, die* и полностью ассимилированный композит *Geschlechtervielfalt, die*; полностью ассимилированное устойчивое словосочетание *geschlechtliche Vielfalt, die*. Композиты с лексической единицей *Gender Genderdiversität, die*; *Gendervielfalt, die* менее распространены.

Такого рода синонимические ряды неологизмов в немецком языке (*Gender Diversity, die*; *Geschlechterdiversität, die*; *Geschlechtervielfalt, die*; *geschlechtliche Vielfalt, die*; *Genderdiversität, die*; *Gendervielfalt, die*) – явление лексической парадигматики современного немецкого языка как результат англоязычного влияния [Нефедова 2013, с. 195].

Новый термин, появившийся в немецком языке в 2017 г.: «*dritte Option*», *die* (divers) ‘третий вариант’, также словосочетание, уточняющее, что речь идет о гендере, *dritte Gender-Option, die* ‘третий гендерный вариант’. Статья на сайте университета им. Гёте во Франкфурте-на-Майне называется «*Was ist die dritte Gender-Option?*» [WIDDGO] – «Что такое третий гендерный вариант?». Её автор объясняет, что представляет собой *drittes Geschlecht* ‘третий пол’, из чего можно сделать вывод о синонимии данных терминов. В русском языке термин, используемый для описания людей, которые причисляются обществом к иному гендеру, не укладывающемуся в двоичную систему понимания, можно обозначать терминами «третий пол» и «третий гендер», но в немецком языке словосочетание *das dritte Gender** не используется.

Гендерную идеологию США, Австралии, Великобритании и стран Евросоюза, в связи с активным продвижением идеи гендерного разнообразия, маркируют термины *gender-neutral language* (русск. гендерно нейтральный язык), *gender-inclusive language* (русск. «гендерно инклюзивный язык»), а также *gender-sensitive language* (русск. «гендерно чувствительный язык»). Это актуальные термины лингвистики, учитывающие различные проявления гендерной идентичности людей, не передающие гендерные стереотипы. В немецком языке для обозначения такого языка используются сложные прилагательные с определительным компонентом как *Geschlecht*, так и *Gender geschlechtergerecht* и *gendergerecht: geschlechtergerechte Sprache* и *gendergerechte Sprache* ‘язык, учитывающий гендерный фактор’ (досл. «гендерно справедливый язык»), а также *gendersensible Sprache* ‘гендерно чувствительный язык’. При этом термин *geschlechtergerechte Sprache* является более распространенным. Наличие в современном немецком языке англо- и немецкоязычной номинаций одного явления объясняется конкуренцией процессов прямого заимствования и калькирования англицизмов [Nefedova, Polyakov 2015].

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим выводам: вербализованные лексическими единицами ключевые понятия гендерных исследований характеризуют социально-культурный фон человека, а также окружающее пространство, в котором ему приходится взаимодействовать; гендерные исследования подвластны

социальным тенденциям, в связи с чем объектом исследований выступает гендерное разнообразие в странах Запада.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что в современном немецком языке существуют три лексические единицы, репрезентирующие ментальную дихотомию «пол» и «гендер»: *Sex, das* ‘биологический пол’, *Gender, das* ‘социальный пол’ и *Geschlecht, das* – ‘пол’ (как биологический, так и социальный пол). Дихотомии понятий «пол» и «гендер» носителей немецкого языка соответствует языковая трихотомия *Sex – Gender – Geschlecht*.

Немецкая лексическая единица *Geschlecht, das* реализует в большинстве случаев значение «социальный пол», выступая синонимом англицизма *Gender*. При этом с помощью этой лексической единицы в немецком языке вербализуется также значение «биологический пол». Гиперонимическая номинация *Geschlecht, das* в немецком языке объединяет таким образом две ментальные составляющие «пол» и «гендер», формируя человеческую природу (антропологический дуализм).

Данной немецкой лексической единице принадлежит основная роль в выборе лексических средств для номинации актуальных понятий современной гендерной лингвистики, таких, как «гендерное разнообразие», «гендерная идентичность», «язык, учитывающий гендерный фактор». Тем самым проведенное исследование акцентирует внимание на роли языковых единиц как факторов этнической идентичности.

Список литературы

1. Кириллина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: РОССПЭН, 2004. 250 с.
2. Кириллина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки, 2005. № 2 (23). С. 112–132.
3. Нефедова Л.А. Гендерно инклюзивная фразеология современного немецкого языка: симметрия фразеологизмов в свете гендера. М.: МПГУ, 2023. 232 с.
4. Нефедова Л.А. Новое в лексических парадигмах немецкого и русского языков как результат англоязычного влияния // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. Ч. 1. № 6 (24). С. 149–153.
5. DWDS = Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 07.07.2024).
5. Nefedova L.A., Polyakov O.G. Set expressions borrowed from English into German and Russian: direct loans or calques? // Procedia – social and behavioral sciences. 2015. V. 200. Pp. 83–86.
6. WIDDGO = Was ist die dritte Gender-Option? URL: <https://digitaldiversity.studiumdigitale.uni-frankfurt.de/blog/2020/12/02/was-ist-die-dritte-gender-option/> (дата обращения: 07.07.2024).
7. WHO = What do we mean by "sex" and "gender"? (англ.). (World Health Organization). URL: <https://web.archive.org/web/20160109074252/http://apps.who.int/gender/whatisgender/en/> (дата обращения: 07.07.2024).

Сведения об авторе:

Нефедова Любовь Аркадьевна; заведующий кафедрой немецкого языка, д-р филол.н., профессор, Московский педагогический государственный университет, 119435, Российская Федерация, Москва, ул. М. Пироговская, д.1, стр. 1, e-mail: la.nefedova@mpgu.su,

Nefedova, Lyubov A. Head of the Department of German Language, Dr. Philol. Sc., Professor, Moscow Pedagogical State University, 119435, Moscow, Russia, M. Pirogovskaya

st., 1 – 1, e-mail: la.nefedova@mpgu.su

УДК 811.161.1

Образный потенциал существительных с собирательным значением

Екатерина Васильевна Огольцева

Московский педагогический государственный университет, профессор кафедры русского языка; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, профессор кафедры славянской филологии, доктор филологических наук, Москва, Россия, tertiumcomp@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты образного потенциала существительных с собирательным значением. Автор полагает, что лексико-грамматической группе собирательных существительных – ядру категории собирательности в русском языке – в целом не свойственны как тенденция к метафоризации, так и употребление в структуре устойчивых компаративных единиц. Богатым образным потенциалом обладают непроизводные слова с собирательным значением, относящиеся к группе *singularia tantum*, либо изменяющиеся по числам и балансирующие на границе с конкретными именами. Образные возможности подобных слов проанализированы в статье на примере существительного «стадо».

Ключевые слова: образный потенциал, собирательные существительные, категория собирательности, собирательное значение, метафора, устойчивое сравнение, творительный сравнения

The figurative potential of nouns with a collective meaning

Ekaterina Vasilyevna Ogoltseva

Moscow Pedagogical State University, Professor of the Department of the Russian Language; St. Tikhon's Orthodox University of the Humanities, Professor of the Department of Slavic Philology, Doctor of Philology, Moscow, Russia, tertiumcomp@mail.ru

Abstract: The article discusses some aspects of the figurative potential of nouns with a collective meaning. The author believes that the lexical and grammatical group of collective nouns – the core of the category of collectivity in the Russian language – as a whole is not characterized by a tendency to metaphORIZATION, and participation in the structure of stable comparative units of the language. Non-derivative words with a collective meaning belonging to the group of words *singularia tantum* (beads) or varying in numbers and balancing on the border with specific names (herd, herd, anthill, swarm, flock) have a rich imaginative potential. The figurative possibilities of such words are considered in the article using the example of the noun "herd".

Keywords: figurative potential, collective nouns, category of collectivity, collective meaning, metaphors, stable comparison, the creative case with the meaning of comparison

В русском языке значение совокупного (не дискретного) множества предметов (лиц) выражается разными способами. Прежде всего это слова особого лексико-грамматического разряда – собирательные существительные, образованные суффиксальным способом: *учитель-ств-о, професс-ур-а, воронь-я-ё, молод-ёжь, берез-*

няк, осин-ник, лист-в-а, зелень-Ø, матрос-н-я, пионер-иј-я, бедн-от-а. Кроме того, собирательное значение проявляют: 1) существительные-гиперонимы (*мебель, одежда, посуда*); 2) лексикализованные формы множественного числа – множественное число в собирательном значении (*французы, немцы, русские, англичане* и т.п.). Некоторые собирательные существительные соотносятся с существительными единичными»: *бусы – бусина, фасоль – фасолина, снег – снежинка, горох – горошина, картофель – картофелина*.

Хотя существует немало исследований, в которых рассматриваются лексико-грамматические разряды существительных и собирательные имена в частности (В.В. Виноградов, М.Л. Лаптева, М.К. Тугаришева, И.А. Высоцкая, Е.О. Опарина, Г.И. Панова, О.А. Аладьин, Л.В. Калинина и др.), многие вопросы, касающиеся семантики собирательных существительных, исследованы недостаточно глубоко. Учёные по-разному классифицируют словообразовательные модели собирательных существительных; продолжаются дискуссии по поводу их грамматической специфики; практически отсутствуют специальные работы по проблеме полисемии в системе собирательных имен. Актуальной проблемой, особенно для изучения русского языка как иностранного, является взаимодействие собирательных существительных как лексико-грамматического разряда со смежными явлениями. Практически не ставился вопрос об образном потенциале существительных с собирательным значением.

Под «**образным потенциалом**» мы подразумеваем способность той или иной группы слов развивать метафорические значения либо выступать в качестве компонентов фразеологических конструкций, прежде всего с образно-компаративной семантикой. В настоящей статье на примере существительного *стадо* рассматривается образный потенциал слов с собирательным значением, анализируются случаи их употребления в качестве метафор, а также в составе сравнительных конструкций. Для рассмотрения поставленной в статье проблемы мы использовали семный анализ, метод контекстуального анализа; метод анализа словарных дефиниций.

Как известно, **собирательные существительные** обозначают неделимую совокупность однородных предметов или лиц как единое целое. Их важными грамматическими признаками являются неизменяемость по числам и неспособность сочетаться с количественными числительными.

Камнем преткновения как в академической, так и в вузовской грамматике являются такие особые слова, как *груда, куча, народ, полк, коллектив, толпа* и т.п. Они изменяются по числам и могут сочетаться с количественными числительными. Некоторые учёные относят их к разряду собирательных существительных. Например, согласно А.Н. Гвоздеву, в зависимости от того, в какой мере они выражают цельность и неделимость и можно ли сочетать их с измерителями количества, собирательные существительные можно разделить на три группы: «абсолютно цельные объединения, не допускающие количественных измерений: *студенчество, крестьянство*; объединения, допускающие изменение меры: *много молодёжи, жемчуга*; объединения, выступающие как единицы, допускающие счёт. Они употребляются во множественном числе в сочетаниях *много полков, коллективов*; они также сочетаются с указаниями неопределённого и определённого количества: *несколько полков, три труппы*». [Гвоздев 1958, с.145]. В этом смысле собирательные существительные сближаются с конкретными. Другие учёные придерживаются иного мнения: «существительные такого типа, хотя и обозначают совокупность предметов или лиц, не могут считаться собирательными». [Попов 1986, с.177].

Вслед за А.Н. Гвоздевым будем считать существительные типа *стадо, табун, стая, толпа* словами с собирательным значением, которое не имеет формального (морфологического) выражения. Мы солидарны с теми учеными, которые акцентируют

внимание на разных способах выражения собирательного значения. К примеру, М. К. Тутаришева так определяет основные способы выражения собирательности: **1) аффиксация:** *студент – студенчество, профессор – профессура*; **2) безаффиксный способ:** *зелень, мелочь*; **3) лексический способ:** *одежда, мебель*. [Тутаришева 2013, с. 66]. По-видимому, учитывая разнообразие способов выражения совокупного множества в русском языке, уместно поставить вопрос об особой семантической **категории собирательности**, ядро которой – существительные, образованные морфологическими способами и относящиеся к лексико-грамматическому разряду «собирательные существительные». По нашим наблюдениям, эти производные модификационного типа не проявляют тенденции к образно-переносному употреблению и редко встречаются в качестве компонентов компаративных фразеологических единиц.

Непроизводные же слова, обозначающие совокупности животных или предметов, характеризуются ярко выраженной способностью к семантической деривации. Таково, в частности, существительное *бисер*. Ср.: *Однако, чуть оторвав её от земли, я почувствовал на верхней губе и на лбу под шапкой неприятный пот и увидел, что такой же холодный бисер проступает на одутловатом лице брата*. (Анна Кузнецова. Функции уса // «Октябрь», 2002). Устойчивое сравнение как (словно, точно) бисер употребляется в значении **‘Мелкий, маленький**. О предметах, имеющих вид блестящих шариков» [Огольцев 2001, с. 57]: *Выбил пробку, и на дно лодки посыпались бумажные листы, исписанные по-французски беглым почерком, мелким как бисер*. (Владимир Севриновский. Язык воды // «Ковчег», 2013). По нашим наблюдениям, УС **как бисер** часто употребляется как образная характеристика множества мелких капель воды: *Ушёл в лес, и, хотя перепадал мелкий, как бисер, дождичек, нарвал букет незабудок и дикой гвоздики с лиловыми колокольчиками*. (С. А. Волков. Дневник (1943)). Образным потенциалом обладают и многие другие существительные с собирательным значением, к примеру, *оркестр* («оркестр птичьих голосов»), *планктон* («офисный планктон») и мн. др.

Богатыми образными возможностями характеризуются существительные, изменяющиеся по числам, но при этом называющие совокупности животных (птиц, млекопитающих, насекомых): *муравейник, табор, табун, стадо, стая, рой*. В структуре их лексикографических толкований присутствует общая сема «совокупность», «группа», все они обозначают множество предметов. Следовательно, они сближаются с собирательными существительными по семантике, а по своим грамматическим свойствам – с конкретными. Они регулярно употребляются в живой речи, приобретая метафорические значения и характеризуясь яркой экспрессией. Л. Г. Смирнова отмечает негативную оценочную коннотацию в таких словах, которые обозначают неорганизованные сообщества людей, как *муравейник, орда, скотище, стадо, толпа* и т. п.: «<...> Значимый фрагмент языковой картины мира заполняют собирательные существительные, обозначающие совокупности лиц, поскольку основным объектом оценки является человек (или группы людей)». [Смирнова 2021, с. 64].

А. В. Румянцева считает, что метафорические номинации собирательного множества могут приобретать как негативную, так и положительную оценочную коннотацию. [Румянцева 2009, с. 15]. Е. О. Опарина также замечает, что, употребляясь в переносно-метафорических значениях, собирательные существительные могут получать социально-оценочные коннотации и становиться частью фразеологии политического дискурса: *дружная / братская семья советских народов*. [Опарина 2004, с. 101]. Кроме того, собирательные существительные входят в состав многих фразеологических единиц, пословиц и поговорок.

Рассматривая метафорические аспекты субстантивных словосочетаний с количественным значением, А. В. Данилов отмечает их стилистический потенциал: «в

большинстве случаев субстантивные словосочетания на основе нумерализованных существительных (*толпа, стадо, выводок и др.*) в метафорическом значении имеют сниженную эмоционально-экспрессивную окраску, обычно выражают пренебрежение, иронию или другие близкие по значению модальные оттенки негативного характера. [Данилов 2020, с. 57].

Переносно-метафорическое значение нередко отмечается толковым словарем с помощью пометы «перен.». Например, **табун**: ‘1. Стадо лошадей, оленей, верблюдов и некоторых других копытных животных. 2. *перен.* разг. Большая, обычно неорганизованная группа людей; толпа’. [БАС; т. 15, с. 17]. Как видим, в первом значении слово **табун** обозначает множество копытных животных, а второе значение употребляется для наименования **группы людей**, характеризующихся определенными признаками. Подобные образно-переносные значения могут быть не зафиксированы в словарях, но они часто встречаются как в живой разговорной речи, так и в текстах – художественных и публицистических. Чтобы выявить реальные и потенциальные образные значения слов, необходимо обратиться к анализу контекстов их употребления и к конкретным речевым ситуациям.

Об образном потенциале имён существительных также свидетельствует их употребление в устойчивых сравнительных конструкциях разных типов. **Устойчивое сравнение** (далее УС) представляет собой фразеологическую компаративную конструкцию. «В нём представлены три основных компонента: то, что подвергается сравнению – объект образной характеристики (А), то, с чем осуществляется сравнение – образ (В), признак-основание сравнения (С). Важным признаком языкового выражения сравнения является наличие формального показателя компаративных отношений (m); в структуре УС это, как правило, маркеры *как, словно, точно, будто*». [Огольцева 2017; с. 89]. Эта конструкция встречается в толковых словарях в составе примеров, иллюстрирующих употребление слова, а также в особой рубрике «В сравн.» (то есть «в сравнении»): Ср.: **стадо**: ‘Группа животных, обычно одного вида, содержащихся, пасущихся вместе. *В сравн. Как стадо испуганных овец, все кинулись врассыпную*’. [БАС; т. 14, с. 808].

Устойчивостью и воспроизводимостью характеризуются также многие конструкции с «творительным сравнения» (*табуном, роём*). В толковых словарях обычно нет особого указания на данный способ выражения сравнения; между тем эта модель широко используется в художественных и публицистических текстах: *С тех пор он <кот по кличке Том> не обращал на хомяков внимания, даже когда они, расплодившись, табуном носились по квартире и совершали набеги на его миску* [Инна Ошевнева. Его высочество Том // «Дальний Восток», 2019]; *Погоди, погоди... – Мысли роём вились у него в голове и не давали ничего понять*. [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013]

Рассмотрим более детально возможности реализации образного потенциала слов с собирательным значением на примере существительного «стадо». В словарях прямое значение данного слова определяется следующим образом: ‘группа животных, обычно одного вида, пасущихся вместе»; переносное значение – «большая, неорганизованная группа людей; толпа» [БАС; т. 14, с. 702]. Показана типичная сочетаемость этого слова – «идти, двигаться стадом или стадами». Составители словарей отмечают, что в переносном употреблении существительное «стадо» характеризуется принадлежностью к разговорной сфере и оценочной коннотацией – пренебрежительной или неодобрительной. Кроме того, в БАС отмечено, что слово «стадо» может употребляться в составе устойчивых сравнений: «*как стадо овец*», «*как стадо баранов*».

Как показывает материал Национального корпуса русского языка, слово **стадо** активно употребляется в прямом значении. Типичное для него контекстуальное

окружение – одушевленные существительные в родительном падеже, наименования млекопитающих: *Тучные стада оленей паслись неподалеку*. [В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004]. Ср. также: *стадо быков, волов, бизонов, лошадей, обезьян, свиней, слонов, моржей, гусей, лебедей, кошек* и т. п. Следует отметить, что слово «стадо» также может сочетаться с одушевленными существительными – родовыми наименованиями: *стадо животных, стадо зверей*, а также с притяжательными прилагательными, образованными от существительных-анимализмов: *волчье стадо, козье стадо, овечьье стадо, баранье стадо, коровье стадо, рыбное стадо, ослиное стадо, заячье стадо* и т. д.

Существительное «стадо» – устойчивая метафора, употребляющаяся прежде всего как негативная характеристика большой группы людей; при этом актуализируется семантический признак «слепая, нерассуждающая сила»: ср. *людское стадо, послушное стадо, человеческое стадо*:

В качестве метафоры слово «стадо» встречается и в сочетаниях с неодушевленными существительными разных ЛСГ – наименованиями предметов: *облако, сосна, машина, кресло, стул, туча, велосипед, спутник, лодка, катер и др.*: *Постояла, поглядела вслед «князю», поглядела на отбившееся от стада облако – вот такие же были когда-то легкие и пухлые девичьи мысли*. [Е. И. Замятин. *Русь (1923)*]; *Перекликается со всякой лесной тварью, покорным стадом бегут за ней зелено-рыжие сестры-сосны*. [Е. И. Замятин. *Север (1918)*]; *По мосту устало двигались вечерние стада машин*. [В. М. Шапко. *Грузок, what is it горка and липка?* // «Волга», 2014].

Слово **стадо** выступает и в качестве компонента устойчивых сравнений: «**как, будто, точно стадо (баранов)**»: ‘вести себя инертно, неорганизованно, безынициативно, действовать стихийно, растерянно, панически’. Оно характеризует группу, скопление людей и снабжено в словаре пометой «прост.» (просторечное): *Мы, как стадо баранов, толкая друг друга, пошли к столу, молча уселись и вяло начали работать*. [Огольцев 1994; с. 41]. Форма творительного падежа (*стадом, стадами*) употребляется реже: *Остальные стояли овечьим сбившимся стадом за его широкой спиной*. [Людмила Улицкая. *Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света]* // «Новый Мир», 2000]; *В те дни, смываясь от контролера, они бежали сквозь вагоны паническими стадами, увлекая с собой даже тех, кто с билетом*. [Андрей Пермяков. *Петушки – Москва. Поехал* // «Волга», 2016]

По нашим наблюдениям, устойчивое сравнение *как стадо* (так же как и метафора *стадо*) употребляется как характеристика следующих качеств, присущих большим группам людей:

1) **Отсутствие организатора, лидера, вожака и, как следствие, неорганизованность группы людей**: *Одно лишь он знал точно – чтобы водить людей, нужно чувствовать приближение мига, когда единая воля войска может рассыпаться, как стадо, у которого отняли вожака*. (А. Григоренко. *Ильгет. Три имени судьбы* // Урал, 2013); *Пусть община Господня не будет как стадо без пастуха!* [Ветхий завет. Четвертая книга Моисея. Числа (2011)]

2) **Неспособность людей разумно рассуждать, анализировать ситуацию в результате воздействия страха и паники**: *Вот в такие минуты обезумевшие в прямом и переносном смысле слова люди, каждый в отдельности (хотя далеко не все) и все вместе превращаются в бегущее в никуда и не видящее ничего стадо*. (А. Никонов. *Великое потрясение Европы (актуальный дискурс)* // «Знание – сила», 2011); *От «не положено» мы хвосты поджигаем, в стадо сбиваемся, тьявкаем тихонько по углам, не жизни радуемся, а вредителей несуществующих из грязной шерсти своей выкусываем*. (А. Снегирев. *Зимние праздники* // Знамя, 2012)

3) Несамостоятельность, неспособность думать, послушное подчинение чужой воле: *И — с гонором, с апломбом, но безвольно, как стадо, под облучение, под гипноз, под рабство.* [Валентин Распутин. Дочь Ивана, мать Ивана (2003) // «Наш современник», 15.11.2003]; *Обрати их в хлебы, и за тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что ты отымешь руку свою и прекратятся им хлебы твои.* [Евгений Коваленко. Когда рушится обычный порядок жизни // «Пятое измерение», 2002]

4) Беспорядочное, хаотичное передвижение людей при отсутствии пристанища или разумной цели: *Зря надеется депутат: потеряют себя и остальные, разбредутся, как стадо бездомных коров, заблудившихся во тьме.* [В. Г. Галактионова. Спящие от печали (2010)]; *А как их собрать, когда вокруг непроглядная осенняя ночь? Ребята толкуются, как стадо, брошенное пастухом. Все однолики.* [Н. С. Покровская. Дневник русской женщины. 1929--1945 гг. (1942)]

5) Глупость, бессмысленность: *Так как они к тому же глупы, как стадо баранов, то можно заставить их кричать, что они это делают во имя «конституции», «республики» или чего бы там ни было, лишь бы они были твердо уверены, что они получают прибавку за свое безделье...* [В. В. Шульгин. Саперный бунт: Воспоминания 1907 года (1920-1940)]; *Без книги — мрак кругом, без книги мир могила, без книги, как стада, бессмысленны народы; В ней добродетель, долг, в ней мощь и соль природы;* [А. В. Орешников. Дневник (1920)]

6) Трусость, склонность к капитуляции: *«Демократизированная армия», не желая проливать кровь свою для «спасения завоеваний революции», бежала, как стадо баранов.* [П. Н. Врангель. Записки (1916-1921)]; *А побеждённое, бегущее войско всегда сдаётся как стадо баранов.* [С. С. Кондурушкин. Вслед за войной (1915)]

7) Жестокость, бесчеловечность. В данном случае выражение «как стадо» относится к тематической группе «Отношения между людьми»; оно часто сочетается со глаголами «гнать», «загонять», «посылать», «вести» и т. п.: *Смысл был для них — для выводимой им породы людей, которых он, как стадо, загонял в резервацию молодости.* [С. А. Самсонов. Кислородный предел (2008-2009)]; *Остальных взяли в плен и под сильным конвоем отвели в Тебриз, дурно кормя и гоня по дороге, как стадо баранов.* [Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928)]

В редких случаях сравнение «как стадо» характеризуется положительной коннотацией, к примеру, когда оно гиперболически характеризует хорошее здоровье человека: *Как здоровье? — Здоров, как стадо коров! — ответил я. — Слушай, старик, ты что-то путаешь, — возразил Тарарин.* [Никита Богословский. Заметки на полях шляпы (1997)]; *Здоров, как стадо четвероногих, и счастлив, как тысяча ослов...* [А. Б. Ярославский. Аргонавты вселенной (1926)]

Наконец, этот образ встречается при описании **внешности** людей, чаще всего волос и зубов: *Твои волосы — как стадо коз, что сбегает по склонам Галаада.* [Ветхий завет. Книга Песни Песней Соломона (2011)]; — *«Зубы твои, как стадо уже остриженных овец, выходящих из потока, — продолжал, закрыв в упоении глаза, Манасия, — как лента алая, губы твои и уста твои любезны...* [И. Ф. Наживин. Евангелие от Фомы (1933)]

В двух последних случаях имеет место существенная трансформация устойчивой компаративной структуры.

Таким образом, слова, имеющие общие семы (группа; совокупность животных; держащихся вместе), характеризуются переносно-метафорическими значениями, закрепленными традицией употребления и зафиксированными в словарях. Так, слово **стадо**, употребляясь в переносном значении, характеризует массу, множество людей, но может употребляться и в более широком значении — как образная характеристика массы (скопления) каких-либо однородных предметов. При употреблении в функции метафоры

это существительное приобретает специфические особенности в сочетаемости, связанные с актуализацией тех или иных признаков сравнения групп людей с группами животных (птиц, млекопитающих). Другая форма реализации образного потенциала существительных с собирательным значением – их употребление в устойчивых сравнительных конструкциях разных моделей (сравнительные обороты и «творительный сравнения»).

Метафоры типа «стадо», «стая», «табун» «рой», «выводок» и т.п. имеют специфические особенности, связанные с актуализацией тех или иных признаков сравнения групп людей с группами животных (птиц, насекомых, млекопитающих). Так, метафора «стадо» актуализирует прежде всего признаки «отсутствие организации», «неспособность думать самостоятельно».

В исследованиях по лексической семантике и лингвокультурологии уже достигнуты существенные результаты в анализе образного потенциала таких «культуроносных» пластов русской лексики, как анимализмы, соматизмы, названия веществ. Представляется, что существительные с собирательным значением представляют собой ещё одну весьма перспективную в этом отношении группу, которая заслуживает углубленного семантического анализа.

Список литературы

1. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Часть 1. Фонетика и морфология. / А. Н. Гвоздев. М.: Учпедгиз, 1958. 405 с.
2. Данилов А. В. Метафорические аспекты субстантивных словосочетаний с количественным значением в современном русском языке // Проблемы современной науки и образования. 2020. № 4–1(149). С. 55–57.
3. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). <https://ruscorpora.ru/>
4. Огольцев В.М. Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. / В.М. Огольцев. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1994. 510 с.
5. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синоним-антонимический). М.: ООО «Русский словарь»: «ООО Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 800 с.
6. Огольцева Е.В. Образы большого и малого количества в системе устойчивых сравнений русского языка // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2017. № 2(55). С. 89–97.
7. Опарина Е.О., Высоцкая И.А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте. Ростов н/д, 2002 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2004. № 1. С. 99–102.
8. Попов Р.Н. Современный русский язык: Учеб, пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения». / Р.Н. Попов, Д.П. Валькова, Л.Я. Маловицкий, А.К. Федоров. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1986. 464 с.
9. Румянцева А.В. Семантические, грамматические и синтагматические особенности номинаций типа *толпа* // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. № 3. С. 12–18.
10. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. В.И. Чернышев. М., Л.: Академия Наук СССР, 1948–1965. (БАС)
11. Смирнова Л.Г. Оценочный потенциал существительного в русском языке // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 1(53). – С. 61–76.
12. Тутаришева М.К. и Тутаришева М.К. К вопросу о категориальной сущности

собираемых имен существительных и способах их образования / М.К. Тутаришева и М.К. Тутаришева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2013. № 2. С. 63-68.

Сведения об авторе:

Огольцева Екатерина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет, 119991, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская 1, строение 1; профессор кафедры славянской филологии ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», 115184, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новокузнецкая д. 23Б; e-mail: tertiumcomp@mail.ru

Ekaterina V. Ogoltseva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language, Moscow Pedagogical State University, 119991, Russian Federation, Moscow, 1 Malaya Pirogovskaya Str., Building 1; Professor of the Department of Slavic Philology, St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, 115184, Russian Federation, Moscow, Novokuznetsk str. , 23B; e-mail: tertiumcomp@mail.ru

УДК 81

Универсальное и культурно-специфическое в непрямых номинациях русского и англоязычного интернет-пространства

Ольга Сергеевна Орлова

Институт языкознания РАН, научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова, кандидат филологических наук, Москва, Россия, OrlovaOlgaS@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается универсальное и культурно-специфическое в непрямых номинациях русского и англоязычного интернет-пространства. Основное содержание исследования составляет когнитивно-культурологический анализ эвфемизмов и эмоционально-окрашенных непрямых именовании, употребляющихся при обращении к теме непривлекательной внешности в современной русской и англоязычной интернет-коммуникации (в социальных сетях, на форумах и др.). На конкретных примерах выявляются и описываются основные особенности непрямы именовании на тему внешности; посредством когнитивного (фреймового) анализа с выделением в нём особой зоны культурно-языкового скрипта показан механизм создания рассмотренных непрямы именовании. Такой подход в исследовании непрямы номинаций, принадлежащих разным культурам, позволяет увидеть в них универсальное и культурно-специфическое.

Ключевые слова: непрямая номинация, эвфемизм, интернет-коммуникация, когнитивно-культурологический анализ, культурно-языковой скрипт, универсальное и культурно-специфическое

Universal and culture-specific features of indirect nominations in Russian and English-speaking segments of the Internet

Olga S. Orlova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, researcher, Yuri Stepanov
Department for Theory and Practice of Communication, candidate of Philology, Moscow,
Russia, OrlovaOlgaS@list.ru

Abstract. The paper deals with universal and culture-specific features of indirect nominations used by Russian and English-speaking Internet communicators. The research is mainly concentrated on cognitive-cultural analysis of euphemisms and emotionally-coloured indirect nominations used in reference to unattractive appearance (in social networks, web-forums etc.). Specific examples are used to illustrate the basic features of the indirect nominations under consideration. The cognitive (frame) analysis which involves a special zone of linguo-cultural script results in a successful description of the mechanism of formation of indirect nominations under review. The approach taken makes it possible to identify universal and culture-specific features in indirect nominations belonging to different cultures.

Keywords: indirect nomination, euphemism, internet-communication, cognitive-cultural analysis, linguo-cultural script, universal and culture-specific

* Во всех примерах из современного русского и англоязычного интернет-пространства сохранена орфография и пунктуация авторов приведённых комментариев.

Современное интернет-пространство, как русское, так и англоязычное, несмотря на присущую большинству пользователей интернета прямоту в высказываниях, характеризуется употреблением большого числа непрямых номинаций (об этом см. тж. в [Орлова 2022б; 2023]). Непрямые номинации, функционирующие в интернете, включают эвфемизмы — «разрешенные слова и выражения, которые употребляются вместо тех, которые запрещены или ограничены в употреблении этикетными, этическими, правовыми, идеологическими нормами и обычаями, принятыми в данном культурно-языковом сообществе» [Ковшова 2019, с. 36], использующиеся для смягчения речи и вуалирования существа дела, — и эмоционально окрашенные слова и выражения, экспрессивную лексику, которая употребляется с целью не «замаскировать», а подчеркнуть положительное или отрицательное отношение пользователя к предмету высказывания, привлечь внимание других пользователей к публикации или комментарию. Ср.: эвфемизмы *super-size(d)*, *plus size(d)*, *full-figured*, *body-positive*, *Rubenesque* вместо «*obese*», «*fat*»; *полная, в теле, кустодиевская барышня, пышная женщина, знойная женщина (мечта поэта)* вместо «*толстая*» и эмоционально-окрашенные непрямые именованья людей с лишним весом — *a Pokémon*, *Snorlax*, *Fattala*, *triple-plus size*; *буёк, бронепоезд, танк, дирижабль, свинка Пена* и др.

Разные по функции непрямые именованья объединяет принцип, лежащий в их основе, — принцип не прямой номинации или преднамеренно иносказательное обозначение объекта, сознательное употребление такого именованья, которое указывает на объект номинации не прямо, а опосредованно (о принципе не прямой номинации см. подробнее в [Орлова 2022]). При этом в эвфемизмах принцип не прямой номинации служит созданию вуалированного описания обозначаемого объекта, выведению из фокуса той или иной его характеристики, переключению внимания адресата, а в эмоционально-окрашенных не прямых именованьях, напротив — та или иная характеристика обозначаемого объекта подчёркивается и выводится в фокус, как правило, с помощью метафоры, использующей яркий образ. Ср. комментарии пользователей Reddit.com на пост под названием «*Plus-size influencer demands airlines give her an extra free seat*» [Reddit.com]: «*I'm a super-sized girl myself. I fly, I buy 2 seats. She's wrong*»; «*Plus-size? More like triple-plus size*»; «*That ain't plus sized, that's bus sized*»; «*Fattala, Queen of the Transfats*». Ср. тж. ответы пользователей mail.ru на пост с вопросом

«Как назвать полную женщину-жирной или толстой чтобы она не обиделась?» [otvet.mail.ru/]: «мой пингвинчик»; «Пухлой»; «Излишне красивой»; «свиноматочкой»; «Гаргантюа»; «Назови пышной»), «ламантинка -точно не поймёт»; «Ещё Мопасан придумал и назвал пышкой»; «Большой»; «Хорошего должно быть много... излишне упитанной».

Знаки непрямого номинации культурно маркированы и декодируются с опорой на знание эталонов, стереотипов, символов, созданных в данной культуре, культурно-исторических текстов, произведений искусства и др. Ср.: эвфемистические именованья полных людей в русской и англоязычной культурах — *Rubenesque / rubenesque* и *Кустодиевская / кустодиевская* [барышня / дама / женщина] в комментариях пользователей интернета: «Если бы сейчас в моде были кустодиевские дамы, женщин это порадовало бы?» [otvet.mail.ru/]; «Да, смотрят на 90-60-90, а пользуются Кустодиевскими!!» [Там же]; «Хм.. . ты на Кубани была когда-нибудь?))) Там кустодиевские дамы НИКОГДА не выходили из моды.. .» [Там же]; «I find her super hot. I've had SRs with ladies with typical model dimensions, but usually go for woman with more classically rubenesque figures» [Reddit.com]; «I'm Rubenesque, the Sopranos has given me confidence! Watching the Sopranos and seeing all these Rubenesque guys get hot wives and goomers has been great for my confidence. I'm putting on some Paco Rabanne and heading to da Club» [Там же]. Эвфемизмы *Rubenesque / rubenesque* и *Кустодиевская / кустодиевская* [барышня / дама / женщина] прочитываются в контексте культур, которым принадлежат. Так, эвфемизм *Кустодиевская / кустодиевская* [барышня / дама / женщина] в русской культуре интерпретируется с опорой на знание творчества живописца Б. М. Кустодиева, который на своих полотнах изображал пышных русских красавиц, а эвфемизм *Rubenesque / rubenesque* — на фоне знаний работ известного художника Питера Пауля Рубенса, который также писал женщин с крупными формами. При этом в русской культуре благодаря взаимопроникновению разных языков и культур употребляются, в том числе и в интернет-коммуникации, также эвфемизмы *рубенсовская женщина, дама рубенсовских форм*. Ср.: «Ты.. . хм.. . "рубенсовская женщина"?)» [otvet.mail.ru/]; «вопрос только к ДАМАМ -рубенсовских форм -или у кого пара троечек лишних кило-воблы погодьте» [Там же]. Эмоционально окрашенные не прямые именованья излишне худых людей — «string bean» и «вобла», в основе которых лежит гастрономическая метафора, интерпретируются с опорой на ассоциации с распространённой в русской и англоязычной культурах пищи, имеющей продолговатую форму. Ср.: «ты колоритная женщина, или вобла воблой?» [otvet.mail.ru/]; «ты сушеная вобла или знойная женщина (мечта поэта)?» [Там же]; «That girl's a string bean» [Reddit.com]; «She ate very little until around 2, now she has a great appetite but is still a string bean. That's just her body type I think» [Там же].

Эксплицировать принцип непрямого номинации и показать универсальное и культурно-специфическое в знаках непрямого номинации позволяет когнитивно-культурологический подход, который включает фреймовый анализ с выделением в нём особой зоны культурно-языкового скрипта (об этом см. в [Ковшова, Орлова 2024]).

Под культурно-языковым скриптом понимается «когнитивная структура культурной информации, которая участвует в процессе языковой концептуализации того или иного понятия (его признака)» [Ковшова 2023, с. 125]. Культурно-языковой скрипт рассматривается как «сценарий «включения» в концептуализацию тех или иных типов культурной информации» [Там же]. По гипотезе, «в ходе концептуализации того или иного объекта разные типы культурной информации (в «языке» культуры это: мифологема, символ, стереотип, эталон, поверье, обычай, ритуал и др.) так или иначе участвуют в этой концептуализации» [Ковшова, Орлова 2024]. Культурно-языковой скрипт позволяет определить моменты «подключения» культурно-языковой

информации к процессу концептуализации того или иного понятия в языковом знаке, участия разных типов информации в формировании языковой семантики. Впервые попытка объединить когнитивный (фреймовый) анализ и культурное комментирование с помощью культурного скрипта на примере описания фразеологизмов и паремий была представлена в [Ковшова, 2023; см. тж.: Ковшова, Орлова, 2024].

С помощью когнитивно-культурологического подхода опишем универсальное и культурно-специфическое в непрямых номинациях русского и англоязычного интернет-пространства.

Проанализируем эвфемизм англоязычной культуры «*not conventionally attractive*» в значении ‘непривлекательный’, который употребляется пользователями интернета вместо «*unattractive / not attractive / ugly*». Для наглядности описания анализ представим в таблице (см. таблицу 1). Ср. примеры употребления эвфемизма в интернет-коммуникации [Reddit.com]:

— «*How do you cope with being **not conventionally attractive** at all? So i need an ACTUAL advice from not the most prettiest people on how to fix my self esteem. Advices like "just love yourself" "someone will definetly find you attractive" "man isnt judged by his look" arent really helpful*»;

— «*How do I (M29) get over the fact that my girlfriend (F29) **isn't conventionally attractive**? Julia and I matched on an app and one of the first things I noticed were that her pictures had been very flattering. But we'd gotten along well and by the end of first date, I was hooked*»;

— «*Have you ever skipped dating someone you liked because he was **not conventionally attractive**? This is a question for heterosexual or bi women*»;

— «***Not Conventionally Attractive**. I cannot see myself as conventionally attractive like the others and cannot accept it. It is my daily struggle. How can I get through with it?*»;

— «*Why are some women attracted to men with physical faults **and not conventionally attractive**? That's the million dollar question. You can be less than average looking, have no friends, smell bad and have bad teeth...and these women will still be all over you*».

Таблица 1

Фреймовый анализ эвфемизма *not conventionally attractive*

	<i>Not conventionally attractive</i>	≈	<i>Unattractive / not attractive / ugly</i>
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-цель
	Социальная, физиологическая, эстетическая, оценочная	Физиологический (внешность), эстетический, оценочный (мнение)	Физиологическая, эстетическая, оценочная
Типовые сценарии	NOT conventionally attractive — не считается внешне привлекательным, согласно существующему эталону и сложившимся стереотипам о красоте.	Оценка внешности	Обладает неприятной внешностью

	NOT CONVENTIONALLY attractive — не соответствует эталону привлекательности и сложившимся стереотипам о красоте, но может быть охарактеризован как привлекательный, если существующий эталон и сложившиеся стереотипы игнорировать.		
Элементы ситуации	Привлекательность (attractive)	Оценка внешности	Уродство / неприятная внешность
	Отрицание (not)	Отрицание	Отрицательная оценка внешности
	Несоответствие общепринятым критериям оценки (not conventionally)	Критерии оценки	Соответствие общепринятым критериям оценки
Культурно-языковой скрипт	Архетипы «красота» — «уродство», «свой» — «иной»	Архетипы «красота» — «уродство», «свой» — «иной»	Архетипы «красота» — «уродство», «свой» — «иной»
	Эталон красоты в современной англоязычной культуре Ср.: <i>As beautiful as a supermodel, as handsome a superhero</i>	Эталон в современной культуре	Эталон уродства в современной англоязычной культуре Ср.: <i>As ugly as the devil</i>
	Стереотипы о красоте: стройный, высокий, спортивный, ухоженный, с гладкой кожей, блестящими волосами, ровными зубами, белоснежной улыбкой, аккуратным маникюром; 90х60х90; тратящий много денег на свою внешность и пр. Ср.: <i>as pretty as a picture, look like a million dollars</i> и др.	Стереотипы , связанные с фигурой, ростом, кожей, зубами, волосами, ногтями и пр.	Стереотипы об уродстве: толстый, маленького роста, неухоженный, с дефектами кожи, кривыми тёмными зубами, неухоженными ногтями и пр.

	<p>Культурные прескрипции: Борьба за свои права. Демократия. Отстаивание прав меньшинств. Борьба с дискриминацией. Продвижение альтернативного образа жизни, основывающегося на ценностях, которые отличаются от привычных, нестандартной внешности и пр. Ср.: запрещённые в РФ LGBT и Child Free; BLM, FAT & HAPPY и др. Политическая и языковая корректность.</p>	<p>Ориентация на существующие стандарты</p>	<p>Культурные прескрипции: избегать всего, что не выглядит привлекательно; стремиться к образу, который продвигают в обществе. Ср.: кино, телевидение, интернет, публичные люди и т.д.</p>
--	---	---	--

Фреймовый «расклад» эвфемизма позволяет прояснить ключевую когнитивную стратегию в кодировании негативного денотата — опустить существенные детали исходной негативной ситуации. Для этого условному создателю эвфемизма потребовалось обобщить описание, “очистить” ситуацию от негативных элементов, при этом сохранить её онтологические характеристики.

Данная стратегия осуществляется с помощью следующих когнитивных тактик — лакунизировать исходную область-источник, снять параметр «уродство / непривлекательность»; подменить типовой сценарий «обладание неприятной внешностью», переключив внимание адресата на возможность существования альтернативной точки зрения при оценке внешних данных; лакунизировать элементы ситуации (сняв характеристику «отрицательная оценка внешнего вида»). Успешность декодирования эвфемизма строится на способности адресата восстановить пропущенные детали.

Приём культурно-языкового скрипта в проведении фреймового анализа выявил языковые и культурные данные, «подрабатывающие» концептуализацию и эвфемизацию. Негативный образ несоответствия эталону красоты и стереотипам привлекательности смягчается с помощью культурной прескрипции о необходимости отстаивания прав меньшинств, признания их особенностей и такого же к ним отношения, как и к тем, кто этими особенностями не обладает. В фокус выводятся самые важные идеи, которые продвигаются в англоязычной культуре, — следование принципам демократии и политической корректности, борьба за права меньшинств. Конституирующими признаками эвфемизма выступают существующие в культуре архетипы, эталоны, стереотипы.

Проанализируем эмоционально окрашенное не прямое именование непривлекательного человека — «*гоблин*», употребляющееся в русскоязычном сегменте интернета. Для наглядности описания анализ также представим в таблице (см. таблицу 2). Ср. примеры употребления не прямой номинации в интернет-коммуникации [otvet.mail.ru/]:

— «Рассказываю про то как разработчики видеоигр перестали делать девушек красивыми, но в отчаянной попытке угодить меньшинствам просто превратили девушек в своих играх в стрёмных **гоблинов** ради повесточки и пропаганды бодипозитива»;

— «**Я КОРОЛЕВА ГОБЛИНОВ. КАК СТАТЬ НОРМАЛЬНОЙ? СТРЕМНЫЕ ПАРНИ МЕНЯ ОБОЖАЮТ, КЛЕЯТСЯ ТАБУНАМИ: АЛКАШИ, БЕЗЗУБЫЕ, БОМЖИ, В РВАННОЙ ОДЕЖДЕ, СТРЕМНЫЕ НА ЛИЦО**»;

— «Что делать с одноклассником **гоблином**? Мой одноклассник вечно с грязной головой, жёлтой от пота рубашкой, потными подмышками и вшами, че с ним делать»;

— «Почему в зеркале я шикарная венера, а на фотках ужасный **гоблин**?»;

— «Почему чем красивее аватар, тем страшнее за ним **гоблин** прячется?»;

— «А что вот делать, если твоя девушка мега сексуальная самочка, которую все хотят, а ты рядом с ней **гоблин**?»;

— «Почему в ТДВ все мужЫки - шикарные аполлоны, а в реале - ужасные **гоблины**??».

Таблица 2

**Фреймовый анализ
эмоционально-окрашенного непрямого именованя *гоблин***

	<i>Гоблин</i>	≈	Человек с непривлекательной внешностью
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-цель
	Мифологическая, оценочная (отрицательный персонаж), эстетическая	Оценочный	Антропная, физиологическая, эстетическая, оценочная
Типовые сценарии	Волшебное существо обладает неприятной внешностью	Неприятная внешность	Человек обладает неприятной внешностью
Элементы ситуации	Мифологический персонаж	Существо	Человек
	Неприятная внешность	Неприятная внешность	Неприятная внешность
Культурно-языковой скрипт	Архетипы «красота» — «уродство», «свой» — «иной»; «свой» — «чужой»	Архетипы «красота» — «уродство», «свой» — «чужой»; «свой» — «иной»	Архетипы «красота» — «уродство», «свой» — «иной»; «свой» — «чужой»
	Этимология Гоблины — волшебные существа в английском фольклоре. <i>Гоблин</i> — от англ. <i>goblin</i> — «злой дух» — франц. <i>gobelin</i> , от сред. лат. <i>cobālus</i> , от греч. <i>χόβᾱλος</i> , ‘плут, бес; злой	Стереотипные представления о внешности	Эталоны красоты и уродства Ср.: <i>прекрасен / прекрасна как ангел; страшна / страшен как чёрт</i>

	<p>дух', неизвестного происхождения. Ср. kobold, sobalt» [Klein 1966, p. 667] — перевод наш.</p> <p style="text-align: center;">Мифологема</p> <p>В западноевропейской мифологии гоблины — человекоподобные создания, живущие в подземных пещерах и не переносящие солнечный свет. Ср.: «ГОБЛИН, -а, м. Мифологическое существо в виде уродливого человекообразного существа, живущего под землей и приносящего вред людям (в европейской мифологии)» [Бабенко 2008 https]. В славянской мифологии близки таким персонажам, как бесы и черти. Ср.: бес — «существо черного (синего) цвета, <...> мохнатый, крылатый, хвостатый, на руках и ногах — когти, распространяет вокруг себя дым и смрад» [СМ 2019, с. 34]; черти — «антропоморфные существа, покрытые черной шерстью, с рогами, хвостами и копытами (одним копытом), красными глазами» [СМ 2019, с. 484].</p>	<p>Ср. тж.: <i>не так страшен бес / чёрт, как его малюют.</i></p>
--	--	---

	<p>Стереотипные представления Гоблины маленького роста, неуклюжего телосложения, с огромным носом, с зеленоватой кожей, живут под землёй, злые, уродливые, страшные, вонючие. Ср.: гоблины в зарубежных кинофильмах, сериалах и популярных компьютерных играх. Иностраный, «чужой», а значит — неизвестный, пугающий.</p>		<p>Стереотипные представления Человек с непривлекательной внешностью — толстый, маленького роста, неухоженный, с дефектами кожи, кривыми тёмными зубами, неухоженными ногтями, отталкивающий, пугающий и пр. Непривлекательный человек имеет низкую самооценку, замкнутый, неуспешный, непопулярный, одинокий, не может жениться / выйти замуж</p>
--	--	--	---

Человек с непривлекательной внешностью уподобляется гоблину. Негативный образ несоответствия стереотипам привлекательности усиливается с помощью мифологемы гоблина как символа чего-то мерзкого, неприятного, страшного. Гоблины — мифологические персонажи в западноевропейской культурной традиции, которые в нашей стране стали известны благодаря книгам и фильмам. Особенно популярны гоблины у поклонников жанра фэнтези и любителей современных компьютерных игр, персонажами которых часто являются гоблины. В славянской мифологии гоблины наиболее близки демонологическим персонажам. Образ гоблина, который, по стереотипным представлениям, является мерзким и злобным, пришёл к нам из другой культуры и воспринимается как «не наш», «чужой», что делает его ещё более удачным для усиления негативной оценки, подчёркивая отрицательное отношение пользователя к предмету высказывания. Ср.: «*Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («своё») пространство и внешнее («их»); «наше», «своё», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное» и т. д., «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое»*» [Лотман 1996, с. 175]. Конституирующими признаками непрямого номинации выступают существующие в русской культуре архетипы и получившие распространение стереотипные представления.

Заключение. В работе предпринят когнитивно-культурологический анализ разных по функции знаков непрямого номинации разноязычных культур; знаков, которые употребляются в современном интернет-пространстве, где возможен обмен информацией с носителями разных языков и представителями разных культур. Современная русскоязычная интернет-коммуникация характеризуется большим числом иностранных заимствований, которые могут употребляться для непрямого именованья различных объектов действительности, включая человека, как с эвфемистической целью, так и для усиления экспрессии.

Применение когнитивно-культурологического подхода в исследовании не прямых номинаций позволяет раскрыть механизм их создания. Фреймовый анализ выявляет сценарий, лежащий в основе создания не прямых именовании, и их конституирующие признаки. Культурно-языковой скрипт, введённый в структуру фрейма, позволяет эксплицировать «подключение» культурной и языковой информации к концептуализации понятий ([Ковшова, Орлова 2024]). С помощью зоны культурно-языкового скрипта выявляются культурные импликатуры в семантике языковых знаков, показано, как тот или иной тип информации «подрабатывает» языковую семантику, участвует в мотивации образного компонента, в формировании оценочного компонента и др.

Такой подход в исследовании не прямых номинаций, принадлежащих разным культурам, позволяет увидеть в них универсальное и культурно-специфическое. Универсальным является принцип не прямой номинации, который является принципом существования этих знаков, и механизм кодирования денотата в не прямых номинациях. Конституирующие признаки в семантике знаков не прямой номинации «оформляются» культурно-значимыми образами, которые участвуют в осуществлении принципа не прямой номинации, в соответствии с функциями, структурными и языковыми особенностями данных знаков. Культурно-специфическое обусловлено тем, что декодирование знаков не прямой номинации осуществляется с опорой на знания, сформированные в культуре; архетипы, стереотипы, эталоны, символы, культурные прескрипции и др. Образы, лежащие в основе метафор в не прямых номинациях современного интернет-пространства, могут быть заимствованы из другой культуры, однако их интерпретация осуществляется с опорой на знания, сформированные в принимающей культуре.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М.: Аст-Пресс, 2008. — 864 с. — [Электронный ресурс] — URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar-russkikh-sushhestvitelnykh> (дата обращения: 1.10.2024)
2. Ковшова М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. — С. 35 – 48.
3. Ковшова М. Л. Культурный скрипт как элемент когнитивного (фреймового) анализа загадки // Славянская фразеология и паремиология: сборник научных статей. Выпуск 3 / редкол.: Е. И. Тимошенко (отв. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. — Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. С. 125—128.
4. Ковшова М. Л., Орлова О. С. Культурный скрипт как часть когнитивно-культурологического анализа знаков не прямой номинации — Когнитивные исследования языка — (в печати). 2024.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семио-сфера — история. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
6. Орлова О. С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип не прямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. — ЛЕНАНД Москва, 2022. — 240 с.
7. Орлова О. С. Не прямые номинации в пространстве интернета. Когнитивно-культурологический аспект // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сб. научных трудов VI Международной научно-практической конференции. — Г. Орёл, ОГУ имени И. С. Тургенева: 2022. — С. 71–78.

8. Орлова О. С. О некоторых особенностях непрямых именовании в современном англоязычном интернет-пространстве // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. — ОГУ имени И. С. Тургенева Орёл: 2023. — С. 43–49.

9. СМ — Славянская мифология: энциклопедический словарь. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Международные отношения, 2019. — 512 с.

10. Klein E. A comprehensive etymological dictionary of the English language. Volume I. A—K. Amsterdam, London, New York: Elsevier publishing company, 1966. — 854 p.

Источники примеров

1. Reddit.com:

– URL:https://www.reddit.com/r/Bossfight/comments/12rmvpc/plus_size_queen_of_the_double_throne_demander_of/ (дата обращения: 20.10.2024);

– URL:https://www.reddit.com/r/AskReddit/comments/mrzks9/what_is_your_favourite_euphemism_to_describe/ (дата обращения: 20.10.2024);

– URL:https://www.reddit.com/r/TooAfraidToAsk/comments/q4v50e/butterface_vs_butterbody/ (дата обращения: 20.10.2024);

– URL:https://www.reddit.com/r/amiugly/comments/1qotld/22f_butter_face/ (дата обращения: 20.10.2024);

– URL:https://www.reddit.com/r/Animemes/comments/1cru1bc/that_girls_a_string_be_an/ (дата обращения: 20.10.2024);

– URL:https://www.reddit.com/r/toddlers/comments/15c10e6/anyone_else_here_with_a_string_bean_of_a_toddler/ (дата обращения: 20.10.2024);

– URL:https://www.reddit.com/r/Adulting/comments/1frdnf4/how_do_you_cope_with_being_not_conventionally/ (дата обращения: 1.10.2024);

– URL:https://www.reddit.com/r/relationships/comments/1ao5t9s/how_do_i_get_over_the_fact_that_my_girlfriend/ (дата обращения: 1.10.2024);

– URL:https://www.reddit.com/r/AskWomenOver30/comments/16lv9p1/have_you_ever_skipped_dating_someone_you_liked/ (дата обращения: 1.10.2024);

– URL:
https://www.reddit.com/r/adviceph/comments/1fsv4c0/not_conventionally_attractive/ (дата обращения: 1.10.2024);

– URL:https://www.reddit.com/r/AskMen/comments/18wbtsz/why_are_some_women_attracted_to_men_with_physical/ (дата обращения: 1.10.2024).

2. Otvet.mail.ru:

– URL: <https://otvet.mail.ru/question/240144549> (дата обращения: 20.10.2024);

– URL: <https://otvet.mail.ru/question/90503051> (дата обращения: 20.10.2024);

– URL: <https://otvet.mail.ru/question/222910814> (дата обращения: 20.10.2024);

– URL: <https://otvet.mail.ru/question/167626799> (дата обращения: 20.10.2024);

– URL: <https://otvet.mail.ru/question/207661963> (дата обращения: 20.10.2024);

– URL: <https://otvet.mail.ru/question/61737004> (дата обращения: 20.10.2024).

Сведения об авторе:

Орлова Ольга Сергеевна; кандидат филологических наук; Институт языкознания РАН, 125009 Москва, Россия, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1; OrlovaOlgaS@list.ru

Olga S. Orlova; candidate of Philology; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky lane, 125009 Moscow, Russia; OrlovaOlgaS@list.ru

УДК 81

Так что же такое переводческие трансформации?

Ольга Владимировна Петрова

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, начальник международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, кандидат филологических наук, Нижний Новгород, Россия, o.v.petrova.nn@gmail.com

Аннотация. С одной стороны, набор и количество использованных переводчиком трансформаций часто рассматриваются как показатель качества перевода, а с другой – как фактор, препятствующий сохранению формы текста и представляющий опасность для воспроизведения распределения смысловой нагрузки при переводе. Фактически они не являются ни тем, ни другим. Это описание результатов сопоставления текстов на ИЯ и ПЯ и элементы метаязыка при обучении переводу.

Ключевые слова: трансформации, единицы языка, текст, форма, смысл.

Translation transformations: what are they after all?

Olga V. Petrova

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, head of the International research laboratory “Theoretical and applied issues in translation studies”, professor of the department of English, Translation and Translatology, candidate of Philology, Nizhny Novgorod, Russia, o.v.petrova.nn@gmail.com

Abstract. On the one hand, the set and number of transformations used by a translator are often regarded as an indicator of translation quality, and on the other hand, as a factor that prevents the preservation of the text form and poses danger to reproducing the distribution of meaning in translation. In fact, they are neither. They are a means of describing the result of comparing SL and TL texts and elements of a meta-language for teaching translation.

Key words: transformations, language units, text, form, meaning.

Сегодня трудно найти статью, посвященную тем или иным аспектам практики или дидактики перевода, анализу переводческих решений при переводе какого-либо текста, а тем более курсовую или дипломную работу студента-переводчика, в которой в том или ином контексте не упоминались бы переводческие трансформации. В многочисленных пособиях описываются (а точнее – предписываются) лексические и грамматические трансформации, в статьях и ВКР скрупулезно подсчитывается количество различных трансформаций, использованных при переводе какого-то текста. Иногда такой подсчет даже заявляется как цель работы: «Цель исследования – определить, какие переводческие трансформации чаще используются в переводе с английского на русский язык» [Маркосян 2019, с. 311]. При этом, как правило, никто даже не объясняет, для чего этот подсчет осуществляется. Предполагается, что информация о том, сколько раз при переводе была использована конкретизация, сколько раз модуляция, а сколько раз замена частей речи, является самодостаточной, важность ее самоочевидна и не нуждается в пояснениях.

Наряду с этим в последнее время стали звучать высказывания, из которых следует, что их авторы воспринимают трансформации как некое неизбежное зло. Переводчики, по их словам, вынуждены применять трансформации, но, несмотря на это, им удается перевести текст адекватно. Так, например, М. В. Дайнеко пишет: *«Несмотря на применение переводчиком неизбежных трансформаций на разных уровнях языка (лексическом, лексико-грамматическом) (выделено мной – О. П.) ... перераспределение смысловой нагрузки макрокомпонентов в тексте перевода не происходит»* [Дайнеко 2024, с. 4]. Еще ярче эта мысль звучит в названии доклада А. В. Ковальчука, заявленного в программе X Международной научной конференции «Проблемы теории, практики и дидактики перевода», проходившей в НГЛУ им. Н. А. Добролюбова 2–4 мая 2024 г.: *«Актуальное членение как фактор вынужденного отхода от формы»* (выделено мной – О. П.) при переводе с английского языка на русский». Получается, что трансформации не только не способствуют полноценному переводу, но даже препятствуют достижению этой цели.

Сама по себе теория переводческих трансформаций основана на лингвистическом подходе к переводу и опирается на трансформационную модель, в соответствии с которой процесс перевода состоит в переходе от поверхностной структуры ИЯ к ядерной структуре того же языка и замене ядерной структуры ИЯ на эквивалентную ей ядерную структуру ПЯ с последующим ее разворачиванием в поверхностную структуру ПЯ. По определению В. Н. Комиссарова, «переводческая (межъязыковая) трансформация – преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода» [Комиссаров 1990, с. 248].

В этом определении существенным является то, что речь идет о переходе не от *текста* к *тексту*, а от *единиц* оригинала к *единицам* перевода. Это вытекает из самого понимания сущности процесса перевода сторонниками лингвистического подхода. Переводчик в этом случае решает не ту задачу, которую в свое время сформулировал А. В. Федоров (по его определению, «перевести – значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров 1983, с. 10]), а совсем другую: найти в ПЯ единицу, соответствующую определенной единице ИЯ. И тогда, если прямого соответствия найти не удастся, на помощь приходят трансформации. Т. е. переводчик думает не о том, как выразить заключенный в высказывании смысл, а о том, как преодолеть неизбежные различия между языками на уровне единиц плана выражения.

Однако для того, чтобы понять суть самого понятия «переводческая трансформация», представляется целесообразным отвлечься от различий между лингвистическим подходом к переводу и функциональным, коммуникативно-функциональным подходами или, скажем, интерпретативной моделью, и посмотреть, что в действительности описывают или предписывают трансформации.

Если исходить из формулировки А. В. Ковальчука, то перед переводчиком стоит задача сохранения языковой формы текста (точнее – имеющихся в тексте языковых форм). Но этому препятствуют различия в структуре языков, которые вынуждают переводчика жертвовать использованной в оригинале формой, заменяя ее какой-то из имеющихся форм ПЯ. Очевидно, предполагается, что эта форма должна семантически или функционально быть подобной форме ИЯ. Но все-таки переводчик как бы оказывается перед дилеммой: сохранить актуальное членение, но при этом нарушить форму или сохранить форму, но при этом нарушить актуальное членение.

А что происходит в действительности? Неужели переводчик, встретив в оригинале абсолютную конструкцию, думает (или должен думать) о том, какой именно структурой русского языка ее лучше заменить (скажем, из списка возможных замен, предложенного в непревзойденном по полноте набора вариантов пособия В. Н. Комиссарова с

соавторами [Комиссаров, Рецкер, Тархов 1965, с. 109-136])? Даже письменный переводчик вряд ли об этом думает, не говоря уже об устном. Действительно ли перевод состоит в переборе вариантов лексических и грамматических соответствий? Или же переводчик, поняв смысл и функцию выражения в оригинале, ищет способ воспроизвести их в переводе?

Сам факт наличия в каждом языке и лексической, и синтаксической синонимии свидетельствует о том, что между языковыми единицами двух языков нет и не может быть взаимно однозначного соответствия. Одну и ту же конструкцию «yesterday, approaching the university, I saw...» можно перевести и как «вчера, подходя к университету, я (у)видела», и как «вчера по пути в университет я (у)видела...», и как «иду я вчера в университет и вижу...», и еще многими другими способами, которые иногда зависят, а иногда и не зависят от контекста, так как просто являются синонимичными. Так какую же трансформацию нам в данном случае нужно осуществить? Любое пособие по переводу с английского языка на русский скажет, что английский причастный оборот можно перевести а) с помощью русского причастия или деепричастия, б) с помощью личной формы глагола, в) путем выделения причастного оборота в самостоятельное предложение, г) с использованием предложного оборота и, наконец, д) с помощью придаточного предложения. Даже если мы будем следовать всем этапам, обозначенным в трансформационной модели, т. е. перейдем от английской поверхностной структуры к английской же ядерной структуре, а от нее – к соответствующей русской ядерной структуре (хотелось бы посмотреть на переводчика, который это делает!), то на этом этапе все и останавливается, т. к. развертывание ядерной структуры ПЯ в поверхностную уже никакими строгими правилами не описывается. И переводчик оказывается перед той же проблемой, перед которой он был в самом начале: как сказать на переводящем языке то, что сказано на исходном.

Говоря о вынужденности применения трансформаций, исследователи имплицитно выражают мысль, что, если бы несовпадение структур ИЯ и ПЯ не мешало переводчику и он мог бы обходиться без трансформаций, то перевод был бы более адекватным. Но одинаковая форма не всегда означает выражение одинакового содержания. Поэтому «трансформировать» текст переводчику приходится в ряде случаев там, где его к этому не вынуждают структурные расхождения между языками. История перевода знает немало случаев, когда к нарушению адекватности перевода приводил именно выбор формально совпадающих способов выражения. Особенно наглядны примеры перевода поэзии, где, казалось бы, одинаковые формы стиха в разных поэтических традициях имеют совершенно разные функции. Достаточно вспомнить историю с переводом «Шильонского узника» В. Жуковским, сохранившим байроновские сплошные мужские рифмы, столь типичные для английской поэзии, и придавшим поэме совершенно другое звучание. Или проблемы И. Бродского с автопереводами. Но и примеров из перевода прозаических текстов немало. Тому, кто перевел предложение «We often read and hear the phrase “language is a living thing”, but *most of us do not stop to think* about how and why this is true» как « Мы часто читаем и слышим фразу «язык – это нечто живое», и *многие из нас не перестают думать* о том, как и почему фраза эта соответствует действительности» [Солодуб, Альбрехт, Кузнецов 2005, с. 13], структурные различия тоже не помешали. Структурной «вынужденности» трансформации не было, и переводчик не стал ничего менять в структуре предложения. Но сохранение структуры привело к искажению смысла до противоположного.

Так что же собой представляют переводческие трансформации и что они дают переводчику? По сути дела, трансформации, в том виде, как они вошли в дидактику перевода, это и не переводческие приемы, и не способ достижения адекватности при переводе. Это – описание *post factum* того, что получилось у переводчика, когда он

извлеченную из оригинала мысль выразил так, как она выражается на ПЯ (с учетом нормы и узуса этого языка). Трансформации – это способ описания результата перевода в его сравнении с оригиналом. И еще – это удобный терминологический инструмент при обучении переводу. Так, например, вместо того, чтобы объяснять студенту, что, поскольку в переводящем языке нет слова со столь же конкретным значением, как в исходном, следует поискать слово с более общим значением, являющееся гиперонимом по отношению к слову, употребленному в оригинале, можно просто сказать: «Попробуйте перевести это с помощью генерализации». Для этого студент, конечно, должен знать, что такое генерализация, так что этому метаязыку учить стоит. Но именно как метаязыку, а не как переводческим приемам.

Список трансформаций это, по сути, классификация межъязыковых различий и соответствий между единицами двух языков – как лексическими, так и грамматическими, это перечень существующих типов соотношения между единицами двух языков. В качестве кратких терминологических названий они удобны и при исследовании уже выполненного перевода, и при обсуждении на занятиях по переводу того, каким образом можно преодолеть различия в способах выражения одной и той же мысли в разных языках. Но это никак не правила перевода. «Инвентаризация» использованных переводчиком трансформаций ровным счетом ничего не говорит о качестве перевода. И уж тем более трансформации – это не «вынужденные отступления» от формы оригинала, таящие в себе угрозу нарушения адекватности перевода. Это переход от способа выражения мысли на одном языке к способу выражения той же мысли на другом. При этом именно сохранение формы исходного (скажем, английского) предложения в переводящем (скажем, русском) языке с большой вероятностью приведет к нарушению актуального членения и, таким образом, к нарушению распределения смысловой нагрузки. При грамотном переводе (а только такой и можно рассматривать с теоретической точки зрения) это распределение сохраняется не вопреки трансформациям, не «несмотря на» на них, а именно благодаря трансформациям.

Трансформируя в процессе перевода языковую форму, переводчик переходит не от единиц одного языка к единицам другого, а от выражения смысла средствами одного языка к выражению того же смысла во всей его полноте средствами другого языка. Таким образом, внимание переводчика сосредоточено не на отдельной языковой форме в оригинале и поиске соответствия ей в языке перевода, а на воспроизведении семантического и прагматического наполнения этой формы – как лексической, так и грамматической.

Список литературы

1. Маркосян Е.И. Способы перевода причастия на русский язык // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам. Материалы XIII Международной научной конференции, посвященной 98-летию образования Белорусского государственного университета – Минск, Белорусский государственный университет, 2019. С. 311–315.
2. Дайнеко М. В. Средства создания образа вещного мира в романе В. Набокова «Машенька» и его англоязычной версии “Mary”. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2024. С. 23.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
4. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

5. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю. Теория и практика художественного перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 304 с.

Сведения об авторе:

Петрова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, 603155, Российская Федерация, Нижний Новгород, Провиантская, 20, кв. 153; o.v.petrova.nn@gmail.com; o.v.petrova.nn@gmail.com

Olga V. Petrova; Cand. Sc. (Philology), Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, head of the International research laboratory “Theoretical and applied issues in translation studies”, professor of the department of English, Translation and Translatology, 153 – 20 Proviantnaya Street, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; o.v.petrova.nn@gmail.com

УДК 81.246

Первичный код и вторичные коды этноязыка

Владимир Михайлович Савицкий

Самарский государственный социально-педагогический университет, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, Самара, Россия, lampasha90@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются модели порождения словосочетаний, существующие на первом и втором уровнях ономазиологической системы языка. Показывается, что на первом и втором ономазиологических уровнях словосочетания порождаются с помощью первичного и вторичного кодов соответственно. Демонстрируется этноспецифика моделей второго уровня. В статье приводятся примеры из английского и ряда других индоевропейских языков.

Ключевые слова: первый / второй ономазиологический уровень, первичный / вторичный код этноязыка, динамическая корреляция, лексико-семантическая сочетаемость, идиома

Primary Code and Secondary Codes of Ethnic Language

Vladimir Mikhailovich Savitsky

Samara State University of Social Sciences and Education, Professor, Chair of English Philology and Cross-cultural Communication, Doctor of Philology, Samara, Russia, lampasha90@mail.ru

Abstract. The author explores generative models of word combinations that exist at the first and second levels of ethnic language onomasiological system, shows that at the first and second onomasiological levels word combinations are generated by the primary and secondary codes respectively. The author demonstrates ethnic specificity of second-level models. The article contains examples from English and some other Indo-European languages.

Keywords: first / second onomasiological level, primary / secondary code of ethnic language, dynamic correlation, lexico-semantic combinability, idiom

Как известно, естественные языки выгодно отличаются от искусственных формализованных знаковых систем тем, что они имеют двухуровневое строение, повышающее их функциональный потенциал. В терминах М. В. Никитина [1979] они именуется первым и вторым уровнями ономаσιологической системы языка.

На первом ономаσιологическом уровне осуществляется первичная, а на втором – вторичная номинация. На втором ономаσιологическом уровне существуют не столько строгие значения, сколько «правила содержательного варьирования» [там же, с. 101]. Иными словами, вторичные (фигуральные) значения единиц языка в целом более размыты и вариативны, чем первичные (буквальные).

Так, в буквальном плане русский фразеологизм *пустить козла в огород* обозначает лишь одну ситуацию, а в переносном плане он содержит сценарий (ролевую схему) широкого класса ситуаций. В процессе номинации происходит упомянутое «содержательное варьирование» в пределах инварианта, заданного сценарием. Согласно данным опроса информантов, этот фразеологизм применим, в частности, к следующим ситуациям: открыть шпиону доступ к секретным технологиям; предоставить Ходже Насреддину право входа в гарем; подпустить пьяницу к запасам спиртного; ознакомить плагиатора с еще не опубликованными материалами; вручить жулику ключ от квартиры и мн. др. [Савицкий 1993, с. 63].

Как видим, денотативная область этого фразеологизма весьма широка и тематически разнородна; едина лишь общая структура класса ситуаций. Это и есть «содержательное варьирование» на втором ономаσιологическом уровне.

Но данный фигуральный смысл может быть выражен и другими русскими фразеологизмами: *поставить волка пастухом; поставить свинью огородником; пустить лису в курятник*. Ср. англ. *to set the cat to watch the goldfish bowl* (букв. «поручить кошке стеречь аквариум»); *to set the wolf to keep the sheep* (букв. «поручить волку стеречь овец»); перс. *kālārā bē dōzd sēporđān* (букв. «доверить вору имущество»); *gusfāndrā bē gōrg sēporđān* (букв. «доверить волку барана»).

Мы убеждаемся, что ряду ситуаций в плане содержания соответствует ряд ситуаций в плане выражения (на образном уровне), причем каждая ситуация плана содержания может быть обозначена любой ситуацией плана выражения и наоборот. Имеет место взаимно-многозначное соответствие (в терминах С. И. Карцевского [2004], динамическая корреляция) плана содержания и плана выражения на втором ономаσιологическом уровне.

Корпусы языковых единиц и правил оперирования ими на первом и втором ономаσιологических уровнях можно назвать, соответственно, первичным кодом и вторичными кодами этноязыка.

По нашим наблюдениям, вторичные языковые коды этнолингвистически в целом более своеобразны (идиоэтничны), чем первичный. Поясним этот тезис.

Применяя известные ленинские формулировки, отметим, что отражение фрагментов действительности в семантике языковых знаков представляет собой не «зеркально-мертвый акт», а «живое созерцание» объекта. Значение знака является не механическим «слепком», а **моделью** объекта номинации, итогом его коллективного осмысления, заключающего в себе культурно-исторический опыт народа. Разные народы подчас несколько по-разному осмысливают один и тот же объект, что проявляется в несовпадении (или неполном совпадении) структур значений языковых единиц. Так, например, определенное психическое свойство англосаксы осмысливают как результат излишней саморефлексии, что отражено во внутренней форме слова *self-consciousness* (букв. «осознание себя»), тогда как русские осмысливают данное

психическое свойство как стремление самоизолироваться, не попадаться на глаза, что отражено во внутренней форме слова *застенчивость* (< *застенок* устар. «заднее помещение»).

Значение слова может рассматриваться как семная конструкция, которая представляет собой специфичную для данного языка модель денотата. Характер модели денотата зачастую обуславливает характер модели сочетаемости слова. Так, например, англосаксы представляют себе курс или направление развития (мысли, идеи, теории и т.п.) как колею (*track*), а русские – как русло. Отсюда проистекает различие в формах выражения мысли в оригинале и в переводе:

англ. Their thoughts still followed their tracks, букв. «Их мысли всё шли по своим колеям» (A. Christie. *Death in the Clouds*);

рус. Их мысли всё текли по своим руслам (А. Кристи. *Смерть в облаках*).

На первом ономасиологическом уровне, в сфере буквальных значений, имеется большое количество слов, которые совпадают с иноязычными эквивалентами не только денотативно, но и сигнификативно. Иначе говоря, такие разноязыковые эквиваленты не только обозначают один и тот же объект, но и моделируют его весьма сходным образом. Например, словарные дефиниции английского слова *apple* и русского *яблоко* практически одинаковы:

“*apple* – round firm fleshy fruit of a rosaceous tree” («круглый твердый сочный плод дерева семейства розоцветных» [COD]);

«*яблоко* – сочный круглый многосемянный плод растений семейства розоцветных, подсемейства яблоневых» [БЭС].

Сходство сигнификатов обуславливает сходство сочетаемости этих слов. На обоих языках порождаются изоморфные сочетания, обозначающие свойства

данного объекта: размер (*big apple* – *большое яблоко*), цвет (*green apple* – *зеленое яблоко*), вкус (*sour apple* – *кислое яблоко*), состояние (*fresh apple* – *свежее яблоко*) и т.д., а также то, что с ним происходит (*apples grow, mature, fall, rot etc* – *яблоки растут, зреют, падают, гниют* и т.д. В таких случаях модели сочетаемости разноязыковых эквивалентов практически полностью совпадают.

Такого рода разноязыковые сочетания и высказывания порождаются по одинаковым или весьма близким моделям благодаря тому, что входящие в них слова обладают одинаковыми или весьма сходными сигнификатами. Вследствие этого разноязыковые эквиваленты имеют одинаковую или весьма сходную сочетаемость, подобно тому, как одинаковые по форме кусочки мозаики или элементы пазла одинаково сцепляются с другими.

Так бывает не всегда; например, русское имя прилагательное *большой / большая* не сочетается с существительным *улыбка* (говорят *широкая улыбка*), в то время как английское прилагательное *big* («большой / большая») нормативно сочетается с существительным *smile* («улыбка»). Ср. также: *англ. big reason* (букв. «большая причина», *рус. веская причина*), *big voice* (букв. «большой голос», *рус. сильный голос*), *big reputation* (букв. «большая репутация», *рус. высокая репутация*) и др. Но и *рус. большой / большая* нормативно сочетается с рядом таких слов, с которыми не сочетается *англ. big*: *большой appetite* (*англ. strong appetite*, букв. «сильный аппетит»), *большие сомнения* (*англ. grave doubts*, букв. «тяжкие сомнения»), *большое движение* (*англ. heavy traffic*, букв. «тяжелый трафик») и др. Согласно комбинаторному словарю [СУС], денотаты слов *большой* и *big* в основном совпадают, но имеются и зоны расхождения. Вероятно, они отчасти различаются и сигнификатами. Однако здесь уже наблюдаются зачатки метафоризации, а значит, намечается переход на второй ономасиологический уровень.

Если бы существовал лишь первый ономасиологический уровень, то речь на разных языках была бы гораздо более структурно единообразной. По нашему мнению,

это связано с тем, что на первом уровне участники общения оперируют скорее логическими понятиями, чем лингвокультурными концептами. Понятия по своей природе рациональны и в большой мере интернациональны; поэтому и их десигнаторы в разных языках сцепляются друг с другом сходным образом.

Однако из исходных (понятийных) значений возникают производные (концептуальные); вследствие расхождения путей культурно-исторического развития народов производные значения в разных языках обретают разную образную основу. Так, один и тот же зверь был осмыслен русскими как *дикобраз*, букв. «тот, кто имеет дикий образ (= облик)», а нормандцами – как *porc espin*, букв. «шипастая свинья» (отсюда *англ. porcupine*). Самца одной и той же птицы русские называли *петух* от *древнерус. нѣти* (ср. *пастух* от *пасты*), то есть букв. «тот, кто поет», а англичане – *rooster* от *to roost* «сидеть на насесте», то есть букв. «тот, кто сидит на насесте». Русские говорят *ездить в Тулу со своим самоваром*, англичане – *возить уголь в Ньюкасл* (*carry coals to Newcastle*), а персы – *доставлять стекло в Алеппо* (*ābginú be haléb bordán*). Примеров подобных расхождений – тысячи.

Расхождения в образности обуславливают расхождения в сигнификативном и прагматическом аспектах семантики разноязыковых эквивалентов. Разница в образной, понятийной и ценностной сторонах их семантики говорит о том, что на втором ономазиологическом уровне эти языковые знаки десигнируют не сходные понятия, а существенно различающиеся лингвокультурные концепты.

Определение «идиоматичный» подразумевает «своеобразный» (*греч. idiōta* «особое свойство»), а «своеобразный» подразумевает «естественный, подлинный». Не зря идиомы определяются с двух сторон. С одной стороны, в определениях подчеркивается своеобразие: “Idiom – form of expression peculiar to a language” [OALD] («идиома – форма выражения, специфичная для какого-либо языка»), а с другой стороны, в определениях подчеркивается переосмысленность: “Idiom – an accepted phrase having a meaning different from the literal” [COD] («идиома – устойчивый оборот, имеющий значение, отличное от буквальное»).

Эти определения, на первый взгляд разнородные, представляют собой две стороны одной медали: своеобразие оборотов обусловлено их небуквальностью, образностью номинации, которая, в свою очередь, обусловлена спецификой мировидения, свойственного данному народу.

Этническая самобытность переосмысления приводит к своеобразию оборотов по сравнению с **первичным кодом языка**, причем всякого – и своего, и чужого: ведь, как отмечалось, первичные коды языков весьма сходны. Принято различать меж- и внутриязыковую идиоматичность, но, на наш взгляд, можно говорить и об «идиоматичности вообще»: она представляет собой **структурное своеобразие вторичного кода языка по сравнению с первичным**. Идиомы практически одинаково своеобразны по сравнению с буквальным аналогом в своем первичном коде и буквальными аналогами в иноязычных первичных кодах. Так, английская идиома *lame dog* (букв. «хромой пёс», *перен.* «неудачник») одинаково структурно своеобразна по сравнению с буквальным аналогом в собственном языке (*lame dog* «хромой пёс») и с буквальными аналогами в других языках (франц. *chien boiteux*, нем. *hinkenden Hund*, перс. *сáг-э лánг*, рус. *хромой пёс* и др.), поскольку эти разноязыковые буквальные аналоги изоморфны.

Приведем пример межязыковых различий в сочетаемости. Английское существительное *breath*, приблизительно соответствующее русскому *дыхание*, имеет скрытую образную основу «запас», которая определяет специфику порождения сочетаний с этим словом: подобно запасу денег, пищи, воды, патронов, сигарет и т.п., дыхание можно приобретать (*to get one's breath*), хранить (*to keep one's breath*),

приберегать (*to save one's breath*), тратить (*to spend one's breath*), транжирить (*to waste one's breath*), пополнять (*to get one's breath back*), терять (*to lose one's breath*), вновь обретать (*to regain one's breath*); за него нужно бороться (*to struggle for breath*); можно испытывать его нехватку (*to run short of breath*); оно может совсем закончиться (*to reach the end of one's breath*) и т.д. По-русски нельзя составить словосочетания **тратить / транжирить / пополнять дыхание, бороться за дыхание, достичь конца дыхания*, поскольку носители русского языка в целом не мыслят дыхание как запас (кроме спортивных оборотов *экономить дыхание* и *обрести второе дыхание*). В основном они мыслят дыхание как процесс; на этой основе порождаются такие обороты, как *задержать / затаить / усилить / участить / ослабить дыхание*, обозначающие не оперирование запасом, а контроль над процессом.

Так этноспецифика структуры лексического значения слова обуславливает особенности порождения сочетаний с данным словом на данном языке.

Решая проблемы генеративистики, мы обратились к вопросам сочетаемости потому, что в основе порождения речи лежит «механизм «не только» выбора, «но» и **организации** «т.е. соединения» слов» [Леонтьев 2002, с. 387].

«Модель переменного сочетания слов – это регулярное образование однотипных переменных сочетаний слов по ... структурно-семантической схеме вокруг опорного знаменательного слова» [Кунин 2005, с. 76]. Как видим, это определение включает не только структурный, но и генеративный принцип. А. Ф. Лосев [2004] тоже считал, что всякая модель должна содержать в себе принцип построения объекта. Если в структурную модель класса словосочетаний ввести правило варьирования переменных, то мы получим его генеративную модель.

Такова, к примеру, модель *bad* «интенсивный» + <существительное> [градуальное негативное явление], где курсивом дана лексическая константа, в кавычках – ее значение, в угловых скобках – морфосинтаксический инвариант, а в квадратных – семантический инвариант, который задает принцип и пределы варьирования лексических переменных. По ней построен модельный ряд *bad need* (горькая нужда), *bad blunder* (грубая ошибка), *bad cough* (сильный кашель), *bad pain* (сильная боль), *bad wound* (тяжелая рана), *bad frost* (крепкий мороз) etc.

В этот ряд не вписываются сочетания *bad guy* (плохой парень), *bad weather* (плохая погода), *bad luck* (невезение) и т.п., поскольку они не соответствуют правилу варьирования лексических переменных, содержащемуся в этой модели.

Сочетания слов и высказывания суть продукты генеративного процесса. Этническое своеобразие их структуры говорит о своеобразии моделей, по которым они созданы. Следовательно, каждый этноязык располагает совокупностью своих собственных, этноспецифичных порождающих моделей.

Список литературы

1. БЭС – Большой энциклопедический словарь / А.М. Прохоров. М.: Норинт, 2004. 1456 с.
2. Карцевский С. И. Об асимметричном дуализме языкового знака // С. И. Карцевский. Из лингвистического наследия. Том II. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 239-245.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
4. Леонтьев А. А. Порождение речи // Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. С. 387.
5. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М.: Едиториал УРСС, 2004. 293 с.

6. Никитин М. В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. 1979. №1. С. 91-102.
7. Савицкий В. М. Аспекты теории фразообразовательных моделей. Самара: Тор, 1993. 65 с.
8. СУС – Словарь усилительных словосочетаний. Англо-русский, русско-английский / И. И. Убин. М.: Р. Валент, 2007. 552 с.
9. COD – Concise Oxford Dictionary of Current English / H. W. Fowler, F. G. Fowler (eds). Oxford: Clarendon Press, 2011. 1682 pp.
10. OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary / D. Lea, J. Bradbery (eds). Oxford: University Press, 2024. 1946 pp.

Сведения об авторе:

Савицкий Владимир Михайлович; доктор филологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, д. 65 / 67; lampasha90@mail.ru;
Savitsky Vladimir Mikhailovich; Doctor of Philology, Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67 Maxim Gorki Street, Samara, 443090, Russian Federation; lampasha90@mail.ru

УДК 821.161.1

Многозначность меронимии как источник многомерности повествования в русской прозе середины XX в.

Игорь Николаевич Юдкин-Рипун

Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины, ведущий научный сотрудник, доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной Академии Художеств Украины dr.iyudkin@gmail.com, SPIN 4354-7669

Аннотация. Полисемия представляет узлы пересечения линий мотивировки повествования: образуются локальные контекстно-зависимые концепты, выявляя множественность смыслов через минимум их двойственности, как альтернатива понятийным категориям. В противоположность категориальным единицам, представляющим обобщенные признаки через отношения «род – вид» (таксономия), концепты вводят герменевтические отношения «целое – часть» для обособленных предметов (мерономия), чем определяется значимость меронимов как обозначений частных. Выделяются семантические переходы «предмет – признак», соответствующие абстракциям обособления и обобщения и представляемые объемными концептуальными схемами.

Ключевые слова: имена собирательные, симптомы, предметно-признаковое пространство, концепт, синекдоха, семантический переход.

The Polysemy of Meronyms as the Source of Narrative Multidimensionality in the Russian Prose of the Middle XX Century

Igor N. Yudkin-Ripun

Institute for Art Studies, Folkloristics and Ethnology of the NAS of Ukraine, leading researcher, habilitated doctor of arts, corresponding member of the National Academy of Arts of Ukraine dr.iyudkin@gmail.com, SPIN 4354-7669

Abstract. Polysemy represents the intersectional nodes of the motivational lines of a narration: there arise local contextually-dependent concepts that display the plurality of meanings through the minimum of their duplicity as the alternative to notional categories. In opposite to categorical units that represent the generalized attributes through the relations “genus – species” (taxonomy) concepts introduce the hermeneutic relation “whole – part” for singular objects (meronymy) so that the importance of meronyms as the designations of particularities becomes evident. The semantic transitions “objects – attributes” gain the priority as those corresponding to the abstractions of isolation and generalization and enabling to build up stereoscopic conceptual schemes.

Key words: collective names, symptoms, object-attributive space, concept, synecdoche, semantic transition.

Бо́лее полувека назад В. Г. Адмони показал, что полифония текста (в смысле М. М. Бахтина) и полисемия его единиц взаимосвязаны, позволяя усматривать в тексте свойства музыкальной партитуры, а в многозначности – черты строения аккордов [Адмони 1961]. Эта пара «полифония – полисемия» давно интуитивно нащупывалась в театральной практике построения режиссерских партитур, где строки реплик драмы оснащались комментариями и перекрестными ссылками, т.е. представлялись как многомерные матрицы. Такое матричное представление, в свою очередь, восстанавливало традиции библеистики, где эпизоды канонического текста кодировались многомерной субнумерацией (книга, глава, номер высказывания). Однако именно В. Г. Адмони нашел этой практике теоретическое обоснование, выдвинув «положение о смысловой неоднолинейности речевой цепи» и предложив термин «батизматика» (букв. «глубина»), так что в тексте выявляются «парадигматические, синтагматические и батизматические измерения» [Адмони 1988, с. 41 – 42]. Основание лежит в «возможности одновременного введения в речь на базе одного элемента нескольких значений», определяемой как «принцип наслаивания одних значений на другие»: например, описание событий дополняется «незаметно сопровождающей их семантико-грамматической линией» [Адмони 1988, с. 38, 21, 196]; представлен и образец соответствующего матричного описания текста [Адмони 1988, с. 200 – 204]. Такого использования «разовой речи», представляющей «степень вовлеченности» участников диалога и отсылки к отдаленным участкам текста [Адмони 1994, с. 125], где, как отметил исследователь наследия В.Г. Адмони, возникает «система параллельных линий, таких, как аспект» [Нефёдов 2021, с.25] как мотивировка событийного ряда. Так складывается «многолинейность речевой цепи» [Адмони 2004, с. 40], а такой эффект «реализуется в условиях максимальной удаленности от ситуации контекста» [Шустова 2016, с. 88], в тематических арках текста.

Наглядной иллюстрацией могут послужить эпизоды из романа «Братья» К. Федина, где герой – композитор Никита Карев (прообразом его был Ю. А. Шапорин) знакомится с Анной. Вначале «*вещи становились в ее присутствии незаметными*», а далее все изменяется: «*Вещи в его комнате, ... коробка папирос, пепельница ... – странно одушевлялись только потому, что Анна прикоснулась к ним*» [Федин 1983, т. 3, с. 147, 150]. Такая метаморфоза позволяет соотносить предметы из отдельного эпизода с судьбой героя, в частности, с его профессиональным ростом, о котором он рассказывает. Затем, через несколько лет, после известия о смерти Анны, его постигает переживание «*неумолимости одиночества ... при виде залитого солнцем ... снега и воздушной синевы*» [Федин 1983, т. 3, с. 246], то есть при отсутствии вещей. Мелочи предметного окружения

наделяются глубинным смыслом и запечатлевают линии событий, а действия героя обнаруживают аспект предвосхищения, предопределения неотвратимого одиночества.

Понятию батизматики созвучно введенное Д. Н. Шмелёвым понятие эпидигматики для обозначения совокупных результатов семантической деривации (как эпифеноменов парадигматических семантических переходов), определяемой отношениями «эпидигматическими или деривационными (в широком смысле слова)», так что складываются «эпидигматические связи, объединяющие целые тематические группы слов» [Шмелёв 1973, с. 191, 194]. Существенно, что тут воспроизводится упомянутая «многолинейность»: «Деривационная связанность может быть интерпретирована как мотивированность», причем «эти линии не разобщены, а напротив, сливаются в одну ось значения слова – глубинную» и образуют «действительно третье измерение» [Шмелёв 1973, с. 196, 198 – 199].

Благодаря эпидигматике текст предстает как стереоскопический, объемный предмет. Показателен тут эпизод из «Дороги на океан» Л. Леонова, где случайное событие, бытовое ранение героини, Лизы, оказывается серьезным испытанием ее отношений с симпатизирующим ей больным Куриловым: «*Лиза сильно порезала палец ... Она гипнотизировала обоих, эта смородинка крови, и через какую-то внезапную жалость сблизила их*», но затем «*начался припадок ... Так вот когда постучал к нему солдат! Кровь ... осталась на его щеке*» [Леонов 1983, т. 6, с. 382]. Капля крови мотивирует смыслы, совершенно далекие от мелкой случайности и включающие линии роковых событий. Она вызывает симпатию и поток воспоминаний (упоминание о стуже солдата), определяющих дальнейшую судьбу героя.

Со своей стороны, именно «в эпидигматической плоскости» обнаруживается введенное М. Вас. Пименовой понятие синкретсемии как альтернативы полисемии, которое предполагает наличие несводимого к компонентам многозначности смыслового остатка и характеризует смысл «нерасчлененным множеством конкретных денотатов» [Пименова 2011, с. 39, 36 - 37]. Существенно, согласно В.В. Колесову, что «синкретизм значений – это собирательный смысл» [Колесов 2017, с. 25], определяющий имя собирательное как альтернативу имени родовому (генониму), а совмещаемые в синкретсемии смыслы «равноценны, тогда как многозначность предполагает иерархию» (представление деривации), а вместо множественности в ней выявляется «диалектика раздвоения смысла» [Колесов 1991, с. 47 – 48], в частности, энантиосемия, позволяя воссоздать поляризацию значений, присущую архаическому дуализму. В синкретсемии первенствует синтагматика: «Смысл текста ... является производным от семантического синкретизма ..., прежде всего имен» [Колесов 1991, с. 40, 43].

Потенциальная многомерность синкретсемии особенно ясно видно в коллоквиализмах, где неопределенность побуждает к дискуссии. Так, в повести В. Пановой «Сестры» героиня, приезжая из столицы на могилу отца, рассуждает с собой: «*Вот наш дом. Почему наш? Нас нет там. Их дом*» [Панова 1988, т.3, с. 461]. Дом понимается как синкретическая энантиосемия – «свой» и «не свой». Таков же спор с собой в «Сентиментальном романе»: «*Так лгать нельзя. Кто умеет так лгать, тот не человек*» [Панова 1987, т.2, с. 464]. Значит, ложь бывает «такая» и «не такая», выявляя скрытые антитезы. Во «Временах года» внутреннюю противоречивость несет окно в восприятии героя, который, встречая жену «*шел по платформе, жадно ища ее лицо в окне вагона. И всегда милое лицо ... показывалось в другом окне*» [Панова 1987, т.2, с. 289]. Здесь предстает «другое окно» как альтернатива первоначальному смыслу. Энантиосемия в таких случаях оказывается испытанным средством мотивировки спора о смысле, известным в драматургии начиная по крайней мере с гамлетовского вопроса.

Для всех этих явлений многозначности (в отличие от тропов) возникает вопрос об отношении к категоризации языковой мира, несоответствие которой отмечал А. В.

Бондарко, введя понятие «категориальной ситуации», где «категории получают выход в речь» и выступают как «категориальные характеристики высказывания» [Бондарко 2002, с. 294, 319]. Показательно, что, подобно эпидигматике с неотделимостью деривативных значений от исходных, «для высказываний многоаспектной направленности» обычно «не может быть однозначно определена как доминирующая» та или иная категориальная ситуация [Бондарко 2002, с. 329]. А. А. Зализняк предложила понятие «концептуальной схемы», где «многозначность ... не может быть описана в рамках модели порождения производных значений от исходного» [Зализняк 2006, с. 42], что позволяет усматривать альтернативу категоризации в понятии концепта (введенного Боэцием, развитого в схоластике Абеляром и в казуистике Суаресом и возрожденного С. А. Аскольдовым): по замечанию В. В. Колесова, «каждое ключевое слово проходит путь от туманного нечто (как С. Аскольдов назвал концепт)» [Колесов 1992, с. 34]. Подобно синкретсемии и в противоположность категориям, концепт возникает как «начало идеи говорящей вещи», причем представляет вещь «не только как некую конкретность, но и как часть» [Неретина 1999, с. 22, 61]; если категория выступает «независимо от общения» и представляет «итоги познания», то концепт «формируется речью» [Неретина 1999, с. 29 – 30]; множественность значений представляется как их поляризация, энантиоemia, двусмысленность, «две разные возможности для бытия» [Неретина 1999, с. 27].

Со своей стороны, категориальный аппарат, фиксируя результаты абстрагирующей деятельности в виде готовых признаков и соответствующих дескрипторов, всегда оказывается неполным и недостаточным для представления текстового смысла, тогда как текст, принадлежащий диахронии, открывает неведомые смыслового развития. Ограничения категоризации давно обнаружены в связях объема и содержания понятий, напр., в т. наз. парадоксе анализа, когда в процессе исследования «содержание ... должно быть шире», но сохраняется «один и тот же объем» [Войшвилло 1971, с. 102], определяемый исследуемым предметным полем. Предмет остается постоянным, тогда как внешние признаки, раскрывающие его возможности, изменяют содержание по мере изучения предмета (напр., атом Демокрита и атом Резерфорда разнятся по содержанию, по открытым признакам). Несоответствия объема и содержания наглядно видны при синкретизме, когда «денотат дан в его цельности (но объем понятия важнее содержания)» [Колесов 1991, с. 47], особенно в именах собирательных, где изменения объема (предметного поля) и содержания не дают обратной связи, как в категориях, представляющих обобщенные признаки. «Категория собирательности», как подчеркнул В. Г. Гак (на его труды мне указали М. Л. Ковшова и О. Б. Абакумова, за что выражаю им искреннюю благодарность), определяет «промежуточное положение между счисляемыми и нечисляемыми именами» [Гак 2006, с. 103], а потому оказывается опосредующим звеном между обозначаемыми именами предметами и категориальными обобщенными признаками. Тогда отношение «объем – содержание» понятий представляется через отношение «собирательность - обобщенность», и, далее, отношении «предмет – признак», имеющих феноменологическую основу «сущность – явление», поскольку признаки представляют явленную, постигнутую данность, а предмет включает неисследованные существенные возможности. Собирательность дает то целое, которое включает обособленные предметы, тогда как общность представляет признаки этих предметов, так что фразеологизм «в общем и целом» удачно показывает различия предметов и признаков как осей в объектно-атрибутном пространстве событий.

Собирательность демонстрирует семантические переходы «признак – предмет», изменчивость отношений между ними как проявления отмеченной изменчивости отношения понятийных «объем – содержание». Так, именем собирательным часто оказывается концепт дорога, как в наблюдениях героини, покидающей село, в «Ясном берегу» В. Пановой: *«Вьется дорога среди полей и лугов ..., огромный раздвигается мир*

...» [Панова 1988, т.3, с. 180]. Такое же собирательное значение обретает имя улица в «Исполнении желаний» В. Каверина, где передаются размышления одного из персонажей о том, что *«все несчастья происходят именно оттого, что человек выходит на улицу. ... Можно попасть под движущийся транспорт ... Можно встретиться со знакомым»* [Каверин 1956, с. 169]. Примечательно, что перечисление частных тут представлено именно как ряд возможностей, скрываемых под оболочкой имени собирательного: вычленение частей оказывается исследованием потенциала имени. Таков же собирательный смысл имени день, вмещающего ряд частных действий – *«после целого дня ходьбы, разговоров и песен»* [Каверин 1956, с. 133]. Содержимое имени оказывается разнонаправленным: перемещения по городу, общение и звуковая среда составляют части единого переживания.

Посредническая миссия собирательности позволяет раскрыть определяющую роль отношения «предмет – признак» для отношения «объем – содержание» понятий, а тем самым и его представление в отношении «значение - смысл» соответствующих имен, так что «их формирование зависит от выделяемых в объекте признаков» [Гак 1998, с. 319]. Тогда отмеченные взаимозависимости объема и содержания понятий, взаимные переходы признаков и предметов предстают как частный случай общей закономерности, определяемой как «полиморфизм – выделенное на основании набора признаков множество объектов» [Урманцев 1988, с. 80], что в лингвистике хорошо известно как знаковая асимметрия. Именно полиморфизм определяет возможности синонимических преобразований текста. «Равнообъемные синонимические номинации» (напр., *лед тронулся = начался ледоход*), согласно В.Г. Гаку, создают предпосылки той ситуации, когда «общая референтность вытекает из общности денотата, разные признаки которого» определяют разные возможности обозначения: «Такие номинации можно назвать разноаспектными» [Гак 1998, с. 355 – 356], напр., *муравьи, насекомые, обитатели* как ситуативные синонимы при описании муравейника. Еще показательнее полиморфизм отношений «предмет – признак» в поэтической фигуре зевгмы, когда один предикатный признак определяет множественность предметного поля. Перечисления предметов, относящихся к объединяющему их признаку, достаточно характерны для поэзии середины XX в. Таковы хрестоматийные строки Роб. Рождественского (*«Бьется армия, сердце бьется, / Бьется знамя над головой»*), строки из «Клятвы бойца» уроженки Орловской области Е. Благиной (*«Хлебом клянусь и водой, / Небом клянусь и звездой ...»*). Обратное отношение в зевгме складывается, когда субъект действия проявляет свои признаки: *«Была красивой – не была счастливой, / Бесстрашная – застенчива была»* (Ю. Друнина, «Памяти Вероники Тушновой», 1965). Перекрещивающиеся предметные и признаковые ряды образуют т. наз. корреспондирующий стих (пушкинские строки *«Швед, русский / Рубит, колет, режет»* из «Полтавы»).

Непосредственным следствием полиморфизма оказывается взаимное превращение предметов и признаков, причем вопрос о семантическом переходе «признак – предмет» восходит еще к изучению субстантивации (в частности, образования отвлеченных имен) и развития форм родительного падежа (притяжательного и партитивного), начатого А. А. Потебней: благодаря субстантивации «в имени представляется признак не как производимый предметом (*солнце светит*), а как данный в предмете (*свет солнца*)», и как следствие, «родительные падежи ... суть названия предметов», показывающие «их субстанциальность» [Потебня 1958, с. 93 – 94, 107]. В. Г. Адмони, привлекая внимание к этим положениям А. А. Потебни, отметил «различение определений – признаков и определений - предметов», особенно «притяжательные отношения», определяющие «постоянный признак понятия» [Адмони 1955, с. 254, 256-257], что и открывает путь к смысловым превращениям, когда признак представляется как часть предмета и обозначает его как троп метонимии.

Эти эффекты субстантивации как семантического перехода «признак – предмет» подводят к вопросу о соотношении двух типов абстракции, представленных в обозначениях предметов и признаков – обособления (изоляции, индивидуации) и обобщения (генерализации). Здесь уместно напомнить, что всякий предмет конечный, отдельный, а потому подразумевает мир как целое, которому он принадлежит, так что всякое его обозначение – это потенциальная синекдоха, отсылающая к этому миру. Абстракция же признака представима как обособление в рамках целого (обозначенного, в частности, именем собирательным), чем и мотивируется метонимия, в частности, превращение признака в предмет (метонимия *abstractum pro concreto*): напр., *высота* как количественный признак – обозначение местности; *темнота* – «темное царство», «власть тьмы», ставшие именами нарицательными. В частности, благодаря субстантивации признаки превращаются в имена собирательные, как *зелень* из обозначения цвета становится агрономическим и кулинарным термином. В пословице «*в тесноте да не в обиде*» субстантивация признака оборачивается указанием на обстоятельства ситуации.

Обратное превращение, осуществляемое через синекдоху *pars pro toto*, когда предмет становится обозначением признака, является обычным для построения медицинских симптомов (*сыпь, лихорадка* и т.д.): заметим, что таким было развитие значения слова *термин* (межевой столб – предел – точное значение). Пословица «*посеешь ветер – пожнешь бурю*» демонстрирует такое переосмысление явления *ветра* как неотъемлемого компонента бури в ее обобщенный признак, симптом, а потому и переход от абстракции изоляции к обобщению. Тут синекдоха обозначает целое, отличное от общего (напр., *голова* как представительство особи или личности), которое производно от целого (*голова – главенство*). Тем самым задается приоритет абстракции обособления, отношения части к целому, деления целого на части, когда, к примеру, «синекдоха во французском языке заходит так далеко, что ... наименование части от этой части» [Гак 1966, с. 115] становится обозначением целого.

Именно такие переходы становятся узлами линий повествования, образуя локальные концепты. Пример подобного рода встречаем в завершении романа «Блестающие облака» К. Паустовского, где герои возвращаются домой после обсуждения пережитых приключений: «*К щеке Нелидовой, около косо срезанных блестящих волос, прилип сырой лимонный лист вербы. Желтизна его была припудрена серебряной мельчайшей росой*» [Паустовский 1957, с. 398]. Концепт *прилипший к щеке лист* в сочетании с упоминанием о волосах и росой как пудрой отсылает к представлениям о «мушках» – женских украшениях, и к таким явлениям, как французское идиоматическое обозначение локонов, украшающих лицо, *ассоче-соеур* (букв. «подцепи сердце»). В этом *листе* пересекаются следы разных рядов событий – только что завершившейся прогулки, итогов жизненных испытаний и отношений, складывающихся между героями. Метонимическая цепочка перехода детали в симптом обнаруживается в завершении «Спутников» В. Пановой, где герой, Данилов, возвратившись с фронта домой, замечает: «*Клеенка старая, потертая на углах ... она была совсем еще новая. Чернильные кляксы на клеенке. Откуда чернильные пятна? ... С мокрыми глазами он засмеялся: сын вырос и пишет чернилами!*» [Панова 1987 т. 1, с. 223]. Концепт *клякса на клеенке* включает пересечение разных повествовательных линий: превращение «предмет – признак» делает мелочь предвестием встречи с сыном, и в то же время – признаком домашнего уюта, возвращения в семью.

Приоритет абстракции обособления отдельных предметов как частей некоторого целого подводит к вопросу об отношении метонимических переходов между частностями к категориальной иерархии «род – вид». Такой вопрос вытекает, помимо прочего, и из утверждения В.Г. Гака: «Русский язык при конкретизации заменяет

родовой термин видовым. Французский язык при конкретизации заменяет целое частью» [Гак 1966, с. 118]. Заметим, что возможности и предпочтения языка предполагают еще различные пути их реализации при построении текстов и образовании поэтических идиолектов. Однако сама альтернатива отношений «род – вид» и «целое – часть» побуждает обратиться к опыту дискуссий о задачах классификации в аспекте такой альтернативы в той научной дисциплине, которая как раз имеет дело только с частями, фрагментами организмов, анатомированных самой природой: это – палеонтология. Дискуссии эти привели к выводу о построении двойственной системы классификации «родовидовые отношения – партитивные отношения» [Чебанов 2017, с. 69].

Если категоризация с родовидовой иерархией определяет таксономию (применяемую, напр., в лексикографии при построении терминологических тезаурусов), то необходимость альтернативы ей палеонтолог С. В. Мейен обосновал ее внутренней противоречивостью и формально-логической невыполнимостью; «Оказывается неприменимым правило выдержанности основания деления» [Мейен 1977, с. 26]. Такую альтернативу, основывающуюся на отношениях «часть – целое», он обозначил ныне общепринятым в биологической систематике термином меронимия. Нетрудно заметить тут лингвистические истоки, в частности, «герменевтический круг», который предполагает парцелляцию текста и постоянное соотнесение частей с целым. Именно части в качестве единиц представления предметов (в противоположность признакам), по С. В. Мейену и Ю. А. Шрейдеру, «мы будем называть меронами» [Мейен, Шрейдер 1976, с. 71]. Показательно, что в особых условиях «мероны ... играют роль признаков» [Шрейдер 1983, с. 91] – как видели, становясь симптомами. Лингвистическое понятие меронима тогда получает обоснование как представление отношения «часть = целое», основанного на абстракции обособления предметов без обобщения их признаков.

Преимущества меронимов (вместе с именами собирательными) как основы построения концептов обнаруживаются в связном тексте. Такова картина руины, наблюдаемая глазами девочки в «Вале» В. Пановой: *«Вот они торчат, трубы ... При каждой трубе раньше была печь ... голо и дико торчат ... Все кругом рухнуло ..., а трубы торчат»* [Панова 1988, т. 3, с. 305]. Здесь ясно указывается на историю, связанную с обособленными предметами, которая разворачивается в повествовательные линии и соотносится, в частности, с картиной толчеи при эвакуации: *«Справа мешок, слева мешок ... Собственный рюкзак давит Вале на позвонки»* [Панова 1988, т. 3, с. 291]. И торчащие трубы, и давящие мешки из частных имен становятся симптомами переживаемого времени. В «Сентиментальном романе» неназванный концепт *разруха* дается через имена собирательные *мусор – свалка – дрянь – ящик*: приняв помещение, где *«комнаты были заставлены битыми цветочными горшками»*, для редакции, *«Севастьянов хотел выбросить горшки ,в мусорный ящик ...но из квартир выходили жильцы и стали кричать, что он забьет весь ящик своей дрянью ... При шлось ... вывозить горшки на свалку»* [Панова 1987, с. 318]. Это целая аллегория борьбы с разрухой, включая подразумеваемые, но не названные черепки – символы руины, здесь представленные как битые горшки. Мелочи обретают смысл роковых случайностей, обращая к вопросам судьбы и предопределения как движущие силы развития событийных линий.

В «Двух капитанах» В. Каверина противостояние с антагонистом запускается упоминаемой подробностью о том, что он *«спит с открытыми глазами»* [Каверин 1957, с. 176]. Так вводится известный мифологический мотив (Горгона, Василиск), делающий персонаж меченым и предопределяющий последующие события. В «Открытой книге» образуется локальный концепт ночного свечения, когда упоминается, что в лаборатории *«по ночам горел прозрачный, лунный, голубоватый свет»* от чашек с исследуемыми препаратами, которые *«стояли на окнах, медленно загораясь, когда в комнате*

становилось темно» [Каверин 1984, с. 287]. Такие манящие огоньки оказываются исходными мотивами двух линий повествования: во-первых, ожиданий от проводимых исследований, во-вторых, скрытности, конспиративности самой работы. Деталь становится узлом сюжета.

Итак, исходная мысль В. Г. Адмони о многозначности как истоке текстовой многомерности развивается на основе данных прозаического эпоса. Именно меронимы, обозначения частных случаев оказываются наиболее пригодными для превращения в узлы повествовательных линий. Предпосылку тому заключают семантические переходы «предмет – признак» в ряду синекдох и метонимий, где отсутствие обобщений у абстракции изоляции открывает возможности различной мотивировки событий. Такая мотивирующая роль деталей принципиально отличает прозу от эпоса риторической традиции, где частности составляют основу «общих мест», эпических формул, основанных именно на предварительном обобщении. Напротив, для прозы существенны не обобщенные признаки, актуализированные в таких формулах, а неведомые возможности предметов, исследуемые через абстракции обособления этих предметов. Мотив роковой случайности, например, также хорошо известен в эпической риторике, но в прозе упоминание частности не влечет обязательных последствий, а несет множество открытых для выбора возможностей. Абстракция изоляции открывает путь художественного исследования таких возможностей обособленных предметов как представителей мира в целом. Меронимы открывают окно в мир возможностей, скрываемых в частных подробностях, и потому становятся средством создания многомерной, стереоскопической картины мира.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: Иностранная литература, 1955. (Библиотека филолога). 392 С.
2. Адмони В. Г. Партиктурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961. № 3. С. 3 – 15
3. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л. Наука, 1988. 240 С.
4. Адмони В. Г. Система форм речевых высказываний. СПб.: Наука, 1994. 154 С.
5. Адмони В. Г. Основы теории грамматики. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2004 – 104 с.
6. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 С.
7. Войшвилло Е. К. К анализу развития знания. // Вопросы философии. 1971. № 8. С. 95 – 106
8. Гак В. Г. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1966. 336 С.
9. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Изд. 3-е (1989), стереотип. М.: 2006. 288 С.
10. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 С.
11. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 С.
12. Каверин В. А. Исполнение желаний. М.: Советский писатель, 1956. 412 С.
13. Каверин В. А. Два капитана. М.: Детгиз, 1957. 736 С.
14. Каверин В. А. Открытая книга. Кишинев: Литература артистикэ, 1984. 664 С.

15. Колесов В. В. Семантический синкретизм как явление языка. // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1991. Вып. 2. № 9. С. 40 – 49
16. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ. // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1992. Вып. 3. № 16. С. 30 – 40
17. Колесов В. В. Когнитивные заметки по древнерусским текстам // Язык и ментальность в диахронии. Материалы I Всероссийского семинара с международным участием. Владимир: Транзит – ИКС, 2017. С. 7 – 3
18. Леонов Л. М. Дорога на океан. // Леонов Л.М. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. М.: Художественная литература. 1983. 528 С.
19. Мейен С. В., Шрейдер Ю.А. Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. 1976. № 12. С. 67 – 79
20. Мейен С. В. Таксономия и мерономия / Вопросы методологии в геологических науках. Киев: Наукова думка, 1977. (АН УССР. Институт геохимии и физики минералов). С. 25 – 33
21. Неретина С. С. Тропы и концепты. М., 1999. (РАН. Институт философии). 278 С.
22. Нефёдов С. Т. Грамматика и коммуникация. К вопросу о научном методе В. Г. Адмони. // Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете. 2021. XII. С. 11 – 30
23. Панова В. Ф. Спутники. // Панова В.Ф. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. Л.: Художественная литература. 1987. С. 28 – 224
24. Панова В. Ф. Времена года / Панова В.Ф. Собр. соч. в 5 т. Т. 2. Л.: Художественная литература. 1987. С. 5 – 302
25. Панова В. Ф. Сентиментальный роман / Панова В.Ф. Собр. соч. в 5 т. Т. 2. Л.: Художественная литература. 1987. С. 303 – 494
26. Панова В.Ф. Ясный берег / Панова В.Ф. Собр. соч. в 5 т. Т. 3. Л.: Художественная литература. 1988. С. 6 - 187
27. Панова В. Ф. Валя / Панова В.Ф. Собр. соч. в 5 т. Т. 3. Л.: Художественная литература. 1988. С. 275 – 310
28. Панова В. Ф. Сестры / Панова В.Ф. Собр. соч. в 5 т. Т. 3. Л.: Художественная литература. 1988. С. 455 – 475
29. Паустовский К. Г. Блещающие облака. // Паустовский К.Г. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1957. С. 194 – 404
30. Пименова М. Вас. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания, 2011, № 1. С. 19 – 48
31. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Том 1-2. М.: Учпедгиз, 1958. 536 С.
32. Урманцев Ю. А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития / Система. Симметрия. Гармония. М.: Мысль, 1988. С. 38 – 130
33. Федин К. А. Братья. // Федин К.А. Собр. соч. в 12 т. Т. 3. М.: Художественная литература. 1983. С. 6 – 336
34. Чебанов С. В. Мерономия С. В. Мейена. // *Lethaea Rossica*. 2017. Т. 14. С. 64 – 92
35. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 С.
36. Шрейдер Ю. А. Систематика, типология, классификация. // Теория и методология биологических классификаций. М.: Наука, 1988. С. 90 – 100

37. Шустова С. В. К вопросу о функциональных структурах в немецком языке. // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 9. С. 87 – 89

Сведения об авторе:

Юдкин-Рипун Игорь Николаевич доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной Академии Художеств Украины, Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины, dr.iyudkin@gmail.com

Yudkin-Ripun, Igor N. habilitated doctor of arts, corresponding member of the National Academy of Arts of Ukraine, Institute for Art Studies, Folkloristics and Ethnology of the NAS of Ukraine, dr.iyudkin@gmail.com

НАУКА МОЛОДЫХ

УДК 81

Специфика перевода топонимов

Андрей Андреевич Ададуров

Орловский государственный университет, аспирант 1 курса, Орел, Россия, adadurov.a@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и ключевые подходы к переводу топонимов, учитывая их культурные, исторические и лингвистические аспекты. В работе приводятся основные приёмы перевода географических названий, анализируются проблемы точности передачи значений и адаптации топонимов.

Ключевые слова: перевод, топонимы, географическое название, приёмы перевода, транскрипция, транслитерация.

The specificity of toponyms translation

Andrei A. Adadurov

Orel State University, postgraduate student, Orel, Russia, adadurov.a@mail.ru

Abstract. The article describes the features and key approaches to the translation of toponyms, taking into account their cultural, historical and linguistic aspects. The paper presents the main methods of translating geographical names and the analysis of toponyms translation and adaptation.

Keywords: translation, toponyms, geographical name, translation techniques, transcription, transliteration.

В эпоху глобализации, когда взаимоотношения между странами и культурами стремительно усиливаются, роль топонимов выходит за рамки простого обозначения географических объектов. Топонимы являются важными носителями культурной, исторической и социальной информации, отражают уникальные особенности региона и служат важным элементом национальной идентичности. В условиях глобальных коммуникаций правильный перевод топонимов становится важным инструментом для точного и уважительного представления географических названий на международной арене.

Перевод топонимов сталкивается с множеством вызовов, связанных с необходимостью сохранить аутентичность, историческое наследие и культурную значимость оригинальных названий, при этом адаптируя их к нормам целевого языка. Ошибки или неточности в переводе могут привести к искажению смыслов, потере культурных коннотаций и недопониманию в межкультурной коммуникации. Это особенно важно в условиях глобализации, когда обмен информацией и международные контакты требуют ясности и точности.

Таким образом, изучение перевода топонимов в контексте глобализации имеет большое значение как для теории перевода, так и для практики межкультурного взаимодействия, поскольку позволяет найти баланс между сохранением уникальности географических названий и их адаптацией в рамках международного общения.

Чтобы изучить специфику перевода топонимов, необходимо осознать, с чем переводчику приходится иметь дело. В первую очередь стоит понимать, что топоним

является объектом изучения ономастики и топонимики и представляет собой географическое название – имя собственное, которым обладает географический объект. С лингвистической точки зрения, топонимы образуют целый языковой пласт, отображающий процесс формирования и развития того или иного языка [9].

В мире существует большое количество топонимов, которые в первую очередь можно классифицировать в зависимости характера объекта. Таким образом выделяют следующие основные виды топонимов [3]:

- **Оронимы** — географические названия форм рельефов, таких как гор, хребтов, вершин, холмов, а также впадин и оврагов. К данному разделу можно также отнести подраздел **спелеонимов**, в который входят названия подземных образований, пещер, гротов.

- **Гидронимы** — это географические названия водных объектов, которые в свою очередь делятся на **океанонимы** — названия океанов, **пелагонимы** — названия морей, **потамонимы** — названия рек, **лимнонимы** — названия озёр, **гелонимы** — названия болот, заболоченных мест.

- **Ойконимы** — географические названия населённых пунктов, которые в свою очередь делятся на **астионимы** — названия городов, **комонимы** — названия сельских поселений;

- **Урбанонимы** — это названия внутригородских объектов, к которым относят **годонимы** — названия улиц и **агоронимы** — названия площадей;

- **Хоронимы** — названия крупных, значимых территорий (областей, районов). Например, Сибирь, Бавария;

- **Дромонимы** — названия транспортных путей. Например, Транссибирская магистраль;

- **Инсулонимы** — названия островов;

- **Агроонимы** — названия возделанных земельных участков: пашен, полей и остальных подобных объектов;

- **Дримонимы** — названия лесов, рощ, боров [3].

Несмотря на такое большое разнообразие топонимов и широкую классификацию, их всех можно разделить также на два основных уровня в зависимости от масштаба объектов. В таком случае мы можем выделить:

- **Макротопонимы** – географические названия крупных административно-политических, физико-географических объектов. Такие топонимы отличаются устойчивостью и стандартизацией, будучи оформленными в соответствии с нормами литературного языка, что придает им широкую область использования. Перевод таких топонимов как правило не вызывает трудностей в силу общеупотребительности и узнаваемости их традиционных форм;

- **Микротопонимы** – это индивидуальные названия небольших географических объектов и элементов местного ландшафта, таких как леса, поля и урочища. Микротопонимы, образованные на основе локальных географических терминов, отличаются своей изменчивостью и чаще всего могут быть известны только узкому кругу людей [3].

Топонимы изменялись по форме и значению с течением времени, их распространение зависело от исторических событий, войн, миграций, взаимодействия различных этносов. Каждая эпоха оставляла свой уникальный набор географических названий, формируя топонимические слои, отражающие разные исторические периоды. Многие из этих названий встречаются в исторических источниках, таких как летописи, грамоты, что делает их важными объектами для исторических исследований. В таком случае можно сказать, что в связи с аккумуляцией большого количества исторических и

культурных коннотаций, которыми могут обладать топонимы, их полностью эквивалентная интерпретация на целевой язык невозможна [3].

Помимо этого, важность топонимов заключается не только с исторической точки зрения, но и прежде всего с географической. Они связаны с определённым местом и могут многое рассказать о территории, её заселении и освоении. Всё это также указывает на важность корректной и максимально адекватной интерпретации географических названий, что позволяет избежать недопонимания и искажения смысла.

Стоит сказать, что главная проблема перевода топонимов заключается как раз именно в отсутствии эквивалентной лексики, которая могла бы передать всю суть и значимость географических названий, а также в отсутствии возможности задействовать косвенные приёмы перевода. Однако это совсем не значит, что перевод такого типа лексики невозможен [2].

В первую очередь, для того, чтобы правильно интерпретировать топоним, необходимо найти устоявшийся вариант перевода, который считается общепризнанным. Для этого необходимо обратиться к надёжным источникам, таким как словари, энциклопедии, карты и атласы. Это первое с чего необходимо начинать перевод топонимов. Также стоит учитывать, что некоторые топонимы уже обладают несколькими вариантами перевода, например, англ. *Grand Canyon* – *Большой каньон* или *Гранд- Каньон*. В таком случае переводчику удастся не только достичь необходимого результата, но и избежать ошибок, поскольку появление совершенно нового варианта перевода топонима может только запутать реципиента и привести к недопониманию.

Если устоявшегося варианта перевода для определенного топонима не существует, то в таком случае стоит прибегнуть к использованию прямых переводческих трансформаций [2].

1. **Транслитерация** представляет собой графическое (буквенное) формирование слова исходного языка при помощи средств переводящего языка. Для перевода топонима в качестве основы используется его письменная форма, в соответствии с которой буквы разных алфавитов сопоставляются друг с другом по определённым правилам. Например, англ. *London* – *Лондон*.

2. **Транскрипция** – приём перевода, при котором единица формируется на фонетическом уровне при помощи звуковой формы. С помощью инструментов переводящего языка осуществляется попытка воспроизведения звуковой формы топонима, максимально соответствующей его произношению на исходном языке. Например, англ. *New Mexico* – *Нью Мексико*.

Перевод на уровне фонем или графем существенно отличается от других видов перевода, так как, как уже отмечалось, фонемы и графемы сами по себе не несут смысла. Поэтому понятно, что такой подход может использоваться только в очень ограниченных случаях, перевод топонимов является одним из таких.

3. **Калькирование** представляет собой дословный перевод географического названия, то есть подбор прямых лексических соответствий частям слов или словосочетаний, которые называют географический объект. Например, англ. *Cape of Good Hope* – *мыс Доброй Надежды* [2, 7].

Помимо использования переводческих трансформаций по отдельности в переводческой практике нередко можно встретить их комбинированное использование. Это объясняется тем, что каждый из приёмов обладает как преимуществами, так и ограничениями. Сочетание нескольких трансформаций позволяет нивелировать недостатки одного метода за счёт достоинств другого, что делает процесс перевода более гибким и точным. Таким образом, стратегия комбинирования становится важным инструментом в передаче сложных языковых единиц.

Существует также частичный перевод, при котором только часть топонима может переводиться привычным способом. Например, англ. *Bradford-on-Avon* – *Брадфорд-на-Эйвоне* (но при этом, если топоним полностью транслитерируется, то тогда *Брадфорд-он-Эйвон*).

Стоит также упомянуть, что некоторые топонимы могут включать в себя географический термин, который указывает на тип объекта, например, в топониме англ. *Isle of Man* слово *Isle* указывает на то, что объект является островом. В некоторых случаях при переводе топонима аппелятив может быть добавлен переводчиком, даже если в оригинальном названии географический термин отсутствует. Например, англ. *Alabama* – *штат Алабама*. Такой аппелятив помогает уточнить природу обозначаемого места, делая его понятным для перевода и восприятия.

Таким образом, на основе представленной информации мы выяснили, что эквивалентный перевод топонимов невозможен ввиду отсутствия возможности передачи всей исторической, культурной, географической коннотаций с исходного языка на переводящий. Однако это не значит, что интерпретация топонимов на переводящий язык совсем невозможна. Мы выяснили с чего нужно начинать перевод топонимов и к каким переводческим трансформациям необходимо прибегнуть, чтобы выполнить качественную интерпретацию топонимов. Что может упростить данный процесс или, наоборот, его усложнить. К чему стоит обратиться и к чему нужно быть готовым.

Список литературы

1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений / И.С. Алексеева, – М.: Издательский центр “Академия”, 2004. – 352 с.
2. Бархударов, Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Басик, С. Н. Общая топонимика: учебное пособие для студентов географического факультета / С. Н. Басик. – Мн. : БГУ, 2006. – 200 с.
4. Беленькая, В. Д. Очерки англоязычной топонимики: учебное пособие / В. Д. Беленькая. – М.: Издательство «Высшая школа», 1977. – 277 с.
5. Горская М.В. Англо-русский и русско-английский словарь географических названий. 2-е изд., стереот / М.В. Горская. – М.: Русский язык, 1994. – 272 с.
6. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода: учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – М., 1999. – 136 с.
7. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. М.: ЭТС, 2002. 424 с
8. Никонов, В. А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. / В. А. Никонов. –М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 184 с.
9. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева, Н.Д. Арутюнова. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 2002. - 707 с.

Сведения об авторе:

Ададунов Андрей Андреевич; аспирант, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39б; adadurov.a@mail.ru;

Adadurov Andrei Andreevich; postgraduate student, Orel State University, 39b Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation, Orel Oblast; adadurov.a@mail.ru

УДК 81

Прагматика перевода библеизмов в художественном дискурсе

Наталья Юрьевна Барабанова

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, студент 1 курса магистратуры, кафедра английской филологии, Орёл, Россия, barabanova.n1808@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено изучению прагматики перевода библеизмов в художественном дискурсе. Ввиду своей многофункциональности и высокой способности к вариативности, библеизмы являются одними из наиболее часто встречающихся в художественном дискурсе концептуальных средств. Тем не менее, семантическая диффузность библейской лексики приводит к усложнению восприятия художественных текстов, содержащих единицы библейской этимологии, что непосредственно влияет на процесс их перевода и адаптации.

Ключевые слова: прагматика перевода, библеизм, библейский фразеологизм, приемы перевода.

Translation pragmatics of biblicisms in fiction

Natalia Yu. Barabanova

Oryol State University named after I.S. Turgenev, 1-st year Master's degree student, Chair of English Philology, Institute of Foreign Languages, Oryol, Russia, barabanova.n1808@gmail.com

Abstract. The research is devoted to the study of the pragmatics of translating biblicisms in fiction. Due to their multifunctionality and high capacity for variation, biblicisms are one of the most frequently occurring conceptual means in fiction. Nevertheless, the semantic diffusion of the biblical lexicon leads to the complication of perception of fiction texts containing units of biblical etymology, which directly affects the process of their translation and adaptation.

Keywords: translation pragmatics, biblicism, biblical phraseology, translation techniques.

Библейская лексика представляет собой сложный и многоуровневый объект исследования, требующий детального и многоаспектного подхода для лучшего понимания его природы и функций в языке. Однако несмотря на определенные сложности, библеизмы продолжают оставаться объектом активного изучения ученых-лингвистов. Анализ данного языкового слоя позволяет не только раскрыть историко-культурные особенности развития языка, но и осветить важные экстралингвистические аспекты взаимодействия языка и культуры.

«Good Omens» — роман английских писателей Терри Пратчетта и Нила Геймана в литературном направлении постмодерна в жанре городского фэнтези, изданный в 1990 году. В романе прослеживаются такие характерные черты современной литературы, как деконструкция текста-первоисточника (Библии), ирония и черный юмор, игра слов, временное искажение и фрагментация текста, метапроза. Кроме того, важную роль в композиции текста играет его интертекстуальность, функционирующая в тексте романа при помощи пастиша, аллюзий на гипотекст и реминисценций, отсылок к массовой культуре второй половины 20-го века.

Текст романа содержит единицы библейской этимологии, относящиеся ко всем уровням языковой структуры. В нем используются цитаты из Библии, не прямые ссылки на нее, первичные и вторичные, непосредственные и опосредованные, прямые и переосмысленные библейские фразеологизмы, а также присутствуют модифицированные фразеологические единицы, пословицы и цитаты.

Официальный и наиболее популярный на сегодняшний день русскоязычный перевод книги вышел в ноябре 2012 года в издательстве «Эксмо», под названием «Благие знамения», в переводе М. Ю. Юркан. Также существует альтернативный перевод В. Е. Филиппова («Добрые Предзнаменования») и неофициальный любительский перевод В. Вербицкого («Добрые предзнаменования»). В настоящей работе рассмотрены переводы М. Ю. Юркан и В. Е. Филиппова. Критериями выбора данного материала для нас явились признанность переводов широкой публикой и наличие официально опубликованных изданий на русском языке.

В тексте романа нами было зафиксировано 115 единиц библейской этимологии, включающие в себя библеизмы-слова, вокативные междометия, фразеологические единицы, пословицы, цитаты, названия книг-составных частей Ветхого и Нового Заветов. При анализе перевода библеизмов использовались следующие словари: многоязычный словарь библейских крылатых выражений «Лепта библейской мудрости», «Полный англо-русский русско-английский словарь» В. К. Мюллера. Обнаружено 59 совпадений и 61 несовпадение переводов рассматриваемых единиц. Переводчики пользовались такими приемами перевода как эквивалентный перевод, синонимичный перевод, калькирование, модуляция, описательный перевод, конкретизация, опущение или добавление текстовых единиц, транслитерация, транскрипция, лексические или грамматические замены, перестановки.

1. Эквивалентный перевод.

подавляющее большинство библеизмов, функционирующих в тексте романа, было переведено при помощи полных или частичных эквивалентов, существующих в переводящем языке.

Holy water. / *Святая вода.* / *Святая вода.*

Библеизм «*holy water*» – «святая вода» – относится к числу религиозных реалий – одних из наиболее известных интертекстуальных единиц, описывающих общекультурные явления, относящихся к христианской концептосфере. Практически все библеизмы-религиозные реалии, зафиксированные нами в тексте романа имеют полные или частичные эквиваленты в русском языке, которые и были использованы и М. Ю. Юркан, и В. Е. Филипповым; один из примеров таких единиц проиллюстрирован в данном фрагменте.

And breathed life back into it / *вдохнул в нее жизнь* / *вдохнул жизнь в голубя*

В приведенном примере использован модифицированный фразеологизм «*to breathe life back into something*» в значении «оживить», «вернуть к жизни». Первоначально фразеологическая единица была использована в Библии во второй главе Бытия: «*And the Lord God formed man of the dust of the ground, and breathed into his nostrils the breath of life; and man became a living being*» [Gen. 2:7]. Однако в текстовом фрагменте мы наблюдаем измененное значение фразеологизма: если в Библии фразеологизмом «*to breathe life into something*» описывается процесс сотворения Богом живого существа, то в тексте романа ангел оживляет умершего голубя. Тем не менее, оба переводчика опускают компонент значения единицы «*back*» и используют полный эквивалент оригинального библейского фразеологизма, при этом русскоязычный вариант перевода отвечает критерию смысловой эквивалентности текста: упомянутый выше компонент значения становится понятен читателю контекстуально и не требует каких-либо дополнительных обозначений в рассматриваемой части текста.

Let there be light! / Да будет свет. / Да будет свет.

Выражение «Let there be light» и его русскоязычный аналог «Да будет свет» прочно закрепились в культуре и относятся к числу наиболее известных библейских цитат. Таким образом, и в русском, и в английском языке они являются прецедентными текстами и, соответственно, не вызывают сложностей при переводе, требуя от переводчика только умения распознать эти единицы и правильно употребить, что и сделали М. Ю. Юркан и В. Е. Филиппов.

2. Синонимичный перевод.

Синонимичный перевод использовался переводчиками при работе с лексическими единицами и вокативными междометиями.

Bishops / епископов / священников

Согласно словарю Merriam-Webster, лексическая единица «bishop» имеет следующее значение: «someone having spiritual or ecclesiastical supervision over others: such as an Anglican, Eastern Orthodox, or Roman Catholic clergyperson ranking above a priest, having authority to ordain and confirm, and typically governing a diocese; any of various Protestant clerical officials who superintend other clergy». Русскоязычная единица «епископ» означает «высшую степень священства в христианской церкви, а также лицо, имеющее эту степень; архиерей», а «священник» – «духовное звание (сан) в православной церкви, среднее между епископом и дьяконом, а также лицо, носящее это звание». Таким образом, мы видим, что, хотя русскоязычные единицы являются синонимичными и обозначают служителей церкви, они все же различаются по своей семантике, так как называют разные звания священства, и лексема «епископов», употребленная М. Ю. Юркан, более точно описывает лексему «bishops» оригинального текста, так как является ее полным эквивалентом. Тем не менее, использование варианта перевода «священников» В. Е. Филипповым правомерно, так как эта лексема чаще используется в бытовом дискурсе при обобщении названий церковнослужителей.

Whether this had been sent by God or by Satan, / Бог или Дьявол послал эту напасть, / было это деянием Господа или же Сатаны,

В данном случае мы наблюдаем несоответствие вариантов перевода лексических единиц «God» и «Satan». Лексемы «Бог» («верховное существо, сотворившее мир и управляющее им, или (при многобожии) одно из таких существ») и «Господь» («одно из наименований бога в христианской религии»), а также «Дьявол» («злой дух, черт») и «Сатана» («злой дух, злое начало, противостоящее богу; властелин ада, дьявол») незначительно различаются по своим семантическим и стилистическим показателям, но во многих случаях употребления их в русском языке являются взаимозаменяемыми. Помимо синонимичного перевода, в приведенном текстовом фрагменте мы фиксируем грамматические трансформации в структуре предложения в варианте перевода М. Ю. Юркан (переход пассивного залога в активный), а также модуляцию в переводе В. Е. Филиппова («had been sent by God or Satan» – «деянием Бога или Сатаны»), и большое количество перестановок в обоих переводах.

Jesus Christ! / Господу Иисусе! / Боже праведный!

Приведенное междометие выражает эмоцию крайнего удивления персонажей из-за сверхъестественных событий, с которыми они сталкиваются. В тексте романа обе единицы находятся в сильной позиции, что позволяет читателю лучше понять эмоции героев книги. Выбранные переводчиками лексические единицы являются коммуникативными и стилистическими эквивалентами исходного междометия, за исключением единицы «Боже праведный!», выбранной В. Е. Филипповым, имеющей более широкое семантическое значение, так как она отсылает к Богу или его ипостасям, а не только к фигуре Иисуса Христа.

3. Калькирование.

Приемом калькирования были переведены некоторые лексические и фразеологические единицы, в том числе модифицированные.

'I know you, you old serpent.' / *Знаю я тебя, старый змей.* / *Знаю я тебя, змей старый.*

«That old serpent» – так Иоанн Богослов называет Дьявола, змея-искусителя в 20 главе Откровения: « And he laid hold on the dragon, that old serpent, which is the Devil, and Satan, and bound him a thousand years» [Rev. 20:2]. В «Good Omens» таким образом ангел Азирафаэль обращается к демону Кроули, который по сюжету романа является змеем-искусителем и падшим ангелом. При рассмотрении данного примера стоит отметить, что у лексем «serpent» и «змея» совпадают переносные значения: и в английском, и в русском языке сохраняется связь между образом этого животного и такими отрицательными чертами характера, как хитрость, беспринципность и злоба. Оба переводчика калькируют исходную лексическую единицу, причем М. Ю. Юркан отдает предпочтение архаичной форме «змий», что напоминает читателю о роли персонажа Кроули в библейском сюжете в контексте книги; в свою очередь В. Е. Филиппов употребляет современную форму слова, но также переставляет объект («змея») и его атрибут («старый») в целях увеличения эмоциональности фразы, благодаря чему переводчик сохраняет разговорный стиль и коннотативные элементы оригинального текста.

'What I mean is, they're the Four Horsemen of the Apocalypse, right?' – 'Bikers,' said Greaser. 'Right. Four Bikers of the Apocalypse.' / – *Я ведь о чем? Они – Четыре Всадника Апокалипсиса, верно? – Байкера, – поправил Сальник. – Ну ладно. Четыре Байкера Апокалипсиса.* / – *В смысле, это они – Четыре Всадника Покалипсиса, правильно? – Байкера, – сказал Жирняк. – Ладно. Четыре Байкера Покалипсиса.*

В приведенном фрагменте мы фиксируем употребление модифицированного библеизма и совпадение вариантов перевода у обоих переводчиков. Модификация фразеологической единицы происходит под влиянием появления нового концепта – Четыре Всадника Апокалипсиса в произведении ездят не на лошадях, а на мотоциклах, что обуславливает возможность и логичность их переименования из «Всадников» в «Байкеров» в контексте произведения. Так как единица «bikers» в русском языке имеет полный эквивалент «байкеры», прием калькирования является не только доступным, но и наиболее рациональным способом перевода новой единицы.

4. Модуляция.

Модуляция применялась переводчиками при работе с фразеологическими единицами.

We must recount the Deeds of the Day / *нам должно отчитаться за Деяния минувшего дня* / *мы должны поведать друг другу о Делах наших*

В варианте перевода М. Ю. Юркан мы фиксируем конкретизацию текста оригинала (добавление лексической единицы «минувшего»), тогда как вариант В. Е. Филиппова являет собой модуляцию – опущение компонента значения «дела, совершенные в течение прошедшего дня» ввиду наличия контекстуальной избыточности информации и необходимость обратить внимание читателя на субъекта действия. Стоит отметить семантику употребленных переводчиками лексических единиц: в русском языке наиболее высокая частотность слова «деяния» в форме множественного числа отмечается в словосочетаниях с мифонимами («божественные деяния» и «апостольские деяния») или «деяния апостолов»), тогда как словосочетание «дела наши» («ваши») чаще употребляется в отношении людей [НКРЯ], что делает вариант перевода В. Е. Филиппова более предпочтительным.

5. Опускание

Некоторые лексические и фразеологические единицы были опущены переводчиками. Это делалось с целью адаптации текста романа для его более легкого восприятия русскоязычными читателями, а также из-за невозможности сохранения игры слов или некоторых экстралингвистических контекстов.

'A decent English name, like people had in the Bible,' said Mr. Young. 'Matthew, Mark, Luke, or John,' he said, speculatively // Приличное имя можно найти в Библии. Матфей, Марк, Лука, Иоанн, – задумчиво произнес мистер Янг // Приличные английские имена, как в Библии, – продолжал мистер Янг. Марк, к примеру, или Лука, – задумчиво перебирал он.

В данном текстовом фрагменте перевод библейских имен у М. Ю. Юркан более приближен к тексту оригинала, чем в тексте В. Е. Филиппова, и содержит все 4 единицы, тогда как в тексте В. Е. Филиппова 2 единицы («Matthew», «John») опущены. М. Ю. Юркан, как и В. Е. Филиппов, употребила русские прецедентные варианты перевода имен евангелистов на русском языке. Все четыре имени носят архаичный характер, что отличает рассматриваемые русскоязычные единицы от единиц английского языка, в котором данные имена постоянно используются в современности. Однако из-за данной особенности этих имен русскому читателю становится непонятной следующая шутка: *'Only they've never struck me as very good Bible names, really,' Mr. Young added. 'They sound more like cowboys and footballers.'* [Gaiman, Pratchett 2014: 39]. В переводе М. Ю. Юркан: «Хотя, по правде сказать, эти имена только в Библии и встречаются, добавил он. – Разве что Марк...» [Пратчетт 2023: 48]. Ввиду невозможности сохранить экстралингвистический контекст переводчица опускает данный фрагмент текста романа и компенсирует его двумя своими предложениями, сохраняя при этом структуру оригинального фрагмента и добавляя библеизм «Марк», отсутствующий в оригинальном тексте.

His wife does yoga, for God's sake. / А его жена, скажите на милость, занимается йогой. / Господи, да у него жена йогой занимается!

В приведенном текстовом фрагменте мы наблюдаем опущение междометной конструкции в варианте перевода М. Ю. Юркан с компенсаторным добавлением устойчивого словосочетания, которое не содержит библеизмы. В варианте перевода В. Е. Филиппова зафиксирована лексическая трансформация; вокативное междометие «Господи» содержит более широкую семантику, чем «for God's sake». Тем не менее, оба варианта перевода содержат компонент значения крайнего удивления, соответствующий исходной единице, и выполняют свою коммуникативную функцию.

The three people at the table turned as one. / Сидящая за столом троица мигом обернулась. / Трое за столиком повернулись, как один.

В данном примере зафиксировано несовпадение русскоязычных переводов. В то время как В. Е. Филиппов использует полный эквивалент библеизма и сохраняет синтаксическую структуру сравнительной конструкции, М. Ю. Юркан опускает исходный библеизм. При этом компонент значения «вместе» выражен через лексическую трансформацию (слово «троица», имеющее значение «три человека»), а компонент значения "одновременно" – через добавленное наречие «мигом», означающее, что действие было совершено всеми тремя людьми сразу, то-есть в одно время.

6. Транскрипция и транслитерация.

Переводчики использовали приемы транскрипции и транслитерации при работе с лексическими единицами, выраженными омонимами и топонимами (*Adam – Адам, Cain – Каин, Sodom and Gomorrah – Содом и Гоморра, Israel – Израиль*).

Все единицы имеют фиксированные русские соответствия, которые используют оба переводчика. Во всех проанализированных случаях употребления в тексте библеизмов-топонимов данные единицы сохранили интертекстуальный компонент значения в тексте перевода, и не привели к искажению информации, содержащейся в тексте романа.

7. Трансформационный перевод

Большое количество библеизмов было переведено при помощи трансформаций, среди которых мы отмечаем лексические и фразеологические замены, соответствующие им грамматические изменения, перестановки.

'Saul's nice,' said Sister Mary, making the best of it. / – Саул – чудное имя, – предложила сестра Мэри. / – Соломон звучит неплохо, – сделала еще одну попытку сестра Мэри.

Данный пример иллюстрирует несовпадение в текстах переводов. Саул – имя первого царя Израильского царства в Библии, поставленного на эту должность Богом, но впоследствии ставшего Ему негодным. Данный персонаж редко употребляется в бытовом дискурсе и малоизвестен большому количеству носителей русского языка, не читавших Библию. Имя Соломона, употребленное В. Е. Филипповым, вызывает у русскоязычного читателя более яркую ассоциацию и референцию к библейскому тексту. Переводчик использовал лексическую единицу, отличную от единицы в оригинале текста, и вопрос, является ли это намеренной трансформацией или нет, остается открытым. Тем не менее, эта трансформация не рушит повествование романа и не влияет на понимание текста.

Medieval Jewish scholars put the date of the Creation at 3760 B.C. Greek Orthodox theologians put Creation as far back as 5508 B.C. / Средневековые иудеи утверждали, что мир был создан в 3760 году до Рождества Христова. Православные теологи отнесли это событие к 5508 году до Р. Х. / Средневековые каббалисты считали датой творения 3760 год до Рождества Христова. Православные теологи относили ее в прошлое еще дальше, в 5508 год до Р. Х.

В приведенном текстовом фрагменте можно наблюдать не только несоответствие вариантов русского перевода, но и лексические замены с соответствующими грамматическими трансформациями. В первом предложении М. Ю. Юркан использует прием описательного перевода: не переводит словосочетание «the date of the Creation» дословно, а осложняет предложение сложноподчиненной конструкцией «мир был создан». В. Е. Филиппов сохраняет исходный библеизм и переводит данное словосочетание дословно («датой творения»), не осложняя предложение. Оба варианта соответствуют норме русского языка и адекватности перевода. В следующем предложении оба переводчика опускают библеизм «Creation». М. Ю. Юркан использует словосочетание «это событие», а В. Е. Филиппов – указательное местоимение «ее». Данные трансформации также соответствуют речевым нормам русского языка, так как переводчики избегают повтора и оставляют логическую связь между двумя предложениями и рассматриваемыми нами единицами.

Переводы романа Т. Пратчетта и Н. Геймана *Good Omens*, выполненные М. Ю. Юркан и В. Е. Филипповым демонстрируют различные стратегии и подходы, каждый из которых имеет свои сильные и слабые стороны.

Перевод художественных текстов, содержащих лексику библейского происхождения, может вызывать большое число переводческих трудностей, связанных прежде всего с переводом библейских фразеологических единиц, игры слов, различием в концептуальных системах мира разных языковых сообществ, кроме того, переводчик сталкивается с необходимостью соблюдения стилистических совпадений единиц

исходного и переводящего языков. Помимо понимания контекста и культурных нюансов, необходимо учитывать то, насколько хорошо целевая аудитория знакома с библейским текстом. Все вышеперечисленные особенности перевода художественного текста значительно влияют на выбор переводческой стратегии в каждом отдельном случае и приводят к необходимости адаптации текста. Повышенная частотность библеизмов в художественном дискурсе подчеркивает их культурное значение и указывает на необходимость дальнейших филологических и лингвистических исследований в этой сфере.

Список литературы

1. Адамия З.К. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. - Т. 2 : П–Я / авт.-сост.: З. К. Адамия [и др.] ; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. - Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. 308 с.
2. Бакина А.Д. Библизмы vs Библейские фразеологизмы: уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2021. №6. С. 35–43.
3. Бакина А.Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра: монография / А.Д. Бакина. – Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева: «Картуш», 2023а. 452 с.
Бакина А.Д. Прагматические аспекты перевода библейских фразеологизмов // Мир науки, культуры и образования, 2023б. №4 (101). С. 384–387.
4. Мюллер В.К. Полный англо-русский русско-английский словарь. 300000 слов и выражений / В.К. Мюллер. – М. : Эксмо, 2013. 1328 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): <http://feb-web.ru>
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., перераб. – Москва : Издательство АСТ : Издательство «Мир и Образование», 2023. – 736 с.

Список источников практического материала:

1. Пратчетт Т. Благие знамения / Терри Пратчетт, Нил Гейман ; [перевод с английского М. Юрган, под редакцией М. Назаренко]. - Москва : Эксмо, 2023. 480 с.
2. Пратчетт, Т. Добрые предзнаменования : Прекрасные и Точные Пророчества Агнессы Псих, ведьмы / Терри Пратчетт, Нил Гейман ; [перевод с английского В. Филиппова], Москва : Эксмо, 2020. 512 с.
3. Gaiman N. Good Omens / N. Gaiman , T. Pratchett – London: Corgi Books, 2014. 408 p.

Интернет-ресурсы

1. Национальный корпус русского языка (электронная версия): <http://ruscorpora.ru>
2. <https://www.merriam-webster.com>

Сведения об авторе:

Барabanова Наталья Юрьевна; студент 1 курса магистратуры, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, barabanova.n1808@gmail.com

Barabanova Natalia Yurievna; Master's degree student, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation; barabanova.n1808@gmail.com

УДК 81

Лингвокультурный типаж «Английский джентльмен»

Полина Викторовна Белякова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, студентка 1 курса магистратуры, Орёл, Россия, polinabelakova719@gmail.com

Аннотация. Настоящая научная статья направлена на исследование типажа джентльмена и его репрезентации в английской лингвокультуре. Работа включает в себя моделирование типажа английского джентльмена с понятийной, образной и ценностной сторон на основе анализа английских фразеологизмов, идиом, цитат из учебной литературы, толковых словарей русского и английского языков, периодических изданий, а также Интернет-ресурсов.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный типаж, моделирование лингвокультурного типажа

Linguocultural type "English Gentleman" in English linguoculture

Polina V. Belyakova

Orel State University named after I. S. Turgenev, student, Orel, Russia, polinabelakova719@gmail.com

Abstract. This scientific article is aimed at researching the linguocultural type of gentleman and its representation in English linguoculture. The work includes modeling of the type of an English gentleman from the conceptual, figurative and value sides based on the analysis of English phraseological units, idioms, paroemias, quotations from English literature and the media.

Keywords: linguoculturology, linguocultural type, modeling of linguocultural type

Лингвокультурология есть «продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике», возникший на основе триады «язык – культура – человек». [5]. Предметом исследования лингвокультурологии являются «культурно нагруженные единицы языка, в содержании которых обнаруживается часть, обусловленная особенностями национальной культуры, этнического сознания. Объектом лингвокультурологии является соотношение языка, культуры и человека [5].

Важнейшим объектом исследования лингвокультурологии представляется лингвокультурный типаж. В.И. Карасик определяет лингвокультурный типаж как «узнаваемый образ представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [4].

В настоящей статье является актуальным инструментарий моделирования лингвокультурного типажа, теоретические основы которого изложены в работах В.И. Карасика и О.А. Дмитриевой. Моделирование лингвокультурного типажа включает его рассмотрение в трёх аспектах: понятийном (на основе анализа языковых единиц и

синонимичного ряда), оценочном (по содержательно – смысловым ценностям) и образном (по значимости для социума).

О. А. Дмитриева предлагает более развернутую и детальную схему для моделирования лингвокультурного типажа: 1) указание типичной внешности 2) гендерная принадлежность 3) происхождение 4) место жительства 5) ритуальные действия, сфера деятельности 6) досуг, круг общения 7) материальное положение 8) среда обитания 9) описание речевых особенностей, манеры поведения, речи [3].

Выделение понятийной составляющей типажа предполагает следующие этапы: анализ словарных дефиниций и исследование синонимического ряда. Дефиниции и синонимы слова «джентльмен», зафиксированные в английских толковых словарях:

Gentleman N., pl. gentlemen:

- A man regarded as having qualities of refinement associated with a good family [8]. Человек, обладающий качествами изысканности, утонченности, что позволяет отнести его к хорошей семье по рождению и воспитанию.

- A man who is cultured, courteous, and well-educated [8]. Человек культурный, вежливый, учтивый, любезный и хорошо образованный

- A male attendant upon a king, queen, or other royal person, who is himself of high birth or rank [11]. Представитель мужской свиты короля, королевы или члена королевской семьи, который и сам имеет высокий ранг или принадлежит высокому роду.

Фразеологизмы:

Gentleman's agreement - джентльменское соглашение; gentleman of the cloth – духовное лицо, служитель церкви, священник; gentleman of the gown – учёный юрист; gentleman of the inkpot/ of the press – корреспондент, газетчик; gentleman of the pad/of the road - «рыцарь с большой дороги», разбойник; gentleman of the fortune – рыцарь фортуны, пират, авантюрист, искатель приключений; walking gentleman – театр. статист; gentleman of virtu – ценитель искусств; a gentleman's – камердинер, слуга, лакей; a gentleman at large – а) шутил. человек без определенных занятий, б) уст. придворный без должности.

Обратимся к Синонимам и дефинициям из русских толковых словарей: ДЖЕНТЛЬМЕН (англ. gentleman), порядочный человек, который действует в соответствии с этикетом и правилами поведения, а также это воспитанный и благородный человек [2]. Синонимы: аристократ, благородный, учтивый, благовоспитанный.

Таким образом, вышеперечисленные данные дают представление о джентльмене как о человеке благородном, воспитанном, действующим в соответствии с нормами этикета.

Для определения образной характеристики джентльмена, обратимся к широко известным произведениям, таким как «Кентерберийские рассказы», «Шерлок Холмс», «Гордость и предубеждение» и т.д. Если обратиться к Кентерберийским рассказам, то можно сделать вывод о том, что джентльменом являлся человек с высокой должностью:

«Ну, что ж! Ты, сквайр, нам рассказал на славу

И джентльменом ты слывешь по праву, – Сказал Франклин.

– Хоть молод ты, а все ж

Разумника такого не найдешь

Средь юношей» [6].

Шерлок Холмс в ранних рассказах предстает перед читателем эксцентричным джентльменом: он достаточно обеспечен, чтобы жить, не работая. Он детектив-любитель, расследующий преступления, чтобы избежать скуки, причем делает это в большинстве случаев не ради оплаты, отказывая выгодному клиенту в пользу интересного случая какого-нибудь бедняка; при поимке преступника он руководствуется

скорее своим собственным кодексом чести, чем буквой закона, и нередко отпускает преступника, если считает, что тот был прав в своих действиях. Шерлок Холмс достаточно начитан и образован, чтобы общаться с людьми из высшего общества.

В романе Ч. Диккенса «Большие Надежды», так же, как и в его экранизации, можно найти богатый материал для размышлений на тему того, что значит «быть джентльменом». Исходя из сюжета, Пип, бедный сирота, воспитывается сестрой и ее мужем-кузнецом и получает возможность приобрести собственность и «выйти в люди». Наличие собственности и умение управлять ею было необходимо, чтобы тебя считали джентльменом в английском обществе того времени, а завоевание и поддержание положения в обществе, так же, как и умение вести себя — это искусство, которому нужно учиться.

Выражения, отображающие образ джентльмена:

- «To be in the finest sense of the world» - быть джентльменом в лучшем смысле слова;
- «There is nothing about him» - он совсем не похож на джентльмена [1]

Более того, термин gentleman мог быть употреблен к члену парламента или при упоминании о нём: «The Honourable gentleman»/ «the Most Honourable gentleman» - в парламентских речах – при обращении к маркизу или члену парламента, награжденного орденом Бани. «The Right Honourable gentleman» - почтенный джентльмен (при упоминании Тайного совета, а также о графах, виконтах) [10].

При составлении ценностной характеристики джентльмена, обратимся к английским паремиям:

Самым первым и незаменимым условием того, что мужчина является «джентльменом», считается его происхождение:

- It takes three generations to make a gentleman [7]. Букв. Нужно три поколения, чтобы человека считали джентльменом. Очень важна родословная, дворянские корни.
- Джентльмен держит данное им слово и не отступает от своих принципов. A gentleman's word is his bond [7]. Букв. Слово джентльмена – это его долговое обязательство. Значение паремии: настоящий джентльмен связан данным словом, как узлами.
- He is the best gentleman who is the son of his own deserts [9]. Букв. Лучший джентльмен тот, кто сам заслужил это звание своими заслугами и достоинствами.

Следующим признаком, по которому можно было опознать джентльмена, являлось его состояние:

- A gentleman without living (an estate), is like a pudding without suet [7]. Букв. Джентльмен без состояния (земельного владения) подобен пудингу без жира.
- A gentleman should have more in his pocket than on his back [7]. Букв. Джентльмен должен иметь в кармане больше, чем на спине. Имеется в виду, что настоящий джентльмен не должен быть нищим, должен иметь средства для жизни, а не долги.
- A gentleman ought to travel abroad, but dwell at home [7]. Букв. Джентльмену следует путешествовать по разным местам, но жить дома.

Следующим аспектом является хорошее образование и хорошие манеры. Education begins a gentleman, conversation completes him [9].

- A gentleman is broad and fair, the vulgar are biased and petty [9]. Букв. Джентльмен эрудирован, широк душой и справедлив, простолюдин мелочен, ограничен, предубежден и руководствуется материальными интересами и собственной выгодой.

- Jack-an-apes is no gentleman [9]. Букв. Джек-кривляка не может быть джентльменом. Имеется в виду, что внешнее щегольство не делает человека джентльменом.

- «Abraham Lincoln said that a gentleman is someone who doesn't hurt anyone». [Francis Scott Fitzgerald. The Beautiful and the Damned] А. Линкольну приписывается цитата о том, что настоящий джентльмен никому не принесет вреда/никого не обидит.

Таким образом, опираясь на модели анализа лингвокультурного типажа, разработанные В. И. Карасиком и О. А. Дмитриевой, мы установили основополагающие характеристики, присущие типуажу английского джентльмена.

Список литературы

1. Большой англо-русский словарь под ред. Гальперина. В двух томах. Т.1:1 Русский язык, 1979. – 120 с.
2. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 3.02.2024).
3. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века. Автореф. дис. д-ра филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2007. – 25 с.
4. Карасик В.И. Языковые ключи. Москва: Гнозис, 2009. – 406 с.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
6. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы [Электронный ресурс]. URL: <https://facetia.ru/node/573> (дата обращения: 5.02.2024).
7. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 1.02.2024).
8. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 29.01.2024).
9. Mieder W., Kingsbury S.A., Harder K.B. A dictionary of American proverbs. – Oxford, 1992. – 132 p.
10. Smith W.G. The Oxford Dictionary of English Proverbs [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/oxforddictionary0000unse_b0j7/page/n5/mode/2up_60 (дата обращения: 7.02.2024).
11. Webster's Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriamwebster.com/> (дата обращения: 10.02.2024).

УДК 81

Моделирование лингвокультурного типажа «Английская леди» и его репрезентация в английской лингвокультуре

Полина Максимовна Вишневская

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, студентка 1 курса магистратуры, Орёл, Россия, vishnevskaja.polia@yandex.ru

Аннотация. Настоящая научная статья направлена на исследование типажа леди и его репрезентации в английской лингвокультуре. Работа включает в себя моделирование типажа английской леди с понятийной, образной и ценностной сторон на основе анализа английских фразеологизмов, идиом, паремий, цитат из английской литературы и средств массовой информации.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультура, лингвокультурный типаж, лингвокультурный концепт, моделирование лингвокультурного типажа

Representation of the linguocultural type "English Lady" in English linguoculture

Polina M. Vishnevskaya

Orel State University named after I. S. Turgenev, student, Orel, Russia,
vishnevskaja.polia@yandex.ru

Abstract. This scientific article is aimed at researching the linguocultural type of lady and its representation in English linguoculture. The work includes modeling of the type of an English lady from the conceptual, figurative and value sides based on the analysis of English phraseological units, idioms, paroemias, quotations from English literature and the media.

Keywords: linguoculturology, linguoculture, linguocultural type, linguocultural concept, modeling of linguocultural type

Согласно концепции лингвиста В. А. Масловой, лингвокультурология представляет собой «продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике», возникший на основе триады «язык – культура – человек» [Маслова 2001, с. 8].

Одним из важнейших объектов исследования лингвокультурологии является лингвокультурный типаж. В.И. Карасик под лингвокультурным типажом понимает «узнаваемый образ представителя определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик, Дмитриева 2005, с. 8].

В. И. Карасик предлагает моделировать лингвокультурный типаж, базируясь на выделении и описании понятийного, образного и ценностного аспектов [Карасик 2009, с. 193].

О. А. Дмитриева разработала расширенную схему моделирования лингвокультурного типажа, согласно которой типаж характеризуется по таким показателям, как внешний облик, гендерная принадлежность, происхождение/социальный статус, место жительства, сфера деятельности, сфера досуга, семейное положение; окружение, круг общения; речевые особенности, манера поведения, стиль общения [Дмитриева 2005, с. 74].

Чтобы описать типаж английской леди с понятийной стороны, мы проанализировали определения термина “*lady*”, взятые из нескольких онлайн-словарей:

- a woman of high social position or economic class (женщина, принадлежащая к высокому экономико-политическому статусу) [Dictionary.com];
- a woman who behaves in a polite, dignified, and graceful way (женщина, которая ведет себя вежливо, с достоинством и обладает изысканными манерами) [Collins Dictionary];
- a polite or old-fashioned way of referring to or talking to a woman (вежливый или старомодный способ обращения к женщине или разговора с ней) [Cambridge Dictionary].

Опираясь на данные словарные определения, можно подытожить, что в английской лингвокультуре под концептом “*lady*” подразумевается женщина высокого социального статуса, обладающая изысканными манерами. Наряду с этим, в понимание концепта “*lady*” входит такой компонент, как вежливое и уважительное обращение к женщине.

Для составления образной характеристики английской леди обратимся к английским фразеологизмам, устойчивым выражениям, паремиям и цитатам из произведений английской литературы.

Внешний облик. Английская леди - воплощение женственности, привлекательности и красоты: *Oh! yes, the handsomest young lady that ever was seen* [Austen, Jane. *Pride and Prejudice*, с. 220]. – О! да, самая красивая молодая леди, которую я когда-либо видел.

Гендерная принадлежность. Типаж леди представлен исключительно женским полом, что свидетельствует о гендерной целостности данного типажа:

Who was the young lady that I saw entering a carriage? His daughter? [Dickens, Charles. *Barnaby Rudge*, с.10]. – Кто была та молодая леди, которую я видел садящейся в карету? Его дочь?

Происхождение/социальный статус. Леди занимает высокое социальное положение в обществе: *I was invited a few nights ago to a party at the house of Lady Klein, a leader of the English aristocracy* [Isherwood, Christopher. *Goodbye to Berlin*, с. 118]. – Несколько дней назад меня пригласили на вечеринку в дом Леди Клейн, главы английской аристократии. Леди живет в достатке и ни в чем себе не отказывает: *lady Bountiful – an exceptionally wealthy and generous woman* (исключительно богатая и щедрая женщина) [The Free Dictionary by Farlex].

Место жительства. Основное место проживания английской леди – собственный дом за городом или в его пределах или поместье. Леди – хранительница домашнего очага: *the lady of the house – a wife who manages a household while her husband earns the family income* (женщина, которая занимается ведением домашнего хозяйства, в то время как ее муж зарабатывает деньги) [The Free Dictionary by Farlex].

Сфера деятельности. Леди образованна, обладает широким кругозором и разбирается во многих сферах: *first lady of something - an eminent, usually pioneering, woman in a particular field or area, or the leading woman in an art or profession* (выдающаяся женщина, женщина-новатор в какой-либо области; ведущая женщина в искусстве или на профессиональном поприще) [The Free Dictionary by Farlex].

Сфера досуга. Для леди важно проведение полезного досуга: *It was a lady who sang, and very sweet her notes were* [Brontë, Charlotte. *Jane Eyre*, с. 196]. – Это пела одна из дам, и пела так, что заслушаешься.

Семейное положение. Истинная английская леди с гордостью несет звание «жена» и ценит свой брак. Леди оказывает положительное влияние на своего мужчину. Даже существует такое мнение, что именно от женщины зависит благополучие семьи: *Lady is a woman who makes it easy for a man to be a gentleman*. – Леди – это женщина, которая помогает мужчине легко стать джентльменом.

Окружение, круг общения. Леди окружают высокопоставленные лица, однако ей не чуждо общение с людьми более низкого социального положения: *In Italy, as in England, the lady had a multitude of friends, both among the natives of the country and its heterogeneous visitors* [James, Henry. *Portrait of a Lady*, с. 270]. – В Италии, как и в Англии, у этой дамы было множество друзей как среди местных жителей, так и среди приезжих. Леди симпатична людям: *This lady's a great friend of ours* [James, Henry. *Portrait of a Lady*, с. 258]. – Эта леди – наш большой друг.

Речевые особенности, манера поведения, стиль общения. Речь леди отличается богатым словарным запасом. Леди не свойственна излишняя болтливость, она тщательно подбирает слова, ее речь сдержанна: *Silence is a woman's best garment* [The Concise Oxford Dictionary of Proverbs, с. 292]. – Молчание – лучшее украшение женщины.

Для рассмотрения ценностных характеристик лингвокультурного типажа «Английская леди» проанализируем цитаты королевы Елизаветы II и принцессы Дианы, найденные в средствах массовой информации.

Леди, находящаяся на государственной службе и являющаяся представителем органа власти, посвящает свою жизнь служению обществу: *“I declare before you all that my whole life, whether it be long or short, shall be devoted to your service and the service of*

our great imperial family to which we all belong” [The Crown: Princess Elizabeth`s 21st Birthday Speech]. – «Я заявляю перед всеми вами, что вся моя жизнь, будь она долгой или короткой, будет посвящена служению вам и нашей великой имперской Британской семье, к которой мы все принадлежим». В этом высказывании Елизавета II заявляет о своей приверженности служению народу и обществу. Королева проявляет такие качества своего характера, как верность, преданность и готовность пожертвовать собой и своими интересами ради обеспечения всеобщего благополучия и процветания.

Леди искренна и честна перед собой и перед другими. Что бы она ни делала и какие бы решения ни принимала, она всегда руководствуется сердцем: *“Only do what your heart tells you”* [50 Best Princess Diana Quotes on Love, Life and Kindness]. – «Делай только то, что подсказывает тебе сердце». Принцесса Диана призывает следовать своим внутренним ощущениям и желаниям при принятии важных решений и выборе своего жизненного пути. По мнению принцессы, не стоит поддаваться влиянию внешних факторов и мнению других людей. Наоборот, нужно прислушиваться к своему внутреннему голосу.

Решительность, целеустремленность и мужество – те качества, которые леди ценит в людях и в самой себе: *“When life seems hard, the courageous do not lie down and accept defeat; instead, they are all the more determined to struggle for a better future”* [“Queen Elizabeth: Christmas 'more somber' this year”, December 26, 2008]. – «Когда жизнь кажется трудной, мужественные люди не опускают руки и не смиряются с поражением; напротив, они с еще большей решимостью борются за лучшее будущее». Елизавета II убеждена, что отважные и решительные люди в тяжелые времена проявляют еще большую храбрость и целеустремленность для преодоления препятствий.

Не менее важными ценностями для английской леди являются образование и воспитание: *“It's all to do with the training: you can do a lot if you're properly trained”* [21 of the Best Queen Elizabeth II Quotes]. – «Все дело в обучении: вы можете многого добиться, если будете должным образом обучены». Елизавета II в своем высказывании подчеркивает значимость образования и приобретения необходимых навыков. Только при достойном уровне образования можно достичь поставленных целей и раскрыть свой потенциал, так как образование и обучение закладывают основу для будущего успеха.

Несмотря на свое высокое социальное положение, леди скромна и сдержанна: *“Call me Diana, not Princess Diana”* [50 Best Princess Diana Quotes on Love, Life and Kindness] . – «Зовите меня Дианой, а не принцессой Дианой». В этой цитате выражается предпочтение Дианы к тому, чтобы ее называли по имени, а не по ее королевскому титулу. Так Диана сближается со своим народом и подчеркивает, что ей важнее, чтобы ее воспринимали в первую очередь как личность, а не как королевскую особу.

Семья и брак для английской леди также являются одними из основополагающих ценностей: *“My husband has quite simply been my strength and stay all these years, and I owe him a debt greater than he would ever claim”* [21 of the Best Queen Elizabeth II Quotes]. – «Мой муж был моей опорой все эти годы, и я в большом долгу перед ним, чем он мог бы когда-либо представить». Елизавета II выражает искреннюю благодарность и глубокую признательность своему супругу за тот вклад, который он внес в ее жизнь. Королева отмечает, что ее супруг придавал ей силы и оказывал всестороннюю поддержку, и теперь она чувствует себя обязанной перед ним.

Таким образом, опираясь на модели анализа лингвокультурного типажа, разработанные В. И. Карасиком и О. А. Дмитриевой, мы установили основополагающие характеристики, присущие типу английской леди.

Список литературы

1. Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж «французский буржуа» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 74 – 88.
2. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5—25.
3. Карасик В. И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
5. Austen, Jane. *Pride and Prejudice* / editor: Sam Yagan –Ware.: Spark Notes, 2014. – 352 p.
6. Brontë, Charlotte. *Jane Eyre* / ed. J. Donald Crowley. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 555 p.
7. Dickens, Charles. *Barnaby Rudge* - Oxford World`s Classics, 2006. – 617 p.
8. Isherwood, Christopher. *Goodbye to Berlin* / ed. Thomas Mason – Westport, CT: Greenwood Press, 2001. – 272 p.
9. James, Henry. *Portrait of a Lady* / ed. James Murray – New York: Oxford University Press, 2009. – 512 p.
10. *The Concise Oxford Dictionary of Proverbs*. – Oxford University Press, 2003. – 364 p.
11. *The Farlex Idioms and Slang Dictionary*. – Farlex International, 2017. – 2591 p.
12. 50 Best Princess Diana Quotes on Love, Life and Kindness [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.internetpillar.com/princess-diana-quotes/> (дата обращения: 22.09.2024).
13. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 17.09.2024).
14. Collins Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 17.09.2024).
15. Dictionary.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 17.09.2024).
16. 21 of the Best Queen Elizabeth II Quotes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sporcle.com/blog/2018/12/queen-elizabeth-ii-quotes/> (дата обращения: 22.09.2024).
17. The Crown: Princess Elizabeth`s 21st Birthday Speech (1947) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=RUIToHE_27U (дата обращения: 22.09.2024).
18. The Free Dictionary by Farlex [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 17.09.2024).
19. "Queen Elizabeth: Christmas 'more somber' this year", December 26, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edition.cnn.com/2008/WORLD/europe/12/25/britain.queen.speech/index.html?eref=rss_latest (дата обращения: 22.09.2024).
20. 21 of the Best Queen Elizabeth II Quotes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sporcle.com/blog/2018/12/queen-elizabeth-ii-quotes/> (дата обращения: 22.09.2024).

УДК 81'373

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в лингвокультурологическом аспекте

Маргарита Игоревна Горюнова¹, Анна Дмитриевна Бакина²

¹ Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, студент 5 курса, кафедра английской филологии, Орёл, Россия, thedreamaboutunicorn@gmail.com

² Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, кандидат филологических наук, Орёл, Россия, heart-anna@yandex.ru;

Аннотация. В статье анализируются фразеологические единицы с зоонимическим компонентом в рамках лингвокультурологической парадигмы научного лингвистического знания. Раскрываются сущность и задачи лингвокультурологии как одной из ведущих областей, дается определение кодам культуры, выделяются коды и субкоды культуры, в частности внимание акцентируется на зооморфном культурном коде. В результате исследования английских фразеологизмов с компонентом-зоонимом на примере фразеологических единиц, содержащих лексему *dog*, делается вывод о том, что фразеологические единицы с компонентами-зоонимами являются не только важной составляющей языка, но и неременной частью культурного наследия народов; кроме того, анализ позволил выявить взаимосвязь образов различных животных с значением фразеологизмов и объяснить причины формирования того или иного отношения к данному образу в английской культуре.

Ключевые слова: фразеологизм, зооним, компонент-зооним, коды культуры, лингвокультурология, культурная коннотация, оценочный компонент, эмоциональный компонент.

Phraseological units with zoonimic component in linguocultural aspect

Margarita I. Goryunova¹, Anna D. Bakina²,

¹ Oryol State University named after I.S. Turgenev, 5-th year student, Chair of English Philology, Institute of Foreign Languages, Oryol, Russia, thedreamaboutunicorn@gmail.com;

² Oryol State University named after I.S. Turgenev, Associate Professor, Head of the Chair of English Philology, Candidate of Philology, Oryol, Russia, heart-anna@yandex.ru.

Abstract. The article analyses phraseological units with a zoonimic component within the framework of the linguocultural paradigm of linguistic science. The essence and tasks of linguoculturology as one of the leading fields are revealed, the definition of cultural codes is given, codes and subcodes of culture are singled out, in particular, the attention is focused on zoomorphic cultural code. As a result of the study of English phraseological units with a zoonimic component on the example of phraseological units containing the lexeme *dog*, it is concluded that phraseological units with zoonimic components are not only an important component of the language, but also an indispensable part of the cultural heritage of peoples; in addition, the analysis allowed to reveal the relationship of images of various animals with the meaning of phraseological units and explain the reasons for the formation of a particular attitude to this image in English culture.

Keywords: phraseological unit, zoonim, zoonimic component, cultural codes, linguoculturology, cultural connotation, evaluative component, emotional component.

Сегодня трудно поспорить с тем фактом, что именно культура, менталитет нации влияют и даже формируют язык. Феномен языкового сознания получил свое название относительно недавно и четкого определения в настоящий момент не имеет. Однако связь сознания и языка была замечена еще в древности. Большинство фразеологизмов являются немотивированными или частично мотивированными, но их внутреннюю структуру можно объяснить сложившимися в сознании конкретного народа ассоциациями с тем или иным образом. При этом у слов возникают специфические значения – коннотации. Изучением данного вопроса занимается большое количество наук таких как нейролингвистика, психоллингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и др. В данной статье мы хотели бы рассмотреть фразеологические единицы, содержащие зоонимический компонент, в русле лингвокультурологического подхода.

Лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке [Маслова 2010, с. 9]. Как самостоятельная наука она сформировалась в 90-е годы 20 века. Задачами лингвокультурологии является изучение: 1. Вопросы участия культуры в образовании языковых концептов; 2. Вопросы прикрепления «культурных смыслов» к языковому знаку; 3. Вопросы осознания культурных смыслов говорящим и слушающим и их влияния на речевые стратегии. 4. Вопросы существования в реальности культурно-языковой компетенции носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы 5. Вопросы особенностей концептосферы, а также дискурсов культуры, ориентированных на репрезентацию носителями одной культуры, множества культур (универсалии); культурной семантики данных языковых знаков, которая формируется на основе взаимодействия двух разных предметных областей — языка и культуры 6. Систематизации и создания единого понятийного аппарата. Объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком. Предметом – «единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях (поговорах и поговорках) и т.д.» [Маслова 2010, с. 28].

В рамках объекта исследования можно выделить следующие предметы: безэквивалентная лексика и лакуны; фразеологический фонд языка, включающий в себя пословицы (паремии); метафоры и образы языка; эталоны, стереотипы, символы.

Фразеологизмы – зеркало менталитета народа. Они отражают его ценности, привычки, нормы морали, идеологию. Фразеологизмы – подробная нерукописная история народа, заключенная в сосуде языка. Большинство фразеологизмов являются безэквивалентными именно потому, что они связаны с каким-то знаковым моментом из далекого прошлого. Они напрямую связаны со стереотипами, сложившимися в народном сознании. По мнению В. Н. Телия, существует идеальный промежуточный элемент между культурой и языком, выраженный в языковой единице. Этот элемент она называет культурной коннотацией. Интерпретируя ФЕ на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации. ФЕ сохраняются в языке веками, со временем трансформируясь и переосмысливаясь, т. к. они позволяют передать

задуманное при максимальной экономии языковых средств. Культура проникает в эти знаки через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной культуры. Именно система образов, закрепленных в семантике национального языка, является зоной сосредоточения культурной информации в естественном языке. Таким образом, соотношение с тем или иным культурным кодом составляет содержание культурно-национальной коннотации. Именно культурная коннотация придает культурно-значимую маркированность не только значениям ФЕ, символам или метафорам, но и смыслу всего текста, в котором они употребляются [Телия 2006].

В пословицах заключена вся народная мудрость, накопленная веками. Однако не все пословицы являются предметом изучения лингвокультурологии. Существуют «универсальные» для большинства языков пословицы. Они максимально близки по своему внутреннему составу, имеют одинаковое значение, т.к. в своем большинстве были взяты из латыни, греческого и других языков и переведены с помощью калькирования. Они не отражают особенностей менталитета конкретного народа, не дают представлений о его истории, не передают его самобытность, а лишь являются мудростью древних и великих.

Говоря о лингвокультуре, невозможно не упомянуть такое понятие как «код культуры». Культурный код – это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках. Знаки – носители культурных смыслов – могут быть как вербального (словными – в виде имен собственных, имен нарицательных, фразеологизмов, паремий, цитат), так и иного характера, например, авербального (предметными – природными и артефактными), а также ментальными (стереотипы, нравы, обычаи, ценностные ориентации, оценочные стандарты, культурные сценарии). Под культурным кодом большинство современных лингвистов понимают «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [Красных 2001, с. 138]. По мнению В. В. Красных, существует несколько базовых культурных кодов: 1. Соматический (телесный) — в нем особое место занимают символные функции различных частей тела; 2. Пространственный код связан с членением пространства. Его довольно часто сложно развести с соматическим кодом; 3. Временной код культуры фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени; 4. Предметный код культуры относится в первую очередь к миру Действительное и связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру. Предметный код обслуживает, в частности, метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира; 5. Биоморфный код культуры связан с живыми существами, населяющими окружающий мир; 6. Духовный код культуры составляют нравственные ценности и эталоны, и связанные с ними базовые оппозиции культуры, такие, как, например: «добро-зло», «хорошо-плохо», «плюс-минус», «верх-низ» [Красных 2001].

В биоморфной кодировке выделяют зооморфный и фитоморфный коды. Фитоморфный код связан с растениями, флорой и фауной. Зооморфный код реализуется через базовый компонент – зооним, содержащий наименование животного. Зоонимы также являются образующей составляющей зоологизмов. Зоологизмы определяются как «сравнительно четко очерченная – семантически и тематически – группа устойчивых надсловесных языковых образований, в составе которых есть фаунонимы (зоонимы) или образно-генетические элементы» [Ужченко 2000, с. 1]. Зооморфный код имеет свои

субкоды, среди которых: 1. Териологический (лат. *theria* – зверь) – совокупность номинативов для обозначения животных 2. Орнитологический (греч. *ορνιθος* – птица) – совокупность номинативов для обозначения птиц 3. Ихтиологический (греч. *ιχθυς* – рыба) – совокупность номинативов для обозначения рыб 4. Инсектологический (лат. *insectum* – насекомое) – совокупность номинативов для обозначения насекомых 5. Герпетологический (греч. *έρπετόν* – пресмыкающееся) – совокупность номинативов для обозначения пресмыкающихся 6. Амфибиологический (лат. *amphibia* – земноводные) – совокупность номинантов для обозначения земноводных 7. Карцинологический (греч. *καρκίνοσ* – рак) – совокупность номинантов для обозначения ракообразных [Савченко 2014, с. 171-172].

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом чаще всего образуются путем метафорического переноса на основании схожести внешних черт, внутренних или интеллектуальных качеств человека с животным. У разных народов зоологизмы чаще всего используются именно для описания человека, его духовных и социальных качеств. Исторически вторичные значения являются переносными, но многие из них в настоящее время уже не осознаются в своих исходных качествах. Семантическое своеобразие этих сращений состоит в том, что в них всегда доминирует зоосемический компонент, выделяясь за счет противопоставления репрезентативного и фигурального значений. Для фразеологизмов, семантически ориентированных на животных, но метафорически ассоциируемых с человеком, особую значимость приобретает коннотативное значение, причем коннотацию можно рассматривать как дополнительную информацию по отношению к сигнификативно-денотативному значению [Вежбицкая 1999, с. 345]. Коннотация для таких фразеологизмов является «дополнительной информацией по отношению к сигнификативно-денотативному значению, как совокупность семантических наслоений, включающих в себя оценочный, экспрессивный, эмоциональный и функционально-стилистический компонент» [Арсентьева 1989, с. 55]. Оценочный компонент фразеологизма может меняться с течением истории, т.к. в разные времена люди неодинаково представляют добро и зло, хорошее и плохое. Так же, как и положительное отношение к одному образу в одной культуре, может быть отрицательным в другой. Обычно выделяются три оценочных компонента фразеологического значения: нейтральный, положительный и отрицательный. В их основе — одобрение, осуждение или отсутствие явного поощрения и порицания при оценке какого-либо общественного явления. Чаще всего нейтральную оценочную коннотацию можно проследить в поговорках, при этом негативная оценка все же преобладает. Это объясняется «более острой эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления» [Райхштейн 1980, с. 21]. Эмоциональный компонент — выражение чувств и эмоций. Он наиболее тесно связан с экспрессивным компонентом, который расшифровывается при 20 помощи лексических интенсификаторов, которые выражают большую степень признака по сравнению с нормой. Интенсификаторами могут выступать существительные, глаголы и прилагательные, которые содержат в себе усилительный элемент. Функционально-стилистический компонент определяет принадлежность зоологизмов к определенному стилю речи, их распространенность и употребительность. Однако, по мнению А. В. Кунина, достаточно сложно определить принадлежность фразеологизма к какому-либо конкретному стилю [Кунин 1996]. Интересен и механизм образования зоологизмов. Зонимы теряют свое первоначальное лексическое значение, а вместе с ним перестает обозначать животное, при этом они приобретают новые несистемные значения, которые могут быть выявлены только при разложении значения фразеологизма. Согласно концепции А. М. Чепасовой, которая помогает понять механизм превращения слова в компонент фразеологизма, при формировании фразеологизма на основе

нефразеологического словосочетания каждое слово этой структуры утрачивает семантическое ядро, сохраняя отдельные специфические семы, из которых возникает другое, новое семантическое ядро новой языковой единицы фразеологизма [Чепасова 1983, с. 48]. При образовании ФЕ с компонентами-зоонимами учитываются наиболее яркие по мнению человека черты животного: повадки, способ использования человеком, издаваемые звуки, внешние характеристики и тд. При этом они преобразуются в семы, обозначающие свойства человека. Наиболее частотными из них являются:

- Физические свойства: *тяжелый как слон; грациозный, как лань;*
- Внешний облик: *грязный как свинья; долговязый как журавль;*
- Психические качества: *упрямый как баран;*
- Уровень интеллекта: *тупой как баран*
- Повадки, умения, навыки: *хитрый, как лиса.*

Зооморфный код английского языка значительно отличается от русского и имеет ряд свойственных только ему особенностей в силу вышеназванных факторов. Он включает в себя большое количество зоонимов, которые не являются характерными для русской культуры, например, *golden goose, sly old fox* и *strong as an ox*. Также, эмоциональный и оценочный компонент являются более выраженными в английском зооморфном коде, где животные могут использоваться для выражения положительных и отрицательных эмоций и оценок.

Рассмотрим на примере фразеологические единицы, содержащие лексему “dog”. *Dog* – входит в число британских мифологических образов и является персонажем фольклора (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека или описания ситуации (3). В мифах и фольклоре собаки наделяются потусторонней, зловещей символикой. Они выступают предвестниками смерти в ряде произведений: баллада о леди Мэри Говард, в «Суевериях викторианской Англии» и др. В английской культуре они получили название «Неистовый гон» (*The Wild Hunt*). Наиболее известными сворами Неистового гона являются собаки Дэнди Дьявола. [Briggs, p. 437]. Однако существуют сказки, в которых собака помогает человеку. Одной из таких сказок является «Три собаки». В современном английском языке существуют следующие фразеологические единицы, связанные с образом собаки и имеющие лексему *dog* в своем компонентном составе: *Dog's breakfast* (*Неразбериха, провал*) / *Despite having some first-class witnesses, the prosecution made a dog's breakfast of the case*; *Every dog has its day* (*Будем и на нашей улице праздник*) / *- Are you going to resign? - Yes, I've got to, but it's only for a moment. Every dog has his day, you know*; *Go to the dogs* (*Пойти кому под хвост*) / *This idea has really gone to the dogs*; *Lead a dog's life* (*Влачить несчастное или угнетенное существование*) / *I've been working so hard. I'm tired of living a dog's life*; *To have the black dog on one's back* (*Хандрить, впадать в меланхолию*) / *He didn't seem to be enjoying his luck... The black dog was on his back*; *A good dog deserves a good bone* (*По заслугам и честь*); *Barking dogs seldom bite* (*Собака, которая лает, не кусает*); *Give a dog a bad name and hang him* (*Дурная слава накрепко пристает*); *He that lies down with dogs must rise up with fleas* (*С кем поведешься, от того и наберешься*); *If you want a pretence to whip a dog, say that it ate a frying-pan* (*Коли быть собаке битой – найдется и палка*); *Let sleeping dogs lie* (*Не буди лихо пока спит тихо*); *The scalded dogs fears cold water* (*Обжѣгшись на молоке, будешь дуть на воду*).

При анализе фразеологических единиц с лексемой «собака» было выявлено, что большинство из них имеют негативную коннотацию. Собака является символом несчастья, трудностей, неудач, предвестником смерти. Многие из них не имеют эквивалентов, содержащих лексему «собака», в русском языке. В отличие от англичан, собака у русских ассоциируется (наряду с отрицательными явлениями) с верностью, преданностью, неприхотливостью, что находит отражение во фразеологизмах собачья

верность, собачья преданность, собачья жизнь и др. Коннотации данных образов не соотносятся полностью в англоязычной и русской культуре. Частично это обосновывается родством собак с волками. Негативно отношение к собакам было характерно для средневековой Европы в целом. Это связано с Библией и плохой репутацией собак в ней. Собака в Библии представляется как средоточие самых омерзительных качеств, которые только можно себе вообразить – подлости, жадности, бесстыдства, трусости и ненасытности, корысти, грязи, разврата и прочих многочисленных пороков и грехов. Среди библейских фразеологизмов, содержащих лексему *dog* можно выделить следующие: *A living dog is better than a dead lion* (Лучше быть живой собакой, чем мертвым львом); *dead dog* (беспольный, никчемный человек) / *You're no more use than a dead dog. We'll just have to go along the reef till we find the opening.* (W.S. Maugham, 'The Trembling of a Leaf') — *От тебя пользы не больше, чем от дохлого пса. Надо идти вдоль рифа, пока не найдем прохода; the dog returns to his vomit* (собака возвращается к своей блевотине, преступника тянет на место происшествия; человек снова предается прежним порокам).

В русской культуре образ бродячей собаки реже имеет негативную трактовку – животное, пережившее за свою жизнь много лишений и страданий, у русских становится символом мудрости. Однако, не все фразеологические выражения с образом собаки являются отрицательными. Некоторые фразеологические единицы с образом собаки отражают позитивные качества, например, *loyal as a dog* (верный как собака), *he has a dog's life* (живет, как собака), *working like a dog* (трудиться, как собака), *sick as a dog* (болен, как собака). Они выражают преданность, усердие и выдержку. В целом, фразеологические единицы с образом собаки отражают культурную и языковую связь английского языка с животным миром и историей укрощения и использования собак. Они также являются важной частью зооморфного кода английского языка.

Таким образом, большинство фразеологических единиц с компонентом-зоонимом имеет как положительную, так и отрицательную коннотацию. Они описывают характеристики людей, их поступки и различные ситуации из жизни, включая природные явления. Оценочный, эмоциональный и функционально-стилистический компоненты английского и русского языков во многом расходятся. Связь значения с тем или иным образом объясняется историей английского народа, условиями жизни, традициями, фольклором.

Список литературы

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках). — Изд-во Казанского университета, 1989. 123 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. — М.: «Языки русской культуры», 1999. I-XII, 780 с.
3. Красных В.В. Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2001.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — 2-е изд., перераб. — М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.
6. Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. — М.: 1980. 143 с.

7. Савченко Л. В. Иерархическая модель биоморфного кода культуры // Культура народов Причерноморья. 2014. № 273. С. 170-172.

8. Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

9. Ужченко Д. В. Семантика українських фразем в етнокультурному висвітленні : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Д. В. Ужченко ; Харківський держ. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди. – Харків, 2000. 18 с.

10. Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов (учебное пособие). Челябинский государственный педагогический университет, 1983. 92 с.

Сведения об авторах:

Горюнова Маргарита Игоревна; студент 5 курса института иностранных языков, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, thedreamaboutunicorn@gmail.com;

Goryunova Margarita Igorevna; 5-th year student, the Chair of English Philology, Institute of foreign languages; Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation; thedreamaboutunicorn@gmail.com;

Бакина Анна Дмитриевна; доктор филологических наук, доцент, зав. каф. английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, Heart-anna@yandex.ru

Bakina Anna Dmitrievna; Doctor of Philology, the Head of the Chair of English Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation; Heart-anna@yandex.ru.

УДК 81 + 070

Лингвостилистические приемы языкового манипулирования (на материале российских и английских СМИ)

Денис Михайлович Журавлев

Кубанский государственный университет, соискатель кафедры английской филологии, Краснодар, Россия, den.den097@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривают лингвостилистические приемы в контексте языкового манипулирования в средствах массовой информации. Дается определение понятия «манипуляция» в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Определяется роль метафоры и метонимии в аспекте системы языкового манипулирования на материале статей крупных российских и английских СМИ.

Ключевые слова: стилистика, стилистические приемы, манипулирование, СМИ, медиадискурс.

**Linguo-stylistics devices of language manipulation
(based on the material of Russian and English language mass media)**

Denis M. Zhuravlyov

Kuban State University, applicant of the Department of English philology of Kuban State University, Krasnodar, Russia, den.den097@mail.ru

Abstract. The article concerns linguo-stylistic devices in the context of language manipulation in mass media. The definition of the concept of "manipulation" in the works of domestic and foreign researchers is given. The role of metaphor and metonymy in the aspect of the language manipulation system is determined based on the material of articles by major Russian and English media.

Keywords: stylistics, stylistics devices, manipulation, mass media, mediadiscourse.

Стремительное развитие современных информационных технологий значительно повлияло на изменения внутри средств массовой информации, которые происходят сегодня. Однако не смотря на все эти изменения основным инструментом работы для СМИ остается язык. Язык СМИ - это не только средство информирования населения, но и средство массового воздействия.

Проблема языкового манипулирования в средствах массовой информации сегодня является особенно актуально. Во многом эта проблема обусловлена тем, что на настоящем этапе своего существования СМИ все больше стали заменять функции информирования, просвещения на функции воздействия и манипулирования целевой аудитории в погоне за высокими рейтингами и прибылью.

Феномен манипуляции сегодня является объектом исследования различных направлений науки. Его изучают психологи, политологи, социологи, рекламодатели. Лингвистика также не стала исключением и не обошла стороной данное явление. Е.Л. Доценко предложил следующее определение понятия «манипуляция»: «Манипуляция - это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 1997, с. 59]. До 20 различных определений термина «манипуляция» приводит социолог В.П. Шейнов в исследовании «Манипулирование и защита от манипуляций» (2022 г.), наиболее важными в рамках нашего исследования представляются следующие из них:

- вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытному возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально действующими желаниями;

- скрытое управление и ловкое использование кого-либо, частое нечестным путем.

- стратегия социального поведения в личных целях манипулятора, противоречащего собственным интересам (адресата). [Шейнов 2022, С. 6-8].

В зарубежных исследованиях мы находим схожие определения понятия «манипуляция». Т. А. Ван Дайка предлагает следующее определение манипуляции: „ manipulation is one of the discursive social practices of dominant groups geared towards the reproduction of their power.” [Van Dijk 2006, p. 363] Р. Гудин в своей научной работе «Manipulatory Politics» приводит следующее определение манипуляции: „ manipulation is power exercised deceptively and against the putative will of its objects” [Goodin 1980, p. 8]

Сравнив определения отечественных и зарубежных исследователей, мы приходим к выводу, что манипуляция включает в себя такие свойства, как «скрытый характер», «объект воздействия», «воздействующий объект», «средства воздействия».

Лингвистика в настоящее время со своей позиции исследования рассматривает манипуляцию в контексте речевого манипулирования (языкового манипулирования).

Как отмечает О.Н. Быкова, в основе языкового манипулирования лежит психологический и психолингвистический механизм, который вынуждает адресата некритично воспринимать речевое сообщение [Быкова 1999, с. 99].

Сегодня СМИ, выступая в роли манипулятора, используют разнообразные средства языкового манипулирования. В нашем исследовании мы бы хотели отметить особую роль стилистики в системе языкового манипулирования.

Стилистика занимает особое положение в системе языкового манипулирования в СМИ. Н.Н. Оломская, Е.А. Юрова в работе «Специфика языкового манипулирования в период избирательной компании (анализ телеграм канала Donald J. Trump)» (2023г.) подчеркивают, что языковое манипулирование характеризуется особым употреблением языковых средств. Лингвисты полагают, что потенциальной воздействующей силой обладают практически все риторические фигуры, тропы и художественные средства [Оломская, Юрова 2023, с. 74].

Средства выразительности речи позволяют выстроить в сознании реципиента сообщение в особенно «ярких красках», которое будет перекрывать логику изложения, завуалированно скрывая факты и истину. Стилистические средства представляют собой отклонение от речевого стандарта, что позволяет создавать уникальные образы в языке.

В нашем исследовании мы бы хотели обратить внимание на манипулятивный потенциал таких стилистических средств, как метафора и метонимия в средствах массовой информации английских и российских медиа изданий. Материалом исследования послужили статьи, взятые из изданий: «Экспресс Газета», «Правда», «Аргументы и факты» «Гудок», «The Guardian», «The New York Times».

Манипулирование с применением метафоры. В издании «Экспресс Газета» отметим такой пример применения метафоры «*«Вечно синий, стальной взгляд»: как тяжелобольной Ален Делон выглядел незадолго до смерти*» (2.) Заголовок статьи начинается с метафоры, привлекающий внимание реципиента, апеллирует его чувствам и плавно уводит его к содержанию. Содержание заметки вводит читателя в предысторию болезни актера: *последние годы секс-символ прошлого века тяжело болел. Ален страдал от последствий двойного инсульта и боролся с лимфомой...* А заканчивается содержание спорами о наследстве внуков: *как оказалось, дети Делона затеяли спор из-за наследства задолго до его смерти. Еще в 2023 году Ален-Фабьен подал жалобу на Анушку...*

В издании «Правда» мы находим следующий пример: «*...А табачок взрость*». (1.) В заголовке присутствует «намеренная» недосказанность, что заставляет читателя обратиться к статье. Содержание статьи выступает с критикой по отношению к увеличению налогов: *с 1 сентября у граждан добавится налогов. К полноценным объектам налогообложения теперь будут отнесены такие стратегические объекты, как теплицы, бани, сараи. Про туалет типа «скворечник» даже как-то страшно спрашивать... Изменения в Налоговый кодекс голосами «партии власти» были приняты ещё около восьми лет назад, но их введение откладывалось. И вот именно сейчас, когда боевые действия шагнули в ещё один российский регион, с граждан решили, выражаясь словами покойного господина Починка, «срезать лишний жирок», причём не сильно заморачиваясь вопросом наличия того самого «жирка». Текст наполнен метафорическими выражениями, придающие особый колорит и стилистику текста, делая его максимально эмоциональным-оценочным. Автор статьи не предлагает решений, выступая с критикой власти: *Правительство РФ во главе с бывшим налоговиком таким нехитрым способом латает прохудившийся бюджет, на который, если верить телевизору, западные санкции никак не повлияли. Вздут налоги, сборы и тарифы, конечно, проще, чем развивать экономику. Олигархи тоже не хотят принимать на себя тяготы СВО и даже не прочь под шумок покруче навариться. А оплатим этот банкет в итоге мы, простые граждане, окончательно превращённые российским**

господствующим классом в податное сословие. Еще большего убеждения тексту придают фразы разговорной стилистики, такие как «прохуdivиившийся бюджет», «под шумок покруче навариться», «оплатим этот банкет мы».

В английских медиа метафора также получает широкое распространение, особенно в политической сфере. Британская газета «The Guardian» разместила статью под названием: «*Ukraine's invasion has exposed Putin's messianic vision of Russia as a mirage*». (7.) Заголовок опирается на религиозную основу ссылаясь на библейские мотивы через метафору «messianic vision». Содержание односторонне и выставляет в негативном свете президента и политику России, что является одним из признаков недостоверной информации: *Vladimir Putin's war plan was simple. Russian tanks would roll into Kyiv, while special forces seized key buildings and raised the Russian flag. The operation – to conquer Ukraine and to install a puppet government – would take around three days...*

Эффект воздействия на аудиторию достигается за счет следующих языковых средств: метафор «*great Russian reality*», «*His tactic: to bomb and steamroller towns and broken villages.*», сокращение «*Vladimir Putin*» до одного слова «*Putin*» с пренебрежительным отношением и подчеркивание значимости президента Украины через официальное вежливое обращение «*Volodymyr Zelenskiy*». Данная новость является фейком и направлена на полное искажение реальности и подрыв государственности России.

Еще один пример «*The Guardian*»: «*'Very rude': the late Queen's salty verdict on Donald Trump*». (6.) Обратим внимание на заголовок статьи, который начинается с прямой речи создающей негативный образ политика Дональда Трампа. Мы полагаем, что фраза «*salty verdict*» в данном контексте представляет собой некий фразеологизм эквивалентное в русском языке «суровый вердикт», подчеркивающее особый стиль заголовка.

Проанализируем стилистические приемы данной заметки: в колонке имя мы видим метафору «*Rude Trump*», которая сопровождается еще одной метафорой «*The Tyrant Who Came to Tea.*» усиливающей эффект воздействия. Примечательно, что колонке возраст указывается информация не имеющая никакого отношения к возрасту, которую можно рассматривать как иронию: *The former US president, Donald Trump, met the late Queen Elizabeth II on a couple of occasions: tea at Windsor Castle in 2018 ...* Сопровождение большим количеством слов, которых мы можем отнести к категории разговорных: «*Yeah, like he would know anything about that! Anyway, was it mutual, this admiration and respect?*» *Er, not so much Which says? That she found Trump "very rude". No way! Trump rude? Yeah, I know, but you might have expected him to behave for the Queen of all people.*». Неподготовленный читатель, встретив такую заметку, воспримет ее как объективную реальность, что таковым не является.

Манипулирование с применением метонимии. Стилистический прием метонимия занимает особое место в системе языкового манипулирования в СМИ и раскрывается через топонимику.

СМИ «Гудок» демонстрирует нам следующий пример: «*Россия и Китай договорились повышать объемы железнодорожных перевозок*». (3.) В заголовке показываются читателю топонимы «Россия» и «Китай» с целью продемонстрировать масштаб взаимодействия двух стран. Метонимия продолжает использоваться и в содержании статьи, подчеркивая не только глобальное взаимодействие стран, но и дружественный характер между ними: *Россия и Китай будут улучшать качество перевозок с помощью цифровизации и внедрения электронных транспортных документов.*

В британской газете «*The Guardian*» находим такой пример «*China's deadly divide-and-rule tactics in Myanmar risk shock waves across region*». (4.) Метонимия используется

в заголовке с целью выставления в негативном свете политического курса Китая в отношениях Мьянмы. Далее по тексту мы видим снова использование метонимии с целью осуждения политики страны: *Beijing is playing both sides in a state torn by brutality and chaos. And it would severely dent China's claims to regional leadership.*

В американской газете «*The New York Times*» (5.) мы обнаруживаем следующий пример: «*Russia Seeks to Turn Humbling Incursion Into Military Gains*» Топоним «*Russia*» уже в заголовке формирует отрицательное восприятие страны, что находит продолжение в содержании: *the Kremlin's forces have slowed the advance..., Russia setting up the next phase of a battle with great political stakes for both sides., Ukraine's rapid gains have also upended the global perception of a slow but unstoppable Russian march toward victory in a war of attrition., Instead of weakening the Kremlin's grip on power, the invasion may eventually cause more Russian citizens to rally around the flag, analysts said.* Отметим, что целенаправленное использование метонимии в контексте топонимики, оказывает разрушительное влияние на сознание читателя, усиливает оценку событий, полностью стирая истину и факты.

В заключении мы хотели бы отметить, что стилистические приемы оказывают сильное воздействие на читателя, а как средство языкового манипулирования СМИ способны влиять на сознание читателей. Эмоционально-оценочное восприятие информации реципиентом под воздействием таких стилистических приемов как метафора и метонимия помогает СМИ скрывать факты, избегать доказательств, недоговаривать истину.

Список литературы

1. Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Выпуск 1. Красноярск. 1999. С. 91-103.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., ЧеРо, 1997. 344 с.
3. Оломская Н.Н., Юрова Е.А. Специфика языкового манипулирования в период избирательной компании (анализ телеграм канала Donald J. Trump) // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сборник научных трудов. Кубанский государственный университет. Краснодар. 2023. С. 72-79.
4. Шейнов В.П. Манипулирование и защита от манипуляций. Спб., Питер. 2022. 384с.
5. Goodin R. E. Manipulatory politics. 1980. 255 p.
6. Van Dijk, T.A. Discourse and manipulation. *Discourse & Society*. № 17(2). 2006. P.359-383.

Список источников практического материала

1. А табачок врозь. Правда. - Режим доступа: <https://gazeta-pravda.ru/issue/90-31583-22-avgusta-2024-goda/-a-tabachok-vroz90-24/>
2. Вечно синий, стальной взгляд: как тяжелобольной Алэн Делон выглядел незадолго до смерти - Режим доступа: <https://www.eg.ru/showbusiness/4472472-kak-tyajelobolnoy-alen-delon-vyglyadel-nezadolgo-do-smerti-084-18/>
3. Россия и Китай договорились повышать объемы железнодорожных перевозок. Гудок. - Режим доступа: <https://gudok.ru/news/sport/news/kak-otkryt-kategoriud.html?ID=1677668>
4. China's deadly divide-and-rule tactics in Myanmar risk shock waves across region. The Guardian. - Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/aug/25/chinas-deadly-divide-and-rule-tactics-in-myanmar-risk-shock-waves-across-region>

5. Russia Seeks to Turn Humbling Incursion Into Military Gains. The New York Times. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/aug/25/chinas-deadly-divide-and-rule-tactics-in-myanmar-risk-shock-waves-across-region>

6. ‘Very rude’: the late Queen’s salty verdict on Donald Trump. The Guardian. - Режим доступа: <https://www.theguardian.com/uk-news/article/2024/aug/20/very-rude-the-late-queens-salty-verdict-on-donald-trump>

7. Ukraine’s invasion has exposed Putin’s messianic vision of Russia as a mirage. The Guardian. - Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/aug/17/putin-russia-ukraine-incursion-kursk>

Сведения об авторе:

Журавлев Денис Михайлович; соискатель кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет, 352685, Российская Федерация, Краснодарский край, Апшеронский район, пгт. Нефтегорск, ул. Первомайская д. 57; den.den097@mail.ru;

Zhuravlyov Denis Mikhailovich; applicant of the Department of English philology of Kuban State University, 352685, Russian Federation, Krasnodarskiy Kraj, Apsheronskiy district, urban settlement Neftegorsk, ul. Pervomayskaya 57; den.den097@mail.ru.

УДК 811.161.1:81’373.72

Фразеологические единицы в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и их соответствия в переводе на английский язык

Анна Игоревна Ильюхина¹, Наталья Валерьевна Шишкова²,

¹ Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, студент 2 курса, Владимир, Россия, anna-ilychina16@mail.ru

² Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, студент 3 курса, Владимир, Россия, shishkovanatalie@yandex.ru

Научный руководитель – Татьяна Николаевна Федуленкова³

³ Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации, доктор филологических наук, Владимир, Россия, fedulenkova@list.ru

Аннотация. В данной статье предлагаются результаты сравнительного анализа фразеологического состава романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и его англоязычного перевода, в процессе которого был выявлен тот факт, что случаи, когда фразеологизму оригинального текста соответствует полный фразеологический эквивалент в переводе или имеется аналог, сравнительно немногочисленны (37 и 22 единицы, соответственно). При передаче значения фразеологической единицы значительно чаще используется калькирование (33 единицы) и описательный перевод (56 единиц).

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологический эквивалент, аналог, калькирование, описательный перевод.

Phraseological units in L.N. Tolstoy's novel "Anna Karenina" and their correspondences in English translation

Anna I. Ilyukhina¹, Natalia Valeryevna Shishkova²,

¹Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, student, Vladimir, Russia, anna-ilychina16@mail.ru

²Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, student, Vladimir, Russia, shishkovanatalie@yandex.ru

Research advisor – Tatiana N. Fedulenkova³

³Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, professor of the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Doctor of Philology, Vladimir, Russia, fedulenkova@list.ru

Abstract. This article offers the results of a comparative analysis of the phraseological composition of L. N. Tolstoy's novel "Anna Karenina" and its English translation, during which the fact was revealed that the cases – when the phraseology of the original text corresponds to a complete phraseological equivalent in translation or there is an analogue – are relatively few (37 and 22 units, respectively). When transmitting the meaning of a phraseological unit, linguistic calques (33 units) and descriptive translation (56 units) are much more often used.

Keywords: phraseological unit, phraseological equivalent, analogue, calculus, descriptive translation.

Научная основа анализа рассказа – новые труды по текстологии [Bakina 2022, с. 212; Федуленкова 2022, с. 119; Федуленкова, Басова 2020, с. 177] и стилистике современного английского языка [Бакина 2023, с. 74; Федуленкова 2019, с. 255; Galperin 2014], а также результаты исследований по фразеологической стилистике [Кунин 1970; Naciscione 2001].

В результате сопоставительного анализа фразеологического состава романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и его англоязычного перевода, нами были выявлены следующие способы передачи устойчивых сочетаний слов средствами другого языка:

1. 37 фразеологизмов русского языка переводятся путем подбора *эквивалентной единицы* во фразеологическом составе английского языка. При этом полностью сохраняется и значение фразеологизма, и его внутренняя форма.

Приведем примеры данного типа соответствий:

(e.g. 1) *Ты, я думаю, голоден, как волк* (1, 264) – *You must be as hungry as a wolf* (с. 253); (e.g. 2) *Дела эти вместе с остальным хозяйством, оставшимся на его руках, <...>* (1, 351) – *This affairs added to the rest of the farming which remained on his hands, <...>* (с. 337).

При использовании эквивалента фразеологизм английского языка может иметь некоторые структурные отличия от фразеологизма языка оригинала, например, содержать предлог: (e.g. 3) *Мы соединены самыми святыми для нас узами любви* (2, 198) – *We are united by what for us the holiest bonds of love* (с. 619). Объясняется это особенностями грамматической системы английского языка, а именно – отсутствием развитой системы склонения существительных и, как следствие, необходимостью выражать падежные отношения, в основном, с помощью предлогов (как в первом примере или глаголов с послелогом).

С помощью эквивалентов часто передаются значения интернациональных фразеологизмов, заимствованных обоими языками из третьего языка-источника, как правило, латинского, например: (e.g. 4) *<...> для окончания самого отвлеченного и се*

спора неожиданно подсыпать **аттической соли** <...> (1, 394) - <...> *at the end of a most abstract and serious dispute unexpectedly to administer a grain of Attic salt* <...> (с. 378). Наличие полных эквивалентов также обусловливается одинаковыми или сходными условиями жизни и быта народов, общностью психологических процессов и единством мышления.

2. Передача фразеологической единицы оригинала путем подбора **аналога** в переводном языке. Данным способом передается значение 22 фразеологизмов романа. От эквивалентов аналоги отличаются тем, что тождественное значение передается в переводном языке с помощью фразеологической единицы, имеющей иную внутреннюю форму, например: (e.g. 5) *Так понимаешь этого человека, доброго, славного малого, но чиновника до глубины души* (2, 41) – *One can so well understand that man, a kind, first-rate fellow, but an official to his very backbone* (с. 470). Сопоставление показывает, что оба фразеологизма имеют значение ‘целиком, полностью’, однако в русском варианте в основе этого значения лежит образ души, а в английском – части скелета, в частности, позвоночника. (e.g. 6) *Вдруг является господин с бакенбардами колбасиками, красный, как рак, объявляет, что в доме никто не живет, кроме его жены, и выгоняет обоих* (1, 135) – *Suddenly a gentleman with sausage-shaped whiskers, and as red as a lobster, announces that no one but his wife lives in that flat and turns them both out...* (с. 128). В данном случае оба фразеологизма имеют форму сравнения, однако в русском языке красный цвет сравнивается с цветом рака – типичного для России обитателя рек и озер, а в английском – омара, представителя морской фауны, ведь Великобритания со всех сторон окружена морями, а пресные водоемы занимают всего один процент всей территории страны.

Отличия внутренней формы фразеологизмов русского и английского языков объясняются не только языковыми случайностями и когнитивно обусловленными несовпадениями между сравниваемыми языками, но и своеобразием природы, климата, образа жизни русских и англичан, что находит отражение в языковой картине мира каждого из народов.

В случае использования этого типа соответствий фразеологические единицы сохраняют свою основную форму (предложения переводятся предложениями, словосочетания – словосочетаниями), однако в структуре фразеологизмов английского языка могут наблюдаться некоторые изменения, например: (e.g. 7) – *В гостях хорошо, а дома лучше, – отвечал он ей и прошел в кабинет* (1, 98) – ‘<...> **there is no place like home**’, – *he replied and went into his study* (с. 91). В русском языке пословица имеет форму сложносочиненного предложения, в английском языке – простого.

3. Часть фразеологизмов в тексте перевода воспроизведена с помощью **калькирования** (33 единицы). При этом фразеологические единицы оригинала дословно переданы средствами английского языка, например: (e.g. 8) *Ведь кто со мной садится – тоже хочет оставить меня без рубашки, а я его* (2, 321) – *You see, he who sits down to play against me, wishes to leave me without a shirt, and I treat him the same* (с. 738). Существенных отличий в структуре и семантике фразеологизмов языков оригинала и перевода при дословной передаче не наблюдается.

Отметим, что передача фразеологических единиц оригинала посредством калькирования не всегда объясняется отсутствием соответствующего устойчивого оборота в переводном языке. Например, у русского фразеологизма *соловья баснями не кормят* ((e.g. 9) – *Я заехал еще привезти тебе денег, так как соловья баснями не кормят, – сказал он* (1, 212)) существует аналог *Fair words butter no parsnips*, однако в английском варианте исследуемого романа данная фразеологическая единица воспроизведена дословно (*‘I also came to bring you some money, since “nightingales are not fed on fables”, – he added’* (с. 203)). Такого рода предпочтение объясняется или

несоответствием стилистического характера фразеологизмов, или переводчик просто не нашел нужного фразеологизма.

4. При передаче 56 фразеологических единиц в исследуемом материале использован *описательный перевод*. В подобных случаях фразеологизмы русского языка передаются в языке перевода с помощью свободных сочетаний слов самой разнообразной структуры, теряя при этом большую часть коннотаций. Можно предположить, что в языке перевода не был найден равный по своим понятийным, эмоционально-экспрессивным и стилистическим характеристикам фразеологизм, а прием калькирования был неуместен. Иллюстрациями данного типа соответствий могут служить следующие примеры: (e.g. 10) – *Да, но если б он не **по воле** матери, а просто, сам?.. – говорила Кити <...> (1, 229) – ‘Yes, but if it had not been **his mother’s doing**, but his own?’ she said <...> (с. 218); (e.g. 11) *И если думаешь, что ты унизишься, так **вот бог, а вот порог** (1, 92) – ‘And if you fear you will be degraded – **there is the door**’ (с. 85);**

Довольно часто в тексте перевода используются однословные соответствия, например: (e.g. 12) *Константин Левин чувствовал себя нравственно **припертым к стене** (3, 252) – Constantine felt himself morally **cornered** (с. 240);*

Подводя итоги нашим наблюдениям, отметим, что случаи, когда фразеологизму оригинала романа соответствует полный фразеологический эквивалент в переводе или имеется аналог, сравнительно немногочисленны. Это вполне естественно, так как в самих фразеологических системах сопоставляемых языков таких эквивалентов не так уж много. Несмотря на то, что наибольшая равноценность в воссоздании фразеологии оригинала при переводе достигается именно при использовании эквивалентов и аналогов, гораздо чаще используются калькирование и описательный перевод, в том числе – однословные соответствия. Объясняется это, как правило, отсутствием в английском языке соответствующего устойчивого оборота или иной эмоционально-экспрессивной и стилиевой маркировкой фразеологизма, значительно отличающейся от подлинника. Тематика используемого при переводе оборота, будь то устойчивое сочетание слов или свободное, сохраняется, так как переводчик прежде всего старается передать смысл высказывания.

Перспектива данной работы видится в продолжении исследования с целью разработки лингвокультурологического комментария к употреблению фразеологических единиц в тексте романа «Анна Каренина» для англоязычных читателей.

Список литературы

1. Кунин А. В. Английская фразеология. Теоретический курс. – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.
2. Бакина А. Д., Федуленкова Т. Н. Простые и сложные окказиональные преобразования библейских фразеологизмов в произведениях В. Шекспира // Вестник САФУ. 2023. Т. 23, № 4. С. 74–82. DOI: 10.37482/2687-1505-V275.
3. Федуленкова Т. Н. Вопросы композиции текста // Вестник САФУ. – 2022. – Т. 22. – № 6. – С. 119–123.
4. Федуленкова Т. Н. Инновационная концепция стилиевой // Вестник ЧерГУ. – 2019. – №5(92). – С. 255–261.
5. Федуленкова Т. Н., Басова Т. А. Лингвистика текста и его категории в концепции И. Р. Гальперина // Известия ЮЗГУ. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 177–183.
6. Bakina A. D. The Bible as a Precedent Text to Shakespeare’s Plays // Book of Proceedings. Tenth international conference on language and literary studies “Language, literature and future”. Belgrade: Alfa bk university, 2022. – Pp. 212–221.
7. Galperin I. R. English Stylistics. – М.: Krasand, 2014. – 336 p.

8. Naciscione A. S. *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics*. – Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. – 283 p.

Список использованных источников

9. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. – М.: Альпина. Проза, 20223. – 744 с.

10. Leo Tolstoy. *Anna Karenina* / Introduction and notes by E.B. Greenwood. Translated by Louise & Aylmer. – University of Kent at Canterbury, 2009. – 813 с.

Сведения об авторах:

Ильюхина Анна Игоревна; студент 2 курса, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, 600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, д. 87; anna-ilychina16@mail.ru;

Ilyukhina Anna Igorevna; 2nd year student, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, 600000, Russian Federation, Vladimir, Gorky str., 87; aanna-ilychina16@mail.ru;

Шишкова Наталья Валерьевна; студент 3 курса, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, 600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, д. 87; shishkovanatalie@yandex.ru

Shishkova Natalia Valeryevna; 2nd year student, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, 600000, Russian Federation, Vladimir, Gorky str., 87; shishkovanatalie@yandex.ru

Научный руководитель – Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, 600000, Российская Федерация, Владимир, ул. Горького, д. 87; fedulenkova@list.ru;

Research Advisor – Fedulenkova Tatiana Nikolaevna Doctor of Philology, Professor, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, 600000, Russian Federation, Vladimir, Gorky str., 87; fedulenkova@list.ru

УДК 81'373

Функционирование библеизмов в текстах современного дискурса

Мария Андреевна Мартынова¹, Анна Дмитриевна Бакина²

¹ Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, студент 1 курса магистратуры, кафедра английской филологии, Орёл, Россия, mariamartynovatyty@yandex.ru;

² Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, доктор филологических наук, Орёл, Россия, heart-anna@yandex.ru.

Аннотация. В статье обсуждается проблема функционирования библеизмов в текстах художественного дискурса. Актуальность исследования библеизмов и их функций обусловлена вновь возобновившимся интересом к изучению специфики библейской лексики в аспекте ее семантики и прагматики функционирования. Библеизмы выполняют ряд константных и переменных функций, что обуславливается

их структурой, семантикой, связью с библейским текстом или сюжетом, а также вариативностью.

Ключевые слова: библеизм, библейский фразеологизм, коммуникативный библейский фразеологизм, дискурс, функция.

Functioning of biblicisms in modern discourse

Maria A. Martynova¹, Anna D. Bakina²

¹ Oryol State University named after I.S. Turgenev, 1st year Master's degree student, Chair of English Philology, Institute of Foreign Languages, Oryol, Russia, Mariamartynovatyty@yandex.ru;

² Oryol State University named after I.S. Turgenev, Associate Professor, Head of the Chair of English Philology, Doctor of Philology, Oryol, Russia, heart-anna@yandex.ru.

Abstract. The article delves into the problem of functioning of biblicisms in the texts of fiction. The relevance of the study of biblicisms and their functions is conditioned by the renewed interest in the study of the specificity of the biblical lexicon in the aspect of its semantics and functioning pragmatics. Biblical terms fulfill a number of constant and variable functions, which is conditioned by their structure, semantics, connection with the biblical text or plot, as well as variability.

Keywords: biblicism, biblical phraseological unit, communicative biblical phraseological unit, discourse, function.

Наша культура пропитана христианством. Библия – это не только языковое отражение сути христианства, но и элемент, объединяющий европейские культуры. Библейские сюжеты, а за ними библеизмы, используются авторами для создания литературных произведений, а также, педагогами – для формирования нравственных ценностей и культурного багажа при обучении языку.

В структуре и семантике используемых библейских выражений часто наблюдаются основные признаки коммуникативных фразеологических единиц [Кунин 1996]. Цитаты и выражения из Библии отличаются частой воспроизводимостью, устойчивостью, узуальностью и принадлежностью к номинативно-коммуникативной системе языка.

Сегодня фразеологические единицы библейского происхождения активно исследуются такими лингвистами, как О. Б. Абакумова [2021], З. К. Адамия [2019], А. Д. Бакина [2021], В. Г. Гак [1997], К. Н. Дубровина [2010], В. И. Карасик [2023], А. В. Кунин [1996], В. М. Мокиенко [2009], Т. Н. Федуленкова [2016], Р. Voitani [1999], S. Fiedler [2013], W. Mieder [2018], J. Parad [2003], H. Walter [2009] и др.

В ходе исследования были рассмотрены особенности употребления фразеологизмов библейской этимологии в английском и русском языках. Одной из задач нашего исследования является создание инструмента, позволяющего грамотно интерпретировать употребление того или иного коммуникативного фразеологизма библейской этимологии с учетом дискурса. Кроме того, были проанализированы структурные характеристики коммуникативных фразеологизмов библейской этимологии, что позволяет сделать их использование осознанным и мотивированным.

Актуальность исследования связана с повышенным интересом лингвистов к феномену библейской фразеологии, а также с необходимостью исследования структурно-семантических и функциональных характеристик коммуникативных фразеологизмов библейской этимологии английского и русского языков.

При анализе фразеологизмов библейской этимологии были выделены следующие черты:

- прямая или косвенная связь с Библией и библейскими сюжетами;
- метафоричность;
- частая интернациональность;
- разное время и способы образования;
- наличие окказиональных образований;
- наличие стилистической окраски;
- полифункциональность.

А. В. Кунин отмечает, что в современном английском языке можно отметить два структурно-семантических типа фразеологизмов библейской этимологии – номинативный и коммуникативный [Кунин 1996].

К номинативным единицам относятся словосочетания и фразеологические обороты с различными доминантными частями речи (субстантивные, адъективные, адвербиальные, глагольные и с частично предикативной структурой). Коммуникативные фразеологизмы – фразеологизмы, являющиеся предложениями (поговорки и пословицы).

Пословицы – афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме, они заключают в себе совет, суждение, поучение, притчу. Например, *Let this cup pass from me.* – *Да минует меня чаша сия*; *A living dog is better than a dead lion.* – *Живая собака лучше мертвого льва*.

Поговорки – это коммуникативные фразеологизмы непословичного характера, им не свойственна директивная, назидательно-оценочная функция. Например, *He who does not work, neither should he eat.* – *Кто не работает, тот не ест*; *For everything there is a season.* – *Всему свое время*.

Второй тип библейских фразеологизмов из классификации А. В. Кунина представляет для нас особый интерес, так как библейские фразеологизмы коммуникативного типа, представляя собой единицы с коммуникативной структурой и будучи по форме пословицами, более всех остальных фразеологизмов библейского происхождения отражают суть Библии и описанное в ней мировоззрение.

Мы выделяем целый ряд константных и переменных функций коммуникативных фразеологизмов библейского происхождения, из которых отметим следующие:

- экспрессивно-номинативная функция;
- функция реминисценции;
- функция цитации;
- функция ситуативно-смысловой компрессии;
- стилеобразующая функция;
- стилистическая функция (эмоционально-экспрессивная функция; оценочная; экспрессивно-образная функция; экспрессивная функция (с ироническим подтекстом); функция гиперболизации);
- композиционная функция;
- прагматическая функция;
- функция смягчения ситуации;
- функция сокрытия истинных чувств и намерений;
- сравнительно-уподобительная функция.

При анализе функционирования коммуникативных фразеологизмов библейской этимологии было отмечено, что, обладая экспрессивно-номинативной функцией, библейские фразеологизмы, имеющие в своем составе антропимы и топонимы, способны выразительно передать событие или ситуацию, описать объект, явление или действие. Например: *Found it depressing that they all had ambitions to go to Manila to look*

for work when they were older – taking a one-way ticket from the **garden of Eden to Sodom and Gomorrah**. The capital is a sad, grimy, vice-ridden place, quite unlike the innocence and friendliness of the real Philippines, in places such as Dapitan (BNC) / Удручало, что все они мечтали уехать в Манилу в поисках работы, когда подрастут, – билет в один конец из райского сада в Содом и Гоморру. Столица – грустное, мрачное, погрязшее в пороках место, совсем не похожее на невинность и дружелюбие настоящих Филиппин, в таких местах, как Дапитан.

Коммуникативные фразеологизмы, используемые для убеждения и воздействия, часто цитируются дословно, реализуя тем самым свою цитатную функцию. Например: 1) *“Alles hat seine Zeit”*, hatte Merkel kurz zuvor bereits auf die Frage geantwortet, warum ein derartiger Kompromiss zwischen ihr und Seehofer denn nicht schon früher möglich gewesen sei (DWDS Textkorpora) / «Всему свое время», – ответила Меркель незадолго до этого на вопрос, почему такой компромисс между ней и Зеехофером не был возможен раньше. 2) *Everywhere I look there is anticipation of a chocolate candy bar awaiting me. But then again, I am a simple woman. Jesus accurately stated, “Seek and ye shall find”*. And whilst he was not speaking of confirmation bias it does seem that if we seek the good in people it is to be found / Куда бы я ни посмотрела, везде меня ожидает шоколадная конфета. Но, опять же, я простая женщина. Иисус точно сказал: «Ищите, и вы найдете». И хотя он не говорил о предвзятости, похоже, что если мы ищем в людях хорошее, то оно обязательно найдется (NOW).

Некоторые библейские фразеологизмы приобретают стереотипный характер, часто воспроизводясь в текстах художественного дискурса. В таком случае можно выделять несколько функций фразеологических единиц – стилистическую, композиционную и прагматическую.

Стилистическая функция заключается в создании в тексте яркости, эмоциональности и насыщенности, то есть в эмоциональном воздействии на реципиента. Фразеологические единицы библейского происхождения актуализируют эстетическую функцию любого текста. Это не только играет важную роль в интерпретации и понимании сюжета или идеи, но и оказывает воздействие на аудиторию с помощью своей образности. Кроме того, библейские фразеологизмы могут выступать как средство организации композиции высказывания: *The reporters, of course, were spellbound and lugging too much equipment to interfere. The lord works in mysterious ways. The camerlengo could hear the others behind him now... see them on the screens, closing in (BNC)*.

Прагматическая функция актуализирует субъекта речи и адресат речи. Употребление библейского фразеологизма способствует иллюкутивной силе речевого акта. Они придают высказыванию дополнительные оттенки смысла, отражая, например, отношение к кому-либо или же к чему-либо.

Многие библейские фразеологизмы характеризуются неспособностью при полном сохранении формы, также сохранить и целостность исходного содержания-намерения. Функциональной доминантой данных языковых единиц стало их употребление не в высоком или нейтральном контексте, а в юмористическо-иронических контекстах.

В ситуации смешения бытового, неофициального, разговорного стиля контекстного окружения и фразеологизма «высокого стиля» (например, с архаичными элементами и т.п.), фразеологизмы библейского происхождения могут придавать ироничную окраску. И в этой ситуации мы выделяем стилеобразующую функцию: *“Let us haste – let us gird up our loins – let us flee!” (BNC)*.

Считаем необходимым также выделить еще одной немаловажной функции библейских фразеологизмов – функции реминисценции. Данная функция формируется на основании принадлежности текста Библии, источника библейских фразеологических единиц, к прецедентным текстам. Отсылки к ее сюжетам встречаются в большинстве

произведений и современной коммуникации. Эту функцию еще называют функцией референции. Маркерами референциальной функции являются скрытые или открытые реминисценции и аллюзии: *Forbidden fruit is the sweetest / Запретный плод сладок (BNC)*.

Суммируя вышесказанное, необходимо отметить множественность, иерархичность и simultанность функционального аспекта библейской фразеологической подсистемы. При всем многообразии имеющихся функций ведущей функцией библейских идиоматических выражений является экспрессивно-номинативная функция, инкорпорирующая элемент оценочности.

При анализе коммуникативных фразеологизмов библейской этимологии мы рассмотрели их семантические особенности, что позволило выделить наиболее частотные темы, затрагиваемые при употреблении фразеологизмов в речи (письменной или устной).

Тема	Фразеологизм
Любовь	<ol style="list-style-type: none"> 1. Love thy neighbor as thyself [Mark 12:31]. 2. Hatred stirs up conflict, but love covers over all wrongs [Proverbs 10:12]. 3. God has poured out His love into our hearts [Romans 5:5]. 4. Above all, love each other deeply, because love covers over a multitude of sins [1 Peter 4:8].
Дружба	<ol style="list-style-type: none"> 1. Evil communication corrupt good manners [1 Corinthians 15:33]. 2. David and Jonathan [II Samuel 1:26]. 3. A loyal friend is like a safe shelter; find one, and you have found a treasure [Sirach 6:14]. 4. For where two or three are gathered together in my name, there am I in the midst of them [Matthew 18:20].
Честь (честность)	<ol style="list-style-type: none"> 1. The truth will set you free [John 8:32]. 2. Whoever walks in integrity walks securely [Proverbs 10:9].
Страдание	<ol style="list-style-type: none"> 1. The golden bowl is broken [Ecclesiastes 12:6]. 2. One's cup is filled (full, full to the brim, overflowing or running over, one's cup is running over) [Psalms 23:5].
Справедливость	<ol style="list-style-type: none"> 1. God shows no partiality [Deuteronomy 10:17-18]. 2. Defend the fatherless and oppressed [Psalm 10:17-18]. 3. The Lord loves justice [Psalm 33:5].
Изменчивость бытия	<ol style="list-style-type: none"> 1. Can the Ethiopian change his skin? [Jeremiah 13:23-24].
Мудрость	<ol style="list-style-type: none"> 1. Do not cast your pearls before swine [Matthew 7: 6]. 2. You can't put new wine into old bottles [Matthew 9: 17]. 3. Do as you would be done by [Luke 6:31].
Судьба	<ol style="list-style-type: none"> 1. For I know the plans I have for you, declares the Lord, plans to prosper you and not to harm you, plans to give you hope and a future [Jeremiah 29:11]. 2. The steps of a good man are ordered by the Lord [Psalm 37:23].
Вера	<ol style="list-style-type: none"> 1. Faith will have mountains. 2. The Lord, the Lord, a God merciful and gracious, slow to anger, and abounding in steadfast love and faithfulness... [Exodus 34:6]. 3. Now faith is confidence in what we hope for and assurance about what we do not see [Hebrews 11:1]. 4. For we walk by faith, not by sight [2 Corinthians 5:7].

Таким образом, функциональный анализ коммуникативных библейских фразеологических единиц выявил наличие многообразия функций библейских фразеологизмов, составляющих особенный пласт фразеологии, что объясняется фактом неразрывной связи с библейским источником и обуславливает частотное использование в разных дискурсивных типах и жанрах. Выразительные возможности коммуникативных БФ определяются семантикой компонентного состава. Важную роль в интерпретации семантики единицы играет контекст, в котором проявляются интенции, заложенные автором текста. В ходе исследования функционирования библеизмов учитывались их ингерентные свойства, специфика семантической структуры и способность к варьированию.

Список литературы

1. Абакумова, О. Б. Библейские фразы и их трансформы – русские и английские пословицы как отражение лингвокультуры / О.Б. Абакумова // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение, Орёл. – Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2021. – С. 88–101.
2. Адамия З. К. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. – Т. 1 : А–О / авт.сост.: [и др.] ; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019а. – 288 с.
3. Адамия З. К. Лепта библейской мудрости : русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках : в 2 т. – Т. 2 : П–Я / авт.сост.: [и др.] ; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019б. – 308 с.
4. Бакина А. Д. Библизмы vs Библейские фразеологизмы: уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. №6. С.35-43.
5. Гак В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1997. – № 5. – С. 55–65.
6. Дубровина К. Н. Дубровина, К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К.Н. Дубровина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.
7. Карасик В. И. Языковое преобразование реальности : монография / В. И. Карасик. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – 500 с.
8. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
9. Федулёнок Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учебное пособие / Т. Н. Федулёнок. – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016. – 146 с.
10. Boitani P. The Bible and its rewritings / P. Boitani. – trans. by A. Weston. – Oxford, New York: Oxford University Press 1999. – 231 p.
11. Fiedler S. Phraseological Units of Biblical Origin in English and German // Research on Phraseology Across Continents. – 2013.
12. Mieder W. “It’s a Small World”: From Widespread Idioms to Widespread Proverbs // Modern Phraseology Issues: Monograph in Memory of Elisabeth Piirainen / T. Fedulenkova (ed.). Arkhangelsk; München, 2018. – P. 74-97.
13. Parad J. Biblische Verbphraseme und ihr Verhältnis zum Urtext und zur Lutherbibel / J. Parad. – Frankfurt am Mein. – 2003. – 463 S.

14. Walter H., Mokienko V. M. Deutsche-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren. – Greifswald : E. M. A.-Universität, 2009 – 199 S.

Список источников практического материала

1. Библия. Синодальный перевод. URL: <https://bible.by/syn> (дата обращения 10.08.2024).
2. King James Bible. URL: <https://www.kingjamesbible.me> (дата обращения 10.08.2024).
3. British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org> (дата обращения 10.08.2024).

Сведения об авторах:

Мартынова Мария Андреевна; студент 1 курса магистратуры, институт иностранных языков, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, Mariamartynovatyty@yandex.ru;

Martynova Maria Andreevna; 1st year Master's degree student, the Chair of English Philology, Institute of foreign languages; Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation.

Бакина Анна Дмитриевна; доктор филологических наук, доцент, зав. каф. английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, Heart-anna@yandex.ru;

Bakina Anna Dmitrievna; Doctor of Philology, the Head of the Chair of English Philology, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation; Heart-anna@yandex.ru.

УДК 81

Стилистические особенности перевода предлогов места *à / DANS / EN* во французском языке

Виктория Сергеевна Рыбакина

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, студентка 5 курса, Брянск, Россия, rybakiny@gmail.com

Аннотация: В данной статье рассматриваются стилистические особенности самых распространённых предлогов места во французском языке — *à*, *dans* и *en*. Автор описывает специфику употребления этих предлогов на французском языке и выявляет основные варианты перевода на русский язык. В работе приводятся примеры, демонстрирующие стилистические оттенки, которые необходимо учитывать при переводе.

Ключевые слова: предлоги места *à / dans / en*, стилистические особенности, перевод, значение, французский язык

Stylistic features of prepositions of place *à / dans / en* in French

Victoria S. Rybakina

Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, student, Department of French, Bryansk, Russia, rybakiny@gmail.com

Abstract: This article examines the stylistic features of the most common prepositions of place in the French language — *à*, *dans* and *en*. The author describes the specifics of the use of these prepositions in French and identifies the main translation options into Russian. The paper provides examples demonstrating stylistic nuances that must be taken into account when translating.

Keywords: prepositions of place *à* / *dans* / *en*, stylistic features, translation, meaning, functions

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более детального изучения грамматики с учётом стилистических особенностей одних из наиболее распространённых предлогов французского *à*, *en* и *dans*, использование которых может поменять смысл высказывания.

Целью данной статьи является анализ стилистических особенностей перевода на русский язык предлогов места *à*, *en* и *dans* с помощью примеров на французском языке.

В качестве материала были использованы грамматические пособия по французскому языку, толковые словари и актуальные сведения об использовании предлогов *à*, *en* и *dans* в современном французском языке.

В ходе исследования автор применил метод компонентного анализа и сопоставительный метод.

Любой язык представляет собой систему, элементы которой неразрывно взаимосвязаны. Особое место в языке занимает грамматическая система, отвечающая за строй языка, где у каждого слова есть связь с другими частями предложения [Немченко 2008, с. 385]. Иногда чтобы организовать более сложные связи необходимо использовать предлоги, но многие изучающие французский язык как иностранный затрудняются в их выборе, особенно когда их дефиниция практически идентична.

Одними из таких предлогов являются предлоги указания места *à*, *en* и *dans*, будучи распространёнными во французском языке, могут не предоставлять никаких неудобств при разговоре и переводе, если говорящий знает основные общие правила их использования [Grégoire, Kostucki 2022, с. 10].

Так, предлог *à* обозначает:

1. Направление/указание на место в общем: *Je vais à l'école*;
2. Известное, конкретное место: *au garage*, *au magasin*;
3. Указание на город: *à Moscou*, *à Paris*;
4. Указание на страны м.р. и/или мн. ч.: *au Portugal*, *aux États-Unis* [Там же].

Однако при указании места, выраженного нарицательным существительным, могут использоваться и другие предлоги: *en* и *dans*. Сравним три предложения [4, электронный ресурс]:

Je suis à la cuisine.
Je suis dans la cuisine.
Je suis en cuisine.

Все предложения легки и верны по своей грамматической структуре, однако имеют разную смысловую нагрузку и, соответственно, будут переводиться по-разному. В первом случае предлог *à* указывает на функцию, т.е. 'место, где готовят'. Во втором случае предлог *dans* более точен и уже указывает на 'конкретную комнату, пространство'. А предлог *en* представляет профессиональную составляющую человека,

часть его жизни — ‘место его пребывания, работы’ [Grégoire, Kostucki 2022, с. 10]. Изучив разницу их значений, мы можем перевести предложения выше следующим образом:

Я на кухне.

Я в кухне.

Я работаю поваром.

Приведём ещё один пример, демонстрирующий разницу между *à* и *dans* [Там же]:
Je suis à la boulangerie. — ‘à l’endroit où l’on vend / achète du pain’ — Я в булочной.
Je suis dans la boulangerie. — ‘dans le bâtiment où se trouve la boulangerie’ — Я у булочной.

А также приведём ещё один пример разницы между *à* и *en* [4, электронный ресурс]:
Michel est à la prison. — ‘il vient à l’endroit où sont assis les prisonniers’ — Мишель работает/навещает кого-либо в тюрьме.

Michel est en prison. — ‘son lieu de résidence’ — Мишель сидит в тюрьме.

Итак, на примерах можно увидеть градацию точности указания места, от самого обобщённого до самого точного предлога указания места *en* — *à* — *dans*.

Отметим, что такие различия можно наблюдать и в английском языке. Например [1, электронный ресурс]:

I’m in hospital. — Я лежу в больнице.

I’m at hospital. — Я у врача/Я работаю в больнице.

Интересно то, что появление предлога *dans* можно проследить, используя неопределённый артикль, описательные и притяжательные прилагательные. Сравним [Grégoire, Kostucki 2022, с. 10]:

Je suis au café. — Я в кафе (известном собеседнику).

Je suis dans un café. — Я в кафе (неопределённое кафе, в каком-то здании).

Je suis dans un petit café. — Сажу в маленьком кафе (описание места).

Je suis dans mon lit. — Я в постели (описание с помощью притяжательного прилагательного).

Таким образом, несмотря на наличие определённых грамматических правил, использование предлогов места *à*, *en* и *dans* обусловлено тонкими стилистическими особенностями, которые необходимо учитывать при переводе. Так, предлог *à* чаще всего указывает на конкретное место, выполняющее какую-либо функцию, *dans* — на физическое место пребывания, а *en* — чаще всего связано с профессиональной деятельностью или с тем, чем связана жизнь человека.

Из исследования видно, что буквальный перевод текстов, содержащих в себе предлоги места, не всегда передаёт смысл оригинала. Зачастую такие предложения требуют гибких переводоведческих решений, знания стилистических особенностей грамматики и зависят от контекста. Данная проблематика требует более глубокого изучения и систематизации с целью выработки эффективных переводоведческих стратегий.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в практике преподавания французского языка, а также в работе профессиональных переводчиков.

Список литературы

1. Немченко В.Н. Введение в языкознание : учебник для вузов / В.Н. Немченко. — М. : Дрофа, 2008. — 703.
2. Maïa Grégoire, Alina Kostucki Grammaire Progressive du Français avec 600 exercices / Niveau perfectionnement, — CLE International. — 291 p., 2022
3. Употребление предлогов: dans, sur, en, à. Интернет-ресурс: <https://french-online.ru/dans-sur-en-a/> (дата обращения: 31.08.2024)

4. I'm at hospital *or* I'm in hospital ? Интернет-ресурс: <https://textranch.com/c/im-at-hospital-or-im-in-hospital/> (дата обращения: 31.08.2024)

Сведения об авторе:

Рыбакина Виктория Сергеевна; студентка 5 курса кафедры французского языка, Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского, 241036, Российская Федерация, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14; rybakiny@gmail.com;

Rybakina Victoria Sergeevna; 5th year student of the Department of French, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, 241036, Russian Federation, Bryansk, Bezhitskaya str., 14; rybakiny@gmail.com

УДК 81

К вопросу об этимологии слова «невеста»

Елизавета Олеговна Рыжкова

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, студент 5 курса, кафедра английской филологии, Орёл, Россия elizavetagusdtkova7@gmail.com

Научный руководитель: Анна Дмитриевна Бакина

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, доктор филологических наук, Орёл, Россия, heart-anna@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается этимология слова «невеста»: его происхождение и значение в контексте славянских языков. С помощью анализа различных версий, в статье были выявлены объясняющие корни данного слова, начиная с древнеславянского *nevěsta*, которое образовано от сочетания отрицательной частицы «не» и слова «веста». Также рассматриваются альтернативные теории, связывающие слово «невеста» с традициями поиска невест в других деревнях и с древнеримской богиней Вестой. В статье упоминается, что слово имеет широкое распространение в славянских языках и сохраняет свое значение с XI века, когда впервые зафиксировано в русском языке. Подчеркивается важность понимания культурных и исторических контекстов, связанных с этим словом, а также его семантические изменения на протяжении веков. Статья представляет интерес для лингвистов и культурологов, исследующих развитие языковых единиц и их связь с социокультурными традициями.

Ключевые слова: невеста, этимология, теория происхождения, корень, современное использование, древнеславянское происхождение, значение.

On the Question of the Etymology of the Word “Невеста/Nevesta/Bride”

Elizaveta O. Ryzhkova

Orel State University named after I.S. Turgenev, 5th-year student, Department of English Philology, Orel, Russia elizavetagusdtkova7@gmail.com.

Research Advisor: Anna D. Bakina

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Associate Professor, Head of the Chair of English Philology, Doctor of Philology, Oryol, Russia, heart-anna@yandex.ru.

Abstract: The article examines the etymology of the word “невеста/nevesta/bride”, its origin and meaning in the context of Slavic languages. Through the analysis of various versions, the article identifies explanations for the roots of this word, starting from the Old Slavic *nevěsta*, which is formed from the combination of the negative particle “ne” and the word “věsta”. Alternative theories are also discussed, linking the word “невеста/nevesta/bride” to traditions of seeking brides in other villages and to the ancient Roman goddess Vesta. The article notes that the word has a wide distribution in Slavic languages and has retained its meaning since the 11th century, when it was first recorded in Russian. The importance of understanding the cultural and historical contexts associated with this word, as well as its semantic changes over the centuries, is emphasized. This article is of interest to linguists and cultural researchers studying the development of linguistic units and their connection to socio-cultural traditions.

Keywords: “невеста/nevesta/bride”, etymology, theory of origin, root, modern usage, Old Slavic origin, meaning.

Любая семья первоначально состоит из двух человек – мужа и жены. В древнеславянском языке слово «жена» не всегда обозначало замужнюю девушку, это общеславянское слово индоевропейской группы, когда-то имевшее значение «женщина». В слове «жена» можно вычленить индоевропейский корень *gen-*, означающий «род» [Рут 2005]. Аналогично этот корень присутствует в словах «генетика», «ген» и «генофонд». Из этого логически можно предположить, что «жена» означает «продолжательница рода», то есть гена, «рожающая детей». Поэтому «жена» могла быть любая девушка, достигшая замужнего и детородного возраста. Но кто такая невеста? Как этимологически можно объяснить происхождение этого слова? Единого, общепринятого заключения по этому слову не дает ни один этимологический словарь. В любом словаре всегда присутствует приписка в виде: «Существует еще несколько этимологий этого слова». В данной работе был проведен анализ этимологических словарей и были выявлены наиболее часто встречающиеся теории возникновения слова «невеста».

В толковом словаре Ефремовой, «невеста – это девушка или женщина, вступающая в брак, в переносном значении – девушка, достигшая брачного возраста» [Ефремова 2000]. В толковом словаре Кузнецова, «невеста -ы; ж. 1. Девушка или женщина, вступающая в брак, имеющая жениха. Найти себе невесту. Моя н. — Ирина! 2. О девушке, женщине, намеревающейся выйти замуж. Разборчивая, богатая н. Ходить в невестах. // Разг» [Кузнецов 2000, с. 614]. В толковом словаре Ожегова, «НЕВЕСТА, ы, ж. Девушка или женщина, вступающая в брак, а также (разг.) девушка, достигшая брачного возраста. Жених и н. У неё уже дочери невесты. • Христова невеста (устар. разг.) о монашенке» [Ожегов, Шведова 2000, с. 996]. Эти значения очень схожи с тем представлением, которое существует сейчас в современном русском языке, о том, что невеста – девушка, выходящая замуж.

Данный статус она имеет с момента обручения до дня свадьбы. В древности этот период длился недолго, но все же, девушке требовалось время, чтобы «оплакать» себя. Считалось, что таким образом невеста смывала с себя всё свое прошлое, оплакивала свою девичью красу, покидала отчий дом, прощалась с прежним укладом жизни, умирала и перерождалась абсолютно чистой и невинной, чтобы вступить в брак и начать жизнь с нового белого листа.

Одна из теорий происхождения слова «невеста» сосредоточена вокруг Весты. Веста – (классическая латынь: [*ˈwes.ta*]) – девственная богиня очага, дома и семьи в римской религии. Ее редко рисовали в человеческом облике, поэтому почти не осталось ее изображений. Чаще всего она представлялась огнем своего храма. Вход в ее храм был доступен только жрицам – девственницам-весталкам или весталкам (латынь: *Vestālēs*,

единственное число *Vestālis* [westaːlis]). Весталки представляли собой совершенно удивительное, непохожее на любое другое общественное духовенство. Их отбирали до достижения половой зрелости из нескольких подходящих кандидаток. Они были освобождены от каких-либо юридических уз и обязательств перед своей биологической семьей и зачислены в жреческий колледж Весты из шести жриц. Ими руководила старшая весталка, но выбирал и управлял ведущий священник-мужчина Рима, Верховный понтифик (в имперскую эпоху это означало императора). Весты или весталки клялись служить соей богине не менее тридцати лет, изучать и практиковать ее обряды на службе Римскому государству и повсюду сохранять свое целомудрие [Вергилий, Энеида 1979].

Слово «невеста», как и «жена», является общеславянским. Славяне, как известно, это не только русские, белорусы и украинцы, кроме них существуют также западные и южные. В русском языке присутствует много слов латинского и греческого происхождения, пришедших от южных славян, которые плотно контактировали с греками и римлянами. В словах «Веста» и «невеста» прослеживается прямая связь: «невеста» означает «не Веста», то есть не служительница богине Весте с обетом безбрачия, а девушка, которая готова и хочет вступить в брак.

Другая этимология слова «веста» гласит, что это слово происходит от общеславянского слова «весть». «Весть» в этимологическом словаре Крылова Г.А. – «образованное от основы *вѣд-* (вѣдѣти — «знать»); изначальное *дт* упростилось в *ст*» [Крылов 2005, с. 65]. «Весть» в этимологическом словаре Фасмера М. – «ж., др.-русск., ст.-слав. *вьсть* ж. *акоћ*, словен. *vêst* «знание», чеш. *věst* ж., польск., *wieść*. Из **vĕd-tь*; ср. *ведать*» [Фасмер 1986, с. 304]. «Весть» в этимологическом словаре Шанского Н.М. – «общеслав. Образовано с помощью суф. -ть от той же основы, что и *ведать* «знать»: *дт > тт > ст* в результате ассимиляции и упрощения групп согласных в дописьменную эпоху. Буквально — «знание» (> известие)» [Шанский 1971, с. 77].

Тогда следует, что «веста» – это мудрая девушка, сведущая и владеющая искусством вести хозяйство и быть послушной женой. Также, она осведомлена, как в будущем быть хорошей мамой. Она знает все подводные камни супружеской жизни. До восьми лет в древней Руси воспитание мальчиков и девочек никак не отличалось. Они даже носили одну и ту же одежду – длинную рубаху. После восьми лет, девочек забирали на особое воспитание самые старшие и мудрые женщины в семье, в основном бабушки и прабабушки. Они обучали их премудростям жизни – рукоделию, кулинарии, умению вести хозяйство, этикету, послушанию, поддержанию порядка в доме, воспитанию детей и поведению с мужем. В девочках старались воспитывать мягкость и уступчивость. Если девушка получала все необходимые навыки и умения, успешно заканчивала это долгое и трудоемкое обучение и отвечала всем запросам своих учителей, то она становилась Вестой. Весты были целомудренными и чистыми, а потому имели большую женскую силу и именно на них больше всего хотели жениться. Брак с такой девушкой считался очень выгодным и престижным.

Но до получения статуса «весты», любая девочка считалась «НЕвестой», что являлось нормальным, потому что никто изначально не рождался со всеми необходимыми знаниями. Тем не менее, все же были девушки, которые по каким-либо причинам не становились вестами даже во взрослом возрасте. Во-первых, в деревне могло не быть женщин, которые бы обучали девочек; во-вторых, девушки сами не преуспевали в учебе, и, в-третьих, они попросту не хотели учиться. Тогда они оставались невестами, и это считалось позором. Таковую девушку никто не хотел брать в жены.

Со временем, возможно, обучение перестало быть очень строгим или пропало вовсе, и девушки до замужества все стали невестами, и приобретали статус «весты» только в браке, нажившись знаниями и опытом. Сейчас же, после еще большего

промежутка времени, в современном мире, никто не называет хорошую хозяйку и маму «вестой», но слово «невеста» сохранилось, предположительно потому, что не нашлось наиболее подходящего синонима или эквивалента.

И последняя теория происхождения слова «невеста» также основана на слове «веста», но имеет другую ситуативную окраску. В этимологическом словаре русского языка Крылова Г.А. слово «невеста» образовано приставкой *ne* и исчезнувшим из языка словом «веста» - «знакомая», «известная». То есть буквально «невеста» означало «неизвестная» [Крылов 2005, с. 246]. В этимологическом словаре Семёнова: «Древнерусское – невеста. Старославянское – невеста (жена сына). Общеславянское – *nevesta*. Слово «невеста» – славянское по происхождению, в русском языке известно с XI в. Первоначальное значение слова «невеста» – «нововводимая», а позднее невестой стали называть «девушку, имеющую жениха и готовящуюся вступить с ним в брак». Родственными являются: Белорусское – нявеста. Болгарское – невеста. Сербохорватское – невеста. Словенское – *nevesta*. Польское – *niewiasta* (женщина), *parzeczona* (невеста). Производные: невестин, невестка» [Семенов 2003, с. 204].

Девушка, выходящая замуж, покидала отчий дом и переезжала к своему жениху, становилась новым членом его семьи. Для родственников жениха она была незнакомкой. Невесту даже запрещалась называть по имени. Это объяснялось традицией: этот запрет должен был защитить женщину, вступающую в чужой для нее дом от злых духов. Этим же объясняется и наличие у неё свадебного покрывала. С.И. Карцевский говорил: «Невеста — «новейшая» в роде, то есть только что вступившая в семью».

Последняя этимология слова «невеста» считается наиболее правдоподобной и правильной, тем не менее, филологи не стремятся утверждать и доказывать свою правоту по поводу одной из теорий.

Список литературы

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. URL : <https://glosum.ru/index.php?act=dict&dict=%D0%A2.%20%D0%95%D1%84%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 18.10.2024).
2. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург: Норинт, 2000 — 1536 с.
3. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Большой толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова — 4-е изд., доп. — Москва: Азбуковник, 2000 — 2314 с.
4. Рут, М. Э. Этимологический словарь русского языка для школьников / М. Э. Рут. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005 — 432 с.
5. Вергилий. Энеида. Книга II 296—297 // Буколики. Георгики. Энеида. — Москва: Художественная литература, 1979 — 550 с.
6. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка / Г. А. Крылов. — Санкт-Петербург: Полиграфуслуги, 2005 — 432 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Том 1. / Фасмер М. — 2-е изд. стереотипное. — Москва: Прогресс, 1986 — 576 с.
8. Шанский, Н. М., Иванов В. В. КРАТКИЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА / Н. М. Шанский, В. В. Иванов — 2-е изд. исправленное и дополненное. — Москва: Просвещение, 1971 — 546 с.
9. Семенов, А. В. ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА / А. В. Семенов. — Москва: Юнвес, 2003 — 704 с.
- 10.

Сведения об авторе:

Рыжкова Елизавета Олеговна; студент 5 курса института иностранных языков,

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, E-mail: elizavetagudkova7@gmail.com;

Ryzhkova Elizaveta Olegovna; 5-th year student, the Chair of English Philology, Institute of foreign languages; Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302026, Russian Federation; E-mail: elizavetagudkova7@gmail.com

УДК 81

Роль коммуникативной компетентности в общении. Факторы развития проблемы реализации коммуникативной компетентности

Полина Сергеевна Сидорова

Новосибирский государственный технический университет, студентка 3 курса, Новосибирск, Россия, santostefano1234567@gmail.com

Аннотация. В статье представлен обзор исследовательских работ на тему коммуникативной компетентности, представлены определения понятия коммуникативной компетентности, ее роль в коммуникации, а также на основе ряда исследовательских работ освещена проблема развития и реализации коммуникативной компетентности язык, взаимодействие.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, речь, коммуникация, общение, русский язык

The role of communicative competence in communication. Factors in the development of the problem of realization communicative competence

Polina S. Sidorova

Novosibirsk State Technical University, 3th year student, Novosibirsk, Russia, santostefano1234567@gmail.com

Abstract. The article presents a review of the scientific literature on the topic of communicative competence, provides definitions of the concept of communicative competence, its role in communication, as well as, based on a number of research papers, highlights the problem of the development and implementation of communicative competence.

Key words: communicative competence, speech, communication, communication, Russian language, interaction.

Речь является одним из ключевых аспектов возникновения человеческого сознания и развития человечества как вида. Люди приспособились понимать друг друга посредством коммуникации, поэтому межличностную коммуникацию можно справедливо считать двигателем прогресса. Человек – социальное существо, в качестве коммуникантов, субъектов акта коммуникации могут выступать люди различного социального статуса, возраста, пола, уровня интеллектуального и эмоционального развития и др. условия. Ю. А. Зубок, Е. В. Чанкова в статье «Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи» представляют данные о том, что среди молодежи возрос процент тех (81,8%), для кого коммуникация служит удовлетворению терминальных ценностей [Зубок, Чанкова 2022, с. 23]. К 2021 году

наблюдается тенденция к реализации посредством общения следующих ценностей: удовольствие (общение с приятным человеком), радость, счастье. Автор В. М. Жураковская отмечает: «Анализ различных подходов к определению группы ключевых компетентностей позволяет считать коммуникативную компетенцию одной из базовых. Коммуникативная компетентность, то есть готовность и способность к коммуникации, - есть важнейшее качество, необходимое человеку во всех ситуациях жизни» [Жураковская 2008, с. 115].

Однако, Казакова О. В. в статье 2019 года «Проблема коммуникативной компетентности в психологической науке» обращает внимание на проблему коммуникативной компетентности в профессиональной сфере деятельности: «Значимость решения проблем развития коммуникативной компетентности обусловлена ее недостаточной сформированностью у будущих специалистов. Студенты не сталкиваются с ситуациями делового общения повседневно и имеют малый опыт взаимодействия в профессиональном плане, несмотря на большое количество гуманитарных дисциплин и практик» [Казакова 2019, с. 320]. По словам автора: «Общение в целом и коммуникативная компетентность в частности становятся неотъемлемым компонентом взаимодействия с другими людьми. На уровне усвоения профессионально важных качеств в условиях различных видов деятельности становится возможным приобретение навыков делового общения» [Казакова 2019, с. 320].

В свете подобной данности можно считать актуальным вопрос изучения факторов и аспектов эффективной, продуктивной, создающей коммуникации между людьми в различных областях, сферах жизнедеятельности. В данном контексте уместно использовать термин «коммуникативная компетентность», которая по мнению Петровской Л.А. подразумевает систему внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определённом круге ситуаций личностного взаимодействия [Петровская, с. 216]. Под внутренними ресурсами подразумеваются: способность владеть инициативой в общении, способность проявить активность, эмоционально откликаться на состояние партнеров общения, сформулировать и реализовать собственную индивидуальную программу общения, способность к самостимуляции и к взаимной стимуляции в общении, а также заключается в достижении трёх уровней адекватности партнёров - коммуникативной, интерактивной и перцептивной. Как отмечает Е. В. Чанкова: «... в коммуникативной компетентности личности решающую роль играет способность личности сохранять свою социальность посредством подвижных ценностей и конструирования гибкой, индивидуальной социокультурной нормы коммуникации на основе следующих принципов: 1) интериоризации изменчивости как имманентной характеристики пространства коммуникативной реальности; 2) опознавания и типизации ожиданий акторов; 3) рационализации собственных ожиданий и действий с учетом изменяющихся норм и ожиданий других; 4) рефлексии социокультурных оснований коммуникативных взаимодействий; 5) выработки новых норм коммуникации и коммуникативных практик; 6) самостоятельного регулирования коммуникативных взаимодействий на основе рефлексивного выбора ее оптимального режима» [Чанкова 2019, с. 147].

На основе ряда исследовательских работ также можно выделить основные причины нарушения коммуникативной компетенции:

- 1) непонимание/ незнание модели коммуникации исходя из стратификации и иерархии коммуникантов;
- 2) отсутствие практики модели деловой коммуникации в высших учебных заведениях у студентов;
- 3) отсутствие эмпатии, чувства личных границ, нарушающих паритетность общения;

- 4) безграмотность;
- 5) отвержение социокультурных норм и правил коммуникативных взаимодействий, этики;
- 6) отсутствие саморегуляции.

В статье «Психолингвистическое исследование коммуникативных характеристик субъекта туристического дискурса» 2021 года под авторством С. В. Мкртычяна, Т. А. Янсона изучаются особенности представления адресатов об адресанте в отношении сферы деятельности человек-человек (представления потенциальных экскурсантов о личности экскурсовода) [Мкртычан, Янсон 2021, с 81]. Авторами был представлен фрагмент интегрального изучения требований к личности с применением психолингвистического метода свободного ассоциативного представления образа экскурсовода, связанного с психологическими особенностями личности (темпераментом) – с одной стороны, с другой – представлением о коммуникативных, ораторских навыках, манерах подачи информации, коммуникативном стиле, предъявляемых экскурсоводу потенциальными клиентами. Таким образом, авторам удалось выделить ряды личностных особенностей в различных аспектах, относящихся к образу и имиджу экскурсовода, которые необходимо учитывать для продуктивного взаимодействия между экскурсантами и экскурсоводом. Данное исследование освещает необходимость соблюдения критериев и требований с точки зрения благополучателя к личности представителя услуги, профессиональным навыкам, навыкам коммуникации и таким образом в большей степени удовлетворить потребности клиента, исполнителю данной услуги предоставляется возможность учесть требования, выполнить условия и предпринять необходимые действия для более продуктивного и благоприятного предоставления услуги благополучателю. Таким образом, для осуществления продуктивной коммуникации необходимо учитывать социальный статус коммуникантов между собой и следовать соответствующим правилам обращения. Что касается профессиональной среды общения и факторов, способных вызвать коммуникативную неудачу, то согласно исследованию, проведенному в 2022 году Исследовательским центром портала Superjob.ru, о том, что раздражает офисных и дистанционных сотрудников в коммуникации с коллегами, каждому десятому офисному сотруднику (10%) не нравятся пустые разговоры и сплетни сослуживцев, 3% сообщили, что их раздражает хамство, громкая речь, медлительность, лицемерие и бесцеремонность коллег. Наиболее раздражающими привычками дистанционных коллег чаще всего называли игнорирование сообщений (или слишком долгие ответы на них) и отсутствие дисциплины: их отметили по 6% опрошенных [7].

Портал «RT на русском» сообщает, что согласно результатам исследования «... среди причин, по которым участники опроса чаще всего раздражаются от поведения коллег, лидируют невежество и хамство (49%). Кроме того, 21% отмечают излишнюю навязчивость, 12% – громкие разговоры по телефону, 9% – неуместные фразы в разговоре, 6% – просмотр видео со звуком, 3% – бестактные шутки в общем чате» [8].

В исследовательской работе Е. Д. Божович под названием «Эмоционально-экспрессивные средства языка в сочинениях школьников-подростков: психолого-педагогический аспект (на материале русского языка как родного)», опубликованную в 2021 году.

Автор выявляет и освещает проблему скудности стандартной, традиционной общеобразовательной государственной программы в отношении даже русского языка как родного. Данное положение выдвигается в качестве основной причины непопулярности среди подростков применения изобразительно-выразительных средств в письменной речи. По мнению Е. Д. Божович: «... языковая компетенция, компетенция школьника развивается в условиях традиционного обучения, развивается неравномерно

по отношению к разным подсистемам языка...» [Божович 2021, с. 47]. Различные средства выразительности языка не находят места в текстах школьников по причине недостаточной их осведомленности о разделе «Стилистика». Данный раздел по словам автора в учебной программе представлен в кратком содержании. Однако данный раздел представляет собой и включает в себя основу, базовый пласт знаний, которые способствуют развитию коммуникативной компетентности, позволяет в полной мере реализовать вербальные интенции при уместном применении речевых ресурсов. Таким образом, раздел «Стилистика» осведомляет о стилях русского языка, которые непосредственную роль играют в той или иной коммуникативной ситуации; закономерностях функционирования языка в разных сферах использования, особенностях употребления языковых средств, принципах и разновидностях языка.

Исследование Е.Д. Божович имеет практическую значимость в области изучения особенностей коммуникативных ресурсов определенной возрастной группы, позволяет выявить факторы, условия, влияющие на формирование лексического запаса и речевой компетентности. Таким образом, учитывая данные сведения, в перспективе представляется возможность выявить «пробелы, слабые места» общеобразовательной программы, уделить внимание развитию речевой компетентности на ранних стадиях образовательного процесса для предотвращения «дегенерации» словарного запаса, воображения, оскудения русского языка в целом. Необходимо уделить особое внимание развитию коммуникативной компетентности в качестве индивидуального инструмента коммуникации и взаимодействия с окружающей средой, средства выражения эмоциональности и проявления креативности, воображения в полноте потенциала и запаса речевых ресурсов русского языка.

В настоящее время можно наблюдать большее применение в речи сленга, англицизмов, жаргона и всевозможных сокращений слов. Следствием того можно считать относительную безграмотность, скудность словарного запаса, незнание и неумение применять правила русского языка и использовать языковые, вербальные ресурсы и знания этикета. Таким образом, возможности коммуникативной компетентности в речи можно признать нереализованными, отсутствие осознания коммуникативного пространства и соответствующих ему требований создают коммуникативный барьер, пропасть между субъектами коммуникации, не позволяет реализовать коммуникативные интенции, вызывает ощущения и эмоции непонимания, неодобрения, что лишь углубляет проблему непродуктивного взаимодействия.

В работе были рассмотрены основные факторы развития коммуникативной компетенции, а также причины, снижающие ее уровень. Понимание этих причин, а также усилия, направленные на их постепенное устранение или снижение их влияния в любой среде, начиная от способов развития коммуникативной компетенции в школе до условий профессиональной деятельности, позволит поступательно увеличить уровень коммуникативной компетентности и поспособствует реализации продуктивной, экологичной коммуникации в обществе в будущем.

Список литературы

1. Зубок Ю.А., Чанкова Е.В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи [Электронный ресурс] / Ю.А. Зубок // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. №1 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-tsennostey-obscheniya-v-kommunikativnom-prostranstve-molodezhi> (дата обращения: 29.09.2024).
2. Жураковская В.М. Коммуникативная компетентность как компонент индивидуального опыта личности [Электронный ресурс] / В.М. Жураковская // Сибирский педагогический журнал. 2008. №12. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-kak-komponent-individualnogo-opyta-lichnosti> (дата обращения: 29.09.2024).

3. Казакова О. В. Проблема коммуникативной компетентности в психологической науке [Электронный ресурс] / О.В. Казакова // АНИ: педагогика и психология. 2019. №2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kommunikativnoy-kompetentnosti-v-psihologicheskoy-nauke> (дата обращения: 29.09.2024).

4. Петровская, Л.А. Компетентность в общении [Электронный ресурс] / Л.А. Петровская. - М : Издво МГУ, 1989.-216 с. URL: <https://mybook.ru/author/l-a-petrovskaya/obshenie-kompetentnost-trening-izbrannye-trudy/read/> (дата обращения: 29.09.2024).

5. Чанкова Е. В., Зубок Ю.А. Коммуникативная компетентность личности в пространстве виртуальной реальности [Электронный ресурс] / Ю.А. Зубок // Научный результат. Социология и управление. Т. 5, № 4, 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-lichnosti-v-prostranstve-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 29.09.2024).

6. Мкртычян С.В. Психолингвистическое исследование коммуникативных характеристик субъекта туристического дискурса [Электронный ресурс] / С.В. Мкртычян, Т.А. Янсон // Вопросы психолингвистики. 2021. №4 (50). Москва. – 78-95 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskoe-issledovanie-kommunikativnyh-harakteristik-subekta-turisticheskogo-diskursa> (дата обращения: 29.09.2024).

7. Исследовательский центр портала Superjob.ru. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113445/v-kollegah-po-ofisu-rossiyan-bolshe-vsego-razdrzhayut-spletni/> (Дата обращения: 10.09.2024).

8. RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1245322-obschenie-problemy-rossiyane-rabota> (дата обращения 10.09.2024).

9. Божович Е.Д. Эмоционально-экспрессивные средства языка в сочинениях школьников-подростков: психолого-педагогический аспект (на материале русского языка как родного) [Электронный ресурс] / Е.Д. Божович // Вопросы психолингвистики. 2021. №3(49). Москва. – 46-59 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalno-ekspressivnye-sredstva-yazyka-v-sochineniyah-shkolnikovpodrostkov-psihologo-pedagogicheskiy-aspekt-na-materiale> (дата обращения: 29.09.2024).

Сведения об авторе:

Сидорова Полина Сергеевна; студентка 3 курса, Новосибирский государственный технический университет, 630092, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Карла-Маркса, д. 20; santostefano1234567@gmail.com;

Sidorova Polina Sergeevna; 3rd year student, Novosibirsk State Technical University, 630092, Russian Federation, Novosibirsk, Karl-Marx str., 20; santostefano1234567@gmail.com

УДК 81

Автоматизация перевода технических текстов: вызовы и перспективы нейросетевых технологий

Олег Алексеевич Фирсов¹, Дмитрий Александрович Иванишин²

¹ Орловский государственный университет, студент, Орел, Россия, firsow.ol21@gmail.com

² Орловский государственный университет, доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, Орел, Россия, ghostpanther@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются достижения и проблемы в области автоматизации перевода технических текстов с использованием нейросетевых технологий. Обсуждаются этапы развития машинного перевода, от систем на основе правил до нейронных сетей, и их влияние на качество перевода. Особое внимание уделяется вызовам, связанным с точностью передачи специализированной терминологии, необходимостью больших объемов данных для обучения моделей и ограниченной интерпретируемостью нейросетевых систем.

Ключевые слова: автоматизация перевода, машинный перевод, технические тексты, нейронные системы, нейросетевые технологии

The automation of the translation of technical texts: challenges and prospects of neural network technologies

Oleg A. Firsov¹, Dmitriy A. Ivanishin²

¹ Orel State University, student, Orel, Russia, firsov.ol21@gmail.com

² Orel State University, Associate Professor of the Department of English Philology, Candidate of Philological Sciences, Orel, Russia, ghostpanther@yandex.ru

Abstract. The article addresses the advancements and challenges in the domain of automated translation of technical texts through the utilisation of neural network technologies. It elucidates the evolution of machine translation encompassing the transition from rule-based systems to neural networks and their impact on the quality of translation. Particular emphasis is placed on the complexities associated with the accurate transfer of specialised terminology, the necessity for extensive data for training models and the limited interpretability of neural network systems.

Keywords: translation automation, machine translation, technical texts, neural systems, neural network technologies

В условиях современной глобализации стремительное развитие нейросетевых технологий значительно увеличило спрос на автоматизированные решения для перевода текстов, особенно в технических и научных сферах. В настоящее время автоматический перевод играет ключевую роль в обеспечении быстрого и точного обмена специализированной информацией между разными языковыми сообществами. Точность перевода технических текстов особенно важна, поскольку она напрямую влияет на корректную передачу терминологии и смыслов, что является критически важным фактором для успешной реализации технологических проектов, научных исследований и инженерных разработок. Автоматизация этих процессов не только ускоряет коммуникацию, но и способствует более эффективному распространению знаний, упрощая доступ к важной технической информации для специалистов по всему миру.

Развитие технологий машинного перевода и автоматизации перевода прошло долгий путь от первых экспериментов до современных нейронных сетей, которые сегодня задают стандарты в области перевода технических текстов. Первым значимым шагом стал Джорджтаунский эксперимент, проведенный в 1954 году. В ходе этого эксперимента компьютер «IBM 701» впервые выполнил автоматический перевод с русского на английский, что стало отправной точкой для революции в области перевода. Несмотря на ограниченные ресурсы системы, этот эксперимент продемонстрировал

потенциал машинного перевода и запустил необратимый процесс дальнейших исследований [Hutchins 2006].

В последующие десятилетия основным методом стала технология машинного перевода на основе правил (RBMT) [Chen 2023]. В таких системах перевод выполняется с использованием заранее запрограммированных правил, которые описывают, как слова и фразы должны переводиться с одного языка на другой. Эти правила охватывают синтаксические, морфологические и семантические аспекты языка, а для улучшения качества перевода используются двуязычные словари и лингвистические ресурсы. Однако системы на основе правил требовали огромного объема ручной работы и были ограничены в возможности перевода сложных языковых структур [Chen 2023], что особенно важно для перевода технических текстов. Такие тексты часто содержат специализированную лексику и сложные синтаксические конструкции, для перевода которых необходимо учитывать множество контекстных и предметных особенностей. Несмотря на способность систем на основе правил обеспечить высокий уровень точности в базовых случаях, качество перевода технических текстов зависит от точности введенных правил, что делает этот подход трудоемким, дорогостоящим и недостаточно гибким для адаптации к разнообразным техническим областям [Zarechnak 1979].

В 1980-х годах, благодаря увеличению объема цифровых данных и развитию возможностей математического анализа, все большую популярность начали обретать статистические системы машинного перевода (SMT) [Chen 2023]. Этот подход, впервые предложенный американским ученым У. Уивером в 1949 году, обладает существенным конкурентным преимуществом перед системами на основе правил – использование корпусов двуязычных текстов и статистических моделей для автоматического обучения переводу. Системы статистического перевода не нуждаются в мануальном создании правил, так как они способны самостоятельно выявлять закономерности на основе больших массивов данных [Nagao 1984].

Основополагающим достижением в парадигме статистического машинного перевода стало внедрение метода сопоставления слов и словосочетаний, что значительно улучшило качество и точность перевода, особенно в контексте технических текстов [Brown 1990] [Koehn 2010]. Технические документы содержат специфическую лексику и сложные конструкции, и способность систем эффективно сопоставлять словосочетания обеспечила более адекватный перевод таких материалов. Ярким примером успешной реализации статистического перевода стал сервис «Google Translate», запущенный в 2006 году, который стал первым масштабным применением этого подхода на практике и позволил пользователям получать более точные переводы специализированной информации.

Однако, несмотря на существенный прогресс в развитии статистических методов автоматизации перевода, они имеют свои ограничения. Адекватность такого перевода во многом зависит от объема и качества обучающих наборов данных, которых зачастую не хватает для понимания контекста, что приводит к ошибкам в тексте перевода [Koehn 2010].

Учитывая описанные ограничения, ученые приступили к разработке нейронных систем машинного перевода (NMT) в начале 2010-х годов, что стало следующей вехой развития автоматизации перевода. В 2014 году были разработаны первые нейросетевые модели машинного перевода, использующие модель «кодер-декодер» (encoder-decoder) [Kalchbrenner 2013], а также такие методы глубокого обучения, как длинная цепь элементов краткосрочной памяти (Long Short-Term Memory) [Sutskever 2014] и механизмы внимания (Attention Mechanisms) [Bahdanau 2015].

Важным этапом в развитии нейросетевых моделей перевода стало внедрение моделей типа «трансформер» – архитектуры глубоких нейронных сетей, предложенной

представителями «Google Brain» в 2017 году. Такие модели основаны на механизмах внимания и позволяют системам машинного перевода учитывать контекст всего предложения [Vaswani 2017], что значительно повышает качество перевода, особенно в области технических текстов, где точность информации и специфика терминологии играют главную роль. Нейронные системы стали более точными, быстрыми и ресурсосберегающими по сравнению с их статистическими предшественниками. С этого момента такие компании, как Google и Яндекс, начали активно внедрять нейронные системы в свои онлайн-переводчики, что значительно повысило качество перевода, включая сложные технические документы и инструкции [Yandex Blog] [Turovsky 2016].

Сегодня нейронные сети занимают лидирующие позиции на рынке машинного перевода, обеспечивая высокое качество, контекстную осведомленность и адаптивность систем. Нейросетевые технологии продолжают развиваться, открывая новые горизонты для автоматизации перевода, что особенно важно в условиях глобализации и постоянно растущих объемов технической информации.

Нейронные сети, основанные на принципах работы человеческого мозга, представляют собой сложные информационные системы, состоящие из взаимосвязанных узлов, или нейронов. Эти узлы организованы в слои: входной слой принимает данные, скрытые слои обрабатывают информацию, а выходной слой генерирует результаты. Каждый нейрон в сети выполняет конкретную функцию – получает входные данные, обрабатывает их и передает результат дальше, что позволяет системе решать сложные задачи путем комбинирования простых операций [Hardesty 2017].

В контексте машинного перевода такие сети используются для преобразования текста с одного языка на другой. Основные компоненты нейронных систем включают кодировщик и декодировщик. Кодировщик анализирует входное предложение и преобразует его в скрытое представление – абстрактное представление семантики текста. Декодировщик, в свою очередь, использует это представление для создания перевода на целевой язык. Эта архитектура, известная как «Seq2Seq», позволяет системе учитывать контекст всего предложения, что значительно улучшает качество перевода. В отличие от статистического машинного перевода, где каждая фраза обрабатывается изолированно, нейронные системы объединяют информацию из всего предложения, обеспечивая более естественный и логичный перевод [Sutskever 2014].

Нейронные сети, задействованные в системах NMT, обучаются на больших объемах данных, что позволяет им выявлять закономерности и связи в языке. Благодаря этому нейронный машинный перевод демонстрирует значительно более высокое качество перевода, обеспечивая максимально возможную адекватность, особенно в технических текстах, требующих глубокого понимания специализированной терминологии и контекста. Нейронные системы машинного перевода, обучаясь на разнообразных примерах, становятся способными правильно интерпретировать и передавать смысл, учитывая нюансы и технические детали. Это делает нейронные системы особенно ценными в таких областях, как научные исследования, инженерия и информационные технологии, где точность перевода критически важна. В результате, использование нейронных систем машинного перевода в таких сферах позволяет не только улучшить качество перевода, но и существенно ускорить его процесс.

Несмотря на значительные преимущества, которые нейронные системы машинного перевода привнесли в качество перевода, они сталкиваются с рядом серьезных вызовов. Один из основных недостатков заключается в том, что нейросетевые модели часто подвержены переобучению [Chen 2023]. Это происходит, когда модель слишком сильно адаптируется к специфике обучающего набора данных, что приводит к ухудшению качества перевода на новых, более обширных корпусах текстов. Для

устранения этого недостатка исследователи используют различные методы, например «сглаживание меток» и «дроп-аут», которые помогают улучшить обобщающие способности моделей [Szegeedy 2016] [Hinton 2012]. Однако в сложных архитектурах типа «трансформер» эти подходы могут достигать лишь ограниченного успеха, что создает необходимость в поиске новых, более универсальных решений [Chen 2023].

Другой серьезный вызов для нейронных систем машинного перевода связан с нехваткой корпусов параллельных текстов, необходимых для обучения. В некоторых языковых парах, особенно в низкоресурсных языках, количество доступных данных может быть крайне ограниченным, что создает дополнительные затруднения [Chen 2023]. Для решения этой проблемы исследователи разработали метод «обратного перевода», который заключается в том, что модель перевода с целевого языка на исходный обучается на небольшом корпусе параллельных текстов, после чего одноязычные данные на целевом языке переводятся обратно на исходный, создавая тем самым большой псевдопараллельный корпус для последующего обучения модели перевода в обратном направлении. Этот инновационный метод позволяет извлекать максимум из имеющихся данных и улучшать качество перевода в условиях нехватки информации [Sennrich 2015].

Кроме того, структура моделей типа «трансформер» как таковая может быть источником трудностей. Механизм внимания, который лежит в основе этих моделей, не всегда может корректно учитывать позиционные зависимости между входными единицами, что делает распознавание «локальных» и «дальних» связей более сложным [Shaw 2018].

Наконец, важным аспектом является недостаточная интерпретируемость нейросетевых моделей. Высокая размерность векторов и сложные нелинейные функции затрудняют понимание внутренних механизмов работы модели. Это ограничивает возможность пользователей и разработчиков контролировать процесс перевода. Для повышения интерпретируемости проводятся исследования, направленные на анализ влияния структуры модели на результаты перевода, а также на разработку вспомогательных задач, которые помогут лучше понять, как модели обрабатывают информацию [Voita 2019].

Таким образом, автоматизация перевода технических текстов с использованием нейросетевых технологий представляет собой многообещающее направление, способное значительно повысить качество и скорость перевода, однако существует ряд вызовов, таких как необходимость в больших объемах данных и проблемы интерпретируемости моделей. Преодоление этих проблем откроет новые горизонты для улучшения систем машинного перевода и их адаптации к специфическим требованиям технической сферы.

Список литературы

1. Hutchins, W. J. The first public demonstration of machine translation: the Georgetown-IBM system, 7th January 1954 / John Hutchins. – Computer Science, Linguistics, 2006. – 39 p.
2. Chen, Y. The metamorphosis of machine translation: The rise of neural machine translation and its challenges / Y. Chen. – Proceedings of the 2023 International Conference on Machine Learning and Automation, 2023. – pp. 99-108.
3. Zarechnak, M. The history of machine translation. Trends in Linguistics: Studies and Monographs vol 11, ed Chiara Gianollo and Daniel Van Olmen, part 1 / M. Zarechnak. – Berlin: De Gruyter Mouton, 1979. – pp. 3-87.
4. Nagao, M. A framework of a mechanical translation between Japanese and English by analogy principle / M. Nagao. – Artificial and Human Intelligence, Elsevier Science Publishers. B. V., 1984. – pp. 173-180.

5. Brown, P. F. A statistical approach to machine translation / P. F. Brown. – *Comput. Linguistics* 16(2), 1990. – pp. 79-85.
6. Koehn, P. *Statistical Machine Translation* / P. Koehn. – Cambridge University Press, 2010. – 433 p.
7. Kalchbrenner, N. October Recurrent continuous translation models / N. Kalchbrenner. – *Proc. of the 2013 Conf. on Empirical Methods in Natural Language Processing (Seattle: Association for Computational Linguistics)*, 2013. – pp. 1700-1709.
8. Sutskever, I. Sequence to sequence learning with neural networks / I. Sutskever. – *Neural Information Processing Systems* 27, 2014. – 9 p.
9. Bahdanau, D. Neural machine translation by jointly learning to align and translate / D. Bahdanau. – *3rd Int. Conf. on Learning Representations (San Juan)*, 2015. – 15 p.
10. Vaswani, A. Attention is all you need / A. Vaswani. – *Neural Information Processing Systems* 30, 2017. – 15 p.
11. Yandex Blog. One model is better than two. Yandex.Translate launches a hybrid machine translation system: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.com/company/blog/one-model-is-better-than-two-yu-yandex-translate-launches-a-hybrid-machine-translation-system/>. Дата доступа: 21.09.2024.
12. Turovsky, B. Found in translation: More accurate, fluent sentences in Google Translate: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.google/products/translate/found-translation-more-accurate-fluent-sentences-google-translate/>. Дата доступа: 21.09.2024.
13. Hardesty, L. Explained: Neural networks: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mit.edu/2017/explained-neural-networks-deep-learning-0414>. Дата доступа: 21.09.2024
14. Szegedy, C. Rethinking the inception architecture for computer vision / C. Szegedy. – *Proc. of the IEEE Conf. on computer vision and pattern recognition*, 2016. – pp. 2818-2826.
15. Hinton, G. E. Improving neural networks by preventing co-adaptation of feature detectors / G. E. Hinton. – *arXiv:1207.0580*, 2012. – 18 p.
16. Sennrich, R. Improving neural machine translation models with monolingual data / R. Sennrich. – *Proc. of the 54th Annu. Meeting of the Association for Computational Linguistics (Berlin) vol 1*, 2015. – pp. 86-96.
17. Shaw, P. Self-attention with relative position representations / P. Shaw. – *Proc. of NAACL-HLT 2018 (New Orleans)*, 2018. – pp. 464-468.
18. Voita, E. Analyzing multi-head self-attention: Specialized heads do the heavy lifting, the rest can be pruned / E. Voita. – *Proc. of the 57th Annu. Meeting of the Association for Computational Linguistics (Florence)*, 2019. – pp. 5797-5808.

Сведения об авторах:

Фирсов Олег Алексеевич; студент, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39б; firsow.ol21@gmail.com;

Иванишин Дмитрий Александрович; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39б; ghostpanther@yandex.ru;

Firsov Oleg Alekseevich; student, Orel State University, 39b Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation, Orel Oblast; firsow.ol21@gmail.com;

Ivanishin Dmitriy Aleksandrovich; Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Orel State University, 39b Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation, Orel Oblast; ghostpanther@yandex.ru

УДК 81

Числовой код лингвокультуры и концепт числа в русской и английской паремиологической картине мира

Михаил Викторович Цуканов

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, аспирант 2 года обучения, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95; super-super-mikhail@yandex.ru; +79996021307.

Аннотация. В статье рассматривается числовой код лингвокультуры и концепт числа и их проявление в русской и английской паремиологической картине мира. Паремиологические единицы, такие как пословицы, поговорки и афоризмы, являются ценным источником информации о культурных ценностях и особенностях восприятия мира представителями разных народов. Концепт числа также раскрывает культурологические особенности двух неблизкородственных стран.

Ключевые слова: лингвокультура, числовой код, пословица, концепт числа, английский и русский язык.

The numerical code of linguoculture and the concept of number in the Russian and English paremiological picture of the world.

Abstract. The article examines the numerical code of linguoculture and the concept of numbers and their manifestation in the Russian and English paremiological picture of the world. Paremiological units, such as proverbs, sayings and aphorisms, are a valuable source of information about cultural values and peculiarities of perception of the world by representatives of different peoples. The concept of number also reveals the cultural characteristics of two closely related countries.

Key words: linguoculture, numerical code, proverb, concept of number, English and Russian languages.

Числовой код в фразеологии — это комплекс имён числительных, слов и устойчивых единиц, обозначающих количество, которые отражают культурные смыслы и символическую значимость чисел.

Например, в русской культуре число три часто используется для обозначения полноты и завершённости какого-либо действия или процесса, как в пословице «Всякое дело три дня красно, три дня бело, а потом как пойдёт». В английской культуре число 13 считается несчастливой, что находит отражение в словосочетании Friday the 13th («пятница 13-е»).

Мы будем определять пословицы как коммуникативные фразеологизмы, имеющие структуру предложения, текстовые характеристики и прагматические функции, ведущей из которых является дедуктивная, которая эксплицитно проявляется в дискурсе в форме косвенного речевого акта, чаще директивного [Абакумова, 2022].

Числа и операции с ними представляют собой одну из наиболее универсальных категорий человеческого мышления и обладают особой абстрактно-конкретной, идеально-материальной природой. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «число являет собой, возможно, наиболее отвлеченный от материальной и событийной реальности концепт, и в то же время в жизни и в сознании человека число тесно связано и постоянно взаимодействует с предметным миром» [Арутюнова 2005, с. 6]. Подобная амбивалентность числа находит выражение в различных мифологических и

мифопоэтических, религиозных и философских системах, воззрениях, концепциях (см. об этом, например, [Степанов 1989, Топоров 1980-1982, с. 129–174; Топоров 2010, с. 487–536]). В языке абстрактно-конкретная сущность чисел и операций с ними отражается, в частности, в том, что их наименования могут представлять собой как результат, так и основу метафорических переосмыслений, т.е. относиться как к «области цели», так и к «области источника» метафорической модели (по терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона) [Лакофф, Джонсон 2004].

Концепт числа в русской лингвокультуре

Концепт, согласно научным дефинициям С.А. Аскольдова, Е.С. Кубряковой, С.Х. Ляпина, О.П. Скидан – это «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем» [Красавский, 2001:40-59] М.А. Холодная трактует концепт как «познавательную психическую структуру, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов» (Цит. по работе Н.А. Красавского 2001 с. 40-59.). По мнению Р. Павиленса, концепты - это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» (Цит. по работе Н.А. Красавского 2001 с. 40-59.). [Красавский, 2001: 40-59].

Концепт, как и понятие, - единица когнитивного порядка. Архитектоника концепта как структурно-смыслового образования сложнее архитектоники понятия.

Безусловно, концепт – это «многомерное идеализированное формообразование» [Ляпин, 1997: 11-35], однако единства мнений относительно числа семантических параметров, по которым может вестись его изучение, у концептологов нет. Например, С.Х. Ляпин, Ю.С. Степанов и В.И. Карасик говорят о том, что в эти параметры включаются как понятийное, так и образное, ценностное, поведенческое, этимологическое и культурное ‘измерения’, из которых почти каждое может иметь приоритетный статус в исследовании [Красавский, 2001: 78-89].

Согласно В.И. Карасик, концепт состоит из трех компонентов – понятийного, образного и ценностного. [Карасик, 2001: 3-16]. По образному замечанию С.Х. Ляпина, «в глубине концепта мерцает понятие» [Ляпин, 1997: 11-35].

Методологически важными мы считаем рассуждения о структуре концепта Ю.С. Степанова. Концепт, по его мнению, включает в себя такие компоненты, как «1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже не актуальными, а историческими; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней словесной форме». [Степанов, 1997: 40-43]. Первый компонент – основной, актуальный признак концепта – значим, «известен» всем носителям того или иного языка, той или иной культуры. Выраженный вербально, он – средство коммуникации представителей определенной этнической общности, нации, народа, народности. В отличие от него второй компонент – дополнительный, пассивный признак концепта – обнаруживает свою актуальность далеко не для всего этноса; он доступен для представителей определенной социальной группы, для конкретного микросоциума. И, наконец, третий компонент – этимологический признак, или внутренняя форма – является наименее актуальным для языко- и концептоносителей любой культуры, поскольку историей жизни слова занимаются преимущественно специалисты конкретных наук.

Анализ словарных дефиниций лексем «число» и «number» в русских и англоязычных словарях.

Рассмотрим толкование понятий «цифра», «число», «числительное». «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова определяет цифру как «знак, обозначающий число» [18, с. 702]. Схожее определение находим в «Большой политехнической

энциклопедии»: «Цифра – условный знак для обозначения числа. В узком смысле слова, цифрой называются знаки от 0 до 9. Различают цифры арабские, римские, двоичные, троичные, десятичные, шестнадцатеричные, значащие, нулевые и т. д.» [18].

Первоначально термин «цифра» означал «нуль», а прочие числовые знаки назывались фигурами. Однако в XIV в. произошло расширение значения термина и им стали обозначать все числовые знаки [15, с. 214].

Число представляет собой «понятие количества, величину, при помощи которой производится счет» [18, с. 708]. «Число англ. number, фр. nombre, нем. Numerus, Zahl, исп. numero. Обозначение множественности (с вариантами – два, три, больше трех и т. п.) единичности предметов» [18]. Понятие числа абстрактного вслед за развитием математической мысли человечества. Так, древний математик и философ Евклид полагал, что: «Единица есть то, через что каждое из существующих считается единым. Число же – множество, составленное из единиц» [17, с. 23]. При этом единица (как и нуль) сама не признавалась числом в древнегреческой математике [17, с. 216].

У лексемы «число» имеются в английском языке такие аналоги, как: number, date, figure, numeric, tally, numeral [21-23]. Согласно вышеприведенному определению числа (обозначать количество и величину, при помощи которой производится счет), отвечающими данным условиям можно признать number и figure. Соотносятся они следующим образом: number – величина при счете, а figure – количество.

Аналогом лексемы «цифра» являются слова figure, cipher, number, numeral [23]. Выделим в данных словах семемы на основе следующих определений: numeral: 1) a conventional symbol that represents a number [21]; 2) a symbol used to represent a number (цифра) [21]; 3) a figure, symbol, or group of figures or symbols denoting a number. A word expressing a number [23].

Совершенно однозначная ситуация с существительным «числительное», которому в английском языке соответствует только «numeral» (quantitative – устаревшая форма).

Установлено, что во всех определениях numeral присутствует компонент symbol, что делает ее русским аналогом лексемы «цифра». Таким образом, мы доказали четкую корреляцию лексем «цифра» и «numeral». Кроме того, в русском языке лексема numeral коррелирует не только с лексемой «число», но также и с лексемой «числительное» [18].

Что касается соотношения синонимических корреляций в русском, и английском, то выявлена разветвленная синонимия у лексемы «цифра»: figure, digit, cipher, numeral, number. Лексема «число» обладает двумя англоязычными аналогами: number и figure. Однозначностью в английском языке характеризуется лексема «числительное» с аналогом numeral. Наличие терминологической синонимии в английском варианте анализируемой триады понятий «цифра» – «число» – «числительное» обусловлено семантической сочетаемостью.

Числа в пословицах и поговорках.

Единица считается символом начала, основой всего сущего, чего-то индивидуального, отдельного, обособленного. Например, пословицы «*One-to-one is the fight you can win, but battle you'll only win as a team*» (Ср. рус. «Один в поле не воин») и «*Don't put all your eggs in one basket*» (Ср. рус. аналог «Не клади все яйца в одну корзину»)

Двойка означает двойственность вещей и явлений, деление на части, символизирует противоположность начал. Например, пословица «*Two heads are better than one*» («Одна голова — хорошо, а две лучше»).

Семёрка связана с семью днями недели, семью цветами радуги. Например, пословицы «*Rain at seven, fine at eleven*» (Ср. рус. «Семь пятниц на неделе»), «*Fall seven times. Stand up eight*» (рус. букв. «Упади семь раз, поднимись восемь»), «*Cousin seven times removed*» (Ср. рус. «Седьмая вода на киселе»).

Также в английских пословицах и поговорках встречаются числа «сто» и «тысяча». Например, пословица «*A picture is worth a thousand words*» (Ср. рус. «*Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*»).

Числа в математике и науке.

Английский язык широко используется в области математики и науки. Числа играют важную роль в этих областях, и англоязычные учёные и исследователи часто используют математические формулы и теории для объяснения и изучения окружающего мира.

В английском языке есть особенности обозначения нуля. Ноль в телефонных номерах, адресах, при обозначении часов и в десятичных дробях после запятой обозначается как буква «о». Ноль при обозначении температуры — «zero», в спортивной лексике — «nil», а в таких выражениях, как «сводиться к нулю» — «come to nought/nothing» — ноль переводится как «nought» или «nothing»

Числа в религии и мифологии.

В английской лингвокультуре числа имеют особое значение в религии и мифологии. Например, в христианстве используются числа, связанные с верой и духовностью, такие как три, семь и двенадцать. В мифологии англосаксов числа также играют важную роль, например, в легенде о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, где число двенадцать символизирует идеальное количество рыцарей.

В древности числа трактовались как божественные символы Вселенной, основа представлений о мироздании, символ гармонии и порядка в противовес Хаосу. Числа считались неотъемлемыми характеристиками всех существ и предметов: они управляли не только физической гармонией и законами жизни, пространством и временем, но и отношениями с Богом, который понимался как Мировое единство, Высшая Истина.

Согласно учению пифагорейцев, числа первого десятка наделялись особыми свойствами. 1 Выше других у пифагорейцев ставилась единица: от неё, якобы, пошёл весь мир, она — начало всего сущего, вселенной, самих богов.

Таким образом, изучение концепта числа в паремиологической культуре позволяет глубже понять особенности национальной культуры и менталитета народов, а также выявить общие и различные черты в их восприятии мира и его устройства.

Итак, в лингвистическом понимании концепта наметилось три основных подхода. Во-первых, в самом широком смысле в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют 'наивную картину мира' носителей языка. Д.С. Лихачев предполагает, что совокупность таких концептов и образует концептосферу языка [Лихачев, 1991: 280-287], в которой концентрируется культура нации. Определяющим в таком подходе является способ концептуализации мира в лексической семантике, основным исследовательским средством — концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними. Во-вторых, в более узком понимании к числу концептов Ю.С. Степанов и Нерознак относят семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры [Красавский, 2001: 78-89]. Совокупность таких концептов не образует концептосферы как некоего целостного и структурированного семантического пространства, но занимает в ней определенную часть — концептуальную область. И, наконец, к числу концептов относят лишь семантические образования, список которых в достаточной мере ограничен и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей. Обобщение точек зрения на концепт и его определения в лингвистике позволяет прийти к следующему заключению: концепт — это единица

коллективного сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословицы и антипословицы как средства выражения оценки и динамика системы ценностей лингвокультуры // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. Орел: «Картуш», 2022. С.10-17.

2. Абакумова, О.Б., Цуканов М.В. Нумерологический код культуры и его использование в преподавании иностранного языка и межкультурной коммуникации (на материале английского и русского языков и лингвокультур) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. М.: ИЯз РАН, 2023. Вып. № 1(18). С.4-24.

3. Аругюнова Н. Д. Логический анализ языка: квантификативный аспект языка / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Москва: Индрик, 2005 (ППП Тип. Наука). - 671 с.

4. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск. 1996. С.3-16

5. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С.3-16

6. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография. Волгоград, 2001.С.40-59

7. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 192 с.

8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем /; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. - Москва: УРСС, 2004 (ООО РОХОС). – 252 с.

9. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Вып. I. Архангельск, 1997.С.11-35

10. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. English proverbs and sayings with their russian equivalents / В. С. Модестов. - 4-е изд., стер. - Москва: Рус. яз. Медиа, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 467 с.

11. Степанов Ю. С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // ВЯ,1989, №4. С. 46–72.

12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. - М.: Школа: Языки русской культуры, 1996. - 286 с.

13. Топоров В. Н. Числа. // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Москва. Сов. энциклопедия, 1980-1982. С. 629- 631.

14. Топоров В. Н. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы / В. Н. Топоров. - Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 514.

Список использованных словарей:

15. Александрова Н. В. История математических терминов, понятий, обозначений: Словарь- справочник. Изд. 3-е, испр. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008 – 248 с.

16. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь /А.В. Кунин. – М.: Просвещение. – 1984. – 944с.

17. Лиман М. М. Школьникам о математике и математиках. – Москва: Просвещение, 1989 – 80 с.

18. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр.: – М.: Мир и Образование, 2016 – 736 с.

19. Рязанцев В. Д. Большая политехническая энциклопедия / Авт.-сост. В. Д. Рязанцев. – М.: Мир и образование, 2011 – 704 с. URL: https://polytechnic_dictionary.academic.ru/
20. Ammer Christine. The American heritage dictionary of idioms. -Boston: American Heritage, 1997. -1190 p. 9
21. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>
22. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>
23. Oxford Dictionary of Phrasal Verbs by A. P. Cowie, 1993.

Сведения об авторе:

Цуканов Михаил Викторович; аспирант 2 года обучения, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95; super-super-mikhail@yandex.ru;

Tsukanov Mikhail Viktorovich; 2 year postgraduate student, Oryol State University named after I. S. Turgenev, Orel, Komsomolskaya str., 95; 302026, Russian Federation, super-super-mikhail@yandex.ru

УДК 81

Использование песен на уроке английского языка как одно из средств повышения эффективности образовательного процесса

Мария Максимовна Шаненкова¹, Лариса Валентиновна Калашникова²

¹ ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», студент 2-ого курса института иностранных языков, Орёл, Россия, mariashanenkova@gmail.com

² ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Орёл, Россия, ikalashnikova@inbox.ru

Аннотация Статья посвящена исследованию одного из эффективных приемов обучения иностранным языкам – использованию песенных материалов при обучении иностранным языкам. Авторы статьи, принимая во внимание современные проблемы образования, делают вывод о том, что использование песен на уроке иностранного языка очень эффективно и положительно сказывается на мотивации, усвоении учебного материала и результатах обучения иностранным языкам. Предлагается несколько вариантов заданий, которые могут быть полезными в ходе образовательного процесса.

Ключевые слова: обучение, иностранный язык, лексикограмматически навыки, методика, музыкальные композиции.

Using songs in English class as one of the means of increasing the effectiveness of the educational process

Shanenkova Maria Maksimovna¹, Kalashnikova Larisa Valentinovna²

¹Orel State University named after I.S. Turgenev, student, Orel, Russia, mariashanenkova@gmail.com

²Orel State University named after I.S. Turgenev, Doctor of Philology, Professor of the English Language Department, Orel, Russia, ikalashnikova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of one of the effective methods of teaching foreign languages – the use of song materials in teaching foreign languages. The authors of the article, taking into account the modern problems of education, conclude that the use of songs in a foreign language lesson is very effective and has a positive effect on motivation, learning material and the results of foreign language teaching. Several variants of tasks that can be useful in the educational process are offered.

Keywords: teaching, foreign language, lexical and grammar skills, methodology, musical compositions.

Изучение иностранных языков представляет собой очень трудоемкий процесс. Это не удивительно, ведь ученикам приходится улучшать свои навыки в нескольких аспектах языка: аудировании, лексике, говорении, чтении, письме и, конечно же, грамматике. Последний, как правило, вызывает намного больше трудностей. Это доказывает неутешительная статистика, основанная на результатах школьников, ставших участниками Государственной Итоговой аттестации по английскому языку.

Изучив аналитические отчеты по итогам тестирования учащихся за 2018-2022 гг., опубликованные ОРЦОКО [Методический отчет. Режим доступа: <https://goo.su/12fyTHb> (дата обращения 29.09.2024)], мы увидели, что результаты школьников в Орловской области стабильно хорошие. Однако, если взять во внимание статистические данные, то станет ясно, что задания, в которых проверяются знания по грамматике и лексике изучаемого языка, вызвали больше всего трудностей. Становится ясно, что при составлении методического анализа работ школьников вывод был сделан на основе всей работы в целом. При этом не было уделено должное внимание отдельным заданиям и разделам.

Мы считаем, что данная ситуация сложилась в связи с несколькими причинами.

Во-первых, ученики овладели недостаточным словарным запасом. Это не позволило им показать свое мастерство и достойно справиться с выполнением предложенного задания.

Во-вторых, дети ограничены в практике речи и аудирования. В учебно-методических пособиях не уделено должное внимание отработке навыков, которые помогли бы показать более высокие результаты. Следовательно, средний процент выполнения раздела «Лексика и грамматика» не мог быть выше того, что показали учащиеся.

В-третьих, очень часто дети испытывают стресс и эмоциональное напряжение на уроках, в том числе и по иностранному языку. Это может быть связано с разными причинами. В таком состоянии ученики не могут в полной мере погрузиться в образовательный процесс и усваивать знания, так как они боятся своих неудач, плохой оценки, критики и так далее.

Для решения данной проблемы, мы хотим предложить один интересный и эффективный, на наш взгляд, прием. Чаще всего уроки английского языка проходят в достаточно обыденном формате, где школьникам предлагается выполнять однотипные упражнения в учебных пособиях, заучивать лексику, читать тексты на заданные темы и так далее. Однако со временем дети теряют интерес к занятиям, желание узнавать что-то новое о языке и его структуре, а также о стране изучаемого языка. Мы предлагаем использовать песни на английском языке, как одно из средств повышения эффективности образовательного процесса.

Немецкие методисты Г. Блелль и К. Хельвиг придерживались мнения, что: «Музыка и искусство свободно интерпретируются, оказывая след в культурном сознании, возбуждают креативность и индивидуальные языковые реакции» [Blell,

Hellwig 1996]. Ученые отмечают, что изучение иностранных языков напрямую связано с прослушиванием мелодий, так как они влияют на запоминание учебного материала, способствуют разгрузке головного мозга и помогают сделать процесс изучения иностранного языка более динамичным. Отечественный психобиолог и писатель В. Леви считает, что «музыка является одним из наиболее эффективных способов воздействия на чувства и эмоции школьников, представляющий собой мощный психологический побудитель, проникающий в подспудные глубины сознания» [Леви 2020, с. 64].

Принимая во внимание все вышеизложенное, мы считаем, что песни, оказывая мощное воздействие на психические процессы, позволят ученикам максимально полно воспринимать и усваивать информацию, опираясь на аудиальную и визуальную наглядность, что в свою очередь позволит повысить положительную мотивацию к изучению иностранных языков и получить прочные и качественные знания. Мы хотим предложить несколько вариантов заданий с использованием зарубежной музыкальной композиции, которые не только помогут повысить уровень знаний учеников, но и сделают образовательный процесс более насыщенным и ярким.

Ученикам средней школы предлагается следующее упражнение:

1. Read the lyrics before and listen to the song “Perfect” by Ed Sheeran.

Ученики слушают песню и получают инструкцию:

2. Try to imagine which of the two words you will hear. Then listen and circle the word you hear.

I found a girl/love for me

Darling just dive/jump right in

And follow my lead/trail

Well I found a girl/love beautiful and sweet

I never/always knew you were the one/someone waiting for me...

Далее проверяется выполнение задания

3. Were your predictions accurate?

Формат данного задания направлен на развитие различения отдельных единиц текста на слух. Без данного навыка учащимся будет очень сложно понимать информацию, которую доносит диктор (певец).

Далее мы считаем необходимым уделить особое внимание лексикограмматическим навыкам и закреплению их. Здесь можно предложить ученикам следующие задания:

Таблица 1. Упражнения для отработки грамматических правил и лексических единиц.

Задания	Выполнение учащимся требований
1. Find the examples of these tenses in the song	The Present Simple Tense: The Future Simple Tense: The Past Simple Tense:
2. Give the English equivalents	Босиком- Вопреки всему- Влюбиться- Подвести/бросить-
3. Give the synonyms for the following words	To betray- To murmur- To keep secrets-
4. Put the sentences in the correct order	<ul style="list-style-type: none"> ● And follow my lead ● I never knew you were the someone waiting for me ● I found love for me ● Darling just dive right in

После того, как все предложенные задания будут выполнены, следует обсудить прослушанную композицию. Ученики могут выразить свое мнение касательно того, какая ее главная мысль, понравилась музыка или нет. Более того, учитель может задать один общий вопрос, на который нельзя дать однозначный ответ. Это необходимо для того, чтобы каждый из учащихся мог выразить свое мнение. К примеру: “What is love?”.

Таким образом, повысить уровень владения иностранным языком можно с помощью включения иностранной музыки на уроках в школе. Зарубежные композиции сделают образовательный процесс более захватывающим, динамичным и значительно улучшат качество овладения материалом.

Список литературы

1. Цедрик М. Работа с песнями при изучении иностранного языка <https://skyteach.ru/methods/rabota-s-pesnyami-pri-izuchenii-angliyskogo-yazyika/> [электронный ресурс] (дата обращения 29.09.2024).
2. ОРЦОКО <http://www.orcoko.ru/> [электронный ресурс] (дата обращения 29.09.2024).
3. Бурькина Е. А. Использование песен на уроках английского языка <https://goo.su/6UnCuJU> [электронный ресурс] (дата обращения 29.09.2024)
4. Ривлина А.А. Глобализация английского языка и формирование массового русско-английского билингвизма // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 4. Филологические науки. С. 104–108.
5. Рыжкова Н.И. Обучающий потенциал использования аутентичного песенного материала в ходе обучения иностранному языку // Н.И. Рыжкова, О.В. Прибыткова, Е.Ю. Пономарева. - Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. - 2017. - № 5 (18). - С. 152–153.
6. Леви В. Вопросы психобиологии музыки / В. Леви // Советская музыка. – М., 2000. – № 8 – С. 13–19, 64.
7. Blell G., Hellwig K. Bildende Kunst und Musik im Fremdsprachenunterricht / G. Blell, K. Hellwig. – Frankfurt; М., 1996. – 385 с.

Сведения об авторах:

Шаненкова Мария Максимовна, студент 2-ого курса института иностранных языков, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» Орёл, Россия, mariashanenkova@gmail.com.

Калашникова Лариса Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» Орёл, Россия, kkalashnikova@inbox.ru

СЕКЦИЯ 1: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ

УДК 81

Влияние цифровизации на антропонимический код культуры немецкоязычного этноса

Раиса Ивановна Бабаева

Ивановский государственный университет, профессор кафедры зарубежной филологии, доктор филологических наук, Иваново, Россия, nitdaf@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, проведенного на материале электронного корпуса немецкого языка. Объектом наблюдения являются антропонимы, семантика и сфера употребления которых связана с цифровой тематикой. Как правило, эти слова являются образными выражениями или входят в состав образных высказываний, поэтому они могут быть частью антропонимического культурного кода немецкого этноса. В работе представлены тенденции влияния цифровизации на появление и употребление «цифровых» антропонимов.

Ключевые слова: антропоним, национальная картина мира, антропонимический код культуры, клишированная фраза, фразеологизм

The Impact of Digitalization on the Anthroponymic Code of the Culture of the German-Speaking Ethnic Group

Raisa I. Babaeva

Ivanovo State University, professor of the Department of Foreign Philology, doctor of Philological Sciences, Ivanovo, Russia, nitdaf@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a study conducted on the material of the electronic corpus of the German language. The object of observation is anthroponyms, the semantics and scope of use of which are related to digital topics. As a rule, these words are figurative expressions or are part of figurative statements, so they can be part of the anthroponymic cultural code of the German ethnic group. The work presents trends in the influence of digitalization on the emergence and use of "digital" anthroponyms.

Keywords: anthroponym, national picture of the world, anthroponymic code of culture, cliched phrase, phraseological unit

В повседневной коммуникации имена собственные являются теми словами, по которым носители языка легко идентифицируют собеседников как «своих» или «чужих». В пословицах, поговорках, фразеологизмах, которые являются национальным культурным достоянием этноса, антропонимы также являются индикаторами связей образных выражений с традициями и ценностями собственного народа. Например, идиомы с именами исторических личностей – für den alten Fritzen, seinen Friedrich Wilhelm unter etwas setzen, устойчивые сочетания с типично немецкими именами, ставшими характеризующими, – Hans im Glück, Hans-guck-in-die-Luft, Lieschen Müller, der deutsche Michel, а также номинации неодушевленных предметов именами собственными – Tante Emma (маленький магазинчик), Grüne Minna (полицейский автомобиль для транспортировки заключенных) образуют антропонимический код немецкого этноса [Бабаева, Чертанова 2021] . Как отмечает М. Л. Ковшова,

«совокупность антропонимов, наделенных дополнительными, культурными смыслами, образует антропонимический код культуры» [Ковшова 2019, с. 150].

К антропонимическому коду культуры, вероятно, можно отнести и отдельные слова, которые восходят к именам собственным, соотносимым с определенными известными в рамках данного этноса личностями. Например, глаголы *merkeln*, *scholzen*, *baerbocken* в наши дни понятны носителям немецкого языка [Дойникова 2023.]. Культурно маркированными, вероятно, можно считать и сложные нарицательные слова, в состав которых входит имя собственное, например, *Hanswurst*, *Prahlhans*, *ein ...fritz / ...fritze* (*Autofritze*). В этих антропонимах зафиксированы ценности и антиценности немецкого народа, они являются частью немецкой языковой картины мира.

Как известно, представления носителей языка могут со временем изменяться, неактуальное может уйти в небытие, а новые предметы и явления сопровождаются возникновением новых образных единиц, которые со временем могут пополнить антропонимический культурный код этноса. В наши дни таким новым явлением, проникающим во все сферы жизни общества, является цифровизация. Она влияет на все стороны жизни людей, в том числе и на когнитивную сферу человека, а также на культурную составляющую общества. Отражение цифровизации в системе языка уже привлекало внимание лингвистов, но взаимосвязь цифровизации и образных антропонимов пока не получила освещения в лингвистической науке. Обратимся к данному аспекту на материале немецкого языка.

В ходе работы с электронным корпусом современного немецкого языка DWDS был обнаружен ряд антропонимов, семантика и контексты употребления которых взаимосвязаны с цифровизацией современного немецкоязычного общества.

Появление в интернет-пространстве при описании процессов цифровизации новых композитов, в состав которых входит компонент, образованный от имени собственного *Fritz*. Использование этого компонента в немецких сложных существительных является показателем того, что речь идет именно о людях, специализирующихся на определенной профессиональной деятельности. В словаре Дуден дается следующее толкование данного элемента композита: «... kennzeichnet in Bildungen mit Substantiven – seltener mit Verben (Verbstämmen) – eine männliche Person, die allgemein durch etwas, häufig eine berufliche Tätigkeit, charakterisiert ist.» [Duden]. Композиты с компонентом *-fritze* обозначают компьютерщиков, айтишников, профессионалов в сфере информационных технологий в немецкоязычном пространстве: *Computerfritze*, *Internetfritze*, *Cyber-Fritze*, *Blogfritze*, *Digitalfritze*.

Следующие примеры и их переводы иллюстрируют контексты употребления данных слов: *Mein Cyber-Fritze versucht ihn zu identifizieren./ Мой айтишник пытается опознать его; Jedes Jahr nominiere ich daher als Blog-Fritze, der das Ganze organisiert und online stellt, erst mal eine Shortlist meiner 16 Favoriten der letzten 12 Monate. / Каждый год, как блоггер, который все это организует и выкладывает в Интернет, я сначала составляю короткий список из 16 моих фаворитов за последние 12 месяцев.; Wie gut, dass der berühmte, kluge Gerhard Richter malt und nicht singt. Dann wird nämlich kein Digitalfritze je ein Hologramm aus ihm machen./ Как хорошо, что знаменитый умный Герхард Рихтер рисует, а не поет. Тогда ни один цифровой гений никогда не сделает из этого голограмму.; Der Computerfritze hat das Problem aber nie gefunden/ Но компьютерщик так и не нашел проблему [DWDS]. Таким образом, имя Фритц в немецком культурном коде ассоциируется с профессионализмом, увлеченностью делом, в то время как в русской национальной картине мира закрепилось обозначение этим именем немцев, особенно в период Великой отечественной войны.*

Другая тенденция, в которой проявляется влияние цифровизации на употребление имен собственных, связана с расширением немецкого антропонимикона. Примером

этого является внедрение в немецкую речь имени Siri, которым назван цифровой ассистент. Конкуренцию этому виртуальному помощнику составляет Alexa – голосовой помощник от фирмы Amazon. Имя Алекса для немецкого потребителя воспринимается как «свое», так как оно широко распространено в немецкоязычном пространстве и кроме того, оно связано с культурно значимой информацией. Берлинцы любовно называют главную площадь своего города Alexanderplatz сокращенным именем Alex, а торговый центр на этой площади носит имя Алекса. В наши дни это имя стало известно носителям немецкого языка в большой мере в качестве имени цифрового ассистента. В немецкой прессе отмечается, что виртуальные ассистенты стали незаменимыми помощниками в каждом доме, и наиболее распространенным в немецкоязычных странах стал голосовой помощник от фирмы Amazon – Alexa.

«Die smarten Sprachassistenten erobern in hohem Tempo unsere Häuser inklusive der Geräte wie "Kühlschrank, TV, Licht, Heizung und mehr. Die beliebtesten Unternehmen oder diese mit dem notwendigen finanziellen Polster, sind Vorreiter am Markt der Sprachassistenten und liefern sich gerade einen Kampf um die Marktanteile. Trotzdem muss man sagen dass Amazon seinen Job sehr gut gemacht hat. ... Was den deutschsprachigen Raum betrifft, hat das Amazons Echo derzeit eine Monopolstellung. Wir werden sehen, wie lange das noch so bleibt und was sich am Markt der Sprachassistenten weiter tut.»/ «Умные голосовые помощники быстрыми темпами завоевывают наши дома, включая такие устройства, как холодильники, телевизоры, светильники, системы отопления и многое другое. Самые популярные компании или те, у кого есть необходимая финансовая подушка, являются пионерами на рынке голосовых помощников и в настоящее время борются за это место. Тем не менее, надо сказать, что Amazon справился со своей задачей очень хорошо... Что касается немецкоязычного региона, то Amazon Echo в настоящее время занимает монопольное положение. Посмотрим, как долго оно продлится и что будет происходить на рынке языковых помощников.» [https://www.medienkraft.at/]

Виртуальный ассистент воспринимается пользователями как человек, о чем свидетельствуют используемые метафоры, сравнения, олицетворения в текстах с данным антропонимом: *Smartes Zuhause: Alexa und Co. bereits gängige Mitbewohner/ Умный дом: Алекса и компания уже популярные соседи по комнате; Wie Wanda, nur ein bisschen anders: Alexa/ Как Ванда, только немного другая: Алекса; Zuvor arbeitete sie bei Amazon an der deutschen Persönlichkeit von Alexa mit / Ранее она работала над немецкой личностью Алексы на Amazon; Seitdem Alexa bei uns daheim eingezogen ist, bin ich dabei unser Zuhause smarter zu machen/ С тех пор, как Алекса переехала в наш дом, я работаю над тем, чтобы сделать наш дом умнее [DWDS].*

О том, что антропоним Алекса получил новое значение и стал широко употребляться в качестве номинации виртуального помощника, свидетельствуют типичные контексты и клишированные фразы: *Alexa von Amazon/ Amazon Alexa; Sprachsteuerung mit Amazon Alexa; Sprachassistenten wie Alexa und Siri; die neue Alexa; Verwendung der Amazon Alexa; kompatibel mit Alexa, Siri; Apple Siri; Sprachsteuerung über Alexa; Kompatibel mit Amazon Alexa; die Interaktion sowohl mit Amazon Alexa und Google Assistant, als auch mit Siri; Smart-Assistenten wie Alexa, Google Home oder Siri; Integration von Amazon Alexa; die Verbindung mit Amazon Alexa; über die Alexa App bedienbar; via Amazon Alexa gesteuert; Amazon Alexa eingebaut; einen Suchlauf über Alexa starten [DWDS].*

Получили распространение стандартные фразы и фразеосхемы, используемые в качестве команд при коммуникации с виртуальным помощником: **обращение + вопрос:** *"Alexa, bin ich krank?" und sagt, das Programm könne jetzt auch die Sprechstunde beim Arzt ersetzen;* **обращение + директив (использование глагола в повелительной форме):** *„Alexa, dreh die Heizung im Wohnzimmer hoch.“ oder „Siri, spiel mein*

Lieblingsalbum.“; „Alexa, stell die Heizung auf 23 Grad!“; „Alexa schalte Steckdose XY ein/aus“.

О том, что «цифровые» антропонимы постепенно становятся частью немецкого культурного кода свидетельствует и тот факт, что они получают новые прагматические функции – служат источником комического эффекта, а фразеосхемы с антропонимами используются в мемах и анекдотах, опубликованных в виртуальной сети. Приведем лишь несколько примеров: „Alexa, bin ich hübsch?“ – „Ich habe sieben Schönheitschirurgen in deiner Nähe gefunden.“/ Алекса, я красивая?» — «Я нашла семь пластических хирургов в твоём районе»; „Siri, ist noch Bier im Kühlschrank?“ – „Ist mir scheißegal, frag doch deine neue Schlampe Alexa!“/ «Сири, в холодильнике ещё есть пиво?» — «Меня это не волнует, просто спроси свою новую потаскушку Алексу!»/ „Alexa, warum habe ich immer Probleme mit Frauen?“ – „Ich heiße Siri.“/ «Алекса, почему у меня всегда проблемы с женщинами» — «Меня зовут Сири» [Pinterest].

Таким образом, цифровизация способствует появлению новых образных значений, прагматических функций и новых контекстов у немецких антропонимов, которые могут со временем стать частью антропонимического кода немецкого этноса.

Список литературы

10. Бабаева Р. И., Чертанова В. Д. Аксиологический потенциал немецких фразеологизмов с антропонимами// Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2021. № 17. С. 13-22.

2. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропологический код культуры. М., ЛЕНАНД, 2019. 400 с.

3. Дойникова М. И. Юмористические средства в политических интернет-мемах (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yumoristicheskie-sredstva-v-politicheskih-internet-memah-na-materiale-nemetskogo-yazyka> (дата обращения: 02.10.2024).

4. Duden. URL: https://www.duden.de/ueber_duden (дата обращения: 02.10.2024).

5. DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 01.10.2024).

6. Medienkraft <https://www.medienkraft.at/> (дата обращения: 01.10.2024).

7. Pinterest <https://www.pinterest.de/> (дата обращения: 01.10.2024).

Сведения об авторе:

Бабаева Раиса Ивановна; доктор филологических наук, доцент, Ивановский государственный университет, 153025, Российская Федерация, Иваново, ул. Ермака, д. 39; nitdaf@mail.ru

УДК 81

Метафорическое моделирование действительности как одно из средств эффективного вербального воздействия на аудиторию

Анна Михайловна Говенько

Брянский государственный аграрный университет, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Брянск, Россия, am-govenko0310@mail.ru

Аннотация. В статье представлено системное рассмотрение антропоморфной, милитарной, домашней, артефактной, ориентационной и пространственной метафор,

сопряженных со стратегиями речевого воздействия и идеологемами публичного дискурса современного испанского монарха. Системное рассмотрение семантических сфер-источников используемых метафор позволило выявить следующие тенденции: в королевских речах внутренней адресации вышеуказанные метафоры служат вспомогательными инструментами для агитационной, информационно-интерпретационной и кооперационной стратегий и являются неотъемлемой чертой выступлений перед национальной аудиторией в силу необходимости закрепления в сознании сограждан ярких и однозначных образов реалий общественно-политической действительности.

Ключевые слова: метафорическое моделирование действительности, рассмотрение антропоморфной, военной, домашней, артефактной, ориентационной и пространственной метафор, понимание англоязычной культуры.

Metaphorical modeling of reality as one of the means of effective verbal influence on the audience

Anna M. Govenko

Bryansk State Agrarian University, Bryansk, Russia, senior lecturer, am-govenko0310@mail.ru

Abstract. The article presents a systematic examination of anthropomorphic, military, domestic, artifact, orientation and spatial metaphors associated with strategies of speech influence and ideologemes of public discourse of the modern Spanish monarch. A systematic examination of the semantic spheres-sources of the used metaphors allowed us to identify the following trends: in royal speeches of internal addressing, the above-mentioned metaphors serve as auxiliary tools for agitational, information-interpretation and cooperation strategies and are an integral feature of speeches before a national audience due to the need to consolidate in the minds of fellow citizens vivid and unambiguous images of the realities of socio-political reality.

Keywords: metaphorical modeling of reality, consideration of anthropomorphic, military, domestic, artifact, orientation and spatial metaphors, understanding of English-speaking culture.

Цель статьи – изучение метафорического моделирования действительности как одного из средств эффективного вербального воздействия на аудиторию в публичных речах испанского монарха Филиппа VI в политическом контексте Испании. В статье представлено системное рассмотрение антропоморфной, военной, домашней, артефактной, ориентационной и пространственной метафор, сопряженных со стратегиями речевого воздействия и идеологемами публичного дискурса современного испанского монарха. Теоретической базой исследования являются работы основоположников теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также А.П. Чудинова и Э.В. Будаева, развивающих положения политической метафорологии в лингвопрагматическом и дискурсивном аспектах. Материалом исследования стали публичные речи Филиппа VI, произнесенные и размещенные на сайте испанского Королевского дома. За исходное положение в статье принято рассмотрение метафоры как ментального и лингвосоциального феномена, активно задействованного в современной агитационно-политической речи первых лиц государств[2].

Результаты исследования показывают, что сферой-мишенью метафорического проецирования в публичном дискурсе государственного лидера является постоянно меняющаяся политическая, социальная и экономическая ситуация в стране. Системное рассмотрение семантических сфер-источников используемых метафор позволило выявить следующие тенденции: в королевских речах внутренней адресации

вышеуказанные метафоры служат вспомогательными инструментами для агитационной, информационно-интерпретационной и кооперационной стратегий и являются неотъемлемой чертой выступлений перед национальной аудиторией в силу необходимости закрепления в сознании сограждан ярких и однозначных образов реалий общественно-политической действительности. В королевских речах внешней адресации метафоры используются в первую очередь в рамках стратегии презентации страны и декларативной стратегии для создания положительного образа Испании и трансляции принципов существования Европейского союза[3].

Метафора – одно из выразительных средств языка, которое позволяет глубже и ярче выразить свою мысль. Метафоры – это показатель развития языка, культуры и речи человека и нации. Английский язык богат на метафоры, которые поражают глубиной и образностью. Он пластичен, в нем много возможностей для творчества и создания своих метафорических выражений.

Метафоры обогащают язык и показывают высокий уровень владения языком. Поэтому при изучении английского наряду с повседневной лексикой, идиомами, фразовыми глаголами, нелишним будет выучить несколько распространенных красивых метафор.

Английские метафоры далеко не всегда похожи на русские. В них проявляется особый менталитет, культурный багаж и особенности языка. Поэтому изучение метафор полезно не только для развития английского языка, но и для лучшего понимания англоязычной культуры.

Метафоры могут использоваться как в устной разговорной речи, так и в письменной речи – в художественных текстах. Например, от англичан или американцев можно часто услышать такие выражения, как «кипеть от возмущения» — *boiling mad*, «музыка для ушей» (приятно слышать) – *music to the ears*, «чистое небо» (нет угроз) – *clear skies*. А такие метафоры, как *melt away* – «растаять» (о мыслях, чувствах и других нематериальных вещах), *a dagger to my heart* – «нож в сердце» или *move heaven and earth* – «свернуть горы», чаще используются в книгах.

Английские метафоры могут быть очень короткими, в одно слово, составленное из двух или нескольких. Типичные примеры – *a mindgame* («игры разума», головоломки), *narrow-minded* («узкий разум», предвзятый), *soul-searching* («поиски в душе», самоанализ). Большинство метафор – это выражения из двух или нескольких слов, которые в буквальном смысле не подходят друг другу, но при использовании вместе создают живое и интересное метафоричное выражение. Например, *to fire someone's enthusiasm* – возбудить, буквально «зажечь» энтузиазм.

Некоторые английские метафоры так прижились в языке, что стали устоявшимися выражениями, которые воспринимаются, как фразеологизмы. Например: *come rain and shine* – будь что будет, *life and soul of the party* – душа компании, *America is a melting pot* – Америка это плавильный котел.

Метафора – одно из выразительных средств языка, которое позволяет глубже и ярче выразить свою мысль. Метафоры – это показатель развития языка, культуры и речи человека и нации. Английский язык богат на метафоры, которые поражают глубиной и образностью. Он пластичен, в нем много возможностей для творчества и создания своих метафорических выражений.

Метафоры обогащают язык и показывают высокий уровень владения языком. Поэтому при изучении английского наряду с повседневной лексикой, идиомами, фразовыми глаголами, нелишним будет выучить несколько распространенных красивых метафор[4].

Английские метафоры далеко не всегда похожи на русские. В них проявляется особый менталитет, культурный багаж и особенности языка. Поэтому изучение метафор полезно не только для развития английского языка, но и для лучшего понимания англоязычной культуры.

Метафоры могут использоваться как в устной разговорной речи, так и в письменной речи – в художественных текстах. Например, от англичан или американцев можно часто услышать такие выражения, как «кипеть от возмущения» — *boiling mad*, «музыка для ушей» (приятно слышать) – *music to the ears*, «чистое небо» (нет угроз) – *clear skies*. А такие метафоры, как *melt away* – «растаять» (о мыслях, чувствах и других нематериальных вещах), *a dagger to my heart* – «нож в сердце» или *move heaven and earth* – «свернуть горы», чаще используются в книгах.

Английские метафоры могут быть очень короткими, в одно слово, составленное из двух или нескольких. Типичные примеры – *a mindgame* («игры разума», головоломки), *narrow-minded* («узкий разум», предвзятый), *soul-searching* («поиски в душе», самоанализ). Большинство метафор – это выражения из двух или нескольких слов, которые в буквальном смысле не подходят друг другу, но при использовании вместе создают живое и интересное метафоричное выражение. Например, *to fire someone's enthusiasm* – возбудить, буквально «зажечь» энтузиазм.

Некоторые английские метафоры так прижились в языке, что стали устоявшимися выражениями, которые воспринимаются, как фразеологизмы. Например: *come rain and shine* – будь что будет, *life and soul of the party* – душа компании, *America is a melting pot* – Америка это плавильный котел.

Вывод. Чтобы говорить изящнее на английском языке, ищите и запоминайте метафоры. Находите интересные примеры в книгах и записывайте их, замечайте метафоричные выражения в речи носителей языка и тоже старайтесь их использовать. И подписывайтесь на наш блог, в наших статьях на разные темы тоже можно найти хорошие примеры.

Список литературы

1. Калашникова Л.В., Говенько А.М. Метафорические переносы в поэтическом дискурсе Р. Бернса. *Reports Scientific Society* /, 2024, № 5(49). С.41-45.
2. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс: вступ. ст. / Н.Д. Арутюнова // Теория Метафоры / общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. -М.: Прогресс, 1990. - С. 5-32.
3. Гак В.Г. Русская политическая метафора (материалы к словарю).
4. Зыкова Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII века. М.: ИМЛИ, 1999. 256 с.

Сведения об авторе:

Говенько Анна Михайловна; старший преподаватель кафедры иностранных языков, Брянский государственный аграрный университет, Российская Федерация, п. Выгоничи, ул. Спортивная, д9.; am-govenko0310@mail.ru

Govenko Anna Mikhailovna; Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Bryansk State Agrarian University, Russian Federation, Vygonichi, st. Sportivnaya, 9. ; am-govenko0310@mail.ru

УДК 81'33

Особенности лексикографической и смысловой репрезентации когнитивного варьирования медикаментозной анестезии vs эйфории

Лидия Глебовна Золотых¹, Наталья Алексеевна Калёнова²

¹ Сычуаньский университет, профессор факультета русского языка Института

иностранных языков, доктор филологических наук, Чэнду, Китай, zolotyhlg@yandex.ru

² Волгоградская государственная консерватория им. П. Серебрякова, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Волгоград, Россия, knarus@ro.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям когнитивного варьирования семантической оппозиции «анестезия vs эйфории» в аспекте медикаментозного влияния. На материале фундаментальных словарей XX–XXI вв. представлены эволюционные процессы формирования словообразовательной и семантической парадигмы с общим структурным компонентом ‘нарко’.

Ключевые слова: когнитивное варьирование, семантическая оппозиция, наркоз, наркотик, наркозависимый, морфинист.

Peculiarities of lexicographic and semantic representation of cognitive variation of medication anesthesia vs euphoria

Lidiia G. Zolotykh¹, Natalya A. Kalenova²

¹ Sichuan University, professor of the Institute of Foreign Languages and Culture, doctor of Philology, Chengdu, People’s Republic of China, zolotyhlg@yandex.ru

² Volgograd State Serebryakov Conservatory, associate professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, doctor of Philology, Volgograd, Russia, knarus@ro.ru

Abstract. Abstract. The article is devoted to the peculiarities of cognitive variation of the semantic opposition ‘anaesthesia vs euphoria’ in the aspect of medication influence. The evolutionary processes of word-formation and semantic paradigm formation with the common structural component ‘narco’ are represented on the material of fundamental dictionaries of the XX-XXI centuries.

Key words: cognitive variation, semantic opposition, anaesthesia, drug, drug addict, morphine addict.

Современная когнитивная наука исходит сегодня из основного своего тезиса, который связывает когницию с представлением мира сознающего и познающего субъекта через знаковые репрезентанты, что актуализирует значимость антропоцентрической парадигмы современных гуманитарных наук, определяющих в качестве главного объекта изучения человека, его сознание, знаковые системы, которыми он пользуется. Направленность когнитивной деятельности на расширение смысловых связей, отражающих практическую деятельность человека как основного стимула когнитивного варьирования, определяется субъективным опытом в процессе интерпретации предметов, явлений, событий в аспекте соотношения языка и познания, в частности семантики лингвистических единиц и их смысловой реализации.

Обращение к такому деликатному предмету исследования, как словообразовательно-семантическая парадигма с общим структурным компонентом ‘нарко’, определено социальной проблемой, которая, несомненно, отражена в лингвокультуре. Например, в английском языке выделенный нами семантический компонент интерпретируется двумя вариантами, ср.: 1) drug – наркотик; drug addiction – наркозависимость; drug addicted – наркозависимый; druglord – наркобарон; drug business – наркобизнес; drug dealer – наркотреговец; drug store – аптека. 2) narco – нарко (сленг); narco traffic – наркотрафик; narco smuggling – контрабанда; narco – наркобарон; narc – человек, расследующий преступления, связанные с наркотиками. **Наркотик** – ‘Природное или синтетическое вещество, введение которого в организм вызывает (в зависимости от вида и дозы) состояние эйфории, опьянения, возбуждения, оглушения и

т.п., а также подобного рода сильнодействующее вещество, которое применяется в медицине как обезболивающее или снотворное средство' [Морковкин, Богачёва, Луцкая 2016, с. 584].

Особенности лексикографической репрезентации анестезии в аспекте медикаментозного влияния обусловлены понятийными зонами сфер, связанных с физическим состоянием человека и медицинских знаний, которые направлены на лечебный прогресс. Обращение к материалам фундаментальных словарей XX–XXI вв. возможно представить эволюционные процессы формирования словообразовательной и семантической парадигмы с общим структурным компонентом 'нарко'.

В «Этимологическом словаре русского языка» (Составитель – А. Преображенский, заслуженный преподаватель Московской 4-й гимназии) приводится следующая этимологическая справка:

Наркоз, Р. наркоза, книжн., временное отравление до потери сознания; наркотический; наркотизм.

– Новое заимств. из зап.-европ. фр. *narcose*, *narcotique*. нем. *narkosis*, *narkotisch* и проч. [Первоисточник гр. *νάρκη* оцепенение, паралич, *νάρκω* я в параличе, цепенею. PrEW. 306. Boisacq, Dé. 657.] [Преображенский 1910–1914, с. 593].

Подобное происхождение слова *наркоз* отмечено и в популярном «Кратком этимологическом словаре русского языка», где также дано этимологическое происхождение слова *наркотик*:

Наркóз. Заимств. в XIX в. из франц. или нем. яз. Франц, *narcos*, нем. *Narkose* < греч. *narkōsis* – «оцепенение, паралич», деривата от *παρκέ* – тж. [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 283].

Наркóтик. Заимств. в XX в. из франц. яз. Франц, *narcotique* < ср.-лат. *narcoticus*, являющегося переоформлением греч. *narkotikos*. См. наркоз [Шанский, Иванов, Шанская, 1971, с. 283].

В английском языке понятия «наркоз» и «анестезия» представлены одной номинацией – *anaesthesia*. В русском языке лексикографически зафиксированы две интерпретации косвенных древнегреческих заимствований, ср.:

Анестезия (нэстэ), анестезии, мн. нет, ж. (греч. *anaesthesia* - бесчувственность) (мед.). Потеря или ослабление восприимчивости к внешним раздражениям, в особенности к чувству боли и осязания [Ушаков 1935, Т. 1].

Наркоз, наркоза, м. (греч. *narkosis* – оцепенение). 1. Искусственно вызванная потерей чувствительности каким-н. органом (местный наркоз) или глубокое усыпление с потерей сознания и с полной нечувствительностью (общий наркоз; мед.). Операция под наркозом (в состоянии наркоза). Подвергнуть наркозу. 2. То же, что наркотик (разг.). Дать больному наркоз [Ушаков 1938, Т. 2].

Когнитивное варьирование данных терминов связано с достижениями в отечественной медицине: первые операции с использованием эфирного наркоза в России датируются 1846-1847 гг. Приведем пример из романа «Московская сага», события которого происходят осенью 1930 года:

Через день в хирургической клинике Первого московского медицинского института состоялась долгожданная операция с применением нового метода анестезии. <...> Все прошло на удивление гладко. Разработанный в последние месяцы анестезирующий состав прекрасно действовал на стволы и окончания нервов. Пациент был спокоен, шутил с сестрами. «Как себя чувствуете, Юзеф Александрович?» – каждые пять минут спрашивал его Градов, и каждый раз почтенный настройщик роялей с неизменной бодростью отвечал: «Прекрасно, Борис Никитич». Теперь Савва Китайгородский накладывал последние швы. Вскоре больного увезли. Хирурги отступили от стола и сняли маски. Амфитеатр разразился

аплодисментами.

– *Итак, товарищи, можно считать, что с сегодняшнего дня **анестезионная система Градова – Китайгородского продвинута в общую практику!** – громогласно объявил профессор.*

Савва смотрел на своего шефа с ошеломленным видом, да и все присутствующие были удивлены: мало кто из профессоров так просто делился славой с молодыми помощниками [Аксёнов 2018, с. 179–180].

Контекстуальная репрезентация широкого диапазона когнитивного варьирования определяет позитивную значимость коммуникативно-прагматической ситуации: *новый метод анестезии – разработанный в последние месяцы анестезирующий состав – анестезионная система Градова – Китайгородского продвинута в общую практику.* Здесь утверждается **анестезия** как важный продукт ценностно-смысловой деятельности личности – профессиональной деятельности врача для спасения жизни пациента.

Интересны следующие лексикографические репрезентации терминов:

Наркотизатор, м. (мед.). Лицо, производящее наркотизации.

Наркотизация, ж. (мед.). Действие по глаг. наркотизировать.

Наркотизировать, сов. и несов., кого-что (мед.). Привести (приводить) в состояние наркоза. Наркотизируемый больной [Ушаков 1938, Т. 2].

С первой половине XX века лексикографически фиксируется ясно различимая семантическая оппозиционность слов с компонентом ‘нарко’, которые выражают медикаментозную эйфорию в противопоставлении когнитивных вариантов, описывающих качества, характерные человеку. Ср.:

Наркоман, м. (мед.). Человек, страдающий наркоманией [Ушаков 1938, Т. 2].

Наркоман, м. Человек, больной наркоманией – непреодолимым влечением к употреблению наркотиков. *Начинающий н. Хронический н. Героиновый н. Н. со стажем. Статья наркоманом* [Морковкин, Богачёва, Луцкая 2016, с. 583].

Наркомания, ж. (от греч. *nark* – сон, оцепенение и *mania* – страсть, безумно) (мед.). Болезнь, состоящая в непреодолимом влечении к употреблению различных наркотиков [Ушаков 1938, Т. 2].

Наркомания, *только ед.* Непреодолимое болезненное пристрастие к наркотикам, а также вызванное употреблением наркотиков тяжёлое заболевание с поражением внутренних органов, возникновением неврологических и психических расстройств и, как следствие, приводящее обычно к физической и социальной деградации больного и часто к смерти. **Син.** <наркозависимость>.

Запущенная (опийная, героиновая ...) **наркомания**. **Наркомания** где-л. (напр., среди молодёжи, в среде студентов, в какой-л. стране ...). Распространение (всплеск, последствия, признаки, лечение, рецидивы книжн., проблема ...) **наркомании**. Борьба ... **с наркоманией**. Вызывать (диагностировать несов. и сов., мед., лечить, предупреждать ...) **наркоманию**. Страдать зд. несов. ... **наркоманией**. Что-л. ведёт несов. ... **к наркомании**. Лечить кого-л. (лечиться, избавиться, страдать ...) **от наркомании**. Оказывать помощь (что-л. поражается зд. несов. ...) **при наркомании**. принимать меры ... **против наркомании** [Морковкин, Богачёва, Луцкая 2016, с. 583–584].

Формирование научного представления о человеке, в концепции В.В. Колесова, определяется социальными признаками «индивидуума в человеческом обществе. Личина как социальное проявление воли (своеволие с точки зрения Бога и свобода с точки зрения человека) является воплощением социальных ролей в общественной среде. Персона (*per se* – для себя), действующая сама по себе и главным образом для себя, – невозможная в прошлом роскошь личного существования» [Колесов 2001, с. 308]. Человеческие пороки развиваются, когда индивидуум начинает действовать сам по себе

и для себя.

Визуальный образ 'Наркомании' в виде очень худого мужчины, в руках которого шприц с иглой, создан Михаилом Шемякиным в скульптурной композиции «Дети – жертвы пороков взрослых», которая состоит из 15 скульптур представляющих человеческие пороки.

Вербальная объективация иглы как продукта отражения определенной действительности актуализирует негативную оценку: **игла** – 'очень тонкий заострённый металлический стержень для введения в организм жидких лекарств с помощью шприца. Инъекционная и. Одноразовая и. Надень иглу на шприц. Ввести иглу в вену. Наркоманы нередко колются грязными иглами, используя одну и ту же иглу для введения наркотика нескольким людям' [Морковкин, Богачёва, Луцкая 2016, с. 366].

Лаконичная форма фразеологизмов отражает динамичность социальных изменений посредством когнитивного варьирования образной семантики, вербализуя скрытые эмотивные и оценочные смыслы, ср.: **Сесть чаще сов. на иглу разг.** – стать наркоманом, нуждающимся в регулярном введении в организм наркотика с помощью шприца. **Сидеть на игле разг.** – быть наркоманом, нуждающимся в регулярном введении в организм наркотика с помощью шприца. **Посадить на иглу кого-л. разг.** – сделать кого-л. наркоманом, приучив к регулярному введению в организм наркотика с помощью шприца. **Слезть (соскочить) с иглы разг.** – перестать употреблять наркотики, особенно те, которые вводятся в организм с помощью шприца [Морковкин, Богачёва, Луцкая 2016, с. 366]. Образные выражения, в семантике которых интегрированно воплощаются результаты предметно-опытной деятельности медикаментозной эйфории являются негативнооценочными фразеологизмами.

Таким образом, в рамках данной статьи выявление особенностей когнитивного варьирования лексикографического представления и смысловой реализации номинаций, составляющих оппозицию «анестезия vs эйфория» в аспекте медикаментозного влияния, сосредоточено на воссоздание эволюционных семантических процессов, которые обозначены на оценочной шкале ключевыми понятиями: «наркоз» как медицинский термин с положительной семантикой и «наркомания» как болезнь с негативной семантикой.

Список литературы

1. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М., Типография Г. Лисснера и Д. Совко. Воздвиженка, Крестовоздвиженский пер., д. 9. 1910–1914. Том первый А–О. 679 с.
2. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. М., «Просвещение», 1971. 546 с.
3. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка (170 тыс. слов и словосочетаний) // Толковый словарь Ушакова онлайн URL: <https://ushakovdictionary.ru/letter.php?charkod=205> (дата обращения: 15.09.2024).
4. Аксёнов В. П. Московская сага. Книга 1. Поколение зимы. М., Эксмо, 2018. 480 с.
5. Морковкин В. В., Богачёва Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; под ред. В. В. Морковкина. М., АСТ-ПРЕСС КНИГА; Словари XXI века, 2016. 1456 с. (Фундаментальные словари).
6. Колесов В.В. Мир человека в русской ментальности // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. – Сб. статей. Выпуск I / Под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В. СПб, Изд-во «Петрополис», 2001. С. 87-99

Сведения об авторах:

Золотых Лидия Глебовна; доктор филологических наук, профессор, Сычуаньский университет, 610065, Китайская Народная Республика, г. Чэнду, ул. Ванцзянлу, 29; zolotyhlg@yandex.ru

Калёнова Наталья Алексеевна; доктор филологических наук, доцент, Волгоградская государственная консерватория им. П. Серебрякова, 400066, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Мира д. 5а; knarus@ro.ru

Zolotykh Lidiia Glebovna; Doctor of Philology, Professor, Sichuan University, 29 Wangjiang Road, Chengdu, 610065, People's Republic of China; zolotyhlg@yandex.ru ;

Kalenova Natalya Alekseevna; Doctor of Philology, Associate Professor, Volgograd State Serebryakov Conservatory, Mira st., 5a, Volgograd, 400066, Russian Federation; knarus@ro.ru

УДК 81

Основные принципы концептуализации (в сопоставлении с чешским языком)

Йиржи Коростенски

Доцент, кандидат филологических наук, Чешская Республика, независимый исследователь, korostenski@seznam.cz

Аннотация. Принципы концептуализации регулируются многими факторами. Речь идет об антропогенных факторах, как напр. ‚каноническая ориентация объекта‘ и др. Также языковые факторы влияют на формирование прототипического ядра *категории* объектов.

Ключевые слова: принципы концептуализации, антропогенные факторы, языковые факторы

Basic principles of conceptualization (in comparison with the Czech language)

Jirzhi Korostenski

Associate Professor, PhD in Philology, Czech Republic, independent researcher, korostenski@seznam.cz

Abstract. The principles of conceptualization are regulated by many factors. We are talking about anthropogenic factors, such as, for example, ‚canonical orientation of the object‘, etc. Also, linguistic factors influence the formation of the prototypical core of the category of objects.

Keywords: principles, conceptualizations, anthropogenic, linguistic factors.

Главной целью нашей статьи было обосновать на конкретном материале русского языка вопросы, связанные с процессами концептуализации в языке. Теоретически мы исходили из работ Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff – Johnson 2002], Д. Н. Арутюновой [1998], И. Ваньковой [Vaňková 2007] и других.

Классификация языкового материала и экспликации базировались на дедуктивно-индуктивных методах в сочетании с применением ассоциативного эксперимента, причем собственный выбор материала основывался на публицистическом словарном составе не только классической прессы, но также ее электронной версии.

Антропоцентризм как один из основных постулатов когнитивного подхода является не только общей прокламацией, он влияет на все остальные схемы изучения языковых явлений. С определенной натяжкой можно сказать, что антропоцентризм можно считать одним из самых общих принципов, с помощью которого объединены все остальные схемы, как ,ориентационные‘, ,локационные‘ и те, которые связаны не только с понятием ,плоскости‘ (*dlouhý* x *krátký*, *za úhlem*, *szadi*, *pobлизости*), но и структурированы на фоне понятия ,вертикальности-горизонтальности‘ пространства (,наверху‘ → *na вершине*, ,внизу‘ → *na более низких этажах*, *глубокий* x *высокий*), не только в самом концепте ,контейнера-емкости‘, но и в других схемах.

Усиление антропоцентрического понимания непосредственно влияет и на способ квантификации семантики в русле контраста фона и фигуры. Все указанные аспекты проецируются призмой психики в языковую картину мира.

Метафора образует один из основных строительных элементов когнитивного понимания языка. Принципы ее построения и квантификации, когда категоризация метафор на языковые и художественные отражала прежде всего аспект языковой, отличаются по сравнению с традиционным пониманием в частности языковыми аспектами, в то время как при когнитивном понимании метафоры приобретает ее возникновение характер способа и формы мышления, в конце мысленной цепи которого находится выражение в виде языковых рефлексий.

Самой яркой попыткой изложения начальных этапов возникновения метафоры мы считаем взгляды Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1998], согласно которым создание метафоры опирается на две основные синтаксические функции предложения. Взаимобусловливание функции «идентификации предмета речи» в теме функцией «предикации» в реме имеет ключевое значение с точки зрения реализации языковой метафоры именно потому, что существование двух основных семантических категорий слов – классификационных и семантических предикатов – вполне однозначно «регулирует» метафизику языкового выражения.

Подобную точку зрения отстаивает и В. Хрз [Chrz 1996 a, b], представляющий психологическое направление в понимании метафоры. В своей работе он различает несколько этапов возникновения метафоры, причем основным он считает процесс взаимодействия темы и «носителя», когда на основе их контакта возникает новое значение.

Г. Н. Складаревская [1990: 47 сл.] склоняется к денотативному пониманию метафоры, предполагая активное взаимодействие семантических черт, которые в разной степени принимают участие в метафорических переносах в роли «символа метафоры» как элемента «трансформации» языковой метафоры.

Когнитивный подход к изложению метафоры подчеркивает не только антропоцентрическое понимание процессов мышления в форме концептуализации форм ментальной структуры как базы для создания когнитивной метафоры, но одновременно признает и функции коннотативных черт как важной части заново вновь образовавшихся метафор. Тем не менее, даже теория когнитивной метафоры до сих пор не в состоянии дать хотя бы более-менее точный прогноз ее языковой рефлексии. Дело не только в конкуренции отдельных концептов, но и в возможности актуализации ряда вариантов в рамках определенного концепта.

Человеческая психика всегда формировалась под влиянием территориального фактора, что существенно влияло на смысл человеческого существования. Тем не менее,

понятие концепта ‚контейнера-емкости‘ является очень абстрактным понятием, которое в роли составной части ментальной структуры человека включает ряд частных аспектов, отражающих прежде всего противостояние ‚статической‘ и ‚динамической‘ основы человеческого существования и другие факторы человеческого бытия.

Суть возникновения самого концепта ‚контейнера-емкости‘ базируется на конкретном физическом опыте человека, как установили в своем классическом произведении «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson, 2002]. Тем не менее, первичным импульсом для достижения такой высокой степени абстракции, какой несомненно является осознание отношения «внутри x vs снаружи», мы считаем понимание непосредственного окружения человека, а не оппозиции «человеческого тела» vs «окружение», так как эти отношения непосредственно не связаны с визуальной перцепцией. Мы считаем ее решающим «информационным каналом» для создания концепта, в рамках которого человеческое тело следует считать функциональной (трансмиссионной) моделью, способствующей концептуализации абстрактных понятий, недоступных смысловому мышлению человека, на основе конкретно воспринимаемого опыта.

С большой долей вероятности можно предполагать, что концепт является в большой степени автономным образованием, включающим частные единицы разного порядка. т.е. на оперативном уровне существует своего рода актуальная «схема назначения», осуществляющая «отбор» самих концептов, и те выступают не только готовыми схемами, включающими коллективный опыт по отношению к «простейшим» объектам нашего непосредственного окружения, но и мнимые представления, наполненные индивидуальными предположениями, знаниями и опытом.

В ходе исследования проведены эксперименты с целью выявить у носителей языка понятие категории ‚емкость‘, образующее прототипическую основу концепта ‚контейнер-емкость‘.

На основе результатов теста было установлено, что определенная группа существительных, обозначающая предметные объекты разного происхождения с якобы отличающимся назначением (в общем понимании, напр., кухонная посуда, естественные и искусственные водоемы, а также, напр., определенные образования земной поверхности), объединяются в представлениях людей общей функцией. Несмотря на отличительные характеристики «емкостей» в плане их формы (круглые, квадратные, с четкими стенами и дном, бесформенные) и назначения (посуда для приготовления и хранения блюд, водоемы для хранения воды и др.), они объединены в сознании человека общим понятием категории «емкости». В пользу данного утверждения свидетельствуют результаты проведенного нами ассоциативного теста.

Более прототипичны такие объекты как *банка, бидон, блюдо, блюдце, бокал, бочка, бутылка, ваза, горшок, графин, ковш*, но к ним можно присоединить и другие объекты, напр.: *овраг, ущелье, яма, впадина, вулкан*. Налицо факт, что прототипичность знаков объектов, приводимых нами ниже, включает не только функциональные аспекты (напр., возможность ‚наливания‘, ‚выливания‘, ‚спускания‘ или ‚хранения жидкостей‘), но и существенные признаки формального характера (‚дно‘, ‚стена‘, ‚входное отверстие‘) и ориентационные признаки (‚вертикально-горизонтальная ориентация‘). Данные объекты с указанными прототипическими знаками создают основу для образования самого концепта ‚контейнера-емкости‘.

Следует отметить, что многие языковых рефлексии данного концепта скрыты не только в словообразовательных суффиксах имен, но и в предложениях, разных адвербиальных выражениях и адъективных лексемах.

О языке можно утверждать, что он является «подставленным» зеркалом, в котором отражается человеческое мышление. Это верно и в случае ‚контейнера-

емкости'. Степень абстракция непосредственно влияет на формальную концептуализацию некоторых частей объектов, входящих в понятийную сферу концепта ,контейнера-емкости'. Мы имеем в виду взаимообусловленное восприятие двух концептов, т.е. ,плоскости' и ,пространства'. Именно в случае объектов со сложной формальной конфигурацией типа *завод* или *улица* происходит взаимообусловливание двух аспектов картины мира – пространственного и плоскостного: *на улице x в улице, на заводе x в завод (инвестировать)*, учитывая активизацию других функциональных аспектов.

Дальше мы продолжаем обращать внимание на анализ сочетаемости прилагательных с существительными, первично обозначающих физические объекты. Наряду с этим мы специально обратились к оценочности их метафорических значений, так как именно данная языковая рефлексия является языковым воплощением концепта ,контейнера-емкости'. Хотя параметрические прилагательные типа *высокий x глубокий, длинный x короткий* и другие выступают в качестве концептуальных *квантификаторов* ,контейнера-емкости', тем не менее, в сфере предметных объектов типа ,емкость' и ,ядро' категории ,ёмкость' с ними связаны лишь косвенно. И здесь действуют антропоцентрические критерии, такие как ,каноническая ориентация' объекта, ,положение (позиция) наблюдателя' по отношению к ,объектам контейнера', ,постоянная закрепленность в пространстве' (напр., в словосочетании *высокая ветка*, но не *высокое яблоко).

Мы склонны считать, что итоговая квантификация результатов сочетаемости, влияющая на сочетаемость прилагательных с существительными, обозначающими предметные объекты в исследуемом сегменте концептуальных отношений, является вспомогательным критерием для установления ядра категории ,емкости' в рамках концепта ,контейнера-емкости'. По мере увеличения сочетаемостной потенции существительных с прилагательными в языковом выражении указанные лексемы приближаются к центру исследуемого явления. Ограничение сочетаемости в данном интервале языковых выражений является в большой степени отражением сложных отношений языковой картины мира.

Что касается анализа сочетаемости имен существительных, обозначающих предметные объекты с параметрическими прилагательными, представляем лишь вспомогательную характеристику при определении понятийно-семантической структуры прототипического ядра категории ,емкости' в рамках концепта ,контейнера-емкости'. На линии пересечения первого ассоциативного теста с результатами анализа сочетаемости сложилась группа из 12 русских существительных (*блюдо, бокал, ваза, горшок, стакан, сковорода, овраг, ущелье, яма, впадина, шахта, источник*). Данную группу можно с типовой точки зрения назвать гипотетическим ядром, на основе которого, при определенных условиях, в русском языке складывается понятийное оформление концепта ,контейнера-емкости'.

Мы затрагиваем только вопрос типового определения прототипических членов указанной группы слов, так как возможность «замены» с типовой точки зрения синонимичными членами довольно часта. Нам кажется, что указанная группа существительных с типовой точки зрения лучше всего соответствует понятию ,прототипическая емкость' и функционирует в качестве «трамплина» для создания концепта ,контейнера-емкости'. Причем формообразующие характеристики – ,стены', ,дно', ,входное отверстие' и т.д. – являются отправной точкой, а функциональная способность ,коммуникации' с окружением создает предпосылки для построения понятийной структуры концепта ,контейнера-емкости'.

Спектр проявлений антропоцентризма в языковой рефлексии необычайно широк, поэтому для русско-чешского сопоставления мы выбрали только один частный сегмент.

Анализируемый нами материал касается сферы человеческой перцепции в её лингвокогнитивном осмыслении. На начальном этапе процесса восприятия человеком окружающего мира очень важен механизм перцепции восприятий. Следует предполагать, что указанная область не только получит в языковых рефлексиях свое место, но и будет даже богато представлена, что в межъязыковом сравнении можно проиллюстрировать обилием интересного материала для сопоставления языковой картины мира обоих языков. Данная точка зрения подтверждается и многочисленными статьями, подчеркивающими указанную сферу восприятия [Алефиренко 2006, Vaňková 2007].

На основе сопоставляемого языкового материала можно подтвердить, что приоритетное положение в процессах перцепции закреплено в нашей культуре несомненно за визуальной перцепцией. Тем не менее, дело не касается столь изолированных друг от друга «входов». В ряде случаев происходит взаимопроникновение с перцепцией слуховой, тактильной, вкусовой и обонятельной. В области источников восприятия сфера визуальной перцепции составляет существенную часть не только с точки зрения самого выражения, но и создает в языковой рефлексии самые разнообразные фразеологизированные словосочетания. Значение органа зрения в русской языковой картине мира, помимо прочего, подчеркивается языковой рефлексией его составных частей (*краешком глаза, глаз, зеница ока, око*) и, как уже было сказано выше, также многочисленными фразеологическими оборотами: *беречь как зеницу ока, ради чьих-л. прекрасных глаз* и т.д.

Хотя в пространстве человеческого восприятия можно найти относительно широкую палитру источников, целевые значения уже менее разнообразны. Источниками концептуализации могут стать не только собственные органы восприятия – *глаза, уши, нос* и т.п., но и наименования самих процессов восприятия и многие другие характеристики, причем в итоге многие сводятся к одному общему значению. Например, многие фраземы со словами *глаза, уши, смотреть, глухой* и др. сводятся к одному значению. Этих значений намного меньше, чем источников, вступающих в концептуализацию, что можно, кроме указанного, считать результатом воздействия схем концептуализации. Схемы концептуализации являются, по нашему мнению, причиной сокращения числа понятийных «единиц», вступающих в концептуализацию. Мы считаем, что процесс самого «изменения» на пути от «источника» к «выходу» происходит в трех основных узлах. Главной является область источника и цели, хотя вся динамика процесса перемен развивается на фоне определенной схемы концептуализации. Схема концептуализации «контейнера-емкости» часто передает активные процессы сферы «значения», «эмоций», «качества», «отношений» и т.д.

В заключение можно сказать, что языковые рефлексии находятся в самом конце мыслительной цепи человеческого процесса познания, и его многообразие отражает широкий спектр и одновременно диалектическую противоречивость языковой картины мира. Являясь одним из самых значительных факторов, влияющих на процессы познания, антропоцентризм по-разному отражен в языковой форме.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура. Когнитивно-семиологическая синергетика слова. Волгоград: Перемена: 2006. 227 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
5. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке)// Известия АН, серия литературы и языка 1999, т. 58, № 5–6, С. 3–12.

4. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. С-Пб: Наука, 1993. 150 с.
5. Chrz, V. Psychologie metafor I: Metafora z hlediska psychologie nevědomí, nebehaviorismu a neogestaltismu. Československá psychologie /ročník XXXIX 1996a/ č. 2, P. 103–113.
6. Chrz, V. Psychologie metafor II: Metafora z hlediska kognitivní psychologie. Československá psychologie /ročník XXXX 1996b/, č. 3, P. 217–227.
7. Lakoff, G. - Johnson, M. Metafořy, kterými žijeme. Brno: Host, 2002. P. 282.
8. Vaňková, I. Nádořba plná řeči (člověk, řeč a přirozený svět). Praha: Karolinum, 2007. P. 312.

Сведения об авторе:

Йиржи Коростенски: доцент, кандидат филологических наук, Чешская Республика, независимый исследователь, korostenski@seznam.cz

Jirzhi Korostenski: Associate Professor, PhD in Philology, Czech Republic, independent researcher, korostenski@seznam.cz

УДК 81

Коммуникативный маскарад: камуфляж и мимикрия

Елена Михайловна Мартынова

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, доктор филологических наук, доцент, Орел, Россия.

Аннотация. В статье рассматривается феномен коммуникативного камуфляжа, имеющего место в физической и цифровой коммуникации; исследуются его виды и функции.

Ключевые слова: самопрезентация, камуфляж, маскировка намерений/действий, маскировка реакций, мимикрия, селфи, аватар.

Communicative Masquerade: Camouflage and Mimicry

Elena M. Martynova

Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Doctor of Philology, Associate Professor, Oryol, Russia

Abstract. The phenomenon of communicative camouflage, which takes place in physical and digital communication, is considered; its types and functions are studied.

Keywords: self-presentation, communicative camouflage, camouflage of intentions/actions, camouflage of reactions, mimicry, selfie, avatar.

Как указывают исследователи, в современных медиа в центре внимания находится фигура «самопрезентующегося» («self-presenting man») [Павлова, Филиппова 2022]. Назначение самопрезентации состоит в осознанном формировании участником коммуникации собственного имиджа и, как следствие, достижении определенных целей.

Синонимичен понятию *самопрезентация* в интерпретации американских психологов М. Лири и Р. Ковальски термин *управление впечатлением о себе* (impression

management). Под ним понимают процесс, с помощью которого индивидуумы пытаются контролировать впечатление о себе у других людей [Leary, Kowalski 1990, p. 34].

Управление впечатлением включает в себя два процесса, осуществляющиеся в соответствии с разными принципами: мотивацию впечатления (impression motivation) и создание впечатления (impression construction). Первый связан со значимостью формирования впечатления (цель и результат) и несоответствием настоящего и желаемого социального образа. Детерминантой второго является «концепция себя» (self-concept) [Leary, Kowalski 1990].

В настоящее время существуют по меньшей мере два мира, в которых коммуникант может репрезентировать себя: реальный и цифровой.

Самопредъявление в сети происходит иначе, чем в материальном мире. Отсутствие физического тела дает простор для фантазии и вызывает искушение поэкспериментировать со своим образом или намеренно ввести оппонента в заблуждение с целью получения выгоды. Как подчеркивает Б. Беккер, возможность сбежать от собственного тела является одним из основных мотивирующих факторов для участия в виртуальных пространствах [Becker 1997, p. 211].

В качестве основных средств самопрезентации в виртуальной коммуникации используются селфи, аватары, тематические фотографии (вейдеринг, поттеринг, планкинг, типотинг и др.), ники и т.д. Селфи рассматривается как совокупность масок, репрезентирующих индивида в разных жизненных ситуациях [Тихомирова 2014, с. 74]. В современных исследованиях феномен цифрового автопортрета получил и другие наименования: метаснимок (metapicture) из-за дополнительной информации о том, как он был сделан [Mitchell 1994]; эго-снимок (egoshot) [Richard 2010]. Результаты исследования, проведенного К. Лобингер и К. Брантнер, показывают, что респонденты негативно оценивают подражательные селфи с имитируемыми позами [Lobinger, Brantner 2015].

К. Новак и Дж. Фокс обобщили подходы ученых к рассмотрению аватаров и выяснили, что во всех исследованиях аватар является цифровым представлением пользователя, символом или маркером связанной с ним сущности в цифровом пространстве, который облегчает взаимодействие с другими пользователями, объектами или окружающей средой [Nowak, Fox 2018, p. 33-34]. Исследователи сравнивают конструирование аватара в виртуальном мире с процессом выбора одежды в физическом мире [Nowak, Fox 2018, p. 40].

Нередко пользователи выбирают аватары с намерением скрыть свою идентичность (например, пол и расу). Такое решение может выполнять как защитную функцию, так и функцию намеренного введения в заблуждение собеседников с целью получения определенных бенефиций [Nowak, Fox 2018, p. 41].

Повседневное общение в реальном мире осуществляется по двум каналам коммуникации: вербальному и невербальному, что требует приложения больших усилий для создания желаемого образа себя.

Эмпирические исследования показывают, что от четверти до трети всех разговоров в той или иной форме связаны с обманом. С точки зрения диалогического общения необходимо отличать откровенную ложь от других видов вводящей в заблуждение коммуникации, которая приобретает следующие формы: тщательно продуманные измышления, преувеличение, уклонение, амбигуэнтность, сокрытие, опущение, подмена, фишинг, камуфляж и др. [Burgoon, Levine 2010, p. 201-202].

В фокус нашего внимания попало явление коммуникативного камуфляжа, который имеет место как в вербальном, так и в невербальном каналах связи.

В Новом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой представлены три значения лексемы *камуфляж*: «1. Маскировка, состоящая в окраске предметов – орудий, зданий и

т.п. – пятнами, полосами, искажающими их очертания и затрудняющими их обнаружение. 2. То, что используется для такой маскировки. 3. перен. Действия, высказывания и т.п., служащие прикрытием истинного характера чего-либо» [Ефремова].

Камуфляж можно рассматривать как обманную стратегию коммуникативного поведения с целью создания определенного образа себя. Функция маскировки под окружающий ландшафт в прямом и переносном смыслах нередко коррелирует с защитной функцией, т.е. достижение целей защиты и обмана в этом случае происходит одновременно. Камуфляж превращается в потребность в случае, если демонстрация истинного лица может стать триггером аномальной коммуникации. Так, исследователи поведения аутистов Ш. Лоренц и Л. Халл обнаружили тесную связь между социофобией (*social anxiety*) и применением стратегии камуфляжа [Lorenz, Hull 2024]. Таким образом, следование стереотипу в межличностном общении может выступать в качестве коммуникативной брони – элемента системы безопасности индивида (пример 1).

(1) Стараясь шумом не разбудить Ани, Кэт раскрыла чемодан. Переделалась в удобные джинсы и прочные кроссовки, надела плотную футболку, на нее спортивную куртку, потрогала левый рукав, словно в нем что-то было, натянула бейсболку и превратилась в обычную девушку из толпы, каких тысячи. Лучший камуфляж для города, как ей наглядно объясняли (А. Чиж).

Помимо осознанности и интенциональности, к особенностям камуфляжа следует отнести в некоторых случаях облигаторность, например, для поддержания определенного социального статуса (пример 2).

(2) ... в Марининых слегка раскосых ореховых глазах было что-то от человека, и сквозь стандартный камуфляж стереотипной деловой феминины пробивалась пусть анемичная, но настоящая, живая жизнь (С. А. Самсонов).

Несмотря на то, что камуфляж задействует в большей степени визуальный канал коммуникации, существует вероятность использования и других линий связи. Примером ольфакторного камуфляжа являются действия парфюмера из одноименного романа П. Зюскинда по обретению запаха, свойственного человеку.

В коммуникативном плане необходимо отличать *камуфляж* от *мимикрии*, которая определяется как «защитное приспособление некоторых видов животных и растений, заключающееся в их сходстве по цвету или по форме с другими животными или растениями, а также с предметами окружающей природы. || перен. книжн. Беспринципное приспособление к окружающей среде, к условиям жизни» [Словарь русского языка].

Если в переносном значении лексемы *камуфляж* ключевым словом является *прикрытие*, то в центре метафорического понимания термина *мимикрия* лежит *приспособление*. Однако в первом значении эти термины являются синонимами, на что указывает вербальная мимикрия в примере (3).

(3) То есть пропал он еще накануне, но мопсиху забирала прислуга, и пропажа обнаружилась лишь утром следующего дня. По такому поводу хозяйка Адамули – обвешанная ювелирными изделиями толстая одышливая тетка лет пятидесяти – не поленилась к полудню явиться лично в детский сад. И закатить такой виртуозный скандалище, что у Лины от изумления едва не пропал дар речи, слишком уж давно она не сталкивалась с таким откровенным чистопородным хамством. В тех магазинах, поликлиниках, турфирмах, фитнес-залах, сервисных автоцентрах, ресторанах и прочих местах, куда обычно ходила Лина по делам и досуга ради, такие экземпляры, как Адамулина хозяйка Нелли Сергеевна, либо не водились вовсе, либо они мимикрировали под окружающую доброжелательно-предупредительную среду, временно становясь незаметными (М. Полетика).

Анализ эмпирического материала позволяет выделить два вида камуфляжа – камуфляж намерений/действий и камуфляж реакций. Как правило, маскировке подвергаются негативно оцениваемые намерения и действия. Вербальная коммуникация может камуфлироваться невербальной (пример 4) и наоборот.

(4) Две сестры, обе такие разные и откровенно не любящие друг друга, вконец утомили Стаса своими взаимными глупыми колкостями, подаваемыми под соусом улыбок и ужимок (Н. Леонов, А. Макеев).

Вербальные камуфляжные тактики обладают высокой вариативностью. Так, комплиментом прикрывают негативное отношение к собеседнику, вежливостью – манипулирование, иронией – укор, опросом – допрос, безобидным наименованием – неблагоприятные поступки, невинной шуткой – оскорбление и сарказм (пример 5) и др.

(5) О, какие тонкие, но ядовитые, иногда под маской невинной шутки, иногда скрытые за какой-нибудь аналогией, а порой вообще не понятные никому, кроме них, «стрелы» выпускались ими друг в друга! Для них даже любовь, чувства были зачастую «полем битвы» за первенство в стихах (В.М. Недошивин).

Инструментом маскировки реакций может служить использование материального объекта, а именно, маски, для сокрытия своих настоящих эмоций. После окончания пандемии COVID-19 отдельные люди снимали маски с сожалением, поскольку те позволяли им не контролировать выражения своих лиц. В аудиальном канале связи маскировкой реакции смущения/неловкости выступает кашель или смех.

Изучение Национального корпуса русского языка [НКРЯ] позволило выявить базовые лексемы и их дериваты, используемые авторами в качестве описаний коммуникативного камуфляжа: *завуалировать, закамouflировать, замаскировать, прятать/-ся, скрывать/-ся (под маской, личиной)* и элемент кулинарного дискурса глуторморф *под соусом*.

Таким образом, стремление к приватности, к сокрытию истинных намерений и своей идентичности как в виртуальном, так и в физическом мире побуждает коммуникантов прибегать к стратегии коммуникативного камуфляжа, которая реализуется посредством вербальных и невербальных средств.

Список литературы

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D1%83%D1%84%D0%BB%D1%8F%D0%B6> (дата обращения: 04.09.2024)
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.09.2024)
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/m/> мимикрия (дата обращения: 04.09.2024)
4. Павлова Н.В., Филиппова Е.В. Феномен селфи и его психологический смысл для современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Том 30. № 1. С. 109-131. DOI: 10.17759/cpp.2022300107
5. Тихомирова Е.Г. Маскарадность selfie как воплощение мотива презентации Я (феномен, его сущность и виды) // Вестник МГУКИ. 2014. № 6 (62). С. 72-75.
6. Becker B. To be in touch or not? Some remarks on communication in virtual environments // Women, Work and Computerization: Spinning a Web from Past to Future. Proceedings of the 6th International IFIP Conference, Bonn, Germany, May 24–27 / A.F. Grundy, D. Köhler et al (Eds.). Springer, 1997. P. 211-212.

7. Burgoon J.K., Levine T.R. Advances in Deception Detection / In S.W. Smith, S.R. Wilson (Eds.). *New Directions in Interpersonal Communication Research*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2010. P. 201-220.

8. Leary M.R., Kowalski R.M. Impression Management: A Literature Review and Two-Component Model // *Psychological Bulletin*. 1990. Vol. 107. No. 1. P. 34-47.

9. Lobinger K., Brantner C. In the Eye of the Beholder: Subjective Views on the Authenticity of Selfies // *International Journal of Communication*. 2015. No. 9. P. 1848-1860.

10. Lorenz S., Hull L. Do All of Us Camouflage? Exploring Levels of Camouflaging and Mental Health Well-Being in the General Population // *Trends in Psychology*. 2024. <https://doi.org/10.1007/s43076-024-00357-4> URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s43076-024-00357-4> (accessed: 06.09.2024)

11. Mitchell W.J.T. *Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representation*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 445 p.

12. Nowak K. L., Fox J. Avatars and Computer-mediated Communication: A Review of the Definitions, Uses, and Effects of Digital Representations // *Review of Communication Research*. 2018. Vol. 6. P. 30-53. DOI: 10.12840/issn.2255-4165.2018.06.01.015

13. Richard B. Das jugendliche Bild-Ego bei YouTube und flickr. True (Black Metal) und Real als Figuren mimetischer Selbstdarstellung // In K.-U. Hugger (Ed.), *Digitale Jugendkulturen*, 2010. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. P. 55-72.

Сведения об авторе:

Мартынова Елена Михайловна; доктор филологических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, 302015, Российская Федерация, Орел, ул. Приборостроительная, д. 35; lm1973@mail.ru.

Martynova Elena Mikhailovna; Doctor of Philology, Associate Professor, Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Priborostroitel'naya st., 35, Oryol, 302015, Russian Federation; lm1973@mail.ru.

УДК 811.161.1'373

Микродиахроническое корпусное исследование динамики семантических изменений русского наречия «заботливо» (конец XVIII–начало XXI вв.)

Александр Александрович Олонцев

Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук, аспирант отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Москва, Россия, alexanderoloncev@hotmail.com

Аннотация. В работе на примере слова «заботливо» освещаются особенности семантической эволюции русских наречий за период от конца XVIII до начала XXI вв. Используется научный инструментарий микродиахронического корпусного анализа. Материалом для анализа являются контексты употребления лексемы, извлеченные из подкорпусов XVIII–XIX и XX–XXI вв. на базе Национального корпуса русского языка. Выявлена динамика смысловых изменений в структуре анализируемого многозначного слова за указанный период времени.

Ключевые слова: слово «заботливо», русские наречия, микродиахронический анализ, корпусные данные, семантическое изменение, русский язык.

Micro-diachronic corpus study of the dynamics of semantic changes in the Russian adverb “zabotlivo” (“carefully”) (late 18th – early 21st centuries)

Alexander Alexandrovich Olontsev

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Post-Graduate student, Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics Moscow, Russia, alexanderoloncev@hotmail.com

Abstract. The paper uses the word “zabotlivo” (“carefully”) as an example to present the features of the semantic evolution of Russian adverbs over the period from the late 17th to the early 21st centuries. The scientific model of micro-diachronic corpus analysis is used. The material for the analysis is the contexts of the use of the lexeme, extracted from the sub-corpus of the 18th–19th and 20th–21st centuries based on the Russian National Corpus. The dynamics of sense changes in the structure of the analyzed polysemantic adverb over the specified period of time are revealed.

Keywords: word “zabotlivo” (“carefully”), Russian adverbs, micro-diachronic analysis, corpus data, semantic change, Russian language.

В работе освещаются новые результаты осуществляемого нами исследования по микродиакроническому корпусному анализу семантических изменений русских наречий за период от конца XVIII до начала XXI вв. Отправной точкой данного ракурса изучения наречий является концепция синхронно-диахронного семантического описания русских наречий, предложенная в монографии А.Б. Пеньковского «Очерки по русской семантике» [Пеньковский 2004]. Методологической основой разрабатываемого нами научного проекта выступает концепция языкового расширения Г.И. Кустовой [Кустова 2004], идеи и принципы концептуального и когнитивно-дискурсивного подхода к описанию корпусного материала [Чернявская 2018; Радбиль 2019] и опыт диахронического корпусного исследования языка русской классики, предпринятый научным коллективом под руководством Е.В. Рахилиной [Рахилина и др. 2024].

Предлагаемая нами методика микродиакронического анализа наречий нацелена на выявление семантических изменений и функциональных преобразований слов русского языка и последующей верификации данных процессов по массиву корпусных примеров, для чего осуществляется качественный и количественный анализ употребления наречий по разным периодам истории языка. Таким образом, материалом анализа являются контексты употребления лексем, извлеченные из подкорпусов XVIII–XIX и XX–XXI вв., которые были созданы нами на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В центре настоящего исследования находится семантика и особенности функционирования наречия *заботливо* на разных временных срезах функционирования русского языка. В соответствии с принятой концепцией исследования, сначала мы рассмотрели, как данное слово представлено в лексикографических источниках. Обобщая данные основных русских толковых словарей, мы выявили следующие значения наречия *заботливо*.

Прежде всего это базовая семантика слова, связанная с внутренней формой исходного прилагательного *заботливый* — представлением о заботе как о попечении, уходе за кем-либо, внимании к кому-либо. Эта семантика представления в двух вариантах, унаследованных из двух основных значений соответствующего производящего прилагательного: (1) ‘проявляя заботу, т.е. с заботой, заботясь о ком-либо’; (2) ‘выражая заботу, т.е. с вниманием, с заинтересованностью по отношению к кому-либо’ [МАС-1 1985; БТСРЯ 2000; Ефремова-1 2000] (это разграничение сходно с

приводимым в работе [Кустова 2004] выделением в семантической парадигме предикатов внутреннего состояния каузативного и экспрессивного типов значений, хотя и не полностью тождественно ему).

В массиве современных употреблений наречия *заботливо*, взятых по подкорпусу XX–XXI вв., эти значения обнаруживаются в большом количестве, например:

(1) ‘проявляя заботу’: *Все четыре дня нас заботливо опекали поэт и главный редактор серии «32 ПОЛОСЫ» Нина Огнева — инициатор ростовских встреч, и главный редактор журнала «Ковчег» Олег Лукьянченко* [Лера Мурашова. 45-я на донских берегах, или Рифмы под перезвон колоколов // «Ковчег», 2013] = ‘опекали, проявляя заботу о нас’;

(2) ‘выражая заботу’: *Он каждый раз спрашивает мой адрес и заботливо осведомляется, когда можно меня навестить и... никогда не бывает!?* [А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)] = ‘осведомляется, выражая (словесно) заботу, т.е. внимание ко мне’.

В словарях представлено и производное, метафорическое значение, тоже унаследованное от соответствующего производящего прилагательного: (3) ‘предусмотрительно, старательно, тщательно’ [БАС–IV 1955; МАС–I 1985; БТСРЯ 2000; Ефремова–I 2000]. Наречие в этом значении имеет вторую, скрытую валентность на неодушевленное существительное и на действия с ним («объектная детерминация второго плана», согласно А.Б. Пеньковскому [Пеньковский 2004]). Эти употребления также широко представлены в подкорпусе XX–XXI вв., например: *В ресторанах и барах забытое заботливо складывают в подсобку и выдают владельцу по первому требованию* [Ольга Гринкруг. Рим (2012)] = ‘предусмотрительно, старательно складывают забытые вещи в подсобку’, едва ли можно проявлять заботу или выражать внимание по отношению к забытым вещам; *С утра читала письма, заботливо распечатанные пресс-секретарем, но ничего интереснее вчерашних предложений не нашла* [Е. В. Колина. Дневник измены (2011)] = ‘предусмотрительно (заранее) распечатанные письма’.

В некоторых случаях можно говорить о неразграничении, совмещении значений (1) и (3) как о рефлексах не разрешаемой контекстом многозначности. Ср. по этому поводу замечание А.Б. Пеньковского о совмещении «глубинных планов в семантике наречий *второпях* ‘небрежно’ + ‘из-за спешки’ и *заботливо* ‘тщательно’ + ‘в заботе о’, обусловленные их субъектной и объектной детерминацией второго плана» [Пеньковский 2004, с. 291]. Так, в примере: *Да и деревья представляли собою не облезлые бревна с содранной корой, — заботливо укутанные почти незаметной сеткой, они весело зеленели нарядной листвой* [О. Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003] — ситуацию с употреблением наречия *заботливо* можно одновременно трактовать и как ‘с заботой об их сохранности укутанные сеткой (работниками ботанического сада) деревья’, и как ‘предусмотрительно, старательно укутанные сеткой (работниками ботанического сада) деревья’.

Однако только в БАС как в хронологически более раннем словаре, отражающем языковую ситуацию 50–60-х гг. XX в., выделяется еще одно значение, не отраженное в других словарях: (4) ‘озабоченно, с беспокойством, т.е. озаботившись, обеспокоившись (чем-либо)’ [БАС–IV 1955], которое связано уже с другим значением исходного слова *забота*: ‘беспокойная мысль о чем-либо’ или, во мн.ч. ‘хлопоты’. Примечательно, что словарные иллюстрации к этому толкованию ограничиваются только примерам из текстов XIX в.: «— *Что это у Марфиньки глазки красны? не плакала ли во сне? — заботливо спрашивала она у няни. — Не солнышко ли нажгло? Закрыты ли у тебя занавески?* Гонч. Обрыв. Он круто остановился и недоумевающее посмотрел на меня,

потом развел руками и, опять заботливо зашагал по комнате. Эртель. Зап. степняка» [БАС–IV 1955].

Видимо, в наши дни это значение осознается как устаревшее. Не случайно во всем массиве контекстов употребления в подкорпусе XX–XXI вв. мы встретили всего два примера на сплошную выборку из 100 первых вхождений в подкорпус: — *Мать, не играй с градусом, — прохрипел Егор заботливо, и мне показалось, что хрип с кассеты вселился в него, а может, это он и пел, не хотелось выяснять* [Сергей Шаргунов. Май // Litera_Dnepr, 2012] = ‘озабоченно, с беспокойством по поводу возможных негативных последствий поведения адресата прохрипел’; *Колин и Мэган заботливо заглядывали ему в лицо, щупали пульс* [М. К. Кантор. Честный англичанин (2011)] = ‘озабоченно, обеспокоившись состоянием его здоровья’. Можно сделать вывод, что данное значение практически нехарактерно для этого наречия в XX–XXI вв.

Количественный анализ по первым ста употреблениям наречия *заботливо* в подкорпусе XX–XXI вв., полученным методом сплошной выборки, дал следующие результаты: максимально представлены значение (1) ‘проявляя заботу’ (47 %) и значение (3) ‘предусмотрительно, старательно, тщательно’ (35 %). В несколько меньшем объеме реализовано значение (2) ‘выражая заботу’ (13 %). В 2 случаях, как уже было сказано ранее, зафиксирована нейтрализация значений (1) ‘проявляя заботу’ и (3) ‘предусмотрительно, старательно, тщательно’ (3 %). Наконец минимально представлено значение (4) ‘озабоченно, с беспокойством’ (2 %).

Совсем иную картину в качественном и количественном аспекте дает анализ массива примеров по подкорпусу XVIII–XIX вв. В качественном аспекте отмечается наличие употреблений во всех четырех отмеченных ранее значениях, причем примеров в значении (4) ‘озабоченно, с беспокойством’ обнаружено достаточно большое количество:

(1) ‘проявляя заботу’: *Здесь, проходя мимо 1-го батальона Преображенского полка и заметив, что полковник заботливо приводит людей в порядок, государь сказал ему громко, в общее услышание...* [М. А. Корф. Записки (1838-1852)]; *Нежная мать так неусыпно охраняла любимца души своей, так заботливо берегла милое дитя свое, драгоценное для всей России, что злодей Битяговский начал сомневаться в успехе...* [А. О. Ишимова. История России в рассказах для детей (1837-1840)];

(2) ‘выражая заботу’: *Уже так давно никто не принимал в нем участия, а Лаврецкий видимо интересовался им, заботливо и внимательно расспрашивал его* [И. С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)]; *Заботливо поглядел Бурульбаиш на молодую жену, которая в испуге качала на руках кричавшее дитя; прижал ее к сердцу и поцеловал в лоб* [Н. В. Гоголь. Страшная месть (1831-1832)];

(3) ‘предусмотрительно, старательно, тщательно’: *Солдаты заботливо чистили ружья, точили штыки и, готовясь к смерти, надевали чистые рубашки* [А. А. Бестужев-Марлинский. Вадимов (1834)]; *Но он заботливо разбирал тут какие-то бумаги и, видно, второпях забыл их* [Н. А. Полевой. Живописец (1833)];

(4) ‘озабоченно, с беспокойством’: *Нил Павлович с рупором под мышкою ходил по шканцам, заботливо взглядывая то на море, то на капитана, — а капитан, безмолвен, стоял, опершись о колесо штурвала* [А. А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда» (1833)]; *Около этих ужасных изобретений человеческой жестокости заботливо суетились люди* [К. П. Масальский. Регентство Бирона (1834)]

Однако в контекстах из подкорпуса XVIII–XIX вв. было выявлено еще одно значение, которое вообще не было зафиксировано в употреблениях периода XX–XXI вв. Это значение (5) ‘с осторожностью, настороженно’, которое, возможно, является производным – возникшим на базе импликации значения (4) ‘озабоченно, с беспокойством’: *Медленно, заботливо сходила госпожа Вольнская с дворцовой*

лестницы. Ступени двоились у ней в глазах, и она с усилием старалась поймать их своею ногою [И. И. Лажечников. Ледяной дом (1835)] = ‘осторожно сходила с лестницы’, нельзя *старательно сходила или *озабоченно сходила; аналогично: Несмотря на то, что время было сырое и пасмурное, он опустил оба окна кареты и **заботливо** начал высматривать направо и налево прохожих, тотчас принимая приличный и степенный вид, как только замечал, что на него кто-нибудь смотрит [Ф. М. Достоевский. Двойник (1846)] = ‘с осторожностью, затаившись, начал высматривать (прохожих)’, едва ли *старательно или *озабоченно.

Мы можем отметить, что наречие *заботливо* в этом значении (5) входит в синонимический ряд с наречиями *бережно* и *осторожно*, которые также в период XVIII–XIX вв. употреблялись семантически нераспределено, в отличие от их современных употреблений.

Таким образом, рассмотренное выше качественное различие между семантической структурой многозначного слова *заботливо* в XX–XXI вв. и в XVIII–XIX вв. вполне соответствует и выводам Б.А. Пеньковского, который писал по поводу большего разнообразия и меньшей функциональной распределенности разных употреблений наречий, начиная с XVIII в. и примерно до 70-х гг. XIX в.: «С 70-х годов XIX в. адвербиальная сфера, функционировавшая на началах свободного варьирования, подвергается кардинальным преобразованиям. Здесь идут, усиливаясь и углубляясь, многочисленные и разнонаправленные процессы дифференциации. Они вносят в слабо связанные распадающиеся наречные множества все более строгие принципы внутренней упорядоченности — с все более тонкой и четкой специализацией их членов, с все более жесткими ограничениями, накладываемыми на их употребление...» [Пеньковский 2004, с. 288].

Количественный анализ распределения употреблений наречия *заботливо* по разным значениям для подкорпуса XVIII–XIX вв. также дает существенные расхождения с результатами по подкорпусу XX–XXI вв. Так, в отличие от периода XX–XXI вв., для периода XVIII–XIX вв. характерно более равномерное распределения процента употреблений: незначительно преобладают употребления в значении (3) ‘предусмотрительно, старательно, тщательно’ (28 %). На второй позиции значение (2) ‘выражая заботу’ (24 %), которое, опять же в отличие от данных по подкорпусу XX–XXI вв., преобладает над значением (1) ‘проявляя заботу’ (всего 18 %). Неплохо, в сравнении с подкорпусом XX–XXI вв., представлено и значение (4) ‘озабоченно, с беспокойством’ (23 %) — это третья позиция в количественном аспекте. Наконец, есть порядка десятка примеров употреблений в значении (5) ‘с осторожностью, настороженно’ (7 %), которые вообще отсутствуют в массиве примеров в подкорпусе XX–XXI вв.

В целом проведенный анализ показал значительные возможности предлагаемой нами научной процедуры микродиахронического анализа смысловых и функциональных изменений русских наречий за более чем двухвековой временной период в выявлении и интерпретации семантической истории слова в русском языке.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов (БТСРЯ). СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Т. I. 1088 с.
3. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
4. Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 460 с.

5. Радбиль Т.Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.

6. Рахилина Е.В. и др. Опыт создания онлайн-ресурса для лингвистического комментирования (повесть «Фаталист» М. Ю. Лермонтова) / А.А. Яскевич, П.А. Бычкова, И.И. Колесниченко, О.Е. Пекелис, Е.В. Рахилина. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 2. С. 211–230.

7. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. М: Флинта, 2021. 328 с.

8. Словарь русского языка: В 4-х т. (МАС) / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. I. А–Й. 1985. 696 с.

9. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. IV. Ж–З. 1955. 691 с.

10. Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

Сведения об авторе:

Олонцев Александр Александрович; аспирант отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, Институт русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук; 119019, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; alexanderoloncev@hotmail.com;

Olontsev Alexander Alexandrovich, Post-Graduate student of the Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; Volkhonka str., 18 / 2, 119019, Moscow, Russian Federation; alexanderoloncev@hotmail.com

УДК 81.11

Языковые способы выражения коммуникативной демонстративности в лично - ориентированном дискурсе

Ирина Александровна Тисленкова

Волгоградский государственный технический университет, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат филологических наук, доцент, Волгоград, Россия, tislenkova@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена вербальным средствам реализации демонстративной тональности общения в персональном дискурсе. Устанавливается, что положительной демонстративность выражается гиперболой, позитивными существительными и личными глаголами деформированными фразеологизмами, отрицательная демонстративность пейоративными лексическими единицами и негативными тропами.

Ключевые слова: коммуникативная демонстративность, демонстратив, лично-ориентированный дискурс, самопрезентация, языковая личность

Linguistic ways of expressing communicative demonstrativeness in a personality - oriented discourse

Irina A. Tislenkova

Volgograd State Technical University, associate professor of the Department of Foreign Languages, candidate of Philology, Associate Professor, Volgograd, Russia, tislenkova@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the verbal means of implementing the demonstrative tonality of communication in personal discourse. It is established that the positive demonstrativeness is expressed by hyperbole, positive nouns and personal verbs, deformed phraseological units, the negative demonstrativeness – by pejorative lexical units and negative tropes.

Keywords: communicative demonstrativeness, demonstrative, personality-oriented discourse, self-presentation, linguistic personality

Языковая личность во всей полноте раскрывает собственную индивидуальность в своих проявлениях в процессе взаимодействия с другими людьми [Теркулов, Тамерьян 2023]. Коммуниканты постоянно вовлечены в процесс самопрезентации с целью стать заметными среди других, привлечь к себе внимание, добиться понимания и заслужить уважение.

Свой образ интерактант создает с помощью коммуникативной демонстративности, выступающей средством семиотизации личности, выражающей его самооценку и самооценку в разнообразных коммуникативных актах.

Коммуникативная демонстративность (син. – демонстративная тональность) представляет собой эмоционально-стилевую форму взаимодействия, характеризующуюся установками на самопрезентацию, неискренность с тенденцией к преувеличению своих качеств, акцентированностью доминирующей эмоции, выражаемых посредством семиотической полимодальности.

Демонстративная тональность является сложной, неоднородной системой, принимает форму положительной и отрицательной демонстративности и конструируется разнообразными языковыми способами [Тисленкова 2024].

Вербальный язык является ведущим репрезентативным средством коммуникативной демонстративности.

К языковым механизмам актуализации демонстративности как эмоционально-стилевой формы коммуникации, относятся лексические и маркированные семантические единицы, обеспечивающие обозначение доминирующей тональности взаимодействия, вычленение ключевых идей и презентацию качеств говорящего.

Лексико-синтаксические и фразеологические демонстративы, единицы коммуникативной демонстративности, функционируют в речевых ситуациях положительной или отрицательной самопрезентации. Например,

(1) Я – суперзвезда, икона стиля, легенда. Я столько сделал для страны! <...> Я купаюсь в лучах своей славы [Слива 2022, www]

В примере (1) положительная демонстративная тональность в высказывании известного стилиста выражена существительными с позитивным гиперболическим значением (суперзвезда, легенда, слава), деформированным фразеологизмом «греться в лучах славы» (купаюсь в лучах своей славы) и восклицательным предложением с усилительным числительным «столько», которые передают гордость говорящего за себя, высокую оценку своих достижений.

Способность играть разные роли является естественным свойством человека.

Взаимодействуя с другими людьми, коммуникант определенным образом представляет себя реципиентам, актерствует [Борисова 2008]:

(2) Люди почему-то думают, что пожилые женщины скрывают свой возраст. Ничего подобного! <...> **если я скажу, что мне уже девяносто два, люди будут восхищаться мной, говорить, что я прекрасно выгляжу для своих лет, и что мне не дашь больше семидесяти пяти!** [Шабалина 2020, www].

В примере (2) положительная демонстративность передается гиперболой, глаголами с позитивной семантикой и клише (**мне не дашь больше семидесяти пяти**). **Коммуникативная демонстративность служит средством повышения самооценки и доминирования над адресатом.**

Подчеркнутые внешние демонстративные знаки искренности, нескромное предъяснение своей несостоятельности, пространные признания в собственных несовершенствах, анализ личных мыслей и чувств, описания душевного состояния – все это как будто представляет собой правду, но есть лишь мимикрия [Стрельцова, Вербина 2019].

Отличительной чертой отрицательной демонстративности является вербальная акцентуация продуцентом своего несовершенства в ситуациях повседневного межличностного общения. Коммуникативные стратегии содержат эпатаж, самоумаление и самобичевание реализуются в традиционных жанрах разговорного стиля:

(3) Ребята, я – неудачник. У меня столько было неудачных бизнесов. С 28 лет ищу себя <...> Я сжёг семь лет своей жизни и кучу денег <...> И это ужасно. И так скажут многие [Я неудачник 2023, www]

В примере (3) представлена отрицательная коммуникативная демонстративность, реализуемая негативным существительным (неудачник), пейоративным эпитетом (неудачные бизнесы), гиперболической глагольной метафорой (сжёг семь лет своей жизни) и назывным предложением с отрицательной коннотацией (И это ужасно), которые транслируют самоуничижение говорящего.

(4) Старик глядел на него скорбно-болезненным взором и говорил только:

– Ах, Павел, Павел Иванович! Павел Иванович, что вы сделали?

– *Я подлец ... . Виноват ... . Я преступил ... .* Но посудите, посудите, разве можно так поступать? Я – дворянин. Без суда, без следствия, бросить в тюрьму, отобрать все от меня: вещи, шкатулка... там деньги, там все имущество, там все мое имущество, Афанасий Васильевич, — имущество, которое кровным потом приобрел ... . [Гоголь 1835, www]

В примере (4) коммуникативная демонстративность актуализируется личным глаголом с негативной коннотацией (преступил), отрицательным эпитетом (виноват), пейоративом (подлец) и конструкцией синтаксического параллелизма, выступающей в качестве эмфазы. Говорящий употребляет указанные языковые средства, чтобы показать откупщику свое бедственное состояние и искреннее раскаяние в надежде получить его помощь.

(5) Чацкий: Да полно вздор молоть.

Репетилов: Не любишь ты меня, естественное дело: // С другими я и так и сяк, //

С тобою говорю несмело, // Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий: Вот странное уничиженье! [Грибоедов 1824, www]

В представленном диалоге (5) отрицательная демонстративность, выплняющая функцию негативной аффективной саморефлексии выражается отрицательными эпитетами в краткой форме и пейоративной лексической единицей (дурак), которыми Репетилов характеризует себя своему другу после того как не состоялся в карьере чиновника.

Вербальный текст – это только один из видов самовыражения коммуниканта наряду с другими знаковыми системами [Тульчинский 2021]. Знаки референтов существуют, указывая на иные знаки, с которыми они реально взаимодействуют и воздействуют на разум реципиента, способствуя осмыслению предъявляемой информации и формированию мнения.

Таким образом, языковые способы выражения коммуникативной демонстративности в личностно-ориентированном дискурсе включают:

- в положительной демонстративной тональности – гиперболу, существительные и глаголы с позитивной семантикой, деформированные фразеологизмы, усилительные числительные, клише и восклицательные предложения;

- в отрицательной демонстративной тональности – негативные существительные и глаголы, пейоративные эпитеты, гиперболическую глагольную метафору, **пейоративные лексические единицы и конструкции синтаксического параллелизма** и назывные предложения с отрицательной коннотацией.

Список литературы

1. Борисова Е. Г. Управление имиджем: прием речевой маски // Реклама: теория и практика. 2008. №4. С. 262-267.
2. Гоголь Н. В. Мёртвые души. 1835. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kartaslov.ru/русская-классика/Гоголь_Н_В/Мёртвые_души/16#p2059 (дата обращения: 25.07.2024).
3. Грибоедов А. С. Горе от ума. 1824. [Электронный ресурс] . Режим доступа: https://kartaslov.ru/русская-классика/Грибоедов_А_С/Горе_от_ума/5#p1392 (дата обращения: 25.07.2024).
4. Слива. 13.09.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=LT3FaF3uFfQ> (дата обращения: 21.06.2024).
5. Стрельцова М. А., Вербина Г. Г. Фасцинация как метод преодоления коммуникативных барьеров // Образование и право. 2019. №8. С. 201-205.
6. Теркулов В. И., Тамерьян Т. Ю. Языковая идентификация и идентичность / В.И. Теркулов, Т.Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. 2023. №1 (97). С. 27-34.
7. Тисленкова И. А. Семантика явной коммуникативной демонстративности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. №. 1. С. 14-20.
8. Тульчинский Г. Л. Советско-российский вклад в развитие социальной семиотики в 1970-2000-е гг / Г.Л. Тульчинский // Наследие. 2021. № 1. С. 37-54.
9. Шабалина В. Старуха Судьба. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kartaslov.ru/книги/Валентина_Шабалина_Старуха_Судьба/1#p21 (дата обращения: 21.06.2024).
10. Я неудачник. 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtube.com/shorts/Q-PuClbrqQ?si=TN1IzxHCA15jOEYe> (дата обращения: 21.06.2024).

Сведения об авторе:

Тисленкова Ирина Александровна; кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет, 400005, Российская Федерация, Волгоград, проспект им. В.И. Ленина, д. 28; tislenkova@bk.ru; 89880360498

Tislenkova Irina Aleksandrovna; Candidate of Philology, Associate Professor, Volgograd State Technical University, 400005, Russian Federation, Volgograd, V. I. Lenin Avenue, 28; tislenkova@bk.ru; 89880360498

УДК 801.6:811.111

Эволюция английского стихосложения

Ирина Николаевна Щекотихина¹, Полухин Роман Георгиевич²

¹ Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент, заведующая кафедрой английского языка института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, shchekotikhina69@mail.ru

² Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, студент 3 курса института иностранных языков, Орел, Россия, poluhin5704@mail.ru

Аннотация. В статье дается исторический обзор английского стихосложения от древнеанглийского периода до современности. Рассматривается эволюция жанровой специфики, литературных форм и тематической направленности поэтических произведений, принципов организации стиха и использования выразительных средств. Затрагивается вопрос о факторах произошедших изменений.

Ключевые слова: английское стихосложение, принципы стихосложения, поэтические жанры, организация стиха, стихотворный ритм, стихотворный метр.

The Evolution of English Poetry

Irina N. Shchekotikhina¹, Roman G. Polukhin²

¹ Oryol State University named after I.S. Turgenev, associate professor, head of the English Language Department, Foreign Language Institute, PhD in Philology, Oryol, Russia, shchekotikhina69@mail.ru

² Oryol State University named after I.S. Turgenev, 3d year undergraduate student, Foreign Language Institute, Oryol, Russia, poluhin5704@mail.ru

Abstract. The article gives a historical overview of English poetry from the Anglo-Saxon period to the present day, considering the evolution of genre specificity, literary forms and thematic orientation of poetic works, principles of verse structure and use of expressive means. The issues addressed also include factors that caused the changes in question.

Keywords: English/British poetry, principles of versification, poetic genres, verse structure, poetic rhythm, poetic meter.

За многовековую историю своего развития английский язык претерпел существенные изменения в фонетической системе, грамматическом строе и словарном составе. Кардинальной модификации подверглись и особенности стихосложения. В данной публикации мы рассмотрим, как менялись основные черты английского стиха от периода к периоду. В числе этих черт мы рассмотрим а) преобладающие жанры и виды произведений; б) организацию стиха; в) выразительные средства.

Древнеанглийский период

Разделение древних англосаксонских произведений на жанры весьма проблематично и условно, однако, к числу наиболее распространённых жанров этого периода ученые относят: 1) героический эпос, 2) лирический эпос, 3) христианский эпос (см. подробнее [7; 9]).

Героический эпос был представлен поэмами и песнями, среди которых наиболее значимым произведением является «Беовульф» (Beowulf, VII-VIII вв.). Он отражает

типичные мотивы той эпохи (борьба с великанами и чудовищами) и воспевают идеалы поведения героя: мудрость и щедрость конунга, отвагу и бесстрашие воинов.

Представителями лирического эпоса являются англосаксонские эллегии (несмотря на спорность применения данного термина к литературе этого периода [7]). Примерами могут служить «Мореплаватель» (Seafarer, IX в.), «Странник» (Wanderer, IX в.). Главными мотивами древнеанглийских эллегий были размышления о несправедливой доле и тяжелой судьбе человека, бренности человеческой жизни, воспевание мастерства, таланта, мужества.

Христианский эпос, по сути, представляет собой поэтический пересказ событий Священной истории, воплощенный в поэмах и гимнах, проповедующих христианскую систему ценностей и прославляющих Господа. Наиболее известные произведения – «Гимн Кэдмона» (Cædmon's Hymn, VII в.), поэмы, входящие в Верчелльскую книгу (Vercelli Book/Codex Vercellensis, X в.) и Кодекс Юниуса (Codex Junius, XI в.).

Говоря об организации древнеанглийского стиха, следует отметить, что он представляет собой аллитерационный стих, являющийся разновидностью германского акцентно-тонического стиха. Его организующими принципами были: 1) наличие в строке двух кратких строк, разделенных ритмической паузой (цезурой); 2) наличие в краткой строке двух сильно-ударных слогов (вершин), чередующихся со слабыми, или безударными (спадами), количество которых варьируется от двух до семи; 3) фиксация ударения на первом слоге (как правило, корневой морфеме); 4) аллитерация (созвучие начальных звуков сильно-ударных слогов (см. подробнее [8]).

Аллитерацию можно по праву считать фонетическим богатством древнегерманской акцентной системы. Она выполняла несколько функций: осуществляла просодическую централизацию слога-звуковой структуры слова; объединяла короткие строки в длинные и тем самым создавала единство стихотворения; являлась знаком смысловой близости словесных номинаций [8]. В целом древнеанглийское стихотворение было похоже на речетативное пение, как, например, в отрывке из поэмы «Видсид», приводимом О.А. Смирницкой [8]:

“*Seccan sōhte ic ond Beccan / Seafolan ond þōēdrīc,
Heorōrīc ond Sifecan, / Hlīfe ond Incgenþōēw.
Ēadwine sohte ic ond Eلسan, / Ægelmund ond Hungār*”

Жирным шрифтом в приведенном примере выделена каноническая аллитерация, курсивом – важнейшие из дополнительных звуковых повторов.

Фонетическая выразительность поддерживалась и лексическими средствами. Эпический мир описывался специфической поэтической лексикой, особую роль среди которой играли многочисленные синонимы и метафорические перифразы (кенинги), например, *swon-rad* «лебединая дорога» (*море*), *heorowulf* «кровавый волк» (*воин*), *beado-leota* «луч битвы» (*меч*). Они выполняли функцию создания образности и варьирования лексики в целях аллитерации.

Среднеанглийский период

Нормандское завоевание Англии оказало существенное влияние на развитие принципов стихосложения. Оно пресекло традицию аллитерационной поэзии, изменило тематику и жанровую специфику стихов. Новая реальность породила новых героев, новые сюжеты и формы их воспевания.

На смену эпическим героям приходят благородные рыцари, соответственно, героический эпос сменяется куртуазной поэзией, представленной рыцарскими поэмами, насыщенными романтизмом и приключенческим духом. Примером может служить поэма неизвестного автора «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» (Sir Gawain and the Green Knight, XIV в.).

Еще одним ведущим жанром становится лиро-эпический, воплощенный в балладах. В качестве примера можно привести балладу Т. Лермонта «Томас из Эркельдуна/Ерселдуна» (Thomas of Erceldoune, XIII в.), повествующую о встрече представителей реального и «иногo» миров, о драматических событиях и любовных коллизиях (см. подробнее [1]).

Христианские традиции укрепляются с приходом норманнов, что отражается в процветании жанра религиозной лирики, представленной большим количеством произведений, в частности «Гавриил от Небесного царя» (Gabriel, framEvene-King, XIII в.), «Стой, мать, под крестом» (Stand wel, Moder, under rode, XIII в.). Однако наряду с воспеваем библейских сюжетов возникает традиция аллегорического толкования Священного писания, заимствованная из французской литературы и породившая жанр аллегорической поэмы, например, «Видение о Петре Пахаре» (Vision of Piers Plowman, XIV в.) (см. подробнее [5]).

Наиболее известным и значительным произведением, объединяющим практически все эти жанры в форме новеллы, являются «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера (The Canterbury Tales, XIV в.).

Под влиянием французской культуры меняется стихотворный ритм и метр. Ведущими принципами организации стиха становятся концевая и внутренняя рифмы, ассонанс, вертикальный хронотоп. На основе сочетания правил английского и итало-французского стихосложения Дж. Чосер вводит в английский стих новый размер – пятистопный ямб с силлабо-тоническим ритмом, например,

*“The miller was a chap of sixteen stone —
A great stout fellow big in brawn and bone.”*

В то же время в среднеанглийских поэтических текстах применяется и аллитерация, но уже не как метрическая, а как орнаментальный прием и/или текстоорганизующий принцип (см. подробнее [3; 5]).

Выразительные средства древнеанглийского стиха вытесняются французскими, в числе которых следует назвать лексические и синтаксические повторы, риторические восклицания, гиперболы, метафоры, эпитеты, олицетворения и т. п. Например, в рассказе мельника из Кентерберийских рассказов много «съедобных» (терминология М.М. Бахтина) метафор и эпитетов, сравнивающих людей с продуктами питания (см. подробнее [4]).

Ранненовоанглийский период

Исследователи отмечают спад в мастерстве стихосложения в постчосеровскую эпоху в связи с появлением большого числа рифмованных стихов с разлаженной метрикой, т. н. «доггерел» (doggerel) стихов. Подъем в мастерстве связывают с именами Т. Уайета и Г. Серрейя, которые в XVI в. «подвергли пересмотру английскую поэзию: на английскую почву была перенесена новая европейская метрика, строфика – терцины, катрены, рондели и сонеты» [5, с. 9]. Однако вершиной английской и мировой поэзии того времени считается лирика В. Шекспира и доведенный им до совершенства жанр сонета, характеризующийся новизной как содержания, так и формы.

В тематику стиха вводится образ лирического героя, размышляющего о любви, счастье, человеческой красоте, о смысле жизни, о высокой миссии поэта и т. п.

Организуемыми принципами сонета являются: наличие четырнадцати строк, разделенных на четыре строфы (три катрена, одно двустишие); определенная система рифмовки (для шекспировского сонета АБАБ+ВГВГ+ДЕДЕ+ЖЖ); точность и редкость рифм; чередование мужских и женских рифм; размер – 4, 5 или 6-стопный ямб; синтаксическая законченность каждой из четырех строф; запрет на повторение слов в одном и том же значении (кроме союзов и предлогов); интонационное различие катренов

и двустопишия; наличие сонетного замка, выражающего суть произведения. Данные черты можно проследить на примере Сонета № 18 В. Шекспира:

*“Shall I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate:
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date;
Sometime too hot the eye of heaven shines,
And often is his gold complexion dimm'd;
And every fair from fair sometime declines,
By chance or nature's changing course untrimm'd:
But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou ow'st,
Nor shall Death brag thou wand'rest in his shade,
When in eternal lines to time thou grow'st.
So long as men can breathe or eyes can see,
So long lives this, and this gives life to thee.”*

Выразительные средства, используемые в сонете, это возвышенная лексика, гиперболы, метафоры, эпитеты, олицетворения, парафразис.

Современный период

Сравнивая современный период с предшествующим, исследователи отмечают кардинальное изменение эстетических ценностей и постоянные эксперименты с поэтическими формами, бросающие «непрофессиональный и наивный вызов традиционному ритмическому укладу, отточенному и выверенному Шекспиром и Мильтоном» [2].

Современная английская поэзия характеризуется многожанровостью и в целом опирается на сформированные в XVII-XIX в.в. размеры. Однако довольно часто в целях выражения своей индивидуальности авторы пренебрегают классическими канонами и намеренно их нарушают, сочетая с неровным ритмом или белым стихом. Вместе с тем исследования показывают, что расшатывание традиционных признаков формы стиха «было менее неожиданным, чем может показаться на первый взгляд; это был результат эволюционного процесса, подготовленного более чем вековым развитием национальной метрики» [6, с.43]. Определяющую роль в этом процессе отводят разработанному в XIX в. дольниковому стиху, оттеснившему пятистопный ямб с положения господствующего метра, что способствовало появлению разностопного стиха и его последующей популярности.

В целом современные произведения характеризуются «небрежной» ритмической организацией, разрозненностью звуковой палитры, внутренним диссонансом стихотворных строк, сниженной лирикой, бытовой тематикой (см. подробнее [2]). Все эти характеристики прослеживаются в следующем примере, приведенном в публикации И.М. Беспаловой [2]:

*“Cindy lay on the bed, naked.
We had just made love.
I smoked a cigarette and thought about a show
I had seen on TV the night before.
This is some life, I thought.
And it was”*

По словам исследовательницы, «большая часть современных стихотворений призвана поразить, шокировать, эпатировать публику. Для этого нередко используется приём несочетаемого, абсурдизм, сниженная лексика, вульгарные и табуированные слова, сленгизмы» [2].

В целом, сопоставляя разные периоды английского стихосложения, можно проследить тенденцию к расширению жанровых рамок, более вольной организации стиха и снижению стиля.

Список литературы

1. Бердникова Д.В. Англо-шотландская баллада как объект сопоставительного изучения: лингвокогнитивный аспект: на материале вариантов баллады "Thomas of Egeldoune" и их переводов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Бердникова Дарья Владимировна. – Москва, 2014. – 21 с.
2. Беспалова И.М. Ритмическая организация англоязычного стихотворного текста в синхронно-диахронном аспекте [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2013. – №4. – URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/ritmicheskaya-organizaciya-angloyazychnogo-stikhotvornogo-teksta-v-sinkhronno-diakhronnom-aspekte> (дата обращения 04.04.2024).
3. Волконская М.А. Язык среднеанглийской поэмы "Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь": традиционные поэтизмы и заимствования в их функциональном взаимодействии: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Волконская Мария Андреевна. – Москва, 2012. – 24 с.
4. Вышенская Ю.П. Стилистические особенности "брачных историй" в поэме Дж. Чосера The Canterbury Tales / Ю. П. Вышенская // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 2-2. – С. 47-49.
5. Дашевская А.И. Эволюционные процессы в системе поэтических жанров среднеанглийского периода: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Дашевская Анастасия Иосифовна. – Санкт-Петербург, 2017. – 18 с.
6. Козленко Э.С. Метрика и ритмика английского стиха XX века / Э. С. Козленко // Гуманитарные исследования, 2016. – №1(10). С. 42-46.
7. Мощанская О.Л. Англосаксонские элегии: жанровая специфика, проблемы поэтики / О. Л. Мощанская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 1-2. – С. 203-208.
8. Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов / О. А. Смирницкая // Древнеанглийская поэзия. – М., 1980. – С. 171-232.
9. Яценко М.В. Древнеанглийский христианский эпос: проблемы жанра поэм Кодекса Юниуса: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.03 / Яценко Мария Вадимовна. – Москва, 2021. – 39 с.

Сведения об авторах:

Щекотихина Ирина Николаевна; кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; shchekotikhina69@mail.ru;

Shchekotikhina Irina Nickolaevna; PhD in Philology, associate professor, head of the English Language Department, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; shchekotikhina69@mail.ru;

Полухин Роман Георгиевич; студент 3 курса института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; poluhin5704@mail.ru;

Polukhin Roman Georgievich; 3d year undergraduate student, Foreign Language Institute, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; poluhin5704@mail.ru

СЕКЦИЯ 2: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

УДК 81

Пословицы в творчестве Джона Р.Р. Толкина и их киноадаптация

Виктория Игоревна Ильминская

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, старший преподаватель кафедры английской филологии, Орёл, Россия, vera2455prue5@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена авторским псевдопословичным высказываниям в творчестве Дж.Р.Р. Толкина и их дальнейшей адаптации в фильмах, снятых по мотивам его произведений, а также их влиянию на трактовку содержания коммуникативных эпизодов фильма.

Ключевые слова: художественный текст, пословица, перевод, коммуникативный эпизод, кинодискурс.

Proverbs in the works of John R.R. Tolkien and their film adaptation

Victoria I. Iminskaya

Orel State University named after I.S. Turgenev, senior lecturer of the Department of English Philology, vera2455prue5@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of J.R.R. Tolkien's pseudoproverbs in his works, their adaptation in films based on the books and the influence of the idioms on the interpretation of the content of communicative episodes in the film.

Keywords: literary text, proverb, translation, communicative episode, film discourse.

Пословицы являются неотъемлемой частью культуры любого народа, которые, несмотря на свой небольшой размер, могут передавать весь опыт предыдущих поколений и житейскую мудрость, поэтому они почитаются и считаются ценным материалом, а заложенные в них образы являются яркими, запоминающимися и поучительными. В данной статье пословица «понимается как языковой знак с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями <...> в актуализованном режиме пословица с точки зрения теории речевых актов является потенциальным косвенным речевым актом, в котором проявляются заложенные в ней деонтические нормы социального поведения» [Абакумова 2013, с.16, 25].

У каждого народа за плечами свой опыт и прошлое, которые накладывают определённый отпечаток на их язык и на пословицы в том числе, из-за чего возникают уникальные паремии, которых нет у других, поэтому считается, что нельзя в полной мере изучить язык, не уделив должного внимания культурному фонду говорящих на нём людей, куда входят и пословицы. Помимо этого, не стоит забывать, что народ сам создаёт свою историю, меняет язык в соответствии со своими нуждами, в том числе и пословицы. Большую лепту в данный процесс вносят творческие люди: писатели и поэты.

Оксфордский профессор английского языка и литературы, а также известный лингвист Джон Рональд Руэл Толкин известен не только как автор «Хоббита» и трилогии «Властелин Колец», но и как писатель, обогативший английский язык большим

количеством пословиц за счёт создания авторских устойчивых коммуникативных единиц, которые он вплёл в историю придуманного им мира и вложил в уста своих персонажей. Его произведения оказали существенное влияние не только на культуру, но и на киноиндустрию, послужив основой для кинотрилогии «Властелин Колец», снятой режиссёром Питером Джексоном в 2001-2003 годах.

М.Ю. Лотман считает, что «художественный текст можно рассматривать как текст многократно закодированный» [Лотман 1970, с. 78]. И. Р. Гальперин выделяет такие текстовые категории, как информативность, внутритекстовые связи, членимость, ретроспекцию, автосемантию отрезков текста, континуум, интеграцию, модальность, перспекцию и завершенность текста [Гальперин 1981: 4]. Т. Ван Дейк вводит понятия макроструктуры и макропропозиции для семантического описания глобального содержания и глобальной связности дискурса. Согласно его определению макроструктура – это «то значение – или пропозициональная структура, – которое является результатом применения к линейной смысловой структуре текста серии отображений, «свертывающих» эту смысловую структуру в макроструктуру, которая служит кратким выражением содержания текста» [Дейк 1978, с. 318-319].

В нашей статье мы понимаем под художественным текстом как возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания [Адмони 1994], и считаем, что это верно и для фильма, который также является сложной семиотической системой, как и текст, т.е. является кинотекстом. Термин «кинотекст» встречается в литературе довольно часто. О произведении киноискусства как о тексте писали Ю.М. Лотман (1992), Ю.Г. Цивьян (1984), Ю.Н. Усов (1980), А.В. Федоров (2000), Е.Б. Иванова (2000) и другие, однако единого определения данного понятия нет. Ю.Н. Усов считает, что кинотекст – это «динамическая система пластических форм, которая существует в экранных условиях пространственно-временных измерений и аудиовизуальными средствами передаёт последовательность развития мысли художника о мире и о себе» [Усов 1980, с. 17]. Ю.М. Лотман отмечает, что кино – это синтез двух повествовательных тенденций: изобразительной («движущаяся живопись») и словесной [Лотман 1973].

Стоит также отметить, что пословицы реализуют свой потенциал в художественном тексте за счёт контекста ситуации и всего повествования в целом, а в фильме они дополняются актёрской игрой, жестами и другими зрительными образами, что помогает создать систему образов, которые будут уникальны для фильма.

Фильмы не могут дословно воспроизвести произведения автора, потому что вместить большой роман в формат нескольких часов фактически невозможно, и в процессе работы над сценарием какие-то персонажи и сцены вырезаются, а другие, наоборот, получают больше места, чем у них было в оригинале. Это касается и кинотрилогии. Критики сравнили фильмы и книги и не могли не отметить, что они во многом расходятся. Дж. Р.Р. Толкин делает акцент на персонажах, их укладе жизни и местности, в то время как Питер Джексон – на сценах экшена. Младший сын писателя Кристофер Толкин негативно отозвался о фильмах: “They gutted the book, making an action movie for 15-25 year olds” («Они распотрошили книгу, сделав боевик для 15-25 летних») [Aidan Moher 2012]. Наше исследование было проведено на материале первого фильма «Властелин Колец: Братство Кольца» (2001) и одноимённого романа. Для анализа смысла пословицы в дискурсе использовалась модель когнитивно-дискурсивная модель актуализации пословицы в дискурсе (КДМ).

Несмотря на множественные упущения пословиц, фильм вплетает в свои повествования те, которых не было в книге. В первой половине фильма, до того, как Фродо узнаёт, что именно за кольцо оставил ему дядюшка, есть сцена, где хоббиты

веселятся в таверне, распивая хмельные напитки и покуривая трубки, когда один из них делится новостями, что на границах Шира стали появляться странные личности в последнее время, но его прерывает другой хоббит:

“Far-off tales and children’s stories, that’s all that is. You’re beginning to sound like that old Bilbo Baggins. Cracked he was”.

“Young Mr Frodo here, he’s cracking”.

“And proud of it”. <...>

*“It’s none of our concern what goes on beyond our borders. **Keep your nose out of trouble and no trouble’ll come to you”.***

«- Небылицы это всё и детские сказки. Ты говоришь, как старый Бильбо Бэггинс. Чудной был он тип.

- И этот молодой Фродо Бэггинс всё туда же.

- И горжусь этим. <...>

- Что делается за границей – не наше дело. Держись от неприятностей подальше, и их у тебя не будет» (Русский профессиональный многоголосый дубляж).

Kommunikativa (коммуникативная составляющая): старый хоббит произносит пословицу, глядя на Фродо, который теперь живёт один после ухода дядюшки Бильбо. Он использует социально-стратегическое коммуникативное действие, имеющее целью убедить молодого хоббита не искать себе приключений, как это делал его родственник (за что его многие считают сумасшедшим). *Оператор: желая, чтобы ты прислушался к моему совету и не попал в беду.*

Konstativa. Пропозиция высказывания выражена предикатами «keep» и «come». Логическая структура: Who should do what and why?

Семантический класс глагола: предикат действия. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: «**keep your nose out of something** – to not become involved in things that should not really involve you» [OALDCE]. Совет не вмешиваться, не ввязываться в дело, которое вас не касается. Интересно, что в состав единицы входит слово “nose”, которое также может трактоваться как “To search or inquire meddlesomely; snoop or pry” [АНДОЕЛ]. Англо-русский фразеологический словарь даёт несколько трактовок данной идиоме: «Идти/пойти своей дорогой (своим путём)»; «свои собаки грызутся (дерутся), чужая не приставай (не подходи)» [РЕДОИ].

Данная идиома может являться трансформированной версией пословицы “Don’t trouble troubles till troubles trouble you”. Farlex Dictionary of Idioms даёт следующее определение: “*proverb* If you think something could be problematic or dangerous, then don't do something that might provoke or instigate it” [FDI]. Русский аналог: «Не буди лихо, пока оно тихо».

Образный фрейм: в центре ситуации nose (нос), который символизирует слишком большой интерес к чужим делам [LDCE].

Окказиональный фрейм: хоббит понимает, что молодой Фродо может находиться под влиянием рассказов дядюшки о приключениях, которые могут вдохновить его самого отправиться их искать, учитывая тревожные новости о незнакомцах, появившихся на их территории, которыми делятся жители. Идиомой он намекает, что не следует романтизировать поступки Бильбо и поступать как он, а стоит остаться в безопасности дома.

Обобщённый фрейм: не стоит совершать поступки, которые могут накликать беду. По классификации Г.Л. Пермякова это четвертый класс пословиц: «Если две вещи связаны и одна обладает каким-либо свойством, а другая нет, то первая вещь предпочтительнее второй» [Пермяков 1979]. В данном случае: если человек не будет проявлять слишком большой интерес к вещам, которые его не касаются, то он останется в безопасности.

Оператор: *я говорю, что не стоит вмешиваться в дела, которые вас не касаются напрямую, чтобы не попасть в беду.*

Representativa. Говорящий искренен в своём убеждении, что он поступает правильно, ведя тихую и мирную жизнь, не вмешиваясь ни в какие сомнительные дела, а окружающие его хоббиты никак не опровергают его утверждение, тем самым молча поддерживают его в стремлении направить ещё юного Фродо на единственно правильный путь. Модальность высказывания аксиологическая (оценочная). Положительно оценивается осторожность, стремление не вмешиваться в чужие дела, вести спокойную жизнь и даётся отрицательная оценка приключениям Бильбо. Оператор: *я думаю, вы понимаете, что это правильный образ жизни.*

Regulativa. Говорящий побуждает Фродо отбросить фантазии, которые могут у него быть о приключениях, и сосредоточиться на естественных и правильных вещах. Высказывание содержит в себе рекомендацию поступать определённым образом. Деонтические нормы, которые передаются в результате речевого акта, это утилитарные нормы безопасности: «Следует быть осторожным», «Не следует принимать необдуманное решение» [Карасик 2004, с. 28]. Перлокутивный эффект: Фродо прислушивается к словам хоббита и остаётся в таверне беззаботно веселиться вместе с остальными жителями. Оператор: *сделай вывод: не проявляй слишком большой интерес к чужим делам, которые тебя не касаются, веди тихую и мирную жизнь как другие.*

Данная сцена, хоть и отсутствует в книге, но идеально вписывается в мир хоббитов, которых Толкин описывал, как миролюбивый народ, ведущий оседлый образ жизни, избегающий городов и боящийся приключений. Они любят поесть, выпить и покурить трубки, что наглядно демонстрируется в вышеописанной сцене, и стараются не вмешиваться в чужие дела, игнорируя происходящее за пределами их земель. Такое поведение и образ жизни характерно для типичного англичанина, проживающего в небольшом городе. Оно отвечает представлениям об английском национальном характере, который опирается на стереотип необщительности (reserve, privacy etc.). Человек, нарушающий эти правила, оценивается негативно и называется posy parker.

Таким образом, мы видим, что фильмы часто опускают сцены с пословицами, но могут компенсировать это, добавляя отдельные сцены и пословицы, которых нет в оригинале, чтобы не нарушать общую канву повествования и передать заложенный автором смысл через призму режиссёрского видения.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореф. дис. докт. филол. наук. Орел, 2013. 47 с.
2. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. – СПб: Наука, 1994. – 151 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981. – 144 с.
4. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистика текста. - Вып. VIII. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259-336.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.:Гнозис, 2004. – С.28-29.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: «Искусство», 1970. – 383 с.
7. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока: систематизированное собрание изречений двухсот народов. – М.: Наука, 1979. – 376 с.
8. Усов Ю.Н. Методика использования киноискусства в идейно-эстетическом воспитании учащихся 8-10 классов. – Таллин, 1980. – 125 с.

9. Aidan Moher. Shockingly, Christopher Tolkien hates the Lord of the Rings films. A Dribble of Ink, 2012. URL: <https://aidanmoher.com/blog/2012/07/news/christopher-tolkien-on-the-lord-of-the-rings-film-trilogy/> (дата обращения: 1.10.2024).
10. Longman Dictionary of Contemporary English. – М.: Русский язык, 1992. – 1855 с.
11. Russian-English Dictionary of Idioms by Sophia Lubensky. – Yale University Press, 2013. – 992 p.
12. The American Heritage Dictionary of English Language by Anne H. Soukhanov. 3rd edition. — American Heritage, 1992. — 8651 p.
13. The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 1.10.2024).
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 1.10.2024).
15. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. – London, 2007. – 1580 p.

УДК 811.112.2'373.7

О модификациях библейских паремий

Елена Игоревна Карпенко¹, Мария Дмитриевна Фролова²

¹Московский государственный лингвистический университет, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка, кандидат филологических наук, доцент, Москва, Россия, elena_karpenko@list.ru

²Московский государственный лингвистический университет, факультет немецкого языка, студентка 3 курса, Москва, Россия, frolistme@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые виды модификаций библейских паремий в немецком языке. Анализ был выполнен с использованием данных немецкоязычных корпусов DWDS. Сделан вывод о том, что прагматика модифицированных выражений обуславливается не только их библейскими коннотациями, но и функционированием фразеосхемы паремии.

Ключевые слова: паремия, фразеосхема, модификация, субституция, дискурс, немецкий язык

On the modifications of biblical paremi

Elena I. Karpenko¹, Maria D. Frolova²

¹Moscow State Linguistic University, Head of the Department of German Lexicology and Stylistics, PhD in Philology, Moscow, Russia, elena_karpenko@list.ru

²Moscow State Linguistic University, student of the Department of German Language, Moscow, Russia, frolistme@gmail.com

Abstract. The article considers some types of modifications of biblical paremi in German. The analysis was carried out using data from German-language DWDS corpora. It is concluded that the pragmatics of modified expressions is conditioned not only by their biblical connotations, but also by the functioning of the phrase-scheme of the paremi.

Keywords: paremy, phraseoscheme, modification, substitution, discourse, German language

Модификации устойчивых словесных комплексов исследуются сегодня с различных сторон: структурно-семантической, прагматической, лингвокультурологической, когнитивной (см. обзоры в [Мокиенко 2010], [Серегина 2016]). Модификации паремий также неоднократно становились предметом отдельного изучения, достаточно напомнить о термине «антипословицы» (В. Мидер, В.М. Мокиенко, Х. Вальтер, О.Б. Абакумова).

Под паремиями понимаются пословицы, пословично-поговорочные выражения и поговорки с назидательной направленностью. В отношении пословиц отмечается также их исключительно иносказательный способ реализации [Серегина 2016, с. 53-54].

Модификации паремий могут рассматриваться в аспекте языковой игры [Vilčinskaitė 2008], [Абакумова 2012]. О.Б. Абакумова выделяет среди наиболее распространенных модификаций развернутую метафору, замену компонента, деметафоризацию внутренней формы, расщепление синтаксической структуры паремии [Абакумова 2012]. Такие модификации можно рассматривать и в более широком контексте лингвистической креативности, когда модификации не направлены строго на создание шутливо-иронического эффекта. Замена является одной из наиболее частотных модификаций паремий, последствием которой может быть (частичная) утрата модифицированным выражением переносного смысла. Проиллюстрируем данное утверждение на примере пословицы библейского происхождения *нем.* *Wer Wind sät, wird Sturm ernten* (*русс.* Кто сеет ветер, тот пожнет бурю / *англ.* *sow the wind and reap the whirlwind*), обычно цитируемой для вразумления тех, кто сеет раздор, не задумываясь о его разрушительных последствиях для инициатора конфликта. Фразеосхема¹ паремии эксплицирует причинно-следственную связь между событиями в первой и во второй частях паремии («если посеешь X, то пожнешь Y»). С точки зрения иллокуции, высказывание является предостережением, предупреждением. Как показывает анализ корпуса примеров, обычно имеет место замена субстантивного компонента (здесь и далее курсив в примерах – *Е.К., М.Ф.*), в то время как глагольный компонент (а вместе с ним и фразеосхема высказывания) остаются неизменными, ср.:

(1) *Wer Rechtlosigkeit sät, erntet Rechtsbrüche* (Der Tagesspiegel, 09.05.2004).

(2) *Muss man sich also wundern, wenn man Belanglosigkeit sät und Belanglosigkeit erntet?* (Der Tagesspiegel, 21.03.2004)

(3) *Es sah so aus, als ob Berlin die historische Lektion begriffen hätte, daß „Wer Straßen sät, Verkehr erntet“*, wie der damalige Oberbürgermeister von München, Hans-Jochen Vogel, schon 1972 sagte (Michael Cramer: Das Zentrum der Inkompetenz. Berliner Zeitung, 30.01.1999).

(4) *Wer aber Steuern sät, braucht auch jemanden, der sie erntet* ob in D-Mark oder Euro (Jan Jurczyk: MEINUNG. Berliner Zeitung, 23.01.1998).

Если под метафорами *Wind* и *Sturm* в библейской паремии можно представить достаточной широкий круг ситуаций (конфликты, интриги, провокации, подстрекательства и под.), то субституты являются прямыми номинациями (конкретными или абстрактными), и либо ограничивают референцию одной конкретной ситуацией (3, 4), либо очерчивают более узкий (чем в случае с метафорами *Wind* и *Sturm*) круг конкретных ситуаций (1, 2). Тем не менее, невозможно говорить о полной

¹ Фразеосхема – это устойчивое, воспроизводимое и идиоматичное выражение со структурой словосочетания или предложения, которое содержит некую переменную, заполняемую в конкретном контексте, и которое построено по регулярной модели и в плане выражения, и в плане содержания [Дронов 2020, С. 96].

дефразеологизации модифицированного выражения ввиду метафорического употребления глагольных компонентов (*säen, ernten*).

В связи с функционированием подобных единиц возникает ряд вопросов: Основывается прагматический эффект такого высказывания исключительно на фразеосхеме «если посеешь X, то пожнешь Y»? Утрачивает ли модифицированное выражение вместе с частью фигурального значения и назидательный смысл? Остаются в модифицированном выражении библейские коннотации и как их можно верифицировать?

По мнению исследователей, пословицы чаще используются для положительной аргументации, чем для отрицательной [Серегина 2016, с. 57]. Пословица *Wer Wind sät, wird Sturm ernten* представляет собой, таким образом, не часто встречающееся, но безусловно востребованное средство стратегии урезонивания при отрицательной аргументации. В то же время все рассмотренные модификации используют именно потенциал фразеосхем, которые чаще репрезентируют «негативные» типовые пропозиции («негативной оценки», «не соответствия норме», «нецелесообразности», «угрозы») [Меликян, Меликян 2022, с. 109]. В проанализированном корпусе встретился только один «положительный» пример – *Wer Dank sät, erntet Liebe* – зафиксированный в титрах итало-франко-швейцарского фильма «Полуночные колокола» (оригинальное название «*Campanadas a medianoche*», 1965). Что касается назидательного потенциала, то фразеосхема «если посеешь X, то пожнешь Y» им, безусловно, обладает. Об этом свидетельствуют многочисленные афоризмы, употребляющиеся как самостоятельные (контекстно несвязанные) высказывания: *Wer Privilegien sät, wird Revolution ernten*; *Wer Angst sät, wird Feiglinge ernten*; *Wer Eile sät, wird Unrast ernten*; *Auch wer Liebe sät, kann Aggression ernten* и др. [URL, www.aphorismen.de].

Рассмотрим также модификации немецкой поговорки «*Es wird nicht ein Stein auf dem anderen bleiben*» (рус. Не останется камня на камне / англ. *Not one stone shall be left here upon another*). Данное речение имеет библейское происхождение и дважды используется в тексте Библии в прямом, не идиоматическом значении, в качестве пророчества о разрушении Иерусалима, жители которого требовали распять Иисуса Христа. Впервые Иисус Христос говорит о грядущих бедах у стен города [Лк. 19:44]. Затем Он вновь предвещает гибель Иерусалима, уже будучи в нем [Мф. 24:1-2]. В качестве паремии выражение цитируется для обозначения полного разрушения чего-либо². С точки зрения иллокуции высказывание чаще всего выступает как утверждение, в некоторых контекстах – предостережение, угроза.

Как показывает анализ корпуса примеров, хотя преимущественно модифицированная паремия сохраняет фигуральное значение (5, 6), в некоторых случаях она демонстрирует демегафоризацию внутренней формы (7) и, как следствие, полную дефразеологизацию выражения (в отличие от пословицы «*Wer Wind sät, wird Sturm ernten*»):

(5) *Langfristig, glauben Marktbeobachter, wird in der Branche kaum ein Stein auf dem anderen bleiben* (Der Tagesspiegel, 23.09.1999).

(6) *Auf dem europäischen Versorgermarkt scheint kein Stein auf dem anderen zu bleiben* (Der Tagesspiegel, 27.02.2001).

(7) „Wenn alles normal läuft, können wir Ende Februar mit den Abrissarbeiten beginnen“, schilderte Helmut Hergesell, Geschäftsführer der als Bauherr fungierenden Ostseestadion GmbH, den weiteren Ablauf. In den einzelnen Bauphasen, in denen die Zuschauerkapazität

² <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii/kamnya-na-kamne-ne-ostavit>

zum Teil bis auf 16 000 reduziert ist, wird *kein Stein mehr auf dem anderen bleiben* (Der Tagesspiegel, 14.12.1999).

Как видно из примера (7) и в особенности (8), данная поговорка может модифицироваться при помощи расщепления синтаксической структуры путем внедрения новых элементов (*mehr, stehen-*):

(8) In der Union scheint kein Stein *mehr* auf dem anderen *stehenzublieben* (Der Spiegel, Nr. 40, 01.10.2007).

Наиболее сложным представляется вопрос о сохранении в модификациях библейских коннотаций. Впрочем, он касается и самих поговорок – оригинальных цитат из Библии. Безусловно, при определенном уровне культурно-языковой компетенции реципиент способен восстановить библейский контекст такой поговорки (или идентифицировать Библию как ее источник). Если продуцент заинтересован в таком перлокутивном эффекте (например, понимает, что в определенных лингвокультурных сообществах библейские коннотации повышают воздействующий потенциал поговорки), то он сам может при помощи прямой или косвенной отсылки к Библии (9) «навести» реципиента на необходимость восстановления экзофорической связи (т.е. связи между узким контекстом фразеопотребления и «внешним» библейским контекстом), ср.:

(9) Es gab und gibt wohl noch Deutsche, die verstehen, das die Weisheit „Wer Wind sät, wird Sturm ernten“ bedeutet und woher sie stammt. Richtig, *aus dem Tanach, dem Alten Testament* (AT). Viele Autoren dürften an diesen zu einem Buch gebundenen Schriften geschrieben haben, die als *Heilige Schriften der Juden* gelten [URL, www.weltexpress.info/deutsche-panzer-gegen-russland-oder-wer-wind-saet-wird-sturm-ernten/].

Можно утверждать, что прагматика модифицированных выражений основывается на актуализации фразеосхемы, эксплицирующей причинно-следственную связь между негативным событием в первой части высказывания, и его отрицательными последствиями во второй части. Замена субстантивного компонента чаще всего приводит к утрате части фигурального, но не назидательного смысла высказывания. Последний является и результатом функционирования фразеосхемы, и обеспечивается культурно-языковой компетенцией реципиента, способного восстановить библейские коннотации выражения. При необходимости продуцент может «гарантировать» экспликацию библейского подтекста поговорки (или ее модификации) при помощи прямого указания на ее библейский источник.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословица и языковая игра // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2012. – Т. 25 (64), № 2 (1). – С. 268–275.
2. Дронов П.С. Фразеосхема: между пословицей, идиомой и коллокацией // Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем. К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко. – Гомель: Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, 2020. – С. 94–97.
3. Меликян В.Ю., Меликян А.В. Фразеосхемы как результаты процесса грамматикализации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2022. – № 4. С. 102–114.
4. Мокиенко В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. – № 3. – 2010. – С. 6–20.
5. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Нева, 2005. – 573 с.
6. Серегина М.А. Общетеоретические основы семиотики немецких поговорок в различных научных парадигмах // Глобальное европейское пространство: проблемы

интеграции сквозь призму межкультурной коммуникации. Материалы конференции. Ростов-на-Дону, 19–20 мая 2017 года. – Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2017. – С. 292–297.

7. Vilčinskaitė A. Sprachspielerische Modifikationen der Phraseologismen (am Beispiel der Zeitschrift „Der Spiegel“): Magisterarbeit. Vilnius, 2008.

Сведения об авторах:

Карпенко Елена Игоревна; кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, 119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; elena_karpenko@list.ru;

Karpenko Elena Igorevna; Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka st., 38 (1), Moscow, 119034, Russian Federation; elena_karpenko@list.ru;

Фролова Мария Дмитриевна; студентка, Московский государственный лингвистический университет, 119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; frolovme@gmail.com;

Frolova Maria Dmitrievna: student of the Department of German Language, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka st., 38 (1), Moscow, 119034, Russian Federation; frolovme@gmail.com.

УДК 811.111'38

Трансформационные приёмы в русских и английских антипословицах

Надежда Владимировна Кирюхина

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, старший преподаватель кафедры английской филологии, Орёл, Россия, Орёл, nkir001@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению понятия антипословицы и её взаимосвязи с традиционной пословицей. В статье также производится обзор паремиологически востребованных приёмов модификации и трансформации пратекста паремий с последующим статистическим анализом наиболее активных фонетических, морфологических, лексических, синтаксических и комбинированных моделей в рамках сопоставляемых языков.

Ключевые слова: пословица, антипословица, модификация, трансформация, пратекст.

Transformation techniques in Russian and English anti-proverbs

Nadezhda V. Kirjukhina

Oryol State University named after I.S. Turgenev, a senior lecturer at the chair of English philology, Oryol, Russia, nkir001@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the concept of anti-proverb and its relationship with a traditional proverb. The article also provides an overview of paremiologically widespread techniques of modification and transformation of the proto-text of paremias with subsequent statistical analysis of the most active phonetic, morphological, lexical, syntactic or combined models of transformation within the compared languages.

Key words: proverb, anti-proverb, modification, transformation, proto-text.

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что в пословицах и поговорках отражается богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Популярность пословиц во многом объясняется их структурной стройностью как готовой модели поведения, проверенного совета, мудрого умозаключения, которые могут метко использоваться в речи в готовом виде, тем самым экономя коммуникативные усилия коммуниканта с одной стороны, и наделяя сообщение особой доказательной силой и лаконичностью с другой. Согласно О. Б. Абакумовой, пословица это – «сложный языковой знак, фразеологизм со структурой предложения, обобщенным значением, с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, функционирующее в речи как косвенный речевой акт чаще всего директивного типа, который используется как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего» [Абакумова 2021, с. 95-96].

Тогда что собой представляют антипословицы, именуемые также как переделка (alteration), пародия (parody), трансформация (transformation), вариация (variation), саркастическое замечание (sarcastic remark), намеренная пословичная инновация (deliberate proverb innovation), мутация (mutation) [Litovkina 2017, p. 15]. В зарубежной лингвистике отмечается взгляд на антипословицу как на любые преднамеренные изменения традиционных пословиц в форме каламбуров, преобразований, опущений, дополнений, которые способны реализовывать как поучительную, так и морализирующие функции [Mieder, Litovkina 2002, p. 3]. В то время как в отечественной традиции антипословица охватывает более широкий спектр преобразований разного рода текстов, так, Х. Вальтер и В. М. Мокиенко понимают под антипословицей результат искусной авторской игры слов с пословицей, поговоркой, афоризмом или фразеологизмом; своеобразную модификацию или трансформацию известного выражения или изречения при условии «подчеркнуто иронического их “выворачивания наизнанку”» [Вальтер, Мокиенко 2005, с. 4]. По замечанию Х. Вальтера и В. М. Мокиенко, антипословицы зародились не только «как протест против банального здравого смысла и назидательного тона традиционной «народной мудрости», но и как веселая языковая игра, очищающий катарсис, карнавальная речевая маска уставшего от «серьезностей» и трагедий повседневной жизни Человека» [Вальтер, Мокиенко 2010, с. 7].

Предлагается разграничивать приемы модификации и трансформации антипословиц.

Антипословицы основываются на приёмах модификации и трансформации. **Модификации** пословичного речения могут представлять собой: а) лексические субституции, не влекущие за собой значительного искажения исходного значения пословицы-донора («Баба с возу – легче ехать» → «Баба с возу – кобыле легче»); б) полное сохранение прапословицы с применением приёма расширенной метафоры («*A woman's place is in the home. That's why she's so eager to find a man to put her in her place*»); в) перифраз традиционных паремий («*Девушки подобны цветам: раскрываются только от тепла и света*» vs. «*Девушка без любви – цветы без солнца [цветок без запаха]*»). Тогда как приём **трансформации** влечёт за собой более комплексные преобразования на денотативном и сигнификативном уровнях пословицы, сводящиеся к фонетическим, морфологическим, лексическим, синтаксическим или комбинированным преобразованиям пратекста.

Среди возможных приёмов, образующих антипословицы, можно выделить: **лексические субституции** («*A woman's day is never done*» vs. «*A woman's work is never done*»); «*Чем дальше в лес, тем больше интерес*» vs. «*Чем дальше в лес, тем больше*

дров»); **фонетические субституции** («*Gentlemen be-fur blondes*» vs. «*Gentlemen prefer blondes*»); «*Что посмеешь, то и пожмёшь*» vs «*Что посеешь, то и пожнёшь*»); **морфологические субституции** («*A fool and his money are soon parting*» vs. «*A fool and his money are soon parted*»); «*Не пожелай ближнему жены своей*» vs. «*Не возжелай жены ближнего своего*»); **добавление клаузы и лексико-синтаксическое расширение** («*An Englishman's home is his castle – so let him clean it*» vs. «*A man's home is his castle*»); «*Женщина, думающая, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, метит слишком высоко*» vs. «*Путь к сердцу мужчины лежит через желудок*»); **редукция** («*Баба с воза*» vs. «*Баба с возу – возу легче*»; «*Love thy neighbor*» vs. «*Love your neighbor as yourself*»); **аллюзия на традиционные пословицы русского и английского языков** («*Дорога к успеху переполнена женщинами, которые толкают перед собой мужей*» vs. «*Behind every successful man, there's a woman*»); **спунеризмы (перемена положений лексем в пределах знака)** («*Invention is the mother of necessity*» vs. «*Necessity is the mother of invention*»); «*Не пожелай ближнему жены своей*» vs. «*Не возжелай жены ближнего своего*»); **сплитинг** («*Of two evils, it isn't always possible to choose the lesser – sometimes they are twins*» vs. «*Of two evils choose the less*»); **контаминация** («*Баба с воза (возу) – потехе час*» vs. «*Баба с возу – возу легче*» + «*Делу время, потехе час*»); **аллюзия на фразеологизм или устойчивое выражение** («*Если женщина села вам на шею, значит, вам не нужно больше носить её на руках*» vs. «*садиться / сесть на шею*»); **аллюзия на прецедентное имя, текст, ситуацию** («*Каждая женщина в душе ждет своего Дантеса*»); **аллюзия на афоризм** («*Человеку свойственно ошибаться...*», – издалика начал командир воинской части разговор с женой сапера...» (римский философ и оратор Сенека)).

Большинство антипословиц демонстрируют наличие нового социального заказа – заказа разрушения архаичной системы ценностей, частично устаревшего кодекса морали и чести, пересмотра содержания специфики полоролевых отношений и экспектаций, и имплементации более востребованных смыслов, раскрытия актуального наполнения культурных кодов, национально-гендерных стереотипов, а также раскрытия актуального содержания категорий маскулинности и фемининности того или иного лингвокультурного сообщества. Преимущественно эти цели множат различные типы модификаций и трансформаций знаков фразеологического фонда языка (при условии включения паремий в таковой). Подводя итог, можно вывести процентные соотношения востребованности каждого из приёмов для сопоставляемых языков.

Среди антипословиц английского языка востребованы приёмы: *добавление клаузы или лексико-синтаксическое расширение* (53,8%), *лексические субституции* (30%), *фонетические субституции (параномазия)* (10,8%), *редукция* (3, 3%), *спунеризмы (перемена положений лексем в пределах знака)* (1,3%), *морфологические субституции* (0,25%), *сплитинг* (0,25%), *контаминация* (0,25%).

Среди антипословиц русского языка распространены приёмы: *лексические субституции* (21,4%), *аллюзия на фразеологизм или устойчивое выражение* (19%), *редукция* (14%), *добавление клаузы или лексико-синтаксическое расширение* (13%), *аллюзия на прецедентное имя, текст, ситуацию* (12%), *морфологические субституции* (6%), *аллюзия на пословицы русского и английского языков* (4,2%), *контаминация* (4%), *аллюзия на афоризм* (3%), *фонетические субституции (параномазия)* (2,4%), *спунеризмы* (1%).

Таким образом, сопоставление типов модификаций и трансформаций антипословичных фондов сопоставляемых языков установило, что в русском языке алломорфной чертой выступает востребованность приёма аллюзии на фразеологизмы, афоризмы, а также аллюзии на прецедентное имя, текст, ситуацию, что объясняется более широким подходом к пониманию термина *антипословица* в отечественной

паремиологии. Другие виды модификаций и трансформаций являются универсальными и образуют изоморфные черты для антипословичных языков сопоставляемых языков.

Список литературы

1. Абакумова О. Б. Библиейские фразы и их трансформы – русские и английские пословицы как отражение лингвокультуры // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник науч. трудов V Международной конференции. Орел: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2021. – С. 95-107.
2. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко; ОЛМА медиагрупп. – СПб.: Нева, 2005. – 573 с.
3. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 573 с.
4. Иванов Е. Е. Антипословицы Рунета: типология и словарь. – Минск: Право и экономика, 2009. – Вып. 3. – 72 с.
5. Litovkina A T. Teaching Proverbs and Anti-Proverbs. – Komárom, 2017. – 260 p.
6. Litovkina A. T., Hrisztova-Gotthardt H., Barta P., Vargha K., Mieder W. Anti-proverbs in five languages: Structural features and verbal humor devices. Cham: Palgrave MacMillan, 2021. – 257 p.
7. Mieder W., Litovkina A. T. Twisted Wisdom. Modern Anti-proverbs. Burlington: The University of Vermont, 2002. P. 254.

Сведения об авторе:

Кирюхина Надежда Владимировна – старший преподаватель кафедры английской филологии института иностранных языков, ОГУ им. И.С. Тургенева (Орёл, Россия). E-mail: nkir001@yandex.ru

Kirjukhina Nadezhda Vladimirovna – a senior lecturer at the chair of English philology, the Institute of foreign languages, Oryol State University named after I.S. Turgenev. E-mail: nkir001@yandex.ru

УДК 81

Лингвистический статус пословицы в немецком и японском языке

Анна Леонидовна Колесникова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, ассистент кафедры немецкого языка института иностранных языков, Орел, Россия, anna-perevod@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные определения термина «пословица», которые предлагают немецкие и японские исследователи, а также лингвистический статус данной языковой единицы. Из-за особенностей паремий ученые указывают на то, что сложно дать однозначное краткое определение данным языковым единицам, которое всесторонне описало бы данные явления.

Ключевые слова: пословица, лингвокультурология, фразеология, определение пословицы, Sprichwort, ことわざ、諺、フレイジオロジー

Anna L. Kolesnikova

Oryol State University named after I. S. Turgenev, assistance lecturer of the German Department, Foreign Language Institute, Oryol, Russia, anna-perevod@yandex.ru

Abstract. The article deals with various definitions of the term ‘proverb’ offered by German and Japanese researchers, as well as the linguistic status of this linguistic unit. Due to the peculiarities of proverbs, scholars point out that it is difficult to give an unambiguous brief definition of these linguistic units, which would comprehensively describe these phenomena.

Keywords: proverb, linguoculturology, proverb definition, Sprichwort, ことわざ、諺、フレイジオロジー

В русле лингвокультурологического подхода особый интерес для исследования представляют пословицы как лингвокультурные единицы. Ученые, занимающиеся изучением пословиц, отмечают широкую употребительность пословиц и вместе с тем причисляют данные языковые знаки к самым сложным явлениям языка.

В нашей статье мы более подробно остановимся на определении и лингвистическом статусе немецких и японских пословиц.

Пословица по-немецки „das Sprichwort“. В электронном словаре немецкого языка „Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache“ приводится следующее определение пословицы: «meist weit verbreiteter, dem Volksmund entstammender Satz, der in prägnanter, pointierter, einprägsamer, oft bildlicher Formulierung eine verallgemeinerte, zum Teil heute überlebte Lebenserfahrung mit moralisierendem, belehrendem, gelegentlich auch gesellschaftskritischem Inhalt festhält und überliefert», т.е. широко распространенная народная мудрость, выражение, передающее обобщенный, иногда устаревший жизненный опыт с морализаторским, поучительным, иногда и социально-критическим содержанием в краткой, меткой, запоминающейся, часто образной форме.

Немецкие ученые-лингвисты предлагали следующие определения понятия „Sprichwort“: „Im Volksmund umlaufende, in sich geschlossene Sprüche von lehrhafter Tendenz und gehobener Form“ [Röhrich 2017, с. 1], т.е. популярные в народе замкнутые изречения с поучительной тенденцией и возвышенной формой.

Немецкий исследователь, фольклорист Лутц Рёрих (Lutz Röhrich) предложил следующее определение пословице: „ein festgeprägter Satz, der eine unser Verhalten betreffende Einsicht oder eine Aufforderung zu einem bestimmten Verhalten ausspricht“ [Röhrich 1974, с. 9], т.е. фразеологическое выражение, выражающее некоторую точку зрения в отношении нашего поведения или призыв вести себя определенным образом.

Немецкий лингвист Харальд Бургер (Harald Burger) определил пословицу следующим образом: „Allgemeine Aussagen oder Urteile, mit denen eine gegebene Situation erklärt, eingeordnet, beurteilt wird“ [цит. по Röhrich 2017, с. 2], т.е. общие утверждения или суждения, с помощью которых объясняется, классифицируется, оценивается та или иная ситуация.

Немецкие ученые Вольфганг Мидер и Лутц Рёрих (Wolfgang Mieder, Lutz Röhrich) в своем труде „Sprichwort. Band 154“ дают пословице следующее определение: „Sprichwörter sind allgemein bekannte, festgeprägte Sätze, die eine Lebensregel oder Weisheit in prägnanter kurzer Form ausdrücken“ [Röhrich 2017, с. 3], т.е. пословицы - это хорошо известные фразеологические выражения, в которых в меткой краткой форме выражены жизненные правила или мудрость.

В большом словаре по языкознанию Metzler Lexikon Sprache приводится следующее определение пословицы: «Das Sprichwort ist eine feste Wendung (invariante Konstruktion) mit lehrhafter Tendenz, die sich auf das praktische Leben bezieht und i.d.R. einen Einzelfall verallgemeinert als Lebensweisheit empfiehlt. Es gehört zum festen lexikalischen Bestand einer Sprache und hat oft eine übertragene (metaphorische) Bedeutung, die nicht

identisch ist mit dem unmittelbar im Satz mitgeteilten Sachverhalt. Sprichwörter sind eigene „Mikrotexte“ (Fleischer 1995), die nicht wie lexikalische Einheiten je nach Kontext variabel reproduziert, sondern zitiert werden» [Glück 2016, с. 666], т.е. пословица - это устойчивый оборот (инвариантная конструкция) с дидактической тенденцией, который относится к практической жизни и, как правило, обобщает частный случай и предстает как житейская мудрость. Пословица принадлежит к постоянному лексическому фонду языка и часто имеет переносное (метафорическое) значение, которое не является полностью идентичным тому смыслу, который буквально передают слова. Пословицы - это самостоятельные «микротексты» (Fleischer 1995), которые не воспроизводятся вариативно в зависимости от контекста как лексические единицы, а цитируются.

Пословица по-японски это *ことわざ* (諺) *котовадза*. В фразеологическом фонде японского языка выделяют «пословицы и поговорки *ことわざ* (諺) *котовадза*, составляющих в грамматическом отношении законченное предложение, устойчивые словосочетания *慣用句 каньё:ку*, идиомы, состоящие из четырех иероглифов – *四字熟語 ёдзидзюкуго*, построенные по нормам старого литературного китайского языка *вэньянь* изречения афористического характера, восходящие либо к высказыванию конкретной исторической личности, либо к старинному преданию или легенде» [Изотова 2017, с. 136].

Согласно определению японского электронного словаря *コトバンク* пословицы: «古くから言い伝えられてきた、教訓または風刺の意味を含んだ短い言葉。生活体験からきた社会常識を示すものが多い» [6], т.е. это короткая фраза с дидактическим или сатирическим смыслом, которая передается из поколения в поколение. Многие из них указывают на общественный здравый смысл, вытекающий из жизненного опыта.

Согласно определению в японской Википедии пословицы: «*ことわざ* (諺、英語: proverb、ラテン語: proverbium) とは、民間説話の下位概念であり、「人口に膾炙された」言句をいい、鋭い風刺や教訓・知識などを含んだ、世代から世代へと言い伝えられてきた簡潔な言葉のことである。俚諺 (りげん) ともいう» [7], т.е. это народное изречение, краткая фраза, передаваемая из поколения в поколение, содержащая острую сатиру, дидактический смысл и знания. Для обозначения пословицы также используется термин *俚諺 ригэн*.

Японский исследователь пословиц Китакура Ёсикацу отмечает, что пословицы – это короткие словесные выражения, однако их смысл глубокий, а приемы, используемые для его выражения, разнообразны и включают метафоры, антонимы, преувеличения. Пословицы апеллируют не только к разуму слушателя, но и к его чувствам, что делает их очень убедительными. Они также играют важную роль в понимании ситуации и вынесении суждений, используются иногда в качестве резкой критики, а иногда как источник смеха и юмора в общении. [8].

Японский исследователь Мотоори Норинага (VIII век) считал, что в пословицах содержатся божьи слова, с помощью которых боги предупреждают людей о хорошем и плохом [9].

В японском языке слово *ことわざ* *котовадза* записывается с помощью иероглифа *諺*. Если разложить его на составные элементы, то можно выделить в его составе ключ *言べん гомбэн* и иероглиф *彦 хико* - архаичный суффикс после имён принцев и знатных людей. Совмещая оба этих элемента, получалось значение *言葉を飾る* *котаба-о кадзару*, т.е. украшать слова / язык, поэтому раньше у слова *ことわざ* *котовадза* также было значение «языковое мастерство» или «языковое искусство».

Пословицы активно используются в повседневной речи. Они украшают речь и используются для иносказательного объяснения ситуации, обращения внимания на ситуацию,

призыва к определенным действиям, к определенному поведению, а также для создания юмористического эффекта.

В Японии использование пословиц в процессе коммуникации свидетельствует об уровне образованности говорящего, его роде занятий, и, таким образом, указывает на принадлежность говорящего к определенному социальному слою: «Умелое использование японской фразеологии без преувеличения можно назвать вербальным выражением социального статуса носителя языка, демонстрацией его высокого места в общественной иерархии» [Изотова 2017, с. 137].

Как видно из приведенных определений, и для немецких, и для японских пословиц исследователи подчеркивают такие признаки как «устойчивость и краткость / лаконичность формы», «общеупотребительность», «житейская мудрость», «назидательный характер», «образность», «метафоричность». Авторы японских определений также указывают на юмористический характер пословиц.

С развитием фразеологии сформировалось два подхода к определению границ фразеологии – широкий и узкий, согласно которым пословицы как устойчивые сочетания включаются в состав фразеологии (Виноградов В.В., Шанский Н.М., Архангельский В.Л. и др.) или исключаются из ее состава (Амосова Н.Н., Жуков В.П., Молотков А.И., Бабкин А.М. и др.). При узком подходе ученые включают в состав фразеологии только устойчивые словесные комплексы, главным признаком которых считается целостность значения и десемантизация компонентов. При широком понимании ученые в качестве главных критериев включения предикативных единиц в состав фразеологии рассматривают воспроизводимость и устойчивость значения, состава и структуры таких единиц. По мнению исследователей М.Д. Степановой и И.И. Чернышевой, исходя из возникновения пословиц («в народе»), их семантики (поучительное содержание, обобщение жизненного опыта, народная мудрость) и их использования – их функционирования как самостоятельных текстов – такие единицы относятся к фольклору. «Однако это обстоятельство не должно быть решающим при рассмотрении вопроса о включении пословиц в состав фразеологии» [Степанова, Чернышева 2005, с. 194].

В рамках нашего исследования мы придерживаемся широкого подхода к определению объема фразеологии и вместе с М.Д. Степановой и И.И. Чернышевой рассматриваем пословицы как фразеологические единицы.

Список литературы

1. Röhrich, L., Mieder, W. (2017). Sprichwort: Sammlung Metzler, 154. Германия: J.B. Metzler. 137 с. URL: <https://www.google.ru/books/edition/Sprichwort/2qsmDgAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1>
2. Röhrich, L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Band 1. Dritte Auflage. Verlag Herder KG Freiburg im Breisgau. 1974. ISBN 3-451-16629-1, 624 с.
3. Glück, H., Rödel, M. Metzler Lexikon Sprache. 5. te aktualisierte und überarbeitete Auflage. J.B. Metzler Verlag GmbH, Stuttgart, 2016. ISBN 978-3-476-02641-5. 795 с. URL: https://dl1.cuni.cz/pluginfile.php/1148960/mod_resource/content/0/Glück-Rodel_Metzler-Lexikon-Sprache.pdf
4. Изотова Н.Н. Воплощение концепта «деньги» в японской паремиологии // Litera. 2017. № 1. С. 135-143. DOI: 10.7256/2409-8698.2017.1.20201 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20201
5. Японский электронный словарь コトバンク. URL: <https://kotobank.jp/word/諺-65622>
6. Википедия URL: <https://ja.wikipedia.org/w/index.php?title=ことわざ&variant=zh-cn>
7. Большой словарь японских пословиц, 2-е издание. URL: <https://japanknowledge.com/contents/kotowaza/intro.html>

8. Сайт лингвистической лаборатории 情報言語学研究室. URL: https://www.komazawa-u.ac.jp/~hagi/ko_kotowaza.html

9. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка = Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache: Учеб. пособие для студ. лингв. И пед. фак. высш. учеб. заведений / М.Д. Степанова, И.И. Чернышева. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с. ISBN 5-7695-2310-7

УДК 81

Способы перевода фразеологизмов и пословиц с африканских языков Бенина на русский

Акует Родольфо Жан-Батист Сачиви

Аспирант кафедры английской филологии ОГУ имени И.С. Тургенева
baptisteachivi@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам и способам перевода африканских пословиц на русский язык. В ходе исследования использовались пословицы о счастье на языках Республики Бенин с опорой на толкования их смысла на французский и английский язык.

Ключевые слова: пословицы, счастье, перевод, африканские языки русский язык.

Ways of translating phraseological expressions and proverbs from African languages of Benin into Russian

Acuet Rodolpho Jean-Batiste Satchivi

Abstract. This article covers the problems and methods of translating African proverbs into Russian. During the study proverbs about happiness in the languages of Benin Republic were used.

Keywords: proverbs, translation, happiness, African languages.

Прежде всего следует уделить внимание самому понятию пословица. Многие авторы дали определение этого термина, например, В. И. Даль писал в своем словаре: «Пословица — краткое изречение, поученье, более в виде притчи, иносказания или в виде житейского приговора; пословица есть суть языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама; она переходит в поговорку или простой оборот речи, а сама о себе говорит: Пословица недаром молвится. Пень не околица, глупая речь не пословица» [Даль В.И., 2001, с. 500].

О.Б. Абакумова определяет пословицу как «замкнутую предикативную единицу гибридного типа, совмещающую признаки языкового знака и мини текста и используемую в речи как косвенный речевой акт для достижения разных коммуникативных целей и реализации соответствующих коммуникативных стратегий» [О.Б. Абакумова, 2010, с.130-137].

В. Н. Телия считает пословицы «мощным источником интерпретации, поскольку они есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа — носителя языка» [В. Н. Телия, 1996. с. 288].

Профессор Дж. Мбити даёт следующее определение: «Пословицы – секретные коды информации и знания, оружие тех социальных групп общества, которые угнетены, лишены привилегий, изолированы по разным причинам, это легко запоминающиеся аудиальные символы» [Benin Proverbs, с. 16].

Перевод фразеологизмов требует «умения наиболее точно интерпретировать, анализируя наличие у фразы точного эквивалента на целевом языке, а при переводе пословиц необходимо знать культуру и образ жизни на исходном языке от прошлого до настоящего. В противном случае могут возникнуть различные проблемы с переводом» [Комиссаров В.Н., 1990, с. 39].

Т.А. Казакова считает первым и самым главным условием умение распознать фразеологизмы в тексте и отличить их от свободных сочетаний слов. Она советует использовать наиболее продуктивный путь – развить умение выделять в тексте наиболее противоречащие общему смыслу единицы, поскольку они, как правило, содержат переносное значение.

Второе важное условие заключается в умении анализировать их речевые функции, поскольку переводится не столько сама ФЕ, сколько та роль, которую она выполняет в исходном тексте.

Третья важная проблема – национально-культурные различия между сходными по смыслу ФЕ в двух разных языках, когда они имеют разную стилистическую окрашенность, разную образную основу, разную эмотивную функцию. Например, «*Ìlẹ̀kẹ̀ rọ̀ lọ́ja kí ẓàngo tọ́ yáń tọ́kẹ̀lẹ̀*» (Yoruba) (Много бус из жемчуга на базаре, но божество Шанго выбирает недорогие.). В этом случае пришлось добавить слово «божество» так как иначе читателю, не знающему культуру Бенина, имена африканских богов, будет непонятен смысл данной пословицы [Т.А. Казакова, 2001. с.113].

В.С. Виноградов выделяет пять возможных способов перевода пословиц:

Первым способом является полное пословичное соответствие (эквивалент). При использовании этого способа, сохраняется весь комплекс значений переводимого сочетания [Виноградов В.С., 2001, с. 193].

1. *Àkẓé n'ò x'è n'ú na á.* (Букв. Счастье нельзя купить)

Ср. рус. *Счастье за деньги не купишь.*

Ср. Англ. *Money cannot buy happiness*

Полные эквиваленты обычно встречаются у так называемых интернациональных пословиц или крылатых выражений, входящих в библейские или мифологические источники [Виноградов В.С., 2001, с. 193].

Второй способ — это частичный пословичный эквивалент, Способ перевода, когда пословица в языке перевода соответствует пословице оригинала по смыслу, функции и стилистической окраске, но различается своим образным содержанием [Виноградов В.С., 2001, с. 193].

Ènyí n'ú na m'èt'ón d'ò n'í é ma x'è àkẓé é m'è á, h'ính'èngbl'ét'ó t'ón n'ó vé w'í.

Рус. букв. *Чем больше мы находим счастья в простом, тем меньше у нас риска его потерять.*

Ср. рус. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе, Лучшее враг хорошего.*

***W'í u kusunu y'iru gira, sansa u ra yare dí* (Bariba)**

Букв. Тот, кто бежит за двумя куропатками одновременно, ловит только перья.

Не будь жадным, сделай выбор

Ср. рус. *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*

D'ò wuv'e m'it'ón l'e m'e á, m'í n'ó d'ò n'ú na m'it'ón á ba w'e. Èn'e wu w'e é m'ó n'ó fá d'ó (b'èw'í ní) m'í á.

Рус. букв. Мы ищем счастье в страданиях, поэтому это непросто.

Ср. рус. *Наше счастье – вода в бредне; Наше счастье – дождь да ненастье;*

Третий способ перевода — это калькирование. Пословица переводится почти дословно, и только контекст подсказывает читателю что он имеет дело с устойчивым оборотом, воспроизводимым по оригиналу. [Виноградов В.С.,2001, с. 193].

Nǐ nyǎ nú m̀ ḍě ṣ́ hugan ḍ̀ m̀ é nyí n̄ suḍaxó é wa bà j̄ n̄ m̀ ḍ̀ fifa kro x̄ nt̄n nyinyi kro m̀ ǎ.

Букв. Нет большего счастья, чем приезд гостя в мире и дружбе.

Hankura bugu na t̄ ara a ba ȳu taa?

Букв. В панцире черепахи нет места, сможет ли она принять посетителя?

То есть не следует преувеличивать свою щедрость/ не будь слишком щедрым

Четвертый способ — это комбинированный способ (калька + описание/объяснение) это способ, при котором переводчик использует сразу несколько приемов. Чаще всего это калька в комбинации с объяснением.

Kamm̄ nze f̄ suu fei zuu (Dendi)

Букв. Одной рукой невозможно взять соус «окра»

Для того чтобы понять эту пословицу нужно знать, что такое соус окра, соус окра — это жидкий слизистый соус, который едят с мясом и овощами. Также следует отметить, что в бенинской культуре предпочтительно есть руками. Поскольку соус жидкий, сложно, практически невозможно есть это блюдо одной рукой. Суть этой пословицы заключается в том, что человек не должен всегда стараться добиваться чего-то в одиночку, иногда можно попросить помочь, то есть «один в поле не воин».

Пятый способ перевода – псевдо-пословичное соответствие. К этому способу прибегают, когда переводчик считает нецелесообразным использовать имеющиеся в языке соответствия или, когда в нем вообще нет пословичного эквивалента. В этом случае он «изобретает» пословицу, передавая с некоторыми изменениями образное содержание оригинала, сохраняя ее смысл. При псевдо-пословичном соответствии используются образные и звуко-ритмические средства [Виноградов В.С.,2001, с. 193].

A ba erin labata ko m̄ iyí ẹran, a ba ẹfon labata ko m̄ iyí oḅe (Yoruba)

Рус. букв. Тот, кто знает слона только в соусе, не знает его ценности, тот, кто только знает бизона в соусе, не знает даже ценности соуса.

Псевдо-пословичное выражение: *Победа без риска подобно триумфу без славы.*

Заключение

Анализ показал, что при переводе африканских пословиц на русский язык чаще всего используется частичные эквиваленты. Полный эквивалент редко встречается так как в пословицах много культурных особенностей или реалий. Из-за различия культур невозможно сохранить образность при переводах и приходится прибегать к частичному переводу. Частичный перевод достаточно часто встречается. В этих случаях можно найти несколько соответствий. Комбинированный способ используется в тех случаях, когда нет соответствия и в пословице присутствуют культурные элементы, которые нужно перевести дословно и потом объяснить, чтобы читателю был понятен смысл пословицы.

Список литературы:

1. Абакумова О.Б. Пословичный концепт, деонтические нормы и языковая личность // Вестник Орловского государственного университета: Федеральный научно-практический журнал. — Серия «Новые гуманитарные исследования». — № 3(11). — Орел, ОГУ, 2010. - С.130-137.
2. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы. М.: КДУ, 2004.

3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия, 2001. 500 с.
4. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English <=> Russian. – Спб.: СОЮЗ, 2001. – 113 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурно-логический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
6. Benin Proverbs. Practical Ethical Wisdom from African Proverbs. Angele Kolouche Biao, Aurelien Atidegla (eds). Globethicsnet, 2015.

УДК 81

Специфика семантики и особенности функционирования библеизмов в английском и русском языках

Виктория Алексеевна Харченко

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, студент магистратуры, 1 курс, кафедра английской филологии, Орёл, Россия.

Научный руководитель: Анна Дмитриевна Бакина

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, доктор филологических наук, Орёл, Россия, heart-anna@yandex.ru;

Аннотация. В статье исследуется специфика семантики и особенности функционирования библейских фразеологизмов английского и русского языка в разных типах дискурса. Выявляются семантические, грамматические и стилистические расхождения в библейской фразеологии двух неблизкородственных языков.

Ключевые слова: Библия, библейский фразеологизм, специфика семантики, особенности функционирования.

Specificity of semantics and peculiarities of functioning of biblicisms in English and Russian languages

Viktorina Alekseevna Kharchenko

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Master's degree student, Chair of English Philology, Institute of Foreign Languages, Oryol, Russia.

Research Advisor: Anna D. Bakina

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Associate Professor, Head of the Chair of English Philology, Doctor of Philology, Oryol, Russia, heart-anna@yandex.ru.

Abstract. The article studies the specificity of semantics and peculiarities of functioning of biblical phraseological expressions of English and Russian in different types of discourse. Semantic, grammatical and stylistic divergences in biblical phraseology of the two languages are revealed.

Keywords: Bible, biblical phraseology, specificity of semantics, peculiarities of functioning.

Введение

Тексты Священного Писания имеют тысячелетнюю историю. Библия оказала значительное влияние на литературные языки, в том числе на английский и русский. Библейский текст может использоваться как прямое цитирование, вкрапление отдельных элементов, включаться аллюзивно, создавая контексты разной стилистической окраски [Бакина 2023а]. Фразеологические единицы библейского происхождения имеют длительную историю употребления в английском и русском языках, причем в последнем их развитие и употребление было сильно ограничено в советские времена.

Актуальность изучения библеизмов, а также связанных с их переводом проблем, обусловлена возвращением библейского пласта лексики в современный русский язык. Кроме того, несовпадение семантических полей библеизмов в русском и английском языках и их особенностей употребления является основной причиной возникновения проблем при их переводе [Бакина 2023б].

Объектом данного исследования являются фразеологические единицы библейского происхождения, а в качестве предмета предстает проблема семантики и функционирования таких единиц.

Целью настоящей статьи является исследование и сопоставление специфики семантики и особенностей функционирования фразеологических единиц библейского происхождения в системе английского и русского языков. Для достижения поставленной цели обозначим конкретные задачи:

1. проанализировать историю формирования библеизмов в английском и русском языках для выявления их особенностей, характерных для конкретного языка;
2. составить классификацию библеизмов, основанную на их особенностях, совпадающих или не совпадающих в русском и английском языках, в связи с чем:
  - a. изучить первоначальное значение конкретных библейских фразеологизмов,
  - b. определить их значения в двух рассматриваемых языках в настоящее время,
  - c. при наличии несовпадений, затрудняющих перевод, предоставить рекомендации в отношении оптимального варианта перевода.

В настоящем исследовании мы будем определять библеизмы в широком смысле, а именно как слова, устойчивые словосочетания, афоризмы, а также более крупные отрезки текста, которые напрямую или опосредованно восходят к конкретным отрывкам из книг Священного Писания [Бакина 2021].

В процессах усвоения разными языками библейских выражений было много схожего, однако результаты оказались различными: гораздо больше слов, цитат и выражений из Библии стали частью английского языка, чем русского. Священное Писание стало самым большим источником английской идиоматики, при этом примечательно, что второе место заняли произведения Шекспира. Большая часть библейских выражений в такой степени ассимилировалась в английском языке, что при их употреблении носители языка часто не понимают или забывают, что они из Библии.

Что касается истории развития библеизмов в нашей стране, долгое время Библия была известна на Руси на церковнославянском языке. По этой причине и все полные библейские метафоры глубокого смысла, образные афористические изречения из Библии входили в русский язык в церковнославянском варианте с XII в. Это обстоятельство стало главной причиной появления у русской библейской фразеологии архаического колорита, отличающего ее от многих других европейских языков.

Судьба библейской сферы фразеологии русского языка достаточно трагична. Библейская фразеология, будучи весьма распространенной во всех сферах русской речи до 1917 г., утратила былую употребительность и значительно сократилась в объеме за годы советской власти, когда воинствующий атеизм был возведен в ранг национальной политики. Именно в это время библеизмы начали гораздо меньше использоваться в

разговорной речи, прессе, литературе и публицистике. В результате довольно многие библейские выражения попали в разряд устаревших (например, '*кимвал бряцающий*' - о пышной, торжественно звучащей, но мало содержательной речи и словах). Другие библеизмы стали архаичными, так как связь с хорошо известными прежде библейскими сюжетами и образами была потеряна. Некоторые были вытеснены из речи в силу их слишком очевидной связи с учением Христа, многие исчезли из-за незнания гражданами Библии.

Архаичность библеизмов в русском языке обуславливает высокую стилистическую окраску большинства из них. Это приводит к тому, что такие лексические единицы используются по большей части в произведениях книжного стиля, в отличие от большинства небиблейских устойчивых выражений, которые принадлежат разговорному, а нередко даже и разговорно-просторечному стилю языка.

Следует отметить, что за последнее десятилетие XX века были созданы предпосылки для возвращения в русский язык большого пласта устойчивых выражений библейского происхождения, ранее активно использовавшихся в русской литературной речи. Однако это не означает, что библейская фразеология возродилась в языке в полном объёме, не потеряв былого разнообразия и многоплановости значений.

В связи с тем, что при переводе библеизмов возникают проблемы в связи с утратой культуры передачи их как фразеологических единиц, предстаёт необходимым рассмотреть специфику их семантики и особенности функционирования в английском и русском языках. В данном исследовании будет осуществлена попытка классифицировать библеизмы по степени совпадения значений и особенностей функционирования в английском и русском языках. При этом будут даны рекомендации по переводу отдельных выражений или их групп, представляющих трудности.

Классификация библеизмов по степени совпадения значений и особенностей функционирования в английском и русском языках

Для раскрытия сущности проблемы перевода библеизмов представляется необходимым рассмотреть соотношение набора их семантических, грамматических и стилистических характеристик. Такие характеристики могут различаться в разных языках у фразеологизмов из одного и того же библейского источника, что вызывает трудности для их перевода в художественных текстах. Итак, мы предлагаем рассмотреть следующую классификацию библеизмов, основанную на степени совпадения или несовпадения их значений и особенностей функционирования в английском и русском языках.

1. Значения и сфера употребления русских и английских библеизмов совпадают

Библеизмы такого типа образуют достаточно большую группу, и при их переводе употребляется русский библейский эквивалент:

the salt of the earth - соль земли (Matthew 5:13)

Это выражение является частью нагорной проповеди Христа, которая обращена к собравшемуся вокруг народу. При трактовке того, почему Иисус называет христиан солью земли, толкователи обращаются к тому значению, которое имеет соль в жизни человека: она используется для предохранения продуктов от гниения. Отсюда первое значение этого выражения — Христос называет христиан солью, то есть тем, что должно предохранить мир от разложения греховного. В данном случае «земля» означает все человечество.

В современных русском и английском языках солью земли называют лучших, достойнейших людей, граждан: *The British in their quiet way think of themselves as **the salt of the earth**, and quite rightly too, but where matters of culture are concerned they do have this*

tendency to think that the best things happen abroad and at best can be borrowed from abroad [BNC] / И если судить по улыбке, по благосклонному обращению с работягами, по приглашению этому абсурдному, ему удалось убедить себя, что он человек только обликом и анатомией, в остальном же отдельный **соль земли**, из космоса засланный, божественным лучом помеченный [НКРЯ].

2. Фразеологизированные библеизмы характерны только для одного из двух языков

2.1. Английские библеизмы не имеют эквивалентов в современном русском языке. Иными словами, прототипы из Библии прижились только в английском языке. Группа, которую составляют такие лексические единицы, является довольно большой и самой трудной для перевода [5]. Задача переводящего состоит в том, чтобы сообразно контексту найти русские соответствия, которые бы образными средствами русского языка передали содержание английских выражений. Это может быть перевод-объяснение или толкование; кроме того, возможен описательный перевод, а также замена на другой фразеологизм или устойчивое сочетание. Ниже предлагаются примеры таких выражений и возможные варианты их перевода:

At the eleventh hour (Matthew 20:9)

Будучи фразеологизмом, это библейское выражение ни в коем случае не может переводиться буквально – «в одиннадцатом часу», настоящее же его значение в русском языке можно выразить следующими нефразеологическими словосочетаниями: «в последнюю минуту, в самый последний момент»: *At the eleventh hour, the Government decided something had to be done, and fast* [BNC].

Данная идиома восходит к притче о работниках в винограднике, которых хозяин нанимал несколько раз в течение одного дня: рано поутру, около третьего часа, около шестого, девятого часа и около одиннадцатого. И всем потом по динарию заплатил: начавшим работу с одиннадцати часов полагалась точно такая же плата, как и тем, кто работал целый день. Интересно, что в русском языке из этой же притчи пошло выражение "и последние будут первыми". Дело в том, что хозяин виноградника начал оплату с тех, кто приступил к работе в одиннадцатом часу и закончил теми, кто работал с раннего утра.

2.2. В русском языке утвердились библеизмы, которые в английский язык не вошли. Такие выражения в английском языке остались частью библейских текстов; при их переводе следует подбирать аналоги, сохраняющие содержание и образность русского выражения.

Творить/сотворить себе кумира (Exodus 20:4)

Этот библеизм имеет значение «делать из кого/чего-либо предмет поклонения или обожания», например: «*Это вы — язычники, сотворившие себе кумира из технологии*» [НКРЯ]. В английском языке существует несколько лексических единиц со схожим значением по отношению к данному библейскому фразеологизму, причем представлены они одиночными словами: *to idolize/iconize smb*. Однако они не считаются библеизмами, относятся к нейтральному стилю, не имея высокой стилистической окраски, которая свойственна русскому фразеологизму. Более формализовано слово *to deify smb*. Кроме того, для передачи смысла библеизма и его стилистической коннотации можно оперировать такими словосочетаниями, как *to make an idol/icon of smb.*; *to make a pedestal of smth*.

3. Фразеологизированные библеизмы существуют в обоих языках, но при их употреблении отмечаются несовпадения

3.1. Семантические расхождения

Данная группа предполагает различия в объеме значений и оценочной нагрузки английского и русского библеизма. Другими словами, когда основное значение совпадает, переносные значения имеют лишь некоторую общность в сферах применения, а денотативный и коннотативный аспекты значений расходятся. Как правило,

библейским фразеологизмам английского языка соответствует больше переносных значений [5]. Это явление можно проследить на следующем примере:

Manna (of heaven; in the wilderness; in the desert) - манна (небесная) (Exodus 16:14-36)

В Священном писании так называется пища, которую Господь послал сынам израилевым, когда они странствовали по пустыне. Для них это был "хлеб с неба". Манна имела вид нечто мелкого, круповидного, как иней на земле. Вполне естественно, что в своем первоначальном значении это выражение почти не употребляется. Рассмотрим переносные значения этого библеизма.

Первое переносное значение слова «манна» в обоих языках совпадает: это что-либо очень приятное, нужное, полезное и т.д., полученное кем-то неожиданно: *The letters are manna from heaven, filling my time and recharging my batteries* [BNC]. Оно прослеживается в обоих языках в сочетаниях с различными лексическими единицами. В английском существует несколько глаголов, которые могут использоваться в следующем сочетании: *fall/drop /rain down /descend on/upon smb. like manna*. В русском языке обнаруживается соответствие: *падать/свалиться на кого-либо, как манна*.

Второе значение в русском и английском языках тоже совпадает. «Манна» может обозначать что-л./кто-л. очень желанное/го, редкое/го долгожданное/го, сильно ожидаемое/го [ФСРЛЯ]. Лексическая сочетаемость обнаруживается в таких английских выражениях, как *to be like manna, to be as welcome as manna*, в то время как в русском употребляется «*ждать чего-л./кого-л. словно/как/будто/точно манны небесной*»

Третье значение, в отличие от двух предыдущих, характерно только для английского языка. *Manna* может определяться как *divine or spiritual food*.

Четвертое значение, подразумевающее что-либо очень вкусное, тоже присутствует только в английском языке: *Blessed be he that invented pudding, for it is a manna...'* as the often quoted late-17th-century French visitor, *Monsieur Misson, rhapsodised in a letter home* [BNC].

Однако у данного библеизма существует и значение, присущее только русскому языку, в отличие от английского. Всегда употребляясь в сочетании «питаться лишь манной небесной», манна может трактоваться как очень малое и недостаточное количество пищи.

3.2. Грамматические расхождения

Суть этих различий заключается в морфологических и синтаксических моделях употребления библейских выражений, и эти модели не совпадают в английском и русском языках. Большую роль в появлении таких отличий играет различная трактовка некоторых грамматических категорий и разрядов как таковых, например, подразделение существительных на одушевленные и неодушевленные для английского языка менее актуально, чем для русского. В английском одушевленными считаются существительные, обозначающие людей, а также допустимо приписывать предмету (в основном животному) одушевленность, если говорящий хочет показать свою любовь и привязанность. В противоположность этому, в русском языке одушевленными считаются все живые существа, то есть люди и все животные. Итак, грамматические расхождения можно проследить на примерах следующих библеизмов:

Scapgoat - козёл отпущения (Leviticus 16:21-22)

Козёл отпущения – в иудаизме особое животное, которое отпускали в пустыню после символического возложения на него грехов всего народа, данный ритуал описан в Ветхом Завете. В настоящее время идиома «козёл отпущения» используется в английском и русском языках в качестве метафоры и обозначает человека, на которого возложили ответственность за действия других, а также вину за неудачу других, чтобы скрыть её истинные причины и настоящего виновника.

Несмотря на то, что значение данного библеизма совпадает в обоих языках, грамматические модели его употребления содержат различия. Во-первых, «козел отпущения» в русском всегда употребляется в отношении людей, в то время как его английский эквивалент может относиться и к неодушевленным предметам или понятиям, например, *The British egg industry had been made a scapegoat for food poisoning by the Government* [BNC].

Во-вторых, для слова *scapegoat* возможно атрибутивное употребление: *An LEA, then, fulfils a scapegoat function — as, indeed, do other contingent groups like teacher educators and HMI* [BNC]. В-третьих, существует производный глагол *to scapegoat*: *The trials of Bulgaria's former dictator or a handful of Ceausescu's secret police serve to scapegoat a few of the ringleaders and put the issue to rest* [BNC]. От этого глагола может образовываться герундий *scapegoating*, обозначающий перекалывание вины на кого-л./что-л.; поиски козла/ов отпущения.

3.2.1 Атрибутивное употребление английских библеизмов

Также следует отметить, что библеизмы в английском языке часто употребляются в атрибутивных конструкциях. Они характерны только для английского языка и представляют собой существительные или целые фразы, стоящие в препозиции в отношении существительного. При атрибутивном использовании фраз применяется знак дефиса между каждым словом, составляющим фразу. Эти закономерности подтверждаются следующим примером:

the eye-for-an-eye philosophy – философия «око за око»

Фраза, употребленная в Ветхом Завете, не призывает к насилию, а наоборот заставляет задуматься того, кто намеревается совершить плохой поступок, ведь за ним может последовать наказание. Для английского языка характерно как изолированное употребление *eye for an eye* как идиомы, так и использование ее в атрибутивной функции.

3.3. Стилистические расхождения

Этот пункт подразумевает, что английский и русский аналоги одного и того же библеизма функционируют в различных языковых стилях. При этом в разных языках они могут обладать дополнительными значениями. Проследить стилистические расхождения в обоих рассматриваемых языках возможно на следующих примерах:

outer darkness - тьма кромешная (*Matthew 8:12*)

Английское выражение относится к книжному слою лексики. Оно подразумевает тьму космическую и в этом смысле близко к первоначальному религиозному значению этого выражения - ад, место, где пребывают души грешников: *Don't consign us lesser mortals to outer darkness* [BNC]. В то же время русский эквивалент используется в разговорной речи и обозначает беспросветную, полную тьму. Переводить русский библеизм на английский язык с сохранением разговорной коннотации можно при помощи следующего выражения, не имеющего отношения к Библии: *pitch darkness*. Кроме того, английский библеизм *the outer darkness* приобрел и другое, переносное значение – изгнание, полная невзгод и лишений жизнь: *Cambridge, which always assumes that anyone who leaves it passes into outer darkness, found the decision incomprehensible* [BNC]. Оно часто употребляется с глаголом *to cast into the outer darkness* - предать забвению, вычеркнуть из жизни, изгнать с позором: *Poor average man, cast into outer darkness because he likes what he likes and has the temerity to prefer a little diverting decoration to soulless functionalism* [BNC].

4. Английский библеизм не имеет абсолютного эквивалента в русском языке, вместо него используется другой русский библеизм или просто фразеологизм

Иногда создается ситуация, когда какое-либо выражение, которое фразеологизировалось в английском языке, в русском осталось лишь частью Святого

Писания, не используя в разговорной речи и художественной литературе. Вместо него широко используется другой фразеологизм со сходным значением, который может быть взят из другой части Библии или не являться библеизмом вообще. Данное явление можно проследить на примере следующих библейских фразеологизмов:

To sweat blood (Luke 22:44) – *пролить семь потов (над чем-л.)*

В данном примере тоже только английский фразеологизм заимствован из Библии, где он использовался в контексте о больших мучениях Иисуса. В современном английском языке редко используется негативная коннотация, связанная с пытками, этот библеизм более употребим для обозначения долгой и прилежной работы, тяжелого труда: *I now know that you don't win at this level unless you sweat blood and tears* [BNC]. В таком контексте он может быть переведен не просто объяснением лексического значения, а заменой на существующую в русском языке идиому с подобным значением: «пролить семь потов», а также «работать, не покладая рук». Следует отметить небольшую грамматическую тонкость, характерную для первого примера русского выражения: этот оборот употребляется с дополнением с предлогом «над», в то время как в английском языке использование дополнения не обязательно.

5. Употребление библеизмов в английском языке в латинской форме

При этом английский эквивалент иногда используется параллельно со своей латинской формой. Что касается соответствия в русском языке, для перевода библеизмов в латинской форме часто используются выражения, пришедшие из церковнославянского языка. Это положение подтверждается следующими примерами:

Ecce homo (Behold the man) - *Се человек* (John 19:5)

Это выражение представляет собой слова Понтия Пилата об Иисусе Христе, когда он пытался возбудить сочувствие толпы и первосвященников и тем самым оградить его от казни. Когда высказывание стало крылатым, его стали употреблять в тех случаях, когда хотят указать на достойное сострадания положение цивилизованного человека нашего времени. В английском языке почти с одинаковой частотой используются латинский и английский варианты, в то время как в русском возможно использование только в церковнославянской форме.

6. Названия библейских книг, употребляющиеся в нерелигиозных контекстах в нарицательном значении или включенные в состав фразеологизмов

Предлагается рассмотреть следующий пример такого явления:

the/a bible of smth. – *библия чего-либо/кого-либо*

Кроме своего основного значения – названия книг Священного Писания, слово «библия» имеет и переносное значение: главная книга, основополагающий труд в какой-либо области; работы какого-либо автора, пользующиеся огромным авторитетом; настольная книга: *Now of course, 'Racehorses of 1990' is the bible of the racing man, it's over a thousand pages in total ...*[BNC]. Это значение существует в обоих рассматриваемых языках. Следует отметить, что при употреблении этого слова в переносном значении не обязательна его капитализация, в отличие от случаев, когда в виду имеется само Священное Писание.

Заключение

В результате проведенного анализа путей исторического развития библейской фразеологии в русском и английском языках были обнаружены причины появления расхождений в количестве библеизмов в двух рассматриваемых языках, а также в особенностях употребления этих лексических единиц. Так, например, для англичан Библия стала крупнейшим источником идиоматики; библейских выражений там прижилось больше, чем в русском языке, что связано с тем, что Священное Писание было переведено на английский язык гораздо раньше, чем на русский. Кроме того,

долгое время Библия была известна на Руси на церковнославянском языке, что обуславливает особую архаичность, присущую многим русским библеизмам, а также окраску книжного стиля, которая в меньшей степени свойственна английским фразеологизмам библейского происхождения.

Были выявлены следующие виды отношений между библеизмами английского и русского языков: полное совпадение значения и сферы употребления, чему противопоставляется неполное совпадение; кроме того, ситуация, когда библеизмы фразеологизировались только в одном из двух языков; а также употребление библеизмов в английском языке в латинской форме и нарицательное значение названий библейских книг.

Исходя из представленной классификации, существуют следующие виды отношений между библеизмами английского и русского языков: полное совпадение значения и сферы употребления, чему противопоставляется неполное совпадение; кроме того, ситуация, когда библеизмы фразеологизировались только в одном из двух языков; а также употребление библеизмов в английском языке в латинской форме и нарицательное значение названий библейских книг.

Список литературы

1. Бакина А.Д. Библеизмы vs Библейские фразеологизмы: уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2021. №6. С. 35–43.
2. Бакина А.Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра: монография. Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева: «Картуш», 2023а. 452 с.
3. Бакина А.Д. Прагматические аспекты перевода библейских фразеологизмов // Мир науки, культуры и образования, 2023б. №4 (101). С. 384–387.
4. British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 10.10.2024).
5. News on the Web (NOW) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 09.10.2024).
6. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/> – дата обращения: 10.09.2024.

УДК 81`373

Семантика фразеологизмов о здоровье в русской языковой культуре

Насима Саетовна Шарафутдинова¹, Софья Васильевна Васильева²

¹ Ульяновский государственный технический университет, профессор, заведующий кафедрой «Иностранные языки», доктор филологических наук, доцент, Ульяновск, Россия, nassima@mail.ru

² Ульяновский государственный технический университет, студент 4 курса, Ульяновск, Россия, sofia.vasilieva2018@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизмы русского языка, актуализирующие концепт «здоровье». Выявленные во фразеологических словарях лексические единицы изучаются как феномены культуры и распределяются в семантические группы по оттенкам значения. Классификация фразеологизмов по

значению позволяет визуализировать модель понимания здоровья в сознании русского народа.

Ключевые слова: языковая культура, фразеологизм, семантическая группа, концепт «здоровье»

Semantics of phraseological units about health in Russian linguistic culture

Nasima S. Sharafutdinova¹, Sofya V. Vasilieva²

¹ Ulyanovsk State Technical University, Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Doctor of Philology, Associate Professor, Ulyanovsk, Russia, nassima@mail.ru

² Ulyanovsk State Technical University, student, Ulyanovsk, Russia, sofia.vasilieva2018@yandex.ru

Abstract. The article examines phraseological units of the Russian language that actualize the concept of health. Lexical units identified in phraseological dictionaries are studied as cultural phenomena and distributed into semantic groups according to shades of meaning. Classification of phraseological units by meaning allows us to visualize the model of understanding health in the minds of the Russian people.

Keywords: linguistic culture, phraseological unit, semantic group, concept of health

Взаимосвязь языка, мышления и культуры является сегодня неоспоримой, что подтверждают исследования отечественных и зарубежных ученых, среди которых необходимо отметить Л. А. Нефедову [Нефедова 2019, с. 327-333], С. Г. Тер-Минасову [Тер-Минасова 2001], А. И. Фефилова [Фефилов 2010], Н. Bloom [Bloom 2000], V. Evans [Evans 2009] и др.

Данная статья посвящена рассмотрению одного из базовых концептов языкового сознания и речевого общения «здоровье» и исследованию семантики фразеологизмов о здоровье в русской языковой культуре с целью понять культурно-национальные особенности отношения к здоровью русского народа.

Изучение фразеологизмов о здоровье в русской языковой культуре является актуальным и важным для расширения лингвистических знаний и понимания культурного наследия народа. Тема исследования является актуальной особенно в наши дни, когда современный образ жизни, загрязнение окружающей среды, питание и другие факторы могут негативно повлиять на наше здоровье. Забота о своем здоровье становится важнейшей задачей каждого человека. Знание и понимание значения фразеологизмов о здоровье будут полезны при формировании правильного отношения к здоровью в современном обществе.

Фразеологизмы представляют собой культурно-маркированные лексические единицы. Культурно-маркированные лексические единицы являются предметом исследования и основным понятием лингвокультурологии. Л. А. Нефедова, исследуя культурно-маркированную лексику, писала, что она является совокупностью «лексических единиц, отражающих информацию о специфических чертах культуры определенного языкового сообщества» [Нефедова 2019, с. 329].

Фразеологизмы, как и любые языковые единицы, характеризуются определенной семантикой, которая наиболее ярко и выразительно проявляется на уровне идиоматических выражений, позволяющих в большей мере понять национально-культурную специфику определенного языка, а также сформировать концептуальную картину мира. Особенностью фразеологизмов является уникальная возможность передавать сложные идейные концепции в сжатой форме.

В качестве материала исследования послужили 405 наиболее известных фразеологических единиц о здоровье, включая идиоматические выражения, пословицы и поговорки, которые зафиксированы в сознании носителей русского языка, соответственно и в словарях фразеологизмов русского языка [Словарь русской фразеологии 1998; Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений 2005]. Все выявленные фразеологизмы распределены по оттенкам значения в 9 семантических групп, которые отражают тематику здоровья с разных аспектов:

1. Болезнь
2. Выздоровление (желание выздороветь)
3. Забота о здоровье
4. Здоровье как сила
5. Здоровье как богатство
6. Здоровье как источник хорошего душевного состояния
7. Здоровье как фактор благополучия
8. Здоровье как признак красоты
9. Пожелание здоровья

При формировании семантических групп учитывался смысл, вложенный во фразеологизм русским народом. Нами было посчитано количество фразеологизмов в каждой из девяти семантических групп. Семантическая группа «Болезнь» насчитывает 87 фразеологизмов; «Выздоровление (желание выздороветь)» – 51 фразеологизм; «Забота о здоровье» – 71 фразеологизм; «Здоровье как сила» – 68 фразеологизмов; «Здоровье как богатство» – 40 фразеологизмов; «Здоровье как источник хорошего душевного состояния» – 42 фразеологизма; «Здоровье как фактор благополучия» – 22 фразеологизма; «Здоровье как признак красоты» – 13 фразеологизмов; «Пожелание здоровья» – 11 фразеологизмов.

Анализ показал, что самыми объёмными по количеству фразеологических единиц являются семантические группы «Болезнь» (87 единиц), «Забота о здоровье» (71 единиц), «Здоровье как сила» (68 единиц).

В ходе анализа был изучен смысл каждого фразеологизма, входящего в ту или иную семантическую группу. Ниже приведем примеры анализа.

Семантическая группа БОЛЕЗНЬ включает в себя 87 фразеологизмов, передающих различные состояния заболевания. Они отражают как внешние проявления болезней, так и внутренние переживания больных людей. Наличие той или иной болезни «выматывает» человека физически. Например:

Не жилец на белом свете. Указание на близкую смерть.

Кровинки в лице не осталось. Бледность как признак тяжёлой болезни.

Гнить на корню. Медленное ухудшение состояния здоровья.

Чахнуть с каждым днём. Постепенное ухудшение состояния здоровья.

Больному человеку и мёд горек. Больному человеку все горько и тяжело, болезнь затмевает все радости жизни.

У него/неё не все дома. Психическое нездоровье.

В семантическую группу ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ (ЖЕЛАНИЕ ВЫЗДОРОВЕТЬ) входит 51 фразеологизм, который несет идею выздоровления, желания или надежды на улучшение здоровья. Под выздоровлением мы понимаем различные процессы избавления от болезни, в том числе физическое, психологическое и духовное восстановление. Это прослеживается в следующих фразеологизмах:

Как рукой сняло. Идиома выражает исчезновение симптомов болезни.

До свадьбы заживёт. Надежда на то, что болезнь или травма заживет в ближайшем будущем.

Воскреснуть из мёртвых. Религиозная метафора, символизирующая выздоровление после серьезного заболевания или близкого к смерти состояния.

Отвоёвывать у смерти. Ценой больших усилий спасти кому-либо жизнь.

Семантическая группа ЗАБОТА О ЗДОРОВЬЕ включает в себя 71 фразеологизм, которые призывают людей заботиться о своем здоровье, соблюдать здоровый образ жизни и принимать меры по его сохранению и укреплению. В высказываниях подчеркивается важность профилактики заболеваний, регулярных физических упражнений, здорового питания, чистоты и гигиены. Например:

Быстро и ловко болезнь не догонит. Подчеркивается важность физической активности и поддержания хорошей физической формы для укрепления здоровья.

Чистота – залог здоровья. Соблюдение правил гигиены и чистоты помогает предотвратить многие заболевания.

Чистая вода – для хвори беда. Чистая вода – источник здоровья.

Умеренность – мать здоровья. Эта пословица призывает к умеренности во всем, особенно в еде, так как чрезмерность может навредить здоровью.

Движение – это жизнь. Физическая активность необходима для поддержания здоровья и долголетия.

Ключевым моментом, поддерживающим здоровье, помимо физкультуры является своевременный отдых, когда человек наполняется энергией и отдыхает телом и душой. Примером могут послужить фразеологизмы, выражающие идею о том, что посещение бани полезно для сохранения здоровья: *Баня всё правит. Баня – мать наша. Пар костей не ломит.*

Семантическая группа ЗДОРОВЬЕ КАК СИЛА включает в себя 68 фразеологизмов. Она объединяет пословицы и поговорки, которые подчеркивают взаимосвязь между физическим здоровьем и физической силой, отмечают, что крепкое здоровье является основой для силы, выносливости и работоспособности. Например:

Здоров как дуб (как дубок). Человек, который обладает очень крепким здоровьем и силой.

Здоров как бык. Человек с отменным здоровьем сравнивается с сильным и выносливым быком.

Здоров как лошадь. Подчеркивается физическая сила и выносливость здорового человека.

Железное здоровье. Здоровье, которое не поддается никаким болезням и испытаниям.

Семантическая группа ЗДОРОВЬЕ КАК БОГАТСТВО включает в себя 40 фразеологизмов, подчеркивающих ценность здоровья как главного богатства. Данная группа фразеологизмов отмечает первостепенную важность здоровья как наивысшего блага, которое превышает материальные ценности. Приведём примеры фразеологизмов о здоровье, входящих в эту семантическую группу:

Здоровье дороже денег (Здоровье дороже богатства; Здоровье дороже золота). Здоровье считается более ценным, чем деньги или материальные богатства.

Здоровье не купишь – его разум дарит. Здоровье нельзя приобрести за деньги, но его можно сохранить с помощью правильного образа жизни.

Не рад больной и золотой кровати. При болезни богатство теряет свою ценность.

Семантическая группа ЗДОРОВЬЕ КАК ИСТОЧНИК ХОРОШЕГО ДУШЕВНОГО СОСТОЯНИЯ включает в себя 42 фразеологизма, выражающих взаимосвязь между физическим здоровьем и душевным состоянием. Фразеологизмы данной семантической группы выражают, что хорошее физическое самочувствие способствует позитивному настрою, бодрости духа и ясности ума. Например:

В здоровом теле – здоровый дух. Здоровое тело является основой для здорового духа.

Пока дышу, надеюсь. Надежда и позитивный настрой могут поддержать душевное благополучие даже в самые трудные времена.

Сердце разрывается на части. Интенсивная душевная боль, которая может быть вызвана разочарованием, потерей или другими тяжелыми переживаниями.

На нервной почве. Физические недомогания могут быть спровоцированы эмоциональными расстройствами.

Мотать нервы. Доставлять кому-то беспокойство или волнение.

Семантическая группа **ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОР БЛАГОПОЛУЧИЯ** содержит 22 фразеологизма, которые выражают взаимосвязь между физическим здоровьем и общим благополучием человека. В них подчеркивается, что здоровье является основой для счастья, успеха, продуктивной жизни и полноценного существования. Например;

Здоровье – всему голова. Здоровье рассматривается как основа благополучия и процветания во всех сферах жизни. Без здоровья все остальные блага теряют свою ценность.

Дал бы Бог здоровье, а дней впереди много (Дал бы Бог здоровья, а счастье найдём). Надежда на то, что если человек здоров, то он сможет справиться с любыми трудностями и достичь своих целей.

Здоров будешь – всё добудешь. Здоровье является необходимым условием для достижения успеха и материального благополучия.

Семантическая группа **ЗДОРОВЬЕ КАК ПРИЗНАК КРАСОТЫ** включает в себя 13 фразеологизмов, которые подчеркивают взаимосвязь между физическим здоровьем и внешней привлекательностью. Смысл этих фразеологизмов заключается в том, что здоровое тело и крепкий дух отражаются на внешнем облике человека, делая его более красивым и гармоничным. Приведём примеры фразеологизмов о здоровье, входящих в эту семантическую группу:

Львиная грива. Эта метафора описывает густые и блестящие волосы, которые ассоциируются с хорошим здоровьем и жизненной силой.

Румянец во всю щёку. В прежние времена румянец считался признаком хорошего кровообращения и здоровой кожи.

Кровь с молоком. Фразеологизм описывает привлекательный внешний вид, который часто ассоциируется со здоровыми молодыми людьми.

Семантическая группа **ПОЖЕЛАНИЯ ЗДОРОВЬЯ** включает в себя 11 устойчивых выражений, которые используются для пожелания здоровья и благополучия другим людям. Эти выражения являются частью этикета и культуры общения, демонстрируют заботу и внимание к здоровью человека. Например:

Ваше здоровье! Это выражение используется при произнесении тоста за чье-либо здоровье, как правило, во время застолья.

Здравия желаю. Это приветствие используется в армейской среде и также является пожеланием здоровья.

Кушайте на здоровье! Это выражение используется при угощении кого-либо, желая ему приятного аппетита и здоровья.

Носи на здоровье. Это пожелание используется при дарении какой-либо вещи, выражая надежду на то, что она будет приносить пользу и радость получателю.

Бывайте здоровы (живы)! Это пожелание используется при прощании, выражая надежду на то, что собеседник будет здоров и благополучен.

В заключении следует отметить, что русские фразеологизмы взаимосвязаны с русской языковой культурой, тем самым, представляют традиции русского народа, образ его мышления, народную мудрость и исторический опыт. В русской языковой культуре

здоровье воспринимается как гармония физического, духовного и душевного состояния, оно считается ценным даром, дороже материального богатства, ассоциируется с выносливостью, счастьем и красотой.

Результаты проведенного исследования будут полезны лингвистам и филологам, изучающим вопросы лингвокультурологии и фразеологии. Перспектива дальнейших исследований видится в изучении семантики фразеологизмов, репрезентирующих концепт «здоровье», в сравнительном аспекте на материале разных языковых культур.

Список литературы

1. Нефедова Л.А. Неологизмы как феномен культуры (на материале новой лексики немецкого языка 1991-2010) // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме Восток – Запад: пересечения культур. Научно-практические материалы II Всемирного конгресса, Том 2. Университет Киото-Сангё Киото, 2019. С.327-333.
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
3. Фефилов А.И. Когитология: монография / А.И. Фефилов. Ульяновск: УлГУ, 2010. 406 с.
4. Bloom H. The Global Brain: The Evolution of Mass Mind from the Big Bang to the 21st Century. New York: John Wiley & Sons, 2000. 384 p.
5. Evans V. How Words Mean. New York: OUP, 2009. 371 p.
6. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
7. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Под ред. В.В. Серова. 2-е издание. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.

Сведения об авторах:

Шарафутдинова Насима Саатовна; доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой «Иностранные языки», Ульяновский государственный технический университет, 432027, Российская Федерация, Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32; nassima@mail.ru; +7(8422) 77-85-84.

Sharafutdinova Nasima Sayetovna; Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Ulyanovsk State Technical University, Severny Venets st., 32, Ulyanovsk, 432027, Russian Federation; nassima@mail.ru; +7(8422) 77-85-84.

Васильева Софья Васильевна; студент 4 курса, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Российская Федерация, Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32; sofia.vasilieva2018@yandex.ru; +7(8422) 77-85-84.

Vasilieva Sofya Vasilievna; student, Ulyanovsk State Technical University, Severny Venets st., 32, Ulyanovsk, 432027, Russian Federation; sofia.vasilieva2018@yandex.ru; +7(8422) 77-85-84.

СЕКЦИЯ 3: ПЕРЕВОД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

УДК 811.581

О некоторых особенностях образа внутренних помещений в оригинальных стихотворениях Ли Цинчжао и переводах на русский язык

Ангелина Александровна Аксёнчикова-Бирюкова

Гомельский государственный университет, аспирант, старший преподаватель кафедры русского общего и славянского языкознания, Гомель, Беларусь, angelaleks99@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение некоторых пространственных объектов, содержащихся в лирике знаменитой китайской поэтессы Ли Цинчжао. Материалом послужили оригинальные стихотворения, а также поэтические переводы А. Алексеевой, М. И. Басманова и С. А. Торопцева. Определены разные подходы к переводу пространственных образов.

Ключевые слова: пространство, будуар, зал, Ли Цинчжао, перевод, русский язык

On Some Features of the Image of Interior Spaces in Li Qingzhao's Original Poems and Translations into Russian

Aksionchikova-Biryukova A. Anhelina

Gomel State University named after Francisk Skorina, assistant of the Department of Russian, General and Slavic Languages, Gomel, Belarus, angelaleks99@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to examine some spatial objects contained in the lyrics of the famous Chinese poetess Li Qingzhao. The material was the original poems, as well as poetic translations by A. Alekseeva, M. I. Basmanov and S. A. Toroptsev. Different approaches to the translation of spatial images were determined.

Keywords: space, boudoir, hall, Li Qingzhao, translation, Russian

Ли Цинчжао (1084–1151) является известной китайской поэтессой эпохи Сун. Исследование ее поэзии невозможно без анализа той среды, которая ее окружала. В статье рассматриваются два оригинальных произведения Ли Цинчжао, содержащих пространственную лексику, а также особенности их перевода на русский язык такими авторами, как А. Алексеева, М. И. Басманов и С. А. Торопцев.

Большая часть пространственной лексики в лирике Ли Цинчжао используется для отражения эмоций женщины, живущей в будуаре, таких как тоска по мужу, который оставил ее и уехал далеко, печаль одинокой жизни. Выбор Ли Цинчжао пространства в ее произведениях в основном сосредоточен на будуаре и внутреннем дворе. Это связано с тем, что поэтесса жила здесь круглый год, и большая часть ее пространственного опыта приходилась на внутренние постройки. При формировании образа внутреннего пространства Ли Цинчжао редко применяет названия комнат, в которых находится, например, зал для рисования и будуар.

Стихотворение 《寂寞深閨》 [Jì mò shēnguī] «Всюду в доме моем тишина...» Ли Цинчжао написала, когда ее муж надолго уехал, оставив ее одну. В нем образ будуара сочетается с образом перил: 寂寞深閨 倚遍闌干，只是無情緒。人何處？連天芳樹，望斷歸來路。 [Yǐ biàn lángān, zhǐshì wú qíngxù。 Rén hé chù? Lián tiān fāngshù, wàng duàn guī lái lù] – *Тихий темный будуар. Опираюсь на перила, чувств нет. Где человек? К небу поднимаются травы, невозможно вернуться по дороге сюда* [Ли Цинчжао].

Будуар представляет собой дальнюю комнату в доме, хозяйкой которой была женщина. Иероглиф 閨 guī имеет значения ‘будуар’, ‘женская спальня’, ‘небольшие ворота внутри дворца’, а также ‘женщина’, ‘девушка’, ‘дочь’. Иероглиф состоит из знаков 門 mén ‘дверь’ и 圭 guī ‘совершенство’, ‘чистота’, ‘драгоценные изделия из яшмы’, ‘малость’, ‘скипетр – нефритовая дощечка, регалия князя’ [Ошанин 1983, 2т, с.105].

Следует отметить, что яшма является знаком могущества и олицетворяет наивысшую ценность и прекрасную девушку, служит символом совершенной красоты, чистоты и добродетели. Метафорический эпитет «яшмовый» имеет отношение ко всему самому дорогому и лучшему. Популярнейший образ девы яшмы восходит к Книге песен. Китайский поэт Вэй Юн писал, что «красавица рождается из тончайших испарений Неба и Земли из яшмовой росы, которая на скапливается на бронзовом диске» [Филимонова 2004, с. 18]. Таким образом, иероглиф 閨 guī представляет ситуацию, когда за дверью находится прекрасная девушка, некто очень ценный, добродетельный.

Эпитетами слова «будуар» в данном стихотворении являются 寂寞 jì mò ‘тихий’ и 深 shēn ‘темный’. В то же время 寂寞 jì mò имеет значение ‘душевная пустота’, ‘скука’ и ‘одиночество’, а 深 shēn – ‘глубокий’, ‘недоступный’. Таким образом, темный и унылый будуар олицетворяет душевную пустоту, одиночество и изолированность поэтессы. Образ будуара сочетается с образом перил, на которые опирается героиня, символизирующих истощение и слезы, что подчеркивает состояние ее души. В строках стихотворения 《寂寞深閨》 [Jì mò shēnguī] «Всюду в доме моем тишина...» выражена печаль разлуки, бессилие, тоска и ожидание героиней возвращения мужа.

Рассмотрим перевод на русский язык данного стихотворения такими поэтами, как А. Алексеева, М. И. Басманов и С. А. Торопцев.

А. Алексеева интерпретирует слово «будуар» как «покои»: *В покоях моих я скучаю одна... / Смотрю у перил – на поля вдалеке, / А мысли мои / безжалостно вторят тоске!* [Алексеева 2019]. Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, слово «покои» относится к устаревшей лексике и имеет значение – ‘внутренние помещения, комнаты’ [Ожегов 2003, с. 635], и его использование придает величие пространству вокруг героини. Чтобы описать удручающее состояние покинутой женщины А. Алексеева использует прямое указание – *скучаю одна*.

М. И. Басманов в своей работе вводит слово «дом» – ‘жилое здание’; ‘место, где живут люди’; ‘семья, люди, живущие вместе’: *Всюду в доме моем тишина... / И опять я на башне одна. / Где же тот, кто лишил меня сна?..* [Басманов 1974]. Таким образом переводчик расширяет пространство, в котором находится героиня, а слово «тишина» указывает на отсутствие рядом с ней других членов семьи.

С. А. Торопцев, напротив, сужает пространство, окружающее героиню, используя в своем переводе слово «спальня» – ‘комната для спанья’: *Опустела спальня, / я склонюсь к перилам, / все вокруг – постыло. / Где мой милый?* [Торопцев 2020]. Значение слова «опустеть» – ‘стать пустым, лишиться содержимого’, а также ‘стать безлюдным, пустынным’ [Ожегов 2003, с. 512]. Таким образом автор передает угнетенное состояние героини, ее одиночество и пустоту в ее душе.

В стихотворении 《小阁藏春》 [Xiǎo gé cáng chūn] «В маленький терем проникла и притаилась Весна...» Ли Цинчжао совместила несколько пространственных образов: **小阁藏春, 闲窗锁昼·画堂无限深幽** [Xiǎo gé cáng chūn, xián chuāng suǒ zhòu, huà táng wúxiàn shēn yōu] – **В маленьком зале прячется весна, днем закрыто окно. Зал для живописи бесконечно глубокий и уединенный** [Ли Цинчжао].

Поэтесса использует образ маленького зала и закрытого окна, чтобы выразить свое опустошенное и грустное настроение. Окно относится не только к физическому окну, но и к ее душе. Ли Цинчжао не желает показывать свою боль и слабость перед посторонними, поэтому, когда она не в состоянии сдержаться в горе, то предпочтет сократить общение с внешним миром. Полумрак создает атмосферу угнетающего одиночества. Зал для живописи был предназначен для развлечения гостей и проектировался просторным и светлым, однако в стихотворении за счет использования эпитетов «бесконечно глубокий» и «уединенный» он предстает темным, мрачным и безжизненным, что дает возможность поэтессе передать свои чувства – нежелание общаться, тоску по близким людям и родному городу.

В переводе А. Алексеевой применяется слово «покои», которое расширяет жизненное пространство героини: **В покоях моих притаилась весна, / рассеялся медленно свет за окном, / И тьма непроглядная спряталась / в зале большим расписном** [Алексеева 2019]. Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, зал – ‘помещение для публики, публичных собраний, для занятий чем-нибудь, для размещения экспонатов’; ‘парадная комната для приема гостей’ [Ожегов 2003, с. 147]. В то же время эпитет «непроглядный» имеет значение ‘такой темный, что ничего нельзя разглядеть’ и вместе с тем ‘безрадостный, безнадежный’ [Ожегов 2003, с. 476]. Таким образом, переводчица практически дословно, используя образ внутреннего помещения, передает эмоциональное состояние тоски одинокой героини, ее одиночество.

Поэт М. И. Басманов употребляет образ терема, так в Древней Руси называли высокий богатый дом с постройками во дворе; а также жилое помещение в верхней части такого дома, что соответствует китайскому образу башни 楼 lóu, являющейся символом любовной тоски: **В маленький терем проникла / И притаилась Весна. / В окна сквозь занавески / Заглядывают лучи. / А в отдаленных покоях / Мертвая тишина** [Басманов 1974]. Переводчик создает еще большее эмоциональное напряжение, называя зал для живописи, который обычно находился в центре дома, отдаленными покоями, а эпитет *мертвый* усугубляет ощущение безвозвратной потери.

В переводе С. А. Торопцева введено слово «светелка», которое относится к устаревшей лексике и имеет значение ‘небольшая светлая комната, обычно в верхней части жилья’ [Ожегов 2003, с. 718]. Кроме того, автор использует устаревшую форму слова «зал» – зала: **В светелке заперта весна, / в окно не входит яркость дня, / и зала темная умиотворена** [Торопцев 2020]. Однако в переводе С. А. Торопцева зала, несмотря на отсутствие в ней света, выглядит спокойной, что передает безмятежное состояние героини, ее благородство.

В результате проведенного исследования выявлено, что пространственные образы внутренних помещений в рассмотренных стихотворениях Ли Цинчжао позволяют выразить состояние грусти и опустошенности героини, тоски по родным людям. А. Алексеева практически дословно переводит данные строки, акцентируя внимание на раскрытие испытываемых героиней тяжелых эмоций. М. И. Басманов применяет эпитеты, которые усиливают эмоциональное напряжение. С. А. Торопцев использует слова устаревшей лексики, раскрывает благородный характер героини и ее мирное благожелательное эмоциональное состояние.

Список литературы

1. Китайская поэзия [Ли Цинчжао \(1084-1151?\) 李清照](#) Династия Сун. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?_action=show&author_id=113 (дата обращения: 15.09.2024).
2. Большой китайско-русский словарь / В. С. Кузес [и др.]; под общ. ред. И. М. Ошанина. – Т. 1–4. М., 1983–1984.
3. Филимонова Е. Н. Образ камня в традиционном представлении некоторых народов Дальнего Востока // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов, М: МАКС, Пресс., 2004. Вып 1. С. 1–11.
4. Цинчжао Л. Яшмой звенящие цы. В переводах А. Алексеевой / Л. Цинчжао. – Екатеринбург: «Издательские решения», 2019. 37 с.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского – 4-е изд. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. 944 с.
6. Цинчжао Ли. Строфы из граненой яшмы / Ли Цинчжао ; пер. с кит. М. И. Басманова. М., Изд-во «Художественная литература», 1974. 104 с. 5.
7. Я – птица. Лирика Ли Цинчжао / пер. с кит. С. А. Торопцева. СПб.: Нестор-История, 2020. 116 с.

Сведения об авторе:

Аксёнчикова-Бирюкова Ангелина Александровна; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, старший преподаватель кафедры русского, общего и славянского языкознания, 246053, Республика Беларусь, Гомель, ул. Мазурова, д. 61, кв. 52; angelaleks99@mail.ru;

Aksionchikova-Biryukova Anhelina Alexandrovna; Gomel State University named after Francisk Skorina, Senior Lecturer of the Department of Russian, General and Slavic Languages, Belarus, Gomel, Mazurova st., 61/52; angelaleks99@mail.ru

УДК 811.133.1

О переводе региональных медийных текстов с французского языка на русский (на примере корсиканских СМИ)

Алиса Романовна Анишева¹, Елена Анатольевна Козельская²

¹Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, магистр лингвистики, Орел, Россия, alice2000@mail.ru

²Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, kozelskaya@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей перевода текстов СМИ региона Корсика, самобытность которого ярко проявляется в общефранцузском языковом пространстве. В качестве иллюстративного материала использованы контексты статей из газет *Corse-Matin* и *Journal de la Corse*.

Ключевые слова: региональные медиа, корсиканские СМИ, реалии, общественно-политическая лексика, перевод.

On translating regional media texts from French into Russian (on the example of Corsican media)

Alissa R. Anisheva¹, Elena A. Kozelskaya²

¹Oryol State University named after I.S. Turgenev, Master's student, Orel, Russia, aalice2000@mail.ru

²Oryol State University named after I. S. Turgenev, associate professor of the Romance Philology Department, Foreign Language Institute, candidate of Philological sciences, Oryol, Russia, kozelskaya@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the peculiarities of translating mass media texts of the Corsica region, the originality of which is clearly manifested in the French language space. The contexts of articles from the newspapers *Corse-Matin* and *Journal de la Corse* are used as illustrative material.

Keywords: regional media, Corsican media, realities, socio-political vocabulary, translation.

Региональные медиа, соответствующие универсальным характеристикам стиля газетно-информационных и публицистических материалов, нацелены на темы и проблематику, которые отвечают бытовым, культурным, общественным интересам населения территории. Если речь идет о регионах с особым историческим кодом, языковым своеобразием, ярко проявляющейся идентичностью, таких как Корсика, переводчику необходимо быть готовым к считыванию импликаций, тщательному анализу локальных реалий, мемориативных единиц, пониманию общественно-политических процессов и зачастую противоречивых устремлений граждан. Проблема корсиканской идентичности, выражающаяся со всей очевидностью в намерениях наиболее пассионарных жителей острова получить автономию для региона, терзает умы не только политологов и историков, но и лингвистов и переводчиков.

Подобные темы были рассмотрены и проанализированы нами на примере франкоязычных текстов корсиканских СМИ информационной и общественно-политической направленности, в особенности таких газет, как *Corse Matin* и *Journal de la Corse*. Самоопределение корсиканского народа выражается в частом использовании лексем корсиканского языка и отказе от их французских аналогов, проявляется в текстах с географическими и этнографическими реалиями, а также в частотном употреблении общественно-политических реалий, что говорит о первостепенном для корсиканцев политическом желании автономии для острова, будь то в рамках Французской Республики или Европейского Союза.

Корс-Матен (*Corse Matin*, букв. *Корсиканское утро*) – это ежедневная новостная газета, которая освещает жизнь и события Корсики, самое популярное средство массовой информации на острове. Девизом франкоязычной газеты является выражение «Oghje in Corsica», что переводится с корсиканского как «Корсика сегодня». Издание размещает и статьи на корсиканском языке. Более того, Корс-Матен предлагает всем читателям ознакомиться с новостями на сайте газеты в режиме реального времени. Корс-Матен является независимой газетой, не принимает сторону Парижа или корсиканских сепаратистов, оставаясь нейтральной в своих публикациях.

Другим влиятельным средством массовой информации на Корсике является *Журнал де ла Корс* (*Journal de la Corse*, букв. *Корсиканская газета*). Ежедневное издание, основанное еще в 1817 году, освещает широкий спектр тем: от спорта, культуры и политики до последних новостей Корсики. В отличие от Корс-Матен, Журнал де ла Корс является прокорсиканской газетой. Это означает, что газета активно борется за автономию и независимость острова.

При анализе специфики перевода текстов корсиканских СМИ мы опирались на научные труды наиболее уважаемых лингвистов, занимавшихся проблематикой реалий, безэквивалентной лексики, общественно-политических текстов, общественно-политического перевода, среди которых В.С. Виноградов [Виноградов 2001], С. Влахов и С. Флорин [Влахов. Флорин 1980], Р.К. Миньяр-Белоручев [Миньяр-Белоручев 1996], Л.А. Мурадова [Мурадова 1986] и т.д.

Встретившиеся в газетных текстах Корсики реалии были традиционно классифицированы как географические, этнографические и общественно-политические.

Рассмотрим несколько типичных контекстов.

«Rendez-vous les samedi 6 et dimanche 7 avril, à **Sainte-Lucie-de-Tallano** pour la 25e édition d'**A Festa di l'oliu novu!**» (Corse Matin 05/04/24) *Встреча в субботу и воскресенье 6-7 апреля в Сент-Люси-де-Таллано на организованном уже в 25-ый раз Празднике оливкового масла нового урожая!* Сент-Люси-де-Таллано является коммуной в департаменте Южная Корсика. Деревня славится своими обширными оливковыми рощами. При переводе мы использовали *транскрипцию*, так как географические реалии зачастую передаются именно этим приемом. Что касается этнографической реалии Праздник оливкового масла нового урожая, мы использовали *прием лексического добавления* (урожая) для более правильной и понятной передачи смысла исходного материала. Праздник оливкового масла нового урожая – это ежегодная, посвященная оливковому маслу, ярмарка, куда приезжают не только корсиканцы со всего острова, но также и туристы из других французских регионов.

«Le public pourra aussi visiter l'olivieraie d'**A Chjusa** sous le couvent Saint-François ou le vieux moulin «**U Fragnu**», déguster des huiles d'olive de Corse «**AOP Oliu di Corsica**», découvrir des outils traditionnels ou l'exposition sur l'histoire de l'olivier...» (Corse Matin 05/04/24) *Желающие могут также посетить оливковую рощу около монастыря Святого Франциска или старую мельницу Франьо, продегустировать местное оливковое масло от AOP Oliu di Corsica, увидеть традиционные орудия труда или побывать на выставке, посвященной истории оливкового дерева...*

Мельница Франьо – одна из старейших мельниц Корсики. Здесь производят не только оливковое масло, джемы, но даже мыло. При переводе данной реалии был применен *прием транскрипции*. Также при переводе был использован *метод опущения лишней детали* – d'A Chjusa, так как в Сент-Люси-де-Таллано есть только одна оливковая роща, следовательно, ее название можно опустить. AOP Oliu di Corsica – это известный корсиканский производитель оливкового масла, который представляет свою продукцию на ежегодной ярмарке «Праздник оливкового масла нового урожая». При переводе мы сохраняем название предприятия на корсиканском языке, также как это было указано в тексте оригинала. Таким образом, мы используем *прием сохранения корсиканской орфографии*.

«Seize ans plus tard, au moment d'**Aleria** et de l'amorce de la création du FLNC, la revendication corse est portée par des mouvements autonomistes à l'audience croissante et un courant indépendantiste naissant.» (Corse Matin 05/04/24)

Через 16 лет, когда произошли события в Алерии (теракт и гибель нескольких человек) и была создана партия FLNC (Корсиканский фронт национального освобождения), требования корсиканцев были поддержаны автономистскими движениями с растущим числом сторонников и зарождающимся движением за независимость. В данном случае Алерия – событийный или, по терминологии В.С. Виноградова, мемориативный топоним, так как он отсылает нас к теракту, произошедшему под руководством националиста Эдмона Симеони, который сумел захватить виноградную пещеру Совикор на ферме Депенель и взял в заложники четырех человек. Таким образом, корсиканцы боролись против ущемления своих интересов, на

что власть ответила жестокими мерами. В переводе мы использовали *приемы транскрипции и экспликации*, так как без понимания культурно-исторической информации, содержащейся в аллюзии, теряется прагматическая интенция текста, а вместе с ней и коммуникативный эффект, оказываемый на читателя. Более того, при переводе данной реалии мы использовали *прием экспликации* еще и потому, что автор статьи подразумевал указанные события, но не называл их напрямую в тексте.

«Le futur plan local d'urbanisme encore en projet prévoit de faire passer le quartier de Bagna de zone agricole à zone urbanisée. L'objectif est de faciliter la réhabilitation de ses **pagliaghji** dans un but de revalorisation patrimoniale.» (Corse Matin 04/04/24) *Проект будущего плана урбанизации предусматривает преобразование квартала Баньи из сельскохозяйственной зоны в городскую. Цель – способствовать восстановлению **pagliaghji**, древних каменных хижин, для сохранения культурно-исторического наследия.* В данном отрывке используется реалия pagliaghji, которая означает древние корсиканские каменные хижины, которые, возможно, использовались в качестве жилья, сараев или складов для сена, а также домиков пастухов. В данном случае был использован *прием сохранения корсиканской орфографии* для точной передачи термина, а также *прием описания* для понимания реалии русскоговорящим реципиентом.

В региональных медийных текстах немало общественно-политических реалий и общественно-политической лексики, отражающих социальную жизнь, административное устройство, политические взгляды корсиканцев.

«Seize ans plus tard, au moment d'Aleria et de l'amorce de la création du **FLNC**, la revendication corse est portée par des mouvements autonomistes à l'audience croissante et un courant indépendantiste naissant.» (Corse Matin 05/04/24) *Через 16 лет, когда произошли события в Алерии (теракт и гибель нескольких человек) и была создана партия **FLNC (Корсиканский фронт национального освобождения)**, требования корсиканцев были поддержаны автономистскими движениями с растущим числом сторонников и зарождающимся движением за независимость.* В данном отрывке упоминается аббревиатура и название одного из политических образований – Корсиканского фронта национального освобождения (FLNC). Фронт является сепаратистской организацией, борющейся за достижение островом полной политической независимости и за расширение прав корсиканцев. При переводе мы *сохраняем французскую аббревиатуру, но даем ей расшифровку* на русском языке.

«La Corse sera bien inscrite dans la Constitution où elle sera reconnue en tant que **collectivité territoriale** dotée d'une autonomie «définie par un statut qui tient compte des spécificités de la communauté insulaire, historique, linguistique et culturelle», au sein de la République.» *Корсика будет закреплена в Конституции **территориальной общностью** с автономией, «определенной статутом, учитывающим особые исторические, языковые и культурные характеристики островного сообщества», в составе Республики.* В данном отрывке упоминается закрепление за Корсикой определенного государственного статуса. Остров стал территориальной общностью в составе Французской республики. При переводе был использован *прием калькирования*.

«Le maire de Bayonne Jean- René Etchegaray (parti macronien Renaissance) a de son côté relevé : «Beaucoup de choses nous font ressembler à la Corse» et a suggéré que soit reconnue au Pays Basque une «**différenciation**» pour «faire vivre une histoire, une langue, une culture particulière»». (Journal de la Corse 05/04/ 2024)

Мэр Байонны, Жан-Рене Эчегарей (партия Возрождение Эммануэля Макрона), в свою очередь сказал: «У нас много общего с Корсикой», намекая на то, что признание «уникальности» страны басков «дает жизнь их истории, языку и особой культуре». В отрывке из статьи корсиканского журналиста Пьера Корси «Autonomie pour la Corse, et moi, et moi, et moi!» [5] речь идет о реакции самобытных регионов Республики на

обещание центральной власти предоставить Корсике более широкую автономию и о том, что и Французская страна басков также хочет получить больше автономных прав. При переводе мы использовали *прием модуляции*.

«Si on accorde des droits à un territoire au regard de *spécificités*, c'est légitime que l'Alsace puisse aussi avancer». (Journal de la Corse 05/04/ 2024) «Если расширить права одной территории с учетом ее *идентичности*, то Эльзас также может двигаться в этом направлении». Также и представитель Эльзаса выражает свои надежды на будущее получение автономных прав его регионом. При переводе использовался *прием модуляции*.

На основании анализа выполненных переводов (в данной статье представлены лишь несколько примеров) региональных газетно-информационных текстов нам удалось выявить несколько важных особенностей.

1) При переводе французских медийных текстов, затрагивающих проблему своеобразия региона Корсика, был задействован весь спектр переводческих трансформаций.

2) Наиболее частотными и многообразными оказались лексические и лексико-грамматические трансформации: транскрипция и транслитерация; экспликация; калькирование; модуляция; прием лексического добавления; прием сохранения корсиканской орфографии.

3) Для определения стратегии перевода медийного текста общественно-политической направленности переводчику следует ознакомиться с историей вопроса и тщательно отбирать формулировки для характеристики актуальной ситуации, т.к. коннотативные значения могут серьезно изменить транслят и восприятие реципиента перевода, например, при трактовке деятельности корсиканских сепаратистских и автономистских партий.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 340 с.
3. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М.: Московский Лицей, 1996. – 207 с.
4. Мурадова Л.А. Семантико-функциональная характеристика общественно-политической лексики в современном французском языке. Дис. к.ф.н., М., 1986. – 188 с.
5. Corsi P. Autonomie pour la Corse , et moi, et moi , et moi!: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.journaldelacorse.corsica/articles/3049/ autonomie-pour-la-corse-et-moi-et-moi-et-moi](https://www.journaldelacorse.corsica/articles/3049/autonomie-pour-la-corse-et-moi-et-moi-et-moi). (дата обращения: 09.04.2024).

Сведения об авторах:

Козельская Елена Анатольевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; kozelskaya@rambler.ru; +94862752160.

Анишева Алиса Романовна; магистр лингвистики, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; aalice2000@mail.ru; +94862752160.

УДК 81'25:728.51

К вопросу о машинном переводе безэквивалентной отраслевой терминологии

Алексей Романович Ляшук

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, ассистент кафедры английского языка, кандидат сельскохозяйственных наук, Орел, Россия, oceans777@yandex.ru

Аннотация. Результатом машинного перевода безэквивалентной отраслевой терминологии является смысловая ошибка, вследствие чего передать смысловое содержание термина возможно только посредством описательного перевода в ходе его полного постредактирования. Сделано заключение о невозможности использования машинного перевода безэквивалентных отраслевых терминов как вспомогательного средства в работе переводчика.

Ключевые слова: отраслевой машинный перевод, безэквивалентные термины, смысловая ошибка перевода

On the issue of machine translation of non-equivalent industry-specific terminology

Aleksey R. Lyashuk

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Assistant Professor of the Chair of English Language, Candidate of Agricultural Sciences, Oryol, Russia, oceans777@yandex.ru

Abstract. Machine translations of non-equivalent industry terminology can produce semantic errors, thus conveying the semantic content of terms is only possible through descriptive translation during its full post-editing. We concluded that it is impossible to use machine translations of non-equivalent industry terms as an auxiliary tool in the work of a translator.

Keywords: industry machine translation, non-equivalent terms, semantic translation error

Общепризнано, что одной из наиболее сложных для разрешения проблем современной профессиональной коммуникации является проблема перевода специализированной отраслевой лексики [Васильева А. В., Мозжегорова Е. Н., 2024; Жумажан Н. Е., 2024]. При этом, большинство исследователей сходятся во мнении, что перевод специализированных текстов, относящихся к какой-либо определенной отрасли человеческого знания характеризуется рядом лингвостилистических особенностей [Закирова Е. С., 2014; Жидков А. В., 2014].

Так, в классической работе Комиссарова В.Н. «Теория перевода» [Комиссаров В. Н., 1990] отмечается, что «...в рамках каждого функционального стиля можно выделить некоторые языковые особенности, влияние которых на ход и результат процесса перевода весьма значительно. Например, в научно-техническом стиле - это лексико-грамматические особенности научно-технических материалов и, в первую очередь, ведущая роль терминологии и специальной лексики».

В это же время, современные квалификационные требования к специалисту диктуют необходимость постоянного совершенствования имеющихся и формирования новых профессиональных компетенций. Обойтись при этом без регулярного изучения

иноязычной специализированной периодики, весьма непросто. В решении задачи быстрого и недорогого перевода больших объемов отраслевой зарубежной периодики в последние десятилетия широко используются системы машинного перевода.

В современной теории перевода научные и практические вопросы специального (отраслевого) перевода разработаны глубоко и подробно [Уланова И. Н. с соавт., 2024]. Детально изучены лингвостилистические аспекты перевода отраслевой терминологии, в том числе – безэквивалентных терминов [Попова Е. Е., Семенова М. Ю., 2016]. Напротив, методические подходы к использованию систем машинного перевода специальных текстов для информационно-коммуникативных целей, равно как и вопросы машинного перевода отраслевой терминологии, в том числе – безэквивалентной, изучены недостаточно.

По этой причине исследование проблематики машинного перевода отраслевой безэквивалентной терминологии представляется **актуальным**.

В качестве основной **гипотезы**, определившей направление данного исследования, автором сформулировано предположение о том, машинный перевод отраслевой безэквивалентной терминологии характеризуется определенными лингвостилистическими особенностями, которые необходимо учитывать в работе переводчика.

Соответственно **целью** исследования являлись выявление и систематизация лингвостилистических особенностей машинного перевода отраслевой безэквивалентной терминологии, а также обоснование рекомендации по его использованию как вспомогательного средства в работе переводчика.

Материалом исследования являлись переводы аннотаций англоязычных статей, опубликованных в издании «Journal of Dairy Science».

Объектом исследования являлся машинный перевод отраслевых безэквивалентных терминов в предметной области «Производство и переработка продукции животноводства».

Методическую основу исследований составили:

- метод подбора и анализа словарных дефиниций;
- метод сопоставительного анализа;
- метод словообразовательного анализа;
- описательный метод.

Результаты исследований. В теории перевода существует несколько определений безэквивалентной лексики.

Так, В.Н. Комиссаров называет безэквивалентными те «...единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [Комиссаров В. Н., 1990].

Также В.Н. Комиссаров определяет безэквивалентную лексику как «...обозначения специфических для данной культуры явлений, которые являются продуктом кумулятивной функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний, т.е. знаний, имеющихся в сознании говорящих» [Комиссаров В. Н., 1990].

Э.Л. Аكوпова, в свою очередь, конкретизирует: «Безэквивалентный термин - термин, именующий явления (понятия), отсутствующие в языковой действительности языка перевода или до сих пор не сформировавший отдельную категорию в понятийном аппарате соответствующей профессиональной сферы» [Акопова Э. Л., 2000].

В нашей работе из числа переведенных сервисом Google Translate 196 отраслевых специализированных терминов не удалось идентифицировать безэквивалентные термины, не имеющие соответствующего понятия в языковой действительности языка перевода.

С другой стороны, были выявлены отраслевые термины, попавшие в число безэквивалентных как не сформировавшие отдельную категорию в понятийном аппарате соответствующей профессиональной сферы.

В качестве примера приведем следующие термины:

Пример 1.

Оригинал – ...serial harvest experiment...

Машинный перевод – ...эксперимент по серийному сбору урожая...

Используемая переводческая трансформация – калькирование.

Ручной перевод – ...эксперимент по изучению продуктивных качеств животных, подвергнутых серийному убою...

Используемая переводческая трансформация – экспликация.

В языковой действительности русского языка в отраслевом глоссарии предметной области «Производство и переработка продукции животноводства» отсутствует терминологическое понятие «эксперимент по изучению продуктивных качеств животных, подвергнутых серийному убою», поскольку данный термин своим происхождением обязан региональным технологическим особенностям промышленного производства говядины в США.

Как следует из представленного примера, машинный перевод рассматриваемого безэквивалентного отраслевого термина является смысловой ошибкой. Тем самым, для достижения релевантности перевода необходимо проведение его полного постредактирования с использованием в качестве единственно возможной переводческой трансформации – описательного перевода (экспликации).

Далее рассмотрим еще один пример машинного перевода безэквивалентного отраслевого термина.

Пример 2.

Оригинал – ... expressing apparent mineral retention on a protein gain ...

Машинный перевод – ...выражая очевидную задержку минералов при увеличении белка...

Используемая переводческая трансформация – калькирование.

Ручной перевод – ...отложение минеральных веществ, рассчитанное относительно прироста белка...

Используемая переводческая трансформация – экспликация.

Рассматриваемый термин, равно как и предыдущий, происходит из регионального отраслевого глоссария американской научно-исследовательской терминологии в предметной области «Производство и переработка продукции животноводства». Поэтому, как и в предыдущем случае, мы отмечаем, что в языковой действительности русского языка отсутствует терминологическое понятие, соответствующее описательному переводу данного термина.

Заключение. В результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. При использовании машинного перевода безэквивалентных отраслевых терминов в предметной области «Производство и переработка продукции животноводства», в качестве переводческой трансформации применяется калькирование;

2. Результатом машинного перевода безэквивалентной отраслевой терминологии является смысловая ошибка, вследствие чего передать смысловое содержание термина возможно только посредством описательного перевода (экспликации) в ходе его полного постредактирования;

3. Ввиду обязательного полного постредактирования результатов машинного перевода безэквивалентных отраслевых терминов, сделано заключение о невозможности его использования как вспомогательного средства в работе переводчика.

Перспективы дальнейшей разработки темы. Как было установлено в ходе исследования, основные методы анализа и систематизации результатов ручного перевода отраслевой безэквивалентной терминологии вполне применимы и к машинному переводу. В этой связи, дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение применимости к машинному переводу критериев адекватности и эквивалентности.

Список литературы

1. Васильева А. В., Мозжегорова Е. Н. Особенности узкоспециализированных терминов в технических текстах// Актуальные вопросы теории и практики перевода в контексте межкультурного взаимодействия. Материалы XXXVI Международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2024. С. 111-117.
2. Жумажан Н. Е. Трудности перевода текстов экологического дискурса с английского языка на русский язык// Вестник науки. 2024. Том: 3. № 6 (75). С. 1127-1131.
3. Закирова Е. С. Эквивалентность перевода в языке для специальных целей// Известия МГТУ МАМИ. 2014. Том: 5. № 1 (19). С. 226-234.
4. Жидков А. В. Научно-технический язык и научно-технический перевод// Science Time. 2014. № 5 (5). С. 67-71.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
6. Уланова И. Н., Малькова А. А., Белых К. С. Особенности отраслевого перевода// Актуальные проблемы лингвистики, языкознания, психологии. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза, 2024. С. 147-150.
7. Попова Е. Е., Семенова М. Ю. Безэквивалентные термины и их передача при переводе специальных текстов// Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 2. С. 36-45.
8. Акопова Э. Л. Безэквивалентные термины и способы их перевода. –М., 2000. 183 с.

Сведения об авторе:

Ляшук Алексей Романович; кандидат сельскохозяйственных наук, ассистент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева; 302019, г. Орел, ул. Генерала Родина, д. 62, кв. 68; oceans777@yandex.ru;

Aleksey R. Lyashuk; Candidate of Agricultural Sciences, Assistant Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev; 302019, Oryol, Generala Rodina st., 62, apt. 68; oceans777@yandex.ru

УДК 821.161.1.09

Стратегия перевода произведения И. А. Бунина на хинди

Прагья Мишра

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, аспирант, Самара, Россия, gayatri.pragya2001@gmail.com

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении стратегии перевода и рецепции произведений И. А. Бунина на хинди: подчеркивается важность при переводе сохранения художественного стиля и передачи адекватным образом культурных символов, которые имеют глубокие корни в русской и восточной культурах, а также фокусируется внимание на религиозно-философских вопросах жизни. Автор выявляет различные стратегии перевода, включающие буквальный перевод, эквивалентную замену, русификацию, индианизирование.

Ключевые слова: И. А. Бунин, стратегия перевода, культурные символы, межкультурное взаимопонимание

The strategy of translating the work of I. A. Bunin into Hindi

Pragya Mishra

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, postgraduate student, Samara, Russia, gayatri.pragya2001@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to consider the strategy of translation and reception of I. A. Bunin's works in Hindi: the importance of preserving the artistic style and adequately conveying cultural symbols that have deep roots in Russian and Eastern cultures is emphasized in translation, and attention is also focused on religious and philosophical issues of life. The author identifies various translation strategies, including literal translation, equivalent substitution, Russification, and Indianization.

Keywords: I. A. Bunin, translation strategy, cultural symbols, intercultural understanding

На протяжении десятилетий многие значимые произведения русской литературы переводились на хинди, на язык, который является одним из самых распространённых языков на севере Индии: он играет важную роль в восприятии литературных произведений индийским читателем. Причем, как подчеркивает Г. В. Стрелкова, активность индийских и русских переводчиков позволила преодолеть в сфере перевода колониальное засилье английского языка, бывшего долгое время языком посредник [Стрелкова 2018]. Благодаря усилиям переводчиков большую известность в Индии получили произведения А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского и особенно Л. Н. Толстого. В этом ряду русских писателей стоит И. А. Бунин, произведения которого начинают набирать популярность среди индийской аудитории. Такой интерес к творчеству писателя вдвойне оправдан, так как его произведения наполнены лиричностью, философичностью, реалистическим мастерством описания деталей быта и бытия, а в ряде его произведений — неизбывной любовью к Индии. Писатель мыслит ее как колыбель человечества, как кровную родину и духовный исток народов: «Я вообще люблю Восток и восточную религию<...>Индия же интересует меня как колыбель человечества и религии» [Летопись 2017, т. 2, с. 24].

В качестве авторитетного источника выбран сайт, на котором размещены качественные переводы произведений Бунина на хинди: Это “*इवान बूनिन की कहानियाँ, उपन्यास हिन्दी मे*”³ [Ивана Бунина рассказы]. В дословном переводе с хинди читается как «Ивана Бунина рассказы», «Книги (на) хинди», где *कहानियाँ*, (кахания) — рассказы, а *की* указывает на согласование, что позволяет по-русски перевести и как «Рассказы Ивана Бунина».

³ <https://hindikahani.hindi-kavita.com/НК-Ivan-Bunin.php>

Важным смысловым ориентиром для читателя, как известно, является название произведения, которое всегда содержит в себе проблемно-тематический ключ его понимания: название с его семантико-ассоциативным полем и проблемно-тематическим соотношением с содержанием произведения представляет собой «заголовочный комплекс».

В этой связи целесообразно проследить логику перевода названий: «Кастрюк» — कस्त्रूक; «Снежный бык» — बर्फ का सांड; «В августе» — अगस्त मे; «Поздней ночью» — देर रात को; «Неугасимая лампада» — निरंतर जलने वाला दिया. Переводчик Чарумати Рамдас (Charumati Ramdas) передает название рассказа «Кастрюк» фонетически адекватно कस्त्रूक — Kastruyuk. Здесь क — К, स्त्रू — соединение половинок трех букв Ц+Т+Р с буквой Ю, что в фонетически на хинди будет читаться как «стрию». А последняя буква подобна первой: क — К. На хинди нет похожего по смыслу слово. Звуковой комплекс कस्त्रूक в сознании индийского читателя никаких ассоциаций не вызывает. Можно только предположить, что речь пойдет о явлении или человеке из другой культуры. Конечно, можно обратиться к интернет-подсказке и узнать, что обозначает данное слово, например, в «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре»: «Кострюк (Кострюк-Мастрюк) — персонаж популярнейшей народно-исторической песни-былины 16 в.» [Кострюк]. Читатель в начале рассказа узнает, что героя все, даже сын, называют Кастрюком, потому что он действительно дает для этого такой повод: «Ну, Кастрюк (деда все так звали на деревне, потому что выпивши, он любил петь про Кастрюка старинные веселые прибаутки), ну, Кастрюк, — говорил ему на заре сын...» [Бунин 1965-1967: т. 2, с. 21]. Но в процессе чтения, по мере знакомства с героем, находящимся уже в преклонном возрасте, читатель укрепляется в мысли, что Кастрюк есть воплощение того былинного героя, он в новое время даже в старости не утратил трудовые навыки, сноровку, сохранил желание помогать всем нуждающимся. Вот такая связь современного Кастрюка с героической традицией прошлого и делает содержание рассказа близким индийской аудитории.

Название рассказа «Снежный бык» Чарумати Дас передает семантически также предельно точно: बर्फ का सांड — Барф ка Санд — Barf ka sand. На хинди слово बर्फ (ब — Б, र्फ — Р+Ф) — барф — значит снег, а सांड (सां — С+А+Н, ड — Д) — санд — значит бык. И между словами барф и санд (в дословном русском переводе «снег бык») на хинди стоит का — ка. Эту частицу можно назвать «инструментом» языка, указывающим на обладание или принадлежность объекта, в данном случае का — «ка» указывает на то, что бык сделан из снега. В сознании индийского читателя название пробуждает тревогу: ясно, что речь идет о загадочной и немного устрашающей силе, связанной с быком, но, с другой стороны, бык снежный. Следовательно, страх, который может быть порожден им, не подлинный, мнимый, навеян внутренним природным страхом: поэтому в реальной жизни он может быть преодолен. Так в рассказе и случается. Индийский читатель знакомится в колоритной («экзотической») образности с русским опытом страха перед мнимой опасностью как с собственным опытом, так как такой обман страхом является общечеловеческим чувством.

Название рассказа «В августе» на хинди для внимательного русского глаза узнаваемо अगस्त मे — Агаст ме — Agust me. अगस्त — Агаст (अ — А, ग — Г, स्त — Ц+Т) — это август. Слово मे (M+E) — предлог времени. Восприятие данного рассказа индийским читателем обусловлено в меньшей степени не летним месяцем года, а в большей степени «предустановленным»

настроением праздника. Август — это радостный месяц в Индии. На него приходится День независимости Индии. Благодаря благословенной погоде с успокаивающим дождем, этот месяц просто дарит много поводов для праздника и несет с собой положительные эмоции. В этом контексте и воспринимается содержание рассказа Бунина.

Г-д Винай Тотавар (Vinay Totavar) перевел название рассказа «Поздней ночью» как **देर रात को** — Дер Раат Ко — *Dér gaat ko*. Перевод эквивалентный: поздней ночью. Здесь **देर (दे — Д+Е, र — Р)** значит поздно, **रात (रा — Р+А, त — Т)** значит ночь и **को** — это предлог времени. По мнению индусов, ночь — это время обычно после 12 часов ночи и до 5 или 6 часов утра, когда все крепко спят. Но содержание рассказа не о сне, а о любви: «Мы опять любили друг друга, как могут любить только те, которые вместе страдали, вместе заблуждались, но зато вместе встречали и редкие мгновения правды. И только бледный, грустный месяц видел наше счастье...» [Бунин 1965-1967, т. 2, с. 178]. Такое интимное расширение смысловых значений ночи как времени не сонного отдыха, а любви, конечно, же вызывает у индийского читателя чувства симпатии к русскому писателю, который передает самое сокровенное переживание возвышенно чистым языком.

Особый случай перевода составляет название и содержание стихотворения Бунина «Неугасимая лампада»: **निरंतर जलने वाला दिया** — Нйрантар джалне вала дьяя. Дословно: вечно горящая лампада, где нйрантар — вечно, джалне — горящая, вала — предлог принадлежности. Последняя строчка стихотворения «Горит неугасимая лампада» передается как **निरन्तर जलता हो दिया** (нирантар джалта хо дьяя). Дословно: вечно горит лампада. Перевод как бы более точно выражает смысл стихотворения, чем подлинник, так как Джалта — глагол, а **हो-** (ХО) — частица, указывающая на постоянно длящийся процесс. В соответствии с индийскими верованиями при описании и выражении сакральных состояний не рекомендуется использовать слова «гасить», «угасать» (даже с отрицанием «не»): в контексте чего-то святого и по радостному поводу такого рода семантические знаки считаются плохим предзнаменованием. Поэтому Анил Джанвиджай перевел слово «неугасимый» как «всегда горящий» или «вечно горящий».

Не используя сокровенных и значимых для индийского сознания конкретных слов, Бунин вольно или невольно намекнул на лежащую в основе этого стихотворения индийские представления об Атмане и Парам-атмане, которые и получают усиление в переводе на хинди.

В стихотворении Бунина и в оригинале, и в переводе на хинди есть всеобъемлющий доминирующий образ неугасимой лампы, способный передать и выразить вершинные проявления человеческого духа, до которых поднимаются и русская, и индийская культуры, — способной символизировать и воплощать переживания неуничтожимости человеческого бытия: переживать вечность жизни как дар Бога (в оригинале), как явленную сущность Атман (в переводе). Присутствие Бога / Атман — и, следовательно, всего комплекса теоантропных переживаний, центрированных словом «вечность», — находит свое закрепление в образе «неугасимой лампы».

Таким образом, реализация стратегии перевода произведений Бунина, подчиненной принципу культурной взаимности, не только обеспечивает передачу в эквивалентном виде содержание оригинала, не только высветляет, как в случае с «Неугасимой лампадой», дополнительные смыслы, знакомство с которыми усиливает представление о духовной глубине бунинского стихотворения, но и служит межкультурному взаимопониманию двух великих братских народов.

Список литературы

1. Стрелкова Г. В. Русско-индийское литературное взаимодействие, CRITIC: A journal of the Centre of Russian Studies. Special Issue. 2018. № 15. С. 121-131.
2. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 2 (1910-1919) / Сост. С. Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.
3. इवान बूनिन की कहानियाँ, उपन्यास हिन्दी में [Ивана Бунина рассказы. Книги на хинди] [Электронный ресурс]. URL: <https://hindikahani.hindi-kavita.com/НК-Ivan-Bunin.php> (Дата обращения: 24.09.2024).
4. Кострюк // Российский гуманитарный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://humanities_dictionary.academic.ru/7390/Кострюк (Дата обращения: 24.01.2024).
5. Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1965-1967.

Сведения об авторе:

Прагья Мишра — аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара; г. Нью-Дели, Индия, gayatripragya2001@gmail.com

Mishra Pragya — Postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara; New Delhi, India, gayatripragya2001@gmail.com,

УДК 81`25

Особенности перевода фразеологических единиц с национально-культурной спецификой

Галина Васильевна Скрипкина¹, Валерия Евгеньевна Чулкова²

1. Орловский государственный университет, доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук, Орел, Россия gws2000@mail.ru

2. Орловский государственный университет, магистр 1 курса, Орел, Россия tschulkowawaleriya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода фразеологических единиц с национально-культурной спецификой. Дается характеристика таких фразеологизмов и анализируются приемы их перевода в художественном тексте с позиции динамической адекватности, что предполагает сохранение как смыслового, так и эмоционального воздействия оригинала. Критически оцениваются нефразеологические приемы перевода, приводящие к утрате заложенного автором коннотативного воздействия на реципиента, и подчеркивается необходимость более адаптивных подходов для сохранения культурной идентичности в переводе.

Ключевые слова: фразеологизмы с национально-культурной спецификой, фразеологические и нефразеологические приемы перевода, функциональный аналог, описательный перевод, лексический перевод, калькирование.

Translation Peculiarities of Phraseological Units with National Cultural Specifics

Galina V. Skripkina¹, Valeriya Y. Chulkova²

1. Orel state university, associate professor of the German Department, candidate of Philology, Orel, Russia gws2000@mail.ru

2. Orel state university, student, Orel, Russia tschulkowawaleriya@yandex.ru

Abstract. The article deals with the difficulties of translating idioms with national-cultural specificity. The article characterizes such phraseological units and analyses the methods of their translation in a fictional text from the point of view of dynamic adequacy, which implies preserving both the semantic and emotional impact of the original. Non-phraseological translation techniques that lead to the loss of the author's connotative impact on the recipient are critically evaluated, and the need for more adaptive approaches to preserving cultural identity in translation is emphasized.

Key words: phraseological phrases with national-cultural specificity, phraseological and non-phraseological translation techniques, functional analogue, descriptive translation, lexical translation, calcification.

Перевод художественной литературы представляет собой одну из самых сложных и многогранных задач в переводоведении. Это обусловлено как полифункциональностью художественных произведений, их спецификой – оказывать эстетическое воздействие на реципиента, так и особенностями идиолекта автора.

Одним из важных средств эстетизации художественного произведения являются фразеологизмы, устойчивые выражения, которые не только передают смысл, но и несут в себе культурные, исторические и эмоционально-оценочные оттенки оригинала. В.Н. Телия отмечала, что «система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка служит своего рода «нишей» для мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной и духовной культурой данной языковой общности...» [Телия 5, с.215].

Национально-культурную ценность фразеологизмов подчеркивали Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. Фразеологизмы, по их мнению, содержат в своем значении национально-культурный или в терминологии Ю.П. Солодуба этнокультурный компонент [Солодуб 4, с. 122]. В.А. Маслова отмечает, что не все фразеологизмы являются в равной степени культурно специфичными. К последним прежде всего относятся образно-эмотивные единицы, которые восходят к неким прототипным ситуациям, лежащим в основе образного переосмысления, «следы» прототипа остаются во внутренней форме фразеологизма, одновременно кодируя и экспонируя определенную культурную информацию [Маслова 3, с. 68, 82].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров описали три уровня, на которых может проявляться национально-культурная отмеченность фразеологизмов. Во-первых, культурная коннотация может быть представлена во фразеологизме «нерасчлененно, комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, т. е. своими идиоматичными значениями». Во-вторых, фразеологические единицы могут отражать национальную культуру отдельными лексическими единицами своего состава. Некоторые из таких компонентов ФЕ являются реалиями. Это, например, устаревшие слова или имена собственные. В-третьих, фразеологизмы отражают национально-культурную специфику своими прототипами. Здесь речь идет о фразеологизмах, образованных из свободных словосочетаний, которые описывали определенные обычаи, традиции или исторические события [Верещагин, Костомаров 1, с. 178].

В данной статье мы рассмотрим основные трудности, возникающие при переводе фразеологизмов с национально-культурной спецификой, проанализируем различные

подходы к их передаче и обсудим примеры из практики, которые иллюстрируют, как переводчики справляются с этой непростой задачей.

Материалом нашего исследования являются переводы 15 рассказов А.П. Чехова. Эти переводы выполнены переводчиками Верой Бишитцки, Кайем Боровским, Барбарой Конрад, Ульрикой Ланге, Барбарой Шафер, Доротеей Троттенберг, Марианной Вибе и Александром Элиасбергом.

Фразеологизмы являются важной составляющей языка рассказов и стиля А.П. Чехова. В творчестве писателя фразеологические единицы не только придают текстам особую выразительность и живость, но и являются одним из средств характеристики персонажей. На употребление фразеологизмов оказывает влияние принадлежность персонажа к определенной социальной среде. Таким образом, фразеологизмы в рассказах А.П. Чехова приобретают яркую индивидуальную окраску и отражают мировоззрение, жизненный опыт, характер людей и их социальный статус. А.П. Чехов часто использует фразеологизмы как средство создания иронии и юмора. В проанализированных нами рассказах А. П. Чехова методом сплошной выборки мы выявили 50 фразеологизмов с национально-культурной спецификой. Например, «и в ус не дуть», «нечистый попутал», «распустить нюни», «работать спустя рукава», «как обухом по голове», «поджать хвост», «вертеться, как черт перед заутренней», «точно муху проглотил», «калачом не заманишь» и т.д.

Анализ приёмов перевода ФЭ с национально-культурной спецификой показал, что переводчики используют как фразеологический, так и нефразеологический перевод фразеологизмов (ФП, НФП) [Влахов, Флорин 2, с. 183]. К фразеологическому переводу мы будем относить перевод полным и частичным фразеологическим эквивалентом (ФЭ) и фразеологическим аналогом и индивидуальным фразеологизмом-аналогом (ФА, ИФА). Нефразеологический перевод это перевод описательным и лексическим переводом (ОП, ЛП), а также калькированием (К).

	ФП		НФП		
	ФА	ИФА	ОП	ЛП	К
Всего 50	15	1	21	8	5

В ходе нашего исследования мы обнаружили, что меньшая часть фразеологизмов с национально-культурной спецификой в проанализированных нами переводах была переведена фразеологическим способом, а именно фразеологическим аналогом. Перевод фразеологическим аналогом – это прием перевода, при котором используется фразеологизм в целевом языке, имеющий аналогичное значение в исходном языке, но иной мотивирующий образ. Аналог используется в случае, когда подобрать фразеологический эквивалент не представляется возможным. Перевод фразеологическим аналогом является эффективным и предпочтительным приемом перевода фразеологизмов с национально-культурной спецификой, поскольку он сохраняет образность и экспрессивность фразеологической единицы, а также не затрудняет понимание фразеологизма читателем целевого языка.

Название рассказа «Из огня да в полымя» является фразеологизмом с национально-культурной спецификой. Происхождение этого фразеологизма вызывает немало дискуссий среди ученых, которые до сих пор не могут прийти к общему мнению относительно его этимологии. Однако известно, что слово «полымя» происходит из древнеславянского языка и означает «пламя». Это слово, сохраняющее свои корни в древности, продолжает использоваться в современном языке, дополняя и обогащая его.

Данный фразеологизм значит переход из одной неприятности в другую, ещё большую. Переводчик А. Элиасберг перевёл данный фразеологизм с помощью фразеологического перевода, а именно фразеологическим аналогом: „*Aus dem Regen in die Traufe*“ [Projekt Gutenberg 8] (букв. «из дождя под водосточный жёлоб»). Данный

фразеологизм, согласно онлайн словарю Duden, имеет следующее значение: *von einer schlimmen Situation in eine noch schlimmere geraten*. Как и в случае с фразеологизмом «из огня да в полымя», этот фразеологизм значит «попасть из плохой ситуации в ещё более худшую». В немецкой культуре плохая ситуация связана со стихией воды, а русской – со стихией огня. В современном немецком языке этот фразеологизм чаще используется в форме *„vom Regen in die Traufe kommen/greaten“*.

В данном случае, несмотря на элиминацию национально-культурной специфики и изменение образного значения, переводной аналог тождествен русскому фразеологизму по значению, функционально-стилистической и эмоционально-оценочной окраске.

Отметим, что название рассказа носит иронический характер. Герой рассказа Градусов своим упрямством и неукротимым желанием поучать и обличать только усугубляет свое положение.

Русский фразеологизм и его аналог в немецком языке построены по одной фразеологической модели (Ю.П. Солодуб): попадать из одной неблагоприятной ситуации в другую, еще более неблагоприятную. Ср. английский фразеологизм, построенный по такой же логико-семантической схеме *„to jump out of the frying pan into the fire“*

Еще одним примером фразеологизма с национально-культурной спецификой является разговорно-просторечный фразеологизм «ни в зуб толкнуть». В рассказе «Репетитор» гимназист 7 класса Егор Зиберов говорит своему ученику: «В шестой раз задаю вам четвертое склонение, и *вы ни в зуб толкнуть!*». Существует две версии происхождения этого фразеологизма. Согласно первой, фразеологизм произошел из свободного словосочетания «толкнуть в зуб» в значении «ударить». Так говорили о помещиках, которые не могли даже силой справиться с крепостными. После идиоматизации свободного словосочетания оно приобрело значение «ни к чему не годен, не способен». Фразеологизм имел развернутую форму «ни в зуб толкнуть не смыслит». Вторая версия происхождения относит этот фразеологизм к школьному жаргону. Здесь получил развитие такой вариант фразеологизма как «ни в зуб ногой».

Для перевода этого фразеологизма переводчик использует фразеологический аналог *„nicht die Bohne“*. *„Sie wissen nicht die Bohne“* Этот просторечный фразеологизм имеет следующее значение: *„überhaupt nicht; nicht im Geringsten, Mindesten; in keiner Weise, kein bisschen“*. Немецкий фразеологизм имеет более широкое значение, чем русский, и отличается от русского фразеологизма образом. Бобы в средние века были дешевой пищей. Но для насыщения необходимо много бобов, один боб это очень мало, а кроме этого один боб ничего не стоит. Отсюда пошло выражение *„nicht die Bohne“*. По этой же фразеологической модели построены фразеологизмы *„keine Spur“*, *„keinen Deut“*, *„kein Stück“* и т. д. В русском языке такая фразеологическая модель также представлена несколькими фразеологизмами. Например, «ни капельки», «ни на йоту», «ни на грош».

Как и в предыдущем примере, переводной аналог тождествен русскому фразеологизму по значению и стилистической окраске, но отличается образным значением. Немецкий фразеологизм «построен» по другой модели, но воспроизводит типичную для русского языка фразеологическую модель: усиленное отрицание какого-либо действия, процесса или состояния.

Нефразеологическим переводом были переведены более трети выявленных нами фразеологизмов. Первое место занимают описательные межязыковые соответствия фразеологизмов. Особенно часто этот прием использовался при переводе фразеологизмов с лексическим компонентом с «затемненной этимологической семантикой».

Фразеологизм "не поминайте лихом" содержит лексический компонент «лихо», который в старославянском языке означал "беда, несчастье". По древним верованиям, упоминание беды могло привлечь «Лихо» или «Лихо Одноглазое». Первоначально этот фразеологизм относился к покойникам, которых не следовало упоминать плохо. Аналогичный фразеологизм существует и в немецком языке „Tote ruhen lassen“. В современном русском языке фразеологизм "не поминайте лихом" используется при прощании в значении «вспоминая, не думать или говорить плохого».

Героиня рассказа «Дама с собачкой» прощается с героем рассказа словами «Господь с вами, оставайтесь. *Не поминайте лихом.* Мы навсегда прощаемся, это так нужно, потому что не следовало бы вовсе встречаться» [Чехов 7]. Фразеологизм в этом контексте значит «вспоминая, не думайте плохо обо мне». Примечательно, что на этом отношении героев не заканчиваются, и Гуров, вернувшись в Москву, не перестает думать об Анне Сергеевне.

„Gott sei mit Ihnen. *Denken Sie nicht schlecht von mir.* Wir nehmen für immer Abschied. So muss es sein, es wäre besser, wir wären uns nie begegnet“ [Projekt Gutenberg 8].

В данном случае переводчик использует описательный перевод, который сводится, по сути дела, к переводу не самого фразеологизма, а его толкования. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, т.е. все средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание фразеологизма. В данном случае переводчик правильно передал денотативно-сигнификативное значение фразеологизма, но изменил экспрессивно-стилистическое и эмоционально-оценочное значение исходного фразеологизма.

Поговорка «я ей про Фому, а она про Ерему» также была переведена описательным переводом: „Wir können es ihr nicht beibringen, Pjotr Alexandritsch! Einfach tot macht sie einen... *Wir sagen ihr das eine, und sie kommt uns mit was anderem...*“ [Tschechow 8]. Эта поговорка этнически маркирована такими лексическими компонентами как имена собственные Фома и Ерема и употребляется в ситуациях, когда один человек что-то говорит другому, а он этого не слышит и говорит или делает противоположное. Фома и Ерема традиционные скоморошские имена в русском фольклоре наделенные противоположными характеристиками. В чате на сайте Город переводчиков предлагается такой перевод поговорки: „ich rede von Enten und sie antwortet mir von Gänsen“. Такой перевод построен по той же модели, что и исходный фразеологизм. Кроме этого он сохраняет экспрессивность фразеологизма «я ей про Фому, а она про Ерему».

Рассмотрим примеры лексического перевода фразеологических единиц и начнем с фразеологизма «вывести на чистую воду».

«... Вы думаете, как вы в золотой цепи, так на вас и суда нет? Не беспокойтесь... *Выведу на чистую воду*» [Чехов 7].

Перевод: „... Sie glauben wohl, daß Sie, wenn Sie eine goldene Kette um den Hals hängen haben, vor jedem Gericht gefeit sind? Seien Sie unbesorgt .... *Ich werde schon alles aufdecken*“ [Tschechow 8].

Фразеологизм «вывести на чистую воду» имеет несколько толкований его происхождения. Согласно одному из них при ловле рыб рыбаки старались вытащить рыбу на чистую проточную воду, чтобы было легче ее поймать. Этот фразеологизм имеет в русском языке такие синонимы как «сорвать маску» и «узнать истинное лицо». В немецком языке есть синоним русского фразеологизма «вывести на чистую воду» - „jmdm. die Maske vom Gesicht reißen“. Помимо этого, в немецком языке есть фразеологизмы с аналогичной структурой, но иным мотивирующим образом: „etw., jmn. ans Licht bringen“, „etw., jmn. ans Licht ziehen, etw. ans Licht zerren“, „etw., jmn. an den Tag bringen“. На наш взгляд, для сохранения адекватного коннотативного воздействия на

реципиента иноязычной культуры было бы уместнее использовать один из предложенных выше немецких фразеологизмов.

Еще одним примером лексического перевода фразеологизма является перевод «показать кому-либо Кузькину мать».

«Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! *Я ему покажу Кузькину мать!..*» [Чехов 6].

Фразеологизм «показать кузькину мать кому» (груб. прост.) употребляется как выражение угрозы кому-л. Лингвисты пока не смогли точно определить происхождение данного выражения, и существует несколько версий этимологии данного фразеологизма. Одна из теорий утверждает, что в старину Кузькой называли проказливого домового, который выполнял свои обязанности недостаточно хорошо. «Кузькиной матерью» считали его жену, фольклорного персонажа Кикимору. По поверьям, она приносила в дом несчастье. Из-за этого увидеть «Кузькину мать» считалось плохим знаком.

Также существует ещё одна теория, согласно которой выражение могло быть заимствовано из коми-зырянского или удмуртского языка. В этих языках есть слово «кузь», которое означает черта или лешего. В этом случае, фразеологизм «кузькина мать» может быть синонимом выражению «чертова мать». Глаголы «подкозлить» и «подкузьмить», то есть совершить подлость, можно считать родственными этому выражению по происхождению. Синонимами этого фразеологизма в русском языке являются фразеологизмы «показать, где раки зимуют», «задать жару», «преподать урок» и т.д.

В немецком языке нет фразеологического эквивалента этому фразеологизму, но существуют несколько нейтральных фразеологических аналогов, например, „jmdm. zeigen, wo der Hammer hängt“, „jmdm. zeigen, was eine Harke ist, jmdm. zeigen, wo es langgeht“ и фразеологизмов с национально-культурной спецификой: „Mores lehren“, „zeigen, wo Barthel den Most holt“. Все эти фразеологизмы передают значение угрозы, превосходства над оппонентом. Однако Марианна Вибе в своём переводе отдаёт предпочтение лексическому способу перевода. „Wenn ich 'mal so einen Schuften ordentlich bestraft habe, dann wird er schon wissen, was es heißt, Hunde und ähnliches Vieh so herumlaufen zu lassen! *Ich werde ihm schon zeigen!*“ [Tschechow 8].

На наш взгляд, использование в данном примере лексического соответствия обедняет текст перевода, снижает его исходное коннотативное воздействие на читателя, не передает языковую особенность персонажа.

Калькирование или дословный перевод позволяет сохранить уникальность и оригинальность фразеологизма, отражая его истинное содержание, его живой образ.

«Публика выходит из зверинца злая. Ее тошнит, *как от проглоченной мухи*» [Чехов 6].

„Die Zuschauer verlassen wütend die Menagerie. Sie würgen, *als hätten sie eine Fliege verschluckt.*“ [Tschechow 8].

Фразеологизм «точно муху проглотить» выражает идею недовольства чем-либо, раздражения. В немецком языке фразеологизмы с лексическим компонентом «муха» также как и в русском языке имеют отрицательную окраску, поэтому перевод-калька не вызовет сложности в понимании значения фразеологизма. Дословный перевод полностью сохраняет национально-культурную специфику фразеологизма и передаёт его стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску.

Фразеологизм «от лица и глаз его посыпались искры» в предложении: «Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры» [6]. переводчик перевёл следующим образом „Aber bald verzog sich sein ganzes Gesicht zu einem breiten Lächeln; es schien, als sprühten sein Gesicht und seine Augen Funken“ [Projekt Gutenberg 7].

Образ русского фразеологизма является мотивированным, и поэтому калькирование не вызывает трудностей понимания смысла фразеологизма.

Калькирование фразеологизмов – «обоюдоострое оружие» [Влахов 1, с. 195]. Недостатком калькирования является то, что оно не всегда уместно или эффективно для передачи идиоматического значения и особенностей фразеологических единиц. Такой способ перевода может привести к потере смысла или неправильному восприятию переведённой фразы, так как образность и национально-культурная специфика фразеологизмов будут непонятны для носителей другого языка. Поэтому переводчику необходимо уметь находить баланс между буквальным переводом и сохранением идиоматического значения. Он должен учитывать контекст, культурные особенности и целевую аудиторию, чтобы передать точный смысл и эмоциональную окраску оригинальной фразы. Буквальный перевод не возможен при переводе фразеологических срощений.

Еще один прием перевода, встретившийся нам, это образование индивидуального фразеологизма-аналога.

«Когда встречается на улице, таким милым другом прикидывается, скалит зубы и по животу гладит, а теперь, поди-ка, какие **пули отливают!**» [Чехов 6]. Данный фразеологизм переводчик перевёл оборотом „was er für Stückchen macht“. „Wenn er mir auf der Straße begegnet, stellt er sich als guter Freund, lacht und klopft mir auf den Bauch, und jetzt, sieh doch mal einen an, was er für Stückchen macht“ [Tschechow 7]. Такой перевод представляется нам адекватным как в семантическом, так и в коннотативном плане.

Наш анализ практики перевода фразеологизмов с национально-культурной спецификой показал, что их перевод создает большие трудности и требует от переводчика внимательного изучения всех компонентов значения исходного фразеологизма, обращения при необходимости к этимологическим словарям и синонимам, а также анализа контекста употребления фразеологизма. Чем «культурноноснее» и уникальнее фразеологизм, тем труднее найти ему эквивалент.

Наиболее адекватным переводом фразеологизмов с национально-культурной спецификой является перевод фразеологическим аналогом. Фразеологические аналоги могут быть построены по одной фразеологической модели с исходным фразеологизмом или иметь в основе иную фразеологическую модель. Преимущества использования фразеологических аналогов заключаются в том, что последние сохраняют почти весь объем коннотативного потенциала, исключая этнокультурный компонент. Как показал анализ материала, переводчики даже при наличии фразеологических аналогов нередко отдавали предпочтение нефразеологическим соответствиям. Использование нефразеологических приемов перевода фразеологизмов вряд является полноценным, поскольку такой перевод сопряжен с потерями оттенков значения, образности, эмоциональности, оценочности и экспрессивности исходных фразеологизмов.

Список литературы

1. Верещагин Е.М. Язык и культура. Три лингвистические концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1980. – 383 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. -- М.: Издательский центр «Академия», 2001. -- 208с.
4. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода : учеб. пособие для студ. лингв. фак. вузов / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. – Москва : Академия, 2005.

5. Телия В. Н. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

6. Чехов А.П. Большое собрание юмористических рассказов в одном томе / А.П. Чехов. – Москва : Эксмо, 2021. – 832 с.

7. Tschechow A. In der Sommerfrische / A.Tschechow. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 2015. – 502 с.

8. Projekt Gutenberg : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/> – (Дата обращения:27.03.2024)

УДК 81'255.2:821.161.1

Имена собственные в создании портрета русского крестьянина в сборнике рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника» и их перевод на немецкий язык А.С. Элиасбергом

Елена Михайловна Цуканова¹, Полина Николаевна Кузьмина²

¹Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры немецкого языка института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, tsukanova68@mail.ru

²Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, студентка 4-го курса института иностранных языков, Орел, Россия, polina20kuzmina@mail.ru

Аннотация. Основное содержание статьи составляет анализ способов перевода имен собственных с русского языка на немецкий язык. Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения спектра проблем, связанных с передачей в иноязычном тексте культурного компонента значения имен собственных, способных в символической форме отразить особенности национальной культуры. Проведенное исследование дает основания утверждать, что при переводе имен собственных для иноязычного читателя в большинстве случаев необходим комментарий, нивелирующий расхождения кодирования культурной информации в именах собственных у представителей разных лингвокультур.

Ключевые слова: имена собственные, способы перевода, антропонимы, топонимы, праксонимы, мифонимы, демонимы

Proper nouns in creating a portrait of a Russian peasant in the cycle of I.S. Turgenev's short stories "Sketches from a hunter's album" and their translation into German by A.S. Eliasberg

Yelena M. Tsukanova¹, Polina N. Kuzmina²

Oryol State University named after I.S. Turgenev, associate professor of the Department of the German language, Foreign Language Institute, candidate of Philology, Oryol, Russia, tsukanova68@mail.ru

Oryol State University named after I. S. Turgenev, 4th year student of the Foreign Language Institute, Oryol, Russia, polina20kuzmina@mail.ru

Abstract. The main content of the article is the analysis of ways to translate proper nouns from Russian into German. The relevance of the research is caused by the necessity of solving

a range of issues related to the cultural component transmission in a foreign-language text, in particular the meaning of proper nouns being able to symbolically reflect the peculiarities of national culture. The conducted research gives grounds to assert that when translating proper names for a foreign-language reader, in most cases, a commentary levelling out the discrepancies in the encoding of cultural information in proper nouns for representatives of different linguocultures is necessary.

Key words: proper nouns, translation methods, anthroponyms, toponyms, praxonyms, mythonyms, demononyms.

Актуальность решения круга проблем, связанных с вопросами межкультурного взаимодействия в современном мире, развивающегося с невероятной быстротой, и требующего от человека скорейшей адаптации к различным культурам, не теряя при этом собственную национальную идентификацию, неоспорима.

Одним из инструментов культурного сближения народов, взаимодействия и взаимообогащения национальных культур является перевод. Вопрос о том, способен ли переводчик сохранить национально-культурные и духовно-нравственные ценности, отраженные в художественном произведении как феномене той или иной лингвокультуры, остается открытым.

Особую сложность в процессе перевода представляют собой имена собственные, т.к. они являются особой категорией лексики, которая не только отражает культурные и исторические особенности того или иного народа, но и является носителем личностной идентичности. Именно поэтому переводчику приходится сталкиваться с рядом трудностей при транслировании имен собственных в иноязычную культуру, поскольку в процессе межкультурных и межъязыковых контактов имена собственные как пласт национально окрашенной лексики максимально стремятся сохранить свою внешнюю форму и при использовании вне сферы «родного» языка.

Целью данного исследования является описание *способов перевода* имен собственных, создающих, на наш взгляд, портрет «типичного» русского крестьянина 19-го века, из сборника рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника» на немецкий язык А.С. Элиасбергом, а также выявление переводческих решений, оптимально отражающих уникальность имен собственных.

Признаком грубоватой непосредственности, фамильярности и/или доверительности, ласковости у крестьян являлись формы имен с суффиксом

-к/-ка, например, «Ермолка», «Петрушка», «Степушка». Переводчик использует прием транскрипции „Jermolka“, „Petruschka“, „Stjopuschka“, что, на наш взгляд, не передает их стилистическую окрашенность. При переводе данных имен на немецкий язык, возможно, было бы уместнее использовать немецкие уменьшительно-ласкательные суффиксы -chen, -lein.

Проявлением оттенка уважительности у крестьян являлось обращение по отчеству, оканчивающемуся по правилам русского языка на -ович, -евич, -ич. Отчество тургеневского героя «Миняич» переводится А. Элиасбергом также транскрипцией, что «стирает» фамильярность и «простонародность» национальных традиций у крестьян 19-го века.

Довольно редко, как правило, при переходе крестьянина в другую (вышестоящую) социальную группу, к нему обращались по имени и фамилии или по имени и отчеству, высказывая при этом уважение: «В товарище Степушки я узнал тоже знакомого: это был вольноотпущенный человек графа Петра Ильича ***, Михайло Савельев, по прозвищу Туман». Переводчик применяет прием транскрипции „Es war der Freigelassene der Grafen Pjotr Iljitsch, Michailo Saweljew, mit dem Zunamen Tuman (Nebel)“. В данном примере целесообразность применения данной трансформации объяснима: коннотация

«уважительности» объясняется существительным «вольнотпущенный». В этом же примере упоминается прозвище персонажа «Туман», которое не только переводится транскрипцией, но и комментируется переводчиком: дается словарное соответствие данного существительного в немецком языке.

Вообще, именование друг друга по прозвищу, которые обычно отражали «репутацию» крестьянина в сельском сообществе: его внешний вид и физиологические особенности, особенности характера и поведения, является одним из национальных обычаев русского крестьянства.

«Хорь», «Калиныч», «Туман», Сучок» – вот лишь некоторые из крестьянских прозвищ, встречающихся в сборнике рассказов, и мотивация появления которых у персонажей И.С. Тургенева становится понятной лишь по прочтении текста произведения. При переводе на немецкий язык переводчиком использовался прием транскрипции: „Chorj“ „Kalinytsch“, „Tuman“, „Sutschok“, что не отражает, на наш взгляд, глубины семантической наполненности данных прозвищ и ведет к потерям их национально-культурного своеобразия.

«Хорь» получил свое прозвище по созвучию со свободолюбивым животным «хорьком» за то, что отделился от крестьянской общины и стал жить на болоте, а не в деревне.

«Калиныч» – бессемейный, бедный, скромный человек. Любил природу, исцелял людей, ладил с животными, играл на балалайке и пел. Он любил природу. И прозвище у него было косвенно отражающее его натуру: красиво цветущая калина, приносящая горькие плоды, образно отразила жизнь этого крестьянина, у которого нет ни детей, ни жены, не толкового хозяйства.

«Туман», как уже было сказано выше, был вольнотпущенным одного графа. Его история туманна и неизвестна, отсюда прозвище.

Крестьянин «Сучок», вероятно, получил такое прозвище из-за внешнего вида – босой, взъерошенный, худой с желтой кожей, отчего у русского читателя возникает прямая ассоциация с высохшим маленьким суком дерева.

Следующими штрихами в создании образа русского крестьянина являются его набожность с одной стороны, которая в тексте представлена мифонимами-теонимами (именами собственными божеств), и суеверность, вера в «темные» силы, представленные мифонимами-демонимами (именами собственными демонических существ) с другой.

Русский крестьянин часто упоминает Бога в своей речи. По большей части это устойчивые выражения, которые переводятся А. Элиасбергом немецкими фразеологическими эквивалентами: «отпускать с Богом» – „in Gottes Namen laufen lassen“, «ради Господа Бога» – „um Gottes Willen“, «Слава Богу» – „Gott sei Dank“, «Бог даст» – „Gott will“, «Бог с вами!» – „Gott sei mit Ihnen!“

Праксонимы – собственные имена праздников – большей частью представляют названия христианских православных праздников, которые отличаются от подобных им католических и протестантских. При переводе А.С. Элиасберг использовал преимущественно приближенный перевод.

Например, в разговоре двух крестьян:

– «Второй год пошел с Троицына дня»

– „Zu Pfingsten waren es zwei Jahre“,

речь идет о Троицыне Дне, который в православии празднуется в день Пятидесятницы – на 50-й день после Пасхи. Переводчик использует существительное «Pfingsten», однако в западнохристианской традиции в этот день празднуют Пятидесятницу, а сам Троицын День только через 7 дней.

При переводе синонимичного обозначения пасхального дня «Светлое Воскресенье» переводчик использует приближенный перевод „Ostersonntag“, однако

традиции празднования Пасхи также отличаются в православии и католицизме – в православии она празднуется на неделю позже.

«Великий пост» А.С. Элиасберг переводит как „der große Fasten“. Перевод приближенный, т.к. православный пост более жесткий, с большими ограничениями в питании.

Такой праздник, как «Родительская суббота» вообще отсутствует в католицизме. В православии вселенские родительские субботы празднуются перед Троицыным днем и перед Неделей о страшном Суде. Переводчик использовал „Gedächtnis-Sonnabend“, что недостаточно точно отражает суть этой традиции.

Вера русских крестьян в существование «нечистой силы», объяснимая отсутствием ответов на сложные вопросы, представлена у И.С. Тургенева, как уже было сказано выше, мифонимами-демонимами.

«Домовой» – известный русскоговорящим дух-покровитель дома переведен А. Элиасбергом как „Hausteufel“. Однако, «домовой» – в первую очередь добрый дух, покровитель семьи, сохраняющий уют, а у немецкоязычного читателя могут возникнуть мысли о крайне злом духе, приносящем людям только вред за счет компонента „-teufel“. Возможно, переводчику следовало бы использовать слово „Butzemann“, так как он наиболее близок к описанию стереотипного славянского домового.

Подобный пример наблюдается при переводе демонима «Леший», где переводчик использовал в составе сложного слова компонент „-teufel“: „Waldteufel“. Но леший у И.С. Тургенева изображается как нейтральный персонаж. Он может помочь человеку, а может и наказать его за неподобающее поведение, уничтожение леса, поэтому, на наш взгляд, наиболее близок к «Лешему» переводы „Waldmännlein, Moosmännlein“ из немецкой мифологии.

Русалка восточнославянской мифологии отличается от европейской русалки, «морской девы», красивой девушки с рыбьим хвостом, живущей в море. Славянская русалка прячется на ветвях и в траве, это жуткий дух погибшей в воде девушки. Славянская русалка так и переводится, как „Rusalka“, пока европейская это – „Mermaid“ или „Meerjungfrau“, „Seejungfrau“, „Fischweib“. „Nixe“ – это существа, которые также, как и русалки могут выходить на сушу, что больше роднит их со славянским духом, возможно, поэтому переводчик использовал при переводе «Русалка» именно вариант „Nixe“, а не „Meerjungfrau“, как более приближенный перевод.

Не только для отдельных регионов, но даже в отдельных поселениях могут существовать свои уникальные духи и суеверия, и люди ближайших сел вокруг Бежина Луга верили в «Тришку» – так они называли антихриста, вестника Конца Света у русских крестьян. Подобные образы могут и не встречаться в других селах или именоваться по-другому, поэтому одно только имя без контекста не будет понятно и иному русскому человеку. Переводчик применяет метод транскрипции: „Trischka“, что ведет к неизбежному непониманию/недопониманию значения данного имени собственного.

Водяной считается «злым духом», в немецком языке также используется форма „Hastman“ или „Wassermann“, хотя вариант „Wassergeist“, использованный А. Элиасбергом, достаточно точно передает суть. Примером может послужить водный дух «Эльбст» швейцарского озера Зеелисберг.

И.С. Тургенев описывает русского крестьянина с большой любовью и по-доброму подшучивает над ним: «храпит во всю ивановскую», используя устойчивое выражение, в составе которого есть имя собственное-топоним. Существует несколько версий происхождения фразеологизма: 1) на Ивановской площади Московского кремля в старину громко читали царские указы во всеуслышание; 2) на Ивановской площади также иногда наказывались дьяки за взятки, их наказывали, избивая, отчего они громко кричали. Позже данный фразеологизм стал использоваться с другими глаголами, а не

только теми, что описывали крик и голос. Прямой перевод был бы бессмысленным для немецкого читателя, понадобилось бы длинное объяснение происхождения данного выражения, так что переводчик использовал понятный любому читателю вариант: „schnarcht, was er schnarchen kann“, используя описательный перевод.

На основании проведенного нами анализа, можно сделать следующие выводы: применив достаточно широкий круг переводческих трансформаций, таких как транскрипция/транслитерация, приближенный перевод, описательный перевод, использование фразеологических эквивалентов, переводчик частично справился с передачей образа русского крестьянина XIX века, передав его набожность путем перевода фразеологическими эквивалентами с компонентом-теонимом «Бог» и приближенных переводов названий религиозных праздников-праксонимов. Что касается адаптации для немецкоязычного читателя антропонимов-прозвищ и мифонимов-демонимов, то использование А.С. Элиасбергом метода транскрипции, на наш взгляд, привело к частичным потерям национально-культурного своеобразия данного типа русских имен собственных.

Список литературы:

1. Тургенев И.С. Записки охотника [Электронный ресурс] URL: <https://ilibrary.ru/text/1204/index.html>
2. Eliasberg A. Aufzeichnungen eines Jägers [Электронный ресурс] URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/turgenev/aufzeichn/>

Сведения об авторах:

Цуканова Елена Михайловна, доцент кафедры немецкого языка института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; tsukanova68@mail.ru, +79038824048.

Tsukanova Yelena Mikhailovna, associate professor of the Department of the German language, Foreign Language Institute, candidate of Philology, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation, tsukanova68@mail.ru, +79038824048.

Кузьмина Полина Николаевна, студентка 4-го курса института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 303760, Российская Федерация, Орловская область, Должанский район, пгт. Долгое, ул. Солнечная, д.5, кв., polina20kuzmina@mail.ru, +7 (920) 081 72 40

Kuzmina Polina Nikolaevna, Solnechnaya str., 5, sq.1 Oryol region, Dolzhansky district, village. Long, 303760, polina20kuzmina@mail.ru, +7 (920) 081 72 40

СЕКЦИЯ 4: ДИСКУРС И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

УДК 372.87

Курс истории литературы и искусства в дискурсе о телесности

Галина Николаевна Боева

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, доктор филологических наук, Санкт-Петербург, Россия, g_boeva@rambler.ru

Аннотация. В статье представлена концепция освещения категории телесности в ходе преподавания истории литературы и искусства. Намечая методологические стратегии и междисциплинарные переключки и прослеживая основные этапы освоения курса, его автор акцентирует ключевые аспекты телесности в различные эпохи (Античность, Средневековье, Ренессанс, XVII в.). Теоретической основой продемонстрированного подхода послужили идеи зарубежных и отечественных ученых (М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, Р. Якобсон, Г. Л. Тульчинский, У. Эко, Ж. Ле Гофф).

Ключевые слова: телесность, литература, искусство, методология, стиль, каноны красоты, преподавание.

The History of Literature and Art Course in Discourse on Physicality

Galina N. Boeva

St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, Professor in the Department of Advertisement and Public Relations, Dr. of Philological Sciences, St. Petersburg, Russia, g_boeva@rambler.ru

Abstract. The article presents the concept of covering the category of physicality during the teaching of the course of literature and art. Tracing the main stages of the course, the author emphasizes the main aspects of physicality in various eras (Antiquity, Middle Ages, Renaissance, XVII century), outlining methodological strategies and interdisciplinary roll calls. The theoretical basis of the demonstrated approach is built on the ideas of foreign and domestic scientists (M. M. Bakhtin, D. S. Likhachev, R. Jacobson, G. L. Tulchinsky, U. Eco, J. Le Goff).

Keywords: physicality, literature, art, methodology, style, canon of beauty, teaching.

На уровне обыденного мышления духовно-интеллектуальные практики и заботу о телесном принято разводить – такое противопоставление в большой степени обусловлено историческими и религиозными причинами [Баричко 2010]. Однако культурологический и антропологический подходы к *телесному* требуют синтеза духовного и физического начал и настоятельно диктуют пересмотр традиционных воззрений, которые еще дают о себе знать при составлении учебных программ. Замечу также, что в дискурсе о *телесности*, который нас здесь будет интересовать, ее принято отличать от *тела* и интерпретировать, прежде всего, как социокультурный феномен [Цветус-Сальхова 2011]. Все сказанное – обоснование темы, вынесенной в заглавие и связанной с акцентацией *телесного* в курсе по истории литературы и искусства.

Импульсом к предложенному подходу послужило желание учесть ментальные и ценностные установки современного молодого человека, сформированного в условиях

нарциссизма, диктуемого эстетикой массовой культуры, и гипертрофированной телесности постмодерна (Г. Тульчинский). Примечательно, что темы, с которыми студенты выступают на ежегодной научной конференции, неизменно показывают их интерес, прежде всего, к телесной, «чувственной» составляющей культуры и искусства: мода, история костюма, дизайн, имидж, телесные практики (тату и другие виды боди-арта), разнообразные стратегии эмоциональной жизни человека, явленные в их внешнем проявлении. Эту ориентацию студентов нельзя игнорировать и при концептуальной разработке читаемого курса. Некоторые содержательные акценты по поводу *телесного* и методические приемы его репрезентации я собираюсь здесь кратко представить.

Первая же тема курса истории литературы и искусства⁴, связанная с античностью, позволяет поставить тему воплощения телесного в Древней Греции и проблематизировать телесное в дальнейшем развитии искусства. Древнегреческая концепция человека: синтез духовного и физического, эстетизация тела, выработка канонов в его изображении, статичность и др., – та точка отсчета, с которой студенты начинают знакомиться с представлениями о запечатлении человеческого тела в мировом искусстве. Важно обратить внимание на психофизиологический субстрат ключевого в аристотелевской эстетике понятия «катарсис» (очищение души вследствие аффектов страха и сострадания), которое исторически восходит к сакральным практикам и продолжает затем сохранять «терапевтический эффект» [Макуренкова 2007, с. 36].

Знакомство с классификациями видов искусства, в том числе в античности, – прекрасная возможность поговорить о пространственных (пластических, визуальных искусствах), противопоставляя их в свете позднейшей теории Лессинга *временным* (музыке, литературе) и намечая их синтез (театр, балет и др.). При обращении в дальнейшем к современному искусству, активно включающему человеческое тело в разнообразные арт-практики (перформансы, боди-арт и др.), возникнет повод обнаружить в них архаическую (обрядовую или идентификационную) составляющую. Прослеживая вместе со студентами дальнейшие метаморфозы искусства, придется постоянно «оглядываться» на античность и подмечать изменения в подходе к визуализации человеческого тела и отношении к телесному.

Так, средневековое искусство и литература продемонстрируют студентам двойственное отношение к телу: с одной стороны, аскетизм, характерный для эпохи христианства, а с другой – обусловленную христианской же доктриной веру в возможность воссоединения души с телом (об этом пишут Ж. Ле Гофф и Н. Трюон в «Истории тела в средние века»). Изменение телесных практик по сравнению с античными наглядно представлено в почти полном табу на изображение обнаженного тела, переносе внимания с тела на лицо (расцвет портрета как жанра). Для студентов-аудиовизуалов замечательным «пособием по Средневековью» служит паблик «Страдающее Средневековье», в котором в формате интернет-мемов в игровом, смеховом ключе реконструируются дух и атмосфера этой эпохи. Теоретической основой для восприятия мемов о Средневековье, конечно, послужит теория карнавальской культуры М. М. Бахтина, книга которого о творчестве Рабле к тому же – прекрасная иллюстрация гротеска и гротескового тела (без цитирования романа о Гаргантюа и Пантагрюэле здесь не обойтись).

Переход в изучение следующего раздела: искусство Ренессанса в западноевропейском искусстве и литературе, – возможность сформировать у студентов устойчивое представление о подвижности, относительности канонов красоты в искусстве. На формирование этих представлений направлено практическое занятие

---

⁴ В названии дисциплины, содержащем логическую ошибку, ощутимо наследие ушедшей эпохи литературоцентризма.

«Каноны красоты: от древности до современности». Основной источник для подготовки к нему – энциклопедия У. Эко «История красоты», дающая наглядное представление о динамике эталонов красоты и их репрезентации в искусстве.

XVII столетие – переходное в том числе и в эстетическом отношении – привносит в искусство красоту неправильного, асимметричного, и это открытие в исторической перспективе сыграет огромную роль в судьбе как искусства, так и повседневных практик. Барочная эстетическая революция в какой-то степени станет провозвестником философии бодипозитива, победившей в наше время. Кстати, сопоставление искусственности / естественности в телесных практиках, вдохновленных предельно противоположными эстетическими установками (например, рокайльный стиль – и набирающая обороты тяга современности к экостилю) – возможность разомкнуть разговор в социокультурную актуальность.

Теоретической основой для многих сделанных в аудитории наблюдений о телесности служат мысли Д. С. Лихачева о «стиле эпохи», смыкающиеся с идеями структуралистов и семиотиков (Р. Якобсон, Ю. М. Лотман), которые показали, что все виды искусства и сферы человеческой жизни, объединяясь, образуют сеть конвенций. Как писал Якобсон, «проблемы барокко или любого другого исторического стиля выходят за рамки отдельных видов искусства» [Якобсон 1975, с. 194]. С опорой на эти идеи, демонстрируя презентации с иллюстративным материалом, можно убедить студентов в существовании некоего художественного кода, доминирующего в ту или иную эпоху и определяющего, в том числе, и телесные практики.

Внимательное чтение реалистического романа уже в пространстве XIX века (разумеется, в аудитории можно позволить себе лишь общее методологическое руководство к такому чтению и демонстрация примеров) показывает, как многообразна функциональность деталей художественного текста, представляющих собой репрезентацию модного аксессуара / предмета гардероба. Через *телесность* героя транслируются самые разнообразные культурные смыслы: «модная деталь» способна помогать обрисовке психологического состояния героя и его социального статуса, передавать авторские идеи, участвовать в сюжетообразовании, а также становиться метонимическим субститутом героя или символом, поддающимся самым разнообразным интерпретациям, включая фрейдистские [Боева 2020, с. 149–150].

Столь же многообразные смыслы вскрываются при интерпретации портретов героев художественных произведений в разных стилевых формациях (романтизм, реализм и др.) – и классическая литература дает множество примеров для реконструкций этой *телесности*, обусловленной литературной модой и контекстом эпохи.

Наконец, материал искусства и литературы XX и XXI вв. поистине неисчерпаем в разнообразных стратегиях репрезентации *телесного*: от акмеистской вещности до предельного натурализма, от изысканного ретроспективизма до авангардных практик, от шокотерапии постмодернизма до консьюмеристских фантазмов массовой культуры.

Итак, изучение курса истории литературы и искусства можно построить как увлекательное «путешествие во времени» с реконструкцией доминирующих кодов тела и телесности.

Список литературы

1. Баричко Я. Б. Три типа телесности культуры // Челябинский гуманитарий. 2010. № 3 (12). С. 97–102.
2. Боева Г. Н. От малинового берета до шведских перчаток: семантика модных аксессуаров в художественном тексте // Международные коммуникации в индустрии моды: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Н. Н. Гордиенко. – СПб.: ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2020. С. 144–150.

3. Макуренкова С. Катарсис: к первоосновам понятия // Катарсис: метаморфозы трагического сознания /сост. и общ. ред. В. П. Шестакова. – СПб.: Алетейя, 2007. С. 33–50.

4. Цветус-Сальхова Т. Э. «Тело» и «телесность» в культурологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 70–73.

5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Сведения об авторе:

Боева Галина Николаевна; доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Б. Морская, д. 18; g_boeva@rambler.ru.

Boeva Galina Nikolaevna; Dr. of Philological Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, B. Morskaya st., 18, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; g_boeva@rambler.ru.

УДК 811.161.1'367

Средства связи в сложноподчинённых предложениях изъяснительного типа в романе И. С. Тургенева «Накануне»

Тамара Григорьевна Ефимова

Орловский государственный университет, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, Орёл, Россия, efimovat4m@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются средства связи, используемые в сложноподчинённых предложениях изъяснительного типа в романе И. С. Тургенева «Накануне». Приводятся союзы, союзные слова и корреляты, формирующие изъяснительные предложения в указанном произведении. Указывается частота их употребления в романе. Отмечается добавочное значение, которое союзные слова вносят в предложения.

Ключевые слова: сложноподчинённое предложение изъяснительного типа, средства связи, союз, союзное слово, коррелят.

Means of Connection in Nominal Complex Sentences In I. S. Turgenev's Novel "On the Eve"

Tamara G. Efimova

Orel State University named after I. S. Turgenev, associate professor, the Institute of Philology, candidate of philology, Orel, Russia, efimovat4m@jandex.ru

Abstract. The article discusses means of connection in nominal complex sentences used in I. S. Turgenev's novel "On the Eve". It treats conjunctions, connectives and correlates which form mentioned piece of work. It points out the frequency of their usage in the novel. It notes additional meanings which connectives bring into the sentences.

Key Words: nominal complex sentence, means of connection, conjunction, connective, correlate.

Одной из ранних по своему образованию синтаксических единиц является сложноподчинённое предложение (далее СПП) изъяснительного типа (с изъяснительным придаточным). Впервые этот тип предложений выделил В. А. Богородицкий [Богородицкий 1935, с.232].

СПП изъяснительного типа имеют нерасчленённую структуру. В них придаточное предложение распространяет слово или сочетание слов главного предложения и присоединяется при помощи союзов или союзных слов, которые вносят добавочные значения.

Рассмотрим, какие основные средства связи в СПП изъяснительного типа использует И. С. Тургенев в романе «Накануне».

В указанном произведении 307 СПП изъяснительного типа. Чаще всего придаточное в них присоединяется союзами. Так, союз *что* составляет 87,9%: *Ты вспомни, **что** ты теперь имеешь полное право отдыхать*. Ещё А. М. Пешковский характеризовал этот союз как самый употребительный союз русского языка [Пешковский 1956, с.483]. Наши данные подтверждают точку зрения учёного.

Второе место по частотности занимает союз-частица *ли* (6,7%). Это средство связи придаточного предложения с главным придаёт оттенок неуверенности, сомнения, вносит значение вопросительной модальности: *... он уже любил настойчиво поспорить, например, о том, можно **ли** человеку в течение всей своей жизни объездить весь земной шар...; Скажите, встретились **ли** вы с тем человеком...; ...бог знает, хорошо **ли** это будет; Я боюсь, не слишком **ли** здесь холодно для тебя*.

И. С. Тургенев редко употребляет в романе «Накануне» союзы *чтобы* (*чтоб*) и *как*. Их частотность составляет 1,8%: *Сейчас вы говорили мне, **чтоб** я не глядела в вашу сторону; Катя её ненавидела и всё говорила о том, **как** она убежит от тётки*. Хотя изъяснительный союз *чтобы* был зафиксирован ещё в памятниках 13 в. [Срезневский 1958, стлб. 1579], он не получил широкого распространения в современном русском языке. Союз *чтобы* присоединяет придаточные цели, вероятно, поэтому редко встречается в предложениях изъяснительного типа. Союз *как* близок по модальности и семантике союзу *что*. Однако отличается оттенком качественно-обстоятельственного значения, которое всегда присутствует в союзе как: *Да, а теперь я вам рассказал, **как** нехорошо отворачиваться*.

Единичными случаями в романе представлены СПП изъяснительного типа, в которых придаточное присоединяется к главному предложению союзами *будто* (*бы*), *когда*, *пока*, *если*: *Ходили тёмные слухи, **будто бы** несколько лет тому назад море, после сильной бури, выкинуло на берег гроб, в котором нашли труп мужчины...; А вы всё-таки дайте мне знать, **когда** он вернётся; Она уложила его в постель и, дождавшись, **пока** он заснул, тихонько вернулась к окну; Ей было приятно, **если** у ней сидел гость и рассказывал что-нибудь...*

Союзы *когда*, *пока*, *если* находятся на периферии средств связи в СПП изъяснительного типа. Союзы *когда*, *пока* вносят добавочное значение времени, а союз *если* вносит добавочное значение условия. Союз *будто* (*бы*) вносит оттенок сомнительности, недостоверности, поэтому не может присоединять придаточное к опорным словам со значением знания, понимания, памяти (*знать*, *понимать*, *помнить* и под.), а эти слова очень часто употребляются в главном предложении СПП изъяснительного типа. Взаимодействуют с отдельными группами опорных слов и союзы *когда*, *пока*, *если*. Так, союз *пока* присоединяет придаточные изъяснительные только к

опорному слову *ждать* и производным от него, союз *если* взаимодействует с опорными слова со значением чувства, внутреннего состояния.

В романе «Накануне» в качестве средств связи придаточного изъяснительного с главным используются союзные слова. Их частотность составляет 27,7% от общего числа СПП изъяснительного типа, встретившихся в романе. Вероятно, это связано с тем, что союзные слова употребляются в других типах придаточных и вносят в изъяснительные предложения дополнительные оттенки значения.

Чаще всего употребляется союзное слово *что* (52,7%): *Он не знал, **что** сказать ей.* Оно сосредоточивает внимание на объекте действия.

Союзное слово *как* указывает на характер действия, качество действия, способ его совершения или на степень признака: ... *а вы знаете, **как** она дорожит малейшим знаком внимания с вашей стороны; Посмотри, **как** эти поля горячо блестят на солнце; ... да и где ж было ей, дочери какого-нибудь бергамского пастуха, знать, **как** одеваются парижские камелии!* Частота употребления союзного слова *как* составляет 9,5%.

Союзное слово *какой* встречается чуть реже (9,4%). Оно употребляется как в именительном падеже, так и в косвенных падежах, указывает на качество, признак предмета. Может быть любого рода. Используется в вопросительных предложениях: *А знаешь, брат, **какое** удивительное обстоятельство? А знаете ли вы, с **какою** целью он учится?*

Присоединяет изъяснительные придаточные в романе «Накануне» союзное слово *отчего* (5,4%). Оно вносит дополнительный оттенок причины: *Никогда не будешь ведать, **отчего** она грустит...*

Другие союзные слова (*чей, кто, зачем, куда, почему, сколько, где*) представлены единичными примерами: *Она сама не знала, **чьё** это орудие ... так сладостно билось и таяло в её груди; Я подумал, **кто** его знает, умрёт, того и гляди...; ... и никто не знал, **зачем** он улыбается; ... не изволите знать, **куда** Елена Николаевна отлучиться изволят; Я хотел только объяснить, почему природа, по-твоему, так на нас действует; Позвольте узнать, ... **сколько** вы платите за вашу дачу? «Знаю я, **где** счастье... Хочешь скажу?»*

Одним из лексико-грамматических средств подчинения в СПП изъяснительного типа являются корреляты (указательные слова). Они служат показателем несамостоятельности главного предложения, структурно оформляют его, усиливают связь придаточного с главным, делают её более тесной и служат для привлечения внимания к придаточному, актуализируют его. С семантической точки зрения корреляты лишены какого бы то ни было содержания, со структурной точки зрения они являются облигаторными (обязательными) или факультативными.

В романе «Накануне» И. С. Тургенев редко употребляет корреляты в СПП изъяснительного типа. Они составляют 8,5%. Частотность облигаторных и факультативных коррелятов одинакова: *Кончится **тем**, что я буду всё смеяться; И ведь забавно **то**, что она точно его дочь...*

Облигаторные корреляты конструктивно необходимы. Их пропуск невозможен. При факультативном употреблении коррелятов можно опустить, не нарушая целостности СПП.

Облигаторность коррелятов в романе «Накануне» наблюдается:

1) при наличии в главном предложении частиц *только, уж*: *Она удерживала их **только тем**, что посмеивалась; Каждый из нас виноват **уж тем**, что живёт;*

2) когда коррелят входит в состав неразложимого сочетания (*состоять в том*): *Фрондёрство Николая Артемьевича **состояло в том**, что он услышит, например, слово «нервы» и скажет: «А что такое нервы?»;*

3) если опорное слово лексически не допускает изъяснительного придаточного, прикреплённого к нему непосредственно, например, глагол *кончить* (*кончат*): ... *она то и дело влюблялась и кончила тем, что в пятидесятом году вышла замуж за какого-то офицера*;

4) придаточное выступает как однородный член к дополнению или подлежащему главного предложения и связывается с этим однородным членом посредством конкретизации коррелята: *Она начала говорить ему о Шубине, о Курнатовском, о том, что она делала в течение двух последних недель...*;

5) если опорное слово имеет значение чувства, состояния: ... *особенно больно ей было то, что он однажды обманом подарил своей немке пару серых лошадей с её, Анны Васильевны, собственного завода*.

В романе «Накануне» И. С. Тургенев использует корреляты главным образом в изъяснительных конструкциях с союзами *что, как, чтобы, ли*, а также с союзным словом *что*: *Он мог окончательно убедиться в том, что Инсаров никогда не откладывал исполнения данного обещания; И вы только для того, чтобы мне это сказать...? Он старался дать самому себе отчёт в том, нужно ли ему заняться Фейербахом; Но я рада тому, что случилось*. В предложениях с другими средствами связи корреляты в романе не встречаются.

Можно предположить, что стилистическая окраска книжности конструкций с коррелятами мешает их частотности.

Таким образом, в романе И. С. Тургенева «Накануне» ведущим средством связи частей СПП изъяснительного типа являются союзы. Они составляют 72,3%. Не встречаются союзы *что будто(бы), как будто(бы)*, у которых элементы *как и бы* являются избыточными. Это обусловлено тенденцией к экономии языковых средств

Список литературы

1. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. – 5-е изд., перераб. – М. – Л.: Соцэкгиз, 1935, 354 с.
2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956, 511 с.
3. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. – М.: Наука, 1958, т. III, 1968 с.

Сведения об авторе:

Ефимова Тамара Григорьевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, 41; efimovat4m@jandex.ru

Efimova Tamara Grigorjevna; candidate of philology, associate professor, Orel State University named after I. S. Turgenev, the Institute of Philology, Komsomolskaya st., 41, Oryol, 302028, Russian Federation; efimovat4m@jandex.ru

УДК 81'282.2

Комментарии к слову *мальность* в стихотворной строке Бориса Пастернака

Виктор Шетэля

Московский городской педагогический университет, доцент Дирекции образовательных программ, кандидат филологических наук,

Москва, Россия, e-mail: szetela@.ru

Аннотация. Темой статьи является термин *мальпост*, обозначающий «способ путешествия почтовой каретой во времена до постройки железных дорог». Лингвокультурологический комментарий потребовал использование термина *мальпост* в поэтической строке Б. Пастернака по причине не только самого факта его употребления, но и по причине особых оттенков, которые заложены поэтом в поэтической строке посредством этой единицы.

Ключевые слова: иносказательный смысл, литературный источник, поэтический текст, словари, стихотворная строка.

Comments on the word *malposte* in a line of poetry by Boris Pasternak

Victor Szetela

Moscow City Pedagogical University, associate professor of the Directorate of Education Programs, candidate of Philology, Moscow, Russia, szetela@mail.ru

Abstract. The topic of the article is the term *malposte*, which refers to a method of traveling by mail coach in the days before the construction of railways. Linguistic and cultural commentary required the term *malposte* in the poetic line of B. Pasternak due not only to the very fact of its use, but also because of the special shades that the poet incorporated into the poetic line through this unit.

Keywords: allegorical meaning, literary source, poetic text, dictionaries, poetic line.

Слово *мальпост*, *мальпочта* от франц. *malle-poste* употреблялось в словарях в XIX веке в значении «почтовая карета» [Гавкин 1912, с. 358]; «почтовая карета (до проведения железных дорог), перевозившая пассажиров и лёгкую почту» [Лёхин 1955, с. 420].

Этот тип путешествия использовался «до проведения железных дорог», строительство которых началось с середины XIX века; их масштабное строительство и совершенствование продолжается до нашего времени. Н. А. Добролюбов отметил этот способ передвижения: «Приехали мы в мальпосте» [Добролюбов 1963, с. 189]. М. Е. Салтыков-Щедрин также отметил: «В день отъезда я один приехал проводить его на дебаркадер мальпостов (железная дорога до Москвы еще не существовала)» [Щедрин 1951, с. 425].

Вероятно, заметка в «Опыте фразеологического словаря» М. И. Михельсона о пожарских котлетах указывает на мальпочты между Петербургом и Москвой, в которых можно попробовать это блюдо. «Пожарские котлеты славились во время путешествий в мальпочтах между Петербургом и Москвой – с остановкой в Торжке» [Михельсон 1904, с. 67]. Здесь термин *мальпочта* употребляется в значении не почтовой кареты, а дебаркадера, а в нашем понимании – станции, из которой почтовые кареты отправляются в путь. Это было, все же, время путешествий почтовой каретой на конной тяге.

Существовал «поэтапный», «составной» способ путешествия: сначала по железной дороге, а когда «железка» кончалась, то выручал мальпост – путешествующий мог продолжить путь конной каретой.

Путевые записки видных российских путешественников, таких как П. А. Вяземский показывают, что при существовании железных дорог путешествие по ней могло осуществляться, скажем, только из Петербурга до Луги, а далее до Кенигсберга уж только мальпостом, т.е. почтовой каретой. «Август 3. Вчера выехали из Петербурга,

после обеда, по железной дороге до Луги и в мальпост до Кенигсберга» [Вяземский 1886, с. 211].

Возможно, что мальпосты существовали и в более близкое к нам время, примерно до первой половины XX века. Во всяком случае, стихотворная строка Бориса Пастернака, созданная им в 1931 г., содержит указание на этот способ путешествия почтовой каретой. Возможно, что употребленные поэтом в его стихотворной строке термины *мальпост* и *дилижанс* несут некий иносказательный смысл, хотя гужевое средство передвижения на довольно длительные расстояния могло быть в ту пору (1931 г.) вполне реальным делом.

Можем ли в строке Б. Пастернака увидеть иронические оттенки в отживших на сегодняшний день понятиях?

Употребленное слово *дилижанс* имеет отношение к характеру жизнь, которая как раз напоминает *тряский дилижанс*. Б. Пастернак задает себе вопрос: «Опять бежать и спотыкаться, Как жизни тряский дилижанс?» [Пастернак 1989, с. 406]. Но слово *мальпост* далее употреблено уже без вторичных каких бы то ни было значения. «Опять в сырую ночь в мальпосте Проездом в гости из гостей Подслушать пенье на погосте Колес, и листьев, и костей» [Пастернак 1989, с. 407]. Здесь видим реальное путешествие каретой.

Возможно, данный материал обогатит своим содержанием курс Русского языка как иностранного (РКИ) для иностранных студентов, обучающихся в гуманитарных вузах России.

Список литературы

1. Вяземский П.А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений Князя П.А. Вяземского. Издание Графа С.Д. Шереметева. СПб., 1886. Т.Х. С.211.
2. Гавкин И.И. Краткий словарь иностранных слов. СПб., Киев, Харьков, 1912. 745 с.
3. Добролюбов Н.А. Внутреннее обозрение // Добролюбов Н.А. Собрание сочинений в девяти томах. М., Л.: Худож. лит., 1963. Т. 7. С. 161- 200.
4. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. СПб., 1904. Т. 2. С.67.
5. Пастернак Б. Л. Собрание сочинений. В 5-ти т. Стихотворения и поэмы 1912 – 1931. М.: Худож. лит, 1989. Т.1. С. 406-407.
6. Словарь иностранных слов / под ред.: И.В. Лёхина и Ф.Н. Петрова. М., 1955.
7. Щедрин Н. (М.Е. Салтыков), Мелочи жизни // Щедрин Н. (М.Е. Салтыков), Собрание сочинений. М.: Правда, 1951. Т. 11. С.145-450.

Сведения об авторе:

Шетэля (Szetela) Виктор, кандидат филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, 129226, Российская Федерация, Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д.4, к.1; e-mail: szetela@ru

УДК 81:159.955+37.025.7

Исследование концептуальных метафорических моделей на уровне микросистемы как способа отражения индивидуально-авторского осмысления и виртуализации действительности

Лариса Валентиновна Калашникова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, профессор кафедры английского языка института иностранных языков, доктор филологических наук, Орел, Россия, ikalashnikova@inbox.ru

Аннотация. Статья освещает результаты исследования концептуальной метафорической модели в поэтическом тексте. При помощи когнитивно-дискурсивного анализа выявлены и описаны метафоры, образующие частные метафорические модели, инкорпорированные в базовую концептуальную метафорическую модель и составляющие концептуальную матрицу с набором семантических признаков. Сделан вывод об эффективности исследования концептуальной метафорической модели, репрезентированной и вербализованной в поэтическом тексте на уровне микросистемы, т. к. проявляется специфика и уникальность использования метафорических единиц автором при создании художественных образов, его идиостиль, происходит трансформация значений, проявляется аксиологическая составляющая индивидуально-авторской метафоры и т. д.

Ключевые слова: сознание, метафора, метафорическая модель, концептуальная картина, концептуализация, сенсорная репрезентативная система, когнитивные структуры, микросистема.

The study of conceptual metaphorical models at the microsystem level as a way of reflecting the individual-author's comprehension and virtualization of reality

Larisa V. Kalashnikova

Oryol State University named after I. S. Turgenev, professor of the English Language Department, Foreign Language Institute, Professor of Philology, Oryol, Russia, ikalashnikova@inbox.ru

Abstract. The article highlights the results of the study of the conceptual metaphorical model in the poetic text. By means of cognitive-discourse analysis the metaphors forming private metaphorical models incorporated into the basic conceptual metaphorical model and constituting a conceptual matrix with a set of semantic features are revealed and described. The conclusion is made about the effectiveness of the study of the conceptual metaphorical model, represented and verbalized in the poetic text at the level of microsystem, because the specificity and uniqueness of the author's use of metaphorical units when creating artistic images, his idiosyncrasy, the transformation of meanings, the axiological component of individual-author metaphor is manifested.

Keywords: consciousness, metaphor, metaphorical model, conceptual picture, conceptualization, sensory representational system, cognitive structures, microsystem.

Человеческое мышление оперирует многочисленными ментальными когнитивными структурами, включающими множественные метафорические структуры, которые составляют основу индивидуального ментального опыта. Комплексное

исследование базовой концептуальной метафорической модели в процессе моделирования фрагмента индивидуально-авторской картины мира на уровне микросистемы и способов ее вербализации представляется весьма актуальным. Наряду с фундаментальными исследованиями [Баранов 2003, с. 73–94], [Скребцова 2018]; [Чудинов 2003], [Fauconnier, Turner 1998, p. 133–187], [Lakoff, Johnson 1980, p. 195–208] в рамках изучения метафоры как феномена сознания, особое внимание акцентируется на ее смысломоделирующих возможностях [Bundgaard 2019, p. 2019–2010]; [Holyoak, Stamenković 2018, p. 641–671]; [Johansson, Okonski 2023, p. 1–22]; [Kövecses 2020, p. 112–130].

В процессе когнитивно-дискурсивного анализа поэтического протизведения Дж. Китса «На Море» на английском языке (Keats J. “On the Sea”») [Keats 2009], была выделена и исследована базовая метафорическая модель «море», являющаяся элементом концептуальной картины авторского восприятия действительности.

Образ моря – неоднозначный образ. В самом обыденном понимании, море – объект природы, часть мирового океана, большое водное пространство с горько-соленой водой, обособленное сушей и имеющее подводный рельеф. Образ моря воспет в живописи, танце, музыке, художественной литературе. Достаточно всего лишь задуматься о том, что такое «море» для каждого из нас, и сразу в сознании всплывает масса образов, эмоций и ощущений. Концепт «море» воплощает совокупность знаний, заложенных в когнитивные структуры человеческого эмоционального опыта: человеческих страстей, сменяющих друг друга как морские штормы и штили. Для Дж. Китса море – мистическая и непредсказуемая сила, с одной стороны, несущая разрушения и горе, а с другой – излучающая нежность и трепетную заботу.

Сонет начинается с местоимения “It”: “*It keeps eternal whisperings around*” [Keats 2009], которое автор намеренно использует для первичной номинации объекта, давая возможность читателю поразмышлять, о чем идет повествование. Понятийная категория одушевленности, отражающая разделение человеком окружающего мира на «живое» и «неживое», получает в языке лексическое и грамматическое выражение. Несмотря на то, что данная категория является отражением реальных отношений между живыми и неживыми объектами, отнесение существительных к живым или неживым в рамках этой категории в разных языках отличается.

Особое положение в определении этой категории занимает английский язык, потерявший с течением времени морфологические средства выражения категории рода. Выражаемые в языке значения образуют единую систему взглядов, которой все носители языка овладевают и пользуются на когнитивном уровне [Кряжевских 2008, с. 158–162]. Стереотипные знания об окружающей действительности хранятся в виде строго иерархически организованного каркаса, который при появлении новой ситуации адаптируется субъектом к этой новой ситуации. Человек на когнитивном уровне имеет обобщенное представление действия, ограниченное определенными обстоятельствами, в которых предмет (даже если он неодушевленный) воспринимается как инициатор действия. В структуре предложения он – подлежащее, связанное со сказуемым и активно преобразующее внешнюю среду [Кряжевских 2008, с. 158–162].

Дж. Китс, избегая прямой номинации объекта, через совокупность семантических признаков идентифицирует и характеризует референт номинации (море), создает его метафорический образ, выражает свое субъективное отношение к описываемому объекту, ценностные установки, отражая индивидуальный (авторский) процесс осмысления и виртуализации действительности и знаний о ней.

Наши знания о мире отражаются и закрепляются в речевых номинациях. Конкретный предмет, явление действительности характеризуется целой системой свойств, связей, образующих в сознании сложное представление о предмете или

явлении. Выбор речевой номинации определяется рядом факторов: «стилем повествования, количеством содержащейся в значении имени информации, логико-синтаксической структурой предложения, его коммуникативной функцией, фондом общих знаний, местом данного сообщения в тексте, ситуацией общения, т.е. прагматическим аспектом речи, этическими нормами, принятыми в данном обществе» [Арутюнова 1977, с. 188]. Соответственно, выбор единицы номинации обусловлен актуальной коммуникативной функцией.

В исследуемом тексте выявлен ряд языковых единиц, способных именовать объект (денотат) действительности, так называемая семантическая парадигма, в пределах которой семантические различия проявляются в разном соотношении идентифицирующей и характеризующей функции [Арутюнова 1977, с. 188–206]. Образ именуемого объекта собирается из совокупности признаков, идентифицирующих пространство локализации объекта.

Для характеристики действия объекта используется многозначный глагол “keeps”, реализующий конкретное семантическое значение в зависимости от синтаксической позиции: *“It keeps eternal whisperings around”* [Keats 2009].

Значение глагола “keep” (хранить) “to have or continue to have in your possession” [Cambridge Dictionary] предполагает наличие материального объекта, на который направлено действие. В сочетании с “eternal whisperings” глагол “keep” приобретает метафорическое значение.

Кроме того, глагол “keep” имеет статус фразового глагола в сочетании с наречием “around”: “keeps... around Desolate shores” и указывает на место нахождения объекта.

Дж. Китс, используя метафору, передает «голос» моря “eternal whisperings”. Словарная статья определяет “whispering” как “a way of speaking very quietly, using the breath but not **the voice**, so that only the person close to you **can hear** you” [Cambridge Dictionary]. Объект номинации (море) воспринимается Дж. Китсом как одушевленный: он дышит, шепчет. Шепотом сообщают самые сокровенные секреты и тайны надежному собеседнику или близкому человеку. Форма множественного числа говорит о том, что их было очень много. Метафорические отношения позволяют идентифицировать первичные признаки объекта действительности и соответствующий концепт в сознании создателя сонета.

Принимая во внимание данный факт, можно сделать вывод о доминирующей аудиальной сенсорной репрезентативной системе Дж. Китса, на основе которой создается аудиальный метафорический образ звучащего моря. Шум моря ассоциируется с шепотом набегających волн, увлекающих в морскую бездну миллиарды песчинок.

Следующий признак моря – могучие вздымающиеся волны “its mighty swell”. Оно оживает: “swell” в сочетании с прилагательным “mighty” приобретает метафорический смысл. “Mighty” объясняется как “very **large**, powerful, or important” [Cambridge Dictionary]. При сравнительно-сопоставительном анализе очевидно, что оба слова “mighty” – “swell” имеют общий семантический компонент “**large**”: “big in size or amount” [Cambridge Dictionary [http](http://)]. Создается динамичный визуальный метафорический образ моря, передающий огромные размеры, мощь и силу. Мы не только слышим, но и видим море. Оно живое: двигается, дышит, вздымая свои могучие волны.

В строках “Gluts twice ten thousand Caverns,” “Gluts” и “Caverns” – архаизмы (XIV в.). Слово “Glut(s)” появилось из старофранцузского “glotir”, латинского “glutire/gluttire” (глотать, заглатывать, поглощать) [Online Etymology Dictionary]. История происхождения “Cavern(s)” (пещеры, большая, естественная пещера под землей) уходит корнями в старофранцузский язык. “Caverne” (XII в.) – «пещера, свод, погреб», заимствовано из позднелатинского “caverna” (пещера), от латинского “cavus” (пустота),

от корня “keue-“ «вздвигаться», также «свод, отверстие». В древнеанглийском такая особенность земли могла называться “eordscraef” – “a cave for burial, tomb, grave”.

Глагол “gluts” используется метафорически “(It)... **Gluts** twice ten thousand Caverns” и приобретает отрицательную коннотацию. Море похоже на сказочного великана или голодного разъяренного ненасытного зверя, заглатывающего добычу. Признак – агрессия, жестокость. Объект определяется мультипликативным числительным, несущим особую эмоциональную нагрузку “twice ten thousand Caverns”.

Создается метафорический образ разгневанного моря, которое проглатывает пещеры. Согласно мифам и преданиям, пещеры связаны с таинственными памятниками, местами захоронения. Считалось, что пещера – это вход в иной мир, связанный с таинством перехода человека в подземное царство смерти. Разгневанное безжалостное море набрасывается на пещеры, скрывая под толщей воды хранимые ими тайны.

Добавляется новый признак – способность к переживанию эмоций: море агрессивно и опасно. Его могли усмирить только чары богини Гекаты – богини мрака, подземного царства, луны, покровительницы жизни и смерти, магии и колдовства: “*till the spell Of Hecate leaves them their old shadowy sound*” [Keats 2009], воплощающей триединство стихий, повелевающей приливами и отливами. Метафора “old shadowy sound” показывает, как укрощенное море снова возвращается в свое прежнее спокойное состояние, когда едва различим его призрачный шепот.

Дж. Китс создает красивую аллюзию на переменчивое настроение моря: штормы и сменяющие их штили. Несмотря на суровый нрав моря поэт восхищается тем, насколько море может быть нежным и ласковым: “... in such **gentle temper** found...”. Эмоциональная нестабильность моря ощущается за счет смены залоговости глагольных форм и инверсии. Если глаголы “keeps, glots” употреблены в форме активного залога, имплицитно агрессии моря, то состояние покоя и умиротворения представлено формами пассивного залога: “is...found, will...be moved from”.

Поэт, акцентируя особое внимание на противоречивом характере моря, создает развернутую метафору «нежного, ласкового и спокойного моря». Дж. Китс рисует трогательную картину: на берегу после шторма, шквалистых ветров осталась маленькая ракушка, и море, едва касаясь, оберегает ее.

That scarcely will the very smallest shell

Be moved for days from where it sometime fell.

When last the winds of Heaven were unbound [Keats 2009].

Это – момент смысловой инверсии, которая делит сонет на две логически противопоставленные части. Дж. Китс для особой выразительности и передачи своих эмоций использует эмфазу – экспрессивную синтаксическую конструкцию. Нарастивая прагматический потенциал высказывания, автор акцентирует переменчивость настроения моря: “scarcely ...will ...be moved”.

Для полноты художественного образа Китс гиперболизирует ласковый характер моря. Достаточно всего лишь слабого дуновения ветерка, легкого набега волны, и маленькая ракушка “the very smallest shell”, в действительности очень легкая, отправится в путешествие по волнам.

В строке “*When last the winds of Heaven were unbound*” глагол “unbound”, имеющий значение “to release someone or something from a rope, string, etc. that has been tying him, her, or it up” [Cambridge Dictionary], используется метафорически в сочетании с другой метафорой “the winds of Heaven” (ветры Небес).

Слово «Небеса» в отличие от нейтрального «небо» стилистически окрашено и написано с заглавной буквы. Это не только небо в его физическом понимании, но и бесконечное продолжение Вселенной. В религиозном представлении – это обитель Бога, место, куда попадают души праведников после смерти. Ветры Небес находились в

подчинении Бога и были персонифицированы в греческой мифологии, т. к. стихия ветра – самая сильная стихия. Следует отметить семантическую оппозицию двух мощных стихий: море (вода) и небеса, определяющую границы пространства.

Китс переходит к характеристике следующего признака. Поэт, прерывая свои рассуждения, использует апострофу – риторическое восклицание-обращение к воображаемому лицу, слушателю: “Oh, ye!”, отдавая дань лирическому жанру, при котором восторженное чувство повествования сопровождается размышлениями о своих переживаниях, эмоциональном состоянии, душе. Особая патетика достигается за счет анафорического повтора архаичного “ye” (“Oh, ye!”) – устаревшей формы местоимения 2-го лица “þu” (см. “thou”) в именительном падеже множественного числа в начале предложений, образующих параллельные конструкции. Высказывания приобретают особую торжественность и динамичность.

Дж. Китс пытается убедить в могучей и загадочной силе моря, которое не только разрушает, но и исцеляет:

*Oh, ye! who have your eyeballs vexed and tired,
Feast them upon the wideness of the Sea* [Keats 2009].

Китс в первый раз называет объект номинации, к которому он испытывает особые эмоции, персонифицируя его. Слово “Sea” написано с заглавной буквы, что можно расценивать как сигнал завершенности образа моря, проявляющегося в целостности и совокупности его признаков. Глагол «feast» используется метафорически в значении “something that is very enjoyable to see, hear, experience, etc.” [Cambridge Dictionary].

Вода как стихия пассивна, впечатлительна, легко внушаема, восприимчива и пластична. Море при внутреннем постоянстве очень переменчиво внешне. Поэт придает морю особую значимость, ощущая его безграничную потенциальную силу. Вид безбрежного моря исцеляет уставший от трудов, жизненных драм и коллизий взор. Наблюдение уходящего в небо горизонта создает впечатление желаемой, но недостижимой цели, ощущение спокойствия и умиротворения, пробуждения и зарождения чего-то нового, потрясающего и великолепного. Репрезентативная система поэта представлена визуальной модальностью.

Снова смысловая оппозиция за счет яркой метафоры в картинах и звуках моря создает аллюзию на состояние современного Дж. Китсу общества. В следующих строках поэт обличает несправедливость окружающего мира:

*Oh ye! whose ears are dinned with uproar rude
Or fed too much with cloying melody* [Keats 2009].

Яркие концептуальные метафоры отражают аудиальную модальность. Принимая во внимание, что для Китса данный тип репрезентативной системы является доминирующим, мы можем предположить, что кроме усиления смысла метафоры выполняют прагматическую функцию, передавая информацию субъективного оценочного характера.

Данные метафоры несут скрытые импликации. Жестокий мир оглушает грубостью «ears are dinned with uproar rude» и навязывает свою приторную, лживую музыку “(ears) fed too much with cloying melody”, которая подчиняет, подавляет личность, делает человека глухим и бесчувственным. Выход Дж. Китс видит в единении человека с природой, с морем. Созерцание моря поможет достичь гармонии, ласкающий слух шепот набегающих волн исцелит и заставит слышать мир по-другому. Для этого нужно всего лишь остановиться, прислушаться к шепоту моря и предаться размышлениям: “*Sit ye near some old Cavern’s Mouth and brood*” [Keats 2009].

Китс воспринимает природу как живое существо “Cavern’s Mouth”, придавая статус одушевленности и имени собственного, о чем можно судить по наличию притяжательного падежа.

Поэт обращается к концептуальной метафоре пещеры, создавая образ, несущий глубокую смысловую нагрузку и отражающий авторский способ концептуализации и интерпретации действительности. Символ «пещера» – древнейший, мощный и очень сложный символ в силу своей двойственности. Это – метафора материальности мира, своего рода переход, портал между миром живых и мертвых; грань, на которой балансирует человек. Вход в пещеру – переход от всевидящего разума к чувствам, которые обостряются в темноте. Это – место инициации, перерождения, перехода на новую ступень развития, от материального к духовному.

Обращаясь к невидимому слушателю, Китс призывает под мерный шум волн задуматься о жизни, попытаться раствориться в природе. Глагол “brood” используется метафорически. Его переносное значение «долго и тревожно размышлять» зафиксировано в 1750-х годах [Online Etymology Dictionary].

Произведения Дж. Китса пронизаны духом античности, поэт очень часто прибегает к мифологическим сюжетам. Все прекрасное и доброе, что есть в море, символизировали поющие и беззаботные нимфы-нереиды – олицетворение природы, чье пение слышали те, кто достигал единения с природой: “*Until ye start, as if the sea nymphs quired*” [Keats 2009].

Таким образом, в результате анализа метафорической модели «море» были получены следующие результаты.

1. Выявлены и описаны метафоры, образующие частные метафорические модели, входящие в базовую концептуальную метафорическую модель «море», составляющие концептуальную матрицу с определенным набором семантических признаков и отражающие авторский способ концептуализации действительности.

2. Метафоры содержат информацию о семантических признаках концепта «море», входят в определенные синтаксические структуры, идентифицируя и характеризую его. В поэтическом тексте выделены атрибутивные конструкции (Adj+N), указывающие на размеры, характер, его особенности; различные проявления характера. Именные конструкции с предлогом of (N of N) создают эффект чувственного восприятия.

Многочисленные глаголы с предлогами и фразовые глаголы динамики и состояния, используемые в составе предикативных конструкций (S+V+O) в исследуемом произведении, приобретают метафорический статус: “keep aroun, glut, feast upon, dinn with, feed with, brood”. Описывая деятельность объекта, они ассоциируют ее с поведением человека, характеризуют ее, выделяя особые, специфические признаки объекта и создавая его образ.

3. Для Китса доминирующей модальностью восприятия и обработки информации является аудиальная модальность. В сонете используются фоностилистические приемы для имитации шепота набегающих на берег и откатывающихся волн. Следует отметить явление аллитерации, где позиция звука в слове соответствует его нарастанию и ослаблению. Раскатисто и емко за счет ассонанса и аллитерации звучит жестокий мир и «приторная, лживая музыка».

4. Выявленные семантические оппозиции являются ядерными компонентами метафорических полей, играют важную роль в структурно-смысловой организации сонета, выражают авторские интенции, формируют текстовую модальность, придают сюжету динамичность, участвуют в создании образа «море». Смена залоговости глагольных форм акцентирует внимание на переменчивости состояния моря. Глаголы в форме действительного залога имплицитно агрессивны, активность моря, формы страдательного залога – состояние покоя.

5. Дж. Китс для создания метафорического образа «море» привлекает солидный потенциал стилистических средств. Подвижность и нестабильность, переменчивость моря, как стихии, поэт ассоциирует со своим собственным эмоциональным состоянием.

Исследование концептуальной метафорической модели, репрезентированной и вербализованной в поэтическом тексте на уровне микросистемы эффективно, т. к. проявляется специфика и уникальность использования метафорических единиц автором при создании художественных образов, его идиостиль, происходит трансформация значений, проявляется аксиологическая составляющая индивидуально-авторской метафоры и т. д.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы / Отв. ред. Б. А. Серебrenников, А. А. Уфимцева. М.: Наука. 1977. С. 188-206.
2. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. Москва. 2003. №2. С. 73-94.. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2003-2/73-94>. (дата обращения: 11.09.2024).
3. Кряжевских Н. Н. Особенности выражения языковой категории одушевленность/неодушевленность в английском существительном ghost // Вестник ВятГУ. 2008. №3. С. 158-162.
4. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). М.: Издательский Дом ЯСК. 2018. 392 с.
5. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург. 2003. 248 с.
6. Bundgaard P. The structure of our concepts: A critical assessment of Conceptual Metaphor Theory as a theory of concepts // Cognitive Semiotics. 2019. Vol. 12. Issue 1. Pp. 2019–2010. URL: <https://doi.org/10.1515/cogsem-2019-2010> (дата обращения: 12.09.2024).
7. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 19.03.2024).
8. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22. Issue 2. Pp. 133–187. URL: https://doi.org/10.1207/s15516709cog2202_1 (дата обращения: 11.09.2024).
9. Holyoak K. J., Stamenković D. Metaphor comprehension: A critical review of theories and evidence // *Psychological Bulletin*. 2018. Vol. 144. Issue 6. Pp. 641–671. URL: <https://doi.org/10.1037/bul0000145> (дата обращения: 11.09.2024).
10. Johansson F. M., Okonski L. Procedure for Identifying Metaphorical Scenes (PIMS): The Case of Spatial and Abstract Relations // *Metaphor and Symbol*. 2023. Vol. 38. No. 1. Pp. 1–22. URL: <https://doi.org/10.1080/10926488.2022.2062243> (дата обращения: 12.09.2024).
11. Keats J. Complete Poems and Selected Letters of John Keats. Keats J., Hirsch E. Random House Publishing Group. 2009. 640 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=90U2amLa318C>. (дата обращения: 21.08.2024).
12. Kövecses Z. An extended view of conceptual metaphor theory. *Review of Cognitive Linguistics*. 2020. Vol. 18. Issue 1. Pp. 112–130. URL: <https://doi.org/10.1075/rc1.00053.kov> (дата обращения: 12.09.2024).
13. Lakoff G., Johnson M. The metaphorical structure of the human conceptual system // *Cognitive Science*. 1980. Vol. 2. №4. Pp. 195-208. URL: https://doi.org/10.1207/s15516709cog0402_4. (дата обращения: 11.09.2024).
14. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>. (дата обращения: 12.09.2024).

15. Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation // Metaphor and Symbol. 2004. 3(19). Pp. 233–244. URL: https://doi.org/10.1207/s15327868ms1903_4. (дата обращения: 12.09.2024).

Сведения об авторе:

Калашникова Лариса Валентиновна; доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; lkalashnikova@inbox.ru; +7 (903) 6374205.

Kalashnikova Larisa Valentinovna: Doctor of Philology, Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; lkalashnikova@inbox.ru

УДК 81.37

О некоторых семантических особенностях цветообозначений в дискурсе русской волшебной сказки

Ольга Александровна Мещерякова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, главный научный сотрудник научно-образовательного центра русского языка и литературы, доктор филологических наук, доцент, Россия, г. Санкт-Петербург, lameo56@yandex.ru

Аннотация. Русская волшебная сказка является особым жанровым образованием, имеющим специфическую структуру и систему героев. Статья направлена на выявление того, какие особенности дискурса волшебной сказки влияют на формирование семантики цветообозначения, отличающей ее от смыслового наполнения слова в других фольклорных текстах.

Ключевые слова: цветообозначение, дискурс русской волшебной сказки, семантика, семантема, сема.

On some semantic features of color terms in the discourse of Russian fairy tales

Olga A. Meshcheryakova

Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Chief Researcher at the Center of the Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Associate Professor, Russia, St. Petersburg, lameo56@yandex.ru

Abstract: The Russian fairy tale is a special genre formation that has a specific structure and system of heroes. The article is aimed at identifying what features of the discourse of a fairy tale influence the formation of the semantics of color designation.

Key words: color designation, Russian fairy tale discourse, semantics, semanteme, seme.

Представление о цвете, воплощенное в языке, существует у каждой нации и народности. Лексемы, отражающие в своей семантике цветовой признак окружающего мира (*красный*), процесс приобретения этого признака (*краснеть*) или отвлеченное понятие о нем (*краснота*), называются цветообозначениями, или цветовыми лексемами, колоративами, цветовыми словами. Их семантика имеет базовые семы, отражающее цветовое восприятие этноса, что привлекает внимание исследователей, которые рассматривают данный языковой феномен в разных аспектах, в том числе дискурсивном.

Сказочный дискурс формируется языковыми единицами текста сказки и одновременно обусловлен экстралингвистическим фактором, «носящим ярко выраженный этнокультурный характер, – представлениями о мире, мировоззренческими установками, нравственно-этическими и эстетическими ориентациями» [Поверенная: 2022, с.4]. В целом принимая подобное определение сказочного дискурса, мы видим необходимость углубления данного понятия. Ведь сказки неоднородны по многим параметрам. У каждого типа сказки имеется своя система героев и система описания их действий, а также своя структура, отличающаяся способами соединения компонентов в одно целое. Придерживаясь классификации сказок, выдвинутой В. Я. Проппом [Пропп: 1978, с.50], считаем необходимым говорить не о сказочном дискурсе, а конкретно – о дискурсе волшебной сказки. Учитывая, что главное для этого типа сказки – единство композиции как «признака устойчивого, исторически закономерного и существенного» [Там же, с. 47], мы понимаем под дискурсом русской волшебной сказки совокупность фольклорных текстов, специфика которых обусловлена структурами традиционного народного сознания, закрепленными в жанре волшебной сказки и представленными не только в устной, но и в письменной форме, отражающей записи собирателей фольклора.

К числу таковых относится и сборник «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» [Афанасьев 1984, 1985, 1985-а], изданный Академией наук СССР в серии «Литературные памятники». Размещенные в трех томах, сказки, выбранные нами как волшебные, послужили материалом для анализа.

Согласно исследованиям сюжетов, общих для русских и западноевропейских сказок, «из 192 типов каталога в русском репертуаре имеется 106» [Соколов 2007, с. 349] волшебных сказок, что свидетельствует об их значительной древности, а в стилистическом плане – о «наибольшей традиционности и повторяемости» [Там же].

Основная цель нашего исследования – на примере отдельных цветообозначений установить особенности приращения смыслов к «цветовой» семантике в силу влияния дискурсивного фактора.

В дискурсе русской волшебной сказки цветовое восприятие представлено достаточно широко, однако функцию именованного волшебного, или фантастического, берут на себя очень немногие цветовые слова. В качестве колоратива, имеющего такое предназначение, мы выделяем лексему *золотой*, которая в полной мере реализует себя в сказочном дискурсе как «фольклорное слово» [Сердюк 2009, с. 189], то есть имеет специфическую фольклорную семему, иерархическая структура которой реализуется одновременно посредством и денотативной семы ('имеющий отношение к драгоценному металлу, сделанный из золота'), и коннотативной ('цвета золота'). *Раз как-то гуляли царские дети по саду и пуцали золотые стрелы, и попала стрела меньшого брата, Ивана-царевича, в окошечко Никанора-богатыря* (Королевич и его дядька); *Гонит Иван-царевич лошадей к царскому дворцу: у всякой лошади грива золота, хвост золотой, по бокам звезды* (Королевич и его дядька); *Долго ли, коротко ли, увидал — золотой дворец стоит, как жар горит* (Три царства — медное, серебряное и золотое) и т.п. Приведенные примеры показывают, что эпитет *золотой* можно рассматривать двояко: со значением 'из золота' и со значением 'цвета золота'.

Фольклорному тексту, независимо от его жанра, свойственно обращение к эпитету *золотой*. При этом высвечивается национальная специфика интерпретации цвета. Так, отмечено, что при употреблении цветолексеммы в текстах русского народного творчества актуализируется сема 'красота', в то время как для английского фольклора при использовании слова *gold* характерна иная сема – 'ценность' [Бобунова 2000]. Подобное различие отражает «национально-специфичные феномены каждой из культур» [Абакумова 2023, с.104].

В русской сказке, независимо от ее типа, содержание слова *золотой* сохраняет семантический компонент ‘красивый’, что доказывает существование общих черт у дискурсов сказок разного типа. Например, при употреблении колоратива *золотой* в кумулятивной сказке сема ‘красивый’ так же актуальна, как и при употреблении в волшебной: *На ту пору пришла лиса. «Кикереку-петушок, / Золотой гребешок! / Выгляни в окошко, / Дам тебе горошку»* (Кот, петух и лиса); *Жила-была лиса красна во своем золотом гнезде; у нее было семь дочерей <...>* (Кот, петух и лиса).

При сравнении семантем, реализуемых колоративом в сказках разного типа, важно учитывать еще и особенности композиции, так как именно специфика построения сказки в качестве дискурсивного фактора определяет и семантику цветообозначения. Например, в сказке «Три царства — медное, серебряное и золотое», где присутствует трехкратное повторение *царств, девиц*, лексема *золотой* при ее употреблении в соответствующей композиционной части реализует представление о самом лучшем. *Она сказала ему: «Ступай вперед, там есть еще золотое царство, и в том царстве есть еще прекраснее меня девица», — и подарила ему золотой перстень* (Три царства — медное, серебряное и золотое); *Пришел Ивашико домой, взял у братьев девицу из золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живут* (Три царства — медное, серебряное и золотое). Сема ‘самый лучший’ цветового слова *золотой* поддерживается в повествовании как грамматическими средствами (например, сравнительной степенью прилагательного: *в том царстве прекраснее меня девица*), так и структурно-композиционными — повествование разворачивается от *медного царства* к *золотому*, а не наоборот.

Как видим, цветолексема *золотой*, имея общие семантические черты при ее использовании в разных фольклорных жанрах и в разных типах сказок, в дискурсе волшебной сказки получает новое со-значение, реализуемое при помощи грамматико-композиционных средств.

Одним из цветовых слов, наиболее употребляемых в волшебной сказке, является колоратив с корнем *бел-*, обозначающий ахроматический оттенок ‘цвета снега’: *«Чудо мое милое! Надо тебе в баню сходить, с белого тела кровь омыть»* (Притворная болезнь) — или ‘светлый’: *«Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить мягкий белый хлеб»* (Царевна-лягушка).

Преобладание цветолексем с обозначение белого оттенка отмечается и в паремиях [Недельчо 2000, с. 8; Иванова 2021, с. 253], что свидетельствует о тесном взаимодействии сказочного и пословичного дискурсов.

Чаще всего с помощью прилагательного *белый* получает свое именование цветовой признак, выявляемый во внешнем виде человека: *Встречает их царь, взял младшую королеву за белые руки, повел по саду и начал хвалиться <...>* (Ночные пляски). При словообразовательной модификации цветового прилагательного в описании внешности встречается сложное по составу слово *белолицый*.

Появление дополнительного смысла в семантеме лексемы с корнем *бел-* обусловлено таким жанрово-дискурсивным фактором, как особая система персонажей. Для нее характерно наличие двух полюсов: на одном — герои положительные («настоящие»), на другом — отрицательные («ложные») [Пропп 2000, с. 209]. В силу этого в семантеме цветообозначения формируется оценочная сема, актуализируемая при описании человека — персонажа сказки. Поэтому, наряду с указанием на собственно цветовой признак, колоративы *белый / белолицый* реализуют интерпретирующее оценочное содержание, которое имеет социокультурный аспект, в том числе гендерный.

Так, в описании женщины цветолексемы с корнем *бел* - ориентируют на идеал женской красоты. Например, оценочная лексема *красавица* может соседствовать с несколькими цветовыми словами в портрете героини, в том числе со сложным

прилагательным *белолица*: <...> и *вдруг заметил*: у окна в далеком тереме сидит *красавица* царевна, румяна, *белолица* <...> (Семь Семионов). Здесь употребление цветолексемы *белолицый* коррелирует с лексемой оценки внешности (*красавица*). Кроме того, эпическое начало сказки углубляет семантику идеализации. В приведенном примере художественная ситуация обрисовывает то, что девушка нравится герою (*заметил, посадил ее подле себя, а там и свадьбу сыграли*); и деталь внешности *белые* руки рассматривается как эстетическая «причина» такого чувства.

Также в художественной ситуации сказки может открываться идея соотнесенности снега и девичьего цвета кожи как эталона красоты: *Задумал царь жениться и отдал такой указ по всем городам и селам: Кто найдет ему невесту краснее солнца, яснее месяца и белее снегу, того наградит он несметным богатством* (Безногий и слепой богатыри).

Белое, включающее положительную оценку девушки, в народной традиции сопряжено не столько с эстетической, сколько с духовно-нравственной оценкой качеств девушки. Это проявляется, к примеру, в обязательности белого платья невесты на свадьбе, в значениях вербальных формул самого свадебного обряда. Например, обращения к невесте звучат с многократным повтором цветовой лексемы с корнем *бел-*: *Просим набело умыться, хорошо снарядиться, в белые белила, в красные румяна* (просят убирать невесту) [Даль 1989, с.246]. Эти примеры подтверждают, что белый цвет одежды и цветовая лексема *белый* в обращениях к невесте являются цветовым кодом чистоты, невинности.

Семантика цветообозначения *белый* в портрете сказочных героинь оказывается связанной с широким контекстом культуры, и в рамках дискурса волшебной сказки символизирует ее девичество: *Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашел ее у просвири; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привел к отцу, к матери, и стали все вместе жить да поживать да добра наживать* (Морской царь и Василиса Премудрая).

В описании мужчины *белый* указывает на героя, идеального с точки зрения сказителя. Так может быть оценен и второстепенный герой. В сказке «Емеля-дурак» король – это идеальный правитель, поэтому *белый* участвует в описании его внешности в ситуации встречи: *И как приехал король во дворец, то Емеля вышел навстречу, принимал его за белые руки* <...> (Емеля-дурак).

Способность цветолексемы *белый* говорить о положительной оценке героя-царя проявляется и в других типах сказок. В сказке «Загадки» *белым царем* именуется православный царь, именно этот статус оценивается положительно и противопоставляется статусу басурманского короля: *В то время прислал к православному царю басурманский король лист и требует, чтобы загнул ему белый царь загадку* (Загадки).

Сравнивая употребление цветолексемы *белый* в волшебной сказке и других фольклорных жанрах, отмечаем, что в последних положительное оценочное значение может и не реализовываться. К примеру, в исторической песне *белый* употребляется в описании врага: *Забелелися белые груди бесурманские* (народная историческая песня «Взятие Азова»), в пословицах и причитаниях – в описании злых людей: *Белые руки чужие труды любят* (Русская народная пословица); *Как у этих мировых да у посредников // Нету душеньки у их да во белых грудях, // Нету совести у их да во ясных очах, // Нет креста-то ведь у них да на белой груди* (Русские плачи (причитания) «Плач о старосте»). Как видим, в тех жанрах, где нет строго деления героев на положительные и отрицательные, как в волшебной сказке, оценочная семантика цветолексемы может

нивелироваться. Это лишний раз подтверждает роль дискурсивного фактора в формировании положительного оценочного содержания цветолексемы *белый*.

Таким образом, цветолексема в волшебной сказке имеет семантическую многоплановость, порожденную интерпретирующим восприятием цвета, а оно в свою очередь обусловлено особенностями жанра волшебной сказки.

Список литературы

1. Абакумова О. Б. Семантика цвета в русских и английских фразеологизмах и поговорах с колоративами. *Art Logos (Искусство слова)*. 2023. № 1. С. 97-108.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в трех томах, т. 1. М.: Издательство «Наука», 1984. 511 с.
3. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в трех томах, т. 2. М.: Издательство «Наука», 1985. 463 с.
4. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в трех томах, т. 3. М.: Издательство «Наука», 1985-а. 495 с.
5. Бобунова М.А. Две версии словаря языка русского фольклора // *Лингвофольклористика*. 2000. № 3. С. 13-22.
6. Иванова Е.В. Атрибутивный параметр в пословичных картинах мира // *Славянская фразеология и паремология : Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое / Редкол.: Ничипорчик Е.В. (отв. ред.) и др. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. С. 150-154.*
7. Недельчо Е.В. Структурно-семантическая характеристика русских паремий с компонентами цвето- и светообозначения: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Кострома, 2000. 22 с.
8. Поверенная А.А. Лингвокультурные особенности сказочного дискурса: аксиологический аспект (на материале немецкого и русского языков): автореф. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2022. 24 с.
9. Пропп В.Я. Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа.) Научная редакция, комментарии Ю. С. Рассказова. – Издательство "Лабиринт", М., 2000. 416 с.
10. Соколов Ю.М. Русский фольклор: Учебное пособие. 3 е изд. / Отв. редактор В.П. Аникин. М.: Изд во Моск. ун та, 2007. 544 с.
11. Сердюк М.А. Слово в фольклорном тексте: семантическая структура и субстанциональные свойства // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 96. С. 184-191.
12. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник В. Даля в 2-х томах, т. 2 – М.: Художественная литература, 1989. 447 с.

СЕКЦИЯ 5: ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПОДХОДЫ, ПРОЕКТЫ, РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.628

Теории мотивации. К истории вопроса

Ирина Александровна Бирюкова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, доцент кафедры иностранных языков Института иностранных языков, кандидат педагогических наук, Орел, Россия, ibirucova@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ ряда теорий мотивации, сформировавшихся в течение XX века в Америке, Канаде и Европе. Речь идет о теории когнитивного развития, психологической теории Абрахама Маслоу, проиллюстрированной ученым знаменитым потребностным треугольником, теории самоопределения или автодетерминации и н. др. Рассмотрены виды и разновидности мотивации, а также, факторы, влияющие на формирование того или иного вида мотивации. Изучены способы регулирования мотивации личности при изучении иностранных языков (интроецированное, идентифицированное и интегрированное регулирование).

Ключевые слова: теория когнитивного развития, психологическая теория, теория самоопределения или автодетерминации; иерархия приоритетов; виды мотивации: внутренняя и внешняя, эстетическая и познавательная, мотивация роста и мотивация эффективности, демотивация или амотивация; разновидности мотивации: интегративная и инструментальная мотивация; интроецированное, идентифицированное и интегрированное регулирование.

Theories of motivation. Towards the history of the issue

Irina A. Birucova, Oryol State University named after I. S. Turgenev, associate professor of the Foreign Languages Department, Foreign Language Institute, candidate of Pedagogics, Oryol, Russia, ibirucova@gmail.com

Abstract. The article presents an analysis of a number of theories of motivation that were formed during the 20th century in America, Canada and Europe. We are talking about the theory of cognitive development, the psychological theory of Abraham Maslow, illustrated by the famous need triangle, the theory of self-determination or auto-determination, etc. The types and varieties of motivation are considered, as well as factors influencing the formation of a particular type of motivation. The ways of regulating the motivation of a person in learning foreign languages (introjected, identified and integrated regulation) are studied.

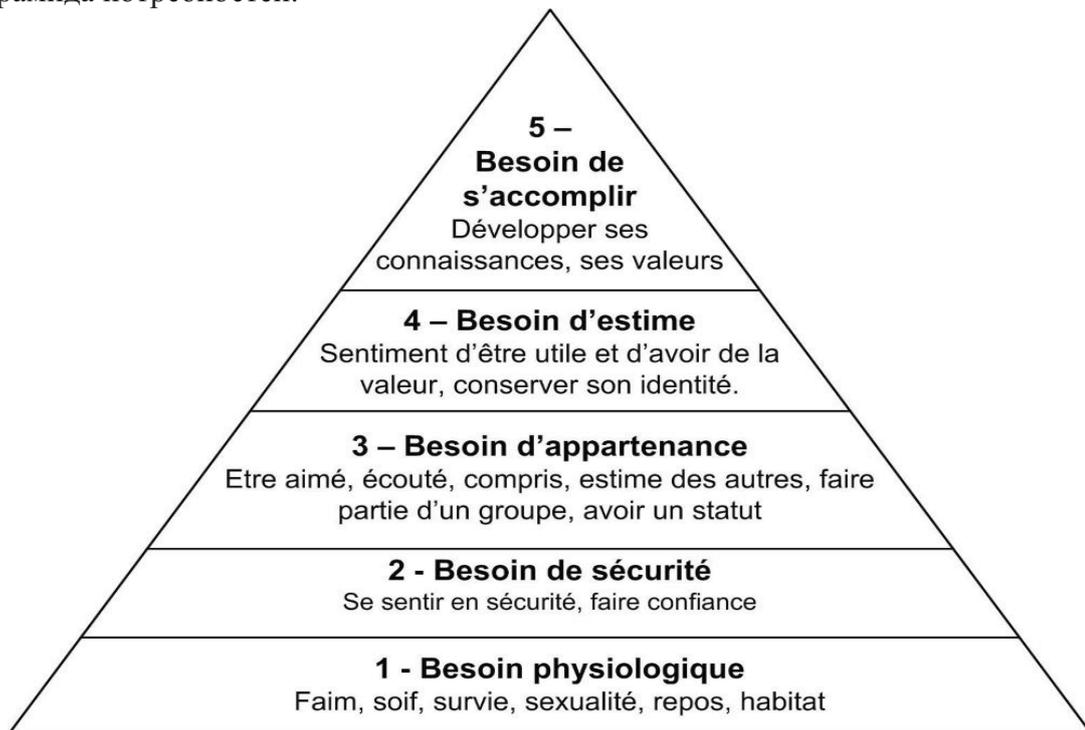
Keywords: theory of cognitive development, psychological theory, theory of self-determination or autodetermination; hierarchy of priorities; types of motivation: internal and external, aesthetic and cognitive, growth motivation and efficiency motivation, demotivation or amotivation; types of motivation: integrative and instrumental motivation; introjected, identified and integrated regulation.

Значение мотивации в выполнении и организации любой, особенно социально-значимой деятельности, неоспоримо и подтверждено учеными, исследовавшими вопрос.

Знакомство с рядом теорий мотивации, появившихся и разрабатывавшихся в течение двадцатого века в Америке и Европе, позволит лучше понять суть явления для эффективного решения проблем.

Представители теории *когнитивного развития*, бихевиористы Дж. Уотсон, Э. Торндайк, Б. Скиннер и др. (начало XX в.) [1–4] рассматривали мотивацию как проявление двух основных форм внешних воздействий на личность: поощрение или наказание. Речь шла о внешней мотивации.

Следующая теория, внесшая вклад в изучение проблемы мотивации – это психологическая теория, предложенная Абрахамом Маслоу в 1940-1950-х годах [5]. Эта теория делит человеческие потребности на пять категорий, представленных в виде пирамиды. На рисунке № 1 представлен так называемый *потребностный треугольник* или пирамида потребностей.

La hiérarchie des besoins selon la pyramide de Maslow

Согласно Маслоу, основные человеческие потребности организованы в иерархию приоритетов: при удовлетворении одних потребностей, возникают другие, более высокого порядка и так далее.

Из всех потребностей человека наиболее значимыми для него являются физиологические. После их удовлетворения на первый план выходят потребности безопасности. Поведение человека регулируется поиском безопасности.

Следующий уровень – потребности в любви, привязанности и принадлежности. Если эти потребности не реализуются, возникают ситуации дезадаптации, демотивации и других серьезных психологических проблем.

Потребности в уважении – абсолютно естественное желание как взрослых, так и детей и подростков. Речь идет о желании получать высокую оценку своей личности и своих компетенций со стороны других людей, что даёт основание для самоуважения и вызывает желание уважать окружающих людей.

Потребность самореализации. Даже если все эти потребности удовлетворены, возможно возникновение недовольства и нетерпения, если человек не сделает то, в чем он компетентен, одарен. Поэтому человек стремится самореализовываться. Эту тенденцию можно сформулировать как желание стать тем, кем он является по сути и тем,

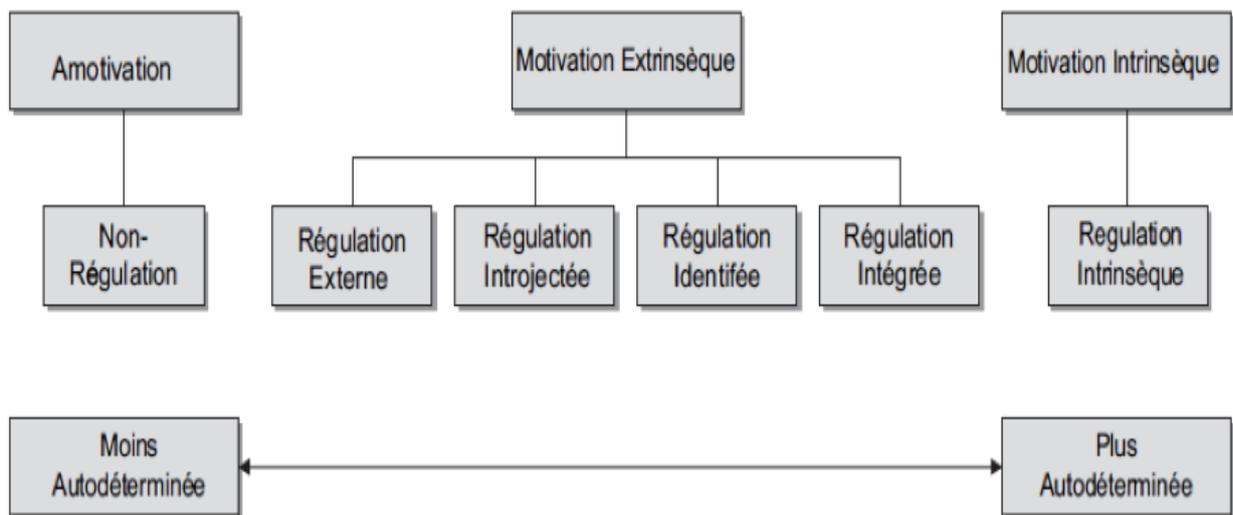
кем способен быть, максимально развивая свои лучшие качества и таланты. К сожалению, далеко не каждый достигает желаемого.

Теория А. Маслоу оказало значительное влияние на формирование научных взглядов ученых разных стран.

В 1959 году Роберт У. Уайт [6] предложил новую концепцию: мотивацию эффективности или внутреннюю мотивацию. Любознательность, интерес исследование, игра как врожденные психологические качества личности, способствуют участию в деятельности ради удовлетворения, которое она приносит сама по себе, а не ради каких-либо последствий, которые могут возникнуть в результате. Вовлеченность является спонтанной, подпитываемой интересом, любопытством или вызовом, которые несет сама осуществляемая деятельность.

В исследовании канадских психологов Роберта Гарднера и Уоллеса Ламберта "Отношение и мотивация при изучении второго языка" (1972), [7] направленного на изучение факторов, способствующих повышению академической успеваемости, было отмечено, что мотивация изучающих иностранный язык (далее ИЯ) связана с их усилиями, прилагаемыми к изучению этой дисциплины, к самому изучаемому ИЯ или культуре страны ИЯ. Оба ученых утверждают, что существует два типа мотивации: первая – *интегративная*, связанная с желанием изучающего ИЯ стать членом сообщества, говорящего на этом языке; вторая – *инструментальная*, связанная со стремлением изучать ИЯ по внешним практическим причинам, возможно, для получения образования на этом ИЯ или для получения полезной информации из других профессиональных сфер с помощью изучаемого ИЯ.

Среди теоретических моделей мотивации особое место занимает *теория самоопределения или автодетерминации* американских психологов Э. Диси и Р. Райана [8, 9]. Внешняя мотивация, согласно утверждениям ученых, соответствует любому участию в деятельности с целью достижения какого-либо результата, связанного с ней. В дальнейших исследованиях, к внешней и внутренней мотивации был добавлен еще один вид – демотивация. Следующий рисунок демонстрирует типы мотивации и называется *Continuum d'autodétermination*: (Рисунок №2)

В данной схеме представлены типы мотивации и регулирования в рамках теории автодетерминации Э. Диси и Р. Райана

Рассмотрим представленные здесь 4 варианта регулирования внешней мотивации.

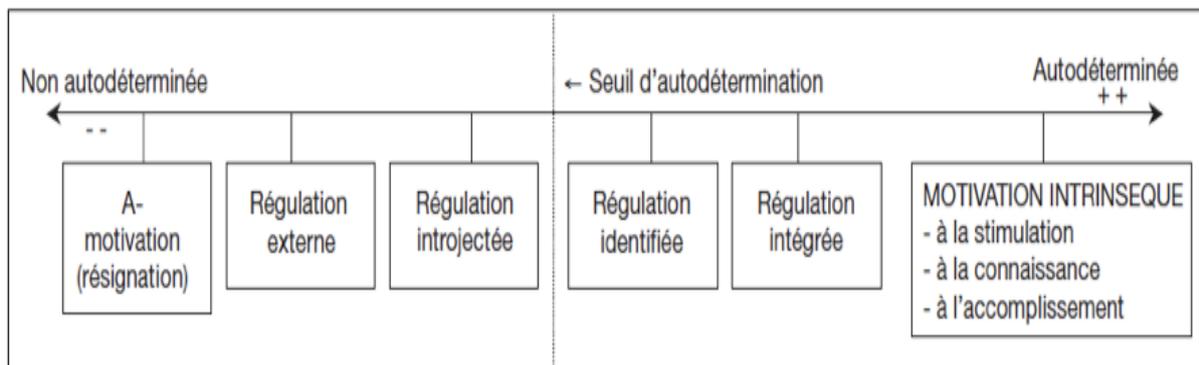
Внешнее регулирование: причины поведения связаны с внешними требованиями или социальными непредвиденными обстоятельствами («дихотомический» взгляд).

Интроецированное регулирование: модели поведения в целом принимаются, но не настолько, чтобы можно было их рассматривать как неотъемлемую часть самого себя. Регулирование остается внешним, поведение мотивировано заботой о внешних признаках соответствия социальным нормам, тому, каким хотят казаться другим (социальная желательность).

Идентифицированное регулирование: причины поведения связаны с правильным пониманием и сознательным принятием целей и необходимости действий для их достижения. Регулирование является внутренним.

Интегрированное регулирование: причины поведения связаны с правильным пониманием и сознательным принятием ценностей, вызванных действием, и достижением целей. Регулирование является внутренним.

Рассмотрим таблицу, представляющую типы мотивации. (Рисунок №3)

Анализируя три вида внутренней мотивации, представленные в таблице, отметим, что первый из них может быть связан с получением эстетического удовольствия, формируя *эстетическую мотивацию*; второй – в ответ на исследовательский рефлекс – способствует развитию *познавательной мотивации*; третий вид внутренней мотивации связан с удовольствием от выполняемой деятельности, от личностного роста и совершенствования предметных и иных (универсальных) компетенций. Здесь может идти речь о *мотивации роста*.

Ознакомившись с научными взглядами некоторых зарубежных ученых, разработавших в двадцатом веке ряд теорий мотивации, можем констатировать, что все они выделяли внешнюю и внутреннюю мотивацию.

Внутренняя мотивация относится к внутренним условиям и потребностям личности. Ее проявлением может быть настойчивость и инициатива в выполнении деятельности, стремление углубить знания, усовершенствовать умения, повысить компетенцию, применяя самые разнообразные технологии и ресурсы.

Этот тип мотивации способствует развитию всех психических процессов, таких как любопытство, креативность, концентрация, память и смелость идти на риск. Внутренняя мотивация охватывает когнитивные и аффективные сферы личности, может возникать в процессе обучения и приобретать прочную и долговременную форму, приводящую обучающегося к автономии и творчеству, формируя креативную личность, способную и готовую принимать самостоятельные решения и добиваться достижения целей.

Что касается внешней мотивации, то она всегда определяется внешними факторами, регулирующими поведение человека. К последним может относиться ожидание поощрения (хорошей оценки, признания заслуг, подарка и т. п.) или наказания. Наказания заставляют субъекта принять такую форму поведения, которая позволяет ему сохранить удовлетворительную ситуацию и избежать неприятностей. Обычно, такая

мотивация, которую иллюстрирует метод кнута и пряника, не является прочной и длительной, и носит фрагментарный характер.

Наряду с представленными разновидностями внутренней и внешней мотивации существуют другие, не менее важные и значимые.

Проблемы, относящиеся к мотивации, являются одними из важнейших для преподавателя любой дисциплины, и для их решения необходимо владение основой теории вопроса.

Список литературы

1. Watson, J. B. Psychology as the Behaviorist Views it. – Bobbs-Merrill, 1913. – 20 P.
2. Skinner, B. F. Science and Human Behavior. – Simon and Schuster, 2012. – 464 P.
3. Торндайк Э. Психология желаний, интересов и предпочтений/ The psychology of wants, interest and attitudes, 1935. – 170 с.
4. Торндайк Э., Уотсон Дж. Бихевиоризм. Принципы обучения, основанные на психологии. Психология как наука о поведении. М: АСТ-ЛТД, 1998. 704 с.
5. Maslow, A. H. Motivation and Personality. –N. Y.: Harpaer and Row, 1954.
6. White Robert W. Motivation reconsidered: the concept of competence Harvard University. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sci-hub.ru/10.1037/h0040934?ysclid=lu5i3fld8w220381768>– Дата доступа: 13.09.2024
7. Gardner, R. and Lambert, W. Attitudes and Motivation in Second-Language-Learning. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://austinwoerner.com/library/gardner-lambert-attitudes-and-motivation> – Дата доступа: 11.09.2024
8. Deci E. L., Ryan R. M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. New York: Plenum Press, 1985
9. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being //American Psychologist. 2000. № 55. P. 68–78.

Сведения об авторе:

Бирюкова Ирина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романской филологии института иностранных языков, – Орловский Государственный Университет им. И. С. Тургенева, Россия, 302026, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39-б ibirucova@gmail.com

Birucova Irina Aleksandrovna, associate professor, Department of Romance Philology, Orel State University. E-mail: ibirucova@gmail.com

УДК 371.38

Особенности интеграции средств массовой информации и цифровых медиа в современный образовательный процесс

Наталия Алексеевна Бондарева¹, Валерия Николаевна Кондратьева²

¹ Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент, Орел, Россия, ilin26@yandex.ru

² Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, старший преподаватель кафедры технологий психолого-педагогического и специального образования, Орел, Россия, lera03.30@mail.ru

Аннотация. Исследование дает ответы на вопросы на широкой эмпирической основе, чтобы отдалить должное сложности интеграции СМИ. Результаты репрезентативного опроса учителей и тематических исследований в образовательных учреждениях показывают, что использование цифровых медиа и материалов значительно увеличило число преподавателей, имеющих педагогическую практику. Интенсивность использования медиа на уроках учащимися увеличивается в последнее время.

Ключевые слова: цифровые медиа, цифровизация, медиакомпетентность, медиатизация, цифровая безопасность.

Features of the integration of mass media and digital media into the modern educational process

Natalia A. Bondareva¹, Valeria N. Kondratyeva²

¹ Oryol State Agrarian University named after N. V. Parakhin, associate professor of the Foreign Languages Department, candidate of Philology, associate professor, Orel, Russia, ilin26@yandex.ru

² Oryol State University named after I.S. Turgenev, senior teacher of the Department of Technologies of Psychological, Pedagogical and Special Education, Orel, Russia, ktppso@mail.ru

Abstract. The study provides answers to questions on a broad empirical basis to do justice to the complexity of media integration. The results of a representative survey of teachers and case studies in educational institutions show that the use of digital media and materials has significantly increased the number of teachers with teaching experience. The intensity of media use in the classroom by students has been increasing recently.

Keywords: digital media, digitalization, media competence, mediatization, digital security.

Интернет, сотовые телефоны, игровые приставки – медиамир детей и молодежи существенно изменился за последние годы. Существует потребность в компетентном, самостоятельном и безопасном обращении с этим разнообразным спектром средств массовой информации. На этом фоне большая ответственность лежит не только на семье, но и на всех образовательных учреждениях. Решающая социальная роль возлагается на школу.

Ученые задаются вопросами: используются ли цифровые медиа в качестве дидактических пособий на уроках и за их пределами? Обсуждаются ли на уроках риски и возможности различных средств массовой информации и их применения? Какие внутренние и внешние условия могут способствовать интеграции СМИ в школе, но какие в то же время препятствуют ей?

Результаты исследования ясно показывают, что интеграция СМИ в образовательный процесс является одним из важных факторов современного обучения.

Средства массовой информации, особенно цифровые, играют центральную роль в жизни детей и молодежи. Телевидение, интернет, компьютерные игры и мобильные телефоны являются неотъемлемой частью их повседневной жизни. Актуальность медиа в обучении и образовательных процессах тесно связана с растущей взаимосвязью медиа со всеми формами социального действия и культурными значениями, которые можно понимать как основу «медиатизированных миров». Развитие технологий и средств массовой информации, возникшее в результате цифровизации, указывает на изменение коммуникативных практик, благодаря которым социальные условия теперь становятся

медиатизированными условиями жизни и работы. Ожидается, что в этом так называемом «обществе знаний» образовательные учреждения будут учить учащихся использовать средства массовой информации, особенно цифровые, инструментальным, творческим и критически-рефлексивным способами. Предполагается также, что цифровые медиа особенно подходят для поддержки процессов самообучения и индивидуальной поддержки студентов.

Высокую актуальность использования цифровых медиа можно увидеть повсеместно в основных учебных программах и учебных программах для различных типов школ и предметов. От начальной до средней школы учащиеся должны приобретать различные возрастные навыки, включая использование цифровых медиа. Существуют многочисленные исследования по использованию цифровых медиа в школах в целях обучения и преподавания, которые ясно показывают, что они особенно хорошо подходят для поддержки проблемно-ориентированного, совместного и независимого обучения. Однако систематическое использование цифровых медиа в обучении встречается редко. В то же время большинство учителей до сих пор использовали цифровые медиа таким образом, чтобы поддерживать и сохранять существующие методы преподавания.

Ожидания, связанные с использованием цифровых медиа в обучении, которые постоянно подпитываются новыми технологическими разработками (в настоящее время Web 2.0), до сих пор оправдались лишь в ограниченной степени.

За последнее десятилетие школы также стали объектом многочисленных реформ, которые можно охарактеризовать с помощью концепции ориентации на результат, с одной стороны, и децентрализованного контроля, с другой. Процессы изменений обсуждаются под общим термином «управление образованием». Эти события оказывают как прямое, так и косвенное влияние на школу как организацию и, следовательно, на использование средств массовой информации в школах и на уроках.

В некоторых субъектах с 2018 года в качестве эксперимента запущен исследовательский проект на тему «медиаграмотность в школах». Цель заключалась в том, чтобы определить степень и качество использования средств массовой информации в качестве учебных материалов и инструментов обучения в средних школах и вывести из этого соответствующие поля действий: «... однако достоверной информации об этом так же мало, как и о теме безопасного, компетентного и полезного использования средств массовой информации и необходимости дополнительного взаимодействия со средствами массовой информации, их содержанием и собственным использованием средств массовой информации в классе» [7, с. 12].

С одной стороны, это было сделано с содержательной точки зрения, чтобы подчеркнуть важность перехода от начальной школы к средней. В центре внимания учителя и их оценки. К сожалению, по экономическим причинам не удалось учесть точку зрения студентов.

Чтобы ответить на вопросы исследования, был использован много перспективный дизайн исследования, который содержит как количественные элементы (посредством стандартизированного опроса учителей), так и качественные элементы (посредством групповых обсуждений и интервью, подкрепленных руководящими принципами). В конце различных взаимосвязанных этапов анализа, с одной стороны, происходит инвентаризация текущего состояния интеграции СМИ. С другой стороны, и это кажется нам гораздо более важным, учитывая очевидные трудности, настоящее исследование предоставляет новую информацию о препятствиях и факторах успеха интеграции школьных СМИ, уделяя особое внимание важности медиакомпетентности. Собранные результаты в конечном итоге преобразуются в области действий, которые предоставляют информацию о том, как оптимизировать продвижение медиакомпетентности в школах.

Теоретической основой для этого служат различные подходы, основанные на исследованиях медиаграмотности, медиаинтеграции и медиатизации как социального метапроцесса.

Изменения, связанные со средствами массовой информации, имеют далеко идущие социальные последствия для социальных отношений людей, для формирования идентичности и мировоззрения, а также для экономического воспроизводства. Это развитие, включая его социальные и культурные последствия, теперь называется «медиатизацией» [7, с. 25]. Медиатизация описывает поля действия и социальные миры, в которых социальные действия и культурное конструирование смысла неразрывно связаны с медиа. Это касается всех уровней общественного развития. На макроуровне он направлен на изменения в культуре и обществе, на мезоуровне влияет на изменения в институтах и организациях, а на микротеоретическом уровне меняет социальные и коммуникативные действия людей. Аналитически медиатизацию можно понимать как метапроцесс социальных изменений, поскольку, строго говоря, она не имеет ни начала, ни направления. В этом отношении в центре внимания анализа находятся изменения как таковые и явления, которые их сопровождают.

Эти изменения сопровождались технологическими изменениями, которые постоянно ускорялись с 1960-х годов, а изменение медиасреды людей связано с существующими техническими средствами массовой информации, такими как телефон, радио, телевидение и компьютеры. Его можно охарактеризовать как постепенное развитие цифровых медиа и предлагаемых услуг. К ним относятся, например, все формы чата, электронная почта, социальное программное обеспечение и Интернет. Кроме того, оцифровка существующих медиа и процессы их конвергенции продолжают прогрессировать [Журин 2001, с. 52], поэтому мы говорим о цифровых медиа как собирательном термине. Поскольку эти медиа открывают множество подходов и значений, для обсуждения подходит концепция медиа, связанная с коммуникацией, которая сочетает в себе аспекты технологических инструментов с социокультурными функциональными аспектами медиа. Термин «культура» также относится к интеграции медиапрактик в сеть различных значений и возникающих в результате контекстов действий, специфичных для каждого поколения [Загвязинский 2005, с. 152]. Формирование таких медиапрактикующих культур происходит на основе трех взаимосвязанных факторов:

- практического опыта обращения с медиатехнологиями в повседневной (школьной) жизни на фоне конкретных областей опыта;
- значений других практических культур, зафиксированных в технологии;
- обмен практическими знаниями о технологии [Мантуленко 2006, с. 21].

С одной стороны, эти знания касаются материальности технологии и знаний о ее использовании в смысле эксплуатационных навыков. Техническая конфигурация устройства, состоящая из аппаратных компонентов, используемого программного обеспечения и доступных периферийных устройств (например, принтеров, сканеров или интерактивных досок), обычно определяет область его применения. Если компьютер интегрирован в сеть с другими компьютерами, он обеспечивает различные формы обмена данными, а также компьютерную связь и взаимодействие. С другой стороны, запасы знаний рассматриваются с точки зрения желаний и интересов, которые придают смысл практикам СМИ. Учителя предоставляют, например, материалы на обучающей платформе, чтобы они были доступны учащимся в любое время. Студенты используют обучающие программы для изучения словарного запаса или поиска информации для презентации, записи ее на компьютере и представления через проектор.

Образовательные учреждения всегда были местом средств массовой информации, и обучение и преподавание трудно представить без средств массовой информации.

Просто подумайте об учебниках, тетрадях, досках, картах или картинках. Благодаря внедрению различных информационных и коммуникационных систем практика действий образовательных субъектов постепенно расширяется в виртуальные пространства (например, через учебные платформы, электронную почту, школьные веб-сайты) и иногда также принимает новые формы. Это означает, что образовательное учреждение как пространство обучения и деятельности, которая до сих пор сильно ограничивалась ориентацией на традиционное письмо и физическими границами здания, подвергается массовым испытаниям и сталкивается с далеко идущими процессами растворения границы [Reinmann-Rothmeier 2008, с. 57].

Использование средств массовой информации в качестве дидактического инструмента обучения сопровождается релятивизацией процессов обучения в пользу процессов обучения. Обучение теперь рассматривается в первую очередь как самоконтролируемый, активно-конструктивный, ситуационный и социальный процесс, который, согласно общему предположению, может быть особенно хорошо поддержан за счет использования цифровых медиа. Большинство экспертов также согласны с тем, что цифровые медиа могут помочь более индивидуализировать процессы обучения, поддержать самообучение учащихся, а также упростить сложные вопросы. Это касается всех предметов и касается проектов и очного направления.

Способность учителей правильно использовать цифровые медиа тесно связана с их общими дидактическими навыками и не должна рассматриваться в отрыве от них. Функцию компьютерных систем в процессе обучения и преподавания можно разделить на три категории: (1) как замена, (2) как усилитель или (3) как преобразование [Reinmann-Rothmeier 2008, с. 58]. Там, где цифровые медиа используются в качестве замены, ни устоявшаяся практика обучения, ни процессы обучения учащихся, ни цели содержания не меняются. Цифровые медиа просто действуют как другие средства для достижения тех же целей обучения. В качестве усилителя единственное, на чем можно извлечь выгоду, — это то, что определенные задачи можно обрабатывать более эффективно и/или результативно с помощью цифровых носителей, без изменения этих задач [Reinmann-Rothmeier 2008, с. 59]. Использование цифровых медиа для редизайна может, среди прочего, способствовать изменению учебного процесса учащихся, как с точки зрения содержания, когнитивных процессов и способов решения проблем, так и с точки зрения педагогической практики учителей или их роли в аудитории [Reinmann-Rothmeier 2008, с. 60]. В конечном итоге, трансформация потенциально может создать инновационные образовательные возможности за счет реорганизации когнитивных процессов учащихся и навыков решения проблем.

Спектр возможностей использования цифровых медиа в качестве инструментов значительно расширился за последние годы. Традиционные и мультимедийные возможности представления, взаимодействия и моделирования могут сочетаться с новыми формами телекоммуникаций и телесотрудничества. Сегодня кажется вполне очевидным, что компьютеры и Интернет играют важную роль наряду с бумагой в большинстве предметов и на всех образовательных уровнях. Формы использования компьютера так же разнообразны, как и формы использования бумаги (учебники, рабочие тетради, тетради, тексты для чтения, энциклопедии, атласы):

- Цифровые носители могут использоваться в качестве машин для отработки и обучения определенному учебному материалу (программам обучения).
- Цифровые медиа можно использовать как электронные книги и в дополнение к занятиям по всем предметам.
- Цифровые носители могут служить в качестве программ моделирования для поддержки исследования и тестирования моделей.

– Цифровые носители могут использоваться в качестве инструментов для письма, вычислений и презентаций, а также для создания и редактирования аудиовизуальных носителей.

– Интернет как источник информации.

– Системы управления обучением или платформы обучения предлагают различные варианты предоставления, извлечения, обмена и обработки информации, а также синхронного и асинхронного общения между отдельными лицами и/или группами (например, на основе виртуальных классов).

Таким образом, цифровые медиа могут существенно дополнить, а в некоторых случаях заменить учебники, рабочие тетради и рабочие листы, а также слайды. Их особым преимуществом является то, что их можно гибко комбинировать для формирования различных учебных модулей. Оцифровка преподавания и учебных материалов, а также растущая связь с внешними сетями делают возможным быстрый и независимый от местоположения доступ, что со временем создает большой запас учебных материалов, так что материалы также могут быть доступны для доступа к тем материалам, которые ранее были доступны только ограниченному кругу пользователей. Пользователь был доступен в округе. С дидактической точки зрения сочетание различных элементов с учетом учебных требований учащихся является особенно многообещающим. К ним относятся:

- Значимые задачи в виде проблем, кейсов принятия решений, задач проектирования и оценки с возможностью представить их в подходящих вариантах.

- Источники информации, относящиеся к задачам, возможно, в сочетании с отдельными учебными пособиями и инструментами доступа к информации.

- Инструменты для поддержки процессов решения задач.

- Материал, подходящий в качестве предмета анализа – особенно в оценочных задачах.

- Инструменты, поддерживающие общение и сотрудничество.

- Инструменты, позволяющие хранить и представлять результаты.

- Задания и материалы, которые стимулируют и поддерживают применение и продолжение учебного контента.

Что касается темы средств массовой информации и связанных с ней возможностей и рисков в качестве содержания обучения, необходимы дополнительные предварительные замечания, чтобы адекватно подчеркнуть важность этого аспекта. Как уже говорилось выше, средства массовой информации играют центральную роль в формировании идентичности детей и молодых людей в процессе их социализации. В этом контексте можно выделить четыре центральных процесса, которые характеризуют современный тип социализации [Засурский 2005, с. 257].

Во-первых, возникают процессы деиерархизации. Детство и юность все меньше становятся мораторием, при котором взрослые постепенно знакомят подростков с запросами общества. В ходе медиатизации расширяется поле деятельности детей и молодежи, происходят значительные сдвиги между поколениями, что особенно влияет на приобретение разных массивов знаний [Reinmann-Rothmeier 2008, с. 55].

Во-вторых, цифровые медиа открывают новые возможности прямого участия для молодых людей. С одной стороны, это означает, что дети и молодые люди сегодня имеют более прямой и зачастую практически нефильТРованный доступ к самой разнообразной информации. Активное создание и распространение как центральная особенность текущего использования цифровых медиа усиливает это развитие.

Также все чаще считается, что услуги и приложения, объединенные под общим термином «сайты социальных сетей», также приносят значительную дополнительную пользу для процессов школьного обучения.

В-третьих, цифровые медиа открывают широкий спектр возможностей для самопознания и познания других. Сайты социальных сетей, в частности, предлагают детям и молодым людям множество возможностей узнать себя, попробовать что-то и попробовать что-то по мере развития своей личности.

В-четвертых, можно наблюдать устойчивую тенденцию к процессам неформального обучения и формирования идентичности [Reinmann-Rothmeier 2008, с. 55]. Это открывает новые области опыта и обучения, которые в значительной степени выходят за рамки контроля (и ограничений) со стороны установленных органов социализации. Поэтому процессы освоения средств массовой информации детьми и молодыми людьми особенно важны.

В связи с тем, что медиамыры открываются в результате медиаактивности детей и молодежи, школы все чаще просят решать вопросы защиты молодежных СМИ вместе с родителями и другими образовательными учреждениями, а также поддерживать приобретение критически важных медиа-навыков. Поэтому, имея дело с медиа-практиками подростков, важно всегда принимать во внимание обе точки зрения. Сюда входят как риски, так и возможности, которые цифровые медиа предлагают для решения различных задач развития детей и молодых людей. Важно помнить, Интернет представляет как возможности, так и риски, о которых не следует забывать.

Список литературы

1. Агеев В. Н., Древе Ю. Г. Электронные издания учебного назначения: концепции, создание, использование: Учебное пособие, М.: МГУП, 2003 -234 с 6.
2. Арапов М. В. Интернет-ресурсы для системы социально-гуманитарного образования в России // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России, состояние, проблемы, перспективы М Логос, 2001.-С. 94- 105 45.
3. Журин А. А. Информационная безопасность как педагогическая проблема. Проблемы подготовки подрастающего поколения к жизни в информационном пространстве. / А. А. Журин // Педагогика 2001. №4. С 48-55 49.
4. Загвязинский В. И. Методология и методы психолого-педагогического исследования. Учебное пособие для студентов педагогических вузов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология». 2-е изд. М Академия, 2005 207 с. 57.
5. Засурский Я. Н. Средства массовой информации России: Учебное пособие М, Изд-во «Аспект Пресс», 2005 382 с. 84.
6. Мантуленко В. В. Использование мультимедийных средств в учебной и профессиональной деятельности Учеб. пособие для студентов специальности «Социальная педагогика» / Сост. В. В. Мантуленко. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006 36 с 122.
7. СМИ в пространстве Интернета Учебное пособие/ Лукина М. М., Фомичева И. Д. / М Факультет журналистики МГУ им М В Ломоносова, 2005. 87 с 180.
8. Reinmann-Rothmeier, Gabi/Mandl, Heinz Auf dem Weg zur Entwicklung einer neuen Lernkultur In- Kubicek, Herbert u a (Hrsg) Lernort Multimedia Jahrbuch Telekommunikation und Gesellschaft 1998. Heidelberg 2008, S 55-61.

Сведения об авторах:

Бондарева Наталия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный аграрный университет им. Н.В. Парахина, 302019, Орловская область, г. Орёл, ул. Генерала Родина, 69, ilin26@yandex.ru

Кондратьева Валерия Николаевна, старший преподаватель, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302026, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95, lera03.30@mail.ru

УДК 811.161.1'36

Применение сюжетно-ролевых игр для формирования иноязычной коммуникативной компетенции

Ольга Викторовна Борискина

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, доцент кафедры романской филологии, кандидат филологических наук, Орел, Россия, olgaboriskina2012@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются психологические особенности сюжетно-ролевой игры для старшеклассников, ее методические особенности и роль в формировании коммуникативной компетенции, предлагается разработка ролевой игры на основе учебника А.С. Кулигиной «Твой друг французский язык».

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, сюжетно-ролевая игра, цели ролевой игры, структура речевой ситуации

The use of role-playing games for the formation of foreign-language communicative competence

Olga V. Boriskina

Oryol State University named after I. S. Turgenev, Associate Professor candidate of Philology, Oryol, Russia; olgaboriskina2012@yandex.ru

Abstract. The article deals with psychological features of the role-playing game for high school students, its methodological features and role in the formation of communicative competence, offers the development of the role-playing game based on the textbook “Your Friend is French” by A. S. Kuligina.

Keywords: communicative competence, story-role-playing game, role-playing game objectives, structure of a speech situation

Эффективность учебной деятельности зависит от мотивации учащихся, их интересов и потребностей, уровня обучаемости, а также индивидуально-психологических особенностей личности. В результате учебной деятельности учащиеся приобретают индивидуальный опыт в виде знаний, умений и навыков. Игровая деятельность – вид деятельности, под которым обычно подразумевают развлечение, особый вид отдыха. Однако в методике обучения иностранным языкам игровая деятельность имеет особую дидактическую ценность. Педагоги задействуют игровую деятельность в педагогических технологиях.

Игровую деятельность можно включать в процесс обучения в следующих случаях:

- 1) в качестве самостоятельного метода обучения;
- 2) в качестве дополнения к какому-либо другому методу обучения;
- 3) в качестве формы урока или формы части урока;
- 4) в качестве формы внеклассного мероприятия.

Большинство научных исследований посвящено изучению дидактических игр и игровых технологий, применяемых в обучении иностранному языку дошкольников и школьников младшего школьного возраста.

Мы рассматриваем игровые технологии, используемые при обучении иностранным языкам обучающихся старшего школьного возраста. Старший школьный возраст

включает в себя детей возрастом от 15 до 17 лет, то есть учащихся 9-11 класса средней общеобразовательной школы.

В ходе анализа психологических особенностей данной возрастной категории мы рассматриваем следующие аспекты: социальная ситуация развития, ведущая деятельность, когнитивные способности и особенности мотивации старшеклассников.

Социальная ситуация развития старших школьников определяется их промежуточным положением между детством и взрослой самостоятельной жизнью. Они все еще зависимы от взрослых, но при этом перед ними уже стоит серьезный самостоятельный выбор – выбор дальнейшего жизненного пути. В связи с этим можно сказать, что жизнь старших школьников обращена «в будущее».

Л. И. Божович, описывая этот возрастной период, считает, что центральным образованием является самоопределение, «с точки зрения самосознания субъекта оно характеризуется осознанием себя в качестве члена общества и конкретизируется в новой общественно значимой позиции» [Божович 1979, с. 23-24].

Мотивация учебной деятельности старших школьников тесно связана с социальной ситуацией развития и ведущей деятельностью.

В младшем школьном возрасте детей интересует сам процесс учения, новая для них социальная роль «школьника». В подростковом возрасте, ведущей деятельностью которого является общение, интерес и мотивация к учебной деятельности минимальны. Однако именно в этом старшем школьном возрасте учебная деятельность, ее содержание приобретают особое значение, так как учебная деятельность в сознании старшеклассников тесно связывается с будущей профессиональной деятельностью.

Ведущее место занимают мотивы, связанные с самоопределением и подготовкой к самостоятельной жизни. Эти мотивы приобретают личностный смысл и становятся действенными. Не менее важную роль играют социальные мотивы, связанные у старшеклассников со стремлением стать полноценным членом общества, быть ему полезным.

В самой учебной деятельности старшеклассников интересует фактическая информация, однако они начинают уделять внимание и теоретическим проблемам, исследовательской, экспериментальной и поисковой деятельности. Чем сложнее стоящая перед ними задача, тем больше они заинтересованы в ее решении. Они предпочитают рассуждать, анализировать, сравнивать различные взгляды на проблему. У старшеклассников есть свое мнение на все, в поддержку которого они будут приводить большое количество аргументов. Дискуссия для учащихся этого возраста – способ самовыражения.

Еще одной отличительной особенностью этого возраста можно назвать потребность в самообразовании. В качестве подготовки к будущей взрослой жизни старшеклассники «учатся учиться»: работать с дополнительной литературой, составлять конспекты, правильно распределять свое учебное время и нагрузку.

В творческой деятельности доминирует стремление к самовыражению и самореализации. Так как это последний этап перед вступлением во взрослую жизнь, в творческой сфере старшеклассники активно экспериментируют с примеркой на себя разнообразных социальных ролей.

В целом, мотивацию в этом возрасте можно назвать произвольной, ориентированной на профессиональные и жизненные планы и намерения.

Выбор профессии определяет круг учебных интересов. В отличие от учащихся средней школы старшие школьники видят в учебной деятельности необходимый шаг к достижению цели, шаг, приближающий их к будущей профессиональной деятельности. В связи с этим они начинают уделять особое внимание успеваемости.

У старшекласников развивается способность к самокритике. Так как они сознательно относятся к учебному процессу, соотнося успех на этом поприще со своими долгосрочными целями, многие уделяют особое внимание самосовершенствованию.

Критичной оценке подвергаются не только свои действия, но и действия учителя на уроке. В качестве критериев оценки старшекласники рассматривают особенности личности педагога, его отношение к самим учащимся и уровень педагогического мастерства.

К старшему школьному возрасту развиваются все познавательные процессы (внимание, мышление, восприятие, речь, воображение), поэтому основное внимание уделяется умению контролировать и управлять ими.

Старшекласники обладают устойчивым произвольным вниманием, которое они могут с легкостью переключать. Память также становится произвольной. На этом возрастном этапе учащиеся умеют выделять основную информацию, систематизировать ее, владеют разнообразными способами запоминания, умеют проследить причинно-следственные связи. Развивается критичность и систематичность мышления. Речь школьников этого возраста значительно отличается от речи учащихся среднего звена. Она лексически разнообразна и более гибкая интонационно. У некоторых старшекласников устная речь развита хуже письменной.

Суммируя все перечисленные психологические особенности старшего школьного возраста, можно сделать следующие выводы:

1. Учащиеся 9-11 классов обладают систематичным, критичным мышлением.
2. Старшекласники уделяют повышенное внимание экспериментальной, исследовательской и поисковой деятельности.
3. В творческой деятельности учащиеся старшего школьного возраста ценят возможность примерки на себя различных социальных ролей.
4. Старшекласники уделяют особое внимание самостоятельности и самообразованию.
5. У учащихся 9-11 классов прослеживается повышенное внимание к учебной деятельности и успеваемости [Фельдштейн 2002, с.89].

Так как игровые технологии способствуют повышению мотивации к изучению иностранных языков, а также соответствуют личностным и психологическим особенностям старшего школьного возраста, этот возрастной период, по нашему мнению, является благоприятным для организации *игровой деятельности* на уроках.

Среди многообразия игровых методов, применяемых в обучении старшекласников наиболее продуктивными, на наш взгляд, являются сюжетно-ролевые игры.

Сюжетно-ролевая игра – метод, относящийся к активным методам обучения иностранным языкам, позволяющий учителю воспроизвести на уроке практическую ситуацию реальной деятельности, создать условия для естественного иноязычного общения. В основе сюжетно-ролевой игры лежит ролевая ситуация.

Р. К. Миньяр-Белоручев под ролевой ситуацией понимает «отрезок действительности, описываемый по времени, месту, характеру взаимоотношений агентов ситуации». Он придерживался мнения, что речевая ситуация порождается различными факторами действительности. То есть, для порождения речевой деятельности необходимо представить какую-либо ситуацию действительности [Миньяр-Белоручев 1990, с. 56].

М. Л. Вайсбурд выделяет следующие компоненты структуры речевой ситуации:

1. Мотивационно-целевые компоненты, а именно потребность в общении, намерение или интенция, мотив, стимул.

2. Общий контекст деятельности.

3. Компоненты речевой ситуации, которые характеризуют субъектов общения (приписываемые субъектам социальные роли, их межличностные отношения).

4. Обстоятельства, в которых осуществляется общение.

5. Предмет или тема общения [Вайсбурд 2001, с.103].

При использовании ролевых ситуаций в учебном процессе учащиеся примеряют на себя профессиональные роли или роли, с которыми сталкиваются в жизни. Ролевая игра порождает потребность учащихся в языковых знаниях, навыках речевого общения, то есть создает естественную личную мотивацию изучения иностранного языка.

Немаловажным является творческий аспект ролевой игры. При создании учителем доброжелательной и доверительной атмосферы в ходе игры учащиеся учатся раскрывать свой творческий потенциал.

Сюжетно-ролевая игра на занятиях должна выполнять следующие функции:

1. Мотивационно-побудительную, то есть стимулировать интерес к изучению иностранного языка и использованию его в дальнейших ситуациях общения.

2. Познавательную, то есть способствовать формированию познавательных способностей и интересов учащихся.

3. Функцию социализации, то есть обеспечивать развитие коммуникативных навыков учащихся, самостоятельности, инициативности.

4. Воспитательную, то есть способствовать формированию таких качеств как трудолюбие, самостоятельность, тактичность и т.д.

5. Обучающую, то есть обеспечивать симуляцию общения в различных речевых ситуациях, в которых учащиеся учатся подбирать языковые средства исходя из целей коммуникации.

6. Ориентирующую, то есть обеспечивать формирование механизма речевого поведения.

Роль учителя на самом уроке относительно пассивна, однако от него требуется тщательная подготовка к занятию. В зависимости от возрастной категории, личных психологических особенностей учащихся, уровня их знаний и темы урока учителю необходимо распределить роли так, чтобы вовлечь в игру всю группу. Так, учащиеся, отличающиеся более ярко выраженными коммуникативными и речевыми способностями, должны оказаться в паре или группе с учащимися, владеющими языком на слабом уровне или с более пассивными учащимися. В ходе игры учитель осуществляет контроль за ходом общения, внося необходимые изменения, поддерживая и мотивируя учащихся.

В методической литературе сформулированы основные требования, предъявляемые к ролевым играм на уроках иностранного языка.

Во-первых, ролевая игра должна в первую очередь вызывать у учащихся учебную мотивацию, интерес и желание успешно справиться с поставленной перед ними задачей.

Во-вторых, ролевая игра должна быть тщательно заранее продумана учителем с точки зрения организации, содержания и формы. Учащимся должны быть даны четкие инструкции с стоящими перед ними задачами. Они должны не только понимать организационный аспект предложенной им игры, но и цели, которые преследует учитель.

В-третьих, ролевая игра должна быть одобрена и принята всей учебной группой.

В-четвертых, учитель должен создать творческую, доброжелательную, приятную обстановку, в которой учащиеся не будут бояться проявить инициативу и показать себя.

В-пятых, учитель должен организовать ролевую игру так, чтобы учащиеся смогли использовать изученный ранее материал в ситуации реального общения, тем самым позволяя им почувствовать необходимость изучения той или иной темы.

Мы предлагаем следующую технологию подготовки и проведения ролевой игры на уроке иностранного языка в средней общеобразовательной школе.

1. Представление игры учащимся. Учитель описывает учащимся ситуацию, дает свои комментарии, затем распределяет роли на карточках, в которых указана необходимая информация о персонажах. В карточках могут быть указаны ключевые действия учащихся.

2. Подготовка. В зависимости от сценического замысла учащиеся готовят свои роли. Этот этап может занимать от 15 минут до нескольких дней.

3. Организационный момент. Учитель или ведущий вводит учащихся в ситуацию.

4. Реализация игры. Учащиеся проигрывают ситуацию в соответствии со своими ролями, учитель координирует и корректирует ход игры в случае необходимости.

5. Рефлексия. Учитель подводит итоги о том, насколько учащиеся справились с задачами, которые перед ними стояли.

Примером сюжетно-ролевой игры «Ярмарка профессий» для учащихся 9 класса может служить игра на заключительном этапе изучения темы «L'orientation professionnelle» на основе учебника А. С. Кулигиной «Твой друг французский язык».

Перед проведением игры рекомендуется повторение лексического материала по теме «L'orientation professionnelle: quand et comment?». Игра рассчитана на 10-15 участников, однако количество ролей можно варьировать.

Цель сюжетно-ролевой игры – развитие речевых навыков и умений устной диалогической речи на французском языке. Выбранная цель требует решения комплекса определенных задач (образовательных, воспитательных, развивающих, практических).

Учащиеся делятся на представителей какой-либо профессии и выпускников школы. Представители профессий должны кратко и как можно интереснее описать свою работу и ответить на вопросы выпускников школы. Выпускники школы должны внимательно прослушать презентации представителей профессии и выяснить необходимую, заранее прописанную в их ролевых карточках, информацию. Затем выпускники школы выбирают какую-либо из профессий. Представитель профессии, заинтересовавший наибольшее количество выпускников, побеждает. Роли представителей профессий раздаются ученикам заранее.

Сюжетно-ролевая игра.

Этап	Время	Действия учителя	Действия учеников
Представление сюжетно-ролевой игры	1 мин.	Приветствует учащихся и представляет ролевую игру. Делит учащихся на две группы и распределяет роли. Раздает участникам установки игры в соответствии с ролями.	Внимательно слушают описание сюжета игры. Читают свои установки.

Подготовка	1 нед.	Следит процессом за подготовки презентаций, помогает в случае необходимости.	Представители профессий готовят презентации.
Организационный момент	2 мин.	Напоминает учащимся сюжетный замысел.	Готовятся к игре.
Реализация игры	30 мин.	Внимательно слушает выступления учащихся. Помогает учащимся в случае возникновения трудностей.	Представители профессий рассказывают о своей профессиональной жизни в соответствии со своими ролями. Выпускники школы внимательно их слушают, задают вопросы, затем выбирают профессию и обосновывают свой выбор.
Рефлексия	5-7 мин.	Подсчитывает результаты игры. Устно разбирает допущенные учащимися ошибки, просит их скорректировать.	Корректируют свои ошибки.

Сюжетно-ролевые игры приближают работу на уроке к условиям естественной коммуникации и реальным ситуациям общения, повышают мотивацию учащихся, их активность и инициативность, развивают познавательные процессы, а также способствуют активизации и тренировке изученного лексико-грамматического материала.

Список литературы

1. Божович, Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе / Л.И. Божович // Вопросы психологии. – 1979. – № 4. – С. 23-34.
2. Вайсбурд, М.Л. Использование учебноречевых ситуаций при обучении устной речи на иностранном языке: учеб. пособие для проведения спецкурса по обучению иноязычному общению в системе повышения квалификации учителей / М.Л. Вайсбурд. – Обнинск: Титул, 2001. – 127с.

3. Кулигина, А. С. Твой друг французский язык : Le Français c'est super! : Кн. для учителя к учеб. фр. яз. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / А. С. Кулигина, М. Г. Кирьянова. - 3. изд., дораб. - Москва : Просвещение, 2017. - 256 с.

4. Миньяр-Белоручев, Р.К. Методика обучения французскому языку / Р.К. Миньяр-Белоручев. - М.: Просвещение, 1990. - 224 с.

5. Фельдштейн, Д. И. Возрастная и педагогическая психология / Москва : Междунар. пед. акад., 2002. - 366 с.

Сведения об авторе:

Борискина Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; olgaboriskina2012@yandex.ru

Boriskina Olga Victorovna; candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University named after I. S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, 302028, Russian Federation; olgaboriskina2012@yandex.ru

УДК 378.147:004:81

Информационно-коммуникационные технологии в процессе индивидуализации обучения иностранному языку курсантов технического вуза

Оксана Анатольевна Еськина

Филиал Военной академии Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого в г. Серпухов, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Серпухов, Россия, nizhegorodov55@rambler.ru

Аннотация. Автором представлены основные аспекты применения информационно-коммуникационных технологий в рамках индивидуализации процесса обучения иностранному языку курсантов военного вуза, приведены примеры из опыта работы. В статье отмечены некоторые особенности обучения и воспитания курсантов военно-технического вуза, охарактеризовано содержание образовательного процесса, основанного на принципе индивидуализации обучения в разноуровневых группах курсантов.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, индивидуализация, дифференциация, электронные издания, разноуровневые учебные группы.

Information and communication technologies for the purpose of individualization of teaching a foreign language to cadets of higher technical institutions

Oksana A. Eskina

The Strategic Missile Force Academy named after Peter the Great, Serpukhov branch, senior teacher of the Foreign Languages Department, Serpukhov, Russia, nizhegorodov55@rambler.ru

Abstract. The author presents the main aspects of the usage of information and communication technologies in the context of individualization of the process of teaching a foreign language to cadets of a military academy, and provides examples from work experience. The article notes some features of training and education of cadets of a military-technical academy, characterizes the content of the educational process based on the principle of individualization of training in different-level groups of cadets.

Keywords: information and communication technologies, individualization, differentiation, electronic publications, multi-level study groups.

На сегодняшний день, в условиях современной технической модернизации средств вооруженной борьбы, возрастания профессионального взаимодействия военных специалистов, в том числе и иноязычного, как в войсках, так и в вузах, внедрения автоматизированных систем управления на основе цифровых информационных технологий, несомненно, востребованы знания иностранного языка выпускников военных вузов [Еськина 2023, с. 24]. Известно, что объектами профессиональной деятельности офицеров – выпускников военно-технических вузов во все большей степени становятся сложные человеко-машинные системы, функционирующие на основе использования современных цифровых информационных технологий, что требует зачастую знания иностранного языка для профессионального взаимодействия. По этой причине владение иностранным языком является одним из условий профессиональной деятельности выпускников военных технических вузов.

Юноши из разных уголков нашей страны, из разных школ, обладающие разным уровнем владения иноязычной компетенцией поступают в военный вуз. Первокурсники могут иметь как продвинутый уровень владения иностранным языком, так и иметь самый низкий его уровень – вплоть до отсутствия каких-либо навыков чтения, письма, аудирования и говорения на иностранном языке. Неязыковой военно-технический вуз не предусматривает возможности разделения курсантов на группы в соответствии с этими уровнями. Поэтому, перед преподавательским составом кафедры «Иностранных языков» стоит непростая задача: найти соответствие сложности содержания дисциплины реальным учебным возможностям курсантов, имеющих различную языковую подготовку и мотивацию.

Для совершенствования и оптимизации учебного процесса военного вуза и его индивидуализации в целом, а также на практических занятиях по иностранному языку в частности, преподавателями успешно применяются современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Остановимся на основных рассматриваемых понятиях. Так, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — это различные инструменты и системы, которые позволяют получать, анализировать, хранить и передавать информацию. Индивидуализацией может называться такая организация учебного процесса, при котором выбор способов, приемов, темпа обучения обусловлено индивидуальными особенностями обучаемых.

Здесь следует отметить некоторые особенности обучения и воспитания курсантов в военно-техническом вузе (на примере – филиала Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого в г. Серпухове), которые должен учитывать профессорско-преподавательский состав:

– высокая оснащенность материально-техническим обеспечением учебных дисциплин (вооружением, военной (специальной) техникой; полевой, тренажерной и учебно-лабораторной базой; средствами информационного обеспечения и др.);

– ограниченность использования всемирной информационной сети Internet, связанной, как правило, с обеспечением информационной безопасности объекта изучения курсантов;

– широко развитая система специализированных локальных компьютерных сетей общего и военного назначения;

– наличие личных (индивидуальных) компьютеров (учебных планшетов) у курсантов [Еськина 2020, с. 351].

Несомненно, некоторые из перечисленных особенностей несут ограничительный характер при цифровой трансформации образовательного процесса в военно-техническом вузе. Тем не менее, огромный потенциал электронных образовательных ресурсов и ИКТ создает предпосылки для его практической реализации. К средствам ИКТ относятся программные, аппаратные и технические устройства, предназначенные для обмена, накопления, хранения, обработки и передачи различной информации. В учебном процессе ВУЗа преподаватели используют следующие средства ИКТ:

1. Лингафонные классы с современным оборудованием.
2. Электронные учебники и пособия, которые можно демонстрировать при помощи ноутбука, компьютера или мультимедиа-проектора.
3. Аудио- и видеотехника.
4. Интерактивная доска (панель с сенсорным экраном, которую преподаватель подключает к компьютеру).
5. Носители информации - диски для хранения презентаций, слайдов, учебного материала.

С этой целью, в военных вузах создается широко развитая система специализированных локальных компьютерных сетей общего и военного назначения, элементами которой являются локальные сети кафедры иностранных языков.

Немаловажной особенностью является и то, что курсант военного технического вуза с первого курса мотивирован на изучение военной техники, а не на изучение «непрофильных» предметов, каким является иностранный язык. Естественно, он считает, что за границей он служить не будет, а в войсках знание иностранного языка тоже ему не нужно. Поэтому, профессионально-ориентированные тексты, аудио и видео фильмы, реализованные через ИКТ, могут создавать ситуации, максимально приближенные к будущей профессиональной деятельности. Это один из способов заинтересовать обучаемых, активизировать имеющиеся знания, отрабатывать навыки диалогической речи, как «сильных», так и «слабых» курсантов и др. [Роберт 2019, с. 111].

В последнее время, в военных вузах, с ростом информационно-коммуникационных технологий и с развитием современных технических средств, популярность набирает внедрение преподавателями кафедры иностранных языков электронных образовательных ресурсов в образовательный процесс. Это и использование справочных средств компьютеров, интерактивных таблиц, электронных учебников и учебных пособий, оцифрованных тестов и словарей, видеороликов и др. Разные виды электронных учебных изданий наглядно представлены в таблице 1.

Таблица 1. Виды электронных учебных изданий

Электронные учебники		Электронные учебные пособия
Прототипы традиционных учебников		Тренажеры
Оригинальные электронные учебники		Предметные коллекции
Предметные обучающие системы		Справочники, словари
Предметные обучающие среды		Практические УП

Так, использование ИКТ на практическом занятии по иностранному языку дает возможность реализовывать принцип индивидуального подхода, например, путем выдачи каждому курсанту разных по степени сложности профессионально-ориентированных текстов (адаптированных текстов, научных статей, инструкций, описаний изобретений и т.п.) для чтения и перевода с монитора компьютера; ранжировать процесс обучения языку по глубине и темпу прохождения. Подобная дифференциация оказывает большой положительный эффект, т.к. создает условия для успешной и результативной деятельности каждого участника образовательного процесса, и, тем самым влияет на повышение мотивации к учебе. [Стариков 2018, с.323].

Электронные учебники и компьютерные программы обеспечивают оперативное введение в учебный материал, моделирование ситуаций общения, контроль и оценку полученных знаний, позволяя использовать разные виды наглядности. Преподаватель может предложить курсантам выполнить определенные упражнения в локальной сети (звуковые и текстовые задания), при работе с которыми, обучающиеся используют компьютер в качестве инструмента учебной деятельности. Однако, несмотря на присущую современным молодым людям цифровую грамотность и предоставленные возможности самостоятельной работы с ИКТ по изучению иностранного языка, курсанты слабо мотивированы работать без преподавателя. Поэтому, традиционные формы работы преподавателя с курсантом необходимо применять в рациональном сочетании с интерактивными методами и с использованием ИКТ.

Одной из основных задач, стоящих перед преподавателем дисциплины «Иностранный язык», является формирование навыков говорения на иностранном языке (монолог, диалог, полилог). Несомненно, использование на практических занятиях учебного видеофильма на иностранном языке позволяет создать такие условия, когда обучаемые вступают в обсуждение увиденного. [Еськина 2023, с.23].

Опыт показывает, что особую мотивацию создают видеофильмы, где в главных ролях выступают их однокурсники – курсанты. В военных технических вузах далеко не все курсанты владеют иностранным языком на приемлемом уровне. Тем не менее, и для такой аудитории в качестве повышения интереса к дисциплине, а также с целью расширения кругозора, стоит проводить показ учебных фильмов. Разработка видеофильмов, как и процесс формирования заданий к ним очень трудоёмок и занимает много времени. Но эта работа оправдывает себя, разработав и собрав материал один раз, преподаватель может пользоваться им неоднократно. Кроме того, видеофильмы позволяют использовать: несколько звуковых дорожек на различных языках, субтитры на различных языках, быстрый доступ к любому фрагменту фильма, изменение скорости воспроизведения видео- и звукового ряда и др. К примеру, на кафедре иностранных языков нашего вуза собрана немалая коллекция учебных фильмов, которые успешно применяются преподавателями на практических занятиях. Вот некоторые из них: The US Military Academy (West Point) – Военная академия США (Вест Пойнт), The History of NATO – История НАТО, OSCE – ОБСЕ, History of the Strategic Missile Forces – История РВСН, International Scientific and Technical Seminar – Международный научно-технический семинар и др. [Еськина 2020, с.349].

В нашем вузе широкое применение получила форма работы с использованием презентаций Microsoft Power Point: изучение новых лексических единиц, грамматических правил, обучение диалогической и монологической речи, отработку грамматических явлений удобно проводить с опорой на слайд, на представленную на слайде модель.

Для контроля усвоения знаний по тематическим разделам дисциплины «Иностранный язык» преподавателями кафедры апробирована и широко применяется компьютерная программа MyTestX — а точнее система программ для создания и проведения компьютерного тестирования, сбора и анализа результатов, выставления итоговой и промежуточной оценки в соответствии с заданной в тесте шкале [Еськина 2020, с.349].

Подводя итог, следует отметить преимущества использования ИКТ на практических занятиях по иностранному языку в неязыковом военно-техническом вузе:

- дает возможность реализовывать принцип индивидуального подхода и принцип дифференциации (разные по степени сложности задания);
- возможность ранжирования процесса обучения языку по глубине и темпу прохождения;
- моделирование ситуаций общения, средства ИКТ позволяют использовать разные виды наглядности (учебные фильмы, звуковой ряд, слайды);
- возможность работы над учебным материалом в часы самоподготовки;
- контроль и оценка полученных знаний, может осуществляться автоматизировано.

Итак, использование цифровых технологий в образовательном процессе вуза позволяет не только реализовывать принципы индивидуального и дифференцированного подхода к обучению иностранного языка, но и ориентировать на развитие профессиональных умений курсантов, что в конечном итоге эффективно влияет на повышение уровня овладения военной специальностью. Таким образом, с помощью правильно организованного процесса обучения иностранному языку и грамотно подобранных учебных материалов преподаватели смогут организовать процесс обучения иностранному языку таким образом, чтобы он был интересен и полезен курсантам с разным уровнем владения иноязычной компетенцией.

Список литературы

1. Еськина О.А. Опыт использования цифровых технологий в обучении курсантов технического вуза иностранному языку /О.А.Еськина// Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Современные проблемы цифровой трансформации экономики, образования и государственного управления». Россия. – Махачкала: АЛЕФ, 2020. – С. 348-352. Всего – 518 с. – Электронное издание.
2. Еськина О.А. Профессионально-ориентированное обучение курсантов иностранному языку в разноуровневых группах/ О.А.Еськина // Научно-технический сборник филиала Военной академии РВСН им. Петра Великого в г. Серпухове. – Серпухов: – 2023. Ч.1. – С.23-28.
3. Роберт И. В. Характеристики информационно-образовательной среды и информационно-образовательного пространства / И. В. Роберт // Мир психологии. –2019. – № 2 (98), – С. 110-120.
4. Стариков А. М. Применение технологии разноуровневого обучения иностранному языку: способы повышения эффективности и индивидуальные образовательные треки учеников / А. М. Стариков // Молодой ученый. — 2018. — № 48 (234). — С. 321-323.

Сведения об авторе:

Еськина Оксана Анатольевна; к.п.н., старший преподаватель кафедры иностранных языков, филиал Военной академии Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого в г. Серпухове, 142210, Российская Федерация, Серпухов, ул. Бригадная, д.17; nizhegorodov55@rambler.ru

Eskina Oksana Anatolevna; Candidate of Pedagogical Sciences, senior teacher of the Foreign Languages Department, Strategic Missile Force Academy named after Peter the Great, Serpukhov branch, Brigadnaya st., 17, Serpukhov, 142210, Russian Federation; nizhegorodov55@rambler.ru

УДК 372.881.111.1

Оптимизация самостоятельной деятельности студентов при работе над индивидуальным чтением

Елена Леонидовна Макарова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, старший преподаватель кафедры английского языка, Орел, Россия E-mail: engkafosu@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы оптимизации самостоятельной работы над индивидуальным чтением студентов 1 курса языковых ВУЗов. Статья акцентирует внимание на путях организации самостоятельной работы студентов над чтением позволяющим, максимально эффективно использовать аудиторное время на занятиях. В рамках данной статьи представлен ряд заданий, иллюстрирующих мысль автора.

Ключевые слова: эффективность, самостоятельная работа, индивидуальное чтение, внеаудиторное чтение, контроль понимания прочитанного.

On the Ways of Facilitating Individual Reading Teaching

Elena L. Makarova

Oryol State University named after I.S. Turgenev, a senior lecturer at the English Language Department, The Institute of Foreign Languages, Oryol, Russia, engkafosu@yandex.ru

Abstract. The following article is devoted to the possible ways of making the process of individual reading ultimately effective. It sets its aim to offer some ways to maximize the in-class time by working out a set of independent assignments.

Keywords: reading comprehension control, out-of-class reading, individual reading, independent work, effectiveness.

Самостоятельную работу необходимо организовывать во всех звеньях учебного процесса, в том числе и в рамках работы над индивидуальным чтением. Являясь постоянным компонентом учебного плана, индивидуальное чтение носит комплексный характер: это и вид чтения, который предполагает владение определенными навыками и умениями для извлечения информации из письменного текста, и особый подход к формированию навыков и умений. К несомненным преимуществам данного вида работы можно отнести тот факт, что сам процесс чтения студенты осуществляют дома. Это особенно важно в связи с неуклонным сокращением количества часов аудиторных занятий по гуманитарным дисциплинам. Данная работа, осуществляемая в условиях относительной независимости от преподавателя, дает студенту возможность индивидуального выбора книги, а также удобного для него графика и места. Внеаудиторное чтение в вузе предполагает развитие познавательных навыков студента,

представляет собой один из способов актуализации и расширения активного словарного запаса, развивает интерес к изучению ИЯ, пополняет копилку фоновых знаний, прививает студентам навыки дальнейшей самостоятельной работы с иноязычной литературой. Данный вид работы способствует проявлению инициативы и творческую активность.

Однако следует отметить, что при всех очевидных преимуществах данного вида работы, работа над ним ведется недостаточно эффективно. Нередко индивидуальное чтение рассматривается как вспомогательный вид работы в общем процессе обучения. В этом случае методика его проведения ничем не отличается от хода работы над текстом учебника. По мнению Г. П. Бухаровой такой подход не совсем оправдан, поскольку формирование любого навыка и умения требует большой практики в данном виде деятельности [Бухарова 2005, с. 7].

Разумеется, самостоятельная работа должна носить целенаправленный характер, быть четко сформулированной. Содержание самостоятельной работы должно обеспечивать полный и глубокий комплекс заданий студентам. Как справедливо отмечает Н. Ф. Коряковцева: «Самостоятельная практика в речи связана и дополняет самостоятельную практику в чтении и аудировании» [Коряковцева 2002, с. 11]. В данной статье хотелось бы обозначить основные способы и приемы оптимизации работы над индивидуальным чтением, позволяющие повысить ее эффективность и улучшить контроль выполнения сделанной работы.

Индивидуальное чтение предполагает достаточно большой объем работ. Это запараллеленная с чтением самостоятельная работа по ведению дневника чтения, ведение тематических таблиц, составления summary и т.д. В сложившихся условиях становится очевидной необходимость повышения оптимизации организации самостоятельной работы студентов, которая должна быть систематически и рационально организована с целью научить студента самостоятельно решать задачи, поставленные перед ними преподавателем, при этом проявляя активность, достаточную дисциплинированность, творческий подход и собственное мышление в получении информации [Фоломкина 2005, с. 21].

Однако зачастую преподаватель сводит проверку хода работы над индивидуальным чтением к словесному отчету. При этом не всегда удается понять, составлен ли ответ самостоятельно или же студент использовал Интернет ресурс, представляющий краткое изложение определенных глав. Но, пожалуй, самое главное, преподаватель не всегда эффективно использует аудиторное время. Слушая отчет о прочитанном одного учащегося, он оставляет других студентов без задания. Решение этой проблемы можно найти в следующем. Чтобы максимально использовать аудиторное время, повысить объем самостоятельной работы студента дома, чтобы, в конце концов, избежать ничегонеделания других студентов нужно организовать работу в классе по выполнению заданий, подготовленных студентами внеаудиторно. А именно сфокусировать внимание не только на индивидуальном отчете отдельно взятого студента по индивидуальному чтению, а расширить объем самостоятельной внеаудиторной работы студентов, что позволит, в свою очередь, максимально эффективно организовать самостоятельно – выполняемую аудиторную работу всех студентов в группе. С этой целью перед студентом помимо подготовки отчета – рассказа о прочитанном ставится задача составить дома определенный сет заданий, соотносимый с одной из пройденных или текущих грамматических тем. При этом, выбирая тип задания, можно смело использовать комплексный подход в обучении и реализовывать междисциплинарные связи. В качестве примеров можно предложить лишь некоторые из возможных заданий.

Иллюстрацией к данной мысли может служить следующий пример. Student 1 выбирает отрывок из прочитанного и составляет Card 1. В ней он отображает отрывок

текста с пропущенными артиклями. Student 2 получает Card 1 и в ходе занятия по индивидуальному чтению заполняет ее артиклями. Одновременно с этим St. 1 работает над карточкой, полученной от St. 2. В конце занятия учащиеся обмениваются ключами, которыми, кстати, служит сам текст индивидуального чтения. Содержание, тип и объем заданий преподаватель может, безусловно, соотносить с тематическим планом параллельно изучаемых дисциплин (в данном случае “Практическая грамматика”, тема «The Article»). Таким образом, преподаватель выбирает тип задания исходя из текущей тематики смежного предмета. В качестве альтернативы можно предложить работу над транскрипцией. Student 1 транскрибирует несколько предложений из прочитанного дома отрывка. Ключом по-прежнему является сам текст книги. Student 2 делает декодировку, опираясь на ключ.

Для максимально эффективного использования классного времени можно использовать параллельный перевод. Student 1 составляет Card 1, что представляет собой 10-12 предложений из прочитанного дома текста, Student 2 переводит задание. Ключом по-прежнему является сам текст книги. Преподаватель может варьировать вид заданий, изменять количество предъявляемых к выполнению в классе заданий.

Но такой подход к организации работы над индивидуальным чтением имеет ряд преимуществ: позволяет в значительной мере повысить объем самостоятельной работы студента дома. При такой организации самостоятельная работа приводит к систематизации и закреплению полученных теоретических знаний и практических умений, способствует углублению и расширения словарного запаса, позволяет максимально полно использовать аудиторное время, и тем самым оптимизировать процесс обучения.

Список литературы

1. Бухарова Г.П. Особенности обучения «домашнему чтению» в неязыковом вузе / Технологии обучения иностранным языкам в неязыковых вузах. Межвузовская научно-практическая конференция (1 февраля 2005 г.), Ульяновск, 2005. С. 6-8.
2. Коряковцева Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: пособие для учителей / Н.Ф. Коряковцева. – М.: АРКТИ. –2002. – 175 с.
3. Фоломкина С.К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. Москва, Высшая школа, 2005.

Сведения об авторе:

Макарова Елена Леонидовна; старший преподаватель кафедры английского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д.95, email engkafosu@yandex.ru

Makarova Elena Leonidovna; a senior lecturer at the English Language Department, The Institute of Foreign Languages, Oryol State University named after I.S.Turgenev. email engkafosu@yandex.ru

УДК 81

Анализ метадискурсивности в работах молодых ученых-биологов: корпусный подход

Наталья Леонидовна Моргун

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доцент

кафедры английского языка для естественных факультетов ФИЯР, кандидат филологических наук, Москва, Россия, nata@mail.ru

Аннотация. За последние несколько десятилетий концепт метадискурса стал популярен в в ЕАР, однако не вполне понятно, как его на самом деле используют студенты в своих работах. Наше исследование определяет категории и формы метадискурса, используемые в корпусе академического письма магистрантов-биологов. Выводы в статье сделаны на основе корпусов, которое включает в себя качественный и количественный подходы для определения элементов метадискурса.

Ключевые слова: английский для академических целей, метадискурс, корпусное исследование

Metadiscourse Analysis in Young Biologists Writing: A Corpus-Based Approach

Natalya L. Morgoun

Moscow State University, associate professor of the Department of English Language for Natural Science Faculties, candidate of Philology, Moscow, Russia, email@mail.ru

Abstract. Over the past few decades, the concept of metadiscourse has become popular in EAP, but it is not entirely clear how students actually use it in their writing. Our study identifies categories and forms of metadiscourse used in a corpus of academic writing by biology undergraduates. The findings in this paper are based on a corpus that incorporates both qualitative and quantitative approaches to identify elements of metadiscourse.

Keywords: EAP, metadiscourse, corpus-based study.

Знание академического словарного запаса и способность понимать и реализовывать его является важным инструментом для студентов университетов по программам английского языка для академических и специальных целей (ЕАР). Как известно, специальный словарь основного лексического фонда в научном стиле представлен терминологией, которая помимо терминологического слоя (выражаемого, как правило, существительными) содержит специальные единицы, общеакадемическую лексику и дискурсивные слова (или дискурсивные маркеры, ДМ), которые организуют речь и являются единицами метаязыка.

Говоря о функциях ДМ, следует понимать, что с момента возникновения интереса к ним со второй половины 20 века до настоящего времени, российские и зарубежные ученые, исходя из разных подходов, разработали подробное и разноаспектное описание функций ДМ – от реализации авторского начала (межличностная языковая функция), до когнитивной, или содержательной, и текстовой (синтаксической) функции [Halliday, 1973]. Как бы разнообразны ни были ДМ, их объединяет определенная семантика - коммуникативно-прагматическая информация. Дискурсивные единицы, которые являются предметом рассмотрения в настоящей работе, – коммуникативные единицы двух типов: коннективные ((however, so /впрочем, так) и эпистемические маркеры сомнения и уверенности (presumably, perhaps /впрочем, так). Это своего рода клише для определенных структур, которые включены в периферию научно-лексического фонда и включает в себя те языковые инструменты, которые часто присутствуют в специальной речи (текстах) в качестве «организаторов» [Викторова, 2012].

Конечно, знание академического словарного запаса и способность понимать и реализовывать его в письменной форме является важным инструментом для студентов [Моргун, 2017]. Однако использование дискурсивных слов для организации своей

устной и письменной речи является признаком высокого владения иностранным (английским) языком и важным показателем лексического «качества». Многочисленные работы исследователей и преподавателей говорят, с одной стороны, о важности этого пласта лексики у изучающих иностранный язык, и, с другой, о недостаточной представленности этих единиц в речи студентов. Отметим, что зачастую речь в этих работах идет о студентах-лингвистах, а речь студентов, изучающих иностранный язык для специальных целей, исследована крайне недостаточно. Иностранные ученые, которые проводят корпусные исследования, показывают статистический анализ количества академической и специальной лексики, однако среди этих работ немало таких, которые исследуют метадискурсивность речи студентов. [Nation, 2001].

Понятие «корпус» все шире входит в научный оборот преподавателей иностранного языка. По твердому убеждению профессора Плуногяна, для овладения языком человеку нужны три вещи: словарь, грамматика и корпус текстов данного языка, потому что словарь и грамматика, в общем-то, бесполезны вне живого пространства, где язык, собственно, и функционирует [Плуногян, 2005].

Что касается использования корпусов для изучения английского для академических целей практическое применение корпусов нашло свое выражение в составлении Частотного словника научной лексики (Academic Word List, AWL), использование которого значительно повышает понимание научных текстов, чем при изучении общей лексики. Корпуса письменных научных текстов служат значительной поддержкой при обучению научной речи, причём такие корпуса могут быть как составленными из текстов состоявшихся ученых, так и из текстов научных работ (статей, курсовых и дипломных работ) студентов.

Согласно классическому определению корпуса, предложенному Синклером [Sinclair, 2004], под корпусом понимается «унифицированный, структурированный и размеченный массив языковых (речевых) данных в электронном виде». Это определение строится на четырех параметрах, которые отличают корпус от простого собрания текстов, а именно, 1) корпус должен быть в электронном формате (.txt); 2) иметь стандартизованное представление словесного материала; 3) иметь достаточно большой размер (от 100 000 слов, или токенов, для малого, специализированного (in-house) корпуса до миллиарда в современных корпусах (например, Ten-Ten); 4) быть аннотированным (описанным, задокументированным).

Мичиганский корпус академического разговорного английского языка (MICASE) был записан на рубеже веков (в 1997–2001 годах), он содержит почти 2 млн токенов (1 848 364 слова) в 152 стенограммах из самых разных дисциплин. В исследовании Симпсон и Мендиса (2003), выявленная частотность дискурсивных единиц - 835 на миллион слов, в относительных величинах - 0,1%. Частотность рассчитана так: количество токенов в дискурсивном употреблении делится на общее количество токенов в корпусе и умножается на миллион – в корпусных исследованиях это называется нормализацией [Simpson, Mendis, 2003]. В более современном исследовании [Siyanova-Chanturia, 2015] использовались два академических корпуса английского языка: британский Корпус академического устного английского (BASE) (стенограммы лекций и семинаров) и Оксфордский корпус академического английского языка (OCAE) для письменных текстов. В базу данных исследователь внесла только дискурсивные единицы с частотностью более 1,2 pmw.

Например, *take this example* появляется в BASE 9 раз, поэтому 9 было разделено на 1 669 105 (общее количество токенов BASE) и умножено на миллион, в результате чего частотность составляет 5,39 pmw. BASE был записан между 2000 и 2005 годами в университетах Уорика и Рединга в Великобритании. Он содержит стенограммы 160 лекций и 39 семинаров по нескольким дисциплинам, которые были разделены на 4

группы. Social Sciences (390 единиц, или 233.66 pmw), далее по частотности идет Arts and Humanities (318 единиц, 190.52 pmw). Life and Medical Sciences (304, или 182.73 pmw), and Physical Sciences, где анализируемые единицы использовались реже всего, 76 pmw).

Дальнейшие исследования могут также изучить, сколько из этих метадискурсивных единиц известны студентам и используются ими; еще одним направлением в этой сфере может быть определение факторов, которые могут помешать пониманию и использованию таких единиц. По проницательному наблюдению С.Г. Тер-Минасовой, использование такой фразы или слова маркирует говорящего как «культурного инсайдера», а неправильное использование может вызвать культурный диссонанс у слушающего на первом языке [Тер-Минасова, 2000]. Следовательно, необходимо исследовать использование таких выражений носителями и передавать эти знания студентам.

В то же время, применительно к ситуации преподавания иностранного (английского) языка уместно использовать социолингвистическое понятие коммуникативной компетенции (communicative competence) для обозначения способности человека, в том числе изучающего иностранный язык, выбирать уместный стиль коммуникации и порождать социально приемлемые высказывания [Подосинникова, 2000].

Важным наблюдением в некоторых исследованиях является низкий процент идиоматичных слов и выражений в студенческих текстах. Было высказано предположение, что студенты используют слова из более специализированного, предметно-ориентированного словарного списка, которые не входят в основной список академической лексики, и практически не используют элементы метаязыка [Csomay, 2020]. Это ставит вопрос необходимости целенаправленного изучения того, насколько дискурсивные слова используются в работах студентов старших курсов нелингвистических специальностей.

Автор настоящей работы провел исследование, которое строилось в 2 этапа. На первом этапе мы использовали малый специализированный корпус, который был спроектирован для студентов-биологов и использовался главным образом для отбора лексических единиц для курса «Практика английского языка для студентов-биологов» [English for Biology, 2021]. Из этого корпуса было выделено и проанализировано 40 единиц. Далее мы собрали подкорпус студенческих сочинений, в который вошли 100 текстов, написанных студентами 4 курса в рамках письменной части финального экзамена по курсу «Английский как язык специальности». Студентам предлагалось написать эссе на одну из тем, пройденной в рамках курса. Общий объем составил 286 459 слов. Количественные расчеты проводились с использованием программы AntConc [Anthony, 2001]. Результаты показали, что учащиеся используют более высокую долю общего академического и предметно-ориентированного словарного запаса по основной дисциплине, а доля метадискурсивных единиц, выявленных в ходе анализа, оказалась минимальна. В частности, из начального списка в 40 единиц, в работах студентов встретилось 6 (take place – 40 употреблений в разных грамматических формах, take into account -21, give rise - 13, take care of - 11), остальные были представлены незначительно.

Естественно, наше исследование имеет ряд ограничений. Главным образом, мы включили в выборку лишь относительно небольшое число текстов и исследовали только одну академическую дисциплину. Кроме того, размер используемого словарного списка для конкретных предметов был значительно меньше, чем в исследовании [Филатова, 2002]. Очевидно, расширение корпуса текстов, а также проведение параллельного анализа текстов из других академических дисциплин, присутствующих в СОСА, дало бы более глубокое понимание использования идиоматических выражений в своей области.

Приведенные данные дают нам право утверждать, что, учитывая разницу между языками, студенты вероятно по-разному реализуют стратегию экспликации отношений между частями предложения и/или внутритекстовой связи. Разное количество ДМ в текстах, созданных носителями и текстах, написанных студентами, говорит о том, что последние часто опускают наиболее очевидные, с их точки зрения, средства связности, и используют более однообразные единицы. Можно также утверждать, что особенности употребления ДМ отражают национально-культурную специфику русскоязычного научного дискурса. Подводя итог скажем, что метадискурсивные единицы типа *consider this example* действительно частотны в академическом дискурсе, и обучение им студентов является необходимостью при обучении академического в широком понимании английского.

В ходе исследования установлено, что метадискурсивные единицы являются эффективным и продуктивным средством развития культуры иноязычной речи. Употребление таких единиц в речи студентов продвинутого этапа обучения не только обогащает речь студентов на иностранном языке, но и делает ее аутентичной, максимально приближенной к речи носителей языка. Пока же очевидно, и это соответствует выводам других исследователей [Kunilovskaya, 2018], что в практике преподавания английского языка в курсе «Английский как язык специальности» характерна спорадическая и фрагментарная работа с дискурсивными выражениями; можно отметить и несовершенство учебников и учебных пособий по английскому языку, в которых, как правило, отсутствует комплекс упражнений, направленных на развитие культуры научной речи. Выводы могут помочь разработчикам материалов EFL, учителям и студентам в распознавании и включении часто используемых дискурсивных единиц на занятиях и в учебные материалы.

Список литературы

1. Викторова, Е. Ю. Вспомогательные коммуникативные единицы в английских и русских научных статьях / Е. Ю. Викторова // Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах: материалы Междунар. науч. конф. (г. Волгоград, 29–31 октября 2012 г.). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С. 95–99.
2. Моргун Н. Л. Обучение студентов-биологов внутрижанровой языковой вариативности материале корпуса презентации TED-talks // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. — 2017. — № 4 (20). — С. 27–34.
3. Плуныян В.А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки, 2005, № 2, 296-308.
4. Подосинникова, А.И. Предпосылки обучения стилистически адекватной иноязычной разговорной речи студентов языкового вуза // Вісник Київського державного лінгвістичного університету. Серія “Педагогіка та психологія”. – К.: Вид. центр Київського держ. лінгв. ун-ту, 2000. – Вип. 2. – С. 68-72.
5. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. - 264 с.
6. Филатова, Н.И. Обучение студентов-лингвистов идиоматичности устной иноязычной речи (на материале испанского языка) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Пятигорский государственный лингвистический университет. Пятигорск, 2002.
7. Anthony, L. (2001). Developing a Computer System for Automatically Identifying the Structure of Writing. Proceedings of JACET 40th Annual Convention. - pp. 42-42.
8. Csomay, E. A corpus-based study of academic word use in EFL student writing //Advances in Corpus-based Research on Academic Writing DOI: 10.1075/scl.95.01cso

9. English for Biology. Academic Vocabulary Supplement: учебное пособие, [электронное издание сетевого распространения] / Е.Э. Кожарская, Н.Л. Моргун. – М.: «КДУ», «Добросвет», 2021. – 211 с. – URL: <https://bookonline.ru/node/42182>. – doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1187-0-2021-211.
10. Halliday, M. Explorations in the Functions of Language / M. Halliday. – London, 1973. – 143 p.
11. Kunilovskaya, M. et al. "Source Language Difficulties in Learner Translation." Target. International Journal of Translation Studies 35.1 34–62.
12. Nation, I.S.P. Learning vocabulary in another language. /Cambridge: CUP, 2001
13. Simpson, Rita ; Mendis, Dushyanthi. "A Corpusâ Based Study of Idioms in Academic Speech." TESOL Quarterly 37(3).
14. Sinclair, J. Trust the Text: Language, Corpus, and Discourse. - London: Routledge, 2004. – 224 p.
15. Siyanova-Chanturia, A., Martinez, R. The idiom principle revisited // Applied Linguistics. 2015. Vol. 36. N. 5. - P. 549-569. DOI:10.1093/applin/amt054

Сведения об авторе:

Моргун Наталья Леонидовна; кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, 119991, Российская Федерация, Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1; ivanov_ii@yandex.ru; +9XXXXXXXXXX.

Morgoun Natalya Leonidovna; Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow State University, Leninskie Gory st., 1, Moscow, 119991, Russian Federation; ivanov_ii@yandex.ru; +89264952780.

УДК 37.016:81'243

Барьеры в иноязычном говорении и возможности их преодоления в процессе обучения иностранным языкам

Тамара Юрьевна Терновых¹, Елена Александровна Фёдорова²

¹ Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, доцент кафедры немецкого языка, кандидат педагогических наук, доцент, Орёл, Россия, t-ju-7@yandex.ru

² Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, студент магистратуры 1 курса, Орёл, Россия, ElenaFedorovaa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются причины возникновения барьеров в иноязычном говорении, даётся их классификация, предлагаются возможные пути их устранения или предотвращения и приводятся практические примеры заданий, направленных на снятие барьеров в иноязычном говорении в процессе обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: иноязычное говорение, лингвистические, психологические, коммуникативные барьеры, методическое мастерство, метод моделирования, игровой метод.

Barriers for foreign language speaking and means to overcome them

Tamara Yu. Ternovykh¹, Yelena A. Fyodorova²

¹ Oryol State University named after I. S. Turgenev, associate professor of the German Department, Foreign Language Institute, candidate of Pedagogics, Oryol, Russia, t-ju-7@yandex.ru

² Oryol State University named after I. S. Turgenev, 1st year master student, Oryol, Russia, ElenaFedorovaa@yandex.ru

Abstract. The article considers the reasons for emergence of barriers in foreign language speaking, suggests their classification, offers possible ways to remove or prevent them and gives examples of practical tasks aimed at removal of foreign language speaking barriers in the course of foreign language learning.

Keywords: foreign language speaking, linguistic, psychological, communication barriers, instructional skills, modeling technique, gaming technique.

Иноязычное говорение как продуктивный вид речевой деятельности предполагает, что обучающиеся в достаточной мере владеют мотивацией и необходимым набором языковых средств для выражения своих мыслей на иностранном языке. Однако на практике учителям и преподавателям нередко приходится сталкиваться с такой проблемой в процессе обучения как барьеры в говорении, под которыми принято понимать «личностные факторы социально-психологического характера, препятствующие взаимопониманию и социальному взаимодействию, служащие причиной непонимания, конфликтов или способствующие им» [Азимов, Щукин 2009, с. 27].

Данные трудности имеют различную природу и в методической и психологической научной литературе мы можем найти разные классификации барьеров в иноязычном говорении. Представим одну из них.

Ю. С. Васильева и Н. С. Швайкина предлагают рассматривать психологические, лингвистические и коммуникативные барьеры

[Васильева, Швайкина 2022, с. 69-72]. Данное мнение разделяет И. В. Фирсова, уточняя, что в психологии принято выделять также личностные, физические и семантические барьеры [Фирсова 2013, с. 90].

Лингвистические барьеры соотносят с трудностями использования иностранного языка в процессе говорения по причине недостатка знаний лексики, грамматики и правил артикулирования и/или интонирования. Причинами таких барьеров могут быть:

1. негативное влияние родного языка,
2. культурные различия родной страны и страны изучаемого языка,
3. разговорные выражения,
4. грамматика и лексика,
5. фонетический строй языка.

Психологические барьеры связаны с психическим состоянием личности, ее установками и переживаниями. На изучение иностранного языка могут влиять темперамент, особенности внимания, памяти и воображения учащихся.

Коммуникативные барьеры связаны с помехами, которые могут препятствовать пониманию собеседника в процессе коммуникации на любом этапе передачи информации и привести к искажению смысла общения. Выделяют три типа таких барьеров:

- социально-культурные барьеры (включают затруднения, связанные с ценностями, нормами, стереотипами установками, сформированными в конкретных условиях социального и культурного развития человека);

- барьеры понимания (в подобном случае партнеру сложно понять в процессе общения, что говорит его собеседник из-за быстрого темпа речи, слов-паразитов, дефектов речи и др.);

- барьеры отношения (они могут проявляться как предвзятость, отрицательная установка, неприязнь одного говорящего к другому).

Если коммуникативные и психологические барьеры могут быть устранены только в конкретном, индивидуальном случае с учётом особенностей определённого говорящего и его собеседника, то для устранения лингвистических барьеров можно предложить универсальные методы. Для этого учителю следует проявить своё методическое мастерство и организовать на уроках иностранного языка последовательную работу по предотвращению появления или для снятия данных барьеров. Можно предложить *метод моделирования* и *игровой метод*.

Метод моделирования предполагает создание на уроках ситуаций для ведения разговора приближенного к реальному общению (например, диалоги в магазине, кинотеатре, на улице и др). Сюда же относят создание проблемных ситуаций, которые требуют решения конкретной проблемы или совета в определённой ситуации. Приведём пример. Тема «Spaß und Stress in der Schule» в учебно-методическом комплексе Spektrum для включает в себя подтему «Schule ohne Note». Она посвящена обсуждению необходимости выставления оценок в процессе обучения. После того, как эта тема будет изучена, может быть предложено следующее задание:

Stellt euch vor, dass ihr eingeladen wurdet, an der Talk-Show teilzunehmen. Führt eine Diskussion zum Thema «Braucht man Noten in der Schule?». Jeder wählt für sich eine Rolle.

Vergesst nicht in euren Rollen unterschiedliche Gedanken auszudrücken, an der Diskussion aktiv teilzunehmen, höflich zu sein.

Для проведения необходимо провести подготовку и определить необходимые грамматические правила и лексические средства. Сначала на основе упражнений учебника ученики выделяют преимущества и недостатки оценок.

Также для дискуссии по данному вопросу необходимы клише для участников и ведущего.

Die Gäste:

- Ich meine/ denke/ finde/ glaube, dass...
- Ich bin überzeugt
- Das stimmt vollkommen/ nur teilweise/ gar nicht
- Ich kann mir (nicht) vorstellen, dass ...
- Ich bin dafür/dagegen, weil ...
- Meiner Meinung nach ...
- Ich bin anderer Meinung.

Der Moderator:

- Herzlich Willkommen, Damen und Herren! Heute diskutieren wir über..
- Heute sind in unserem Studio ... Gäste. Stellen Sie sich vor!
- Was glauben Sie über ...?
- Welche Meinung haben Sie dazu?
- Möchten Sie dazu noch etwas sagen?
- Vielen Dank für Ihre Teilnahme!

Обучающимся необходимо проявить свое умение вести дискуссию с аргументацией своего мнения, четко формулировать свою мысль и отвечать на реплику оппонента, а также адекватно отвечать на вопросы.

Данное задание дает возможность тщательнее изучить лексические единицы по теме «Schule ohne Note», высказать свое мнение, взаимодействовать со своими

ровесниками и создать благоприятную атмосферу для общения на иностранном языке на уроке. Дискуссии помогают развить как языковые, так и речевые навыки. Все это благоприятно влияет на преодоление барьеров.

Игровые методы помогают ученикам выйти из зоны комфорта и вовлекают их в диалоги на иностранном языке. Целесообразно использовать тематические упражнения, устраивать брейн - ринги, ролевые игры, применять игровые приемы обучения лексике и грамматике. Использование игр и распределение ролей позволяет хорошо отработать умение говорения, а также снизить напряженность обучающихся.

Примером применения данного метода могут служить Wechselspiele. К теме «Jugend und Geld» можем предложить следующее задание:

Erfahr, wie viel Geld Jugendliche in Deutschland ausgeben. Schreibe auf, wie viel Geld du aus gibst, und frage dann deinen Partner / deine Partnerin.

Redemittel:

- Wie viel Geld gibt Eva für Bekleidung aus?
- Sie gibt 10 € aus.

Обучающимся необходимо узнать, сколько карманных денег тратят подростки на свои нужды. Также ученикам необходимо заполнить информацию о себе и расспросить одноклассника по образцу.

Arbeitsblatt 1

Name	Eva	Ben	Du	Dein/e Mitschüler/in
Taschengeld	45€	42€	...Rub	...Rub
Bekleidung	...	5€	...	...
Imbissbuden	15€	...	...	...
Kosmetik	...	0	...	...
Unterhaltung	10€	...	...	...
Hobby	...	4€	...	...
ins Sparschwein	...	2€	...	...

Arbeitsblatt 2

Name	Eva	Ben	Dein/e Mitschüler/in	Du
Taschengeld	45€	42€	...Rub	...Rub
Bekleidung	10€	...	...	...
Imbissbuden	...	17€	...	...
Kosmetik	6€	...	...	...
Unterhaltung	...	14€	...	...
Hobby	0	...	...	...
ins Sparschwein	4€	...	...	...

Данное задание дает возможность ученикам научиться задавать вопросы, касающиеся карманных денег и расходов, отвечать на них на иностранном языке, таким образом расширяя языковые знания. Это помогает работать над преодолением лингвистических барьеров. Более того, в беседе на актуальную тему ученики узнают друг друга лучше. Они меньше стесняются, отвечая одному человеку, чем перед целым классом. Это необходимо для преодоления психологических барьеров.

Возникающие в обучении иноязычному говорению барьеры имеют различную природу, но при умелом методическом подходе они могут быть преодолены с помощью

применения разных методов, позволяющих обучающимся более свободно и эмоционально изъясняться на иностранном языке.

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., Издательство ИКАР, 2009. С. 129–130.
2. Васильева Ю. С., Швайкина Н.С. Методологические средства преодоления языкового барьера студентов неязыковых направлений подготовки // Проблемы современного педагогического образования. – Симферополь, 2022. №76-1. С. 69-72.
3. Фирсова И.В. Языковой барьер при обучении иностранному языку // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – Москва, 2013. № 1(9). С. 89-92.

УДК 811.111

Беглость речи на иностранном языке и ее параметры в свете современных исследований

Галина Анатольевна Титова

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, доцент, кандидат филологических наук, Орёл, Россия, g.titova@yahoo.com

Аннотация. Статья посвящена беглой речи на иностранном языке. Освещаются возможные подходы к пониманию беглости и также параметры беглой речи, такие как скорость произнесения, длительность и частота пауз, автоматизм, и пр. на примере английского языка. Подробно рассматривается понятие интерактивной беглости, которое все чаще попадает в фокус внимания исследователей в последнее время.

Ключевые слова: беглость, индивидуальная беглость, интерактивная беглость, скорость произнесения, паузы, автоматизм

FOREIGN LANGUAGE FLUENCY AND ITS PARAMETERS AS VIEWED BY MODERN RESEARCH

Galina A. Titova

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Associate Professor, Candidate of Philology, Oryol, Russia, g.titova@yahoo.com

Abstract. The article is devoted to fluency in a foreign language. Using the example of the English language it outlines some approaches to understanding fluency, as well as parameters of fluent speech, such as speed rate, duration and frequency of pauses, automaticity, etc. The article highlights the concept of interactive fluency, which has become the focus of researchers' attention in recent years.

Key words: fluency, individual fluency, interactive fluency, speed rate, pauses, automaticity.

Беглость является ключевым показателем владения устной речью на иностранном языке и широко используется в качестве основы для оценки уровня языка.

В повседневном языковом обиходе беглость часто понимается как эквивалент общего (устного) владения определенным языком. Это широкое понимание беглости. В узком понимании беглость рассматривается как одно из измерений речи, связанное, в частности, с временными аспектами, такими как скорость речи и паузы [Lennon 1990, с. 388]. Именно в этом узком значении понятие беглости будет рассматриваться в данной статье.

Несмотря на то, что существует относительно давняя исследовательская традиция изучения беглости речи на иностранном языке, восходящая к концу 1970-х и началу 1980-х годов, в XXI веке наблюдается значительный рост исследований в этой области, раскрываются новые подходы к понятию беглости речи и ее составляющим. Это во многом связано с массовым распространением корпусов устной речи (*spoken corpus*), благодаря которым исследователи получают богатый материал для анализа речи носителей языка и изучающих язык.

Беглость определяется как «плавность (*smoothness*) и непринужденность (легкость) речи (*effortlessness*)» [Chambers 1997, с. 536] и характеризуется естественным, относительно быстрым темпом речи и отсутствием частых молчаливых пауз в середине предложения.

Для измерения беглости речи традиционно используются такие параметры, как скорость (темп) речи, паузы (разбивка) и корректировка (переформулировки, фальстарты, замены, повторения).

Скорость речи (*speech rate, speaking rate*) может быть определена как количество слов, которое произносит говорящий за определенный отрезок времени, например, в минуту. Для измерения скорости речи в настоящее время существуют специальные программы, которые автоматически анализируют аудиоданные. Согласно исследованиям, средняя скорость речи носителя английского языка 120-180 слов в минуту в разговорной речи [Barnard 2022].

Важным параметром беглости является частота пауз. При этом паузами считаются остановки речи более чем на 0,5 секунды, остановки менее 0,2 секунд считаются микро-паузами, 0,3-0,4 секунды называются паузами колебания (*hesitations*) [Riggenbach, 1991]. Согласно данным исследований, говорящие на уровне B2 в среднем делают 10-15 пауз на 100 слов, на уровне C1 7-12 пауз на 100 слов, носителя языка - 2-8 пауз на 100 слов в разговорной речи [Huang, Graf 2020, с. 71].

Однако для характеристики беглости важно не только количество пауз, но и их место пауз в высказывании. Существует различие между естественными и неестественными паузами. Естественные паузы, дающие передышку, обычно возникают на стыках предложений или после групп слов, образующих семантическую единицу. Паузы, возникающие в других местах, могут свидетельствовать о лексической или морфологической неуверенности.

Еще одним параметром беглой речи, по мнению ряда исследователей, является автоматизм. При этом, как отмечает Дерней, быстрая обработка не обязательно является автоматической [Dörnyei 2009, стр. 287]. Автоматизм должен обладать другими свойствами, наиболее часто связанными со способностью извлекать слова и другие элементы с помощью устоявшихся связей в ментальном лексиконе. Автоматический поиск слов и фиксированных выражений, несомненно, вносит значительный вклад в бесперебойную работу и нормальную подачу информации.

Другим, близким к автоматизму параметром беглой речи является высокая частота использования готовых выражений или языковых фрагментов (чаще всего от двух до четырех слов длиной) [Evison, McCarthy and O'Keefe 2007, с. 140]. Чрезвычайно высокая частота таких фрагментов в речи носителей языка свидетельствует об их регулярных, фиксированных формах и прагматически специализированных функциях, которые они

приобретают в высказываниях, например, *you know* – самый распространенный разговорный фрагмент из двух слов и его функция – мониторинг общего знания). Давно признано, что фрагменты и шаблонные выражения различного рода непосредственно способствуют автоматизму и развитию беглой речи, причем как на этапе производства, так и на этапе восприятия речи. Внутренние синтаксические структуры фрагментов, такие как “*at the moment*”, “*you know what I mean*”, “*I don't know*”, “*something like that*” и т.д. значительно отличаются друг от друга, но их объединяет то, что они произносятся относительно быстро, автоматически и в виде заранее собранных интонационных единиц, без внутренних сбоев, что способствует длительному произнесению связной речи с менее частыми паузами [Wood 2006, с. 15].

В ряде исследований понятие беглости расширяется за счет выделения индивидуальной и интерактивной беглости. Вторая приобретает все большее значение. Гийо отмечает, что беглость речи – это отнюдь не одностороннее понятие, связанное с говорящим. Она возникает как результат (в основном интуитивно понятной) тонкой настройки между участниками речевого обмена в соответствии с параметрами обмена. [Guillot 1999, с. 41]. Это направление исследований расширяет наше понимание беглости от чисто индивидуальной деятельности к социальной. Беглость речи рассматривается как совместная деятельность, а не как сумма беглости двух отдельных говорящих. [Segalowitz 2016; Tavakoli, Wright 2020].

Данные, полученные в нескольких различных областях исследований в области коммуникации, психолингвистики и социолингвистики указывают на то, что собеседники-люди корректируют свою речь и частоту пауз в попытке приблизиться к скорости речи своего собеседника(ов). Такое подстраивание под собеседника может быть не осознанным действием, а скорее подсознательным стремлением к гармонизации темпа речи, когда речь и молчание между собеседниками проявляются как ритмическое взаимодействие [Street 2006], [Kousidis and Dorran 2009]. С этой точки зрения, скорость подачи материала и паузы являются интерактивными, совместно созданными явлениями дискурса.

Интерактивная беглость может характеризоваться по таким параметрам, как паузы между отдельными поворотами диалога и создание связей между этими поворотами [Peltonen 2017].

Одна из характеристик беглости в диалоге — это способность собеседников реагировать без промедления, когда наступает их очередь говорить или когда они хотят самостоятельно инициировать следующую реплику. При этом для анализа беглой речи в интерактивном режиме очень важно то, что происходит на границах реплик. Открытие (начало) и закрытие (окончание) реплики влияют на поддержание потока диалогической речи, представляя собой потенциальные точки для плавного или затруднительного перехода.

Элементы, которые появляются в начале реплики участника диалога, должны перекликаться с тем, что только что сказал предыдущий говорящий. Вступительные слова связывают и обеспечивают преемственность с предшествующим выступлением. Среди элементов, осуществляющих связи с предыдущим высказыванием: союзы (*and, but*), реактивы (*oh, смех*) или элементы управления дискурсом (*well, right, so*) [Peltonen 2017]. Высказывание строится таким образом, чтобы оно было связано с высказыванием предыдущего говорящего и вытекало из него. Это отличает интерактивную беглость от индивидуальной, т.к. эти параметры не актуальны для подготовленных или отрепетированных монологических выступлений.

Также важны элементы, закрывающие реплику и сигнализирующие о переходе очереди к следующему говорящему. Среди единиц, закрывающих реплику: интонационные элементы, паузы, вопросы, неопределенные языковые лексемы, такие

как “or something”, “and so on”, “stuff like that”. Исследования показали, как синтаксические элементы могут пересекать границы реплик, участники диалога нередко совместно создают такие структуры, как главное предложение в реплике первого говорящего и придаточное предложение в реплике второго, например прибавление неограничительных предложений через союз *which*. Подобное использование синтаксических связей безусловно вносит вклад в создание интерактивной беглости.

Среди параметров интерактивной беглости, также отмечают использование «коротких слов» [Hasselgreen 2004]. Короткие слова, которые обычно присутствуют в речи свободно говорящих людей, интерактивны и поддерживают поток диалогической речи; они включают в себя такие высокочастотные фразы, как “you know”, “kind of”, “well”, “I mean”, “You know what I mean” и “something like that”. Такие короткие слова обычно воспринимаются носителем языка подсознательно и, как правило, привлекают мало внимания при изучении лексики иностранного языка по сравнению с более заметными и содержательными элементами. Однако эти небольшие слова важны для поддержания взаимодействия и создания ощущения интерактивной беглости в диалоге.

Таким образом, понятие беглости речи значительно расширилось в последнее время за счет вовлечения в сферу анализа концепции интерактивной беглости и выделению таких ее параметров, как паузы между репликами и создание связей между ними. Это открывает новые возможности для исследования беглости в социальном контексте с учетом прагматической и социолингвистической природы общения в формировании уровня владения языком. Необходимость дальнейших исследований в этом направлении обусловлена распространением экзаменов по английскому языку и систем оценки по всему миру, растущим значением интерактивных навыков в глобальной экономике и стремлением к объективным стандартам в обучении английскому языку.

Список литературы

1. Chambers F. What do we mean by fluency? // *System*, Vol. 25, No. 4. – Elsevier Science Ltd, 1997. P: 535–544.
2. Dörnyei Z. *The Psychology of Second Language Acquisition*. – Oxford: Oxford University Press, 2009. 339p.
3. Lennon P. Investigating fluency in EFL: a quantitative approach. // *Language Learning*. Volume 40 (3) – Elsevier: Wiley, 1990. 40, 1990. P. 387-417.
4. Evison J., McCarthy, M. J. & O’Keeffe, A. Looking out for love and all the rest of it: Vague category markers as shared social space. // *Vague Language Explored*. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. P. 138–157.
5. Guillot M.-N. *Fluency and its Teaching*. – Clevedon: Multilingual Matters, 1999. 184 p.
6. Hasselgreen A. *Testing the spoken English of young Norwegians: A study of test validity and the role of ‘smallwords’ in contributing to pupils’ fluency*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 320p.
7. Kousidis S. & Dorran D. *Monitoring convergence of temporal features in spontaneous dialogue speech*. – Dublin Institute of Technology: Digital media Centre Conference Papers, 2009. URL: <http://arrow.dit.ie/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=dmcccon> (дата обращения 24.09.2024)
8. Lan-Fen Huang, Tomáš Gráf *Speech rate and pausing in English: comparing learners at different levels of proficiency with native speakers* // *Journal of TESOL* Vol. 17 (1), 2020. P.57-86.

9. Barnard D. Average Speaking rate and words per minute. URL: <https://virtuallspeech.com/blog/average-speaking-rate-words-per-minute> (дата обращения 24.09.2024)
10. Peltonen P. 2017. Temporal Fluency and Problem-Solving in Interaction: An Exploratory Study of Fluency Resources in L2 Dialogue // System 70, 2017. P 1–13. URL: <https://doi.org/10.1016/j.system.2017.08.009> (дата обращения 24.09.2024)
11. Riegenbach, H. Toward an understanding of fluency: A microanalysis of nonnative speaker conversations // Discourse Processes, 14(4), 1991 423-441. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/01638539109544795> (дата обращения 24.09.2024)
12. Segalowitz N. 2016. Second Language Fluency and its Underlying Cognitive and Social Determinants // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching 54 (2) 2016. P:79–95. URL: <http://doi.org/10.1515/iral-2016-9991> (дата обращения 24.09.2024)
13. Street R. Speech convergence and speech evaluation in fact-finding interviews // Human Communication Research, 11 (2), 2006. P: 139–169. URL: <https://academic.oup.com/hcr/article-abstract/11/2/139/4587789?redirectedFrom=fulltext> (дата обращения 24.09.2024)
14. Tavakoli P. and C. Wright. 2020. Second Language Speech Fluency: From Research to Practice. - Cambridge: Cambridge University Press. 250p.
15. Wood D. Uses and functions of formulaic sequences in second language speech: An exploration of the foundations of fluency // Canadian Modern Language Review, 63 (1), - Toronto: University of Toronto Press, 2006. P. 13–33.

Сведения об авторе:

Титова Галина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, г. Орёл, ул. Комсомольская 39б; g.titova@yahoo.com

Titova Galina Anatolyevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Oryol State University, 39b Komsomolskaya str., Orel, 302026, Russian Federation, Orel, Komsomolskaya str. 39b; g.titova@yahoo.com

УДК [811.1/.8:37.016]:004

Интернет в обучении иностранному языку и иностранной специализированной терминологии

Наталья Валерьевна Шулдешова

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, доцент кафедры иностранных языков в сфере профессиональной коммуникации, кандидат педагогических наук, Орел, Россия, E-mail: fnatalja@yandex.ru

Аннотация. В статье описаны актуальные веяния в обучении иностранному языку и иностранной специализированной терминологии. Онлайн-платформы и приложения часто включают интерактивные элементы, которые делают процесс обучения более увлекательным и эффективным. В статье отмечены преимущества использования интернета в процессе освоения специализированной терминологии.

Ключевые слова: интернет, цифровые технологии, обучение иностранным языкам, специализированная терминология, интерактивность, мотивация.

The Internet in teaching a foreign language and foreign specialized terminology

Natalia V. Shuldeshova

Oryol State University named after I.S. Turgenev, associate professor of the department of foreign languages in the field of professional communication, candidate of pedagogical sciences, Orel, Russia, E-mail: fnatalja@yandex.ru

Abstract. The article describes current trends in teaching a foreign language and foreign specialized terminology. Online platforms and applications often include interactive elements that make the learning process more fun and effective. The article highlights the advantages of using the Internet in the process of mastering specialized terminology.

Keywords: Internet, digital technologies, foreign language teaching, specialized terminology, interactivity, motivation.

Доступность информации – лидирующая позиция в современном мире получения знаний. Интернет в образовательном процессе стимулирует обучающихся для более эффективного обучения, активизирует восприятие учебной информации. Интернет является удобным источником новых знаний в области специализированной терминологии иностранных языков. Интернет предоставляет доступ к огромному количеству ресурсов, таких как специализированные словари, глоссарии, онлайн-курсы и видеоуроки, которые могут быть использованы для изучения специализированной лексики. Интернет позволяет общаться с носителями иностранного языка, что способствует лучшему пониманию и использованию специализированных терминов в контексте. Гибкость и удобство обучения посредством интернета позволяет студентам изучать язык в любое время и в любом месте, что особенно удобно для людей с плотным графиком или тех, кто живет в удаленных регионах.

В статье изучена литература по теме исследования; проведен анализ и оценка преимуществ использования интернета в обучении, сравнение наиболее популярных ресурсов цифровой образовательной интернет-среды, обобщена информация о специализированной терминологии.

Отечественные исследователи анализировали в своих статьях опыт иностранных преподавателей использования интернета в сфере иностранных языков в начале 21 века, приводя примеры эффективных возможностей [5]. Тогда сразу возрос интерес к использованию интернета в обучении иностранным языкам и в России. Использование интернета в этой сфере постоянно обсуждалось во многих научных статьях ведущих научных журналов. В России практика использования интернета на учебных занятиях особенно интенсивно развилась во время пандемии COVID 19 и актуальность его использования сохраняется до сегодняшнего дня.

В современных условиях образование не мыслится без интернета. В университетах обучающиеся на занятиях с ноутбуками, планшетами и другими электронными устройствами, а преподаватели имеют возможность электронным путем (посредством электронной почты, вузовской системы сообщений, дистанционной системы обучения и др.) моментально передать основной или дополнительный учебный материал для обучения по своим дисциплинам. Они также предоставляют обучающимся широкий спектр интернет ссылок для прохождения тестов, выполнения заданий, получения актуальной информации, что несомненно помогает обучающимся в освоении дисциплины. И все же некоторые преподаватели все еще читают лекции в старом добром формате – дают обучающимся материалы для записи, что отражает их традиционный

подход к обучению. Преподаватели же, которые предпочитают современный стиль преподавания информации передают лекционный материал электронными ссылками и посредством электронной почты или системой сообщений, созданной специально для обмена информацией в электронном виде внутри вуза. Кроме того, существует дистанционная система обучения для очно-заочного формата обучения.

Выделим преимущества электронной учебной информации в интернете перед печатными учебными материалами:

- доступ к разнообразным обучающим программам;
- актуальность данные;
- широкий спектр методов, используемых для воздействия на восприятие человека, включает разнообразные форматы обучающих и художественных фильмов, текстов для аудирования, печатных материалов, музыки, учебных видеороликов, анимационных роликов, интервью, токшоу, новостных и газетных публикаций онлайн и многое другое;
- безграничный доступ к интернет ресурсам;
- самообучение, дифференцируемый подход;
- самостоятельный выбор справочного информативного материала по интересующим учебным темам;
- коммуникация с носителями языка посредством интернета, стирающая любые расстояния.

Практические занятия с использованием современных электронных устройств и новых технологий становятся яркими и увлекательными, как будто «насыщены красками» и могут поразить своей интенсивностью. Однако, по мнению автора, несмотря на все преимущества компьютерного обучения, полная замена преподавателя в процессе обучения для российских студентов будет неприемлемой. Роль преподавателя первостепенна, а компьютерные технологии и интернет-ресурсы могут служить отличным дополнением. Когда недостатки в процессе обучения будут минимизированы и возникнет наполнение посредством цифровых возможностей, мы сможем говорить о том, что эмоциональное восприятие при обучении иностранным языкам будет способствовать эффективному формированию знаний, умений и навыков, что ведет к прогрессу в этой сфере обучения.

У преподавателя возникает целый ряд преимуществ: использование компьютерных технологий на занятиях позволяет точно оценить уровень знаний обучающихся, их способности, а также выявить и развить их потенциальные возможности; стать креативной личностью на практических занятиях; найти новые технологии, использовать новые методические подходы в преподавании иностранных языков.

С дидактической точки зрения, интернет-ресурсы обладают многофункциональными, интерактивными, междисциплинарными и образовательными функциями в работе с ними [4].

С точки зрения обучающихся, интернет способствует развитию умений и навыков письменной речи, устной речи, помогает расширить вокабуляр активной и пассивной лексики, познакомиться с новой терминологией, получить необходимую справочную информацию о ней, улучшить грамматические навыки, создать реальную мотивацию и повысить эффективность обучения. Электронный формат в обучении помогает сформировать требуемые компетенции будущего филолога, интернет-технологии объединяют их иноязычную компетенцию со многими общими навыками: среди них процессы когнитивной деятельности, анализ, синтез, сравнение, дифференциация, абстрагирование, идентификация, сопоставление, прогнозирование и многое другое [1]. Использование интернета в обучении иностранным языкам положительно влияет на преобразование социопсихологических и лингвистических навыков обучающихся,

повышает их уверенность в себе и способность работать в команде [2]. Интерактивный подход, основанный на цифровых и сетевых технологиях, позволяет создавать (симулировать) реалистические жизненные ситуации, на которые обучающиеся должны адекватно отреагировать, применяя навыки общения на иностранном языке.

Говоря о специализированной терминологии в изучении иностранных языков, отметим, что она включает в себя лексику, связанную с определенной отраслью знания или профессии. Это могут быть термины из медицины, права, бизнеса, техники, искусства и многих других областей. Изучение специализированной терминологии особенно важно для тех, кто планирует работать в международных компаниях, заниматься научными исследованиями или преподаванием в своей области.

Для изучения специализированной терминологии иностранного языка можно использовать интернет следующим образом:

- Посещать веб-сайты, специализирующиеся на определенной области знаний, и читать статьи на эту тему.
- Смотреть видеоуроки и вебинары, посвященные изучению специальной лексики.
- Использовать онлайн-гlossарии и словари, которые содержат специализированные термины.
- Общаться с носителями языка, работающими в той же отрасли, для понимания употребления терминов в контексте.
- Читать публикации на иностранном языке в специализированных журналах и блогах.

Существует несколько методов для обучения посредством интернета специализированной терминологии иностранного языка:

- Самостоятельное изучение: студенты могут использовать интернет для поиска специализированных словарей, glossариев и учебных материалов.
- Онлайн-курсы: участие в онлайн-курсах, разработанных специально для изучения специализированной лексики.
- Вебинары и видеоуроки: просмотр видеоматериалов, посвященных изучению терминологии.
- Виртуальные классы: общение с преподавателями и другими студентами в виртуальных классах.
- Общение с носителями языка: практика разговорной речи с носителями иностранного языка, работающими в той же отрасли.

Для изучения специализированной терминологии иностранного языка можно использовать следующие ресурсы:

- Онлайн-курсы и приложения, такие как Babbel, Memrise и Rosetta Stone.
- Специализированные словари и glossарии, доступные онлайн, например, Oxford Dictionary of English, Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English.
- Блоги и форумы, посвященные определенной области знаний, где можно найти обсуждения и советы от профессионалов.
- Видеоуроки и вебинары на видеохостингах.
- Отраслевые порталы и сайты, такие как MedlinePlus для медицинской терминологии или Law.com для юридической терминологии и др.

Чтобы правильно выбирать источники информации для изучения специализированной терминологии иностранного языка, следует учитывать несколько факторов:

- Авторитетность источника: выбор надежных и проверенных источников, таких как официальные сайты компаний, образовательные порталы и профессиональные блоги.
- Адаптация к уровню знаний: выбор материалов, соответствующих текущему уровню владения языком и области знаний.
- Актуальность информации: уверенность, что используемая информация актуальна и соответствует современным тенденциям в профессиональной отрасли.
- Языковая среда: использование источников, написанных носителями языка, для того, чтобы получить правильное произношение и употребление терминов.

Итак, применение цифровых и интернет-технологий в обучении иностранному языку имеет неоспоримые преимущества. Исследователи этой области подчеркивают положительное влияние новых цифровых платформ, форумов, мессенджеров, групповых чатов, онлайн-конференций, электронной почты и других интерактивных средств общения на формирование профессионализма обучающихся.

Интернет-ресурсы являются бесценным инструментом для получения и систематизации информации. Используя интернет, обучающиеся могут углубить и систематизировать знания по иностранному языку, осваивать его в комфортной среде, развивая интерес к этой дисциплине. Все это способствует удовлетворению практически всех образовательных требований и самообразовательных запросов в будущей профессиональной деятельности обучающихся.

Список литературы

1. Васильева В.Н. Использование информационных технологий в учебном процессе // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ipk.admin.tstu.ru>
2. Владимирова Л. П. Новые информационные технологии в обучении иностранным языкам // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://virtlab.ioso.ru/method.htm>
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. – М: АРКТИ, 2014
4. Еремин Ю. В. Методические аспекты использования компьютерной техники в обучении иностранному языку // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://linguact.hyperlink.ru/articles/eremin.html>
5. Каспин И. В., Сегаль М. М. Новые технологии в обучении иностранным языкам // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://linguact.hyperlink.ru/articles/kaspinandsegal.html>
6. Шульдешова Н.В. Инновационные технологии в обучении языкам // Материалы I всероссийской многопрофильной научно- практической конференции молодых ученых опорных университетов России 20 ноября 2017 г. Донской государственный технический университет. С. 57-61.

УДК 373.016:811.1/8

Интегрированное предметно-языковое обучение английскому языку и финансовой грамотности в школе: инновационные подходы и практики

Яковлева Юлия Михайловна¹, Призенко Дарья Максимовна²

¹ Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры английской филологии, кандидат педагогических наук, г. Орел, Российская федерация, julia_for_friends@rambler.ru

² Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Институт иностранных языков, студент 1 курса магистратуры, г. Орел, Российская федерация, dashaprizenko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению теоретических основ интегрированного предметно-языкового обучения, а также разработке специального тематического модуля для дальнейшего его внедрения в содержание обучения на иностранном языке с целью повышения образовательных результатов и качества обучения. Стремительное развитие рыночной экономической системы требует повышения общего уровня осведомленности населения в финансовой сфере. В рамках процесса глобализации в условиях постоянно меняющегося мира вполне эффективным представляется изучение аспектов финансовой грамотности на уроках английского языка в школе, так как знания реалий финансовой культуры лишь на родном языке представляется недостаточным.

Ключевые слова: межпредметный, интегрированное предметно-языковое обучение, английский язык, финансовая грамотность, функциональная грамотность.

Content and Language Integrated Learning of English and Financial Literacy at School: Innovative Approaches and Practices

Yulia M. Yakovleva¹, Daria M. Prizenko²

¹ Orel State University, Associate Professor of the Department of the English Philology, Candidate of Pedagogical Sciences, Orel, Russia, julia_for_friends@rambler.ru

² Orel State University, Institute of Foreign Languages, 1st year student of Master's degree programme, Orel, Russia, dashaprizenko@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the theoretical foundations of the content and language integrated learning as well as the development of a special thematic module for its further implementation into the process of teaching a foreign language in order to improve educational results and raise the quality of teaching. The rapid development of the market economy requires an increase in the general level of public awareness of the financial sector. Within the framework of globalization in an ever-changing world it seems quite effective to study the aspects of financial literacy at the English lessons at school since the knowledge of the fundamentals of financial culture only in the native language seems insufficient.

Keywords: interdisciplinary, subject and language integrated learning, English, financial literacy, functional literacy.

Стремительное развитие рыночной экономической системы требует повышения общего уровня осведомленности населения в финансовой сфере. Согласно утвержденной правительством Российской Федерации «Стратегии повышения уровня финансовой грамотности и формирования финансовой культуры» до 2030 года,

внедрение финансовой грамотности в обязательную общеобразовательную программу является одной из важнейших задач в сфере образования в нашей стране [4].

В рамках процесса глобализации и постоянно меняющегося мира вполне эффективным представляется изучение аспектов финансовой грамотности на уроках английского языка в школе, так как знания реалий финансовой культуры лишь на родном языке представляется недостаточным. Однако, несмотря на обилие исследований, посвященных различным аспектам интегрированного предметно-языкового обучения, остается нерешенным ряд вопросов, этот факт определяет актуальность данной исследовательской работы.

Новизна исследования заключается в рассмотрении и разработке инновационных подходов и практик внедрения этого раздела в содержание обучения на ИЯ с целью повышения образовательных результатов и качества обучения.

И. А. Зимняя в своих трудах рассуждала об особенной природе иностранного языка, которая отличает его от остальных предметов школьного цикла. Принципиальное отличие заключается в том, что иностранный язык не дает обучающемуся непосредственных знаний о реальном мире [2, с. 39-49]. Согласно этой теории, язык — это носитель информации. Именно беспредметность английского языка как одна из его основных характеристик создает благоприятную почву для применения в школе интегрированного предметно-языкового обучения.

Под интегрированным предметно-языковым обучением (CLIL — Content and language integrated learning) обычно понимают подход, имеющий двойственную цель: с одной стороны, обучение направлено на формирование иноязычной коммуникативной компетенции, а с другой — на овладение содержанием предмета, который изучается параллельно с языком. На основе данного подхода обучение иностранному языку осуществляется на материале одной или нескольких профильных дисциплин [5].

Реализация интегрированного предметно-языкового обучения осуществляется на основе одной из наиболее распространенной и известной модели предметно-языкового интегрированного обучения — 4Cs (Content, Communication, Cognition, Culture) [6]. Основателем этой модели является британский профессор Ду Койл. В рамках содержательного компонента (Content) учащиеся овладевают предметным содержанием определенной дисциплины, развивают речевые умения и формируют навыки понимания текста. Следующая составляющая модели — Communication (Коммуникация). Обучение языку как средству общения необходимо осуществлять посредством общения. Cognition (Когнитивные умения) предполагает развитие у обучающихся коммуникативно-когнитивных умений и критического мышления. Оливер Мейер и Тереза Тинг в своих работах полагают, что когнитивная составляющая рассматриваемой методики подразумевает создание эффективной обучающей среды, благодаря которой учащиеся будут мотивированы развить свои познавательные способности.

Обучение финансовой грамотности представляет собой процесс освоения финансовых терминов и финансовых рисков, а также приобретение навыков, которые необходимы для принятия эффективных решений в разнообразных финансовых ситуациях, способствующих улучшению финансового благополучия личности и общества, а также возможности участия в экономической жизни. В центре внимания в рамках данной составляющей функциональной грамотности находятся модели поведения личности в сфере финансов: покупка товаров и услуг, управление семейным и личным бюджетом, планирование финансовых дел.

Для того чтобы интеграция финансовой грамотности в процесс школьного обучения происходила естественным образом необходимо придерживаться следующих рекомендаций:

- в ситуациях должны быть задействованы реальные люди, которые окружают учащихся в реальной жизни, например, ровесники, взрослые;
- обстоятельства должны быть повседневными и понятными для восприятия обучающихся;
- по каждой ситуации предлагается серия заданий-задач, которые требуют определённых мыслительных действий разной степени сложности;
- ситуации задают вопрос «как поступить?» и предполагают определение наиболее благоприятного решения той или иной проблемы в финансовой сфере с учетом всевозможных альтернатив.

Овладение финансовой грамотностью на уроках иностранного языка в школе будет способствовать достижению положительных результатов [2], а именно:

- осознанию себя как финансово грамотного члена общества и государства;
- развитию навыков сотрудничества со взрослыми и сверстниками в разных игровых и реальных экономических ситуациях, а также способности их воспроизведения на английском языке;
- пониманию и правильному использованию экономических терминов, их эквивалентов на английском языке;
- составлению текстов в устной и письменной формах на английском языке с использованием экономических терминов;
- проведению финансовых расчетов на изучаемом языке.

В ходе анализа отечественных учебно-методических комплексов особенно очевидной стала нехватка учебных материалов для применения интегрированного предметно-языкового обучения английскому языку и финансовой грамотности на уровне основного общего образования. Именно поэтому представляется целесообразным создание авторского специального тематического модуля, включающего в себя инновационные подходы в изучении английского языка и финансовой грамотности.

Разработанный тематический модуль состоит из пяти блоков: “What do we know about money?”, “Currency Alphabet”, “Budget Management Power”, “Credit Crunch Challenge”. Каждый блок нацелен на параллельное и гармоничное развитие иноязычной компетенции и формирование представления о базовых основах финансовой грамотности.

Рассмотрим более подробно структуру и содержание модуля на примере темы “Budget ManagementPower”.

Цели: ознакомление с введением новых лексических единиц, объединенных одним предметным содержанием финансовой грамотности (budget, income, luxury); развитие грамматических навыков по теме: модальный глагол need; развитие социокультурной компетенции учащихся.

В первом упражнении предлагается ответить на вопросы: Have you ever saved for anything for a long time? What have you bought? Have you ever made a budget plan? Таким образом, на дотекстовом этапе формируется мотивация и предвосхищение содержания текста «Budget». После прочтения текста, содержащего в себе активную лексику по теме и советы по составлению бюджетного плана, учащимся предлагается пронумеровать рекомендации в собственном порядке – от наиболее важного к наименее. Затем происходит парная работа, дети сравнивают ответы друг друга и выражают свою точку зрения. При выполнении следующего упражнения учащимся потребуется внести расходы в таблицу с заголовками “Needs” (траты, которые необходимо совершать) и “Wants” (траты, от которых можно отказаться). Информация о том, как дифференцировать расходы по этим категориям, содержится в тексте. Данное упражнение позволит не только повторить лексику по теме, но и научит их разумно распоряжаться расходами. Следующее упражнение нацелено на тренировку

утвердительной и отрицательной форм модального глагола need. При выполнении задания необходимо заполнить пропуски в предложениях правильной формой глагола, решая при этом, какие траты оправданы, а какие следует избежать. Задание №5 представлено различными сценариями ситуаций, в которых герои откладывают деньги на покупку той или иной вещи. Учащимся предлагается обсудить в группе, как им удастся добиться поставленных целей. Таким образом осуществляется речевая практика. Следующее упражнение так же носит коммуникативный характер, учащимся нужно ответить на вопросы, что бы они приобрели в долгосрочной перспективе, и какие финансовые решения они предпринимали бы на пути осуществления задуманного. Для закрепления полученных на уроке знаний и умений в качестве домашнего задания необходимо составить собственный бюджетный план для покупки какой-либо вещи, включив туда расходы, доходы и прочие финансовые действия.

В завершении изучения тематического модуля предлагается проведение интеллектуального соревнования “Brain Ring”. Задания соревнования построены таким образом, чтобы органично объединить знания, полученные в ходе изучения всего модуля. Игровой формат позволит эффективно повысить мотивацию к изучению английского языка и финансовой грамотности.

Вышеупомянутая разработка отвечает основным критериям CLIL-обучения; при ее создании были учтены все четыре компонента (Content, Communication, Cognition, Culture). В ходе урока задействованы все виды речевой деятельности; создана проблемная ситуация в конце урока, а также применялась фронтальная, индивидуальная, парная и групповая формы работы. Все эти аспекты способствуют формированию коммуникативной компетенции на базе предметного содержания финансовой грамотности.

Подводя итоги проведенного теоретико-практического исследования, отметим, что интегрированное предметно-языковое обучение необходимо применять для совместного изучения английского языка и финансовой грамотности, так как этот подход обладает множеством преимуществ. Вот самые значительные из них:

- повышение финансовой культуры;
- у учащихся возрастает мотивация;
- данный вид обучения готовит учащихся к коммуникации с представителями иных культур;
- происходит развитие когнитивных способностей учащихся.

Список литературы:

1. Алмазова Н. И., Баранова Т. А., Халяпина Л. П. Педагогические подходы и модели интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам в зарубежной и российской лингводидактике // Язык и культура, 2017. №39. С.116–134.

2. Бим И. Л. Цели и содержание обучения иностранным языкам. Общий подход к их рассмотрению/ И.Л. Бим //Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность/под ред. АА Миролубова. Обнинск: Титул. - 2010. - С. 39-49.

3. Примерные программы по учебным предметам. Основная школа. Иностранный язык. Просвещение-М. 2021. – 108 с.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/FJj6iZ8geL94xUACfr2s32ZQoUgqP7fd.pdf> (дата обращения: 15.09.2024)

5. Marsh D. Bilingual education and content and language integrated learning. Paris: University of Sorbonne, 1994. – p.173

6. Meyer O., Coyle D., Halbach A., Schuck K., Ting T. A pluriliteracies approach to content and language integrated learning – mapping learner progressions in knowledge construction and meaning-making. Language // Culture and Curriculum. 2015. – p. 41–57.

Сведения об авторах:

Яковлева Юлия Михайловна; кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет, Российская Федерация, Орел, [ул. Комсомольская, д. 39-б \(учебный корпус №8\), Орёл; julia_for_friends@rambler.ru](#)

Yulia M. Yakovleva; Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Orel State University, Komsomolskaya st., 39b, Orel, Russian Federation; [julia_for_friends@rambler.ru](#)

Призенко Дарья Максимовна; студент первого курса магистратуры, Орловский государственный университет, Российская Федерация, Орел, [ул. Комсомольская, д. 39-б \(учебный корпус №8\), Орёл; dashaprizenko@yandex.ru](#)

Daria M. Prizenko; 1st year student of Master's degree programme, Orel State University, Komsomolskaya st., 39-b, Orel, Russian Federation; [dashaprizenko@yandex.ru](#)

СЕКЦИЯ 6: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СМИ И ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.11

Лексический состав и стилистические фигуры социолекта немецкого блогера

Анна Александровна Авилова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, аспирант кафедры языкознания, ассистент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоград, Россия, avilova97@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены понятия блога и блогера. Охарактеризованы особенности лексического состава немецкоязычного блогера. Выявлены наиболее частотно используемые стилистические фигуры в речи блогеров. Наиболее часто применяемые среди них – метафора, эпитет, сравнение.

Ключевые слова: блог, блогер, фразеологизм, сленг, метафора, сравнение, эпитет

The lexical composition and stylistic figures of the sociolect of the German blogger

Anna A. Avilova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, postgraduate student, Assistant at the Department of German Language and Teaching Methods, Volgograd, Russia, avilova97@mail.ru

Abstract. The concepts of a blog and a blogger are considered. The features of the lexical composition of the German-speaking blogger are characterized. The most frequently used stylistic figures in the speech of bloggers are revealed. The most commonly used among them are metaphor, epithet, comparison.

Keywords: blog, blogger, phraseology, slang, metaphor, comparison, epithet

В настоящее время виртуальная коммуникация, являясь неотъемлемой частью повседневности социума, представляет собой большую площадку для исследований отечественных и зарубежных лингвистов, что обусловлено повсеместным распространением сети Интернет и наличием необъятного количества материала в области коммуникативных практик современного человека. Поскольку интернет-коммуникация характеризуется общедоступностью и быстротой осуществления, данный вид общения наравне с реальной коммуникацией по праву считается важным звеном в функциональной составляющей человечества и при этом выделяет разнообразные речевые жанры, в том числе новые и гибридные [Авилова, Красавский 2023, с. 32-36; Галичкина, 2019, с. 97-100].

Анализ лингвистических исследований по интернет-коммуникации и виртуальному дискурсу [Кульминская 2013; Лутовинова 2009] позволяет сделать вывод о том, что наиболее распространенным речевым жанром на просторе Интернета считается блог, который представляет собой веб-сайт с датированными записями текстового, а также мультимедийного характера с возможностью комментирования [Баженова, Иванова 2015, с. 127]. Стоит упомянуть, что среди всего разнообразия видов интернет-блога на первом месте выступает личный блог дневникового типа, поскольку чаще всего представляет собой платформу для обмена персональным опытом и мнением

в какой-либо области. Эмпирическая база нашего исследования – платформа “LiveJournal”, с которой было взято 528 контекстов блогов авторов из Германии, Швейцарии и Австрии, 245 постов и 283 комментария соответственно.

Определяя блогера как интернет-пользователя, который ведет блог и повествует об определенных интересующих его или общество событиях [Herring, Scheidt, Kouper, Wright 2007, p. 4], он может быть рассмотрен как языковая личность, содержащая в себе некий «набор языковых умений и способностей, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [Караулов 2010, с. 30]. Говоря о языковых характеристиках блога, а именно текстов постов и комментариев, нами подразумеваются лексические и грамматические особенности речевых высказываний, формирующих блог в целом. Фонетические характеристики братья во внимание не будут в силу жанровой специфики исследуемой нами блог-платформы.

В данной статье мы остановимся на социолекте немецкоязычного блогера, т.е. охарактеризуем его лексикон, а также стилистические средства выразительности, которые соотносятся с используемыми лексическими единицами.

Вслед за В. Н. Немченко мы определяем лексический уровень как «совокупность слов и устойчивых словосочетаний, которые используются для номинации объектов и предметов действительности» [Немченко 2008, с. 239]. При этом в нашей работе мы рассмотрим не только отдельные лексические единицы, но и средства выразительности, соотносимые с используемыми блогером единицами лексики. Опираясь на определения В. К. Приходько, мы выявили, что к средствам выразительности относятся стилистические тропы, т.е. «средства выразительности, основанные на переносе значения и совмещении смыслов», а также стилистические фигуры речи, т.е. «средства выразительности, основанные на соположении определенных единиц текста» [Приходько 2008, с. 7]. Стоит отметить, что использованные единицы языка являются, как правило, эмоционально-оценочными, так как выражают отношение говорящего к происходящему и связаны с чувствами и переживаниями автора.

В результате исследования материала блог-портала “LiveJournal” нами было установлено, что лексический уровень речи немецкоязычного блогера представлен нейтральной (73,2% слов и словосочетаний), литературной (17,5% единиц) и разговорной (9,3%) лексикой. Важно указать, что для нас ценность представляют именно литературный и разговорный пласты, поскольку непосредственно в их основе лежат отличительные особенности немецкоязычного блогера.

Проанализировав использованную в блоге литературную лексику, мы определили, что немецкоязычный блогер чаще всего применяет термины (33,9%), варваризмы (28,8%), фразеологические сочетания (22,8%) и устойчивые клише деловой речи (14,5%). Заметим, что такая тенденция используемых единиц обусловлена жанровыми характеристиками блога и намерениями автора приблизиться к читателю, выступить своеобразным экспертом в обозреваемом вопросе, привлечь аудиторию.

В ходе описания единиц литературной лексики мы установили, что фразеологические сочетания в немецком языке зачастую представлены или выражены метафорой. Данная тенденция объясняется тем, что устойчивое словосочетание несет в себе, как правило, сравнение какого-либо вида и не подлежит приобретению дополнительных смыслов, т.е. существует в готовом коннотативно окрашенном виде. Так, например, метафора *ein alter Hase* (дословный перевод – «старый заяц», в рус. языке – «стреляный воробей») обозначает в тексте поста нового тренера футбольной команды, который в свои 57 лет хорошо знаком со спецификой тренерской работы, поскольку до этого уже представлял интересы другого спортивного клуба [Landesliga]. Здесь стоит обратить внимание на то, что наибольший процент использованных блогерами фразеологизмов выражен метафорами, основанными на сопоставлении людей с

характеристиками животных. Данную закономерность можно объяснить как культурологическую особенность большинства языков, так как сравнение человеческих качеств с особенностями животного является простым для понимания и общедоступным.

Обращаясь к другому примеру метафоры *etwas jemandem auf die Nase binden* (дословный перевод – «завязать кому-то что-то на носу», в рус. языке – «вешать лапшу на уши»), мы видим, что автор использует данное сочетание для того, чтобы показать свое нежелание врать себе и другим в том, что ей было легко вернуться в блог [Ein “Hallo” aus der totalen Versenkung]. Заметим, что этот фразеологизм является одним из ярких примеров метафор, содержащих сравнение или сопоставление с какой-либо частью тела человека, встречаемых в блоге.

Интересно, на наш взгляд, и то, что другие вышеупомянутые лексические единицы литературного пласта не сопоставлены полностью с тропами или стилистическими фигурами речи, поскольку не несут в себе необходимого оценочно-маркированного компонента, а представляют собой конкретные единицы немецкого или заимствованного языка.

Стоит также заострить внимание на превалирующем использовании эпитетов в блоге дневникового типа. Этот факт, как мы полагаем, связан с тем, что блоггер в стремлении поделиться своим опытом и чувствами чаще прибегает к описательному методу, который возможно с легкостью осуществить при помощи эпитетов. Так, автор *lautenist*, оставляя рецензию на прочитанную книгу, использует такие эпитеты, как *sprachlich sehr elegant und inhaltlich tiefgründig* (очень элегантно с лингвистической точки зрения и глубоко по содержанию), заставляя читателя захотеть прочитать эту книгу [Gelesen: Sinkende Sterne von Thomas Hettche]. Автор другого поста, повествуя о возможности аренды праздничного шатра для свадьбы, описывает детально все возможности данной услуги, прибегая к использованию таких эпитетов, как: *eine beispiellose Vielseitigkeit* (беспрецедентная универсальность), *ein malerischer Park* (живописный парк), *ein luxuriöser Garten* (роскошный сад), *die perfekte Kulisse* (идеальный фон), *eine einzigartige Atmosphäre* (уникальная атмосфера), *ein bleibender Eindruck* (неизгладимое впечатление). Благодаря такому количеству эпитетов читатель сможет отчетливо себе представить данное место, заинтересоваться в его аренде, и возможно прорекламировать кому-то еще.

Рассмотрим другой пласт функциональных лексических единиц, а именно разговорную лексику, которая в немецкоязычном блоге, по нашим наблюдениям, представлена сленгом (65,6% разговорных слов и словосочетаний) и вульгаризмами (34,4% единиц).

При анализе лексических единиц разговорного функционального стиля мы выявили, что внушительное число применяемого авторами сленга соотносится с такой стилистической фигурой, как сравнение. Данный факт объясняется тем, что любое сленговое слово или выражение, как правило, возникает на основе конкретного компонента, схожего с чертой какого-либо предмета. Так, например, популярное сленговое слово *fett* с прямым значением «жирный, тучный» может обозначать и что-то потрясающее, красивое. В ряде постов встречались такие словосочетания, как *eine fette Party*, *fett leben*, *ein fettes Kleid*, что позволяет нам дать положительную оценку данным выражениям. Сравнение в данном случае предполагает «жирную или сытую жизнь», коннотативное значение которого понятно из контекста.

В ходе нашего исследования нередко встречались заимствованные сленговые выражения, которые пришли в немецкий язык, как правило, из английского и французского языков. В качестве примера приведем всеми известное слово *krass*, означающее что-то неприятное (англ. «грубый»). Так, автор *Lkow*, рассказывая о недавно произошедшем с ним случае в такси, выдает фразу *Ziemlich krass jedenfalls* (в любом

случае, довольно неприятно), что подтверждает недовольство пассажира оказанной услугой [Java – 2024]. Примечательным является и тот факт, что данное слово обладает только одним значением в английском языке, но в немецком языке расширило свое значение и может встречаться просто как яркая эмоциональная реакция на сказанное, т.е. не всегда будет нести негативную окраску.

Помимо этого, сравнения отчетливо прослеживаются в некоторых профессионализмах, поскольку тоже несут в себе скрытые или даже явные черты сравниваемого объекта. На примере профессионализма *Kiste*, который в футбольной сфере обозначает футбольное поле, можно увидеть, что его название основано на сравнении футбольного поля с формой ящика (прямое значение слова *Kiste* – ящик, сундук). Использование данной лексической единицы блогером говорит о его осведомленности не только в правилах футбольной игры, но и знаниях «внутренней кухни» данного вида спорта, а именно его языковых особенностей [Real Madrid].

Говоря о большом количестве используемых вульгаризмов, можно прийти к выводу, что они эмоционально маркированы и помогают авторам или читателям блога выплеснуть свои эмоции более ярким способом. При этом мы не обнаружили конкретных примеров стилистических средств выразительности в данном пласте лексики, так как такие слова и выражения обладают другой функциональной направленностью, нежели стилистические тропы и фигуры речи.

Из приведенных нами примеров можно сделать вывод о том, что блог-платформа является хорошим источником для анализа лингвистических особенностей авторов и читателей блога. Это позволяет нам выделить основные пласты лексики и частично охарактеризовать стилистические тропы и фигуры речи. Такие стилистические средства выразительности, как метафора, сравнение и эпитеты совершенно оправданно возглавляют список самых частотных эмоционально окрашенных единиц, встречаемых в блоге дневникового типа, что объясняется желанием авторов максимально воздействовать на чувства читателя.

Поскольку блогосфера представляет собой широкое пространство для творчества авторов постов, продукт такого вида все еще остается перспективным объектом для исследования. Поэтому посты немецкоязычного блогера могут быть детально рассмотрены на предмет наличия других стилистических фигур.

Список литературы

1. Авилова А. А. Красавский Н. А. О социолекте блогеров (на материале английских сетевых дневников) // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. №1(1). С. 32-36.
2. Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. 2012. № 4 (20). С. 125-131.
3. Галичкина Е. Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2(135). С. 97-100.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Кульминская А. В. Социальная общность блогеров: становление и развитие в российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. 20 с.
6. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 477 с.
7. Немченко В. Н. Введение в языкознание: учебник для вузов. М.: Дрофа, 2008. 703 с.

8. Приходько В. К. Выразительные средства языка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 256 с.
9. Herring S. C., Scheidt L.A., Kouper I., Wright E. A. Longitudinal Content Analysis of Weblogs: 2003–2004 // *Bloggng, Citizenship and the Future of Media*, 2007. P. 3-20.
10. Das perfekte Event planen: Partyzelte in Wien mieten. URL: <https://pagodenzelt.livejournal.com/382.html> (дата обращения: 20.09.2024).
11. Ein “Hallo” aus der totalen Versenkung. URL: <https://my-glitterfee.livejournal.com/122959.html> (дата обращения: 20.09.2024).
12. Gelesen: Sinkende Sterne von Thomas Hettche. URL: <https://lautenist.livejournal.com/666026.html> (дата обращения: 20.09.2024).
13. Java 2024 – professionell verarscht. URL: <https://jkow.livejournal.com/212651.html> (дата обращения: 20.09.2024).
14. Landesliga: FSV Pfaffenhofen fährt mit Personalsorgen nach Gundelfingen. URL: <https://lokales-paf.livejournal.com/1473220.html> (дата обращения: 20.09.2024).
15. Real Madrid Fußball trikots Ronaldo ersten 23 Minuten. URL: <https://gunstigetrikots.livejournal.com/689.html> (дата обращения: 20.09.2024).

Сведения об авторе:

Авилова Анна Александровна; аспирант кафедры языкознания, ассистент кафедры немецкого языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, Российская Федерация, Волгоград, проспект Ленина, д. 27; avilova97@mail.ru; 89093853359

Avilova Anna Alexandrovna; postgraduate student, Assistant at the Department of German Language and Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 400005, Russian Federation, Volgograd, Lenin prospect, 27; avilova97@mail.ru; 89093853359

УДК 81'42:004.738.5

Язык вражды в интернет комментариях в контексте межкультурной коммуникации

Ирина Владимировна Азарова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, старший преподаватель кафедры немецкого языка института иностранных языков, Орел, Россия, azarrina@yandex.ru

Аннотация. Исследования особенностей речевых практик, маркированных элементами языка вражды, которые реализуются в сети интернет на различных платформах, являются в настоящее время чрезвычайно актуальными. Анализ комментариев к информационным сообщениям и аналитическим статьям, которые тематически связаны с Россией, на различных польских интернет порталах, показывает, что язык комментариев содержит большое количество маркеров вражды и русофобии. В текстах комментаторов четко прослеживаются этнические стереотипы, обусловленные не только различиями в интерпретации общего культурно-исторического опыта, но и транслируемым СМИ «образом врага».

Ключевые слова. язык вражды, интернет-комментарии, этнокультурные стереотипы, образ врага

To the question of the influence of advertising on the process of inculturation of youth in modern society

Irina V. Azarova

I. S. Turgenev Orel State University, Senior Lecturer of the Department of German at the Institute of Foreign Languages, Orel, Russia, azarrina@yandex.ru

Abstract. Studies of the features of speech practices marked with elements of the language of hostility, which are implemented on the Internet on various platforms, are currently extremely relevant. An analysis of comments on news reports and analytical articles that are thematically related to Russia on various Polish Internet portals shows that the language of comments contains a large number of markers of hostility and Russophobia. The commentators' texts clearly show ethnic stereotypes caused not only by differences in the interpretation of common cultural and historical experience, but also by the "image of the enemy" broadcast by the media.

Keywords. hate speech, Internet comments, ethnocultural stereotypes, the image of the enemy

Информационная война – объективная данность современного мира, который находится в ситуации глобального военно-политического противостояния двух противоположных концепций взаимодействия в международных отношениях – концепции однополярного и многополярного мира. В этой связи исследования особенностей речевых практик, маркированных элементами языка вражды, которые реализуются в сети интернет на различных платформах – от интернет сайтов традиционных СМИ до различных интернет блогов, интернет-сообществ, социальных сетей, мессенджеров и форумов – являются чрезвычайно актуальными.

Интернет в силу своих специфических особенностей является на сегодняшний день практически основным, гибким и удобным, каналом информационного противоборства. Сайты традиционных СМИ и другие интернет платформы в таком контексте используются для распространения взглядов, образов и интерпретаций, выгодных одной из сторон, что негативным образом влияет аудиторию и приводит к формированию у пользователей искаженного понимания сути вещей, к формированию предвзятого мнения, поддержанию старых и возникновению новых негативных этностереотипов. Об этом свидетельствует функционирование языка вражды в комментариях к информационным сообщениям или аналитическим статьям, размещенным на различных интернет ресурсах.

Так, интересное исследование комментариев российских читателей к переводным материалам газетных статей из польских СМИ, публикуемым на российском портале «ИноСМИ.ру», представлено в работе Т. М. Шкапенко и И. Ю. Вертеловой «Маркеры языка вражды в интернет-комментариях к переводным статьям польских СМИ» [1]. Анализ интернет-комментариев позволил авторам выявить различные языковые средства, передающие негативные эмоциональные оценки, основанные на устойчивых стереотипах, обобщенном представлении о Польше и поляках. При этом Т. М. Шкапенко и И. Ю. Вертелова отмечают, что ключевым стимулом для таких комментариев является общий контекст этих статей, а также интерпретации событий и процессов, характерные для польской прессы.

В этой связи представляется также интересным рассмотреть комментарии польских читателей к статьям, посвященным России и русским. Такой материал мы обнаружили на интернет портале «Усадьба Урсы. Клуб любителей перевода», публикующем переводы польских статей по актуальным темам, связанным с Россией, и

комментарии польских читателей к ним [2]. Для анализа были выбраны переводы комментариев к 32 статьям, опубликованных на различных польских интернет порталах — Gazeta.pl, Gazeta Wyborcza, Rzeczpospolita, Do Rzeczy, Salon24, Wykop.pl — в период с марта по сентябрь 2024 года. Тематика статей затрагивает актуальные для польской аудитории внешнеполитические и внутривнутриполитические проблемы, но все они так или иначе связаны с Россией. Анализ лексических единиц показывает, что язык комментариев содержит большое количество маркеров вражды и русофобии. Среди них можно отметить:

- экспрессивные этнонимы и этнофолизмы: наряду с нейтральным этнонимом *Rosjanin* (*русский*) используются такие, как *москаль*, *кацап*, *кацапина*, *катсап*, которые имеют отрицательную коннотацию: — *Русские захватили мировые курорты; Москали – плохие, и у них в крови умирать за свою страну; Кацап такой наглый, потому что знает, что ничего ему не грозит; Москали непримиримы; Не так москаль страшен??? Москаль страшен ..., но иначе ... Москаль страшен, потому что пугает ...;*

- образованные от них прилагательные: *русский*, *москальский*, *кацапский*, которые могут сопровождаться обценной лексикой — *русская солдатня; кацапская армия; кацапский (неценз.); кацапская свинья; москальский пропагандист; москальское г...о; — Москальские (неценз.) проверяют, что они могут себе позволить...; — Надо же как москальская (неценз.) издевается... и что на это скажет пан Сикорский?;*

- словосочетания с негативной, уничижительной коннотацией: *наглая кацапская морда, жалкая странёшка, — Весь мир ненавидит Россию, и уже мало кто боится эту жалкую странёшку. Она скоро распадётся; Что за наглая кацапская морда!;*

- глаголы с агрессивной семантикой по отношению к России и русским: *вышвырнуть; выгнать; изгнать; вбить в землю; раздавить; уничтожить; навсегда покончить (с Россией); вторгнуться (в Россию); поделить (Россию) — Вышвырнуть из Польши эту москальскую (неценз.)!!! Пинками!!!; Выгнать всех москалей из нашей страны; Почему этот тип давно уже не изгнан из Польши?? — По тем же причинам, по которым Головня не вбил ещё Путина в землю, как обещал;*

- лексические единицы с агрессивной семантикой, приписываемых России и россиянам действий: *русские головорезы; (россияне) нападают, бомбят, жгут, насилуют; распространяют дезинформацию и хейт;*

- метафоры: *взять на прицел; с волчьим билетом; с поджатым хвостом; как игра в шахматы с голубем; ходит на китайском поводке; попадёт в его лапы — Полиция должна его в наручниках привезти, или вышвырнуть из Польши эту (неценз.) с волчьим билетом; Дипломатия с кацапами – это как игра в шахматы с голубем; А Путин только того и ждёт, что урезанная Украина ВСЯ ПОЛНОСТЬЮ попадёт в его лапы.*

Таким образом, излишне эмоциональные комментарии поляков характеризуются предвзятым и агрессивным отношением, открытой неприязнью и враждебностью к России. Преобладают такие семантические доминанты, как агрессия, враждебность и вмешательство России в дела Польши и Украины. Объектами агрессивных высказываний комментаторов являются: *Россия как страна и государство; все русские, россияне; действия России по отношению к Польше и Украине, отношения России и Китая; президент России; посол Российской Федерации в Польше, планы в отношении России.*

- Россия как страна и государство: *Россия; Московия; Кацапия; Великое Княжество Московское; не европейская страна; страна Третьего мира; жалкая странёшка; колосс на глиняных ногах; это скорее стихия, чем государство; Россия – это помойка; колония (Китай); (Россия) огромное пространство для безумия; заброшенная помойка; виртуальная держава — Какая Россия? Какие русские? Это*

Великое Княжество Московское и москали; Россия – страна беспринципная; Россия – это буквально страна третьего мира, apus mundi, построенный из г...а и шифера;

- все россияне (русские): *москальские ублюдки; Путинская банда; москальские бандиты; москальские гниды; москальская падаль; русские габу царя; азиатские дикари, для которых единственная радость – это насилие, захват, грабёж; это же калмыки — Чтоб ты сдох под украинским танком, кацап!; у русского только одно преимущество перед жителем Запада, он не уважает жизнь (в том числе собственную); (к русским) следует демонстрировать презрение – и в ресторане или на пляже;*

- отношения России и Китая: *Москали и китаёзы; Китай вассализирует Россию; Кремль от отчаяния ходит на китайском поводке; Китай – не благотворительная организация, Россия становится его колонией; За Уралом – так и знай - Всё возьмёт себе Китай. До Урала будет Польша. Москалей не будет больше;*

- президент России: *Путин, диктатор Путин, нео-царь Путин, —Путин – это исключительная каналья ... интервью такому ненормальному журналисту, как Такер, свидетельствует о том, что он в отчаянии; У Путина противная монгольская физиономия, а родился он на севере СССР далеко от Монголии, и он русский;*

- планы в отношении России: *Следует раз и навсегда покончить с Россией. Даже ценой мировой войны; (надо) вторгнуться в Россию, ... наконец-то освободить народы России; помойка и страна, которую надо раздавить и уничтожить как можно скорее; поделить Россию; выгнать всех москалей из нашей страны; всех москалей из Европы домой; Пора запустить какого-нибудь JASSM над Крулевцем; сбивать москальские ракеты ещё над украинской территорией; давайте готовиться к войне; уничтожить эту москальскую чуму до конца; Мы, европейцы, должны положить конец такому злу, как свободное передвижение русских по Европе; Сначала мы должны поделить Россию, а потом будем властвовать – каждое государство, которое вносит свой вклад в войну, получит свой кусок (например, для Польши это будет Крулевец). Потом окультируем украинцев и будем жить в мире. Мир без этих алкоголиков, ср...щих за сараем, будет гораздо лучше; Для нас было бы идеально выиграть Белоруссию и спровоцировать Крулевецкую область на независимость.*

Комментаторы, чьи тексты не соответствуют «мейнстриму», объявляются *москальскими портянками, холуями, троллями, фашистами, путинофилами, полезными идиотами, леваками и коммуняками: — Ты разве не знаешь, что любой комментарий, не стопроцентно совпадающий с обязательной на данный момент линией мейнстрима, по определению является москальской пропагандой, а автор этого комментария – москальской портянкой?*

В целом, в текстах комментаторов четко прослеживаются этнические стереотипы и оппозиция 'свой – чужой', где чужое, русское, чуждо и враждебно своему, польскому. Мы наблюдаем неприятие и отрицание 'чужого-русского' и призывы готовиться к войне с Россией. Причины этого кроются в различиях интерпретаций общего культурно-исторического опыта – войн, соперничества двух народов, завоеваний, захватов, экономического, культурного и идейного взаимовлияния. Все это зафиксировано в массовом национальном сознании в виде стереотипов, установок, мифов и предрассудков. Однако нельзя не учитывать роль СМИ в транслировании и тиражировании негативных образов. Очевидно, что большинство комментариев отмечено высокомерным, оскорбительным, предвзятым отношением, а образ России и русских ассоциируется с образом врага, вызывающим ненависть и страх.

Список литературы

1. Шкапенко, Т. М. Маркеры языка вражды в интернет-комментариях к переводным статьям польских СМИ / Т. М. Шкапенко, И. Ю. Вертелова // Политическая

лингвистика. - 2018. - № 4 (70). - С. 104-111. [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/markery-yazyka-vrazhdy-v-internet-kommentariyah-k-perevodnym-statyam-polskih-smi> (дата обращения: 26.09.2024)

2. Усадьба Урсы. Клуб любителей переводов // [Электронный ресурс] - URL: - <https://ursa-tm.ru/forum/index.php?/portal/> (дата обращения: 26.09.2024)

Сведения об авторе:

Азарова Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры немецкого языка института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; azarrina@yandex.ru; +7(4862)752239

Azarova Irina Vladimirovna, Senior Lecturer of the Department of German at the Institute of Foreign Languages, I.S. Turgenev Oryol State University, 95 Komsomolskaya str., Oryol, 302028, Russian Federation; azarrina@yandex.ru; +7(4862)752239

УДК 811.11

Коммуникативная тактика отождествления в российских интервью представительниц шоу-бизнеса

Лилия Сергеевна Аляева

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, аспирант кафедры языкознания, Волгоград, Россия, liliya.alyaeva@gmail.com

Аннотация. В статье предлагаются результаты анализа опубликованных в российских СМИ интервью с представительницами шоу-бизнеса. Коммуникативная стратегия самопрезентации часто реализуется посредством тактики отождествления. В эксплицитной форме актрисы указывают профессиональные достижения своих коллег посредством применения оценочных эпитетов. Свои собственные достижения интервьюируемые отмечают преимущественно имплицитно.

Ключевые слова: интервью, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, эпитет, оценка.

The communicative tactics of identification in Russian interviews with women of show business

Liliya Sergeevna Alyaeva

Volgograd State Socio-Pedagogical University, postgraduate student of the Department of Linguistics, Volgograd, Russia, liliya.alyaeva@gmail.com

Annotation. The results of an analysis of women interviews of show business published in the Russian media are offered in the article. The communicative strategy of self-presentation is often implemented through the tactics of identification. Women indicate the professional achievements of their colleagues through the use of evaluative epithets in an explicit form. The interviewees note their own achievements mostly in an implicit form.

Keywords: interview, communication strategy, communication tactics, epithet, evaluation

Коммуникативный аспект изучения языковой личности, как известно, занимает важные позиции в современной отечественной лингвистике [Быкова 2000, с. 42-53; Гуляева 2023, с. 31-39; Иссерс 2008; Пирогова 2001, с. 543-553], что обусловлено стремлением ученых исследовать речевое поведение человека прежде всего в реальном общении, выявить его мотивы, целеполагание, языковые средства его достижения и т.п. При решении этой задачи с позиций социолингвистики важен учет гендерной принадлежности коммуникантов. Выявление особенностей применения коммуникативных стратегий и реализующих их тактик в зависимости от пола общающихся – одна из актуальных задач современной лингвистики.

Цель статьи – охарактеризовать коммуникативную тактику отождествления на материале интервью с представительницами российского шоу-бизнеса. Материалом исследования послужили тексты женских интервью, опубликованные в русскоязычном медиапространстве.

Одной из базовых коммуникативных стратегий в современных СМИ является самопрезентация. Она реализуется многочисленными коммуникативными тактиками [Красавский 2023, с. 68-80; Мосейко 2023, с. 51-55; Паршина 2004, с. 25-34]. Одной из них, как показывает анализ интервью с представительницами шоу-бизнеса, выступает тактика отождествления. Прежде чем изложить материал, остановимся кратко на понимании феномена «тактика» российскими учеными. Под ней принято понимать определенный набор коммуникативных действий, направленных на реализацию той или иной стратегии, того или иного замысла адресанта [Иссерс 2008; Ключева 2002]. Коммуникативная тактика и коммуникативная стратегия связаны, согласно О. С. Иссерс, как вид и род [Иссерс 2008, с. 111]. Можно заключить, что стратегия – это гипероним по отношению к понятию «тактика». Коммуникативная стратегия обязательно подразумевает под собой коммуникативную цель, которую необходимо достичь с помощью определенных «шагов» речевых действий, т.е. коммуникативных тактик.

К использованию стратегии самопрезентации участники речевого общения прибегают, когда хотят произвести впечатление на собеседника, создать определенное (чаще всего положительное) представление о себе и своих намерениях. Анализ интервью представительниц российского шоу-бизнеса показывает активное использование стратегии самопрезентации, которая реализуется посредством применения тактики отождествления, под которой понимается «нарочитая демонстрация символической принадлежности к определенной социальной или статусной группе» [Паршина, 2004, с.26]. На наш взгляд, к числу речевых жанров, в которых часто используется тактика отождествления, воплощающая стратегию самопрезентации, относится интервью, в особенности интервью с медийными личностями, стремящимися в силу своего статуса создать привлекательный имидж для аудитории.

Рассмотрим далее ряд примеров женских интервью, подтверждающих высказанное выше утверждение. Тактика отождествления, в частности, присутствует в интервью актрисы и хореографа Аллы Сигаловой журналу «Star hit» [Star hit, www]. В данном отрывке интервью журналист, стремящийся расположить интервьюируемую к ведению позитивного диалога, выстраивает свои вопросы в комплиментарном ключе. Общение осуществляется исключительно в уважительной форме (обращение к актрисе на «вы», по имени-отчеству – Алла Михайловна), модальность вопросов в стиле благоговения, их формулировка предполагает утвердительные ответы: «Почему стоит увидеть этот спектакль?». Интервьюер своим вопросом подразумевает обязательность посещения аудиторией данного спектакля. Приведем фрагмент интервью:

– Алла Михайловна, почему стоит увидеть этот спектакль? Я так понимаю, что он все-таки не только про балет, как следует из названия. Что вы в него вложили?

Ответ актрисы Аллы Сигаловой следующий:

– Мне кажется, **во-первых**, важная для зрителя вещь – то, что в первом отделении мы покажем восстановленный спектакль **«Магия целого»**, **нашумевший, имевший большой успех**. Сейчас моим партнером станет выдающийся танцовщик **Владимир Шкляр**, премьер Мариинского театра, мы будем танцевать под музыку выдающегося композитора **Ираиды Юсуповой**. Так как живем в разных городах, то ради репетиций ездим то он в Москву, то я в Петербург, по whatsapp тут, сами понимаете, не получится. Во втором же отделении случится абсолютно беспрецедентная история — я буду общаться с залом, отвечать на вопросы. **Буду говорить о людях, которых люблю и которые любили меня**, предлагать зрителям задать мне вопросы, интересующие их, самые, может быть, смелые. Посмотрим, насколько хватит смелости у нынешнего зрителя. Естественно, буду отвечать правду, потому что как-то у меня так принято.

Легко заметить, что изначально актриса настроена на незамедлительное перечисление достоинств данного спектакля и его создателей. Она использует вводную конструкцию **«Во-первых ...»** и далее называет, на ее взгляд, целый ряд достоинств этого спектакля (**«Сейчас моим партнёром станет...»** и **«Буду говорить о людях...»**). Обращает на себя внимание использование в высказываниях интервьюируемой большого количества оценочных эпитетов, характеризующих коллег, саму работу актрисы: **«выдающийся танцовщик»**, **«выдающегося композитора»**, **«нашумевший, имевший большой успех спектакль»**, **«абсолютно беспрецедентная история»** (о своем общении с залом). Этими позитивно-оценочными суждениями Алла Сигалова имплицитно характеризует и саму себя, свой вклад в успех спектакля. Следовательно, посредством тактики отождествления реализуется стратегия самопрезентации.

Следующий пример из интервью Екатерины Шпица журналу **«Star hit»** [Star hit, www]. Журналист ведет диалог с актрисой, расположив ее к себе с помощью комплиментов, употребленных по отношению к людям, которые работали над фильмом: **«поистине звездный состав»**, **«именитая команда»**. Журналист похвально отзывается о них, дает понять актрисе, что она из этой же **«именитой команды»**.

– Режиссерам картины удалось собрать в кадре **поистине звездный состав**. Поделитесь своими впечатлениями от работы с **именитой командой**.

Ответ актрисы Екатерины Шпица:

– Конечно, это было волнующе и очень интересно. Наш продюсер и идейный вдохновитель Валерий Белоцерковский жил проектом, он создал мощный тандем с Кареном Оганесяном, **подавал интересные идеи, говорил очень дельные вещи**, было ощущение, что у нас два дружных режиссера, каждый из которых дополнял картину своим животрепещущими эмоциями, вторым видением. Первый – выверенностью художественных решений. **Валерий очень разносторонне развитый человек. Эмпатичный, отлично разбирается в людях**, поэтому на площадке он, кажется, совместил в себе роли и продюсера, и психолога, и философа. **Актерский состав великолепный. Чего только стоит этот дар — сняться в одном кино с Владимиром Меньшовым и Галиной Польских! Да все в ансамбле чудесные артисты. А какими красивыми нас всех увидел оператор-постановщик! Что тут можно сказать? Мечта!**

Екатерина Шпица на протяжении всего своего ответа неустанно хвалит своих коллег по фильму: режиссёра, продюсера, актерский состав и даже оператора-постановщика. Она использует большое количество эпитетов по отношению к коллегам **«разносторонне развитый эмпатичный, отлично разбирается в людях...»**, **«великолепный»**, **«чудесный»** и т. д. Актриса также перечисляет и то, чем занимались эти люди на съемочной площадке, как отлично работали – **«подавал интересные идеи, говорил очень дельные вещи»**, **«какими красивыми нас всех увидел»**. Она выражает

благодарность за возможность поработать с артистами такой величины: «*Чего только стоит этот дар - сняться в одном кино с Владимиром Меньшовым и Галиной Польских!*». Актриса никак не оценивает себя в эксплицитной форме и дает отзыв о своей проделанной работе только опосредованно, высоко оценив итоговый результат. Екатерина Шпица подтверждает свою активную причастность к картине, отождествляя себя с «*великолепным*» и «*звездным*» актерским составом фильма.

Резюмируем изложенное выше.

Стратегия самопрезентации часто используется в интервью с представительницами шоу-бизнеса. Одной из коммуникативных тактик, ее реализующих, является отождествление. Посредством применения данной тактики интервьюируемые в имплицитной форме подчеркивают свою успешность в карьере. Отождествление себя со знаменитыми медийными личностями позволяет интервьюируемым поставить себя в один ряд с ними, показать свою активную причастность к их большим успехам. Реализация тактики отождествления осуществляется преимущественно посредством употребления многочисленных оценочных эпитетов, в открытой форме в высшей степени комплиментарно их характеризующих.

Список литературы

1. Быкова О. Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации / Под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 1(9). Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. С. 42-53.
2. Гуляева М. А. О некоторых особенностях коммуникативного поведения российской молодежи // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. №3(03). С. 31-39.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
4. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для ун-тов и ин-тов. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
5. Красавский Н. А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре «интервью» при обсуждении немецкими СМИ военных событий на Украине // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27(3). С. 68-80.
6. Мосейко А. А. Compliments and insults in Russian communicative behavior // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. №1(01). С. 51-55.
7. Паршина О. Н. Приемы реализации стратегии самопрезентации в речи административно-политической элиты // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч.тр. / под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. Вып. 4. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. С. 25-34.
8. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Текст. Интертекст. Культура. М.: Азбуковик, 2001. С. 543-553.
9. Star Hit. URL: <https://www.starhit.ru/interview/zvezda-seriala-balet-alla-sigalova-seichas-ya-vlyublennaya-dlya-menya-eto-chuvstvo-bolshoi-dvigatel-915528/> (дата обращения: 21.12.2023)
10. Star Hit. URL: <https://www.starhit.ru/interview/katerina-shpica-o-fatalizme-rabote-s-vladimirom-menshovym-i-khamstve-v-ocherednykh-909192/> (дата обращения: 21.12.2023)

Сведения об авторе:

Аляева Лилия Сергеевна; аспирант кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, Российская федерация, Волгоград, пр. имени В.И. Ленина, 27; liliya.alyaeva@gmail.com

Alyaeva Liliya Sergeevna; postgraduate student of the Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University, 27 V.I. Lenin Ave., Volgograd, 400005, Russian Federation; liliya.alyaeva@gmail.com

УДК 81

Синтаксические средства речевого манипулирования в медийном дискурсе

Елена Викторовна Долгова¹, Анастасия Алексеевна Кравцова²

¹ Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, сотрудник Академии ФСО, кандидат филологических наук, г. Орёл, ул. Приборостроительная, д. 35; г. Орёл, Россия, elenadolg76@mail.ru

² Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, старший преподаватель кафедры иностранных языков института иностранных языков, Орел, Россия, kravtsovastacy2012@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению способов речевого манипулирования в медийном дискурсе, в частности использованию синтаксических средств с целью имплицитного воздействия на адресата для принятия выбранной автором медиатекста позиции. Анализ примеров позволил выделить функции имплицитной информации: прагматизация имиджа адресанта; положительное/отрицательное отношение автора к содержанию материала; дезинформирование реципиента; дискредитация соперника адресанта и ряд других.

Ключевые слова: медийный дискурс, речевое манипулирование, синтаксические средства, сравнение

Syntactic means of speech manipulation in media discourse

Elena V. Dolgova¹, Anastasiya A. Kravtsova²

¹ the Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Staff Member, PhD (Philology), Priborostroitel'naya st.,35, Oryol 302015, the Russian Federation, elenadolg76@mail.ru

² Oryol State University named after I. S. Turgenev, senior lecturer, Foreign Languages Department, Foreign Languages Institute, Oryol, Russia, kravtsovastacy2012@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of speech manipulation methods in media discourse, in particular the use of syntactic means for the purpose of implicit influence on the addressee to accept the position chosen by the author of the media text. Analysis of examples allowed us to identify the functions of implicit information: pragmatization of the addressee's image; positive/negative attitude of the author to the content of the material; misinforming the recipient; discrediting the addressee's competitor, and a number of others.

Key words: media discourse, speech manipulation, syntactic means, comparison

Несмотря на значительный объём литературы, посвящённой различным аспектам манипулирования, изучение механизмов воздействия речи в медийном дискурсе продолжает оставаться востребованным в современной филологии и лингвистике. В настоящее время в научных трудах в основном рассматриваются индивидуальные манипулятивные стратегии и тактики, наряду с речевыми манипуляциями в массовой коммуникации, которые стали предметом различных лингвистических изысканий [Пирогова 2001, Данилова 2011, Стернин 2012, Седов 2012]. Учёными также исследуются различные техники психологической защиты от манипулятивного влияния [Доценко 1993].

Тем не менее, роль стилистических средств, являющихся, на наш взгляд, основой для реализации манипулирования в медийном дискурсе, остаётся на периферии ряда научных дисциплин, что обуславливает актуальность данного небольшого исследования, предполагающего комплексный анализ синтаксических средств, которые используются в медийном дискурсе для манипулирования информацией. Эмпирическим материалом исследования послужили медиатексты англоязычных новостных онлайн-изданий.

Под медиадискурсом в данном исследовании понимается совокупность семиотических и коммуникативных параметров, определяющих способ коммуникации в медиaprостранстве в форме создания медиатекстов, отмеченный наличием стилистических особенностей, присущих языку средств массовой информации и коммуникации и воплощающий особый способ отражения воздействия на мир через средства массовой информации. Манипуляция предполагает психологическое воздействие с грамотным использованием языковых средств. По мнению Р. М. Блакара язык для манипуляторов является важнейшим инструментом ретуширования смысла для того, чтобы скрыть реальную ситуацию [Блакар, с. 132].

Синтаксические средства, наряду с лексическими приёмами активно задействованы при создании манипулятивного эффекта в англоязычных новостных медиасточниках. К одному из часто используемых приёмов создания манипулятивного эффекта следует отнести сравнение. В основном исследованный эмпирический материал демонстрирует использование сравнения для создания негативного отношения к изображаемым событиям или явлениям. Напр.: 1) *His determination to vanquish Putin's Russia, which he views as a mortal threat, is not shared by Germany's chancellor, Olaf Scholz, the other big EU player* (The Guardian, 11 July 2024). Наряду с отрицательной коннотацией данное синтаксическое средство задействуется для оценки политической ситуации. В частности, напр.: *Macron is widely described as weakened, even as a lame duck* (The Guardian, 11 July 2024).

Зачастую авторы медиатекстов используют сравнения, основанные на цитировании авторитетных фигур, что значительно повышает их манипулятивный потенциал. Так, в одной из недавних статей Guardian, посвященной саммиту НАТО, британский дипломат, генеральный директор Королевского объединённого института оборонных исследований Карин фон Хиппель фактически обвинила Китай в пособничестве войне на Украине: *That all 32 allies could agree on describing China's discreet supply of military components and chemicals to Russia as a "decisive enabler" of the war in Ukraine was a success from the point of alliance unity, Von Hippel said* (The Guardian, 11 July 2024).

Для усиления выразительности высказывания и тем самым оказания намеренного влияния на сознание реципиента нередко в канве новостного медиатекста встречается такой стилистический приём как парцелляция, подчёркивающий, по мнению автора, важную информацию. Например: *That commitment to international law must be upheld, even if President Biden objects. That is why my amendment also calls on the government to drop the UK's challenge to the ICC issuing arrest warrants* (The Guardian, 17 July 2024).

С целью усиления смысла высказывания могут использоваться такие синтаксические приемы, как синтаксический параллелизм, часто такой прием используется в виде повтора какого-то слова или словосочетания. Например: *“Russia will not prevail in war. Russia will not prevail. Ukraine will prevail, and [we] will continue to stand by you every step of the way,” the president added.* (Independent, 26 September 2024).

В данном примере президент Джозеф Байден в эмоциональной форме делает акцент на своей уверенности в определенном исходе ситуации. Повторяющееся слово *prevail* несет в речи основную смысловую нагрузку. Байдену вторит вице президент Камала Харрис: *“I have been proud to stand with Ukraine. I will continue to stand with Ukraine, and I will work to ensure Ukraine prevails in this war, to be safe, secure and prosperous. The United States must continue to fulfill our longstanding role of global leadership”, she added.* (Independent, 26 September 2024). Синтаксический параллелизм в данном примере усиливает эффект высказанной Харрис мысли о том, что Соединенные Штаты продолжают удерживать свои позиции глобального лидера.

В следующем примере в речи Владимира Зеленского отчетливо прослеживается тенденция усилить содержание высказывания, придав дополнительную выразительность, используя целый ряд грамматических приёмов, в частности повторение отрицательной конструкции *it not only*, а также использование синонимичного ряда описательных конструкций, оценивающих планы урегулирования конфликта, начиная от более нейтрального *альтернативы*, постепенно переходя к оценочным суждениям *половинчатые* и *так называемые*, отсылая реципиента к явно не обозначенным источникам информации *some*: *“When some propose alternatives, half-hearted settlement plans, so-called sets of principles, it not only ignores the interests and suffering of Ukrainians ... it not only ignores reality, but also gives Putin the political space to continue the war,” he said.* (Independent, 26 September 2024).

Эмоциональное напряжение может передаваться при помощи приема градации, когда последующая единица по своей эмоциональности превосходит предыдущую. Например, премьер-министр Великобритании Кир Стармер, общаясь с прессой в Нью Йорке в преддверии выступления на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, заявил: *Over 35,000 civilians have been killed or injured, 6 million forced to flee and almost 20,000 Ukrainian children forcefully deported. Kidnapped, to put it bluntly.* (Independent, 26 September 2024)

В данном примере более нейтральное по значению слово депортированы заменяется на похищены, так усиливается экспрессивность и эффектность, текст приобретает бóльшую степень воздействия на реципиента.

Еще одним эффективным средством привлечения внимания аудитории является использование риторических вопросов в тексте. Например: *So does Putin’s statement move the Doomsday Clock any closer to midnight?* (CNN, 27 September 2024). В данном примере вопрос используется не только для привлечения внимания реципиента, но также для того, чтобы получить более глубокую ответную реакцию публики. Статья была опубликована после выступления В. Путина об изменении ядерной доктрины.

Необходимо отметить, что в медийном дискурсе используется совокупность различных синтаксических приёмов языкового манипулирования, формирующих отношение читателя к обсуждаемой теме.

Список литературы

1. Пирогова, Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипуляция. М.: Русские словари, 2001. С. 209–227.
2. Данилова, А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М.: Добросвет, 2011. 232 с.

3. Стернин И. А. «Основы речевого воздействия». Учебное издание, Воронеж: "Истоки", 2012 г. С. 101-150.
4. Седов К. Ф. «Агрессия и манипуляции в повседневной коммуникации». Москва: «Лабиринт», 2012. 178с.
5. Доценко Е. Л. Механизмы психологической защиты от манипулятивного воздействия: диссер. канд. психол. наук: 19.00.01. Москва, 1993. 162 с.
6. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 131–169.

УДК 81

Прагматико-грамматические средства речевого воздействия в английском языке (на примере предвыборных слоганов США)

Мария Валерьевна Кононова¹, Дмитрий Александрович Иванишин²

¹ Орловский государственный университет, аспирант, Орел, Россия, kononova-mari-1996@mail.ru

² Орловский государственный университет, доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, Орел, Россия, ghostpanther@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются прагматико-грамматические средства речевого воздействия в английском языке американского политического дискурса на примере предвыборных слоганов, анализируются преобладающие прагматические типы слоганов, проводится сравнительно-сопоставительный диахронический анализ за последние четыре года, выявляются типичные и нетипичные грамматико-синтаксические средства построения слоганов.

Ключевые слова: политический дискурс, предвыборный слоган, прагматические типы предложений, речевое воздействие, констатив, директив.

Pragmatic and grammatical means of persuasion in the English language (by the example of US election slogans)

Maria Valeryevna Kononova¹, Dmitry Alexandrovich Ivanishin²

¹ Orel State University, post-graduate student, Orel, Russia, kononova-mari-1996@mail.ru

² Orel State University, Associate Professor of the Department of the English Philology, Candidate of Philological Sciences, Orel, Russia, ghostpanther@yandex.ru

Abstract. The article deals with pragmatic and grammatical means of persuasion in the English language of American political discourse by the example of election slogans, it also analyzes dominant pragmatic types of slogans, carries out comparative diachronic analysis for the last four years, identifies typical and atypical grammatical-syntactic means of slogan construction.

Keywords: political discourse, election slogan, pragmatic types of sentences, persuasion, constative, directive.

Политический дискурс всегда играл важную роль в жизни общества, однако в последнее время он приобрел особую важность, что связано как с мировой политической

обстановкой в последние несколько лет, так и с всевозрастающим количеством общественно-политических передач в интернете и на телевидении. При этом необходимо отметить, что особую роль в рамках политического дискурса играют разного рода слоганы, самыми значимыми из которых, по нашему мнению, являются предвыборные слоганы, поскольку они являются неотъемлемой и важной частью процесса избрания власти, от которого зависят все последующие общественно-социальные явления в стране и мире.

С точки зрения изучения современного английского языка нам представляется любопытным проанализировать прагматическую составляющую предвыборных слоганов в соответствии с теорией речевых актов Дж.Остина [Austin, 1975] и коммуникативным описанием различных типов высказываний Дж.Р. Серля [Searle, 1969], а также провести сопоставительный анализ этих явлений за последние четыре года с целью проследить наличие или отсутствие каких-либо изменений в их прагматической составляющей. Актуальность данного исследования обуславливается тем, что слоган любого рода носит явную прагматическую направленность, при этом как прямую, так, зачастую, и косвенную, что играет важную роль в его способности оказывать речевое воздействие на реципиента с целью побудить его принять определенные решения и сделать шаги на пути к их реализации.

В качестве материала исследования нами были использованы предвыборные слоганы президентских избирательных кампаний в США 2020 и 2024 годов всех кандидатов обеих центральных партий – демократической и республиканской. Выбор в пользу этих слоганов был сделан на основании максимальной значимости президентских выборов, ведь они являются “верхушкой” избирательного процесса, а, следовательно, с наибольшей наглядностью демонстрируют все актуальные тенденции в политическом дискурсе американского английского языка. Чтобы проследить развитие данного аспекта дискурса в динамике мы сравнили слоганы предыдущей и текущей президентских кампаний. Анализ проводился как на предмет прагматической составляющей – в том числе и количественный, так и на предмет грамматико-синтаксических средств реализации, заложенной в слоганы прагматики.

С точки зрения трактовки понятия “политический дискурс” считаем важным уточнить, что в рамках нашего исследования мы берем за основу определение, данное А.Н. Барановым, который говорит, что **“политический дискурс — это совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников и формирующих конкретную тематику политической коммуникации”** [Баранов, с.7]. В таком случае предвыборный слоган является одной из дискурсивных практик, при этом максимально сжатой, в которой в лаконичном виде отображается ключевая мысль всей избирательной кампании кандидата в президенты. С точки зрения идентификации участников и, соответственно, речевого воздействия, реципиента можно определить как группового, т.е. все население страны, при этом, туда будут включаться не только уже существующие сторонники кандидата, но и так называемые, колеблющиеся, а также возможно и противники, которых в том числе и за счет слогана кандидат в президенты будет стараться перетянуть на свою сторону.

Политические слоганы кандидатов в президенты США были отобраны нами на основе материалов Википедии [Wikipedia], слоганы при выборке не исключались, т.е. представлены в полном объеме, данном в ресурсе. После чего они были определены с точки зрения соответствия уже известным прагматическим типам предложения. Данные представлены в таблицах 1 и 2. Стоит уточнить, что в ряде слоганов строгое разграничение в соответствии с прагматическими типами представлялось нам проблематичным, что побудило нас к выявлению смешанных типов, когда а) либо было трудно вычленить какой-либо один тип с точки зрения прагматики, б) либо, на наш

взгляд, в слогане присутствовала скрытая прагматическая составляющая, когда за внешней формой наблюдалась иная цель высказывания, представляющаяся с точки зрения речевого воздействия не менее, а то и более важной.

Таблица 1. Политические слоганы и их прагматические типы в предвыборной кампании 2020.

Демократическая партия	
Слоган	Прагматический тип
"Build Back Better" – used by Joe Biden's campaign	Смешанный: констатив/директив
"Restore The Soul of The Nation" – used by Biden's campaign	Директив
"Our best days still lie ahead" – used by Biden's campaign	констатив – скрытый тип промисив
"No Malarkey!" – used by Biden's campaign	Экспрессив
"Bye Don" – a common play on words by Biden's campaign in reference to Donald Trump	Экспрессив
"Not me. Us." – used by Bernie Sanders' campaign	Констатив
"Feel the Bern." – used by Sanders' campaign	Директив
"Dream Big Fight Hard" – used by Elizabeth Warren's campaign	Директив
"I like Mike" – used by Michael Bloomberg's campaign	Констатив
"Mike will get it done" – used by Bloomberg's campaign	Промисив
"It's not about the money, it's about sending a message" used by Bloomberg's campaign	Констатив
"Win the Era" – used by Pete Buttigieg's campaign	Директив
"A new generation of leadership" – used by Buttigieg's campaign	Констатив
"Lead with Love" – used by Tulsi Gabbard's campaign	Директив
"Humanity First" – used by Andrew Yang campaign	Констатив
"Not left. Not right. Forward." – used by Yang's campaign	Констатив – скрытый тип промисив
"MATH - Make America Think Harder" – used by Yang's campaign	Директив
"We're all in this together." – used by Beto O'Rourke's campaign	Констатив
"Building Opportunity Together" – used by Michael Bennet's campaign	Перформатив
"Focus on the Future" – used by John Delaney campaign	Директив

"We Rise" – used by Cory Booker's campaign	Перформатив
"Join the Evolution!" – used by Marianne Williamson's campaign	Директив
"One Nation. One Destiny." – used by Julian Castro's campaign	Констатив
"Our Future Is Now" – used by Tim Ryan's campaign	Констатив – скрытый директив
"Working People First" – used by Bill de Blasio's	Констатив – скрытый промисив
"Brave Wins" – used by Kirsten Gillibrand's campaign	Констатив – скрытый директив
"Our Moment" – used by Jay Inslee's campaign	Констатив – скрытый директив
"Stand Tall" – used by John Hickenlooper's campaign	Директив
"End the American Empire" – used by Mike Gravel's campaign	Директив
"Go Big. Be Bold. Do Good." – used by Eric Swalwell's campaign	Директив с элементами экспрессива
"Take. Our. Democracy. Back." – used by Ben Gleib's presidential campaign	Директив с элементами экспрессива
"Let's Save America, Ok?" – used by Gleib's 2020 presidential campaign	Директив с элементами квеститива
"For The People" – used by Kamala Harris campaign	Констатив – скрытый тип промисив
Республиканская партия	
"Keep America Great" – used by Donald Trump's campaign	Директив
"Make America Great Again Again" – used by Trump's campaign	Директив
"Promises Made, Promises Kept" – used by Trump's campaign	Констатив
"Buy American, Hire American" – used by Trump's campaign	Директив с элементами промисива
"Make Our Farmers Great Again" – used by Trump's campaign	Директив
"Build the Wall and Crime Will Fall" – used by Trump's campaign	Констатив
"Jobs Not Mobs" – used by Trump's campaign	Констатив с элементами промисива
"Leadership America Deserves" – used by Bill Weld's campaign	Констатив

Таблица 2. Политические слоганы и их прагматические типы в предвыборной кампании 2024.

Демократическая партия	
Слоган	Прагматический тип

"Let's Finish the Job" – used by Joe Biden's campaign	Директив
"Together, we can win this!" used by Kamala Harris' campaign	Констатив – экспрессив
"When we Fight, we Win." used by Harris' campaign.	Констатив
"We are not going back." used by Harris' campaign.	Констатив
"Let's WIN this." used by Harris' campaign.	Директив с компонентами экспрессива.
"A new beginning" – used by Marianne Williamson's campaign	Констатив
"Disrupt the system" – used by Williamson's campaign	Директив
Республиканская партия	
"I Like Mike" - used by Mike Pence's campaign	Констатив
"Too Honest" - used by Mike Pence's campaign	Констатив
"Stand for America" – used by Nikki Haley's campaign	Директив
"Make America Great Again!" used by Donald Trump's campaign	Директив
"Make America Healthy Again" used by Donald Trump's campaign upon endorsement from Robert F. Kennedy, Jr.	Директив
"I was indicted for you!" used by Donald Trump's campaign	Констатив - экспрессив
"Our Great American Comeback" used by Ron DeSantis's campaign	Констатив – скрытый промисив
"Asa for America!" – used by Asa Hutchinson's campaign	Экспрессив
"A New American Dream" used by Vivek Ramaswamy's campaign	Констатив – скрытый промисив
"Truth." used by Vivek Ramaswamy's campaign	Констатив – скрытый промисив

По итогам статистического анализа получились результаты, которые можно наблюдать в таблицах 3 – 6.

Таблица 3. Процентное соотношение прагматических типов слоганов демократической партии в 2020 году.

Общее количество слоганов	33
Директив	10 (30,3%)
Директив с компонентами экспрессива	2 (6,06%)
Директив с компонентами квеститива	1 (3,03%)
Констатив	7 (21,2%)
Констатив со скрытым промисивом	4 (12,1%)
Констатив со скрытым директивом	4 (12,1%)
Экспрессив	2 (6,06%)

Перформатив	2 (6,06%)
Промисив	1 (3,03%)

Таблица 4. Процентное соотношение прагматических типов слоганов республиканской партии в 2020 году.

Общее количество слоганов	8
Директив	3 (37,5%)
Директив со скрытым промисивом	1 (12,5%)
Констатив	2 (25%)
Констатив со скрытым промисивом	2 (25%)

Можно увидеть, что независимо от партии в слоганах преобладают констативы и директивы, т.е. воздействие оказывается либо за счёт попыток подчеркнуть превосходство или выделить преимущества своей кандидатуры, либо же посредством прямого призыва к гражданам сделать “верный” выбор. В ряде случаев наблюдается скрытый промисивный компонент, причём как в директивах, так и в констативах, когда какие-либо утверждения или призывы косвенно обещают какие-либо действия со стороны кандидата в президенты. Если же говорить в общем, без разделения констативов и директивов на подвиды, то в случае с демократической партией воздействие в большей степени оказывалось через констативы (45,4%), чем через директивы (39,4%). Возможно, что причиной этому явилось нежелание оказывать прямое давление на избирателей, поскольку констатив предоставляет некую свободу действий реципиенту, возможность сделать собственный выбор, в то время как директив жестче побуждает к действию, что может вызвать психологическую протестную реакцию. Остальные прагматические типы использовались гораздо реже, что, возможно, связано с их меньшей частотностью в речи в целом.

У республиканской партии процентное соотношение между констативами и директивами в строгом смысле составило 50 на 50. Других прагматических типов в строгом виде не наблюдалось.

Таблица 5. Процентное соотношение прагматических типов слоганов демократической партии в 2024 году.

Общее количество слоганов	10
Директив	2 (28,6%)
Директив с компонентами экспрессива	1 (14,3%)
Констатив	3 (42,8%)
Констатив со компонентом экспрессива	1 (14,3%)

Таблица 6. Процентное соотношение прагматических типов слоганов республиканской партии в 2024 году.

Общее количество слоганов	10
Директив	3 (30%)
Констатив	2 (20%)
Констатив с компонентами экспрессива	3 (10%)
Констатив с компонентами промисива	3 (30%)
Экспрессив	1 (10%)

В случае с результатами по 2024 году можно заметить уменьшение общего количества слоганов, что связано с уменьшением общего числа кандидатов на праймериз. Всё также можно заметить преобладание констативов и директивов. Количество других прагматических типов снизилось до одного случая на обе партии. В слоганах демократической партии также наблюдается преобладание констативов (57,1%) над директивами (42,9%), при этом разрыв в пользу констативов увеличился по сравнению с 2020 годом. В случае со слоганами республиканской партии также наблюдается преобладание констативов – 60%, в то время как количество директивов уменьшилось с 50% до 30% от общего числа по сравнению с 2020 годом.

Таким образом, можно сделать следующие выводы, касающиеся прагматического аспекта предвыборных слоганов. 1) Преобладающими типами слоганов с точки зрения прагматики являются констативы и директивы. 2) В целом, можно говорить о снижении количества директивов относительно количества констативов за последние четыре года, что вероятно указывает на попытку более тонко воздействовать на избирателей, чем путем агитационного призыва. 3) Общее количество констативов со скрытыми компонентами других прагматических типов достаточно велико и как правило не намного меньше, а то и больше, чем количество “чистых” констативов, что может свидетельствовать о том, что косвенное речевое воздействие в речевых актах политического дискурса считается адресантами эффективным как в настоящее время, так и четыре года назад.

С точки зрения грамматического построения слоганов-директивов, преобладают конструкции императива, начинающиеся с инфинитива без частицы *to*. Директивы, начинающиеся с *let's*, встретились всего в трех случаях из всех. Редко встречается незавуалированная эмотивность в виде использования восклицательных знаков, что, свидетельствует о небольшой экспрессивности американского политического дискурса. Редко в качестве слоганов выступали условные предложения. 16 (51,6%) из 31 слогана-констатива являлись грамматически неполными предложениями, в которых отсутствовало либо сказуемое, либо подлежащее. При этом пропорция не изменилась: 9 из 19 в 2020 году и 7 из 12 в 2024 году, что свидетельствует о том, что данный тип предложений в целом характерен для слоганов в американском политическом дискурсе последних лет. С точки зрения изменения в грамматических построениях слоганов не наблюдается серьезных отличий за последние четыре года, что может быть связано в том фактом, что грамматическая система языка более ригидна по сравнению с прагматическими аспектами дискурса. Тем не менее, требуются более широкие исследования с точки зрения диахронического среза, например, за последние десять и двадцать лет.

Таким образом, можно заключить, что грамматические средства речевого воздействия слоганов в американском политическом дискурсе за последние четыре года не претерпели существенных изменений, в то время как с точки зрения прагматических типов наблюдается сдвиг в сторону более частого употребления слоганов-констативов по сравнению со слоганами-директивами. Другие прагматические типы в чистом виде использовались и используются в слоганах политического дискурса крайне редко.

Список литературы

1. Austin, J. L. *How To Do Things With Words*. – Oxford University Press, 1975.
2. Searle, J. R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. – Cambridge University Press, 1969.
3. Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А., Шипова Е.А. *Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоричности*. – М.: Фонд Индем, 2004. С. 7-8.

4. Wikipedia. List of US Presidential Campaign Slogans: Электронный ресурс. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_U.S._presidential_campaign_slogans

Сведения об авторах:

Кононова Мария Валерьевна; аспирант, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39б; kononova-mari-1996@mail.ru; +79200801579.

Иванишин Дмитрий Александрович; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет, 302026, Российская Федерация, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 39б; email: ghostpanther@yandex.ru; +79004878919.

Kononova Maria Valyevna; post-graduate student, Orel State University, 39b Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation, Orel Oblast; kononova-mari-1996@mail.ru; +79200801579.

Ivanishin Dmitriy Aleksandrovich; Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Orel State University, 39b Komsomolskaya St., Orel, 302026, Russian Federation, Orel Oblast; email ghostpanther@yandex.ru; +79004878919.

УДК 811.111

Субъективная модальность фразеологизмов в англоязычном медийном дискурсе

Татьяна Петровна Филичкина

Академия ФСО России, кандидат филологических наук, доцент, сотрудник, г. Орёл, Россия, E-mail: filitchkina_orel@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается алгоритм описания субъективной модальности фразеологических единиц в англоязычном медийном дискурсе. Субъективная модальность включает аксиологическую, эмотивную, деонтическую модальности, которые определяются, используя когнитивно-дискурсивный анализ.

Ключевые слова: фразеологизм, субъективная модальность, аксиологическая модальность, эмотивная модальность, деонтическая модальность, семантика, медиадискурс.

Subjective modality of idioms in English-language media discourse

Filichkina Tatiana Petrovna

Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, candidate of Phylology, staffer, Orel, Russia, E-mail: filitchkina_orel@mail.ru

Abstract. The article examines the algorithm for describing the subjective modality of phraseological units in English-language media discourse. Subjective modality includes axiological, emotive, deontic modalities, which are determined using cognitive-discourse analysis.

Keywords: idiom, subjective modality, axiological modality, emotive modality, deontic modality, semantics, media discourse.

Медийный ландшафт определяет картину мира каждого индивида и социума в целом. Медиаресурсы формируют мировоззрение современного человека и лингвокультурного сообщества.

Фразеологические единицы на страницах прессы выполняют номинативную и воздействующую функцию. Они называют предметы и явления действительности, содержат оценки, воздействуют на эмоциональную сферу, создают образ мира в сознании человека.

Различные оценки событий действительности в семантике идиом соотносятся с субъективной модальностью. Субъективная квалификация действительности включает аксиологическую, эмотивную и деонтическую модальности. Аксиологическую модальность (рациональную оценку) можно установить с помощью когнитивно-модальных операторов «хорошо», «нейтрально», «плохо». Эмотивная модальность (чувственная оценка) определяется с использованием когнитивно-модальных операторов «одобрение», «осуждение», «нейтральное отношение». Деонтическая модальность (нормативная оценка) выявляется, применяя когнитивно-модальные операторы «разрешено», «запрещено», «следует». Деонтическая картина мира как совокупность запретов, правил и норм поведения людей, необходимых для существования социума, отражается в языке, а конкретно в семантике языковых знаков (слов, фразеологизмов, паремий), и считается наименее исследованной на фоне других картин мира.

Деонтическая модальность непосредственно связана с аксиологической и эмотивной модальностью. Деонтические нормы, принятые в социуме, включают положительную оценку и вызывают одобрение. Нарушение норм и запретов негативно оценивается и осуждается в обществе. Деонтические нормы – это правовые, нравственные, этические нормы, а также правила и нормативы, принятые в социуме. Они включают нормы, принятые в различных лингвокультурных сообществах, и национально-детерминированные, обусловленные особенностями национальной культуры [Филичкина 2019, с. 247].

Фразеологические единицы медийного дискурса содержат морально-этические и, в меньшей степени, правовые нормы. Социальные нормы возникли изначально на обыденно-бытовом уровне, а позднее были зафиксированы в нормах права. Некоторые нормы не были кодифицированы, а существуют в виде житейских представлений в сознании представителей социума.

В основе большинства ФЕ лежит образное представление об окружающем мире. С точки зрения диахронии за каждым фразеологизмом прослеживается прецедентная ситуация. Далее прецедентная ситуация переосмысливается, обобщается и фиксируется в сознании носителей языка вместе с определёнными ассоциациями и оценками и используется для представления аналогичных ситуаций [Абакумова 1998, с. 71].

В нашей статье предлагается рассмотреть ряд примеров из англоязычных СМИ и провести когнитивно-дискурсивный анализ фразеологизмов для определения субъективных модальностей. Когнитивный анализ предполагает исследование семантики языковых знаков, дискурсивный анализ включает учёт экстралингвистических факторов, включающих текущие события, идеологическую направленность издания и политические взгляды автора.

В электронном журнале *The Diplomat*, освещающем события в Азиатско-Тихоокеанском регионе, опубликована статья *The Elephant in the Room: An Imminent Danger to the Japan-US Alliance* [Easton]. В ходе своего визита в США премьер-министр Японии Кисида заявил об опасности, которую представляют для союза двух стран современные тенденции в американской политике.

Кисида выразил озабоченность, что, в случае прихода к власти, Дональд Трамп

разрушит традиционные принципы внешней политики страны, откажется от поддержки институтов, союзников и партнёров. Комментарии Трампа остаются чрезвычайно опасными для Японии, которая рассчитывает на американский ядерный зонтик для обеспечения своей безопасности.

Всё это представляется серьёзной угрозой для руководства Японии, поэтому в ходе своего визита премьер-министр пытался добиться определённых обязательств от США в связи с потенциально непредвиденными обстоятельствами после президентских выборов в ноябре.

Существующая проблема для альянса США и Японии в заголовке статьи определяется с использованием образного фразеологизма *the elephant in the room*.

The elephant in the room – проблема, о которой все знают, но предпочитают игнорировать; острая, тщательно избегаемая проблема [Мультитран].

Опасность изменения политики в отношении Японии существует, её все видят, как невозможно не заметить слона в комнате, и понимают, но стараются её не обсуждать, игнорировать. Когнитивно-дискурсивный анализ идиомы *the elephant in the room* даёт возможность идентифицировать субъективные модальности в его семантике. Любые серьёзные проблемы в государстве вызывают отрицательную рациональную оценку (аксиологическая модальность), их наличие не одобряется в обществе (эмотивная модальность). Нормативная картина мира предполагает, что руководителям государства следует решать проблемы страны (деонтическая модальность).

Статья *How Trump Is Running Differently This Time* [Anderson] американской ежедневной газеты *New York Times* представляет опасения некоторых слоёв американского общества в связи с возможным возвращением Дональда Трампа на президентский пост.

A wrecking ball. A bull in a China shop. A chaos candidate. During Donald Trump's whirlwind rise to the presidency, his opponents and critics frequently noted his penchant for havoc. Surely, they believed, voters would not want to steer the country toward disorder and mayhem.

Опасный человек. Слон в посудной лавке. Кандидат хаоса. Во время стремительного восхождения Дональда Трампа к президентству его противники и критики часто отмечали его склонность к разрушению. Они были уверены, что избиратели не захотят ввергнуть страну в беспорядок и хаос.

В статье встречаются два фразеологизма, характеризующие кандидата на пост президента.

A wrecking ball – разрушительная сила, опасный человек, ядро для разрушения зданий [Мультитран].

Когнитивный анализ позволяет определить модальности фразеологизма в данном медиатексте. В переносном значении это выражение имеет отрицательную рациональную оценку (аксиологическая модальность), поскольку руководитель страны должен быть созидателем, а не разрушителем. Разрушительное начало вызывает отрицательные эмоции: неодобрение и осуждение (эмотивная модальность). С точки зрения норм социума, не следует ломать устои страны (деонтическая модальность).

A bull in a China shop – слон в посудной лавке, неуклюжий и бестактный человек [Мультитран].

Дональда Трампа характеризуют как бестактного и непредсказуемого человека, который может привести страну к беспорядкам и хаосу. Фразеологизм *a bull in a China shop* содержит негативную оценку и вызывает отрицательные эмоции. Такое поведение и человека, и руководителя не соответствует общепринятым нормам общества.

Новостной портал Мальты *Newsbook* опубликовал статью, в её заголовке “*Malta sits on the fence as more nations recognise Palestinian statehood*” [Balzan] используется

фразеологизм, эквивалента или аналога, которому нет в русском языке.

To sit on the fence – «сидеть на заборе», не становиться ни на чью сторону, занимать нейтральную или выжидательную позицию [Мультитран].

В то время как многие страны Евросоюза официально признали Палестину независимым государством, Мальта – страна, имеющая глубокие культурные и политические связи с Палестиной, – по-прежнему не желает занять четкую позицию по поводу конфликта в Секторе Газа. Большинство стран мира выступают за предоставление суверенитета Палестине, что могло бы положить конец многолетнему противостоянию в регионе между Израилем и Палестиной.

Фразеологизм *to sit on the fence* содержит оценки осторожной и выжидательной позиции государства Мальта в отношении независимости Палестины. Учитывая обстоятельства событий на Ближнем Востоке, аксиологическая оценка находится на отрицательном полюсе, неопределённая позиция страны вызывает осуждение среди партнёров по Евросоюзу. Безусловно взвешенное поведение руководства любой страны считается нормой, но в данном контексте следует продемонстрировать свою четкую солидарную позицию с большинством стран мира (деонтическая модальность).

Таким образом, субъективная модальность фразеологических единиц в материалах СМИ определяется путем проведения когнитивно-дискурсивного анализа с учётом лингвистических и экстралингвистических факторов, применяя когнитивно-модальные операторы.

Список литературы

1. Филичкина Т.П. Идеологическая модальность прецедентных феноменов в англоязычном политическом дискурсе. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки: Языкознание. Журналистика. Педагогика Том 38, №2, 2019. С. 244-252.

2. Абакумова, О. Б. Картина мира и ее отражение в семантике глагольных фразеологизмов, включающих названия явлений природы / О.Б. Абакумова // Язык и коммуникация: изучение и обучение. Вып 2. Сборник статей. – Орел: ОГУ, 1998. 122 с. – С. 70-74.

3. Мультитран. Электронный словарь. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения 06.09.24).

4. Easton Y. The Elephant in the Room: An Imminent Danger to the Japan-US Alliance. URL: <https://thediplomat.com/2024/04/the-elephant-in-the-room-an-imminent-danger-to-the-japan-us-alliance/> (дата обращения 06.09.24).

5. Anderson K. S. How Trump Is Running Differently This Time URL: <https://www.nytimes.com/2023/12/26/opinion/trump-biden-election.html> (дата обращения 06.09.24)

6. Balzan J. Malta sits on the fence as more nations recognise Palestinian statehood URL: <https://newsbook.com.mt/en/malta-sits-on-the-fence-as-more-nations-recognise-palestinian-statehood/> (дата обращения 06.09.24)

Сведения об авторе:

Филичкина Татьяна Петровна; кандидат филологических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, 302034, Орёл, ул. Приборостроительная, 35; filitchkina_orel@mail.ru; +79803674857.

Filichkina Tatiana Petrovna; Candidate of Phylology, Staffer, Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, 35, Priborostroitelnaya St, Oryol, 302024, Russian Federation; filitchkina_orel@mail.ru; +79803674857.

Научное издание

16+

**ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ:
ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ**

Сборник научных трудов
VIII Международной научно-практической конференции
10–11 октября 2024 года, г. Орёл

Подписано в печать 10.11.2024. Формат 60x80 1/16.

Печать оперативная. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Объем 22,5 п.л.

Тираж 500 экз.

Заказ № 253

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Модуль-К»

г. Орёл, ул. Московская ш., д. 137, к. 1, оф. 310

т.44-08-55